
ЧТО ТАКОЕ
ФРАНЦИЯ?

FERNAND BRAUDEL

L'IDENTITÉ
DE LA FRANCE
LES HOMMES ET LES CHOSES

2

ARTHAUD-FLAMMARION

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ

ЧТО ТАКОЕ
ФРАНЦИЯ?
ЛЮДИ И ВЕЩИ

2

Москва
Издательство
имени Сабашниковых

ББК 63.3(4Фр.).
Б88

Перевод с французского
Ольги Гринберг (глава третья, I, II, III),
Сергея Зенкина (глава третья, IV, V; глава четвертая, I, II, III),
Веры Мильчиной (глава четвертая, IV, V)
под общей редакцией
Веры Мильчиной

Художник
Виктор Крючков

В оформлении использован фрагмент картины Винсента Ван-Гога
«После дождя. Пейзаж в Овере»

Издание подготовлено и осуществлено
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и Французского посольства в Москве

- © Les Editions Arthaud, 1986
- © Издательство им. Сабашниковых, 1997
- © Перевод на русский язык. О. Э. Гринберг,
С. Н. Зенкин, В. А. Мильчина, 1997
- © Оформление. В. А. Крючков, 1997

КНИГА ВТОРАЯ
ЛЮДИ И ВЕЩИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
« КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА »
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕЛЬСКИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Эта и следующая главы представляют собой картину экономической жизни Франции, рассмотренной в длительной временной протяженности. Я попытаюсь проследить пути ее развития после 1000 года, вернее, начиная с 1450 года, ибо применительно к этому периоду у нас есть достаточно сведений, чтобы поставить серьезные вопросы и попытаться дать на них верные ответы. Но даже если мы сузим рамки, нам предстоит охватить огромный период времени. Кроме того, нам придется углубиться в историю экономики. По этой и по множеству других причин я счел необходимым начать с французской деревни, отталкиваясь от нее и судить об экономической жизни в целом, исходя из ее роли. Поэтому я озаглавил вторую часть моего труда «„Крестьянская экономика“ до XX века». Термин «крестьянская экономика», которым я буду постоянно пользоваться, изобрел не я. Я позаимствовал его из основополагающей и «освобождающей» статьи Даниэля Торнера, которая вышла в мае — июне 1964 года¹ и в которой он попытался очистить язык нашей науки от ничего не значащих формулировок, в том числе от выражения «азиатский способ производства», бывшего тогда в большом ходу.

Разумеется, он не собирался обозначать термином «крестьянская экономика» один лишь крестьянский сектор, являющийся составной частью всякой экономики и некогда преобладавший над другими. Он хотел определить тот тип экономики *в целом*, где сельское хозяйство преобладает над другими видами деятельности, которые обязательно существуют наряду с ним и которые будут постепенно развиваться и оттеснять его.

По мнению Даниэля Торнера, именно соотношение между сельским хозяйством и прочими видами деятельности в первую очередь определяет характер общества и является его главной отличительной чертой.

Страны Западной Европы еще недавно находились на стадии «крестьянской экономики», а многие развивающиеся страны находятся на ней и поныне; экономику можно считать «крестьянской» до тех пор, пока:

— на долю сельского хозяйства в ней приходится половина (или больше) всей продукции;

— в сельском хозяйстве занята половина (или больше) населения;

— сельскохозяйственное производство зиждется на труде крестьянских супружеских пар, вернее, крестьянских семей (в противовес крупным хозяйствам: феодальным, буржуазным или капиталистическим — основанным на присвоении продуктов чужого труда). Этот замкнутый крестьянский мирок в той или иной форме подвергается эксплуатации, но сохраняет некоторую независимость и непосредственную связь с рынком.

Однако речь идет об экономике, находящейся на стадии развития, которая предполагает:

— существование мощного государства, обладающего более или менее разветвленным аппаратом;

— тесное общение, сближающее город и деревню.

Таковы критерии «крестьянской экономики» в понимании Даниэля Торнера, и я, со своей стороны, полностью разделяю его мнение. Читатель заметит, что если не доводить эти критерии до крайности, с их помощью можно описать систему, *целостную картину*: если в центр модели мы помещаем город и государство, значит, мы вводим туда законодательство, промышленность, все формы обмена, кредит, даже капитализм, делающий свои первые шаги. С другой стороны, очевидно, что прилагательное «крестьянская» указывает на первостепенную важность сельского хозяйства: на нем все держится, оно охватывает все стороны жизни, прочие виды деятельности не более чем островки посреди моря. Но эти островки все же существуют.

Все страны Европы пережили многовековой период «крестьянской экономики». Потом он закончился, в одних странах раньше, в других — позже. Франция выходила из этого периода медленнее, чем другие страны: это опоздание несомненно оставило глубокий след в нашей истории. Еще в 1947 году Луи Шевалье утверждал, что во Франции «крестьянская жизнь [была] в каком-то смысле привычным самосознанием страны, ее возможностей и пределов. Только благодаря крестьянству Франция в любой момент ясно понимает, что она может себе позволить и от чего ей следует отказаться»². Обеспечивая нормальную работу общественного механизма, сельское хозяйство само по себе давало «некоторое представление о Франции». Эта несомненная важность

сельского хозяйства, эти глубинные реалии его существования, это отставание в развитии — благо они (что сомнительно) или зло, как полагают многие историки?

Мы постараемся не столько дать оценку, сколько ответить на вопросы: как, почему, за счет чего во Франции сохранились избыточные и приносящие все меньше и меньше пользы крестьянские массы? Что тому виной: природные ли богатства нашей страны, способствовавшие тому, что в ней чересчур долго преобладало сельское хозяйство, или долгая консервативная история, чья сила зиждется как на заложенной в ней инерции, так и на неоспоримых успехах, история, ход которой трудно было резко изменить? Эти вопросы красной нитью проходят через всю главу. Более того, они будут занимать нас до самого конца нашего труда.

I

СКОЛЬКО ВЕКОВ ДЛИЛСЯ ВО ФРАНЦИИ ПЕРИОД «КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ»?

Первым делом надо расставить вехи: в течение какого времени (функционального, с моей точки зрения) можно наблюдать классическую модель крестьянской экономики, позволяющую сделать полезные выводы из прошлого и предположения относительно будущего? Можно говорить о появлении классической модели, когда ясно видна одна из ее составляющих; она действует, когда в работу вовлечены все ее элементы; она постепенно разрушается, когда главные ее пружины одна за одной выходят из строя...

Конечно, город и деревня, то есть некий порядок и некие разграничения, существовали начиная с римской Галлии; как обстояло дело в прежней, независимой Галлии, мы точно не знаем. Однако во времена римских городов *модель*, быть может, еще не достигла своей полноты, потому что существование в сельской местности вилл с их рабами противоречило условию, которое выдвинул Даниэль Торнер, а именно, что в «крестьянской экономике» по меньшей мере половину продукции должны производить семейные хозяйства, обладающие некоторой свободой действий³. Конечно, в римской Галлии были свободные крестьяне, но они вряд ли производили большую часть продукции. С другой стороны, города хирели, уступая главенствующую роль виллам; происходило дробление пространства, отмирание государства, мир находился как бы в преддверии феодального строя, который появился лишь через несколько столетий. Крестьянская экономика, как мне кажется, утвердится окончательно лишь после 1000 года, когда произойдет решительный поворот и деревню, как нашу, так и европейскую, потрясет взрыв. Я попытаюсь показать, как много было в экономике, начиная с этой эпохи, характерных признаков, которые мы ищем, — разумеется, одни из них выражены более ярко, другие — менее ярко. В данном случае выводы нас ждут бесспорные и вполне предсказуемые.

Вплоть до нынешнего дня. Еще совсем недавно, во времена Марка Блока, все бы удивились тому, что *крестьянская экономика* оказалась во Франции такой жизнестойкой и даже перешагнула границу XX века. По

свидетельству такого серьезного агронома, как Люллен де Шатовье ⁴, около 1840 года крестьяне: мелкие собственники, фермеры, арендаторы — обрабатывали почти две трети французских земель; к 1881 году доход от сельского хозяйства уменьшился, но все еще составлял около половины валового национального дохода; в 1931 году городское население только еще готовилось перегнать сельское население, которое до тех пор превосходило его. Поэтому французская деревня с ее глубинными реалиями, ее весом, ее потребностями долгое время была, быть может, «семейным дневником» нашей страны, не зная которого невозможно как следует ее понять. Неожиданный, стремительный, катастрофический развал этой крестьянской Франции, пришедшей к нам из самого далекого прошлого, произошел совсем недавно, на наших глазах.

Морис Пароди в своей новой книге «Экономика французского общества после 1945 года» произносит ей надгробное слово, лаконично заявляя: «Сельское хозяйство, которое еще в 1968 году было „главной отраслью национального производства“, ибо в нем было занято 3 125 000 человек, в 1977 году утратило свое первенство, ибо численность занятого в нем населения уменьшилась до 2 миллионов» ⁵. Переворот произошел меньше, чем за 10 лет. Легче заметить его результаты, которые бросаются в глаза, чем уловить, какие процессы, какие перемещения к ним привели, как постепенно опустели деревни, как происходила миграция населения, как стремительно богатели наши города: все они разрослись поистине чудесным образом. Марк Блок не мог вообразить себе такого потока, такой лавины, когда в 1930 году опубликовал «Особенности истории французской деревни». Не мог вообразить такого поворота событий и Даниэль Галеви ⁶, когда в 1934 году совершал путешествие по деревням центральной Франции, как совершает паломничество в Святую Землю.

Следовательно, перед нами стоит задача связать катастрофы и разрушения настоящего времени с привычными и традиционными воззрениями на многовековой процесс: как бы там ни было, катастрофы эти являются итогом замедленного, долгое время тормозившегося развития. Мы принуждены взглянуть на проблему под новым углом зрения и пересмотреть привычное восприятие XIX века как века революционного, модернистского и модернизированного, гордого своими достижениями, и увидеть в нем естественное продолжение прошлого, чьи последние всплески, хотим мы того или нет, пришлось на этот век, а иные дошли даже и до нас.

Итак, совсем недавно в аграрной Франции, которая до тех пор менялась очень мало, возникли и громко заявили о себе современные

отрасли промышленности, городские службы, новые виды транспорта, тысячи новых форм общественной жизни... С одной стороны, новшества, с другой — консерватизм. Современная Франция долго презирала и хулила прежнюю, отрицала ее значение для общества, обвиняла ее в косности. Уже в XVIII веке в Провансе для горожанина «крестьянин — злое хитрое животное, полудикий хищный зверь»⁷. Подобные любезности по отношению к деревенским жителям расцветают в XIX веке пышным цветом и проходят через все столетие. Не доказывает ли это, что крестьянская экономика продолжала свою глубинную жизнь наперекор желаниям и вопреки усилиям новой Франции, которая хочет стать полноправным членом содружества промышленных стран? Жак Лаффит (1767—1844), политический деятель и банкир, жалуется на то, что щедрая на изобретения Франция XIX века вынуждена сбывать свою продукцию нищей Франции века XIV⁸. Двойственность родной страны для него очевидна: «Действительно, — пишет он в 1824 году, — есть несколько торговых городов и несколько провинций, которые приняли участие в промышленном подъеме нашей эпохи и в которых сосредоточены капиталы, наживаемые весьма недорогой ценой; но все остальные земли, находящиеся во власти невежества, рутины, бедности, совершенно истощены и сильно отстают от той Франции, которую можно назвать цивилизованной»⁹.

Таким образом, бедная, нищая, трудолюбивая, простодушная, но при этом наделенная тяжелым характером, скупая — по природе или по необходимости — Франция уцелела; жителям этой Франции приходилось экономить соль и длинные толстые контрабандные спички; всю ночь сохранять огонь под слоем золы, чтобы наутро не разжигать очаг заново; печь хлеб не чаще раза в неделю, и еще: всю жизнь довольствоваться — и мужчинам, и женщинам — всего одним парадным платьем; делать все, что можно (пищу, дом, мебель, одежду), своими руками: так, крестьяне в Коррезе еще в 1806 году «носят одежду из толстого домотканого сукна, которое сваяли своими руками из шерсти своих овец»¹⁰; зимой, в холода, спать рядом со скотиной, согреваясь ее теплом; не иметь никаких удобств, соответствующих требованиям современной гигиены¹¹, и, экономя свечи, «идти вслед за солнцем» и даже впереди него: «Большая часть населения [встает] на рассвете, утренняя месса повсеместно начинается еще до зари»¹².

Да, пока этот прочный, работающий, спокойный мир крестьянства, который помнят и любят мои ровесники, мир, отличающийся самобытным обликом, привычками, близостью к земле, неприхотливостью, более чем скромными потребностями, не исчезнет, история Франции,

жизнь французов будут иметь особую основательность, особое звучание, особый тип взаимоотношений с природой.

Поль Дюфурне, лучше всех знающий прошлое и настоящее Савойи, человек моего возраста, полагает даже, что «быки и лошади продлили неолит почти до наших дней». Это, пожалуй, некоторое преувеличение. Но, добавляет он, «я помню, как в поле, близ моего деревенского дома, где я собираю мезолитические и неолитические кремни, я видел старика крестьянина, который «лушил»¹³ землю своей мотыгой. В моем представлении он сродни первым людям, которые обрабатывали этот участок земли пять, а то и шесть тысяч лет назад. Я еще застал последних представителей этого исчезнувшего мира. На моих глазах стремительно стирались его следы, прерывалась устная традиция. Многие древние пути, проложенные еще на ранних этапах истории человечества, теряются под лесной порослью, шпалерами и сельскохозяйственными культурами из-за того, что по ним невозможно проехать на современных транспортных средствах. Около 1960 года по всем по ним еще можно было пройти, во всяком случае, пешком»¹⁴.

Эти дороги, еще вчера живые, а нынче исчезающие, неисчислимы. Самые заметные — горные тропы, по которым перегоняли скот на летние пастбища. С тех пор как сотни тысяч баранов перестали ежегодно горить их, они вновь заросли кустарником, — таковы склоны Эгуальского массива и горы Лозер, где первые стада оставили широкие тропы едва ли не четыре тысячи лет назад, где-то около 2000 года до н. э. Редким стадам, которые пастухи гонят сегодня на высокогорные пастбища, приходится продирается сквозь заросли утесника и дрока. Странная картина¹⁵!

XI век: не столько начало традиции, сколько ее закрепление. И так, остатки *крестьянской экономики*, постепенно разрушающейся в течение последних десятилетий, исчезли совсем недавно или исчезнут очень скоро. Но где начало этого процесса, где его истоки?

Несомненно, он зарождается, когда происходит разделение: деревня — городок — город, о котором мы уже не раз говорили¹⁶. Скажем, начиная с XI, а кое-где с XII века. Более того, я бы даже сказал вслед за некоторыми историками, что в Средние века либо «деревня преобладала над городом»¹⁷, либо сельскохозяйственные работы приводили к появлению городов и видов обмена, необходимых для их жизни¹⁸. Но в чем-то верно и противоположное объяснение: расширение обмена, в том числе и обмена с дальними странами, которое не следует сбрасыв-

вать со счетов¹⁹, вызвали подъем городов, который в свой черед вызвал подъем сельского хозяйства. Произошел параллельный рост, взаимодействие. Крестьяне все активнее распахивают новь, и их деятельность не только удовлетворяет нужды деревенского населения, которому требуется все больше и больше пищи; *излишки* сельскохозяйственной продукции, находящиеся под жестким контролем сеньоров, церкви или монастырей, кормят города, постепенно разрастающиеся под наплывом людей, который объясняется расцветом торговли с дальними странами, а также распространением городских ремесел, более сложных и замысловатых, чем ремесла сельские.

Во всяком случае, раннее развитие, предвестник будущего, — свидетельство *высокого уровня* экономической жизни того времени. Если мы хотим найти одну — но не единственную — отправную точку, важно рассмотреть, как происходил подъем к этим верхним этапам. Как только обрисовываются их контуры, начинается долгий процесс становления экономики, называемой «крестьянской».

Яркий — быть может, даже слишком яркий — пример тому являет собой Западный Прованс в X веке. Своим ранним развитием он обязан Средиземному морю. Среди деревень уже вырастают города: Авиньон, Экс, Арль, Тараскон. Вокруг них появляются предместья, они поглощают близлежащие деревни, при необходимости захватывают крестьянские ремесла, создают много собственных ремесел... Барки, плавающие по Роне и Дюрансе, очень рано начинают перевозить драгоценную соль, добываемую на берегах Средиземного моря, и обязательно заходят по пути в Сен-Жиль, Тараскон, Авиньон, Пон-Сент-Эспри. По этим же рекам плывут «плоты [из стволов деревьев], срубленных в горах Гапансэ и Диуа»²⁰; впоследствии — важное новшество! — предметом обмена становится зерно.

Прежних рынков стало недостаточно, и в XII веке появляются ярмарки, одна в Пон-Сент-Эспри, две в Гапе (одна в седмицу праздника Рождества Богородицы, другая в день Святого Арнуля), кроме того, народ съезжается на ярмарки в Сен-Поль-де-Шато, во Фрежюс, в Марсель, в Авиньон, в Бокер... Караваны ослов везут из деревень в городские красильни канцелярское семя²¹, мел для отбеливания тканей и папоротник для протравки. Этому местному обмену сопутствует торговля с дальними странами: с Ближнего Востока привозят пряности, перек, шелк.

Так создается система отношений между местной торговлей и торговлей с дальними странами. «Ломбардцы приезжают на ярмарки в Сен-Жиль или Фрежюс не только для того, чтобы привезти шелк и пряности

и увезти меха; они нагружают свои корабли солью, за которую в Генуе приходится платить большую пошлину, лесом, который сплавляют по Роне до Сен-Жиля; пшеницей [...], тюками с сукном, пошлина за которые уже уплачена²². В 1190 году на ярмарках во Фрежюсе, наряду с другими *rappi de cologe* * и шелком, торговали сукном из Сен-Рикье, Шартра, Этампа, Бове, Амьена, Арраса»²³. Всеобщий прогресс способствует тому, что более высокий тип отношений распространяется повсюду, вплоть до деревень, которые оказываются втянуты в торговлю, исподволь лишаящую старинное сельское ремесленное производство его исконных свобод.

Не остаются в стороне и деньги. В каролингских мастерских Марселя и Арля (с IX века) чеканят монету, позже налаживается ее чеканка в Павии, а с XI века — в мастерских Мельгея (ныне Могио около Монпелье). К концу века крестьяне начинают платить часть оброка деньгами. Денежное обращение активизируется в XII веке одновременно с пышным расцветом торговли, которая связывает города, деревни и купцов²⁴.

Конечно, раннее развитие Прованса — отнюдь не правило. В том движении, которое охватывает все «французское» пространство, изредка случаются рывки вперед, но гораздо чаще наблюдаются отсталость и застой.

Так, Маконнэ, похоже, не слишком рано воспользовался преимуществами, которые мог ему принести водный путь Рона — Сона. Можно ли назвать тамошнюю экономику в конце X века «чисто земледельческой»²⁵? Пожалуй, это было бы слишком категорично: какая экономика могла ограничиться единственно обработкой земли? Вдобавок, в Маконнэ имеется много рынков, и рынков весьма мощных. Еще до 1000 года «в 994 году на церковном соборе в Ансе священнослужители требуют запретить верующим продавать и покупать в воскресные дни что-либо, кроме продуктов, которые «будут съедены в тот же день»; таким образом, вошло в обычай торговать съестным во все дни недели, даже в воскресенье²⁶. Причем платят за эти покупки на ярмарке звонкой монетой, ею же нередко оплачивают оброки и пени. В долине Соны «интенсивное судоходство» благоприятствует торговле с более или менее далекими населенными пунктами. Ключи — новое поселение вокруг монастыря — становится торговым центром, чему немало способствуют паломники. В Ключи чеканят монету, так же как в Турнюсе и в Маконе: слава и величие этих древних городов потускнели со

* цветные ткани (ит.).

времени римского владычества, но в конце XI века народ ежегодно стекается сюда на ярмарки²⁷. В 950 году Лето II, граф Маконский, чьи владения простирались далеко окрест, создавал себе «изрядные запасы [...], разрабатывая соляные копи Ревермона» в горах Юра²⁸. И правда, в Маконне есть привозная соль, железо и даже некоторые предметы роскоши — дорогие ткани, пряности... — их поставляет еврейская колония²⁹.

Однако только начиная с третьей или четвертой четверти XI века торговля вдоль водного пути Рона — Сона расширяется и активно проникает в экономику близлежащих областей. В Турнюсе, Клюни, Маконе все чаще устраиваются ярмарки. Население этих городов постоянно растет за счет притока иноземцев и деревенских жителей, для которых строятся новые кварталы и предместья. Товаров везут столько, что современники поражаются, а монахи и помещики начинают взимать дорожную пошлину³⁰. Денежная масса увеличивается³¹, и наряду с ремесленниками набирают силу купцы — сословие, которое занимается торговлей и ростовщичеством и уже не отдает предпочтение землевладению³². В самом конце XII века в Маконе уже есть потомственные купцы³³.

Нет смысла подробно останавливаться на Шартре, где деньги появляются в эпоху Каролингов, а затем получают все большее распространение — и не только благодаря купцам, но в такой же, если не в большей степени благодаря паломникам и студентам³⁴; на Париже, куда — весьма красноречивый пример — при Филиппе-Августе (1180—1223) зерно начинают доставлять на кораблях, ибо население его так выросло, что гужом привезти необходимое количество зерна невозможно³⁵; на Тулузе, где члены цеха ткачей уже в XI веке заявляют о себе, разгуливая по городу с гигантским челноком³⁶; или на Мероне (возле Монтрея-Белле, неподалеку от Сомюра), где взимали дорожную пошлину: из случайно сохранившегося документа мы узнаем, какие товары провозили через эти места в 1080—1082 годах: лошади, скот, шерсть, жир, перо, воск, а также «заморские и особо ценные товары (*merces peregrine vel magni precii*), которыми нагружали ослов»³⁷. С этими краями все ясно. Кого и чего здесь только не было: ремесленники, купцы, дороги, каменные мосты...

Займемся-ка лучше областью, находящейся в геометрическом центре, в самом сердце Франции — Берри, где начали обрабатывать землю, во всяком случае, на главном участке — в беррийской Шампани — еще в доримскую эпоху³⁸. Ги Девайи справедливо утверждает, что в XI веке там «уже существовало несколько городов [...], в частности, Бурж.

Однако, — уточняет он, — они были малочисленны, не определяли экономику края и сохраняли тесную связь с деревней. Торговцы и ремесленники [в ту эпоху] большую часть времени обрабатывали землю, попутно занимаясь ремеслом: они перерабатывали продукты [сельского хозяйства] или изготовляли орудия, необходимые для обработки земли. В середине XI века, особенно в областях Центральной Франции, еще рано *противопоставлять город деревне*³⁹. Я подчеркнул последние слова не для того, чтобы полемизировать с автором, отнюдь не для того. На самом деле, проблема не в том, чтобы противопоставить (как это слишком часто делают) город деревне, а в том, чтобы выяснить, что заставляет их сосуществовать. Как ни слаба их взаимосвязь, она имеет место в Берри, который в эту эпоху живет жизнью почти первобытной⁴⁰.

Недопустимо другое — утверждать, что город, теснейшими узами связанный с сельской жизнью, перестает быть городом. И правда, кто не знает, что города Франции до самого конца Старого порядка и даже позже наполовину срослись с полями, которые окружают их и вторгаются в них? В Париже в 1502 году многие жители держат «голубей, гусей, кроликов и свиней»⁴¹. В 1643 году наблюдательный путешественник писал о Лионе: «Город этот весьма велик и площадь занимает изрядную, поскольку имеются в его пределах стрельбища, погосты, виноградники, поля, луга и прочая и прочая...»⁴². Эту банальную истину⁴³ подтверждают десятки примеров. В Париже — на одно мгновение вернемся к нему — во время «мучной войны» в мае 1775 года арестовали беднягу возчика, который доставлял навоз из парижских конюшен в сады, находящиеся в городе и его окрестностях⁴⁴. Еще в конце XIX века в Лиможе «в черте [города] находятся не только частные сады и свинарники, но также луга и огороды»⁴⁵. Однако независимо от того, сохраняется или не сохраняется в городе сельскохозяйственная деятельность, важно, что город играет свою роль — роль города. Роль эта, отличающая город и городок от деревни, сложилась и укрепилась именно в XI—XII веках.

Совершенно очевидно, что подобная система уходит корнями в «темные» века, предшествовавшие 1000 году: судьба Франции и всей Европы после вторжений варваров была предопределена именно тогда. Проблема истоков — увлекательнейшая проблема, ибо она не решена до конца. Это блестяще доказывают статьи Анны Ломбар-Журдан. Поскольку города утратили свою мощь и жизнь в них едва теплилась, лишь ярмарки — наследие доримских, галльских времен — оживляют эти эпохи, о которых мы так мало знаем. На ярмарках продают и покупают

экзотические товары: «хорошие вина, пряности, меха, более теплые, чем сукно, и символизирующие богатство, и в особенности красивые ткани, которые священники покупают для алтаря, а женщины — для нарядов». Прежде эту торговлю «соблазнительными товарами [...] вели сирийцы, но они исчезли в конце меровингской эпохи», и их роль приняли на себя ярмарки — короткие, но важные встречи, которые вызывают новый расцвет рыночной экономики и пробуждают дремлющую урбанизацию ⁴⁶... Наше «возрождение» XI века родилось не на пустом месте.

II ОБЩИЕ ЧЕРТЫ

Изучение самого крестьянства — только начало изучения «крестьянской экономики». Хотя рассмотреть крестьянство и понять его как следует не так-то просто. Ведь, как говорит Жак Мюлье, существует не одно, а несколько французских сельских хозяйств⁴⁷. Так же как существует не одно, а несколько французских крестьянств, достаточно разных и не похожих друг на друга. Кто только об этом не писал⁴⁸!

Тем не менее крестьянство и сельское хозяйство образуют единство, особый разряд, совокупность, четко различимую в толще нашей истории. Итак, вместо того, чтобы описывать крестьянство, исходя из его различий, — видит Бог, они куда как четки между хлебопашцем, виноградарем, скотоводом, не говоря уже о региональных различиях в образе жизни! — я хотел бы прежде рассмотреть его как целое, отличное от остальных слоев общества, обратить внимание на вес, численность, объем этой *совокупности* и на разнообразие пространства, которое она занимает. Иными словами: взвесить и измерить крестьянство по отношению ко всему тому, что крестьянством не является. А уж затем я, как все историки, позволю себе вернуться к деталям, к разграничениям и необходимым объяснениям.

Сила природы. Главная, неотъемлемая черта крестьянской жизни — постоянная борьба с неподвластными крестьянину силами природы. Против этих сил на протяжении веков были направлены все усилия крестьян, их труд, как разрушительный, так и созидательный. От этого утверждения рукой подать до традиционного противопоставления истории и природы⁴⁹. Причем история в этом случае понимается как борьба человека со слепой природой. Верно ли это?

В действительности, сам человек является частью природы, он — плоть от плоти земли, климата, он слился с растительным миром: с растениями, которые не поддаются ему, и с теми, которые худо-бедно ему подчиняются, при условии, что он делает для них все, что нужно. Он живет в окружении домашних животных и диких зверей, он берет воду из рек и источников, воду, которая течет, орошая земли, или бьет ключом, орошая горы, равно как и воду, которая останавливается, чтобы затем лучше крутить колесо деревенской мельницы. Сходным образом человек ежесекундно оказывается в поле действия солнечной энергии. «В конце концов, — пишет Франсуа Жакоб, — большая часть

живых существ живет за счет энергии солнца»⁵⁰, и человек не исключение.

Итак, «человек *живет* природой; это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть»⁵¹. Эта яркая картина, нарисованная Марксом, — вот настоящий очерк истории. Разве само общество не есть орудие, созданное человеком для того, чтобы подчинить природу⁵²?

Впрочем, он давно уже питает иллюзию, что она ему подчиняется. Франсуа Малуэ (1740—1814), которого мы знаем по его деятельности в Учредительном собрании, восхищался успехами, достигнутыми трудами рук западного человека. «Труд природы, — писал он, — ее естественные плоды, ее исконные творения почти исчезли благодаря тяжким усилиям жителей Старого Света»⁵³. И это до открытия свойств пара, до открытия электричества! Справедлива ли такая гордыня? Нынче, в эпоху механизации, Поль Дюфурнэ утверждает, что «природная стихия исчезает, и все становится результатом деятельности человека»⁵⁴. При этом он заблуждается ничуть не меньше, чем Франсуа Малуэ.

Правда, особенно в такой стране, как наша, сегодня не осталось ни одного сельскохозяйственного пейзажа, который был бы «природным». Полностью преобразившийся современный пейзаж есть плод многовековой эволюции, сама природа скрыта под ним, как под неким покровом. Но можно ли утверждать, будто человек победил враждебные силы природы? Вспомните ужасную засуху 1976 года; вспомните голод, периодически наступающий в сахарском Сахеле; вспомните неслыханные морозы, стоявшие в США в самом конце 1982 года, по сравнению с которыми вошедшая в историю зима 1709 года кажется не такой уж страшной. Подумайте о циклонах, обрушивающихся на Антильские острова и Флориду, в сто, в тысячу раз более мощных, чем атомная бомба, сброшенная на Хиросиму... Все это — предупреждения, таким способом природа призывает нас к порядку. Что же касается старого мира, я не думаю, что кому-либо удастся опровергнуть Жана Жоржелена, утверждающего, что мир этот покорялся ни больше ни меньше как «диктатуре физической среды»⁵⁵.

Очевидно, к этой диктатуре можно приспособиться, можно ее преобразовать, использовать. Она не управляет всей сельской экономикой, но пронизывает ее, навязывает ей свой ритм, сцепляет ее звенья. Вдобавок, трудно не заметить вспышек ее гнева, бедствий и превратностей, какими она наполняет жизнь человека. Однако будем осторожны: не следует замечать только их и обращать внимание только на разбушевавшуюся, грозную стихию, чьи жестокие удары запечатлелись в памяти людей.

Не следует брать в расчет одни лишь печальные события, которыми изобилуют все хроники: холода, которые погубили плодовые деревья и даже лесные дубы; заморозки, от которых полегли рано взошедшие хлеба, не защищенные достаточным слоем снега (существует даже поговорка: «Февральский снег нужнее навоза») ⁵⁶; лесные пожары, засуха, наводнения, падеж скота; внезапный град, который за несколько часов побил все: и пшеницу, и виноград; в Фертуа (Виварэ) «был обычаем бить в колокола, чтобы буря обошла местность стороной» ⁵⁷.

Наша история — фантастическое нагромождение стихийных бедствий: то затяжные дожди, то неожиданный снегопад, погубивший посевы ⁵⁸; то сорняки, задушившие колосья, — уж лучше скосить все на корм скоту; то долгая засуха, когда крестьяне тщетно молят Бога послать им дождь; то недород винограда, которого четвертый год подряд не хватает даже на вино для причастия; то град, который выбивает все окна в домах и ломает все лозы в округе ⁵⁹, то страшное наводнение. 16 января 1649 года «Сена так разлилась, что по многим улицам надо плыть на лодке» (как и в 1910 году) ⁶⁰. 21 января 1651 года река Майенн затопила Анже, «весь нижний город и дома близ мостов были залиты водой до третьего этажа» ⁶¹! Что до Луары, то она может затопить всю долину от Роанна до Орлеана, как это произошло в конце июня 1693 года, как раз перед покосом «самых красивых на свете лугов». Если бы, когда вода отступила, траву скосили, можно было бы «надеяться в сентябре на отаву [...] Но почти всюду в этих местах после покоса всякий вправе выгонять на луга свою скотину». Ни один судья не решается выступить против этого обычая. Значит, у скота зимой не будет сена ⁶². Беда никогда не приходит одна.

Если не располагать эти бедствия по хронологии, если не замечать, что они отстоят друг от друга во времени, и не учитывать, что бывали годы, когда собирали богатые урожаи, бывали спокойные периоды, то перечень катастроф, как груда черных камней, образовал бы стену плача. Впрочем, людям свойственно жаловаться, оплакивать свои несчастья, преувеличивать свои горести.

Для историка важен прежде всего общий объем этих бедствий, объем, который необходимо определить. По случайности сохранилась статистика начала XIX в. ⁶³, дающая нам такую возможность: она охватывает годы с 1807 по 1810 и с 1814 по 1819, то есть в общей сложности десять лет. Речь идет о перечне убытков, понесенных всеми департаментами Франции от града, пожаров, наводнений и прочих бедствий, в том числе и падежа скота. Если считать эти годы за полное десятилетие и округлить цифры, то убытки составят 208 миллионов франков.

ТАБЛИЦА СУММЫ УБЫТКОВ, ПОНЕСЕННЫХ
ДЕПАРТАМЕНТАМИ ФРАНЦИИ
с 1807 по 1810 и с 1814 по 1819 годы

«Наводнения, град, пожары и прочие стихийные бедствия, подтвержденные официальными бумагами, составленными с целью получения помощи от казны» (Источник: А. N., F12560).

Годы	Наводнения	Град	Пожары	Падеж скота и другие бедствия	Итого
1807	869 000	2 467 664	2 533 171	450 000	6 319 835
1808	2 373 242	12 394 109	3 621 993	3 293 769	21 683 113
1809	3 807 485	12 115 710	3 073 111	17 100	19 013 406
1810	4 781 898	16 828 316	6 485 995	16 000	28 112 209
1814	796 003	3 390 109	7 097 571	4 999 845	16 283 528
1815	3 647 230	6 573 917	5 041 171	96 436	15 358 754
1816	3 868 864	9 296 203	4 133 138	51 105	17 349 310
1817	3 094 709	18 912 478	4 302 755	190 512	26 500 454
1818	109 991	4 596 305	4 315 899	360 873	9 383 028
1819	525 610	37 659 925	5 181 840	4 835 481	48 202 856
Общее количество	23 874 032	124 234 736	45 786 644	14 311 121	208 206 493

Интересно расположить различные «бедствия» по степени тяжести последствий в убывающем порядке: на первом месте оказывается град — 124 миллиона, больше половины общего числа, на втором месте — пожары, 46 миллионов; затем наводнения — 24 миллиона, и на последнем месте падеж скота и «другие бедствия» — 14 миллионов. Это соотношение почти всегда одинаково. Во всяком случае, надо помнить, что больше всего одустошений производили град и пожары. В эпоху, когда стены городских домов были деревянные, а крыши — соломенные, когда в Пикардии, как замечает один путешественник в 1728 году, даже церкви были крыты соломой⁶⁴, огонь, естественно, производил страшные разрушения. Так в 1524 году пожар почти полностью уничтожил Труа⁶⁵. В долине реки Лу в горах Юра сгорело: в 1719 году в Мутье 99 домов, в 1733 году в деревне рядом с Вюйафаном за два часа — 80 домов; в 1764 году в Орнате, маленьком соседнем городке, сгорела сотня домов⁶⁶. Неудивительно, что два главных источника убытков — град и пожары — довольно рано привлекли к себе небескорыстное внимание страховых обществ: град — не позже 1789 года⁶⁷, пожары —

с 1753 года; ведь эти катастрофы касаются огромного числа потенциальных клиентов, кроме того, две эти статьи поддаются учету и прогнозу согласно закону больших чисел.

Но главное не в этом, главное, вне всякого сомнения, в том, что общая сумма убытков составила 208 миллионов за десять лет, то есть двадцать миллионов в год, меж тем как валовой национальный доход, о котором я еще буду говорить, составлял приблизительно 8 миллиардов франков, из которых на долю сельского хозяйства приходилось где-то около 5 миллиардов⁶⁸. Теперь, исходя из этих огромных цифр, подсчитайте процент убытков, и вы получите удивительный ответ: между 0,25% и 0,4%. Впрочем, в список не вошли 1812 и 1813 годы, бывшие, как и 1814 и 1815 годы, неурожайными: «Вероятно, в недороде, который омрачил последние годы Империи, во многом виновата погода»⁶⁹. Вообще в представленном документе совершенно не отражены неурожай, причиной которых стало обычное ненастье: ранняя осень или поздняя весна и прочие капризы погоды; а меж тем в эпоху Людовика XIV Франция пережила то, что называют «малым ледниковым периодом». Неурожай также следовало бы принять в расчет, вычтешь из предполагаемого среднего дохода, так что не будем торопиться с оптимистическими выводами.

Сезонный ритм. Удивительное явление природы — времена года. Земля с точностью часового механизма вращается вокруг солнца, и времена года неотвратно сменяют друг друга. Движение, на первый взгляд, каждый год одинаковое и ежегодно определяющее график сельскохозяйственных работ. От соотношения дождей и солнца, жары и холодов зависит, какой будет год: урожайный, средний или неурожайный.

Быть может, для более ясного понимания прошлого надо представить себе, насколько времена года подчиняли себе ритм всей жизни, более того, насколько в этом плане вчерашний день отличается от сегодняшнего. Времена года все те же, это правда, но нынче они уже не так влияют на нас, как раньше. Мы почти не зависим от них. На улице дует ледяной ветер со снегом, а я, как и все читатели, сижу в библиотеке Чикагского университета в одной рубашке (1968 г.). И пусть даже овощи в нашем огороде померзнут, пусть от бесконечных дождей полягут хлеба или сгниет на корню картошка, мы твердо знаем, что, каковы бы ни были экономические последствия, голод нам не грозит.

А теперь попытаемся представить себе, как обстояло дело встарь, попытаемся взглянуть на мир глазами людей той эпохи, когда все, даже

городские жители, были, как правило, «наполовину землепашцами»⁷⁰ и пристально следили за погодой, за посадками, за колошением и созреванием пшеницы. В 1675 году один «горожанин, житель Меца» записывает в своем дневнике: «Должно также отметить проливные дожди и лютые холода, которые начались сразу после Троицына дня и продолжались почти месяц. Это всех весьма удручило, ибо погубило на корню пшеницу и виноград»⁷¹. Неудивительно, что как послы Филиппа II, так и интенданты короля Франции никогда не забывают в своих донесениях описать погоду, то есть сообщить сведения, позволяющие предвидеть, каков будет урожай.

Смена времен года определяет не только погоду, но чередование периодов активности и бездействия в жизни крестьян.

Ранняя или поздняя весна означает более раннее или более позднее начало сельскохозяйственных работ: пахоты, сева, рытья канав... Но страда еще не наступила, поэтому момент благоприятен для того, чтобы нанимать крестьян, которые за небольшую плату отвезут любой товар гужом в другой конец королевства или примут участие в строительных работах.

Таким образом, вы легко поймете инженера Пьера де Рике (1604—1680), который руководил строительством Южного канала (1666—1681). 16 апреля 1679 года, когда работы приближаются к концу, перед ним неожиданно встают трудности: «Г-н Рике, — пишет в этот день д'Агессо, тогдашний интендант Лангедока, — охвачен столь сильным беспокойством касательно средств, потребных для окончания работ, в которых занято множество рабочих, что я не мог удержать его, и он посылает к вам гонца для того, чтобы узнать, какие будут ваши распоряжения. Он прав, *это время года самое благоприятное* для найма рабочих, и если он промедлит и не займется этим до Иванова дня, потом нанять их будет куда труднее»⁷².

Вы поймете также беспокойство купца, который доставляет по Роне на кораблях соль из Пеккэ, где расположены лангедокские соляные разработки, в далекий Вале. 3 января 1651 года он пишет из Женевы: «Если погода не смягчится [если не наступит оттепель], то мы пошлем всю [обещанную] соль только к Пасхе»⁷³. И правда, невозможно не соотносить свои действия с графиком, который диктует природа, не заглядывать вперед, с тревогой ожидая заветного часа.

Лето и начало осени — самая страда: сенокос, жатва, сбор винограда, ранняя молотба в сентябре, когда, по словам внимательного наблюдателя (1792 г.), «уже едят зерно нового урожая»⁷⁴. В Савойе говорят: «Девять месяцев зимы, три месяца ада»⁷⁵. Под адом явно

подразумевается лето, приносящее с собой массу неотложных дел, которые нужно делать как можно скорее. Правда, тому виной горы, где холода наступают рано, а зима тянется долго.

Однако жатва и сбор винограда не только тяжелый труд, но и праздники: бурная радость деревенских жителей, веселье, пир горой... В это время, как мы сказали бы сегодня, имеет место полная занятость населения: городской люд стекается в села, ремесленники оставляют свои ремесла. Так было во всех европейских странах. Причем у нас, во Франции, эта всеобщая мобилизация существовала еще в середине XIX века.

В Мене «ежегодно в августе и в сентябре [до Революции] обувщики, делающие сабо, как и другие работники, оставляют свои обычные занятия и трудятся в поле, что, судя по всему, обеспечивает им гораздо больший заработок»⁷⁶. В Провансальских Альпах совершается настоящий переворот: «Сбором урожая заняты почти все рабочие руки. С приходом весны хвори, вызванные ненастьем, переменой погоды, нуждой, отступают, с приближением летнего солнцестояния все немощи проходят; о старых болячках, опухолях, катарах, лихорадках никто и не вспоминает; неутихающие боли и хронические недуги исчезают; в городах и деревнях торжествует здоровье [...] Жнецы [...] идут от поля к полю по всей провинции и срезают поспевшие колосья [...] Это кочующие орды [...] Они начинают с равнин Ла Напуль; затем идут во Фрежюс, Ле Пюже, Сент-Максим, Гримо — благодаря близости моря хлеба здесь всегда поспевают раньше»⁷⁷. А кто не знает традиционного спуска «гаво»⁷⁸ — юношей и девушек — по склонам Альп в Нижний Прованс — край хлебов, виноградников и вина?

Потом наступает затишье. С 15 августа крестьяне, как говорит пословица, «вешают лампу на гвоздь». И после осеннего сбора винограда и вспашки полей под озимые начинают готовиться к зиме. В это трудное время еще в 1804 году «рабочая сила дешева, так что слуги ревностно выполняют свои обязанности и не помышляют о том, чтобы покинуть хозяев». Где они найдут работу? Поэтому те, кто недоволен своими хозяевами, торопятся уйти до наступления этой поры. «Как только начинается страда на виноградниках и рабочая сила дорожает, многие [...] слуги оставляют хозяев и нанимаются на поденную работу либо подыскивают себе другое место»⁷⁹.

Нам нелегко представить себе, что такое суровая зима — ведь мы живем в теплых домах, к ним ведут асфальтированные дороги, которые регулярно расчищают, у нас нет проблем с транспортом, реки судоходны, наводнения стали редкостью. Меж тем еще недавно зима приносила

с собой массу проблем, мороз был назойливым, опасным, разорительным гостем... Каждый год повторялось одно и то же: чернила замерзали, когда вы собирались сесть писать⁸⁰, вино превращалось в лед даже на столе у Людовика XIV и госпожи де Ментенон; в полях и лесах находили закоченевшую дичь; творилось и множество других ужасных вещей. В Марселе в 1709 году — мыслимо ли это? — вода в Старом Порту подернулась льдом⁸¹, причем несчастье это стряслось отнюдь «не впервой», ибо это из ряда вон выходящее явление уже имело место в 1506 году⁸². Зима 1544 года тоже «была столь суровой [в Мене], что вино приходилось вырубать из бочек топором»⁸³. А вот что происходило в Кане в феврале 1660 года, «в течение какого времени и мне, и другим,— говорит Симон Ле Маршан в своем «Дневнике»,— надо было подогревать хлеб, чтобы отрезать от него ломоть. Вино в бочках также замерзало; и когда открывали [кран], приходилось разводить под ним огонь, чтобы вино потекло»⁸⁴...

Все это было совсем не так давно, как может показаться. Еще в середине XIX века зимы грозили французам множеством бедствий. Возьмем для примера Сент-Антонен, маленький городок в департаменте Тарн-и-Гаронна, почти село. 11 декабря 1845 года, добрые полвека спустя после нашей Революции, в одном из документов мы читаем: «Из-за того, что зимой не хватает работы, жители коммуны Сент-Антонен, как и тысяч других коммун, впадают в полную нищету»⁸⁵. 18 ноября 1853 года, в канун первой годовщины Второй Империи (2 декабря), префект Марселя успокаивает местных жителей: «Судя по всему, зима не должна принести особых страданий сельским жителям»⁸⁶. Но в том же 1853 году, одним днем позже, 19 ноября, префект департамента Об пишет: «Общее положение в округе Труа и департаменте Об со времени моего последнего донесения не изменилось. Однако нельзя не заметить, что близкая зима вызывает тревогу, связанную с дороговизной хлеба. По этой причине повсеместно, особенно в Труа, где население самое многочисленное, городские власти принимают меры, чтобы исправить положение, и в понедельник 7-го числа самым нуждающимся семьям выдали талоны на разного рода скидки при покупке хлеба. Были организованы сборы пожертвований, объявлен сбор денег по подписке, и в случае необходимости откроют срочные мастерские, чтобы занять рабочих, которых фабрикантам слишком часто приходится увольнять с наступлением зимы»⁸⁷. Срочные мастерские — то же самое, что при Старом режиме мастерские благотворительные.

Приведем последний пример; этот документ составлен в Рокруа (Арденны) 27 февраля 1854 года: «Департаменты, расположенные в се-

верной части [Франции], более других страдают в этом году от губительных последствий долгой суровой зимы. Неимущие классы, существование коих и без того весьма жалко, лишились возможности предаться своим обычным занятиям, что усугубило их положение, и прежде ужасное. Однако благотворительные меры правительства облегчили тяготы бедняков и пробудили в их душах чувство глубокой признательности к Императору и Императрице. Общество не оставляло их своим попечением ни на миг, учреждаемые повсеместно благотворительные общества получили в свое распоряжение немалые суммы денег и оказывали вспомоществование семьям, оставшимся без средств»⁸⁸.

Приведенные документы свидетельствуют о нужде городской бедноты, о безработице, о дороговизне жизни, но все же не о голоде, как это часто бывало встарь. Деревни молчат — быть может, оттого, что отчаялись, но вполне возможно — оттого, что они уже не так беззащитны, как раньше.

Я готов утверждать, что крестьянская экономика во Франции и в другой стране существовала до тех пор, пока зима была для людей испытанием, которое мы сегодня даже не можем себе вообразить. До тех пор, пока каждый или почти каждый разделял чувства, какие испытывал герой «Монолога бедняка» Жюана Риктюса (1897 г.), написанного языком предместий:

Братва! Опять, гляди, зима на двор пришла.
 Не погуляешь, черт, в чем мама родила.
 А тот, кто денежным мешком накрылся,
 Уже давно, поди, на юг, на солнце, смылся...⁸⁹

Заступ, мотыга, кирка — или плуг. Борьба с природой. Но каким оружием? Посредством каких орудий труда? Каким образом? Прежде всего, с помощью скота, главным образом, «земледельческих животных»⁹⁰: лошадей, быков, коров (в бедных областях их запрягали за рога вплоть до XX века), осла, мула («вездехода», как называет его один историк⁹¹). Да, главное орудие — это *скот*. Использование домашних животных — главное отличие западной культуры от культуры китайского типа; это утверждение часто повторяют, оно банально, но важно.

На территории Европы люди приручили тягловый скот, этот источник энергии, начиная с доисторических времен; это очень давнее завоевание. Однако в распоряжении крестьян никогда не было столько скота, сколько нужно, чтобы обработать все пахотные земли. Накануне Революции Лавуазье насчитывает 3 миллиона быков (плюс 4 миллиона

коров) и 1 780 000 лошадей (из которых 1 560 000 занято в сельском хозяйстве)⁹². Однако лошади, быки и мулы в эту эпоху еще *относительно* малочисленны: анимализация достигла своего апогея гораздо позже, в начале XX века.

Кроме того, животные не могли сделать всю работу. Они оставляли часть ее человеку и не могли полностью освободить его. Эта доля человеческого труда — еще одна характерная черта крестьянской экономики, хотя обычно, как ни странно, роль человека сильно недооценивают.

Речь идет не о человеке с пустыми руками (как иногда говорят), но о человеке, вооруженном орудиями труда: заступом, мотыгой, киркой, косой, граблями, вилами, серпом, не считая особых орудий, которые в различных областях называли по-разному, — инструментов для подрезки виноградных лоз, для разрыхления почвы вокруг кустов винограда, олив, ореховых деревьев, шелковиц, каштанов, не говоря уже о всяких топорах и пилах, чтобы валить деревья, или о цепах с их «трезвонем» (ими молотили зерно в Шаранте и других областях вплоть до начала XX века).

Конечно, анимализация — да простят мне этот неологизм, уж очень он подходит для выражения моей мысли — приносит людям облегчение, делает их свободнее, открывает перед ними новые возможности, вселяет надежды. Расцвет экстенсивного земледелия невозможен без помощи животных. Но помощь эта не вытеснила труд человека, тем более что между пищей и сельскохозяйственной продукцией существовало равновесие: или люди, или животные; или пшеница, или трава...! Слишком часто животное ест то же самое, что и человек: некоторые виды пищи «взаимозаменяемы»⁹³.

Банальная истина. В Англии еще в XVI веке Томас Мор (1478—1535) в своей «Утопии» утверждал, что мирные домашние животные, такие как овцы, чьи пастбища все расширялись, захватывая земли, занятые хлебами, «пожирают людей», то есть лишают их пищи и даже работы: не довольно ли одного пастуха, «чтобы пасти скот на той земле, для возделывания которой под посев требовалось много рук»⁹⁴? Франция, по мнению Кантьёна (1680—1734), оказывается перед дилеммой: «Чем больше в государстве лошадей, тем меньше пищи остается людям»; «или лошади, или люди»⁹⁵. Ему вторит Мессанс (1788 г.): «Чем больше в стране кормов и лошадей, тем меньше пищи у человека»⁹⁶. В крае Ож начиная с 1660 года, а во всей Нижней Нормандии гораздо позже, около 1780—1820 годов, с переходом к посеву кормовых трав коровы также становятся невольными человекоубийцами.

Таким образом, с одной стороны, работа, которую человеку помогают делать животные, с другой стороны — работа, которую человек должен или хочет делать сам. Но где применялся труд, который еще совсем недавно принято было называть «ручным», а порою «рукодельным»?

Во-первых, в садах и конопляниках, этих квазисадах, где выращивают то коноплю, то лен. На маленьких клочках земли, где конопля растет густо и стебли ее достигают порой двухметровой высоты, даже трактор можно себе представить с большим трудом, а лошади там и подавно было нечего делать. Вот они, культуры, которые можно обрабатывать только вручную, и эту работу чаще всего выполняют женщины. Необходимые для крестьян, растущие близко к дому, эти культуры удобряются излишками навоза, изредка человеческими нечистотами, которые во французских деревнях обычно не используют или используют мало, кроме Севера, где городские нечистоты пускают в ход без отвращения⁹⁷, и пригородов. И правда, часто в садах и огородах, окружающих все города, на удобрение идут нечистоты или отбросы, которые, например, в Лавале, слуги или местные жители по вторникам, четвергам и субботам выносят вечером за порог, чтобы их забрал «золотарь»⁹⁸. То же самое происходит и в Лионе, где «чищают улицы так старательно, как только могут, и на ослах увозят нечистоты на гумно»⁹⁹. Вокруг Парижа городские помои, отбросы и нечистоты идут на удобрение огородов. Еще 13 нивоза II года некий Бриде «пользуется исключительным правом, данным ему интендантом [Парижского] финансового округа, растереть в порошок вещества [фекалии, собранные в Монфоконе] и продавать их»¹⁰⁰. Но этот «растительный порошок» сильно уступает изначальной субстанции и вызывает нарекания. Жалобщики требуют отмены привилегии. Однако пахарям из Бельвиля, Пре-Сен-Жерве, Пантена, Сент-Уана, Ла Виллетт — деревень, расположенных у стен Парижа, — уже давно запрещалось «удобрять землю этими веществами, прежде чем они достаточно отлежатся и перегниют»¹⁰¹.

Таким землям везет: на них выливают больше удобрений, чем на обычные поля, не исключая тех, где собираются сеять пшеницу. Таким образом, обработка вручную часто сочетается с изобилием удобрений. Самый яркий пример — остров Ре. Он целиком занят огородными культурами, при этом на всем острове нет ни одной лошади, ни одного мула и даже ни одной свиньи! «Мотьга да руки местных жителей — вот и все земледельческие орудия... Когда-то здесь можно было встретить стариков, которые всю жизнь, уткнувшись носом в землю, проработали

киркой, отчего согнулись, как виноградная лоза, и голова их стала ровень с животом»¹⁰². По словам художника Эжена Фромантена, местные фермеры вырывали «ячмень голыми руками» — благодаря этому «не остается никакой волоти, то есть никакой соломы»¹⁰³. В чем тут дело: в том, что земля раздроблена на мельчайшие наделы, или в том, что она приносит богатые урожаи благодаря неисчерпаемым запасам на острове морских водорослей, которые собирают в час ночного прилива, стоя по пояс в воде и не ожидая, пока она схлынет? Здесь «дикое море» становится кормильцем.

Но связь удобрений с обработкой земли вручную, сама по себе достаточно очевидная, не может объяснить распространения ручной обработки земли «в чистом поле», где удобрения — большая редкость. Обработка земли вручную в этом случае если чем и была вызвана, то только необходимостью и существовала лишь в отдельных местах, хотя агрономы мечтали о том, чтобы она применялась систематически и на обширных пространствах. В 1806 году один из них, П. Г. Пуэнсо, прямо заявлял: «Весьма желательно обрабатывать все земли лопатой. Это несомненно выгоднее, чем пахать плугом; во многих кантонах Франции предпочитают это орудие труда, долгая привычка к которому упрощает дело, ибо один-единственный человек может вскопать 487 метров (250 туазов) земли на глубину 65 дециметров [вероятно, имеются в виду сантиметры] (два фута) за две недели, и всего один раз — этого довольно, между тем если земля твердая, то плугом ее надо вспахать четырежды, прежде чем можно будет сеять; вдобавок, ничто так хорошо не вскапывает и так мелко не разрыхляет землю, как лопата. Если мне возразят, что обрабатывать землю вручную гораздо дороже, чем плугом, то я отвечу: если подсчитать, во сколько обходится скот и его содержание, его упряжь, болезни и падеж, а также орудия сельскохозяйственного труда, то сразу станет ясно, что не стоит экономить и пахать землю плугом, если участок невелик [...] Явное преимущество вскапывания лопатой — то, что почва при этом не нуждается в отдыхе и к тому же не пропадает ни пяди земли; кроме того [...], урожай с полей, обработанных вручную, в три раза богаче, чем с полей, обработанных плугом. При этом лопата [...] должна быть по крайней мере вдвое длиннее и толще, чем та, которой работают в саду; садовая лопата [...] не выдержит усилий, которые приходится совершать, чтобы поднять ком затвердевшей земли, разбить его и разрыхлить. Наверху черенка должна быть поперечная палка, чтобы работник мог нажимать на нее обеими руками одновременно, а ногой при этом нажимать на правый или левый край железной лопаты, чтобы она вошла в землю. Когда земля каменистая

[...], работают вилами, зубья которых легко проходят между камнями. Именно с помощью вил вскапывают каменистые участки в окрестностях Лиона. Вилы пригибаются и на виноградниках, ибо не разрубают корни лоз»¹⁰⁴.

Однако в этом долгом описании достоинств и разновидностей обработки земли вручную не хватает упоминания об удобрениях: лопата сама по себе творит чудеса, это верно, она азрирует, перемешивает почву — верхний слой со слоями глубинными — но если хотят, как говорит наш автор, чтобы «земля плодоносила вечно», нужно ее как следует унавоживать. Без удобрений *постоянное* плодородие почвы немислимо. А ими еще надо с умом распорядиться. Ведь удобрения — огромная редкость, потому что они по большей части животного происхождения. Отказаться от рабочего скота, как советует Пуэнсо, значит оставить земли без удобрений. «В Фертуа с XVII века улучшали почвы посредством мергелевания, что повышало урожай на треть». «В 1748 году крестьяне смешивали папоротник с вереском и продавали это удобрение на рынке в Ле-Мане»¹⁰⁵. Но качество этого компоста для меня сомнительно, равно как и качество перегнивших растительных остатков, которые понемногу употребляли повсюду, или удобрений, получаемых в Альпах из гнилых дубовых и ясеневых листьев, веток лиственницы и самшита, стеблей тимьяна и лаванды¹⁰⁶. Все это в лучшем случае паллиативы, вдобавок, это не правило, а исключение. Поскольку человеческие экскременты для удобрения почвы почти не употребляют, самыми крупными, а вернее, единственными поставщиками удобрений остаются животные. В тех же Южных Альпах крестьяне приходят на высокогорные пастбища собирать помет, оставленный летом овцами, кочующими либо местными, и на своих плечах, либо навьючив на мулов, спускают ценный груз в долину¹⁰⁷. А разве в Шалоне-на-Марне (после первой мировой войны) не «брали внаем [...] в иных ближних деревнях [...] улицы и отдельные отрезки улиц для сбора лошадиного помета?»¹⁰⁸ Самый яркий пример мы видим в жизни Альпийского Прованса XVIII века. Местные жители почти совсем перестали разводить быков и занялись откормом баранов. Однако «нигде крупный рогатый скот не жил так долго, как здесь, где его держали ради навоза»¹⁰⁹. Удобрения ценятся так высоко, что, как нас уверяют, крестьянин не променяет навоз ни на какие сокровища.

Неожиданный проект. Только человек, который не был деревенским жителем, мог забыть о роли удобрений, как это случилось с авто-

ром замечательного проекта, который не имел никаких практических последствий, но заслуживает того, чтобы на нем остановиться, тем более что он не опубликован. Чем же он интересен? Непоколебимой убежденностью, с какой его автор предлагает решительные меры, подкрепляя их целесообразность многочисленными доводами.

Январь 1793 года. Революционная эпоха — эпоха речей и трактатов. Однако никто не заставлял А. П. Жюльена-Белера, руководившего в ту пору работами в военном лагере под Парижем, отправлять свои предложения министру внутренних дел¹¹⁰. А. П. Жюльен-Белер, который называет себя «гражданином [...], дорожающим своим добрым именем», желающим «быть по-настоящему полезным» и «не выдвигающим недуманных идей», предлагает правительству систему обработки земли, совершенно, по его мнению, изумительную. «Испытания [следует читать — опыты], проведенные на больших площадях и неоднократно повторенные, убедили меня в огромных преимуществах обработки земли вручную, которую я изобрел после десятилетних поисков. Прежде всего, если прибегнуть к некоторому земельному опережению, вернее, опережению обработки [эта фраза, вероятно, означает: начиная работы раньше обычного], этот способ требует больше рабочих рук, чем лошадей, больше лопат и мотыг, чем плугов, и если в других мануфактурах [то есть промыслах] всегда выгоднее использовать машину, которая экономит рабочие руки, то при обработке земли, как я убедился, ни борона, ни плуг не могут заменить труд людей (ставший легким благодаря средству, о котором я толкую). Главные свои испытания я провел на почвах, которые при хорошей обработке земли обычным способом дают урожай пшеницы не больше одиннадцати центнеров, причем, чтобы добиться такого урожая, надо посеять два, а то и больше, центнера зерна. Я же, во-первых, сэкономил 60 фунтов, или три парижских буасо, на семенах, что уже довольно выгодно; затем, вместо одиннадцати центнеров мне удавалось собрать пятьдесят пять, пятьдесят шесть и даже шестьдесят центнеров зерна и соответственное количество соломы [...] Старым способом [на тех же почвах] [...] сеяли два буасо, чтобы получить урожай одиннадцать буасо [...] [таким образом], чтобы получить урожай пятьдесят пять буасо, надо было посеять десять буасо, а я сеял только семь, а собирал двести восемьдесят буасо и больше. Старый способ обработки земли дает только пять с половиной буасо [к одному], а сегодня, после уничтожения дичи¹¹¹, самое большее шесть, мой же способ обработки земли дает урожай сам-сорок и больше. Посудите сами, насколько увеличатся национальные запасы и сколько останется на продажу...»

Автор проекта предполагает, ни больше ни меньше, обработать таким образом 60 миллионов арпанов пахотных земель, которыми, по его мнению, владеет Франция. Однако он сознает масштабы предприятия и понимает, что для того, чтобы обработать эти 60 миллионов арпанов (один арпан равнялся примерно 40—50 арам), потребуется 10 миллионов работников, «рабочих, или капиталистов труда, как их удачно назвал один писатель-экономист», — пишет он. Обратите внимание на два выражения, которые я специально подчеркнул. И запомните соотношение: один человек может обработать с помощью ручных орудий труда 6 арпанов земли (2,4 или 3 гектара).

Конечно, этот проект не получил применения. Впрочем, откуда было сразу после битвы при Жеммапе (6 ноября 1792 года) взять необходимые 10 миллионов рабочих рук — или даже миллион, который, по мысли автора, требовался для первоначального опыта — ведь шла война, мужчины были мобилизованы, лошади — реквизированы, таким образом, сельское хозяйство лишилось большей части живой силы.

Ряд примеров. Во Франции ручная обработка земли, плод необходимости и сноровки, существовала издавна. Во многих случаях это была единственная возможность выбраться из крайней нужды.

Как обрабатывать слишком крутые горные склоны? В Центральном Массиве, исключая низменные участки (да и то не всегда!), еще совсем недавно землю обрабатывали вручную; рабочий скот оставался редкостью. То же и в Альпах. Труд животных не применяется и на слишком отлогих склонах Уазана. В среднем течении Дюрансы (например, в Мороне) крестьяне так же «всю работу делают руками. Увы!»¹¹²

Однако еще совсем недавно, несмотря на трудности, по мере того, как росло население, горные склоны подвергались обработке. Поэтому в Пиренеях, как и в других местах, лихорадочные поиски новых земель заставляли крестьян вскапывать склоны, поднимаясь на высоту до 2000 метров над уровнем моря в Андорре, до 1600 — в Сердане и Капсире. Сельским труженикам приходилось совершать настоящие акробатические трюки, чтобы завоевать горы: отправляясь на штурм труднодоступных участков, крестьянин оставлял рабочий скот и соху внизу. Поднявшись к границе вечных снегов, он «вскапывал лопатой этот клин земли, куда не смогли добраться животные. Его сопровождали жена и дети, сгибавшиеся под тяжестью корзины с навозом. Без удобрений труд не принесет плодов». Только бы «снежная лавина» не унесла в один прекрасный день этот тонкий слой земли^{113!}

Другая бедная область, где преобладает обработка земли вручную, — Мен. Плуги и рабочий скот там редкость. Вдобавок, эти деревянные плуги — неудобные, тяжелые и громоздкие орудия, «сколоченные на ферме, порой при участии деревенского тележника»¹¹⁴. Железная у них только оковка лемеха; они могут вспахать землю сантиметров на 10—12, не глубже, — это смехотворно мало, этого недостаточно даже для того, чтобы перерубить корни сорняков. Меж тем, чтобы сдвинуть с места тяжелую махину, нужно было иметь шесть быков или четверку лошадей, а обработать она могла не больше шести гектаров в год. Вдобавок орудий этих было мало. В Сен-Мар-су-ла-Фютэ только на трех *хуторах* (маленьких фермах) из восьмидесяти одного имелись плуги»¹¹⁵. В те времена обычный *хуторянин* или, как его еще называли, *bordager*, стоваривался с пахарем, а чаще сам «взрыхлял почву мотыгой или палкой с крюком и лопатой [деревянной, с железной оковкой]. Пахота или рыхление вручную были делом медленным, дорогостоящим. Человек мог вскопать не больше двух гектаров в год, этот тяжкий труд [...] очень рано превращал [его] в согбенного старца, и все это ради сомнительной выгоды и посредственного урожая»¹¹⁶.

Однако, говоря о Мене, надо учитывать его особенности: расширение *бесплодных земель*, где развивается скотоводство. Эти земли засеивали раз в восемь, десять, двенадцать лет, в частности, в области Лаваль (1777 г.), а потом использовали их как луга¹¹⁷. Чаще всего они зарастали утесником и «гигантским дроком, чья непроходимая чаща давала приют не только дичи (зайцам, кроликам, куропаткам, бекасам), на которую охотились крестьяне, но также и вредным животным (волкам, лисам, барсукам)». Поскольку плуг не может глубоко вспахать землю, на помощь, естественно, приходил ручной труд. Чтобы вновь распахать одичавшую землю, нужно было топором и садовым ножом раскорчевать кустарники, сгрести и сжечь ветки и листья.

В других местах плуг невозможно было использовать из-за неплодородности земель, в третьих — из-за тонкости корнеобитаемого слоя почвы. Так обстояло дело, например, в округе Нонтрон (Дордонь), в пятидесяти километрах к северу от Перигё, в маленькой области, где каменистую почву перерезают редкие узкие ложбины. «Поскольку плодородных земель у нас мало, — объясняет в 1852 году председатель Статистической комиссии округа, — работы тяжелы, трудны и дорогостоящи, и от кирки больше проку, чем от плуга. Борона и каток-глыбодробитель также бесполезны, поэтому у нас нет ни одного из этих усовершенствованных орудий [...] Жара мгновенно губит наши посевы; чახлые колосья имеют короткий, очень тонкий стебель, и, чтобы уя-

зять их в снопы, часто используют лыко, отчего хиреют наши леса. Солому употребляют на корм скоту, а в хлев вместо соломенной подстилки кладут вересковую, что весьма досадно, поскольку тележка соломенного навоза стоит по меньшей мере в три раза дороже, чем верескового»¹¹⁸.

Вручную обрабатывают также террасы на юге (чаще всего это виноградники) и повсеместно новые культуры: картофель, когда он только появился, и — согласно официальному распоряжению (1785 г.) — *турнепс*¹¹⁹. То же было поначалу и с «турецкой пшеницей» — кукурузой. Отведенное под нее поле *перелопачивали*, и способ этот преобладал на крошечных кукурузных полях до 1965 года — я не оговорился: до 1965 года¹²⁰. Следовательно, ручной труд с самого начала сделал выращивание кукурузы доступным для бедных крестьян¹²¹. Орудие, которым вскапывали землю (и которое, конечно, служило не только для кукурузы), представляло собой «прямые, очень прочные двузубые вилы, снабженные деревянной рукоятью метровой длины. Посредством этого орудия, — говорится в одном труде 1868 года, — работники [в Лангедоке] за соответствующую плату зимой глубоко вспахивают землю»¹²².

Конечно, все большая раздробленность крестьянских наделов в XIX веке продлевала жизнь ручной обработке земли. Малосенькие клочки земли можно обработать только лопатой и киркой. Следовательно, никого особенно не удивит, что ручной труд в XIX веке не только сохранился — например, на виноградниках, где он и вправду уместен (плуг впервые стал применяться на виноградниках лишь во времена Второй Империи на Юго-Западе¹²³ и в Лангедоке) — но еще и распространился в областях интенсивного хозяйства, где ему, казалось бы, не место, — в Эльзасе, в Лимани, где, как рассказывает очевидец, в 1860 году население растет и «все обрабатывают землю вручную, чаще всего заступом»¹²⁴.

Где только не встречаются следы ручного труда! Проводя недавно расследование в «пограничной» коммуне, ныне принадлежащей департаменту Эндр¹²⁵; историк встретил слово, несомненно, устаревшее, *manucottiers* (*manu cultores*), «рукодеятельные», которое вызывает в памяти крестьян, обрабатывающих киркой свои крошечные клочки земли.

В целом, жизнь вчерашней французской деревни тяжела; землю долгое время обрабатывали плохо, ибо, имея в своем распоряжении слишком мало рабочего скота, ее недостаточно разрыхляли, скудно удобряли, толком не пропалывали: сорняки быстро заплонили поля пшеницы, ржи и овса. Как сегодня не все крестьяне имеют трактор, так

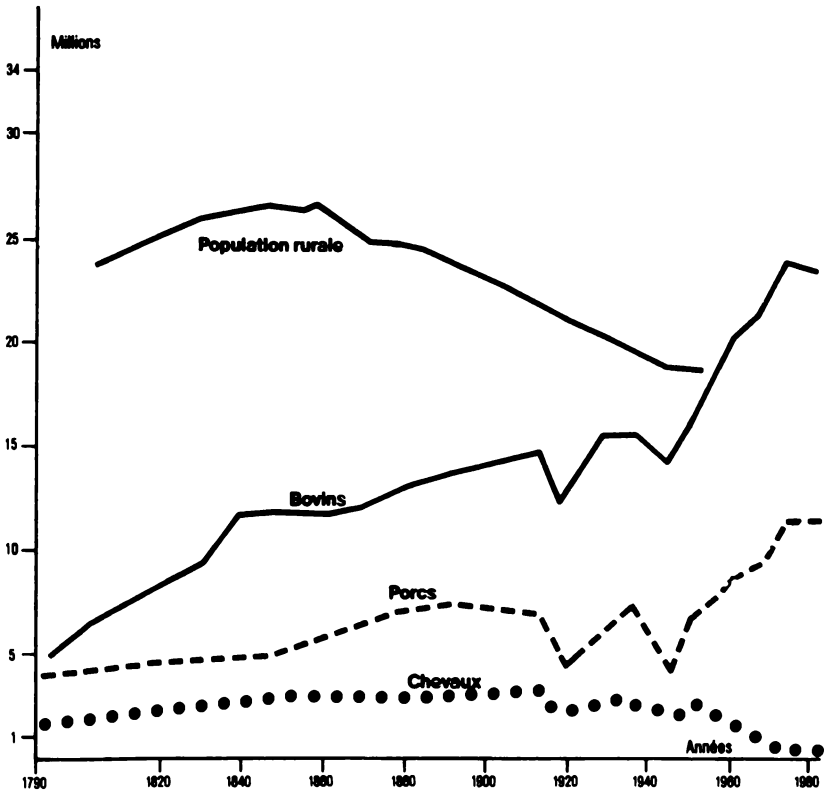
в прежние времена большинство крестьян не имели ни лошади, ни волов, чтобы тащить плуг. Еще в начале XX века «пара волов означала [в долине Шаранты, да и в других местах, несомненно, тоже] некоторое благополучие, благополучие крупных землевладельцев по сравнению с *клочковладельцами*, чей плуг [когда он есть] тянет осел или тощая коровенка»¹²⁶.

Все это понятно. Тем не менее причины и следствия можно поменять местами: если обработка земли вручную предполагает избыток рабочей силы, то избыток рабочей силы в свой черед предполагает этот разорительный тип обработки земли; избыток этот сам собой ограничивает «использование животных на сельскохозяйственных работах»¹²⁷. Происходит конкурентная борьба между людьми и животными.

Впрочем, нам известна численность обоих «населений» — людей и животных. В 1789 году имеется более 1 700 000 лошадей и от 6 до 7 миллионов быков¹²⁸; в 1862 году насчитывается около 3 миллионов лошадей и около 13 миллионов быков¹²⁹. поголовье рабочего скота удвоилось, число же крестьян, занятых в сельском хозяйстве, выросло не так сильно: с 20,9 миллиона до 26,6 миллиона¹³⁰. Отсюда можно заключить, что этот относительно короткий отрезок времени стал началом освобождения деревенских жителей. Мира деревни, на первый взгляд застойного, коснулся общий прогресс, довольно мощный и продолжительный. Прогресс, который в некоторых развитых областях страны проявился еще раньше¹³¹.

Соотношение культур. Этот заголовок говорит сам за себя. Применительно к крестьянскому миру он означает необходимость *структурировать* пространство, отводимое под различные культуры, разделить площади в пропорциях, которые, будучи единожды обретены, в дальнейшем если и меняются, то очень медленно.

Существуют различные взгляды на причины этого членения пространства. Во-первых, для того, чтобы жить, человеку нужна пища, питаться же только хлебом, кашей или каштанами невозможно¹³². Человеку необходимы жиры: пусть не масло — это роскошь, но хотя бы сало, смалец; растительное масло, и не только оливковое; часто и в пищу, и для освещения употребляют ореховое масло. Наконец, организму нужно какое-то количество протеинов: молочные продукты, яйца, мясо... Пьер Деффонтен ставит географию желудка выше географии жилья¹³³, которая тем не менее тоже выдвигает свои требования. И если добавить сюда географию одежды, то мы получим весь набор. Чтобы

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПОГОЛОВЬЕ
ДОМАШНЕГО СКОТА
С 1806 по 1954 год

На этом графике отражены: рост поголовья тяглового скота с 1789 по 1860 год, намного более резкий, чем рост сельского населения; постепенное сокращение сельского населения после 1860 года; уменьшение поголовья тяглового скота после 1930 года, особенно заметное по почти полному исчезновению лошадей; резкое увеличение поголовья крупного рогатого скота и свиней, объясняющееся увеличением потребления мяса. (Источник: Tugault Y. Fécondité et urbanisation. 1975.)

Надписи на графике сверху вниз: Сельское население. Рогатый скот. Свиньи. Лошади.

кормиться, иметь крышу над головой, одеваться, крестьянин старается «жить на всем своем», то есть не только «есть свой хлеб», но производить все необходимое на пространстве, которое ему принадлежит. Так что многоотраслевое хозяйство является для него необходимостью.

Вероятно, следовало бы, вопреки привычке, на первый взгляд, вполне разумной — и даже вопреки этимологии слов, которая запечатлевает их глубинный смысл, — поставить выражение «сельское хозяйство» во множественном числе, дабы оно включало *все виды* сельскохозяйственных работ. Тогда в это понятие вошли бы леса, плодовые деревья, оливы, каштаны, ореховые деревья, виноградники; луга и скот; сады, конопляники (лен и конопля); благородные культуры, произрастающие на пахотных землях (прежде всего вездесущие злаковые), и пролетарские культуры, в том числе новые, постепенно вошедшие в обиход: гречиха, кукуруза, картофель; затем сеяные луга (как удалось им войти в старую систему распределения почв?); наконец, ряд «технических» культур: шелковица, табак, сахарная свекла, рапс, подсолнечник, красящие растения, такие как вайда или марена... Важно понять, как эти различные культуры располагаются, распределяются на занятом сельскохозяйственными культурами пространстве и как они соотносятся друг с другом, поскольку все они находятся в некоем равновесии, которое само по себе, конечно, неустойчиво и подвержено изменениям — но происходят эти изменения чрезвычайно медленно, даже во время так называемых периодов кризиса и развала.

Обычно, рассуждая о сельском хозяйстве, в расчет принимают только земледелие и скотоводство, то есть зерновые и животных; действительно, это два главных элемента сельского хозяйства, но существуют и другие. «Во Франции, как во всей Европе, — писал Марк Блок, — [аграрная экономика] зиждилась на союзе пахоты и пастбищ, и это — основная черта, одна из тех, которые наиболее разительно противопоставляют наши цивилизации [...] цивилизациям Дальнего Востока»¹³⁴. Кто только об этом не писал! «Сельское хозяйство, — говорится в одном документе, составленном в Арьеже около 1790 года, — состоит из двух частей, которые помогают друг другу: обработки земли и разведения скота»¹³⁵. «Взаимопомощь», то есть равновесие, преимущества которого общепризнаны: не направлен ли вышеприведенный текст против слишком активной распашки нови — которая явно происходит в ущерб пастбищам?

Но одной из самых важных отраслей сельского хозяйства искони является виноградарство. Исаак де Пинто¹³⁶, неизменно чуткий к приметам времени, прекрасно разглядел эти проблемы равновесия еще

в 1771 году. «Остается выяснить, — писал он, — не должно ли существовать определенное соотношение между двумя предметами [полями и пастбищами], а также, не опасно ли [речь идет об Англии] использовать пахотные земли под пастбища и не пострадает ли Англия оттого, что чрезмерно поощряет экспорт [зерновых] ¹³⁷. У Франции три заботы: виноградники, пастбища и пахотные земли; три предмета удержать в равновесии сложнее».

К трем переменным величинам, о которых говорит Исаак де Пинто, — зерновые, трава, виноград — по-моему, следовало бы добавить еще как минимум одну — лес, величину исключительно важную, которую следовало бы добавить уже ради того, чтобы вновь привлечь внимание к существенной границе, отделяющей деревья, *le bosc*, от *le plain* ¹³⁸, то есть открытой местности, по преимуществу земледельческой.

Итак, вот три или четыре переменные величины, служащие вехами долгой эволюции, — кроме них, было и несколько других. Это, конечно, упрощение, но оно вполне допустимо: читатель, знакомый с вчерашней алгеброй, знает, что исследование функции, когда речь идет о больших величинах (а это тот самый случай: миллионы гектаров, миллионы центнеров, миллионы животных, миллионы людей), стремится к сумме *одних только* переменных высшего порядка.

Исходя из этих понятий, попробуем разобраться в ситуации. Около 1859 года территория Франции равнялась примерно 53 миллионам гектаров, после присоединения в 1860 году Савойи и Ниццы она увеличилась самое большое на миллион гектаров и на 700 000 душ ¹³⁹. Обычно из общей цифры вычитают так называемые *необлагаемые налогом* площади (населенные пункты, дороги, реки и т. п.). В 1859 году после вычитания этих необлагаемых налогом площадей остается 50 миллионов гектаров — круглая цифра, облегчающая приблизительные подсчеты данных, извлеченных из документов — к сожалению, далеко не всегда исчерпывающих. Причины такой неполноты очевидны: прежде всего, деревенские жители, как могут, противятся всякого рода учету, опасаясь, что их хотят обложить новым налогом ¹⁴⁰. Поэтому цифры, сообщаемые мэрами эпохи Империи, нельзя считать совершенно точными, но все же некоторые важные выводы на их основе сделать можно.

Вывод первый: территория всей страны в самом общем виде делится надвое: с одной стороны — *пахотные земли*, с другой — девственная природа. К этой девственной природе можно *без колебаний* отнести леса, луга, ланды, пастбища — все, что за отсутствием более подходящего слова я буду называть *пустошами*. Напротив того, удобного выражения

пахотные земли я буду остерегаться; оно обозначает в первую очередь пашни, земли, которые вспахивает или может вспахать плуг. Не лучше ли говорить «обработанные земли», ибо это понятие включает в себя также виноградники, сады, огороды, конопляники? Так вот, обработанные земли в 1859 году составляют 25 миллионов гектаров пахотных земель, плюс 2 миллиона гектаров виноградников и 2 миллиона гектаров садов, что дает в сумме 29 миллионов гектаров. Пустоши — это совокупность лесов, занимающих 8 миллионов гектаров, лугов, занимающих 5 миллионов гектаров, ланд и пастбищ — непокоренной земли, которая остается или вновь становится дикой, — занимающих 8 миллионов гектаров. В итоге получается 29 миллионов гектаров против 21. То есть территория делится на две неравные части: люди освоили лучшую ее часть, граница между *обработанными землями* и *пустошами* медленно, но верно сдвигается, увеличивая площадь первых. С 1815 до 1859 года французы обработали около миллиона гектаров целины, об этом не следует забывать.

Как распределяются в 1859 году 29 миллионов гектаров обработанных земель, тех земель, где человек позаботился о разумном размещении посадок? Вот данные касательно «садов и огородов»: 500 000 гектаров под огородами, 550 000 гектаров под каштановыми деревьями, 100 000 гектаров под оливами, 50 000 гектаров под шелковицами, 200 000 гектаров под яблонями и другими плодовыми деревьями, 600 000 гектаров под саженцами и ивняком и т. п. Из 25 миллионов гектаров *пахотных земель* 6 500 000 гектаров занимает пшеница, 2 500 000 гектаров — суржа и рожь, 2 500 000 гектаров — ячмень, кукуруза и гречиха, 3 000 000 гектаров — овес, 1 500 000 гектаров — корнеплоды (в том числе картофель и свекла), 2 500 000 гектаров — сеяные луга, 500 000 гектаров — бобовые, 500 000 гектаров — технические культуры (рапс, лен, конопля, марена, табак...), наконец, 5 500 000 гектаров — пар¹⁴¹. Что же касается виноградников, то они занимают всего 2 миллиона гектаров.

Эти цифры интересны по многим причинам.

Они лишний раз подтверждают, что виноградники не занимают много места, не пожирают пространство (на их долю приходится меньше десятой части обрабатываемых земель, то есть на мелкомасштабной карте они обозначены точками, линиями, вкраплениями).

Эти цифры показывают, что в пору, о которой мы ведем речь, в середине XIX века, старые и новые *новшества* — а именно корнеплоды (среди которых картофель и свекла), кукуруза, гречиха, сеяные луга, марена — хорошо привились.

Однако из-за огромных площадей, занятых зерновыми, сельская Франция в середине XIX века по-прежнему сохраняет унылый облик, о котором писал Марк Блок¹⁴². Не является ли зерно «неизбежным злом»¹⁴³, наваждением? Его выращивают там, где умнее было бы посадить траву, виноград или плодовые деревья. В Руссийоне около Прада, чтобы защитить посевы от засухи, которую несет с собой северный ветер — трамонтана, — поля даже орошают¹⁴⁴. В горах Юра, в Понтарлье (на высоте 837 метров), Леонс де Лавернь (1860 г.) с удивлением обнаруживает «нивы пшеницы над вершинами елей; жатва там в сентябре, как в Северной Европе, незадолго до первого снега»¹⁴⁵.

Соотношение культур (продолжение). Не вышел ли я, перенесясь в 1859 год, почти в середину эпохи Второй Империи (1852—1870), за хронологические рамки так называемой крестьянской экономики? Не слишком ли я забежал вперед?

Как бы там ни было, *модель*, построенная на основе цифр, которые я только что привел, облегчит нам понимание предшествующих эпох. Подсчеты Артура Юнга в конце Старого режима, несколько измененные Леонсом де Лавернем¹⁴⁶, довольно близки к этой модели: площадь *обработанных* земель (25 + 1,5 + 1,5) составляет 28 миллионов гектаров; площадь *необработанных* земель (9 + 3 + 10) — 22 миллиона гектаров. Преимущество уже на стороне обработанных земель: леса, ланды и луга занимают меньше половины территории, хотя площадь их на миллион гектаров больше, чем в 1860 году.

Нам очень хочется обратиться к более ранним эпохам, хотя чем глубже мы погружаемся в толщу истории, тем сильнее рискуем ошибиться. Но нас интересует хотя бы порядок величин.

В 1700 году, накануне войны за Испанское наследство, в последние годы жизни Людовика XIV (ум. в 1715 году), Вобана (ум. в 1707 году) и Буагильбера (который опубликовал в 1697 году «Подробное описание Франции», а в 1707 году — «Записку о Франции»), территория страны составляет около 50 миллионов гектаров. Франция еще не владеет ни Лотарингией, присоединенной в 1766 году, ни Корсикой, купленной в 1768 году, ни Конта-Венессеном, аннексированным в 1790 году, ни Савойей и Ниццей, вошедшими в ее состав в 1860 году. За вычетом 3 миллионов гектаров — предполагаемая площадь «земель, не облагаемых налогом», — мы получаем 47 миллионов гектаров. Посевные культуры занимают около 23 миллионов гектаров пахотных земель, плюс виноградники, сады и огороды. В целом где-то 26 миллионов

гектаров против 21 миллиона гектаров. В начале века Просвещения соотношение между *ager* * и *saltus* **, между обрабатываемым и природным, ближе к равенству, чем в 1789 году. Разрыв меньше, но сдвиг уже произошел, и в будущем он станет еще заметнее. Так что Буагильбер преувеличивает, говоря, что «больше половины Франции — необработанные или плохо обработанные земли». Хорошо бы проверить справедливость другого его суждения: налоги и затраты (а я добавлю сюда еще и производительность труда) были таковы, что крестьянину, распахавшему свободные земли, «не доставалось ровно ничего из урожая»¹⁴⁷.

Несомненно, было бы увлекательно и полезно обратиться к временам еще более давним. Виконт д'Авенель отважился на это еще в 1894 году¹⁴⁸, в эпоху, когда история ценообразования, история статистики и история демографии еще не существовали как отдельные дисциплины, когда понятия макроэкономики и валового национального дохода были еще никому не известны. Подвергнутый безжалостной критике и осыпанный насмешками университетских историков, виконт д'Авенель вновь завоевал наше доверие, когда мы увидели, что кривые цен, которые мы старательно вычертили, исходя из длинных рядов систематически подобранных цифр, в конце концов почти полностью совпали с теми, которые он построил на основании сведений *разрозненных и случайных*. Во всяком случае, кто станет отрицать его изумительные познания? Виконт д'Авенель доводит свои спекулятивные, рискованные, хитроумные расчеты до эпохи Генриха IV и Сюлли, останавливаясь где-то около 1600 года. Следовательно, мы снова отступили на доброе столетие назад.

В 1600 году во Франции насчитывается не больше 44 миллионов гектаров (значит, за вычетом «необлагаемых» участков 42?). Д'Авенель полагает, что в процентном отношении пахотные земли в то время составляют 32% от общего количества, необрабатываемые земли — 27%, леса — 33%, луга и виноградники — 7%. Если разделить эту последнюю цифру пополам, то получится, что 3,5% занято лугами, 3,5% — виноградниками, таким образом, обработанные земли составляют 35,5% против 63,5% *пустошей* (то есть 15 миллионов гектаров против 27 миллионов гектаров)¹⁴⁹. Таким образом, в эпоху, когда «современность» уже прочно утвердилась, природа все еще располагается гораздо шире, вольготнее, чем человек.

* пашня (*лат.*).

** лесной выгон, лесистое место (*лат.*).

Я не уверен, что подсчеты виконта д'Авенеля верны. Был ли он сам в этом уверен? Его способ устанавливать порядок величин там, где мы не располагаем достоверными сведениями, весьма изобретателен. Он сравнивает доход с гектара (который определяет исходя из случайных разрозненных данных относительно нескольких французских провинций) из века в век, затем подсчитывает общий доход от сельского хозяйства. Он делает вывод, что за период с 1600 до 1890 года Франция ушла далеко вперед по трем направлениям: первое — увеличение территории страны с 44 до 53 миллионов гектаров; второе, еще более интересное для нас — расширение площади обрабатываемых земель с 35,5% в 1600 году до 60% в 1890 году; наконец, третье — повышение урожайности; доход с гектара обработанных земель вырастает с 19 франков в 1600 году до 26 франков в 1789 году и почти до 50 франков в 1890 году. Все это вызвало рост валового сельскохозяйственного дохода: 500 миллионов в 1600 году, один миллиард (цифра, на мой взгляд, заниженная) в 1789 году и два миллиарда 400 миллионов в 1890 году. Таковы результаты вычислений д'Авенеля¹⁵⁰. Каждый историк вправе не согласиться с ними, а еще лучше — исправить их, но направление эволюции и ее важность, которые он угадал, в общем и целом, не подлежат сомнению.

Эти выводы весьма существенны.

Прежде всего, они показывают, что история Франции разворачивается на фоне чудесной *природы* Франции, которую человек медленно, на протяжении веков оттесняет своим трудом все дальше и дальше, но которая всей своей массой сопротивляется топору, мотыге, кирке, плугу, пиле, огню, слепому разрушению... Которая, стоит только человеку ослабить свой натиск, быстро вновь завладевает утраченными было землями; которая, впрочем, пользуется покровительством тех, кто извлекает из нее пользу: сеньоров, ревностно отстаивающих свои леса и охотничьи угодья, деревень, привязанных к общинному имуществу... Разве невозделанные земли не нужны горожанам, которых они обеспечивают лесом для плотницких работ, дровами и горючим для городской промышленности, разве не нужны они крестьянам и помещикам, чьи стада пасутся в лесах и на лугах? *Природное* и *обработанное* должны сосуществовать в некоем равновесии.

Впрочем, это равновесие обеспечивает своего рода укрепленная граница, на страже его стоит строгий закон *снижения рентабельности*, который Тюрго по меньшей мере предчувствовал. В самом деле, всякая распашка нови влечет за собой расширение сельских угодий. Она увеличивает время, которое работник тратит на дорогу, ибо удлиняет

расстояние от поля до дома. А время — это те же деньги. Вдобавок свежераспаханная почва куда менее плодородна, чем та, которую вспахивают или мотыжат веками. Урожай с нее снимают такие скудные, что работники не могут прокормиться. Если некоторые монашеские ордена около 1520 года¹⁵¹ покидают земли в Шампани, то дело тут в том, что эти земли располагаются по ту сторону опасной границы снижения рентабельности, то есть приносимые ими плоды «не могут возместить затрат».

В конце концов, все располагает к тому, чтобы смотреть на историю сельского хозяйства Франции как на историю борьбы человека с дикой природой: деревьями, кустарником, сорняками, животными, реками и водоемами... Разве изобилие фауны не есть свидетельство мощи этого параллельного мира — мира свободной природы? Так, Франция до середины XIX века кишела волками. Один документ сообщает, что во Франш Конте «с 1775 года до марта сего (1784) года за девять лет было убито 627 волчиц, 641 волк и 1385 волчат, что в сумме составляет 2653 особи»¹⁵². Но, конечно, это еще не рекордная цифра. Пересеките границу Франции и отправьтесь на Восток — число волков начнет расти, как в кошмарном сне. «За два года, с 1822 до 1824, волки в Ливонии растерзали 25 000 домашних животных»¹⁵³. И чем глубже вы погружаетесь в прошлое, тем больше представителей волчьего племени вы там встречаете: «В окрестностях Труа летом 1341 года был пойман 571 живой волк, 18 же найдено мертвыми»¹⁵⁴. Волки исчезли только около 1850 года, но изредка появлялись и позже этой даты; возьмем, например, Берри: Леонс де Лавернь около 1870 года отмечал, что «волков здесь видимо-невидимо»¹⁵⁵; вдобавок довольно часто любители охоты на волков не дают истреблять их и продлевают им жизнь еще на несколько лет, как сегодня в некоторых областях сохраняют кабанов, чтобы на них охотиться.

Кабаны, быть может, были бы гораздо лучшими свидетелями, но, в отличие от волков, они не попадают в поле зрения наших хроник. Их упоминают случайно. Так, в «Хронике департамента Нижний Рейн»¹⁵⁶, официальной газете, я совершенно неожиданно наткнулся на заметку от 22 июня 1817 года: «Жители департамента Мёз часто жалуются на потравы, производимые на картофельных полях стадами кабанов». У травоядного кабана больше возможностей сопротивляться человеку, чем у хищного волка, который опасен и внушает страх, быть может, даже чрезмерный. Что же до обычной дичи, то она водится в изобилии, ввиду того что помещики мало используют свои многочисленные охотничьи заповедники. Французская революция принесла с собой расцвет

охоты и невероятный рост крестьянского браконьерства. Тем хуже для «диких зверей, как черных, так и рыжих»¹⁵⁷! Одновременно — и это, увы! почти естественно, — леса придут в запустение.

Еще один вывод: несмотря на то, что в разных областях и в разные эпохи площади обрабатываемых земель то увеличивались, то уменьшались — осушенные болота снова становились болотами, заброшенные поля вновь превращались в целину, разоренные леса, брошенные на произвол судьбы, в конце концов перешагивали границу окружающих их рвов¹⁵⁸, — очевидно, что если рассматривать процесс в длительной временной протяженности, то можно сказать, что происходит непрерывное завоевание. Обработанная, покоренная земля захватывает все большие площади. Из поколения в поколение происходит продвижение вперед, *постоянное расширение* — термин, который теоретической науке стоило бы взять на вооружение для более ясного понимания медленной, но не стоящей на месте истории наших деревень. И даже истории Франции в целом.

«Извини-подвинься»: новые культуры. Внутри сельскохозяйственной зоны культуры борются между собой, оспаривают друг у друга полезные площади. Во всяком случае, думающий землевладелец предпочитает одни культуры другим, пусть даже потом придется изменить свое мнение. Впрочем, господствует, судя по всему, постоянство вкусов: в будущем году я засею мои земли так же, как в этом году. Но постепенно, понемногу складывается новое соотношение.

Так, в Нормандии кормовым травам всегда уделяли больше внимания, чем в других местах. Но настоящий переворот, который должен был решительно потеснить зерновые в пользу трав, долго не наступал. В крае *Ож посеял трав* появился и получил широкое распространение только начиная с 1680 года. В Нижней Нормандии травы начали сеять где-то к 1820 году. Говорят, что коровы там съели людей — все верно, но как много времени им на это потребовалось! Перед нами процесс, который продлился больше столетия. Несмотря на все преимущества и удобства, травы стали монокультурой не сразу.

Я привожу этот важный пример как полезное и даже ценное предостережение. В самом деле, если новые сельскохозяйственные культуры внедряются с таким трудом, то, во-первых, потому, что они неизвестны и крестьяне хотят несколько лет понаблюдать за ними, изучить их. Лучше всего в огороде, на опытном участке, где они все время на виду. Все новые культуры: гречиха, кукуруза, табак, картофель, фасоль,

томаты, рапс, подсолнечник, сахарная свекла — прошли через это чистилище... Когда шевалье де Виван, вернувшись из Америки, в 1637 году ввел в обиход в Клераке табак, то, по словам кюре Лапленя, «семена вначале были посеяны на огородах»¹⁵⁹. И только после того, как новые растения с успехом выдержат испытания, ими засевают поля. Но дело не только в этом.

Они тотчас вступают в соперничество со старожилками: ведь для того, чтобы очистить для себя место, надо изгнать того, кто занимал его прежде, либо худо-бедно поладить с ним. Человек, наблюдая эту борьбу культур между собой, не всегда в состоянии принять правильное решение. Все совершается медленно и постепенно. Рапс очень рано стали выращивать в тех местах, которые впоследствии вошли в департамент Нор, но в окрестностях Э и Дьешпа он появляется только около 1788 года, а получает широкое распространение еще гораздо позже — незадолго до 1860 года¹⁶⁰. Сахарная свекла (которую стали употреблять в пищевой промышленности начиная с 1799 года после опытов, проведенных в Берлине прусским химиком Ахардом)¹⁶¹ не составляет исключения. По распоряжению первого консула она появилась во Франции в 1801 году, а континентальная блокада благоприятствовала ее распространению. Однако свекольному сахару, сопернику сахара тростникового, понадобилось целое столетие, чтобы обосноваться и утвердиться в нашей стране.

В тех случаях, когда и новоселы, и старожилы покладисты, дело идет несколько быстрее. В полях сеют кукурузу таким образом, чтобы между стеблями могли расти бобовые. Ж.-Ж. Менюре (1791 г.), внимательно наблюдавший за культурами, которые растут по берегам Изера¹⁶², замечает, что кукуруза «посажена редко, так что в промежутках между стеблями можно сеять горох, фасоль и т. п.». Так же поступали обычно на виноградниках, сажая их между рядами виноградных лоз. Например, в XVIII веке в долине реки Лу, которая течет в горах Юра¹⁶³, или около 1900 года вокруг некоей деревни на плато Лангр «виноградники приносили большой урожай чеснока и лука-шарлота, фасоли и репы»¹⁶⁴, а также бобов. Наконец, оставался еще один выход — смешивать семена перед посевом. Недаром смесь пшеницы и ржи, чаще всего в равных долях, распространена по всей Франции (это суржа или, как ее называли в Лангедоке, ржаная пшеница). Еще в Лангедоке сеют смесь овса и вики (*la basjalade*)¹⁶⁵, в Мене — смесь пшеницы и бобового растения — чины (*le bréchet*) и смесь ячменя и овса (*la mélarde*). Еще одна возможность — дожидаться, пока одна культура прорастет, и посеять между ее ростками семена другой культуры. Этот

совет содержится в официальных предписаниях относительно турнепса, завезенного из Англии и прочно занявшего свое место среди других видов репы: его сеют в начале июня на участках, уже засеянных бобами и белой фасолью, которые будут убирать прежде вышеупомянутого турнепса ¹⁶⁶.

Вы скажете, что все это компромиссы, мелкие успехи скромных новоселов. Однако встречались и растения более требовательные.

Такова, например, гречиха, черная пшеница, которая, несмотря на свое название, принадлежит не к однодольным, а к двудольным растениям ¹⁶⁷. Она появилась в Бретани в конце XV века и так хорошо прижилась, что вскоре ее стали сеять на пшеничных, ржаных и ячменных полях после жатвы. По словам Ж.-Ж. Менюре ¹⁶⁸, гречиху «можно сеять на жниве сразу, как только срежут и уберут колосья [без предварительной вспашки, начиная с июля — августа]; в конце октября она дает урожай, отнюдь не лишний для земледельца; из гречневой муки пекут плотный, сытный хлеб; ею также заправляют супы; но главное назначение и превеликая польза гречихи заключается в том, что ее зерна и мука из них идут на корм домашней птице, индейкам и свиньям. Солома служит удобрением. Если растение в пору колошения засыпать землей, то поле можно засеять вторично, и оно быстро даст хороший урожай; в тех же краях, где семена уже дали всходы, а урожай собирают поздно, промежуток слишком короток, чтобы вырастить гречиху, и приходится отложить сев до весны». Относительно двух первых возможностей текст кажется ясным — либо собрать урожай зерна, либо использовать колосающееся растение в качестве зеленого удобрения, как мы сказали бы сегодня. Третью возможность приходится домысливать. Я полагаю, что яровую гречиху можно сеять только на поле севооборота после уборки пшеницы, овса или ячменя. Как бы там ни было, ясно одно: гречиха раз и навсегда заняла важное место в питании бретонцев, а также многих крестьян Центрального Массива и Юга. В XVII веке она добралась даже до высокогорного Арьежа ¹⁶⁹.

Кукуруза очень рано пришла в страну басков ¹⁷⁰, но прижилась и утвердилась только в последней четверти XVII века в Аквитании и прежде всего в окрестностях Тулузы. Она добивается признания и начинает играть заметную роль, она становится необходимой. Желтые кукурузные зерна поистине спасли Юг от недорода и голода в эпоху барокко, вопреки «жалобам виноградарей [например, в Сентонже], которые не могли примириться с тем, что от них уходит [на кукурузные поля] дешевая рабочая сила» ¹⁷¹. В конце XVIII века (1791 г.) Ж.-Ж. Менюре (снова он!) поет хвалы: «Кукуруза, или пшенка, турецкая

пшеница, растение с толстыми стеблями, большими листьями и зернами, содержащими много крахмала, любит плодородную почву; но большую часть питательных веществ оно берет из атмосферы, из одного семени вырастает целый початок, отходы его служат удобрением, стебли и листья идут на корм скоту [...] Само зерно получило разнообразное употребление: оно идет в пищу людям, на корм домашней птице, свиньям и даже крупному рогатому скоту [...] Фуражная кукуруза, которую сеют на жниве, приносит весной и летом [...] несколько урожаев или замечательное пастбище»¹⁷². Так ее употребляют и поныне. Но прежде всего кукуруза ценна своим зерном. Юг с его двупольным земледелием обрел в ней недостающую яровую культуру, а также бесценный корм для животных и вполне приемлемую пищу для людей. Крестьяне довольствуются ею всякий раз, когда хотят увеличить свои доходы и оставляют урожай пшеницы на продажу. Именно благодаря кукурузе Тулуза стала крупным центром торговли зерном, в частности, пшеницей. Заметьте, что, будучи южным растением (см. карту в томе I, с. 44), кукуруза распространилась во Франции совсем недавно благодаря созданию морозоустойчивых гибридов.

Картофель, завезенный, как и кукуруза, из Америки, встречается с теми же трудностями, потом понемногу преодолевает их. Он производит новый переворот, несомненно, более глубокий, если учесть место, которое этим клубням предстоит занять в нашем рационе. По мнению одних историков, население Европы в XIX веке растет благодаря медленному, но верному распространению прививки против оспы, по мнению других, среди которых немецкий экономист В. Рошер, — благодаря распространению картофеля¹⁷³. Вероятно, на самом деле существуют обе эти причины.

История картофеля в Европе начинается в XVI веке, когда несколько клубней попали в руки двух ботаников: англичанина Джона Герарда в 1586 году и француза, жившего во Франкфурте-на-Майне, Шарля де л'Эклюза в 1588 году. По случайности в их руках оказались два разных вида: розовый немецкий картофель и желтый английский — которые и дали начало всем прочим видам, появившимся в течение последующих полутора столетий.

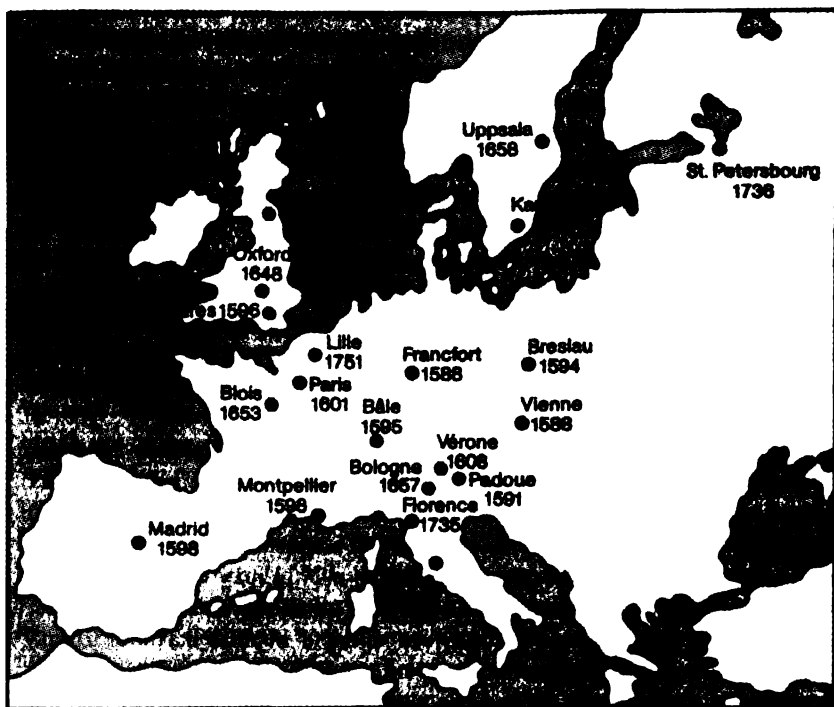
Однако только в середине XVII века в Германии и Австрии картофель переселяется с огородов на поля: потом он завоевывает Италию, Швейцарию, Дофинэ, Франш-Конте, Эльзас, Вогезы, Фландрию¹⁷⁴. В эту эпоху им питаются почти исключительно животные да бедняки. Пармантье, оказавшись во время Семилетней войны (1756—1763) в прусском плену, открыл там для себя полезные свойства картофеля,

бывшего в ту пору, как он говорит, его единственной пищей, не считая можжевельной водки... Гораздо позже, во время стремительной военной кампании 1805 года, начавшейся взятием Ульма (20 октября 1805 года) и окончившейся битвой при Аустерлице (2 декабря того же года) — кампании, приведшей французские войска с берегов Рейна на берега Дуная, наши солдаты также питались местной картошкой. Первенство Германии в этом отношении не подлежит сомнению. Тем не менее еще в 1781 году на берегах Эльбы ни один слуга, ни один челядинец не соглашался есть *Tartoffeln*: он предпочитал сменить хозяина ¹⁷⁵. Англия еще дольше не признавала картофель, и он долго оставался там просто ботанической диковинкой, меж тем как в бедной Ирландии новое растение вошло в обиход со второй половины XVII века. Впрочем, именно благодаря ирландцам картофель в конце концов занял свое место в сельском хозяйстве Англии и Северной Америки.

Что же до Франции, то несмотря на многообещающее начало, картофель был оценен «по достоинству» и обрел защитников своих вкусовых и полезных свойств только в середине XVIII века. Можно предположить, что его долго недооценивали в основном из-за сомнительного качества первых прижившихся видов: в 1752 году их по-прежнему было только два на всю Европу; в 1757 году их насчитывается уже семь, в 1770 году — девять, в 1772 году — сорок, а первый каталог Вильморена в 1846 году содержит их уже целых 177. В наши дни известно несколько тысяч сортов картофеля, соответствующих климату данной местности, пожеланиям земледельцев и вкусам населения. Когда выясняется, что поначалу люди часто пытались печь из него хлеб, легко представить себе их разочарование.

Широкое распространение картофеля начиная с середины XVIII века объясняется, вне всякого сомнения, демографическим подъемом. Некоторые прозорливые наблюдатели сразу поняли, какую пользу могут принести обществу новые культуры. Так, в лиможском фискальном округе картофель, считавшийся причиной проказы, был запрещен. Но когда в 1761 году интендантом этого округа был назначен Тюрго, он сумел победить укоренившийся предрассудок; в этой борьбе его поддерживало Сельскохозяйственное общество и местное духовенство. Кроме того, он воздействовал на своих земляков личным примером: прилюдно ел опасные клубни. Таким же образом епископ Кастрский через приходских священников добился того, что около 1770 года в Пиренеях «пата-ты» стали сажать едва ли не повсюду ¹⁷⁶.

Однако этот переворот произошел только после жестокого голода 1769—1770 годов. В следующем году Безансонская академия объявила

КАРТОФЕЛЬ В ЕВРОПЕ

Следует учесть, что на этой карте, которую я позаимствовал у Дьёрдя Манди и Золтана Цака, указана дата появления картофеля в разных городах Европы, а не его распространение в качестве корма для скота и пищи для человека, которое произошло гораздо позже. В разных местах это запоздание исчислялось разным количеством лет: например, в Англии он распространился больше, чем столетие спустя.

конкурс на тему: «Назовите растения, которые могли бы в случае недорода заменить те, которые люди употребляют в пищу в обычное время». Все представленные на конкурс работы называли картофель, особенно его перевозносил Пармантье, чья работа заняла первое место. Пармантье, сетовавший на «скептический нрав наших презрительных сограждан», начинает в ту пору большую кампанию по пропаганде

картофеля; он пишет статьи, подробно объясняет, как выращивать и хранить клубни, дает званые обеды, где подают исключительно картофельные блюда (на одном из таких обедов побывал Юнг); собирает в Париже все сорта картофеля, которые выращивают во Франции, и выписывает клубни из Америки для более успешной селекции¹⁷⁷. Наконец в 1786 году он добивается у Людовика XVI позволения посадить картофель на опытной плантации площадью двадцать гектаров в Нейи, у ворот Парижа, на бесплодных невозделанных землях равнины Саблон. Успех превзошел все ожидания. Пармантье счел, что лучший способ привлечь потребителей — приманить воров. Он нарочно доверил охрану своих посадок конной полиции, но... только в дневное время. Кроме того, он советовал земледельцам ни к чему не принуждать своих крестьян, но самим засадить картошкой обширное поле, усердно ухаживать за ним и «строго-настрого запретить переступать его границу»¹⁷⁸. Это более тонкое средство, нежели то, к которому прибегнул прусский король Фридрих II, принуждавший крестьян сажать картошку под дулом ружей!

О том, что усилия Пармантье, над которыми кое-кто посмеивался, как над безобидной манией, были совершенно необходимы и даже недостаточны, свидетельствует официальное послание из департамента Майени от 29 вандемьера года IV: «Выращивание картофеля [здесь] еще почти в зачатке, потому что он уродился только в огородах, на самых плодородных землях и в уваженных местах и обошелся недешево»¹⁷⁹.

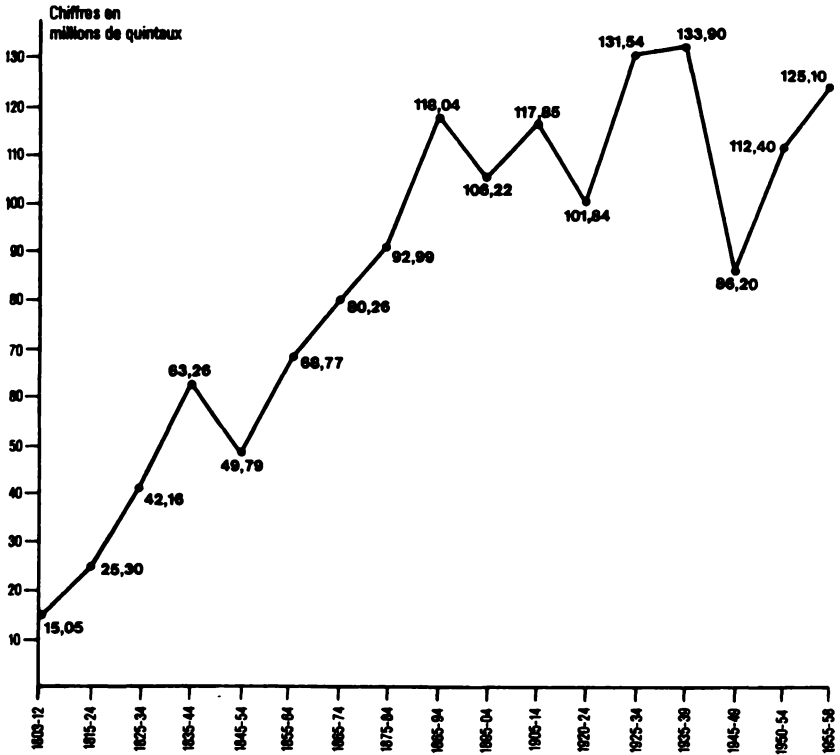
В центральные и западные области этот гость пришел гораздо позже. В Юилле (Анжу) картофель появился только между 1790 и 1795 годами, но от года к году занимал все большие площади. Ведь его использовали разом и «для откорма свиней», и «в пищу людям в голодные годы». «В 1834 году в Юилле картофель занимал 105 гектаров, что составляло почти 25% всей пашни, засеянной злаками»¹⁸⁰.

Таким образом, Ж.-Ж. Менюре, расхваливая его в 1791 году, забегает вперед; впрочем, он-то живет в Изере, самом передовом департаменте Франции. Вдобавок он сам выращивает его на своих землях. Послушаем его: «Картофель, это удивительное растение, которое содержит много крахмалистых веществ, очень нежных и вкусных, [способен] быть самым изысканным гарниром и самым простым блюдом, из него можно приготовить как тонкие и разнообразные яства для богатых [которые на самом деле не будут торопиться признавать этого «толстяка»], так и простую и легкую пищу для граждан всех сословий». После чего Менюре добавляет: «Культура эта, привольно расположившаяся, холерная, благоденствующая в моих владениях, принесла мне много пользы;

картофель оказался очень выгодным, он нащел себе применение на столе хозяев, работников и челяди, он пошел в пищу курам, индейкам, свиньям; его хватило и для местных жителей, и для продажи и т. д. Какое изобилие, какое удовольствие!»¹⁸¹ Картофелем очень рано стали откармливать свиней и постепенно даже перестали выгонять их в лес за желудями. В Сентонже, когда не хватало пшеницы и кукурузы, крестьянам приходилось довольствоваться картофелем, что наносило ущерб свиноводству. То же происходило в Ниверне в начале XIX века¹⁸².

И производителю, и потребителю нужна хорошая школа. И если вы хотите пройти эту школу, поезжайте в восточную Францию. Там, в Либревиле (Арденны), был достойный учитель — некий Колло, о котором мне ничего не удалось узнать. Не ищите Либревиль, откуда он пишет, на карте — это название Шарлевиля, которое он себе взял или которое ему дали в начале Революции. Письмо, о котором я веду речь, написано 30 фримера III года, то есть примерно через полгода после падения Робеспьера, но еще до роспуска Конвента, происшедшего 26 октября 1795 года. Впрочем, письмо не имеет никакого отношения к политике. Речь в нем идет исключительно о картофеле. Прежде всего о том, как его выращивать: «Вот что надо сделать, — пишет Колло. — Для начала глубоко вспахать землю поздней осенью или зимой, посредством плуга или заступа». После первых заморозков снова вспахать, вырыть заступом ямки рядами, на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга, потом вдвоем посадить картофель — один человек несет клубни, а другой кладет их в ямки... В каждую ямку добавить навоз. Затем ямки надо засыпать. Когда всходы поднимутся «на 12—15 дюймов, их следует окучить один-единственный раз, но как можно лучше, чтобы потом отсадить отводки¹⁸³». С наступлением лета следует выщелоть сорняки, но осторожно. Затем, что гораздо важнее, Колло рассуждает о сортах картофеля: «Сейчас я выращиваю картофель, — пишет он, — двух сортов: красный и желтый. Красные клубни свекольного оттенка, гладкие, плотные и не совсем круглые, а скорее продолговатые, самые крупные из них похожи на болванки для сабо. Другой сорт — желтые клубни, самые лучшие — с кулак и даже больше, гладкие, красные, по форме близки к неправильному четырехугольнику. Оба сорта картофеля внутри белые и очень вкусные: когда разрежешь картофелину, так и хочется ее съесть»¹⁸⁴.

Распространение картофеля в XIX—XX веках представлено на графике на с. 53. Даже милдью, болезнь, которая поражает не только виноград и с 1846 года свирепствует в Ирландии, а годом позже — во Франции, не смогла остановить его распространение.

ПРОИЗВОДСТВО КАРТОФЕЛЯ ВО ФРАНЦИИ

с 1800 по 1950 год

Цифры даны в миллионах центнеров

(Воспроизведено по изданию: Toutain J.-C. Le produit de l'agriculture française de 1700 à 1958. II, Cahiers de l'Isea, n° 115, juillet 1961)

То, что сказано о картофеле, можно сказать *mutatis mutandis* * и о сахарной свекле, о марене в долине Роны или на севере Эльзаса, где ее долгое время знали как «красную краску» из Хагенау, или о тутовом дереве, которое появилось гораздо раньше и сотворило чудеса в ткацкой промышленности...

* с необходимыми изменениями (*лат.*).

На пустующих полях севооборота. У всех новичков был козырь: они могли довольствоваться парами, не вытесняя традиционные культуры.

При двухполье участок делится на две части, которые обрабатывают поочередно: одну половину поля засевают, другая — отдыхает. Земля, которую раз в два года оставляют в покое, из принципа ничего на ней не сея, только на первый взгляд бесплодна: на ней вырастает трава, которой питаются стада животных; чтобы подготовить землю к новому севу и обеспечить урожай будущего года — прежде всего речь идет о посевах зерновых — землю перепашивают.

При трехполье земля остается под паром раз в три года, то есть отдыхает треть территории — две другие трети заняты одна пшеницей (или овсом), другая — яровыми, именуемыми мартовским хлебом (*mars* или *marsage*), потому что его сеют в марте. Эти поля совершают круг, по очереди сменяя друг друга, и образуют поле севооборота. Пар (который в разных областях Франции имеет разные названия¹⁸⁵) также меняет свой облик в зависимости от местности. В одних местах это будет *чистый, полный*, или *мертвый* пар, в других — *занятой*, или *обработанный*. Тот пар, который в XVIII веке назовут *позором* сельского хозяйства, — это, конечно, *чистый пар*, то есть такой, на котором ничего не растет и он просто ждет, когда на нем будут сеять в следующий раз.

Это *порожнее пространство* всегда старались использовать. Как только пробивалась первая весенняя трава, на пар всегда выгоняли скот. Издавна принято было сеять там культуры, которые получили название *промежуточных*: белый горох, серый горох, вику, чечевичу, бобы, фасоль... По сути дела, гречиха, кукуруза, картофель были, во всяком случае, поначалу, просто-напросто промежуточными культурами. И растения, которые они вытеснили, были не чем иным, как прежними *промежуточными* культурами, только и всего. В Морване картофель выращивали уже почти целое столетие, но широкое распространение он получил лишь после неурожая злаков в 1812—1813 годах — и тотчас вытеснил гречиху¹⁸⁶. В общем и целом, все эти новшества прижились довольно легко, кроме новшества самого радикального — посева на лугах кормовых трав.

«Извили-подвинься» (продолжение): сеяные луга. Сеяные луга — противоположность лугам природным, поросшим дикими травами, которые раскинулись по берегам рек и ручьев и во все времена ценились очень высоко: с X века «луг в Маконнэ [стоил] в два раза дороже, чем пахотная земля»¹⁸⁷. А в Бовези еще в 1680 году арпан земли, на которой

можно сеять хлеб, стоил от 60 до 100 ливров, а арпан луга — от 200 до 800 ливров, и разница в цене все время увеличивалась¹⁸⁸.

Луга, засаженные кормовыми травами, созданы руками человека: он вспахивает землю плугом либо вскапывает заступом или мотыгой, удобряет, сеет люцерну, клевер, эспарцет, вику. Иногда все эти травы сеяли вместе, что было не очень удачно, ибо одни из них растут быстрее, другие медленнее, и цветут в разное время. «Метода сия, пожалуй, не весьма хороша,— говорит наблюдатель в 1786 году,— ибо клевер ниже люцерны, и люцерна его душит; эспарцет, который созревает гораздо раньше других растений, следовало бы косить первым, и ему отнюдь не идет на пользу то, что его косят позже, чем надо, оттого, что люцерна и клевер еще не набрали силу. Таким образом, люцерну и эспарцет следовало бы сеять порознь»¹⁸⁹.

Как бы там ни было, при равной площади урожай с сеяных лугов собирают в два-три раза больше, чем с природных. В конечном счете они дают больше кормов для скота, увеличивая тем самым его поголовье и, следовательно, поставляя больше навоза. Конечно, они отнимают часть земель у его святейшества хлеба, но при этом повышают его урожай, удобряя почву и вдобавок удерживая в ней азот. Земель под зерновыми остается меньше, но урожай они дают более богатый. Это совершенно естественно, но первый консул, Бонапарт, при всем его уме, по словам Шаптала, никак не мог взять этого в толк¹⁹⁰.

Короче говоря, сеяные луга являются движущей силой переворота в сельском хозяйстве, необходимого и тем не менее совершающегося во Франции с большим трудом. Еще в 1823 году тот же самый Шаптал утверждал: «Нынче [...] основу сельского хозяйства должны составлять луга, засаженные кормовыми травами, и правильный севооборот»¹⁹¹. Но в то время совет его пропал втуне.

А ведь растения, которыми засевают луга, известны во Франции по крайней мере с XVI века. Двумя столетиями позже ими засевают участки, правда, небольшие, в Шаранте, в Дофинэ, в окрестностях Парижа, в Руссийоне, во Фландрии¹⁹². Кроме того, перед глазами у французов был пример англичан, добившихся в 1730-е годы значительных успехов¹⁹³. Так что ни в уговорах, ни в требованиях недостатка не было. Иногда дело доходило до резких упреков. Около 1795 года Мартен де Шассирон обращается к крестьянам, живущим в окрестностях Ла-Рошели: «Вы коснете в нищете и грязи, потому что не знаете, куда приложить свои силы: у вас слишком много полей и слишком мало лугов»¹⁹⁴. Не менее категоричная, но более спокойная критика содержится в докладной записке, написанной в Меде двадцатью годами

раньше, в 1777 году¹⁹⁵; ее автор объясняет: надо перестать постоянно выращивать злаки «на почвах, которые истощаются оттого, что на них все время сеют одно и то же зерно»; кроме того, в Лотарингии и Трех епископствах такие порядки, что крупный скот голодает; поэтому приходится пригонять рабочих и мясных быков из Швейцарии, а лошадей «для армии [...] и пахоты» из Германии, Арденн и Дании.

Отчего же такая медлительность, в чем причина неприятия? Почему, несмотря на то, что в XVIII веке столько физиократов, сельскохозяйственных обществ, крупных землевладельцев (которые заботятся об урожае и готовы экспериментировать) подчеркивают огромное значение «сеяных лугов и корнеплодов» и лишь о них и толкуют, слова почти не претворяются в дела? Почему «новаторов почти везде плотным кольцом окружает [...] старая система севооборота?»¹⁹⁶

В основном, потому, что, хотя травянистые кормовые растения семейства бобовых, посаженные на лугах, имеют много преимуществ, им никак не удастся проскользнуть в качестве *промежуточных* культур на пар. Клевер или вику можно при необходимости посеять всего на один год; если засадить ими пар, они вырастают очень быстро, и их можно косить на корм скоту без ущерба для хлеба, который успевает вовремя созреть на удобренной перегноем почве. Порядок севооборота не нарушается.

Но по *современным* нормам луг, засеянный люцерной, может давать урожай девять лет, а луг, засеянный эспарцетом или клевером, — шесть лет... В этом — большое преимущество многолетних трав, оцененное уже давно. Так, в длинной докладной записке, посвященной окрестностям Парижа накануне Революции¹⁹⁷, говорится: «Луг, засаженный эспарцетом, клевером или люцерной, приносит самый щедрый урожай на четвертый, пятый и шестой год. Потом растения начинают незаметно чахнуть, и тогда луг пора засеять сизнова». Последствия засеивания лугов многолетними травами угадать нетрудно: оно мешает традиционной смене культур; сеяный луг, получивший постоянное место, влечет за собой *изменение порядка севооборота*.

Но изменение порядка севооборота сталкивается с двумя препятствиями.

Первое — юридического характера: условия договора обычно предусматривают, что арендаторы земли и ферм обязаны «хорошо унавоживать и обрабатывать земли и не должны изменять порядок севооборота и *dérouer*¹⁹⁸, в случае же нарушения этих условий они будут отвечать перед законом». Землевладельцы имеют право подать жалобу в суд. И хотя в некоторых областях — например, в Артуа, во Фландрии,

землевладельцам, случалось, отказывали в иске¹⁹⁹, обычно суд стоял на страже традиционного порядка севооборота, необходимого, как тогда считалось, для хорошего урожая зерновых.

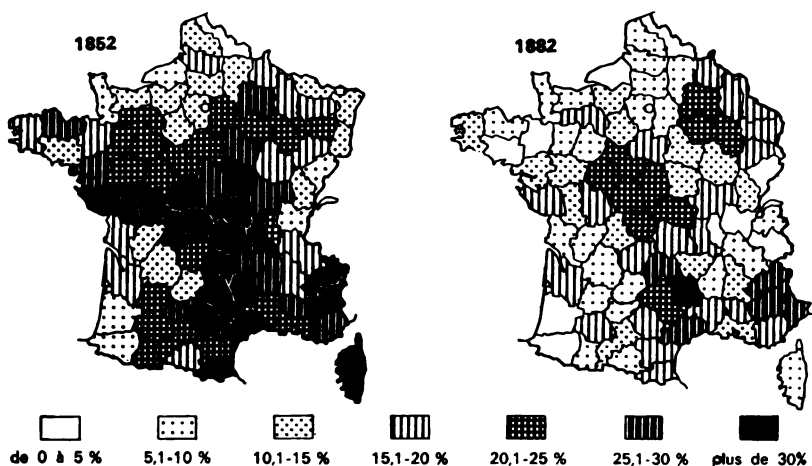
Второе препятствие — давний обычай пасти на парах скот; строгое чередование сельскохозяйственных культур и пара рассматривается не только как рациональная система обработки земли, но и как условие, необходимое для реализации права пасти скот на неогороженном поле после сбора урожая, как говорят в областях, где действует обычное право, — на юге Франции это обозначают термином *compascuité*.

Всякая деревенская община, живя довольно замкнуто, постоянно сталкивается с требованиями, которые диктуют скотоводство и земледелие. Невозможно обойтись без хлеба, невозможно обойтись без домашних животных, а жизнь этих последних регулируют неписанные законы, существующие с незапамятных времен: *обычай пасти скот на неогороженных полях после сбора урожая* и *обычай пасти скот на пустошах другой коммуны*.

Право пасти скот на неогороженных полях после сбора урожая открывает деревенским стадам пастбища, необходимые для роста и откорма скота; затем эти поля снова засевают. Разрешается пасти скот на обочинах дорог — это выход для коровы бедняка. Разрешается пасти скот на общинных землях — необработанных территориях, являющихся общей собственностью; этим правом пользуются и богатые, и бедные. Разрешается, как я уже говорил, пасти скот на паре, как только пробьется первая трава. Принято также пасти скот на стерне после жатвы. И наконец, скот пасут на лугах после покоса отавы либо, что гораздо реже, после сенокоса. Отаву иногда называют *сверхворсом*. «С тех пор, как стоит мир, — гласит один лотарингский документ 1789 года, — второй сверхворс [то есть отава после отавы] принадлежит общине»²⁰⁰.

Разрешение пасти скот на пустошах другой коммуны есть расширение права выпаса скота на неогороженных полях после сбора урожая. Одним словом, увеличение возможностей. Деревенские границы нечетки, они накладываются друг на друга, *разрешение пасти скот на пустошах другой коммуны* позволяет с ними не считаться. Это облегчает передвижение стадам и вообще являет собой довольно хитроумную систему, выгодную для скотоводства и при этом совершенно безвредную для земледелия.

Но для нормального пользования этой системой необходимо поддерживать порядок, соблюдать чередование засеянных земель и пара, следить за тем, чтобы в нужное время выгоны были открыты. Ведь

СОКРАЩЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПОД ПАРОМ

с 1852 по 1882 год

(По книге: Braudel F., Labrousse E. Histoire économique et sociale de la France, III. P. 672.)

луга, засаженные кормовыми травами, приходится огораживать, дабы сберечь посевы от погравы — то, что растения многолетние, лишь усложняет дело. Необходимо обносить сеяные луга заборами, стенами, окружать их рвами, живыми изгородями, необходимо охранять их. Это порождает споры, тяжбы, каждый защищает свои права и свободы. Не вступают ли в противоречие две свободы: та, которая защищает обычай коммун, и та, которая стоит на страже частной собственности²⁰¹? В богатых областях, где трава в избытке, например, в Нормандии, легче огородить какие-то участки, чем в других местах. Сходным образом на Юге, где пар, пустоши, необработанные земли часто занимают огромные площади, в конечном счете можно найти место для сеяных лугов и разных прочих новшеств в тех случаях, когда это позволяют природные условия (и исключения лишь подтверждают правило); иное дело — Северо-Восток, житница, где поля не огораживают, где требования трехпольной системы обработки земли весьма строги, а пастбища и общинные земли невелики.

Государство довольно быстро встало на сторону богатых землевладельцев-новаторов, ибо было заинтересовано в росте сельскохозяйственной продукции. Начиная с 1764 года местные эдикты отменяют

право выпаса скота на неогороженных полях после сбора урожая и разрешение пасти скот на пустошах другой коммун. Запреты четки, категоричны. Но никто с ними не считается. Крестьяне ожесточенно отстаивают свои жалкие преимущества. Сеньоры не хотят терять право пасти скот на неогороженных полях после сбора урожая. Парламенты, как я уже сказал, поддерживают их. Церковь, которой никак не удастся взимать десятину с новых лугов, так же как и со свежераспаханных земель (*les novales*), тоже на их стороне. И так, у засаживания лугов кормовыми травами обнаруживаются многочисленные противники.

Сельскохозяйственная ассамблея, созданная в 1787 году, естественно, высказалась за отмену права пасти скот на пустошах другой коммун и — не менее решительно — за позволение изменять порядок севооборота²⁰². По правде говоря, без особого успеха. Провинциальная Ассамблея Иль-де-Франса в 1787 году предоставила землевладельцам, желающим засеять луга кормовыми травами, право огораживать их в том случае, если площадь лугов не превышает десятой части общей площади их земельных владений²⁰³. Впрочем, это компромиссное решение так и осталось на бумаге. И во время Революции Сельский кодекс 1791 года возвратил общинам их исконные права, которых они в общем-то и не теряли.

Годы идут, политический строй меняется, но спорные вопросы остаются нерешенными. В 1836 году Сельскохозяйственный совет вновь расписывается в собственной беспомощности: разве, когда у земледельцев департамента Эна спросили их мнение, все они не высказались за сохранение права выпаса скота на неогороженных полях после сбора урожая? Эксперты Совета считают, что проще было бы кормить скот в хлеву, но они понимают, что при положении, сложившемся в сельском хозяйстве, это невозможно²⁰⁴.

Эксперты были правы, если судить по микроперевороту, который 14 июля 1861 года всколыхнул маленькую деревеньку Фюто (кантон Клермон-ан-Аргонн в департаменте Мёз). Был праздник, и беспорядки продлились полдня. Мэр сидел дома и «не пытался успокоить волнения», поэтому «господин Дюпон Франсуа, командир пожарников вышеупомянутой коммун, приказал бить сбор, не получив [на то] приказа». И все это ради того, чтобы отстоять право выпаса скота на неогороженных полях после сбора урожая! Правда, свирепствовала засуха, и нехватка травы становилась бедствием. В ночь с 14 на 15 июля «заборы, огораживавшие луга, были уничтожены», вероятно, под руководством командира пожарников²⁰⁵.

Разве это путешествие в Клошмерль не поучительно? В конце концов, не только авторитет хлеба, его величества Хлеба, в течение почти целого столетия тормозил распространение сеяных лугов.

Тем не менее около 1861 года посадки люцерны, эспарцета и клевера занимали 2 500 000 гектаров, то есть вполтину меньше, чем природные луга. Переворот произошел, но кое-как, несовершенно и беспорядочно. В 1877 году общинное имущество на Северо-Западе практически исчезло и вместе с ним «целинные земли, которые в 1789 году еще занимали восьмую часть области»²⁰⁶. Но по закону право выпаса скота на неогороженных полях после сбора урожая было уничтожено только 21 ноября 1889 года, и больше 8000 наших коммун бурно протестовали против этого решения, которое они считали пагубным²⁰⁷. Я своими глазами видел в 1914 году и даже позже, как в деревне на Востоке Франции все местные жители разом после покоса отавы пускают свою скотину по длинной травянистой дорожке, идущей вдоль ручьев сквозь бескрайние леса.

Франция вечно опаздывает с нововведениями. «Если вы начнете перебирать в памяти новшества, одно за другим появившиеся в сельском хозяйстве, — гречиху, кукурузу, картофель, рапс, марену, сахарную свеклу, сеяные луга — то увидите, что все они пришли извне. Порой издалека, из заморских стран. Но к нам во Францию они попали не со своей родины, а из европейских стран, которые окружают нас, связывают с миром, а также отделяют от него: гречиха — из Голландии, кукуруза — из Испании, картофель — из Германии, шелковица — из Италии, сеяные луга — из Нидерландов и Англии...

Ничего удивительного. Всякая экономика, всякое общество, всякая культура, всякая политическая власть все время получает извне культурные ценности, находящиеся в постоянном движении, кочующие по всему миру. Франция довольно удачно расположена для восприятия этих ценностей, ибо мимо нее проходят морской путь с Севера, начинающийся от Балтики и идущий через Северное море и Ла-Манш, основные сухопутные маршруты (которыми, к сожалению, часто распространяется эпизоотия), идущие из глубин Центральной Европы, из Восточной Европы и с просторов Азии, оживленный путь, являющийся продолжением Средиземноморского морского пути, наконец, широко открытый самой природой западный, королевский Атлантический путь, которым Франция не сумела вовремя воспользоваться, хотя, несомненно, нормандские моряки из Дьеппа, Руана и Онфлера и тысячи бретон-

ских кораблей, бороздивших в XVI веке европейские моря, словно ломовики, могли помочь ей сделать это очень рано...

Этими путями до нас дошли бесчисленные культурные богатства: например, конструкция корабельной палубы способом *стык внакрой* и руль, опирающийся на ахтерштевень, — два изобретения, совершившие переворот в морском деле и пришедшие с Балтики в XIV—XV веках; стремяна и хомут, изменившие способы править лошадьми между VIII и X веками и происходящие из Восточной Европы. Средиземноморский путь еще в XVII и XVIII веках проходит через Южную Францию, а оттуда поднимается в наши северные области, благодаря чему туда попадает множество полезных вещей: семена пшеницы, черенки садовых растений, овощи, плодовые деревья, цветы... Но все это обычно приходит к нам через посредников, несколько позже, чем в другие европейские страны.

Следует ли считать, что Франция стала в каком-то смысле жертвой своего географического положения? Что ее ближайшие соседи, а также окраины Европы более восприимчивы, чем она, к разнообразию обширного мира и всяким новшествам? Во всяком случае, именно «крайние точки Европы» резко раскололи континент: могучая Россия в XVI веке благодаря казачьим отрядам присоединяет Сибирь, меж тем как иберийский мир, находящийся вблизи зоны пассатов — этой природной аэродинамической трубы, которая постоянно направляет парусные суда от Канарских островов на запад, — открывает Новый Свет. Англия, Голландия, Франция опоздали, они не вошли ни в число первых завоевателей Америки, ни в число покорителей Сибири с ее пушниной и ездой на санях.

Но, быть может, дело не столько в том, что Франция находится в центре Европы, сколько в ее собственной географии? Огромная территория и плотная заселенность долгое время обрекали ее на раздробленность. Не оттого ли иностранные веяния так медленно проникают в нашу страну, хотя она и открыта всем ветрам? Не оттого ли чужие культуры после их проникновения всегда так медленно продвигаются по ее территории, хотя все они находят в ней свое место? Это происходит как в области искусства и философии, так и в области материальных ценностей. Кукуруза появляется в Байонне около 1570 года, в Кастельнодари она оказывается в 1637 году, в Безье — в 1678 году²⁰⁸. Белый и черный виноград *Ugna* проникает с Апеннинского полуострова в Конта-Венессен в XVII веке; столетие спустя он попадает в Лангедок; в XIX веке мы видим его «в Сент-Эмилионе (Борделэ), в Шаранте, где он становится основой производства коньяка»²⁰⁹. Оливье де Серр выращи-

вал в Виварэ картофель еще в XVI веке, при этом во многих областях Франции этот корнеплод и через двести лет оставался неизвестен.

Огромная многоликая Франция являет собой созвездие различных областей: сообщение между ними плохо развито, им приходится, по словам интендантов, жить прежде всего за счет собственных возможностей²¹⁰. Жители одних областей более консервативны, крепче держатся за привычные занятия и обычные методы, их удел — посредственность; жители других добиваются блестящих результатов, они хотят вводить и вводят новшества, но из-за самих своих успехов оказываются оторванными от других областей, отделены от них непреодолимой преградой и живут своей особой жизнью. Когда Артур Юнг, проехав Бушен²¹¹, попадает во Фландрию, он приходит в восторг от местного сельского хозяйства²¹². Контраст между этим высокоразвитым островком и французской нормой остается столь же разительным и в середине XIX века²¹³. С гектара обработанной земли в то время собирают урожай, который оценивается приблизительно в 450 франков, что втрое больше, чем в среднем по Франции; плотность населения там — 213 жителей на 1 км², поголовье крупного рогатого скота — одна голова на гектар; в качестве удобрений помимо навоза используют городские отбросы, жмыхи, кости, морской песок, человеческие экскременты. Именно это позволило фламандцам «распространить свои истощающие почву культуры без ущерба для ее плодородия и превзойти в урожайности с гектара даже англичан»²¹⁴. Кроме того, во Фландрии нет пара, его вытеснил так называемый очереднорасположенный севооборот. И нет общинного имущества. Но эта область стоит особняком, она ближе к бельгийской Фландрии и Голландии, нежели ко всей остальной Франции. Другие богатые области, стоящие особняком, — Артуа, Пад-Кале, Нормандия, Бос, Иль-де-Франс...

Резкие различия, неоднородность... Наши области отнюдь не являются идеально сообщающимися сосудами. Большие расстояния, огромность территории также играют свою роль. Уже в 1450 году Жиль ле Бувье так определял размеры Франции: «В длину двадцать два дня [...], а в ширину — шестнадцать»²¹⁵.

III

СКОТ, ВИНОГРАДНИКИ, ЗЕРНО, ЛЕС

Когда основные контуры очерчены, вырисовывается масса подробностей. Поэтому отберем самое важное, упростим, будем говорить лишь о существенном — оно, увы, тоже в избытке. Материал можно распределить на четыре большие главы: скот, виноградники, зерно, леса. Они подчиняют себе, разделяют, раскалывают Францию на четыре части: можно сказать, перед нами четыре Франции, не имеющие четких границ и различающиеся в зависимости от того, что занимает в них главное место: трава и скот, либо виноград и вино, либо зерновые и хлеб, либо деревья.

В сравнении с обширными территориями, занятыми посевами зерновых, домашними животными или лесными массивами, площади виноградников кажутся, на первый взгляд, весьма незначительными. Но как всякая настоящая промышленность, виноделие обладает притягательной силой, способствует заселению местности: разве оно не требует, не занимает множество рабочих рук? Более того, бывают случаи, когда виноградники разрастаются так буйно, что власти пытаются обуздать их, запретить новые посадки (как было в XVIII веке), но тщетно²¹⁶. А когда пришла Революция, виноградари воспользовались послаблениями и захватили обширные пространства, прежде занятые зерновыми. Этот захват продолжался до 1850-х годов и даже позже. При этом площадь виноградников увеличилась по меньшей мере на 500 000 гектаров, что немало. В XIX веке виноградарство распространилось на весь средиземноморский Лангедок, прежде бывший промышленной зоной и житницей; жители Лангедока буквально помешались на винограде. Впрочем, с появлением железнодорожного сообщения, облегчившего доставку продукции в северные области, это помешательство охватило весь Юг.

Короче говоря, следует предположить, что виноградарство никогда не плелось в хвосте, что оно значительно и весомо даже по сравнению с тремя остальными действующими лицами, хотя те намного превосходят виноградники по площади. Необходимо добавить, что оно по праву гордится своим благородным происхождением. Рассказывая о своем крае, родине черного «арманьяка», Жозеф де Пескиду около 1920 года отмечает, что «безмятежные пастухи, легкомысленные землепашцы, все местные жители пьянеют, стоит им прикоснуться к виноградной лозе»²¹⁷.

Но в конечном счете ни одна из наших отраслей сельского хозяйства не существует без трех остальных. Хотя бы потому, что они нужны друг другу. Старинная поговорка гласит: «У кого есть сена стог, тот найдет муки на пирог», и это верно. В Нормандии и сегодня говорят: «Хочешь пирога, сей луга»²¹⁸. Можно сказать также: «У кого зерно, у того и мясо», «у кого вино, у того и хлеб» и т. д. В Бургундии зерно иногда перевозят в бочках, как вино. И тот, у кого есть древесина, может жить за счет нее.

Не упускать из виду целое. Там, где разные зоны граничат друг с другом, обмен с близлежащими и более далекими населенными пунктами благоприятствует добрососедским отношениям. Таким образом, болотистая местность в Пуату — Марэ Пуатевен, где развито коневодство, объединяется с засеянной злаками равниной близ Фонтенеле-Конт; беррийская Шампань — с находящимися к западу от нее болотистыми и травянистыми областями Буашо и Брени; Нижняя Нормандия, все больше и больше специализирующаяся на скотоводстве, — с засеянными злаками равнинами Аржантана, Се и Кана; Ниверне — с дающими богатый урожай зерновых землями вдоль берегов Луары, Алье и долиной Йонны²¹⁹; побережье Фландрии — с ее внутренними районами; прославленные виноградники, расположившиеся на холмах Иль-де-Франса, — с полями ржи и пшеницы и стадами баранов, находящимися восточнее, на меловых почвах так называемой *бесплодной Шампани*; виноградники Борделэ — с хлебными берегами Гаронны... Что же касается деревьев, то они окаймляют, пронизывают всю сельскую жизнь.

Хотя по своему роду деятельности и образу жизни пастухи, земледельцы и виноградари резко различаются и зачастую являются полной противоположностью друг другу, они против воли замкнуты в едином поле. Поль Адан говорит в этой связи об «экономических полях»²²⁰. И если эти разнообразные Франции взаимоотталкиваются, как разноименные электрические заряды, то они также и притягиваются друг к другу, включаются в одни и те же обширные экономические рамки. Поэтому говорить о зерновых, скоте, виноградниках и лесах придется вперемешку: дело это долгое и трудное, но логичное и неизбежное.

В 1817 году. Обрисовывая общую картину, нужно опираться на точные статистические данные. До нас дошел один документ, который,

хотя и не прояснит картину до конца, по крайней мере укажет нам направление поисков.

Речь идет о полном своде данных, составленном в конце 1817 года и вошедшем в земельный кадастр²²¹. В нем мы видим, какой доход с гектара приносили земли, имеющие различное использование (пахотные земли, виноградники, луга, леса) в каждом из восьмидесяти шести департаментов Франции тех времен. Пятая цифра в этом своде указывает средний доход с гектара (во франках) в каждом департаменте. Для этого подсчета пришлось учесть площади, занятые каждой из культур.

Вот цифры, относящиеся к самому бедному департаменту, занимающему последнее место в списке — Нижним Альпам (данные расположены в следующем порядке: пахотные земли, виноградники, луга, леса): 13, 30, 57, 2; средний доход с гектара составляет 6 франков 38 сантимов. В самом богатом департаменте (разумеется, это департамент Сена, несмотря на то, что он самый маленький: всего 10 000 гектаров) доход составляет 100 франков с гектара пахотных земель (честь и хвала овощным культурам!), 112 франков с гектара виноградников, которые в те времена еще окружали столицу, 84 франка с гектара пастбищ и 108 франков с гектара лесов, которых в маленьком департаменте становится все меньше и меньше. Но департамент Сена и особенно Париж — исключения и даже *монстры*.

А теперь угадайте, какой департамент, не считая этого монстра, стоит в списке на первом месте, если исходить из среднего дохода с гектара, определенного нашими расчетчиками? Это Кальвадос — вы, конечно, не ожидали увидеть его во главе списка. Да, это Кальвадос, где нет виноградников, зато пахотные земли приносят доход 59, луга — 83, а леса — 36 франков с гектара. Средний доход с гектара составляет в Кальвадосе 78,25 франков против более чем 100 франков в департаменте Сена, единственном, где средний доход с гектара не указан. Следующие департаменты сильно отстают по своим показателям: Ла-Манш — 62,44, Сена и Уаза — 58,63, Нор — 58,17, Эр — 47,3, Юра — 46,64, Уаза — 45,75, Сена-и-Марна — 43,35.

Но сейчас мы остановимся не на этой классификации, хотя она доказывает, что оценить богатства наших областей непросто, что их невозможно подсчитать, как часто думают, поделив страну на две или три части. В данный момент мы займемся соперничеством между деревьями, травой, зерном, виноградом — в той степени, в какой о нем можно судить по распределению доходов.

Для решения этой задачи бесполезно было подсчитать, каков был в 1817 году *средний* доход с гектара пахотной земли (26,8), виноград-

ников (47), лугов (60,9) и лесов (16,4) во всех департаментах, то есть во всей Франции. Самый низкий доход приносят леса, и тем не менее в 1817 году лес еще поставляет топливо, необходимое для обогрева домов и для заводских печей, в баснословных количествах ²²².

Свод 1817 года представляет собой *таблицу* из 430 строк (86 департаментов по 5 цифр на каждый). Рассуждать о нем можно очень долго. Но не думайте, что эти результаты окончательные и понятны без объяснений (см. карты на с. 67 и 69, сводящие воедино цифры и комментарии к ним).

В каждом департаменте слишком много своих проблем. Доход от различных культур в расчете на гектар площади, кроме всего прочего, зависит от наличия или отсутствия в пределах досягаемости потребителей, которые едят хлеб, пьют вино, нуждаются в древесине, покупают скот либо продукты животноводства. «Трудно себе представить [...], во что может превратиться ничтожнейшая отрасль сельского хозяйства, когда у нее большие возможности для сбыта продукции», — замечает Лавернь по поводу Нормандии, чье богатство зиждется на «соседстве со столицей» ²²³. Доход зависит и от уровня жизни, то есть от оплаты труда, которая, безусловно, в разных департаментах совершенно различна. Если сравнить годовой заработок сельскохозяйственных рабочих, то окажется, что в одних департаментах рабочие получают вдвое больше, чем в других, например, в департаментах Северо-Запада и в департаментах Центра или Юго-Запада ²²⁴.

В формировании цен и доходов играют не последнюю роль относительный дефицит и повышенный спрос на те или иные продукты производства. Поэтому в самых богатых виноградом департаментах виноградники приносят: в Жиронде всего 58 франков дохода с гектара, в Марне — 49, в Об — 46, в Кот д'Ор — 42,36, но зато в департаменте Верхняя Сона — 83, Мозель (да здравствует плохое вино из окрестностей Меца!) — 81, Ду — 79, Рона — 75, Юра — 74, 64, Верхняя Луара — 73; самый большой доход приносят виноградники в окрестностях Парижа — 112 франков с гектара: абсолютный рекорд! Это на 33% выше, чем доход с гектара на лучших пахотных землях Фландрии! Вот непривычная, неожиданная, но истинная география вина и виноградников. Ибо именно там, где виноградников мало, где виноград растет плохо, где он низкого качества, у виноградарей самые хорошие барыши! Этот парадокс объясняется тем, что в эпоху, когда еще не было железнодорожного сообщения, транспортные средства не могли осуществить эффективное перераспределение продукции, ее доставку из зоны избытка в зону нехватки.

Дефицитом объясняется и тот факт, что департамент Буш-дю-Рон занимает первое место по доходам от лугов. Один гектар лугов приносит здесь 282 франка дохода. Это рекорд; ни в одном уголке Франции гектар земли не приносит такого дохода, даже тогда, когда на нем растет виноград. Эта аномалия объясняется тем, что на пространстве, раскинувшимся между каменной равниной Кро и болотами Камарги, равно как и в остальной части департамента, мало травы, необходимой многочисленным стадам баранов, которые с приближением зимы возвращаются с высокогорных пастбищ. В одной лишь Камарге каждый год рождается больше 40 000 ягнят, стада баранов пасутся на воле день и ночь, «там насчитывается [около 1780 года] 3 000 лошадей и столько же быков; все лошади белые, меж тем как местных быков легко узнать по их черным шкурам»²²⁵. Есть и другие ценные луга, но их ценность обусловлена совершенно другими причинами: это луга в департаментах Сена-и-Уаза, Эр, Нижняя Сена. Их преимущество в том, что они оказываются в пределах досягаемости для жителей столицы благодаря водному пути из Дьеппа в Париж. По нему снуют быстроходные трехмачтовые рыбацьи баркасы. По этому же удобному пути перевозят молочные продукты, так что Гурнэ (край Бре) становится настоящим центром маслостроительной промышленности.

Что касается лесов, использование которых полностью зависит от водных путей, то нет ничего удивительного, что в Нижних Альпах они приносят 2 франка дохода, а в окрестностях Парижа — 108.

Открытия эти впечатляют, но совершенно очевидно, что подсчетов, ограниченных одним-единственным годом, недостаточно, нужны длинные ряды данных, учитывающие предыдущие и последующие этапы. А их у нас нет, во всяком случае, мне не удалось отыскать сведений, достоверность которых не подлежала бы сомнению.

За неимением лучшего приведем другой ряд цифр; сразу оговорюсь, что они уступают в точности тем, что были приведены выше. Взяты они из одной малоизвестной книги²²⁶.

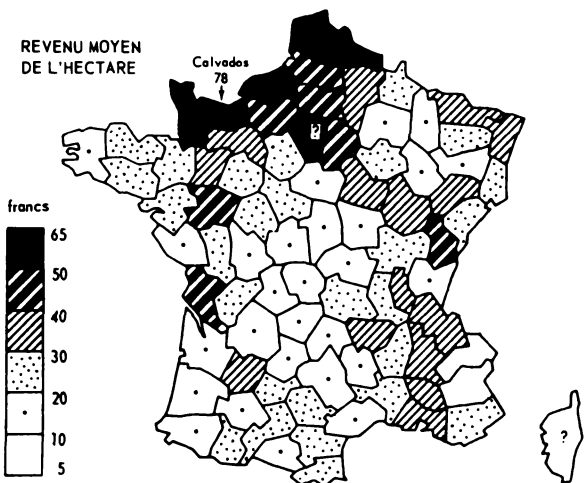
СРЕДНИЙ ДОХОД С ГЕКТАРА (окончание)

Карта среднего дохода с гектара лишний раз подчеркивает разрыв, существующий между севером и югом Франции.

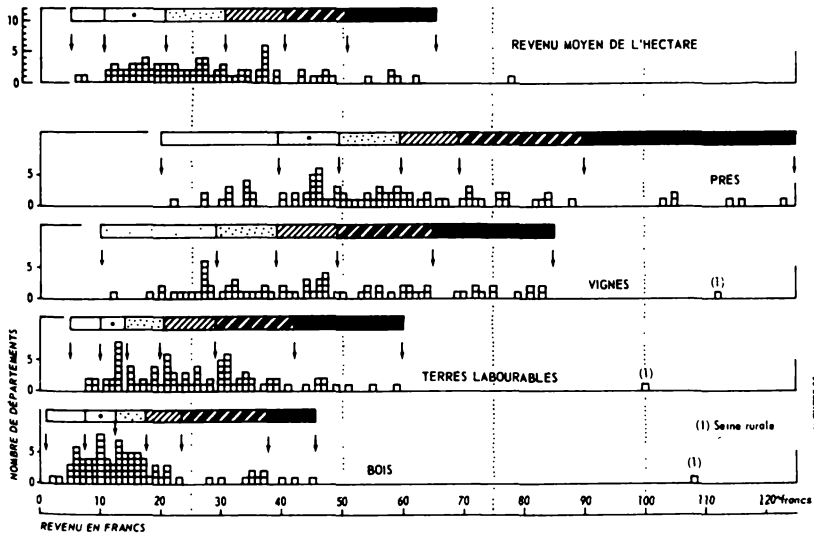
Диаграммы распределения департаментов в соответствии со средним доходом с гектара.

Надписи на диаграммах (сверху вниз): Средний доход с гектара. Луга. Виноградники. Пахотные земли. Леса.

Вертикальная шкала: Число департаментов. *Нижняя шкала:* Доход во франках.

DIAGRAMMES DE DISTRIBUTION DES DÉPARTEMENTS SELON LEUR REVENU MOYEN A L'HECTARE
DÉTERMINATION DES CLASSES ET CORRESPONDANCE AVEC L'ECHELLE DE TRAMES

Меньше чем за столетие — с 1785 по 1875 год — продукты сельскохозяйственного производства во Франции выросли в цене, увеличились в объеме, расширились в плане используемых площадей. Площади пахотных земель, если округлить цифры, вырастают с 24 до 27 миллионов гектаров, виноградников — с 1,86 до 2,5 миллиона гектаров, только площади лугов и садов сократились, да и то незначительно — с 5,2 до 5 миллионов гектаров. *Цена* (обратите внимание, теперь мы имеем в виду уже не «доход», но «капитал») гектара пахотных земель выросла втрое, с 900 франков в 1785 году до 2700 франков в 1875 году, так же выросла цена гектара лугов и садов: с 1500 до 4500, а цена гектара виноградников увеличилась с 2500 до 10 000, то есть вчетверо: это рекорд. Распространение виноградников, несомненно, облагородило наши пейзажи, но не изменило их общего облика; радикальные перемены произойдут позднее, и по другой причине.

Старинное скотоводство. Правило первое: пусть животные сами добывают себе корм. Надо ли говорить, что прежнее скотоводство — совсем не то, что нынешнее? Впрочем, пояснения здесь необходимы.

Первое общее правило: раньше жизнь людей была теснее связана с жизнью домашних животных, чем в наши дни, но они уделяли своей скотине гораздо меньше внимания. Не парадокс ли это?

Жизнь современного животновода проходит под знаком неусыпных забот. 100 молочных коров в хлеву, 1000 свиней в свинарнике, 10 000 кур-несушек на своего рода фабрике — сегодня говорят «цех», а где цех, там строгий контроль. Какой скотовод оставит без присмотра выгон, где летом пасется его скот? Так и в современном хлеву, оборудованном по последнему слову науки, с автоматизированной подачей корма, в современной овчарне или в новейшем свинарнике — постройках, зачастую отстоящих очень далеко от жилья, всегда дежурит кто-то из работников: надо соблюдать режим, принимать профилактические меры, вовремя делать прививки, следить за *механической подачей корма*. Надо трудиться не покладая рук, чтобы добиться наилучших результатов, если не качественных, то хотя бы количественных.

Раньше, наоборот, крупный скот: быки, коровы, лошади — как правило, большую часть времени были «предоставлены внешним случайностям»²²⁷, находились без присмотра, часто в почти диком состоянии.

Прежде всего потому, что скотоводство, как правило, было занятием второстепенным, а основным считалось земледелие — пшеница, рожь,

овес, ячмень... Злаки — тираны, и животных почти на всех фермах держали прежде всего ради них: нужен был навоз, требовалась тяговая сила: быков, коров, лошадей, мулов, ослов впрягали в телеги, повозки и плуги.

С другой стороны, крестьянам не хватало времени. И они старались разводить скот, затрачивая как можно меньше сил и средств.

Разведение свободного, предоставленного самому себе скота имеет то преимущество, что такой скот не мешает крестьянину заниматься другими делами, не покушается на его земли, ибо может вольготно пастись на широких просторах ланд, на поросшей дроком, утесником и вереском целине или в топкой болотистой местности. На эти нетронутые просторы — включая леса и кручи, — где трудно что бы то ни было выращивать, скотовод выпускает быков, коров, лошадей либо в начале их жизни, либо в конце, либо в любую другую пору, смотря по обстоятельствам.

Признаемся, сведения наши об этом *диком* скотоводстве чрезвычайно скудны. В этом несомненно повинны историки, которых, если не считать Жака Мюлье с его недавней книгой²²⁸, больше занимали зерновые, чем скот. Поэтому зачастую мы встречаем упоминания о нем, так сказать, случайно, как охотник, который вдруг неожиданно натывается на дичь.

Вот, к примеру, сельскохозяйственный проект, представленный 10 января 1731 года на рассмотрение Бретонских штатов. Из него видно, что быка принято было выгонять для откорма на пастбище площадью пять или шесть арпанов (речь, конечно, идет об обширных бретонских ландах) и оставлять там; животное в этом царстве свободно, но его хозяин все же на всякий случай приносит ему «около пяти тысяч фунтов²²⁹ сена, [от которых] оно съедает только половину, а другую половину оставляет»²³⁰. Право слово, странное понятие о кормовых лугах! Впрочем, эти мясные быки все же находятся под присмотром, ведь они получают добавку к корму и проводят на вольных пастбищах лишь часть своей жизни: вероятно, прежде, чем их решили отправить на бойню, они служили тяговой силой. Как объясняет словарь Савари (1772 г.), бык «способен тащить» в возрасте 3 лет, а в 10 лет «с него надо снять ярмо или упряжь и пустить на откорм»²³¹.

Не менее живые зарисовки мы находим в дневнике Губервиля. Он переносит нас в XVI век, но территориально мы не слишком удалимся от Бретани; теперь мы в Нормандии, на севере полуострова Котантен, в усадьбе Мениль, расположенной в лесистой местности, в дне пути от Шербура. Владелец усадьбы Губервиль очень умело управляет своим

хозяйством. Важное место в нем занимает скотоводство: в различных постройках, стоящих отдельно друг от друга, помещик держит лошадей, коров, баранов, свиней, коз... Однако большую часть крупного рогатого скота составляют, как говорит сам Губервиль, «дикие животные, [которые] пасутся в лесу», иногда вместе с соседской скотиной, и плодятся на свободе. Главная трудность — в том, чтобы их поймать, как для того, чтобы запрячь их в работу, так и для того, чтобы продать на ярмарке. Всякий раз приходится устраивать настоящую облаву, в которой принимает участие человек двадцать — тридцать... Загонщики часто возвращаются ни с чем: одних животных они не нашли, другим удалось сбежать, иногда животные вырываются изо всех сил, — так, однажды кобыла «повалила [одного из загонщиков] и чуть было его не растоптала»²³².

В дневнике Губервиля есть поразительные заметки. 24 июня 1562 года стадо бычков удалось собрать «почти» полностью; телятам, «диким бычкам», в этот день, вероятно, выжгли клеймо: Губервиль всегда клеймил свою скотину; часть из них оставили, чтобы «выложить», то есть выхолостить. В другой раз была устроена настоящая охота, чтобы «убить дикого быка» в угоду покупателю. Губервиль регулярно снаряжает маленький отряд, чтобы «prendre du haras»²³³; дела идут с переменным успехом: обычно речь идет о молодых жеребцах, которых нужно либо спутать и обездить, либо заклеить и отпустить обратно в лес²³⁴.

Эти заметки вызывают в памяти не столько французскую деревню, сколько Far West*; они показывают нам стороны жизни, которыми мы, историки, интересовались еще меньше, чем ручной обработкой земли, — то есть не интересовались вовсе. Тем больше у нас оснований продолжать исследование и попытаться истолковать не всегда ясные тексты, дабы воссоздать картину, которая не совпадает с обычными представлениями историков.

Так, в XVIII веке «кормильцы» Перигора покупали в Верхнем Лимузене годовалых и полторагодовалых быков, затем отпускали их пастись на «не очень хорошие луга» до 4 или 5 лет, потом, «разбив их на упряжки и надев на них ярмо», одних оставляли для работы, а других продавали²³⁵. Я думаю, что хотя в конце концов этих животных *укрощали*, поначалу они были такими же дикими, как лошади и быки Губервиля.

* далекий Запад (англ.).

Пример Нижнего Эльзаса, на котором я хотел бы остановиться подробнее, гораздо более показателен. Местный климат и пастбища позволяют отпускать скот на волю на девять-десять месяцев в году. Такая свобода может показаться странной, но животные с легкостью находят себе пищу в лесу, в зарослях кустарников и на болотах, где они полновластные хозяева. Эти открытые для всех пастбища нередко являются частью существовавшей веками общинной собственности (Allmend). Еще в 1805 году мэр Селеста жаловался на урон, который лошади и коровы нанесли лесам, растущим вдоль берегов Илла, самой большой реки Эльзаса, текущей параллельно Рейну: «Своими копытами и зубами они уничтожают все,— пишет он,— известно, что одна лошадь приносит лесосеке больше вреда, чем топоры пятнадцати дровосеков»²³⁶.

Однако скотоводство в Эльзасе к этому времени уже сильно изменилось. Пастбищ, когда-то обширных, уже с XII—XIII веков стало не хватать из-за распашки нови и, вероятно, из-за увеличения поголовья скота. Поэтому в Эльзасе, как и во всей северо-восточной Франции²³⁷, происходит регламентация, разделение собственности, власти устанавливают маршруты, по которым могут передвигаться животные, и в конце концов появляются общинные пастухи²³⁸. Благодаря этому сразу воцаряется порядок. Обстояло ли дело таким же образом и в других местах? А именно, всякий ли раз, углубляясь в далекое прошлое, мы встречаем там скотоводство, развивающееся само собой, или, во всяком случае, при минимальном участии человека? В Бурбониз в эпоху Столетней войны скотоводство было именно таким — крестьянские стада разоряли и вытаптывали обширные местные леса, и сеньоры ничего не могли с ними поделать²³⁹.

Любопытная деталь — лошади кое-где жили по-старому аж до XIX века, как недавно установил Жак Мюлье в своей прекрасной книге. Заслуга ли то животных или плод беспечности людей?

В Бретани еще в XVIII веке лошади весь год жили на воле в болотистых, поросших редким лесом ландах. Если зима была суровой, они копытами разбивали лед и извлекали из-под него траву. Если на них нападали волки, им приходилось обороняться самостоятельно; кобылы и жеребята каждый вечер собирались вокруг жеребцов, которые защищали их до восхода. Плодились лошади на воле, без вмешательства человека. Обычай холостить неуклюжих жеребцов, дабы избежать неполноценного потомства, появился гораздо позже.

Такую же картину можно наблюдать в Беарне и в предгорьях Центральных Пиренеев. Лошадь так называемой «наваррской породы»

появляется сама собой, без участия человека. Кобылицы и жеребцы живут в диком состоянии. Они с рождения приучены полагаться только на себя, переносить бури, ранний снегопад, уверенно взбираться по самым крутым склонам. Когда в зимнюю непогоду они спускаются на равнину, то доходят иногда в поисках травы до бордоских ланд. Маленькие, коренастые, быстроногие, ловкие, они подходят и для охоты, и для легкой кавалерии. Окончание войн, которые вел Людовик XIV, вкуче с другими обстоятельствами нанесло беарнскому коневодству большой удар, от которого оно так полностью и не оправилось. Но, как вы понимаете, оно все же не исчезло. В августе 1843 года Виктор Гюго, отправившись на отдых в Котре, встречает там лошадей этой занятной и своеобразной породы и ездит на них. «Горные лошади, — пишет он, — восхитительны: терпеливые, мягкие, послушные. Они могут взбираться по уступам и спускаться по лестнице. Они ходят по дерну, по камням, по льду. Они пронесут вас по самому краю пропасти. Они ступают мягко и осторожно, по-кошачьи. Настоящие лошади-кошки»²⁴⁰.

Другое необычное скотоводство — скотоводство в Марэ Пуатевен. Почвы здесь образованы морскими и речными наносами и лишь незначительно осушены каналами. На топкой местности растут деревья и трава. По утверждению некоего интенданта, «разведение [там] лошадей почти не требует ни затрат, ни забот. Надо просто оставить их на воле, где они круглый год находят себе корм [...] Крестьяне, занимающиеся коневодством, в конце концов стали оставлять только кобыл, большая часть которых — дикие животные, никогда не жившие в стойле и не знающие узды»²⁴¹.

Такой метод отнюдь не способствует улучшению породы. Вообще непонятно, почему накануне Французской революции лошадей разводят так же, как во времена Столетней войны. Быть может, дело в том, что приручить диких лошадей нелегко? Или в том, что коневодство — вопреки тому, что естественно предположить априори, — не так выгодно, как разведение быков, мулов и коров, дающих молоко и молочные продукты? Но, вероятно, есть и другие причины.

Правило второе: содержание скота в стойле или на воле в зависимости от времени года. Изначально под *стойловым содержанием скота* понимали содержание рогатого скота в хлеву, но постепенно это понятие стали толковать расширительно и распространили на содержание любых домашних животных в любом помещении, будь то хлев, конюшня, овчарня или свинарник. Сегодня различают *постоянное* и *сезонное* содер-

жание скота в стойле. Первым животным, всю жизнь прожившим в неволе, судя по всему, была свинья — это началось тогда, когда ее стали откармливать дома, в основном картофелем. Прежде свиней отпускали в лес, где они питались желудями и плодами букового дерева — в некоторых областях Корсики так поступают до сих пор. Губервиль регулярно выгонял свое стадо поросят «лакомиться желудями» (он говорил также «на желуди») в дубовые рощи, откуда оно возвращалось поредевшим — одни поросята не могли найти дорогу домой, других съедали волки. Губервиль также продавал право выгонять свиней «на желуди» другим свиноводам. Однако для себя и своих домашних он в начале осени запирает десятка полтора свиней в свинарник и откармливал их на солонину. И, вероятно, так поступал не он один, ибо желуди были ходовым товаром. Губервиль посылал своих людей в лес собирать желуди, чтобы запастись ими впрок, излишки же при случае продавал, кроме того, он нанимал для сбора желудей работников со стороны, отдавая им за работу половину собранного²⁴².

Остальных домашних животных невозможно было держать в стойле круглый год, потому что до того, как луга стали засаживать кормовыми травами (то есть практически до начала XIX века), сена крестьянам не хватало. Если скот оставался в хлеву, его надо было хоть скудно, но кормить; молочной корове требовалось не меньше 10 фунтов сена в день, а для этого нужно было иметь немалые запасы. Поэтому при первой же возможности скот выпускали на волю, не всегда утруждая себя присмотром.

Когда наступали холода и животных запирали в четырех стенах, люди жили бок о бок с ними, вместе с ними, согревались их теплом. Это близкое соседство было не лишено неудобств и опасностей. В Бретани²⁴³ и в других местах считалось, что оно пагубно отражается на здоровье. В горах из-за холодов и непогоды это соседство было особенно тесным и долгим. Что за жизнь у крестьян, которые «зимой спят в наглухо закрытых конюшнях, где воздух сырой, спертый, а жара такая, что весь организм [человека] приходит в расстройство!» Это тем более опасно, что, выходя из этой «бани, люди попадали прямо на мороз»²⁴⁴.

Животным тоже жилось несладко, кормили их плохо, сеном или даже соломой, и не всегда досыта. Савойская поговорка гласила, что если к 23 февраля съедена только половина запасов сена, то все в порядке. Но нередко в Бургундии, как и в Савойе, под конец зимы приходилось прибегать к крайним мерам: и солома из тюфяков, и солома с крыши в конце концов оказывались в кормушке. Из этих испыта-

ний животные выходили такими слабыми и исхудавшими, что когда наконец наступала весна, коровы не могли сами встать на ноги и выйти во двор, приходилось их поддерживать. В Оверни с ее суровыми зимами до сих пор сохранился обычай выгонять коров на пастбище только 25 мая, в день святого Урбена, «когда ни хлеб, ни вино уже не замерзают [...] Они нутром чувствуют приближение этой даты, словно у них календарь в желудке, и начинают волноваться. Если открыть ворота, они уйдут сами»²⁴⁵.

В разных местах скотину выгоняли на летние пастбища по-разному. Во многих деревнях путь был очень коротким: утром или после обеда выходишь из дома с собакой и несколькими коровами, доходишь до околицы и оставляешь коров на выгоне, где они щиплют траву. Дело несложное: за тем, чтобы коровы, не дай Бог, не забрели к соседу, следит собака. А ты тем временем разжигаешь костер и печешь в золе картошку. Радости деревенского детства! Ведь эту работу поручали именно детям. Жанна д'Арк девочкой пасла баранов в Буа Шеню, близ Домреми. В 1778 году Никола Дюриваль²⁴⁶ так описывает лотарингских лошадей: «маленькие, уродливые [...], [но] не по росту сильные и смелые; послушные, ловкие, понятливые; они редко болеют; легко дают себя подковать; днем они трудятся на совесть, а ночью пасутся под присмотром детей и собак, которые, если нападут волки, не смогут их защитить».

Но большую часть работы в деревнях на Востоке Франции выполняли профессиональные пастухи; в деревне их бывало до трех: один пас коров, другой — овец, третий — свиней. Утром они дудели в рожок, возвещая о своем уходе, а с наступлением темноты так же извещали о своем возвращении.

Они тоже уходили не слишком далеко. Вдали от дома скотину пасут только жители гористых местностей. Там, чтобы с наступлением лета добраться до травы, растущей на вершинах, — до альпийских лугов — надо взбираться по склонам. Однако не следует заблуждаться — как правило, в Центральном Массиве, так же как в Вогезах и Альпах, имеет место не кочевничество, не перегон овец в горы на летние пастбища, но миграция «в маленьком радиусе»²⁴⁷. Крупный рогатый скот и бараны, покидая хлев или овчарню, которая находится внизу, взбираются вверх — но не слишком высоко, так, чтобы их было видно из долины. Если вы приедете до того, как стада поднялись в горы, вы услышите, как «из просторных хлевов, над которыми возвышаются [в Альпах и других местах] обширные сенные сараи, доносятся рев и мычание [...] Из приоткрытых ворот, перегороженных решетками, вырываются спе-

цифические резкие запахи — бараны сгрудились в тесной овчарне с редкими окошками, почти не пропускающими света, — настоящей душегубке»²⁴⁸. В Вогезах, по словам одного путешественника (1696 г.), коровы весной поднимаются на пастбища одни и в октябре одни возвращаются домой, но на «соломенной крыше» — высокогорных пастбищах — они пасутся под присмотром пастухов (*les margaires*), часто уроженцев Швейцарии. Эти пастухи приходят на пастбища еще до стад и месяцами живут в деревянных лачугах, «вдали от рода человеческого, на одной лишь молочной пище. Вместо хлеба, который они могут раздобыть только тогда, когда цены на зерно падают, они едят пресный грубый сыр»²⁴⁹.

В Альпах надо еще в апреле «расчистить дорогу к пастбищам, и для того, чтобы снег поскорее стаял, там разбрасывают комья земли»²⁵⁰. В разных местах поступают по-разному. Часто снега на вершинах тают поздно, поэтому «восхождение осуществляется поэтапно»: есть два или три уровня альпийских лугов, «вначале на некоторое время задерживаются в „нижних горах“, на высоте тысячи пятисот — тысячи семисот метров [...] Так же и спускаются». Здесь стада переходят в руки пастухов, чаще всего нанятых на многолюдной ярмарке в Барселонетт. Там, так же как в Тарантез и в Верхнем Фосиньи, крестьяне переселяются летом на высокогорные пастбища целыми семьями. «В крестьянских семьях бывает так, что в горы отправляются женщины с детьми: они приглядывают за стадом и выполняют различную работу, в том числе делают сыр, меж тем как мужчины остаются внизу, чтобы ворошить сено и обрабатывать поля»²⁵¹. В разных областях летнее переселение в горы происходит по-разному: одни живут в далеко отстоящих друг от друга шале, другие — в деревушках, где дома жмутся друг к другу.

Когда стадо спускается в долину, владельцы разбирают свою скотину. Часть животных они доверяют на зиму попечению третьих лиц, расплачиваясь за это молоком или будущим телянком. Но большую часть скота, начиная с сентября, ведут на ярмарки, чтобы продать.

Еще одно правило: разделение труда приводит к обмену, продаже и перепродаже. Нынешнее животноводство, как и прежнее, включает в себя различные виды деятельности, ибо зависит от разделения труда, разделения, которое раньше было более четким, чем сегодня. Многие области специализировались на разведении определенного вида животных и ничем другим не занимались: так, в Пуату разводили мулов, в Перше и в Булоннэ — чистокровных лошадей, в Кро и Камарге —

баранов, в Перигоре — свиней, которых сбывали исключительно купцам из Бордо... С другой стороны, среди областей, специализирующихся на разведении рогатого скота, есть края «родильные», где выхаживают молодняк и быстро его продают, и края «кормильные», специализирующиеся на откорме быков и кормовых лугах — у нас нет других слов, чтобы обозначить места, где покупают молодых быков и телок и используют их как тягловую силу, а когда они уже не могут работать, перепродают их в области с кормовыми лугами; или области, где собирают полудиких лошадей и объезжают их, прежде чем вести на ярмарку.

Короче говоря, правило таково: купить, чтобы продать, продать, чтобы купить. Отсюда — оживленное сообщение между областями, расположенными порой очень далеко друг от друга; разве крестьяне из Альп, намереваясь улучшить местные породы рогатого скота, не покупали животных в Оверни, в департаменте Ардеш и даже в верховьях Луары? Что касается жителей Лимузена, то они покупают быков, которых откармливают на мясо, у жителей Сентонжа, которые сами несколько лет назад купили их в «родильных» краях²⁵². Беррийские пахари покупают кобыл в Пуату, приучают их возить повозки с грузом или плуг, используют их на довольно легких работах (в разных краях — разных), а потом продают в Нормандию или Париж — ведь всякая лошадь, даже изнуренная, в состоянии возить фиакр²⁵³.

В Марше в 1768 году «разводили баранов „мелкой породы“, растили их до двух-трех лет, а потом в мае или июне продавали их (по 8—9 франков за пару) в Берри или Бурбоннэ». И в том же Берри или в Пуату покупали поросят «в августе — сентябре по 10—12 ливров за голову и продавали их зимой по 15—18 ливров, при условии [...], что на дубах было достаточно желудей»²⁵⁴. Жители альпийских областей Дюа, Деволуи, Шансор, Веркор покупали ягнят в Камарге, так что «когда несколько суровых зим, которые предшествовали году XIII [1805], вызвали падеж ягнят в Камарге, это пагубно отразилось на альпийском скотоводстве. Это становится понятным, если вспомнить, что из 7000 баранов, которые зимовали в Деволуи, 3000 голов — почти половина — были куплены весной в Камарге». Горцы с берегов Изера покупали баранов в Лангедоке; жители Бомона отправлялись за баранами в Воклюз... Стоит ли продолжать? Все земли Франции могли бы занять в этом списке достойное место²⁵⁵.

Специализация эта соответствовала различным возможностям: есть пастбища и пастбища, и не всякие луга — кормовые. Привычки, законы рынка также сыграли свою роль: Франция, как и вся Европа, сплошь

усеяна *скоромными ярмарками*, где торгуют скотом. Число их растет и растет вплоть до середины XIX века. Ибо, если крупные международные ярмарки в Лионе, Гибре, Бокере и даже Бордо постепенно утрачивают свое значение, то местные ярмарки продолжают регулировать обмен и продажу продуктов земледелия и животноводства. Для крестьян скот остается самым ходовым товаром. Чтобы купить нужные вещи, чтобы заплатить денежный оброк и налоги, они продают либо совсем молоденьких жеребят или телят, либо мулов, которые тоже пользуются большим спросом. Заодно им случается продавать свой хлеб на корню. Что же касается скота, то крестьяне покупают его только затем, чтобы рано или поздно продать, а те крестьяне и торговцы, которые его у них покупают, также стараются в свою очередь его перепродать. Таким образом, торговых сделок становится все больше.

Продукты животноводства — молочные продукты, кожа, шерсть — в изобилии представлены если не на ярмарках, то на городском рынке.

Возьмем Овернь: куда она только не вывозит огромные круги сыра! В Марселе они появляются в 1543 году ²⁵⁶, а возможно, что даже раньше. Альпы поставляют свои сыры (иногда кругами в 35—60 фунтов, уложенными в бочки) ²⁵⁷ в Ломбардию, Пьемонт, Женеву, долину Роны, Прованс. «Из одной только Тарантез [...], [специализирующейся] на этой торговле, каждый год [в XVIII веке] перевозили в Пьемонт на мулах 6000 голов сыра» ²⁵⁸. А кобылы из монастыря Шамони, начиная со Средних веков, спускались в Савойю, груженные альпийским творогом ²⁵⁹, сырами и даже маслом» ²⁶⁰. Заботясь о вывозе своих молочных продуктов, жители Кераса всегда следили за состоянием дорог; «масло отсюда [...] считалось лучшим в провансальских Альпах и альпийском Дофинэ; поэтому оно продавалось не только на рынках Гапа и Амбрена — большую его часть увозили в Прованс» ²⁶¹. Все эти торговые связи очень давние: разве рокфор, изготавливаемый из молока ларзакских овец, не был известен еще римлянам, которые высоко его ценили ²⁶²?

Но главный товар — сами животные; товар этот имеет то преимущество, что может передвигаться и сам приходит на рынок или ярмарку, так что для торговли им нет никаких помех: скоту не нужна широкая проезжая дорога, ему годится любая.

В конечном счете крестьяне не могут устоять перед соблазном сравнительно легко подзаработать денег, не могут устоять перед повседневным зовом ярмарок и их радостями: выпить там кружку вина, послушать новости, поболтать с друзьями. Кто откажется пропустить на ярмарке стаканчик, поплясать под звуки волынки, от души поколотить конных полицейских, у которых хватает наглости явиться сюда для

того, чтобы следить за порядком, или, того хуже, арестовать какого-нибудь беднягу и попытаться посадить его на лошадь позади одного из стражей порядка ²⁶³? В таких случаях потасовки не миновать.

Удивительнее всего то, что барыши в результате всех этих многочисленных ярмарочных обменов и волнений всегда невелики, особенно с нашей нынешней точки зрения. Вчерашний крестьянин не учитывает свой собственный труд, он отдает его даром. Он не берет его в расчет, и это тоже одно из правил, причем более важное, чем кажется на первый взгляд.

Перегон овец в горы на летние пастбища: скорее исключение, чем правило. Среди этих правил перегон овец в горы на летние пастбища (*la transhumance* ²⁶⁴) является исключением, несмотря на то, что существует давно и встречается довольно часто. Обычай этот стар, как мир. Подобно многовековой эрозии, он проложил себе пути, навязал свои обмены, установил связи между зимними пастбищами, находящимися на теплых равнинах Средиземноморья и Аквитании, и летними пастбищами на далеких от них *альпийских лугах* Центрального Массива, Пиренеев и Альп. При этом овцы почти не бывают в овчарне. Речь идет о продуманном и упорядоченном передвижении овец на большие расстояния, когда они проходят 20—25 километров в день под присмотром опытных пастухов.

Неважно, является ли перегон овец на далекие пастбища *прямым* (еще его называют *нормальным*) или *обратным*. В первом случае владельцы стад живут на равнине; во втором случае они живут в горах. Но в обоих случаях либо в одном, либо в другом конце пути стадо оказывается пришлым, чужим, со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая враждебное отношение к чужакам ²⁶⁵.

Дороги, по которым скот перегоняют на летние пастбища, именуемые по-разному: *camis gamaders* в Восточных Пиренеях, *drayes* или *drailles* в Лангедоке, *caitaires* в Провансе — пересекали заселенные и освоенные земли, деревни и даже города и потому всегда были трудными.

Впрочем, иногда выгода бывает взаимной. Например, оседлый житель разрешает пасти баранов, которых перегоняют на летние пастбища, на своих полях, а стадо удобряет его поле. Овечий помет особенно ценится и поныне: как говорил Индюшонок у Рабле: «где только мои бараны помочатся, на тех полях такой урожай, словно сам Господь Бог там помочился. Никакого мергеля, никакого навоза не надо» ²⁶⁶.

Но, как правило, оседлые жители относятся к кочующим стадам и пастухам враждебно. Между ними нередко вспыхивают ссоры. В XVIII веке интендантам из Лангедока часто приходилось расследовать жалобы «скотопасов», которые, прервав на несколько лет свою деятельность из-за падежа скота или по какой-нибудь другой причине, не могут возобновить ее, потому что окрестные жители захватили земли, и тропы для перегона стад так сузились, что животным по ним не пройти, а с пастухами местные жители «обходятся так скверно, что тем приходится отступать»²⁶⁷. Собрание обычаев департамента Эро, изданное в 1936 году, указывает, что большая часть троп для перегона стад, за состоянием которых следили коммуны, к тому времени исчезла, «одни превратились в проселочные дороги или в дороги, содержащиеся на средства департамента, другими завладели местные жители»²⁶⁸.

Эти передвижения, еще недавно являвшие собой величественное зрелище и до сих пор остающиеся живописными, идут на убыль. В целом сегодня в горы на летние пастбища перегонают около 700 000 баранов и овец, по сравнению с прежними цифрами — сущий пустяк. Кроме того, железные дороги и трехэтажные грузовики, каждый из которых может перевозить до 500 баранов одновременно, скрывают от нас зрелища, которые традиционно происходили в странах европейского Средиземноморья у всех на глазах. Фотографы знают это и спешат запечатлеть на пленку отмирающий обычай.

Пока он не исчез окончательно, полюбуемся этой древней, еще живой картиной, «дошедшей до нас из глубины веков» и «навевающей воспоминания о Библии и Вергилии», как говорит один из зрителей. Дело происходит в 1980 году, в Пиренеях, в долине реки Суль, в мае, когда «пастухи (*artzain*) [ведут] свои стада на высокогорные пастбища, которые располагаются вдоль хребта, отделяющего пик Ани от горы Орри. Они шагают впереди [...] в облаке пыли, воздух звенит от *цинцарады* — звука колокольчиков и бубенчиков. Вдоль дороги, по которой двигается стадо, слышно громкое дребезжание, но на подходе к городку [...] самые большие колокольчики [...] снимают со спины осла и привязывают их на шею самым крепким баранам, и стадо проходит через улицы, словно войско, под звуки фанфар, провожаемое взглядами местных жителей»²⁶⁹.

Пастухи, «те, кого в Беарне называют *l'aulhès*, в Комминже — *le mountagnol*, умеют разговаривать с дикими зверями, собаками и овцами, [они] умеют определять погоду, глядя на небо, и лечить травами»²⁷⁰. Они месяцами живут в горных хижинах в полном одиночестве, в окружении собак и стада. Жителям долин они внушают страх, зависть

и презрение разом — что лишний раз подтверждает общее правило, почти не знающее исключений. Во всей Европе пастух всегда был человеком особенным. Часто его считают «вестником душ», посредником между мертвыми и живыми, способным общаться с потусторонним миром, иногда обладающим вторым зрением (на юге Франции говорят *un agnier*). Не то, чтобы пастух был колдуном, владел искусством черной магии, — хотя при случае его могут обвинить и в «сношениях с дьяволом»²⁷¹, но он несомненно обладает необыкновенной силой, таинственной, пугающей властью. Еще немного, и его бы прокляли.

Последуй мы за другими проводниками, мы могли бы полюбоваться перегоню овец на летние пастбища в Провансальских Альпах, описанном Терезой Склафер²⁷², или вместе с Мари Морон²⁷³, которая жила в горах бок о бок с пастухами, восхититься их поэтичной жизнью, или отправиться, как это совсем недавно, в 1978 году, сделала Анн-Мари Бризбарр, в Центральный Массив и подняться по склонам Эгуаля, по широкой тропе для перегона стад, именуемой Маржерид²⁷⁴.

Трудное рождение научного животноводства. Начиная с середины XVIII века французские ученые резко осуждают традиционное скотоводство. Они пытаются навязать скотоводам, которых считают невежественными и ограниченными людьми, английский тип селекции путем скрещивания местных пород с племенным скотом других кровей. Эти опыты иногда бывали удачными. Например, в Нижнем Мене в XIX веке поголовье скота явно улучшается²⁷⁵.

Но крестьяне упорно сопротивляются новшествам. Вдобавок зачастую во втором или в третьем поколении животные вырождаются и происходит возвращение к местным породам. Жители Нормандии около 1860 года еще думают, как поступить: продолжать ли разводить местную «котантенскую» породу коров, дающих по 100 килограммов масла, попытаться ли улучшить ее, скрестив с английской породой из Дарема или попросту заменить последней²⁷⁶. То же касается черно-белых «морбианских» коров²⁷⁷ и, тем более, коров «шаролезских», которые, благодаря цепи последовательных улучшений, превратились в породу, известную нынче во всем мире.

Монархическое правительство, со своей стороны, начиная с XVII века, неустанно заботилось о развитии всех видов скотоводства. В 1665 году Кольбер создал *конные заводы*. Верно ли, что коннозаводческой деятельности положила конец Французская революция? Именно так еще в феврале 1833 года утверждало Королевское академическое общес-

тво департамента Нижняя Луара ²⁷⁸. Члены его считали организацию современных им государственных конных заводов «порочной» и сожалели об исчезновении в Пуату прежних конных заводов, тех, которые существовали до 1789 года. Восстание в Вандее привело к исчезновению «английских, андалузских, арабских, лимузенских, нормандских и голштинских жеребцов» ²⁷⁹. Даже если предположить, что это обвинение имело под собой основания, стоит ли обобщать? Не всякому мнению провинциальной академии следует верить.

Однако не подлежит сомнению, что долгие и похвальные усилия привели к появлению в конце XVIII века першеронской лошади, которую сразу стали охотно покупать для перевозки грузов, а также булонской лошади, тотчас завоевавшей немалую популярность. Сходным образом для разведения в Бургундии и других местах испанских мериносовых овец в Рамбуйе в 1786 году была создана образцовая овчарня. Она чудом уцелела в бурные годы Революции и Империи и после 1815 года, в первые же годы Реставрации, добилась замечательных успехов. Но времени на это потребовалось немало. Да и убедить нерешительных и консервативных крестьян в преимуществах новой породы было не так уж легко.

Но всегда ли были неправы крестьяне, предпочитая известные породы, давно приспособившиеся к их нуждам? По мнению Жака Мюлье ²⁸⁰, традиционное скотоводство подчинялось «опыту народной мудрости». Это доказывает тот факт, что, несмотря на постоянный обмен между краями «родильными» и краями «кормильными», о котором мы говорили, породы с четко выраженными признаками, приспособленные к местным условиям жизни и нуждам, продолжают существовать. В горах Монтань-Нуар разводят низкорослых коров, которые, несмотря на свои размеры, могут тащить соху, повозку или телегу, а также обеспечивают своих хозяев молоком, маслом, сыром. Зачем здесь большие быки, как в Пуату или предгорьях Пиренеев, где роскошные упряжки пахут плодородные лангедокские земли? Недаром порода коров, которую называют «тарантезской», или «таринской» и характеризуют как «хорошо переносящую резкую смену погоды, голод и усталость», «типична для Альп» ²⁸¹. Действительно, «родильные» края удовлетворяют *спрос* своих потенциальных покупателей. Они держат стадо коров той породы, которая лучше всего подходит для нужд местности, которую они обеспечивают скотом, оставляя среди потомства какого-нибудь бычка на племя и нисколько не заботясь об улучшении породы. В конечном счете всякий «родильный» край специализировался на какой-то одной породе для какой-то одной области, жители которой к нему и обращались.

Между тем скотоводам, наоборот, предлагают останавливать свой выбор на таких быках-производителях, которые способны усовершенствовать породу. А это мешает им торговать по старинке. Скотоводов побуждают добиваться «чистокровности», подтвержденной официальной родословной, эту чистокровность гарантирующей. Цель: произвести отбор и обеспечить передачу *количественных* рекордов, то есть вывести такие породы, которым предстоит вытеснить другие породы, потому что они дают больше мяса, молока, масла, шерсти или, как, например, в случае со свиньями, дают больше мяса, чем сала...

Отметим, что разведение породистых животных по-настоящему развернулось у нас во Франции только в конце пятидесятих годов нашего столетия, с появлением искусственного осеменения. Стало легко выбрать несколько пород, имеющих самые высокие показатели, чтобы разводить их повсеместно. Однако недавно генетики заметили, что «распространение нескольких наиболее продуктивных в настоящих экономических условиях пород и исчезновение сотен других» грозит резким истощением генофонда. Таким образом, уменьшение «внутреннего и межпородного разнообразия» со временем может ухудшить *качественные* характеристики имеющегося скота, поэтому ученые пошли на попятный и охраняют исчезающие породы ²⁸².

Разумеется, традиционное скотоводство функционирует нормально лишь там, где имеются необходимые ему естественные ресурсы, которые крестьяне могут использовать без особого труда. Единственная отрасль животноводства, которой противопоказана беспечность, — та особая отрасль, которую породил спрос парижского и — шире — городского населения на высококачественное жирное мясо. Этот спрос способствовал созданию в Лимузене и других областях, в частности, в Нормандии, промышленного откорма рогатого скота для богатых клиентов. В Лимузене в XVIII веке существовал сложный, научный способ откорма. Выбирали более молодых животных, чем обычно, как правило шестилеток. «Поскольку в рабочем скоте недостатка нет, то, когда нужны деньги, хозяева охотно продают быков среднего возраста» ²⁸³. В кантоне Шабануа скот, предназначенный для откорма, днем отпускали пастись, но на ночь загоняли в стойло. Когда не хватало травы, его кормили сеном, а в пойло добавляли ореховый хлеб (жмыхи, разведенные в теплой воде). Этим привилегированных животных выгоняли на пастбище только в хорошую погоду. В воду, которой их поили в хлеву, подмешивали ржаную или ячменную муку. Подстилка у них была плотная и сухая. Такой же заботой, таким же вниманием, я бы сказал, такой же роскошью животные были окружены в соседнем кантоне Помпадур, где

также откармливали великолепных быков, отпуская их пастись до праздника всех святых, после которого уже не выпускали из хлева и кормили месивом из каштановой муки и разных злаков.

Обыкновенно этих отборных животных продавали в конце поста, чтобы отпраздновать разговенье; стоили они дорого. Однако чем бы ни кормили скот (а кормили его в разных лимузенских кантонах, даже расположенных по соседству, по-разному), доходы от животноводства были невелики. Барыш, как сообщает нам длинный документ 1791 года, подробно описывающий откорм скота, едва покрывает расходы на дополнительное питание: «Купив [быка] за 200 ливров, его продают после откорма за 300, [но] барыш [за вычетом затрат] составляет от 60 до 70 ливров»²⁸⁴.

Скотоводство вызывало порой забавные нарекания, которые липкий раз подчеркивают огромную разницу между севером и югом Франции. У каждой области, как мы уже говорили, своя специализация: животных, которыми изобилует один край, в другом краю не сыщешь. Бедный Артур Юнг! Он так огорчился, что не может найти чашку молока между Тулоном и Канном! А Пиго-Лебрен, мало известный как путешественник, посетив в 1827 году Оранж, писал: «В оранжской мясной лавке столько же говядины, сколько оливковых деревьев на землях Сибири. Здесь есть только вкусные маленькие барашки, мясо которых подают во всех видах. Здесь, как во всей Франции, едят суп, но суп этот также сварен на бараньем бульоне. Зубчик чеснока отбивает запах баранины. Молоко здесь пьют овечьё; из него же делают масло и сыр. Провансальцы словно бы знать не знают, что Ной когда-то взял в свой ковчег быка и корову»²⁸⁵. Нельзя не улыбнуться, читая эти слова.

Чем можно объяснить любопытную историю французского коневодства? Говоря о лимузенских быках, предназначенных для откорма, я восславил спрос, словно он автоматически влечет за собой предложение. Французской армии постоянно требовались лошади, но спрос на чистокровных животных удовлетворялся, как правило, за границей. Для начала я готов согласиться с объяснением, какое дает этому феномену Жак Мюлье (объяснением верным, но недостаточным). По мнению Мюлье, некогда, в далекую эпоху феодализма и даже еще раньше, во Франции существовали чистокровные кони, родившиеся и выросшие на французской земле, но королевская власть постепенно разрушила эту традицию. Короли хотели сломить дворян как политическую силу,

укротить, приручить. Политику эту они проводили долго и последовательно: «Ришелье, приказывая разрушать замки-крепости, одновременно уничтожал конные заводы сеньоров; сокрушая феодальный строй, королевская власть искореняла то, что служило феодалам орудием господства: коневодство»²⁸⁶.

Мне кажется, что здесь следует затронуть и более глубокий пласт истории. Породистые лошади, чья кровь, начиная с XVII века, была необходима для того, чтобы успешно завершить создание конных заводов, происходили из Северной Африки и с Ближнего Востока. От них пошли замечательные средневековые андалузские и южноитальянские (особенно неаполитанские) кони — эти области воспользовались своей близостью к их родине. Французы стремились приобрести этих прекрасных коней еще в XVI веке, а может быть, и раньше. Они пытались установить связи с их родиной и наладить прямые поставки, снаряжали путешественников для выяснения обстановки и даже разработали план прочно обосноваться в Триполи. Но все безуспешно: в XVIII веке на пути всякого француза, который хотел купить коня напрямую, вставали «почти непреодолимые препятствия». Обычно ему приходилось прибегать к помощи французских консулов в североафриканских портовых городах, а они были скверные посредники. Когда для «королевских конных заводов или конюшен» требовались чистокровные арабские скакуны, туда посылали эмиссара с псевдодипломатической миссией²⁸⁷! Быть может, дело в том, что французы слишком поздно вступили в борьбу и рынок для них оказался закрыт? Ведь в конечном счете не все можно объяснить географическим положением: Англия расположена не так удачно, как Франция, но чистокровных лошадей здесь начали выращивать раньше. Быть может, — но как это доказать? — дело в том, что войска, охранявшие нашу восточную границу, самую опасную, требующую самых больших военных кредитов, могли закупать коней буквально по соседству, в Германии или в Швейцарских кантонах?

Скотоводство: побочный вид деятельности. Сегодня кормовые травы, животноводство взяли реванш на всей территории Франции. Произошел сдвиг, пропорции изменились в их пользу: теперь на их долю приходится 55% валового дохода от сельского хозяйства. Еще недавно скотоводство, несмотря на свою многовековую историю, не было ни столь популярным, ни столь развитым: оно оставалось в каком-то смысле второстепенным, маргинальным. Чаще всего оно служило дополнением к другим видам деятельности.

Р. Шапюи, автор обстоятельных работ по истории долины реки Лу — широкой расщелины, прорезающей с востока на запад известняковое плато Юра, отмечает, что в XVIII веке в деревнях, расположенных по берегам этой быстрой реки, держат «несколько животных только для того, чтобы они тащили плуг, удобряли поле или виноградник, давали детям молоко для каши, а в период убоя скота позволяли крестьянской семье поест мяса»²⁸⁸. При этом ни один продукт животноводства не продается. И не подумайте, что речь идет о маленькой отсталой области, живущей замкнутой жизнью. Долина реки Лу расположена очень удобно: она служит связующим звеном между предгорьями Юра и высокогорными восточными плато; здесь есть поля, сады, виноградники, где растет виноград ценных сортов, на берегах быстрой реки стоит много мельниц и процветающих фабрик и заводов. В этих условиях можно позволить себе роскошь держать скот только для собственных нужд.

Долина реки Лу — пример не характерный, что верно, то верно. Однако из него можно сделать выводы общего порядка. В самом деле, у животноводства в разных областях Франции есть множество общих черт. Самая важная — та, что крестьяне не потребляют его продукты. Только свинина входит в рацион производителя, который не ест ни мяса своих ягнят, ни мяса своих баранов, часто к нему на стол не попадает даже домашняя птица, не говоря уже о быках и телятах, которых парижские мясники закупают в Нормандии: это либо «молочные телята» — те, кому еще нет десяти недель, либо телята «щипатели» — те, которые уже начали щипать траву²⁸⁹. В Альпах, где больше домашних животных, чем в других местах, «прочную [спасительную] основу пищи местного населения составляют сыр и масло»²⁹⁰. Но мяса крестьянам достается мало: каждый год жители Фосиньи продают, прежде всего обитателям Женевы и ее окрестностей, треть своего поголовья животных²⁹¹. Отсюда большой приток денег, доступ на рынок. Вдобавок крестьянин, владеющий упряжкой, имеет то преимущество, что в мертвый сезон располагает гужевым транспортом²⁹². Несомненно, животноводство в той или иной форме является важным подспорьем для земледельца, но, как правило, не более, чем подспорьем.

Там, где животноводство преобладает, является главным видом сельскохозяйственной деятельности, оно изменяет, искажает ее в глазах крестьян-растениеводов. Во всяком случае, крестьяне, к которым до XX века некоторая часть французского общества относилась с насмешливым превосходством, в свою очередь насмеяются и издеваются над пастухами, всецело занятыми заботой о животных. Убежденные в соб-

ственном превосходстве, крестьяне нашли себе в лице пастуха козла отпущения, мишень для насмешек и хулы. Странное стремление отыграться, странный образ мыслей! Такое отношение к пастухам мы видим, например, в Нормандии. Край Бре — «ядро куполовидной складки», углубляющейся в пикардские меловые почвы до самой глины, то есть край проточной воды, тучных лугов, труднопроходимый, засаженный фруктовыми деревьями: тамошние жители поставляли на рынок Гурне бесчисленные бруски масла, предназначенные для постоянных парижских клиентов. В крае Бре полно травы, животным — раздолье, местные животноводы живут припеваючи. Так вот, их соседи, крестьяне земледельцы из Бовези, смеются над ними, осыпают этих «гуляк и лентяев» колкостями²⁹³, словно любить праздники и сытную пищу — преступление, словно быть из тех нормандцев, кто «получает доходы от пастбищ [...], не ударяя палец о палец», и не любит «гнуть спину» — позор²⁹⁴.

Поверите ли, презрение земледельца к скотоводам и пастухам проходит через всю историю нашей страны вплоть до самого недавнего времени. В 1920 году Даниэль Галеви встречается в Перигоре крестьянина, который перебрался туда из Корреза и, проявив невиданное усердие, возделал землю и виноградник. Но время идет. Неужели на старости лет ему придется унизиться до того, чтобы разводить баранов? «Я буду смотреть, как трава растет, а бараны ее щиплют [...] *Пастух*. — Он произнес это слово с презрением. Он уважает тяжелый труд, он знает, что такое растить зерно, лен, виноград, со знанием дела обрабатывать землю... Животноводство, по его мнению, — занятие, не достойное настоящего мужчины. — *Пастух!*.. — Он повторяет это слово с презрением оседлого жителя к кочевнику, человека цивилизованного — к дикарю»²⁹⁵.

Я часто думал, что если бы не долгая ненависть к евреям, то, быть может, европейцы подвергли бы гонениям пастухов, людей воистину особенных, не похожих на других.

Расцвет виноградников. Северная граница виноградников, поставляющих виноград на рынок, начинается в устье Луары и идет к востоку, выходя за пределы Франции на уровне Меца и Трира. Конечно, виноградники встречаются и севернее этой границы, и когда-то их было много — но на *продажу* здесь винограда *сейчас* уже не выращивают.

К югу от этой линии виноградники чаще всего скромные. Рассеянные там и сям «на склонах холмов и в складках долин»²⁹⁶, они ловят

первые теплые лучи восходящего солнца. Во время путешествия вы вдруг видите за поворотом виноградник, который, едва мелькнув, скрывается от ваших глаз. Обширные виноградники есть только на настоящем юге: в Провансе, в Лангедоке, в Руссийоне, да и то занимаемые ими площади вполне обозримы.

Самые знаменитые виноградники поражают своими незначительными размерами. Таков виноградник в департаменте Кот-д'Ор: «от долины реки Уш до долины реки Дён узкой лентой протянулись виноградники, носящие самые громкие имена»: Ньюи, Шамбертен, Романе, Кло Вужо...²⁹⁷. То же самое можно сказать о шампанском, которое в 1860 году²⁹⁸ производят из винограда, растущего на «своего рода полосе, расположенной между Бри и Шампанью», площадью 60 000 гектаров. Впрочем, площадь Франции — 50 миллионов гектаров, из которых на виноградники в разные эпохи приходится от 1,5 до 2,5 миллиона гектаров, то есть от тридцать третьей до двадцатой части площади.

Как бы там ни было, виноградники были и остаются сверхценными землями, приносящими гораздо больший доход, чем такой же величины хлебные поля, находящиеся по соседству. Эта ценность вкупе с историческими событиями повлекла за собой чрезвычайную раздробленность виноградников. Приведем только один пример: в 1898 году виноградник Рибовилле в Эльзасе «занимает 894 гектара, разбитые на 8967 наделов [...], имеющих каждый своего хозяина»²⁹⁹. Так же обстоят дела в Кот-д'Оре, в Турени и т. д. Этьенн Шевалье, виноградарь из Аржантея, близ Парижа, говорил о «поразительном различии», которое он наблюдал в 1790 году в Иль-де-Франсе между населением земледельческих областей и населением тех мест, где, благодаря виноградникам, *арпан земли — хорошее приданое*³⁰⁰.

Таким образом, виноградники — в разное время, но везде очень рано — позволили свободному крестьянину стать микрособственником со всеми вытекающими отсюда последствиями. Часто говорили, что Франция, в отличие от Англии и Германии, — страна мелких собственников; следует добавить, что этой своей чертой она обязана прежде всего распространению виноградников³⁰¹, происходившему медленно и постепенно. Не им ли объясняется также некоторая разбросанность жилья, как несколько скоропалительно утверждал наш революционер Раймон Лебон (1792 г.), меж тем как в земледельческих областях преобладали большие деревни, отстоящие далеко друг от друга³⁰²?

В сущности, блестящее прошлое виноградников, непростое, избыточное восхитительными тонкостями и подробностями, до сих пор

полно загадок; оно задает историкам самые разнообразные вопросы, на которые они не могут ответить. Виноградник обеспечивает путь в общество, политическое могущество, исключительное поле деятельности. Цивилизация...

Если хлеб — тело Христово, то вино — символ его крови. И если зерно — проза нашего многовекового прошлого, то виноградники, появившиеся позднее, — его поэзия: они озаряют, облагораживают наши пейзажи. Ибо «не земля, но услада уст и радость сердца рождают вино, — говорит Жорж Дюран ³⁰³ в своей книге, восхваляющей вино. — Его потребление выше простого удовлетворения естественной потребности, крепкие узы связывают его с искусством жить». Искусство жить, то есть опять-таки «цивилизация». Все края, где есть виноградники, отмечены их печатью; виноград удивительно сильное растение. Вдобавок он приживается на любой почве.

Даже там, где великий кризис, связанный с появлением железнодорожного сообщения, привел к исчезновению виноградников, они оставили неизгладимые следы. Жилище виноградаря видно издали — высокий дом, винный погреб с гигантской дверью, через которую туда вкатывают бочки, кладовая, занимающая просторный первый этаж, меж тем как лестница, часто наружная и порой весьма затейливая, ведет наверх, в жилые комнаты ³⁰⁴. Даже в тех местах, где виноградников уже нет, сам пейзаж говорит о том, что некогда они здесь были: в деревнях вокруг Лана, в окрестностях Безансона или близ Бар-ле-Дюка заросли кустарников, заполонивших пустоши, и петляющие дороги, по которым некогда сновали взад-вперед носильщики с полными винограда корзинами за плечами, ясно свидетельствуют об этом. И не я один считаю, что необычная чистота и красота старинных деревень в долине Орнена (реки, текущей через Линьи-ан-Барруа и Бар-ле-Дюк) объясняется тем, что когда-то в этих краях рос виноград, а в деревнях жили виноградары. Этим же объясняется и веселый, насмешливый нрав их жителей... Они совсем не похожи на неуклюжих крестьян «земледёров», как называют себя хлеборобы...

Распространение виноградников. Виноградную лозу завезли в Галлию греки через Марсель в 600 году до нашей эры, то есть задолго до римского завоевания. Первый виноградник рос вокруг фокейского поселения, и греки продавали вино галлам.

Однако решающую роль сыграло более позднее римское владычество: оно началось с захватом в 122 году до нашей эры Нарбоннской

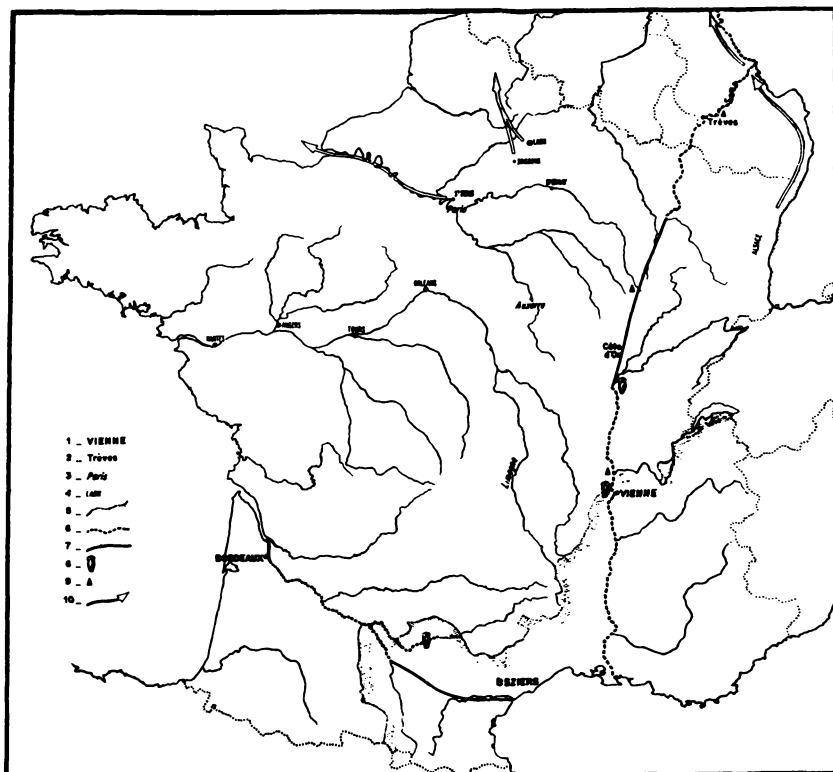
провинции, которая покрывала территории современных Прованса и Лангедока. Вокруг Нарбонна появились виноградники и быстро распространились по всей Провинции. Представьте себе, в 111 году до нашей эры тевтоны, которых легионы Мария, наконец, остановили в Эксе, перед боем были пьяны, возбуждены алкоголем. Согласно Плутарху ³⁰⁵, «тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости».

Этот первый успех винограда повлек за собой оживленную торговлю вином с северными областями. «Итальянские купцы, — говорит Диодор Сицилийский ³⁰⁶, — пользуются страстью галлов к вину: они перевозят его на кораблях, которые плывут по судоходным рекам, и в повозках, которые едут по равнинам, и извлекают из торговли неслыханные барыши, они доходят до того, что за амфору получают раба, то есть покупатель отдает своего слугу, чтобы оплатить выпивку». Это напоминает торговлю наркотиками, на которой сегодня наживаются посредники, поставщики, продавцы и — в самом начале цепочки — крестьяне, выращивающие мак на Дальнем Востоке.

Похоже, благоприятная обстановка для быстрого распространения виноградников сложилась очень рано. История, как ни странно, запечатлела ход этого процесса. В самом деле, виноград не торопится выходить за пределы южного Средиземноморья. Севернее и западнее случаются холода: другое дитя Средиземноморья, оливковое дерево, так никогда к ним и не приспособится. Виноград более неприхотлив и в конце концов преодолет препятствия: это произойдет после появления новых сортов — предка бургундского «пино» и предка бордоского «каберне». Так родился (быть может, из дикого винограда, исчезнувшего из наших лесов одновременно с филлоксерой *) виноград, который созревает с первыми заморозками. В I веке нашей эры культура-захватчик поднялась вверх по течению Роны выше Вьенны и обогнула Севенны, чтобы — главное достижение — распространиться от Норузского прохода по долине Тарна в район Гайяка, а затем — по долине Гаронны до самого Бордо.

После захвата этих пространств вторжение в Галлию свершилось само собой. Где-то это происходило быстрее, где-то медленнее. На побережье Бургундии виноградники появились в 311 году ³⁰⁷. Считается, что на Рейне они появились в VI веке ³⁰⁸, после вторжений варваров ³⁰⁹, но я в этом не уверен. К бордоским и мозельским винам слава пришла в конце эпохи Империи ³¹⁰. Увеличение спроса благоприятно сказалось

* Филлоксера — карантинный вредитель винограда (ред.).

ВИНОГРАДАРСТВО И ТОРГОВЛЯ ВИНОМ В РИМСКОЙ И ФРАНКСКОЙ ГАЛЛИИ

Уже в римской и франкской Галлии вина вывозили на Север. (Источник: Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France.)

Места — производители или экспортеры вина

1. В I в. н.э.
2. В III в.
3. В IV—V в.в.
4. С VI по IX в.в.
5. Граница Нарбоннской провинции до крушения Западной Римской империи.
- 6—7. Главные речные и сухопутные торговые маршруты, по которым вывозили вино в римскую эпоху.
8. Значительные скопления осколков амфор.
9. Надписи на памятниках римской эпохи, относящиеся к речным и сухопутным перевозкам вина.
10. Главные направления, по которым осуществлялся вывоз вина в эпоху франков.

на развитии виноградарства в Галлии. В эпоху императора Домициана (87—96 гг.) там производят столько вина, что теперь его везут не из Италии в Галлию, как раньше, а наоборот — из Галлии в Италию. Не для того ли, чтобы сохранить виноградники в Италии и уберечь посевы зерновых в Галлии, Домициан запретил расширять галльские виноградники? Стоял даже вопрос о том, чтобы половину вырубить³¹¹. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Два столетия позже, в эпоху правления Проба (276—282 гг.), Галлии была возвращена свобода — но была ли в том нужда? — сажать что угодно и где угодно³¹². Так что к концу эпохи римского владычества Галлия буквально утопает в виноградниках.

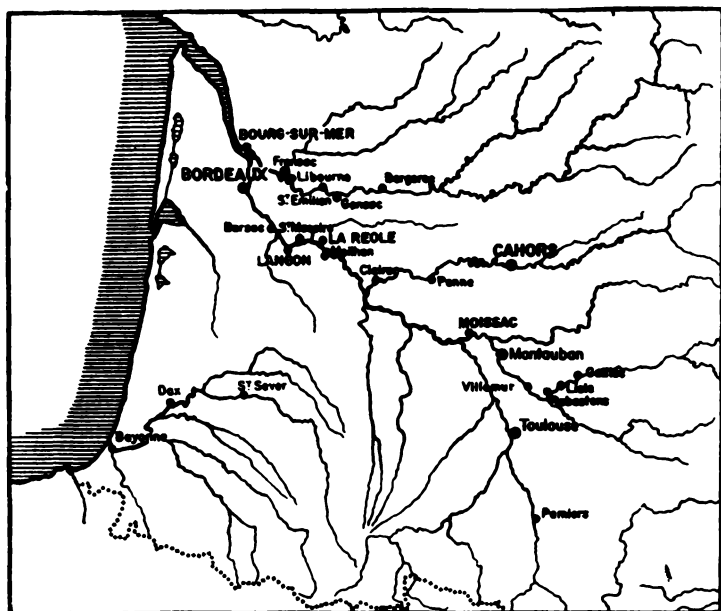
Они растут повсюду. Даже в холодных краях, где им вроде бы и не место. Все дело в том, что, несмотря на все дошедшие до нас изображения кораблей и повозок, груженных бочками с вином, сообщение осуществляется медленно. Клиент, потребитель, который если не производит вина сам, то его заказывает, предпочитает иметь вино под рукой. Таким образом, жители городов везде, где можно, вернее, везде, где не невозможно, сажают виноград поближе к домам. Вспоминая, как приятно ему было жить в Лютетии, император Юлиан (331—363 гг.) сообщает, что видел вокруг города пейзаж, к которому привык, — сады и виноградники³¹³.

Когда римская Галлия пришла в упадок, что произошло еще до великих вторжений V века, развал не коснулся виноградников, виноградарей и вина. Варварская Галлия производит много вина. Города, аббатства по-прежнему окружены виноградниками.

Однако виноградарство уже не столь активно. Оно зависит от спроса на вино, а городское население так обеднело, что вина покупает мало. В сущности, выживают только епископские города, так что епископы становятся защитниками, вдохновителями, спасителями виноградарства. Кроме того, виноградники сохраняются благодаря богатым монашеским орденам: церкви необходимо вино для святого причастия, и монахи сажают виноград у стен монастырей. Для мирян вино остается символом богатства и радушия, для великих мира сего — знаком дружбы и гостеприимства. Знать, как и монахи, покровительствует виноградарству. Но что почти совсем исчезает, так это торговля вином с дальними странами, в частности, торговля с Британскими островами и странами Северной Европы, куда во времена римского владычества вино доставляли на кораблях по водам Атлантики.

Новый расцвет виноградарства наступил тогда, когда улучшилось транспортное сообщение, когда произошло экономическое обновление

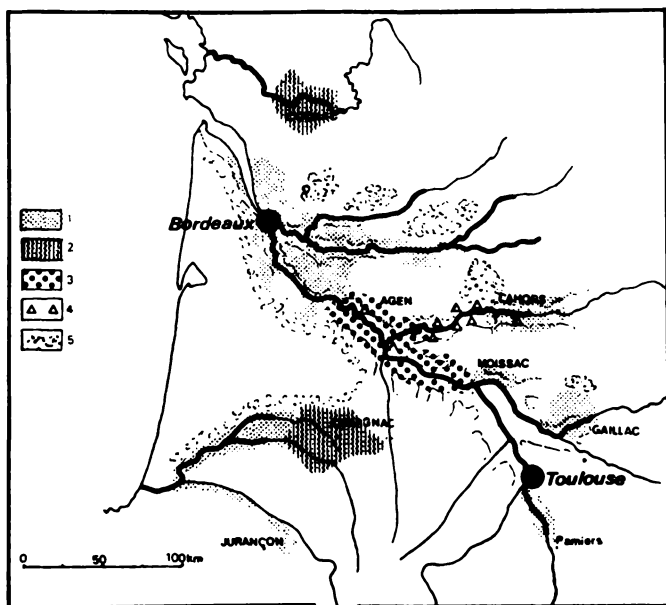

АКВИТАНСКИЕ ГОРОДА И ГОРОДКИ,
ИЗВЕСТНЫЕ В XIII ВЕКЕ КАК ЭКСПОРТЕРЫ ВИНА В АНГЛИЮ

В XIII веке благодаря экспорту в Англию виноделие уже существовало в Аквитании везде, где мы находим его в XVIII веке (см. следующую карту); отсутствовали лишь новые культуры, из которых начали гнать водку в XVII веке (По книге: Dion R. Op. cit.)

Европы: после XI—XII веков. В это время появилось больше богатых людей, больше потребителей в городах и в развивающихся северных странах — обездоленных краях, где виноград не растет или растет плохо. Тамошние жители больше всего любят заложить за воротник: англичане, на чьем острове виноградная лоза всегда была в диковинку, жители Фландрии и Нидерландов, жители Северной Германии возобновили закупки, и во Французское королевство потекли *стерлинги* из северных стран. Вино — то же золото, говорили в XIII веке ³¹⁴.

Но транспорт дорог, очень дорог, поэтому есть смысл вывозить только очень хорошее вино, за качеством которого ревниво следят;

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮГО-ЗАПАДЕ ФРАНЦИИ (XVIII в.)

Все сельское хозяйство, обращенное к внешним рынкам (национальным или иностранным), тесно связано с водными путями; первое место занимает виноград (1), второе — водка (2), затем идут аженский чернослив (3), табак (4) и даже лес для дубовой клепки (5), необходимый для производства бочек. (По книге: Claval P. *Eléments de géographie humaine*).

виноградники укрупняются, что ставит одни виноградники выше других и быстро приведет их к модернизации на капиталистический манер. Так было в Бургундии, где богатые советники дижонского парламента, контролировавшие вывоз вина, прибрали виноградники к рукам, так было в окрестностях Бордо, где прославленные виноградники перешли в собственность бордоской парламентской аристократии³¹⁵.

Вывозят вино самым простым и дешевым способом, в основном водными путями — речными и особенно морскими. Этим объясняется интерес к Луаре — ради вин с ее берегов, в том числе вин из Фореза. Вслед за Луарой виноторговцы осваивают Сону и Рону. И Йонну, по

которой сплавляют не только лес из Морвана, но еще и бочки вина из Шабли. И Марну, по которой перевозят шампанские вина, получившие признание в XVIII веке благодаря успехам шампанизации*; даже по Маасу перевозят кислотоватое вино из Барруа, а к виноградникам Эльзаса слава пришла очень рано исключительно благодаря Рейну. Вина везли в Страсбург, чтобы затем отправить их дальше по северным морям³¹⁶.

Две области обязаны своим ранним успехом Атлантике. Это, во-первых, Сентонж и Онис вокруг Сен-Жан-д'Анжели, ставшего для тамошних вин первым окном в мир, и вокруг Ла-Рошели, мощного центра экспорта. И, во-вторых, Борделэ, чья слава была более поздней, но более яркой. Бордо обязан своим расцветом привилегиям, которые пожаловал ему король Англии и которые «подхлестнули» его развитие. Какая удача: Ла-Рошель перешла в руки французов и перестала обслуживать англичан. Любовь англичан к вину способствовала процветанию Бордо, ускорила распашку нови и освоение глинисто-песчаного грунта³¹⁷, аллювиальных почв и лесистых участков близ города; она благоприятствовала даже появлению марочных бордоских вин и обогащению внутренней территории края, во всяком случае, вдоль русла реки. Экспорт прежде всего!

Так что не сомневайтесь: когда интендант Бавиль в 1734 году заявляет, что алеские вина «не подлежат вывозу»³¹⁸, это означает смертный приговор, обрекающий их быть не более чем местным дешевым вином. Тот же самый интендант говорит, что в Гайяке³¹⁹ (епархия Альби) «производят единственные вина, которые можно вывозить». Он добавляет, что «торговые корабли снуют вверх-вниз по Тарну, который как раз в этом месте становится судоходным. Вина везут из Гайяка в Бордо, где их покупают англичане и морем отправляют в Англию. Вина эти таковы, что отлично переносят путешествие по морям и становятся только вкуснее». Этим же свойством обладают и лангедокские вина, которые англичане закупают в Сете: «Они имели в Лондоне большой успех. Беспокойство, что они не выдержат плавания, оказалось напрасным: никогда еще торговый флот не перевозил таких прекрасных вин»³²⁰. Да здравствует морское вино!

Начиная с XVII века, благодаря закупкам голландцев, поощряющих производство водки, вывозят уже не вино, а водку³²¹. При равном объеме она стоит дороже и не нуждается в предосторожностях при перевозке. Ей не страшны долгие путешествия. Ее так же легко выво-

* Шампанизация — процесс изготовления шампанских вин в результате брожения в герметически закрытых сосудах (*примеч. ред.*).

зять из Сета, что способствует развитию лангедокского производства, как и из Байонны, Бордо или Ла-Рошели, что приведет к неслыханному успеху коньяка и арманьяка. Даже вдали от моря: в Бургундии, в Шампани, в Лотарингии — перегоняют виноградное сусло. В Шампани, где, как и в других местах, налаживается пивоварение, но где, однако, нет лесов, гонят водку из вина.

Именно в эти века *большие* виноградники приобретают свои неповторимые черты. Весьма вероятно, что их нынешние границы определились уже в эпоху Кольбера. Но это вовсе не значит, что с тех пор ничего не изменилось. И дело тут не только в виноградниках и роскошных сортах винограда.

Народное виноградарство. Виноград, достояние богатых и власть имущих, долгое время возделывали виноградари, получавшие за свой труд либо половину урожая, либо денежную плату. Их положение, судя по всему, было не таким тяжелым, как положение простых пахарей. Но у них было столько работы, что им приходилось трудиться не покладая рук: вскапывать землю, разрыхлять почву между лозами, выкорчевывать и заменять старые растения (хотя виноградный куст живет до ста лет), таскать на спине землю, унесенную дождями вниз, к подножию склонов, каждый год подрезать побеги, оставляя то длинные, то короткие отростки...

Подрезка была предметом оживленных споров. В Бар-сюр-Сен существовала поговорка: «Раньше, позже — все не фарт, для подрезки — только март»³²². В Шампани в XIX веке, наоборот, считалось, что «подрезать лозу и разводить виноград отводками весной — распространенное заблуждение. Если бы эту работу делали осенью, лозы не растрчивали бы свои соки на ненужные бутоны да цветы»³²³. В Лангедоке, в епархии Лодев в XVIII веке виноградари подрезают лозы зимой. Весну кусты винограда встречают голыми; вспашку производят «дважды в год, в феврале или марте и в апреле, мае или июне; а если во второй раз мешает засуха, ее переносят на ноябрь». Пашут «посредством легкой сохи, называемой *fourcat*, с железным лемехом». Склоны гор приходится «вскапывать заступом, это называется *fossoyer*. Многие виноградники, расположенные террасами, необходимо все время подправлять»³²⁴.

Когда приходит пора собирать виноград, к виноградарям, выполняющим эту непростую работу, присоединяется куча специально нанятого народу: «одни срезают гроздья, другие носят за спиной корзины с вино-

градом, третьи давят его, а всем руководит начальник сбора винограда. [В Бовези] работников сытно кормили наваристыми супами и телячьей требухой и платили по несколько су в день»³²⁵. В конечном счете все это были не более чем чернорабочие.

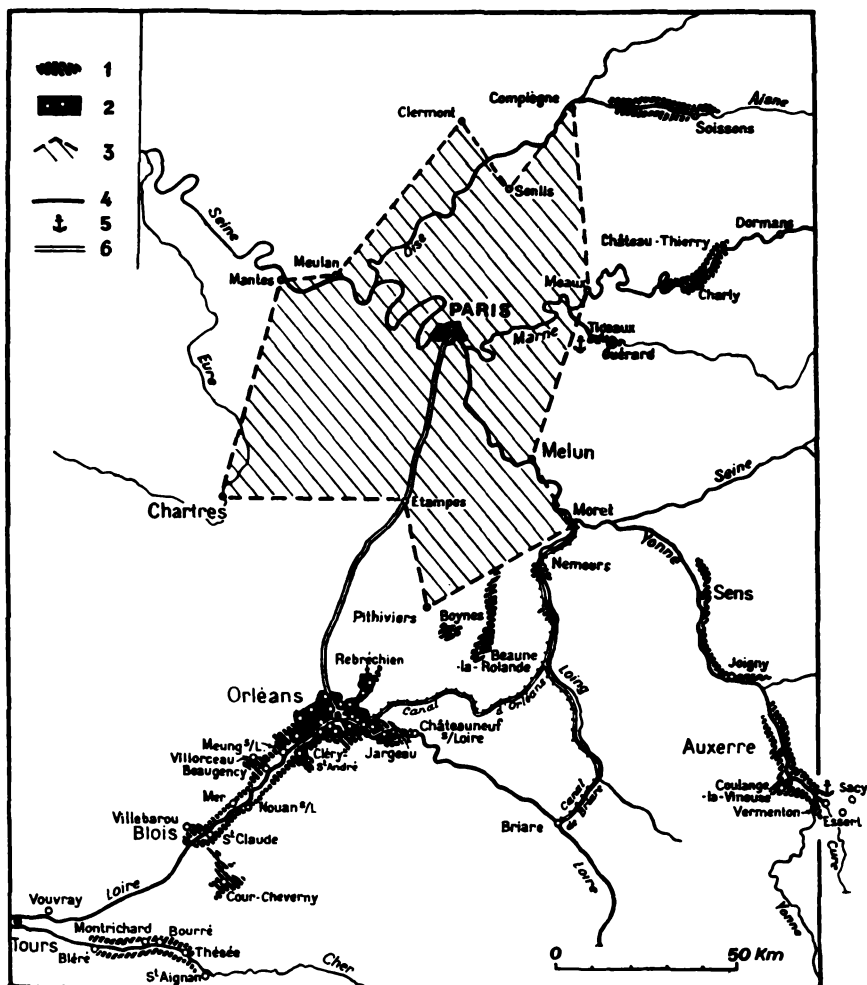
Виноградарь же, напротив, — человек искусства. «Виноградарь важнее, чем [сам] виноград»³²⁶. Ибо растение, обладающее недюжинной жизненной силой, — посадите куст винограда, и вы сами в этом убедитесь, — подвергается постоянному воздействию человека. Виноградарь может превратить его в ползучее растение, чьи длинные гирлянды привязаны к подпоркам, или в раскидистый куст с узловатым стволом, не требующий никакой опоры; он умеет изменять вкус винограда, крепость вина, он знает, как повысить урожайность, как сделать виноград особо ценным, скрещивая разные сорта, а также изменяя по своему усмотрению состав почвы. Иногда он делает ее каменистой, иногда, наоборот, перекармливает удобрениями до такой степени, что «вино становится маслянистым и менее тонким и изысканным»³²⁷. Короче говоря, виноградарство — настоящее искусство.

Но очень рано, с XIV века, когда повсюду началось возрождение виноградников, между виноградарями и владельцами виноградников наметился конфликт³²⁸. Конфликт этот впоследствии лишь обострился. Поначалу он разворачивается на подступах к городам: Парижу, Лиону, Орлеану, Туру, Сансу, Осеру, Блуа, Мецу... В это время заканчивается бурный рост городского населения и буржуа вступают в соперничество с дворянами и лицами духовного звания: все хотят иметь собственные виноградники, и все считают делом чести производить и пить домашнее вино. Поскольку все хотят приобрести виноградники поближе к городу, то эти виноградники вырастают в цене и дробятся на мелкие участки, за которые идет ожесточенная борьба. Но владелец виноградника площадью меньше двух гектаров не может постоянно держать на нем семью

СНАБЖЕНИЕ ПАРИЖА ДЕШЕВЫМИ ВИНАМИ в XVII и XVIII вв.

Забывая о качестве парижских вин, Парижский парламент постановлением 1577 года запрещает парижским кабатчикам покупать вино в радиусе 20 лье (80 километров) от столицы. В самом деле, в XVII—XVIII веках здесь в изобилии производят отвратительные вина, продающиеся в пригородных кабаках. Кроме того, в Париж везут дешевые вина по всем водным путям, окружающим столицу, и по удобной Орлеанской дороге. (По книге: Dion R.

Histoire de la vigne et du vin en France. Op. cit.)

1. Виноградики, обеспечивающие это снабжение. 2. Отдельные орлеанские приходы, которые документ 1709 года называет «сплошь засаженными виноградом» (A. N. G⁷ 421). 3. Минимальное расширение области площадью двадцать лье, определенное постановлением Парижского парламента от 14 августа 1577 года. 4. Маршруты речного судоходства. 5. Крайние точки водного пути. 6. Дорога из Орлеана в Париж.

виноградаря (closiers). Поэтому многочисленные клочки, принадлежащие городским жителям, обрабатывают поденщики — конечно, весьма умелые.

Но этим рабочим, без которых невозможно обойтись и которые знают себе цену, свойственно честолюбивое стремление приобрести собственный виноградник и продавать собственную продукцию. Отыскать клочок земли не так трудно: земля, на которой не родится хлеб, подходит для виноградника. Главное здесь не в качестве почвы. Главное — это труд.

Так рождается долгий конфликт между работодателями и работниками, которые ухитряются красть у хозяина часть своего рабочего времени. Формально они должны работать от восхода до заката. Но для того, чтобы «не дать в обиду собственные виноградники», работники либо приходят утром гораздо позже, чем следует, либо уходят среди дня, когда бьет три часа. Они так осмелели и не считаются с хозяевами, потому что ведут борьбу *все вместе*. Кстати, если верить Этьенну Пакье (1529—1615), слово tintamagge (гам) означает шум, который поднимали виноградари из Блуа, когда стучали камнем по своей шаге (заступу виноградарей), чтобы напомнить друг другу, что пора кончать работу³²⁹. Когда хозяева жаловались властям и тем удавалось удержать работников на рабочем месте, то сигнал означал прекращение работы, своего рода сидячую забастовку.

Хозяева ратовали за качество вина, изо всех сил добиваясь его улучшения во имя собственной славы и славы родного города. Ведь работники на своих крошечных клочках земли вместо отборного винограда благородных сортов разводили грубые сорта (например, «гаме» в Бургундии или «гуэ» в Иль-де-Франсе); сорта эти не требовали особого ухода и давали большой урожай, но вино из них получалось, мягко говоря, посредственное. И если победа в конце концов осталась за работниками, то дело тут в том, что их действия отвечали возросшему спросу на ординарное дешевое вино, которое французы потребляли во все большем количестве. Но не все французы: для сельского населения вино остается роскошью, его пьют только по праздникам, и даже сами виноградари еще в конце XVIII века довольствуются «питьем» (la boisson), которое получают, разводя водой виноградные выжимки, оставшиеся на дне пресса, — в разных местах это «питье» называли по-разному: пикет, бюванд и т. д. Иначе обстояло дело в городах: если хозяин сам пил вино, то он — так уж повелось — угощал и слуг, правда, вином худшего качества. Так что в городах вино пили все: и прислуга, и ремесленники. Поэтому резкий рост городского населения повлек за

собой значительное увеличение спроса на ординарное вино, особенно начиная с царствования Генриха IV.

Таким образом сложилась благоприятная обстановка для развития народного виноградарства, которое «помогало работнику избавиться от опеки буржуа и вместе с тем портило виноградники, заполняя их низкосортным виноградом». Так исчезли прекрасные вина, производившиеся в окрестностях Лана, Осера, Орлеана, Парижа... «Дороговизна рабочей силы и недобросовестность работников вкупе с суровым климатом сделали производство вин высшего качества невыгодным. Буржуа были вынуждены продавать или выкорчевывать виноградники. Виноградари скупили их и поспешили заменить лозы ценных сортов кустами, приносящими большой урожай»³³⁰.

Сходным образом, хотя и по совершенно другим причинам, происходит развитие виноградарства на побережье Атлантического океана, открытом для торговли с Голландией. В то время как в Бордо, благодаря клиентам-англичанам, развивается производство бордоских вин из лучших сортов винограда, спрос голландцев в XVII веке имеет противоположные последствия. Действительно, голландцам нужна водка, которую они добавляют в вино, увеличивая тем самым его крепость, либо пьют в чистом виде. А спирт можно гнать и из пикета. Быстро распространяясь по Атлантическому побережью и по внутренней территории страны, обслуживаемой речным судоходством (Адур, Гаронна, Шаранта, Луара), перегонка спирта из вина вызовет увеличение производства посредственных вин из имеющегося в избытке низкосортного винограда. Сдвиг произойдет быстро. Как говорится в одной докладной записке 1725 года относительно Ангума, «когда-то виноградниками владели крупные буржуа и люди состоятельные. Нынче почти все крестьяне [...] разводят виноград», и виноградники, принадлежащие буржуа, стало некому обрабатывать. Таким образом, буржуа постепенно лишаются своих виноградников³³¹.

Эта эволюция объясняет, почему виноградари жили лучше, чем земледельцы. Будучи простыми работниками, они тем не менее могли постоять за себя и им было относительно просто приобрести собственность. В Бургундии накануне Революции «виноградари питаются лучше, чем жители равнин [...] Они довольно часто едят пшеничный хлеб»³³². Артур Юнг отметил, что в то время виноградарь занимал привилегированное положение в мире французского крестьянства.

Вино: промышленное производство. Как зерно для того, чтобы превратиться в хлеб, должно пройти через мельничные жернова и печь булочника, так и виноград тоже нуждается в переработке, которая имеет ту особенность, что осуществляется самим производителем. Позволяет ли это утверждать, что виноделие является частью крестьянской жизни? Не промышленность ли это?

Промышленность или не промышленность, во всяком случае, это весьма разнообразная деятельность. В этом можно убедиться, открыв «Словарь» Савари де Брюлона (1762 г.)³³³. Савари различает «вино, которое само собой течет из крана в стенке чана еще до того, как сборщик винограда начнет давить ягоды (*la mère-goutte*)», «вино в чане после того, как давили виноград (*le surmoust* или *moust*)», «вино, которое выжимают из гребней [кистей винограда без ягод] и полураздавленных ягод, положив их под пресс уже после того, как из винограда выжали вино в давальне (*le vin de pressurage*)»; так называемое питье (*la boisson*), которое делают из остающихся от *vin de pressurage* выжимок, разводя их водой и снова выжимая; «вино, которое еще не начало бродить (*le vin doux*), вино, которому помешали забродить (*le vin bougü*)», «вино, подвергнутое тепловой обработке, прежде чем оно забродило, и поэтому сохранившее свою сладость (*le vin cuit*)», десертные вина, «в том числе мускаты из Сен-Лорана и из Ла Сиута в Провансе; мускаты из Фронтиньяна и Барбантана в Лангедоке; мускаты из Кондрие под Лионом, мускаты из Арбуа, мускаты из Макона в Бургундии, вина из Пуьи и Нивернэ». Если составить подробный перечень сегодня, он окажется еще длиннее.

Если попытаться дополнить список сведениями о репутации вина, о цене за бочку и за бутылку, о покупателях, то получится целая книга. Кроме того, окажется необходимым перечислить бочаров, перевозчиков, рассказать о способах хранения вина и обращения с ним, описать громадные подземелья в Шампани, где во времена Второй Империи, а скорее всего, даже раньше, «могла свободно проехать повозка, запряженная четверкой лошадей»³³⁴. Вдобавок потребуется упомянуть о различных прессах, большая часть которых были самыми обычными — такими, для которых виноградарям приходилось перемешивать виноград — обычай, против которого они всегда боролись. В конечном счете перед нами не одна, а целый куст отраслей промышленности.

Есть ли области, где бы виноделие наносило ущерб другим видам промышленности? Кольбер считает, что да. Заботясь об усовершенствовании ремесел, в частности о распространении в городах и деревнях домашнего ткачества, он размышлял о возможностях его развития

в Бургундии. «Если два города одинаково пригодны по своему местоположению для развития какого-либо ремесла, — объяснял он, — но один из них находится в краю виноградников, а другой нет, для подобных начинаний выбирать всегда следует тот, где нет виноградников, ибо вино изрядно мешает работе»³³⁵. Вероятно, как пишет Роже Дион, «домашние ремесла [сельская промышленность] лучше всего развиты в той части Франции, где нет виноградарства — от Лавалья до Руана, Камбре и Фурми. По эту сторону северной границы *товарного* виноградарства [то есть к югу] сельские жители, похоже, часто даже не подозревали, насколько прядение и ткачество могли бы облегчить их жизнь»³³⁶. Получается, что там, где было виноградарство, не было промышленности, и наоборот. Так ли все просто?

В XVIII веке Лангедок — густо населенный бедный край, население которого все время пополняют еще более бедные жители находящегося по соседству Центрального Массива. В Лангедоке появляется нужда в других видах деятельности, кроме выращивания зерновых, которое находится под контролем буржуа и лиц духовного звания: виноград перебрался на самые неплодородные земли, впрочем, богачи как в окрестностях Лодева, так и вокруг Монпелье и других городов и городков относятся к нему предвзято; свой клочок земли и собственное вино стремятся иметь прежде всего бедняки да иногда еще *des brassiers*³³⁷ и городские ремесленники. Но эти микровиноградари производят вино не только для местного употребления, не только для простого люда. *Излишки*, и весьма значительные, вывозят в Италию, в частности, такой ценный продукт, как мускат — сладкое вино, которое производят не только на холмах Фронтиньяна.

Но в Лангедоке есть большие текстильные фабрики, они изготавливают сукно для армии (например, лодевские фабрики) и для рынков Леванта (фабрики в Клермоне и Каркассоне). Эти фабрики постепенно укрупняются, что делает положение бедных ремесленников, своим трудом способствующих процветанию и равновесию провинций, неустойчивым.

Что сказать в заключение, кроме того, что в конечном счете главная проблема — проблема равновесия, причем равновесия не только между промышленностью и виноградниками, но между промышленностью и уровнем жизни. Вообще, виноградари — люди более или менее обеспеченные. Зачем им переезжать в город, если они и без того живут хорошо? И зачем им надомная работа, имеющая целью развитие сельской промышленности и гораздо хуже оплачиваемая, нежели городская, если они могут без нее обойтись? Не то же ли самое происходит на

Канской равнине, где собирают богатые урожаи зерна? Когда городские купцы решили нанять в деревнях прядильщиц, крестьянки встретили их сдержанно. Они, быть может, согласились бы работать, но только если бы оплата была высокой. Ведь в этой области, издавна экспортирующей зерно, у людей еды встала.

Когда один хитроумный англичанин задумал около 1750 года организовать во Франции ткацкое производство по типу британского в дополнение к уже существовавшему французскому, где он предпочел обосноваться? В Жеводане. И не потому, что там мало виноградников, а потому, что это очень бедная область³³⁸.

Три зоны французского виноградарства. Чтобы подвести итог истории виноградарства, надо разделить Францию, проведя две границы: южная граница совпадает с границей распространения оливок, которые растут в средиземноморской Франции; это — первая и, если угодно, «природная» зона виноградников на нашей территории; северная граница совпадает с границей *товарного* виноградарства — я еще раз подчеркиваю это определение — от устья Луары она идет к востоку, через всю Европу до юга России, Крыма и Персии, где лозы зимой присыпают землей, чтобы защитить от морозов³³⁹. Это настоящая линия удачи для Европы — удачи для юга, конечно. Отсюда и торговые связи: после каждого сбора винограда вино везут с юга на север. Таким образом, венецианцы пьют весьма крепкое вино, за которым ездят в Марке и в Неаполь, но предоставляют немецким *sagetoni* — длинным вереницам повозок — каждую осень перевозить через Альпы белый пикет из Фриули и Венето³⁴⁰.

Отсюда два рубежа, делящие Францию на три зоны.

Любопытнее всего средняя зона — Борделэ, долина Луары, Бургундия, Шампань, Эльзас; Лотарингию, где куцые виноградники в Тулузе и Мецском крае сохранились до наших дней, я оставляю в стороне.

Скажем не хвастаясь: эта срединная Франция владеет лучшими виноградниками в мире. И так считают не только французы. В более холодных зонах пришлось переустроить виноградники: отобрать сорта, которые приспособились к климату, собирать только перезревший виноград, тронутый *благородным гниением* (*botrytis cinerea*), которое увеличивает содержание в нем сахара и спирта. Разве в Сотернэ не доходят до того, чтобы снимать урожай «ножницами», постепенно, в несколько приемов, каждый раз срезая только ягоды, уже начавшие портиться³⁴¹? Этот обычай, который сделал производство сотерна «самым сложным в мире», возник не раньше 1845 года.

На первый взгляд кажется, что срединная Франция не создана природой для этой исключительной роли. Но стоит ли верить первому впечатлению? Ведь есть виноградники и виноградники. Виноградники, посаженные римлянами в нарбоннской Галлии задолго до начала нашей эры — совсем не то, что виноградники, раскинувшиеся в краю аллобургов на берегах Роны в I веке нашей эры. Уже Плиний Старший говорит об этой новой разновидности винограда, приспособленной к *холодному* климату и созревающей с наступлением заморозков (что по сей день очень часто встречается в Бургундии и совершенно немислимо, например, на равнинах Лангедока)³⁴². В самом деле, два благородных саженца, каберне и пино, хорошо переносящие сырость и холода, похоже, происходят не от средиземноморских сортов; предками пино скорее всего были местные сорта дикого винограда, а предком растущего в Борделэ каберне — кантабрийский виноград.

Вдобавок виноградники срединной Франции имели благоприятное географическое положение. В самом деле, поскольку главными потребителями были, повторяю, жители Севера, наши крупные виноградники оказались у самых ворот клиентов. С другой стороны, чтобы выгодно экспортировать вино, нужно было следить за качеством продукции, что требовало неусыпных трудов и забот. Тщательный уход за виноградниками осуществляется и поныне.

Наличие второй зоны виноградников к северу от Луары, на первый взгляд, совершенно понятно. История ее такова. Виноградники окружали почти все города и удовлетворяли спрос горожан в те времена, когда перевозки были делом трудным и дорогостоящим; затем площади виноградников, оказавшихся в неблагоприятном климате, дающих урожаи нерегулярно, а порой и вовсе не приносящих его из-за дождей или морозов, начинают уменьшаться. Виноградники отступают, когда в XII—XIII веках начинается эпоха активного морского судоходства и вывоза водным путем вин из срединной Франции; этот процесс завершается, когда появляется железнодорожное сообщение, что облегчает доставку хорошего крепкого вина с юга на поездах. В это время виноградники возвращаются в благоприятную для них климатическую зону.

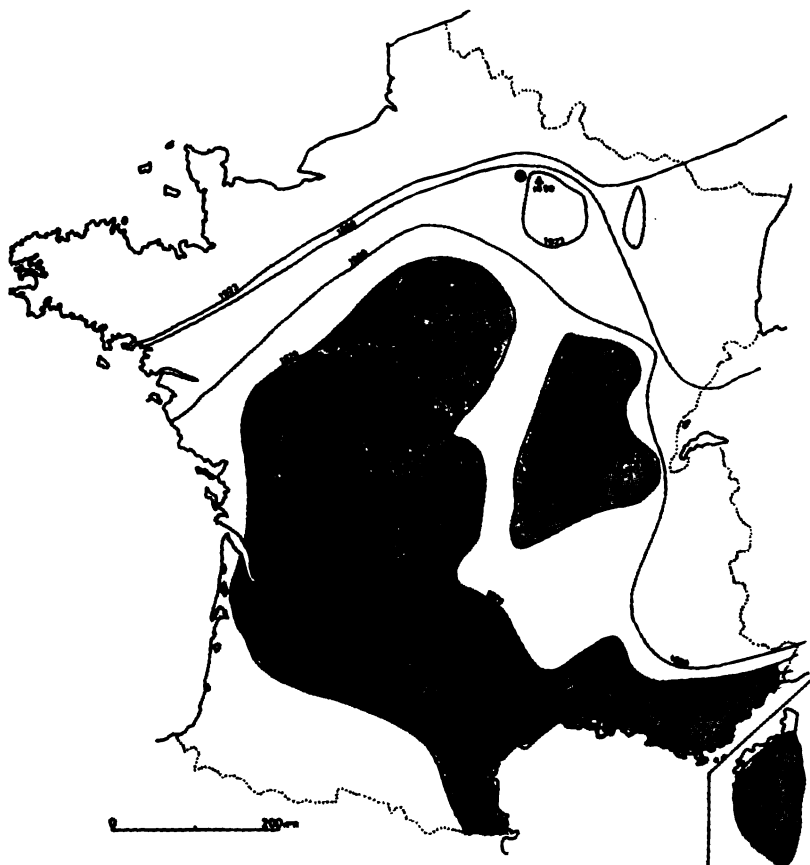
Однако такое объяснение слишком просто, ибо в Северной Франции кое-где сохранились или могли сохраниться прекрасные виноградники. Разве мы не видим, как сегодня возрождается производство белого вина *лучших марок* в Сюрене³⁴³? Так что дело не только в климате. И правда, Роже Дион заметил, что в тот момент, когда на столе у северян появилось вино с юга, наступил подъем зернового хозяйства, ушедшего

вперед так далеко, что на землях, которые прежде оставляли под паром, нынче сажают сахарную свеклу и кормовые травы. Банкиры, деловые люди и агрономы с тех пор считают, что в «сельском хозяйстве чего-то стоят только скот и зерно»; что сажать свеклу в сто раз выгоднее, чем виноград. Короче говоря, спад виноградарства происходит не в соответствии с климатом, а в соответствии с «границей, разделяющей пахотные земли, пригодные для выращивания различных культур». Виноградники исчезли на всех пахотных землях, дающих большой урожай других культур; напротив, они уцелели в тех местах (например, на подступах к Луаре), «где почва уже не способна так мощно поддерживать культуры-соперницы, как к северу от Парижа». Как говорил Матье де Домбаль в 1829 году, «тучные нивы раскинулись почти исключительно в северных департаментах, где не растет виноград; чем дальше к югу, тем скуднее становятся поля и тем обширнее — почти в той же пропорции — становятся виноградники»³⁴⁴.

Что касается южной Франции, где почвы наиболее пригодны для виноградарства и где им начали заниматься раньше всего, то срединная Франция долгое время оттесняла ее на второй план, преграждая ей путь к выгодным клиентам, в том числе к жителям столицы.

Перемены, судя по всему, начались в XVIII веке. Действительно, суровая зима 1709 года раз и навсегда открыла южным винам дорогу на север; южные виноградники не так сильно пострадали от заморозков, разоривших в ту зиму виноградники севера. Северное вино так подорожало, что бочки стали возить с юга до самого Парижа.

Но самые серьезные перемены произошли с появлением железнодорожного сообщения. Оно перевернуло всю географию вина. Божоле триумфально вступает в Париж. Расположенный южнее Лангедок, жители которого до тех пор работали на заводах и фабриках, обрабатывали виноградники, растили зерно, полностью посвящает себя виноградарству. Появление монокультуры, захватившей все земли, производит переворот. После победы над филлоксерой, нашествие которой (1865—1890) Гастон Рупнель называет «главным событием Третьей Республики»³⁴⁵, виноградники восстанавливают, идя на большие затраты: саженцы привозят аж из Америки, причем на сей раз виноградники завладевают лангедокскими равнинами, подступают к самому морю. Тут-то и разразился страшный кризис перепроизводства — отсутствие сбыта, падение цен. Среди работников и мелких собственников начались волнения. В 1907 году, чтобы усмирить бунтовщиков, возмущенных тем, что, имея «доброе вино», они не в силах прокормиться, пришлось призвать на помощь войска.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФИЛЛОКСЕРЫ ВО ФРАНЦИИ

1. Пюжо (Гар). 2. Флуарак (Жиронда). 3. Божоле. 4. Шампань.

Серая штриховка: зоны, затронутые в 1879 году. (По книге: Claval P. *Éléments de géographie humaine*. 1980).

Исчерпали ли мы тему? Можно ли ограничиться историей виноградников и вина? Не следует ли упомянуть среднего потребителя — парижского рабочего, каждое воскресенье посещающего пригородные кабачки, где вино дешевле, потому что не надо платить ввозную пошлину в городскую казну? Или последовать за путешественником, который по

случайности едет в ту сторону, где производят вино? Он доезжает до винодельческой области и пьет молодое вино, купленное прямо на месте, за минимальную цену. В 1703 году, правда, неизвестно, в каком месяце, Анри де Рувьер³⁴⁶, королевский аптекарь, едет на юг и записывает, что в Монмиреле, в 12 лье от Мо, «мы пили, так же как во Вье Мэзоне [на три лье ближе к Мо], превосходное шампанское». Остановиться и выпить. Артуру Юнгу посчастливилось купить бутылку сансерского вина (вероятно, белого) в Ватане, на подступах к городку. При этом он заплатил за бутылку всего 10 су, меж тем как в городе она стоит 20³⁴⁷.

Кому не случилось во время путешествия неожиданно встретить и попробовать вино, которое запомнилось ему на всю жизнь? Около 1920 года, исследуя на велосипеде границу между Барруа и краем Жуэвиль, я оказался в долине Марны, где купил молодого белого вина. Тогда оно показалось мне превосходным — впрочем, разве в то время я знал толк в винах?

Поговорим, наконец, о зерне, вернее, о зерновых. Я начал свои объяснения не с зерна, как делают все, и тем самым нарушил традицию. Я боялся, что такая важная тема, как зерно, может заслонить от нас всю остальную картину. Ведь зерно играет ведущую роль, определяет и изменяет общее положение дел — не лучше ли было поэтому сначала рассказать о других вещах, а потом уже приступить к этой теме, которая бесспорно является главной?

Главной? Важнее всего — жить, важнее всего — есть. Кроме того, разве зерно не является, говоря словами Пьера Гуру, плодом *выбора цивилизации* — выбора, совершившегося, как это ни удивительно, еще в доисторическую эпоху, так же как выбор риса или маиса, который веками, тысячелетиями определял судьбы крестьянства на Дальнем Востоке и в доколумбовой Америке? Единожды сделав выбор, люди уже не могут его изменить.

Прежде чем пойти дальше, уточним нашу терминологию; по нашему убеждению, говорить следует не о *зерне*, но о *зерновых*. Наши предки называли этим словом все хлебные злаки — прежде всего пшеницу, но не только ее; они включали в это понятие ячмень, овес, полбу, рожь (еще в конце XVIII века бывшую во Франции самым распространенным зерном)³⁴⁸, суржу (смесь пшеницы и ржи, обычно в равных долях), гречиху (черную пшеницу), не говоря уже о «мелком зерне» (*des «petits blés»*)³⁴⁹, под которым подразумеваются не только яровые культуры, такие как ячмень или овес, но горох, вика, фасоль, чечевица и т. п. Как

говорит Оливье де Серр, «словом „зерно“ в сельской местности обычно называют все зерновые вплоть до зернобобовых»³⁵⁰. Еще в 1898 году один социолог, проводивший опрос, утверждал, что каштаны, занимающие такое большое место в питании жителей Центрального Массива, «играют роль зерна; они заменяют хлеб. И этот хлеб не требует труда: не надо ни пахать, ни сеять, ни жать, ни обмолачивать», короче говоря, заключает исследователь, он возвращает в крестьянах лень и косность³⁵¹.

В общем, зерном называли все, из чего в конце концов получался хлеб, однако «пшеница неизменно оставалась самым лучшим и самым ценным из всех злаков [...], из которого получается самая белая, самая хорошая и самая обильная мука»³⁵². Но если говорить об объеме производства, то до XIX века первое место принадлежало ржи. Вот почему французы так долго употребляли в пищу пеклеванный хлеб, часто замешивая тесто из муки второстепенных злаков, а не из ситной пшеничной муки, как сегодня. Излюбленный всеми белый хлеб утвердился во Франции гораздо позже, чем считает большинство историков, — уже после революционных войн и войн Империи. Раймон Лебон в 1792 году утверждал³⁵³, что, «постоянно питаясь пшеничным хлебом, человек становится сильнее, бодрее, выносливее, реже болеет». У среднего француза такая возможность появилась довольно поздно.

Требовательность зерновых. Зерновые — предмет неусыпных забот, беспокойства и внимания властей. Каким будет урожай? Жатва всегда в поле зрения, все следят за тем, как она идет, ведь от урожая зерновых зависит, что ждет страну впереди: спокойная жизнь или тревоги и лишения. Хотя ни в одной истории, называющейся историей Франции, зерновые не занимают подобающего им значительного места, они всегда были главным действующим лицом нашего прошлого. Во всяком случае, до XIX века. Первостепенная важность зерновых обусловлена пользой, которую они приносят, милостями, на которые они щедры, и, наконец, ограничениями, которые они накладывают.

Во-первых, зерно «движется», то есть его нельзя собирать два года кряду на одном поле — бывают, конечно, исключения, но они лишь подтверждают правило. Итак, зерно обязывает к кругообороту полей. Каждый агроном дает этому свое объяснение. «Невозможность все время сеять хлеб на данной почве, — говорит один из них [граф де Гаспарен] в 1831 году, — происходит от недостатка удобрений, от невозможности бороться с сорняками, которые созревают раньше хлебов, от того, как

трудно расчистить [заранее] участок, куда бросают семена»³⁵⁴. Другой специалист³⁵⁵ говорит в 1843 году о законах вегетации, в частности, о том, что растения питаются некоторыми веществами, содержащимися в черноземе, и выбрасывают в почву отходы; таким образом, они отравляют почву, делая ее непригодной для возделывания того же самого растения. «Мы видим, что трава, которая в изобилии растет на лугу, со временем исчезает, а на ее месте вырастает совсем другая трава, так что косари всегда косят разное сено».

Однако почти повсеместная ротация зерновых имеет и другие вполне вероятные объяснения.

Действительно, цикл выращивания хлеба растягивается больше, чем на год, составляя от 14 до 16 месяцев, ведь все начинается задолго до сентябрьского или октябрьского сева. Для озимых хлебов, и для пшеницы, и для ржи, надо сначала подготовить почву, несколько раз вспахать ее, чтобы всходам было легко пробиться. Если вспашка глубокая (то есть осуществляется тяжелым северным плугом), то достаточно трех или четырех раз; в южных областях, где пахут сохой, этого недостаточно: до Революции в полях Пуату землю вспахивали не меньше девяти раз³⁵⁶. Соха, будучи орудием несовершенным, на самом деле просто лущит почву. Она затрагивает «верхний слой земли, приподнимает его, разбивает и отваливает в сторону, таким образом, она, так сказать, кладет вспаханный пласт на поверхность земли, не проникая вглубь; и поскольку этот пласт не толще четырех дюймов, соха не закапывает в землю сорняки, но, наоборот, взрыхляет на них почву... После каждой вспашки сорняки снова появляются со всех сторон, поэтому чтобы избавиться от них, приходится [...] пахать снова и снова»³⁵⁷.

Итак, пахать и пахать, сколько есть сил у людей и животных. Земледельцам никогда не удавалось полностью изгнать растения, мешающие зерновым, — куколь, вику, васильки, овсюг³⁵⁸; несмотря на все усилия земледельцев, они растут быстрее, чем колосья, и мигом догоняют их. Тогда глазам людей предстает грустное зрелище, описанное в 1527 году летописцем того времени Пуже: в окрестностях Кагора поля «заросли травой», где «больше черной брони [овсюга], чем хлебов»³⁵⁹. «Очистка почвы и уничтожение растений, которые растут сами собой, — пишет Матье де Домбаль, — обстоятельство, от которого будущий урожай зависит не меньше, чем от плодородия почвы»³⁶⁰.

Эти площади, которые из предосторожности без конца перепахивают, — *пар*, поле севооборота, которое раз в два года оставляют отдыхать, в частности, для того, чтобы плугом и сохой очистить его от

сорняков; это существенно облегчает окончательную прополку (в тех случаях, когда ее производят). В Лотарингии до 1914 года хлеба пололи, чтобы уничтожить быстро разрастающийся чертополох.

Зяблевая вспашка требует много времени и труда. Вдобавок землю перед осенним севом надо унавозить. Дело это нелегкое: даже на средней ферме требуется до ста пятидесяти телег навоза между предпоследней вспашкой и последней, когда просеянное зерно засыпают землей. Затем почву боронят тяжелой бороной, чтобы выровнять ее поверхность; иногда это называют «гладкой пахотой»³⁶¹. Ее противоположность — «гребневая вспашка»: между двускатными грядами проводят глубокие борозды, куда стекает лишняя вода³⁶².

А теперь вернемся к севообороту.

В апреле повсеместно начинается вспашка пара. В это время хлеб, просеянный в сентябре — октябре прошлого года, уже дал всходы, которые вот-вот заколосятся или уже отколосились. Так что рядом могут быть два хлеба, один потенциальный, ради которого почву несколько раз вспахивают, другой — тот, урожай которого соберут в июле или августе. Если читатель задумается, то увидит, что полный цикл, начинающийся от зяблевой вспашки и до того, как жнецы уберут хлеба, а женщины свяжут колосья в снопы и сложат в копны, занимает четырнадцать — шестнадцать месяцев. Четырнадцать или шестнадцать — в зависимости от того, раньше или позже начинают пахоту и раньше или позже собирают урожай. Так что весь цикл длится больше года. Дюамель де Монсо видел в этом причину севооборота зерновых, но он высказал свою мысль в короткой фразе, столь насыщенной, что ее трудно сразу понять: «Невозможно каждый год выращивать пшеницу на одной и той же земле, — пишет он, — потому что промежуток времени между жатвой и севом столь мал, что не хватает времени подобающим образом обработать [читай: вспахать] поле»³⁶³. Агроном и историк Франсуа Сиго³⁶⁴ повторил объяснение Дюамеля дю Монсо. Один его довод убедительнее целой речи. Он приводит знаменательный, хотя и не характерный, пример: в Ломбардии, где «летом очень тепло (говорят, что в Милане лето, как в Неаполе, а зима, как в Амстердаме), пшеница созревает уже к середине июня, так что до осеннего сева, который проводят в ноябре, остается больше четырех месяцев. Это время поле остается под паром и его четырежды вспахивают с зелеными удобрениями»³⁶⁵, после чего сеют пшеницу, зарывая ее посредством бороны. Таким образом, в этом случае полный цикл выращивания пшеницы укладывается в год. И на сей раз вслед за зерном снова сеют, или, во всяком случае, могут сеять зерно. Ведь все необходимые условия выпол-

нены: вспашка глубока, а удобрения обеспечены промежуточными культурами.

Однако при всей своей важности календарь объясняет не все. Совершенно очевидно, что злаки с их короткими корнями истощают поверхность почвы. Отсюда важность чередования их с пропольными культурами — свеклой, *турнепсом*, картофелем, чьи длинные корни берут питательные вещества из более глубоких слоев почвы и вдобавок поглощают из воздуха азот. Их ботва при вспашке превращается в хорошее удобрение.

Севооборот. Миланский случай — исключение, которое подтверждает то правило, что до сих пор везде происходит ротация зерновых. Она буквально заворожила историков, те видят только ее, не замечая ничего вокруг.

География севооборота всем прекрасно известна (см. карту на с. 124). Если провести линию от Сен-Мало до Женевы, то мы увидим, что к северу от нее доминирует трехтактный севооборот — это система трехполья. Пахотные земли делятся на три поля: озимые, яровые (то есть весенние, мартовские посевы: ячмень, овес), пар. Пар, как правило, означает полный отдых земли — чистый пар. Итак, если представить себе земли в виде круга, разделенного на три более или менее *равных* сектора, то окажется, что круг этот каждый год поворачивается на одну треть: озимые сменяются паром, яровые озимыми, пар яровыми, и так до бесконечности.

К югу от линии Сен-Мало — Женева правилом становится двухполье. Одну половину территории занимают зерновые, другую — пар. На следующий год они меняются местами: первая половина территории отдыхает, вторую засевают зерном, и так далее.

Мы видим разделение, видим различие, но встает вопрос: в чем их причина? Что может означать, в одном и в другом случае, регулярное повторение одних и тех же действий? Чем внимательнее мы всматриваемся в эти простые проблемы, тем более сложными они оказываются, а ответы, которые напрашиваются, как выясняется, далеки от истины или двусмысленны.

Прежде всего, в каждой из двух противостоящих друг другу частей Франции есть разные варианты севооборота, их немного, но они представляют интерес.

Несколько отклонений от общего правила есть в зоне трехполья. В конце XVIII века Нижний Эльзас, до тех пор верный трехпольной

системе, неожиданно переходит на двухполье³⁶⁶. То же самое гораздо раньше, в конце Средневековья, произошло в области Тьераш, где была введена двухпольная система, после чего появились живые ограды и защитные полосы деревьев, характерные для края бокажей³⁶⁷. Край Ко искони, во всяком случае, с тех пор, как мы его знаем, — зона бокажей и двухполья. Но в конце Старого порядка там широко распространяются лесополосы³⁶⁸. Сходным образом я уже указывал на любопытный пример пуатевенского края Гатин — в XVI веке, вследствие укрупнения земельных хозяйств, производимого знатью, на этой равнине воцаряются бокажи³⁶⁹. И это еще не полный перечень: в Ревермоне (Юра) поля «окаймляют лесными полосами» после 1770 года³⁷⁰; в Булоннэ примерно в ту же эпоху «обносят живыми изгородами низины»³⁷¹.

Необходимо отметить совершенное исключение — фламандское сельское хозяйство, которое, храня верность «принципу чередования культур», приобщается к революционной системе обработки земли, существующей в Нидерландах: земля там никогда не отдыхает, пар отсутствует. К северу от Бушена «вы вступаете в сад», который не знает обычного отдыха полей³⁷². Означает ли это, что вы перешли из царства лени в царство труда и разума?

Еще одно исключение из правила: Арденны. По мнению Франсуа Сиго, система пара, вероятнее всего, идущая из Средиземноморья, просто не дошла до этого края, бедного, затерянного в лесах и оторванного от остального мира³⁷³. Во всяком случае, здесь принято обрабатывать лишь небольшие участки, используя при этом все удобрения с окружающих земель; на этих привилегированных участках культуры сменяют друг друга без перерыва.

В большой зоне двухполья, более обширной у нас, чем трехпольная зона, тоже есть отклонения; ввиду огромных площадей они не могут быть более многочисленны. Действительно, в отдельных областях встречаются островки трехполья. Бывают и другие аномалии. К югу от Бордо, в Ландах, в XIX веке землю обрабатывают так же, как в Арденнах; подобно китайцам, земледельцы концентрируют все свои усилия на маленьком участке земли, щедро унавоживают его и выращивают на нем разные культуры, не давая земле отдыхать. Близ Нима, по свидетельству Леонса де Лаверня (1877 г.), «соблюдают особое чередование культур. Вначале на щедро унавоженной земле сеют люцерну; через четыре года эту люцерну перекапывают и, не удобряя землю, четыре года подряд сеют хлеб, затем два года эспарцет, после чего еще два года хлеб; весь цикл занимает двенадцать лет, шесть из которых приходится

на хлеб, при этом землю удобряют лишь единожды»; урожаи при этом собирают великолепные³⁷⁴. Очевидно, эта практика появилась довольно поздно, когда уже существовали сеяные луга. Но обращаясь к прошлому, мы встречаем трехполье в Бретани и на некоторых землях близ Тулузы уже в Средние века³⁷⁵. Тогда же, в Средние века, в окрестностях Грасса был составлен арендный договор, в котором оговорено, что все должно подчиняться правилу трех — «dicendo per tres»³⁷⁶.

При всех отклонениях и смещениях двухполье и трехполье остаются главными в своих владениях. В этом случае важно знать, как эти зоны соотносятся, какой вид они принимают в пограничных областях, ведь периферия всегда показательна.

К сожалению, обо всем этом мы знаем очень мало. Похоже на то, что в общем и целом трехполье победило, все дальше и дальше оттесняя двухполье. Таким образом, оно постепенно завоевало Турень³⁷⁷, позже, накануне Революции, проникло в Пуату, между Шательро и Пуатье³⁷⁸. Случаи эти, вероятно, не единственные, но исследования в этой области редки, быть может, потому, что историки и географы раз и навсегда решили, что трехполье лучше, чем двухполье. Не было бы вопроса, если бы трехполье всегда одерживало верх над двухпольем, как утверждали Марк Блок, Альбер Деманжон и, сравнительно недавно, исследователь столь сведущий в истории агротехники, как Линн Уайт³⁷⁹. Если верить им, трехполье как более поздняя система неустанно наступало на своего слишком старого соседа. Не чересчур ли все просто?

Чтобы разобраться получше, выслушаем мнение защитников двухполья. Роже Дион считает, что при двухполье не выращивают *второстепенные* яровые — рожь или овес — не из-за того, что не успевают, а из-за того, что эти культуры не переносят засушливого климата, господствующего южнее Пуату³⁸⁰. По мнению Жака Мюлье³⁸¹, двухполье имеет то преимущество, что является более гибким, более восприимчивым к нововведениям XIX века, нежели трехполье, чьи рамки зачастую слишком жестки. Наконец, Франсуа Сиго³⁸² сомневается в отсталости двухполья и аргументирует свою точку зрения расчетами, которые на первый взгляд кажутся убедительными, если, конечно, считать, что в такой области достаточно теоретических расчетов.

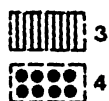
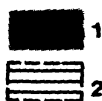
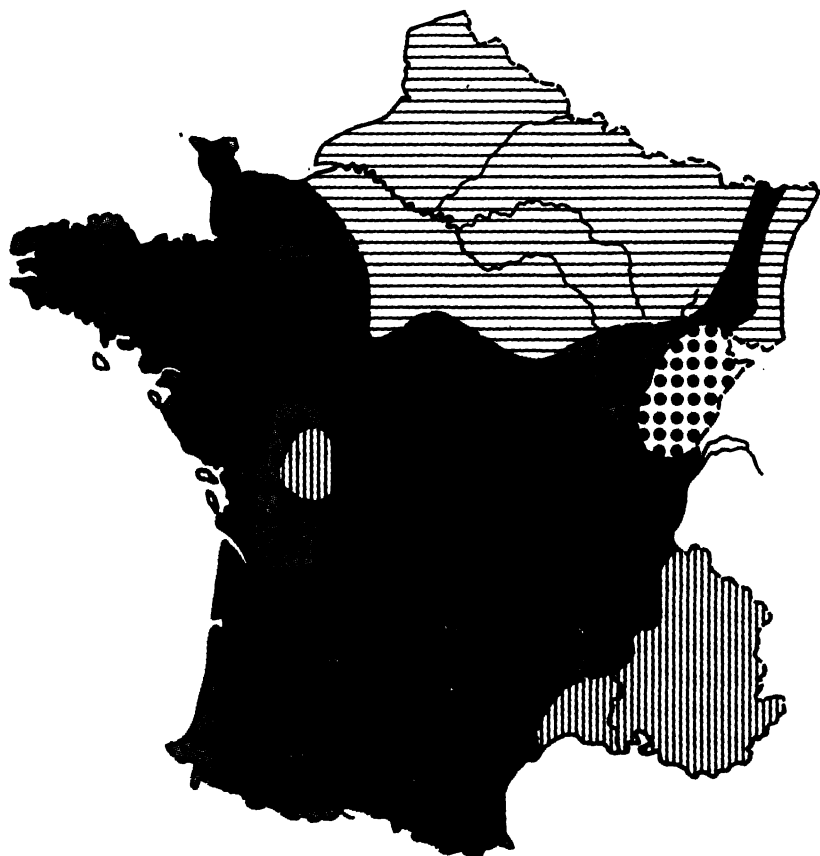
Вот суть его рассуждений: при двухполье с одной и той же площади за три года собирают три урожая, каждый раз снимая его с половины пахотных земель; если принять годовой урожай, который можно было бы собрать со *всего* участка, за 100, то общий урожай за три года будет равен 150. При трехполье (если считать, что урожай яровых, как это обычно бывает, в два раза меньше, чем урожай озимых) годовой урожай

озимых составит треть от 100, то есть 100 за три года, а урожай яровых — половину этого, то есть 50 за три года; общий урожай за три года в этом случае окажется равным опять-таки 150. Получается так на так.

Согласимся, что — при прочих равных — результаты при двухполье и при трехполье примерно одинаковы; это похоже на правду. Но доказательство этого равенства не безупречно. В нем не учтены реальные условия произрастания культур, особенности климата, гидрография, качество семян, формы собственности, плодородие почвы, рабочая сила, орудия труда. В отношении последних следовало бы еще раз сравнить северный плуг и южную и западную соху, упряжку быков и упряжку лошадей... Сохой можно лучше обработать участки, идущие под уклон, со скудным, каменистым грунтом; кстати говоря, пахать сохой — искусство, это сложнее, чем пахать плугом с лемехом. Что же до сравнения лошадей с быками, то возобновление спора, который люди не могли разрешить веками, завело бы нас слишком далеко. Быки медленнее ходят, зато они меньше едят, не то что лошади — ненасытные утробы, «лари для овса»³⁸³ и т. д. Короче говоря, мы всякий раз имеем дело не с капризами и отклонениями, а с приспособлением к местным условиям.

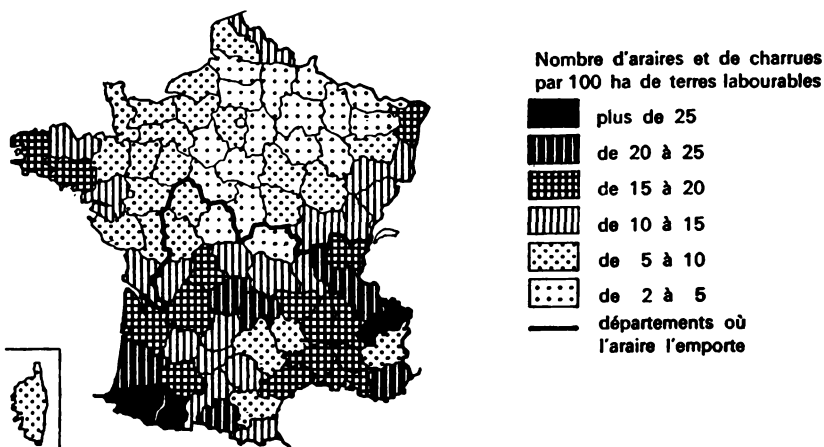
Такой хороший знаток истории нашего сельского хозяйства, как Рене Мюссе³⁸⁴, исследовавший положение дел в кантонах Верхней Нормандии, глубоко убежден в превосходстве трехполья. Но можно ли делать общие выводы на основании отдельных разрозненных сведений? С другой стороны, как оценить возможности яровых в зоне трехполья? Если в погожие весенние дни выяснялось, что пшеница и рожь не уродились, то спасти дело мог только дополнительный сев. В 1651 году в окрестностях Реймса зима была долгой, с сильными морозами, проливными дождями, но без снега — все знают, что это означает. Но «мы надеемся, — говорит один городской житель, — посеять ячмень, если нам не помешают солдаты»³⁸⁵. Имеются в виду, увы, солдаты Фронды! И ведь мало убедиться, что озимые хлеба погибли, надо пойти на риск и сделать ставку на яровой хлеб! Так поступают не всегда: в 1740 году в Гонесе — знаменитой деревне булочников близ Парижа — урожай погиб на корню, но «пахари не решились перепахать свои поля»³⁸⁶.

Изложенные факты заставляют нас задуматься. Нет оснований утверждать, что одна из двух систем превосходит другую. Нет точных объяснений, почему в том или ином месте перешли от одной системы к другой. Быть может, эти сдвиги станут понятнее, если рассмотреть их в более широком масштабе, как часть общего процесса. Так, распростра-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
в XVIII веке

1. Быки. 2. Лошади. 3. Быки и лошади. 4. Мулы.

СОХИ И ПЛУГИ в 1852 году

(По книге: Braudel F., Labrousse E. Op. cit. P. 680.) Количество сох и плугов на 100 га пахотных земель. Условные обозначения сверху вниз: более 25; от 20 до 25; от 15 до 20; от 10 до 15; от 5 до 10; от 2 до 5. Черная линия отделяет департаменты, где преобладают сохи.

нение трехполья к югу от Шательро, о котором мы говорили выше, происходит одновременно с другим явлением — в крестьянском хозяйстве появляется лошадь. Для землевладельцев и крестьян Шательро той эпохи лошадь внове, она вызывает споры. Некий анонимный автор в 1784 году негодует, что пахри в его краях «утратили давний обычай обрабатывать землю на быках и используют лошадей». Какой скандал! Один землевладелец консерватор (это его право, если не достоинство) сдает свою ферму в аренду с условием, что «арендаторы могут использовать только быков»³⁸⁷.

Наконец, нет ли еще какого-нибудь обстоятельства, способствующего переменам? «Хозяйственные постройки в Шательродэ [действительно] вместо открытого двора, типичного для области бокажей, имеют внутренний двор и монументальный крытый вход — такие же, как в Пикардии или в крае Бос»³⁸⁸. Эта особенность, сама по себе заслуживающая внимания, напоминает нам, что двухпольная или трехпольная система — только *одна часть* целого, которая не существует и не перемещается отдельно от других, что она входит в экономику и даже

в сельскую цивилизацию. «Природа,— говорит Морис Ле Ланну³⁸⁹,— почти не важна [что, по моему мнению, все же сомнительно]; главным фактором является [...] история человеческого общества». С этим последним утверждением я, наоборот, согласен. В конечном счете цивилизация есть не что иное, как совокупность многочисленных элементов, различных факторов.

По меньшей мере три Франции. Не будем слишком доверять простой схеме двух зон сельской Франции, выделенных в соответствии с их агротехническими системами. Тем более, что географы научили нас прибавлять к проблеме севооборота проблему *сельскохозяйственных режимов*, или, как иногда говорят, сельскохозяйственных пейзажей. Что же касается агрономов, то они совершенно справедливо говорят об *аграрных структурах*, то есть о совокупностях и длительной временной протяженности.

Если принять в расчет эти *другие* элементы, то окажется, что сельских Франций не *две*, а по меньшей мере *три*.

Первая — Северо-Западная и Северо-Восточная Франция, Франция открытых полей, *openfield*, как выражаются английские историки, географы и агрономы: большая деревня, где дома жмутся друг к другу, занимая центр «полян»³⁹⁰, где нет деревьев, изгородей, часто даже нет заборов. Перед нами — круг, центром которого является деревня с концентрированной застройкой (отправная и конечная точка всего процесса), а секторами — поля севооборота, отличающиеся одно от другого цветом. Здесь поля — длинные полосы, напоминающие доски паркета. Это самый знакомый для меня пейзаж и, вероятно, тот, который легче всего отличить и понять. Я помню, как в июле 1945 года возвращался из Германии во Францию. После того, как наш самолет пролетел над странными болотами Буртанжа, пейзаж вдруг резко изменился: под нами была Пикардия, разделенная на узкие разноцветные полосы, границы которых были проведены словно по линейке; посадки всюду были аккуратные, чистенькие, словно с них только что смахнули пыль; колокольни довершали картину. Я понял, что я дома.

Границы этого упорядоченного общего *openfield*, очевидно, точно совпадают с границами трехполья. Но какова причина этого совпадения — вот вопрос, над которым стоит поломать голову.

Вторая Франция, Западная и Центральная — Франция *бокажесей*. Не думайте, что вся она уныла и единообразна: один бокаж не похож на другой³⁹¹; различий между ними множество.

В департаментах Майенн и Мен и Луара — ограничимся этими примерами, они весьма показательны — «поля окаймлены живой изгородью, образованной разного рода деревьями, [посаженными на насыпи]: кроме того, имеются «внутренние перегородки» — чаще всего это яблони и груши для сидра, отчего местность кажется лесистой. Хозяйства занимают в среднем 30—40 гектаров; есть и гораздо меньшие, площадью 10—12 гектаров, такое хозяйство называют „выгородка“, потому что по сути это один огороженный земельный участок». Этот беглый набросок, сделанный в середине XIX века, взят из не утратившего свою актуальность труда Леонса де Лаверня³⁹². К процитированному краткому описанию следовало бы добавить ухабистые дороги, болотистые ланды, поросшие дроком и утесником, и, в особенности, следовало бы уточнить, что лесистая местность — обман зрения, видимость, иллюзия; деревья здесь только дополнение, средство разграничения. «Если смотреть с высоты» — тогда, около 1870 года, не было самолетов, дающих такой хороший обзор, — то Леон, край, типичный для Бретани, по словам все того же Леонса де Лаверня, будет похож на «шкафчик со множеством отделений»³⁹³.

Труднее всего поддается определению третья Франция, юго-восточная, по одну и по другую сторону долины Соны и Роны, этой гигантской расцелины, протянувшейся от Средиземного моря до Вогезов, между Савойскими, Дофинезскими и Провансальскими Альпами, Центральным Массивом и Пиренеями. По сути дела, в нее входят совершенно различные области: растительность, способы обработки земли, посадки, деревья, виды деятельности — все меняется на каждом шагу.

Объяснительная схема Марка Блока³⁹⁴ хуже всего отражает своеобразие области в целом — впрочем, ничего лучшего я предположить не могу. Судите сами: определяющее в здешнем краю не двухпольная система выращивания зерновых, которая его захватывает и, на первый взгляд, господствует в нем; это и не большие прямоугольные поля, которые напоминают часто встречающиеся римские центуриации; это скорее множество нейтральных пустынных зон, *des herms, des terres gastes*³⁹⁵, земель, на которых если и сеяли, то недолго, и которые теперь пребывают в запустении. Жителя Севера поражают, ошеломляют эти каменистые, поросшие кустарником пустоши, над которыми летают стрекозы, где в изобилии водится дичь и благоухают душистые травы.

Что же касается культурных растений, то они так же разнообразны, как почвы и пейзаж. Сильные, живучие, плодовые деревья растут здесь везде, где только можно. Высоко в горах — царство каштанов и грецкого ореха, ниже располагается олива — поистине чудо-дерево — а также

шелковица, фиговая пальма, яблоня, орешник, вишня... Наконец, миндаль, чья «беспечность вошла в пословицы, ибо он начинает цвести еще до окончания зимы», но на побережье Средиземного моря заморозки бывают редко, так что риск невелик³⁹⁶. Под Иером, под Канном, под Тулоном апельсиновые деревья и пальмы растут прямо в открытом грунте, «как в Италии, в Сорренто»³⁹⁷. Правда, бывает, что стужа вдруг окутывает все своей пеленой, и тогда даже узловатые стволы дубов и олив трескаются от холода.

Все эти культуры, привольно произрастающие в здешнем климате, придают особое величие террасам. Особенно же прекрасны широкие долины в нижнем течении Изера, в Восточных Пиренеях или долина Аржанса, за горами Мор и Эстерель, которая удивляет Лаверня тем, что «на пространстве в несколько квадратных метров здесь растут одновременно фруктовые деревья, оливы, шелковицы, хлеба, овощи, виноград, цветы»³⁹⁸. Между рядами виноградных лоз располагаются бобовые культуры, персиковые деревья и даже оливы, которые, правда, плохо уживаются с виноградом³⁹⁹. На берегах Изера в долине Грезиводан «вечная весна» лицом к лицу сталкивается с «вечной зимой», которая стоит в горах. Поля здесь засажены шелковицей или вишней, виноград обвивает деревья. Под их сенью растут пшеница, ячмень, кукуруза, картофель, конопля, рапс, клевер, люцерна, гречиха⁴⁰⁰... Вот картина, которую можно было увидеть во времена Второй Империи.

Последний штрих: почти везде обитатели городов, городков, больших деревень занимаются перепродажей. Однако не все эти залитые солнцем области богаты — здесь часто бывает засуха, мало стад и, следовательно, мало удобрений. Богатые края зачастую протянулись узкой лентой, их со всех сторон обступают горы, и равнинные культуры захватывают, осваивают предгорья — так происходит в Лангедоке, так взбираются по склонам виноградники и хлеба Прованса.

Короче говоря, если нужно дать области трехполья определение в нескольких словах, то мы охарактеризуем ее как максимальное усилие овладеть максимумом пахотных земель — да здравствует *ageg*, долой *saltus*! Это завоевание полезных земель произошло благодаря коллективному труду, благодаря торжеству порядка — но победа порядка, как мы увидим, влечет за собой немаловажные последствия. В зоне двухполья, наоборот, *saltus* не ущемлен в правах, там повсюду растут деревья, как в зоне бокажа, так и на Юге (обычно это называют зоной редколесья). И эти деревья, за которыми почти не ухаживают, являются важным подспорьем. Зима в зоне двухполья короткая, поэтому там в изобилии растут бобовые культуры, происходит своего рода самообеспечение

продуктами питания. Таким образом, за пределами трехполюя свободы действий больше, индивидуализму там — раздолье. Умонастроения, сельские пейзажи соответствуют, отвечают друг другу. Считать ли систему хозяйствования причиной или следствием, ясно, что она всегда теснейшим образом связана с психологическим складом местных жителей.

Назад, в глубь веков. Предыдущие объяснения и картины показывают, что, когда разговор заходит о хлебах, в конце концов он непременно перекидывается на что-нибудь другое. Быть может, это естественно. Но я еще не сказал ни слова о том, что, однако, все знают по собственному опыту, а именно, о том, что в наше время — иными словами, в последние тридцать — сорок лет — произошел переворот, одним могучим ударом разрушивший то, что Даниэль Фоме и некоторые другие называли «равновесием полей»: мудрые обычаи и правила, которые мы унаследовали от наших далеких предков. Разве Ф. Жильбер ⁴⁰¹ в 1787 году не утверждал, что сельское хозяйство Франции не продвинулось ни на шаг вперед со времени римлян? Несмотря на очевидное преувеличение, утверждение это, высказанное превосходным знатоком экономики своего времени, не лишено справедливости.

Итак, переворот произошел, и за короткое время многое изменилось до неузнаваемости. Нынешняя ситуация не является итогом естественной эволюции и не может быть ею объяснена. От прошлого нас отделяет пропасть, и мы должны это осознать.

Единственная возможность пролить свет на наши проблемы — это пойти назад по течению времени. Марк Блок ⁴⁰² предлагал начать эту попятную историю не с нашего времени, а с XIX века, а затем, отталкиваясь от него, продолжать движение вспять. Эта эпоха удобна тем, что она прекрасно освещена в многочисленных документах, а также тем, что изменения, происходившие с Францией на ее протяжении, совершались медленно и не слишком искажали картину.

Франсуа Сито обрисовал ситуацию, сложившуюся около 1800 года, и я воспроизвожу его карту. Читатель может ознакомиться с сопровождающим ее подробным комментарием ⁴⁰³.

Куда важнее и сложнее — не ограничиться изучением XIX века, а погрузиться в толщу времен как можно глубже. Для этого необходимы годы *коллективной* работы. И как же глубоко мы погрузимся? До Кольбера? Да. До Сюлли? Это куда сложнее. И достаточно ли этих нескольких веков, чтобы получить ответ на интересующий нас вопрос?

Чтобы выяснить корни «расположения полей», нужно копать гораздо глубже.

А пока можно прибегнуть к *сравнительной истории*. Но с кем, с чем сравнивать? Морис Ле Ланну ⁴⁰⁴ приглашает нас в Сардинию, в восточную часть острова, на равнину Кампидано, где существует трехполье; Ксавье де Планоль ⁴⁰⁵ идет дальше, в Южную Анатолию, Жан-Робер Питт — в Мавританию... Сам я предлагаю отправиться в Россию. Немыслимая затея, скажете вы? Я знаю, что Россия перенимала опыт Европы. Но как же сильно она при этом отличается от Европы! Впрочем, у нее есть преимущество: та эволюция, которая происходит в России, свершается позже, чем на Западе, и это позволяет нам, историкам, исследовать ее гораздо более подробно. А поскольку в центральных областях, где господствовало «старое сельское хозяйство», изменения происходили на два-три века раньше, чем в периферийных, более отсталых зонах (в том числе на Украине), то на примере России можно видеть, как еще в XVIII веке сосуществуют и развиваются все системы. Карта на странице 127, которую я заимствовал у Мишеля Конфино ⁴⁰⁶, избавляет меня от долгих объяснений: на ней видно, что изначально в России существовали переложная система * и огневое хозяйство **. По мере того, как население росло и все стремилось к стабилизации, установилась система двухполюя и постепенно открыла дорогу трехполюю.

Если согласиться с тем, что этот процесс перемещается в сторону Запада, то мы получаем право вернуться к старым добрым объяснениям или по крайней мере к давним разговорам о том, что трехполье является преемником двухполюя. Но почему? Вопрос остается открытым. С тем, что прежде существовала переложная система, я готов согласиться с закрытыми глазами. Впрочем, специалисты по истории первобытного общества полагают, что система эта существовала вокруг людских поселений еще во времена неолита. И разве то, что называют *неупорядоченными* посадками — эти ковры распаханых *saltus* на берегах Средиземного моря, в Бретани, в Тьераше и в других местах, время от времени перепахиваемые и засеваемые, а затем вновь зарастающие вереском, утесником, лесом — не память об этой древней системе?

* Переложная система — такая, при которой земля по выпашке покидается для отдыха на несколько лет (*примеч. ред.*).

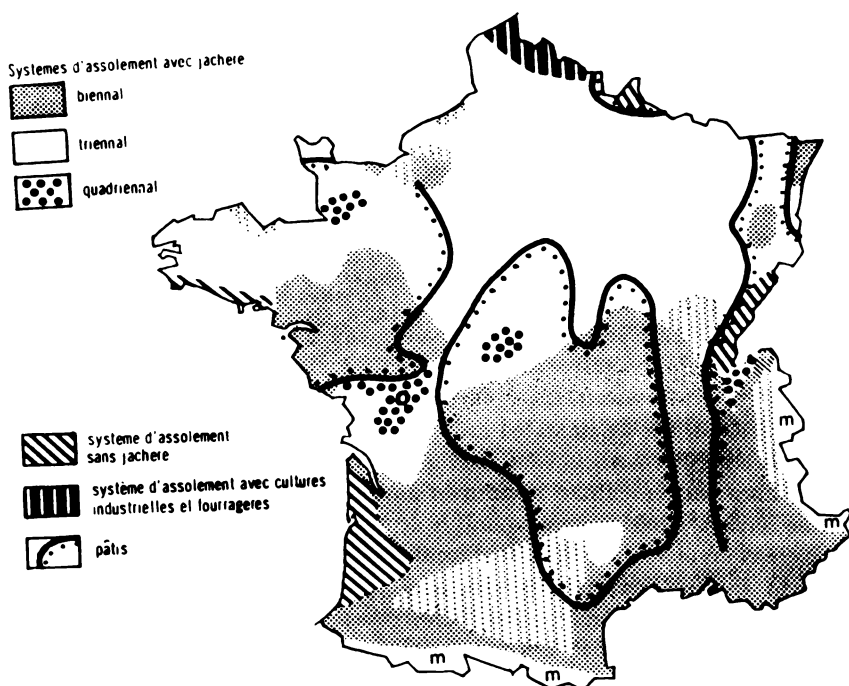
** Огневое хозяйство — на расчищенном из-под леса участке все, что можно, сжигают, почву распахивают и непрерывно засевают, пока она дает достаточные урожаи, а потом участок забрасывают, и он снова зарастает лесом (*примеч. ред.*).

Наш экскурс в Россию мимолютен. Но он наводит на размышления. По правде говоря, Францию следовало бы сравнить со всей Европой. На французско-венгерском коллоквиуме историков в Будапеште в 1982 году Ласло Маккаи утверждал, что трехполье появилось в Венгрии только в XVI веке и что сеньоры навязывали его крестьянам против их воли⁴⁰⁷. В Бранденбурге в XVI веке трехполье и овцеводство утверждаются одновременно с укреплением позиций сеньоров. Трехполье обнаруживается также, но гораздо раньше, в Лондонском бассейне, так же как и в Парижском бассейне, в равнинной Ломбардии — областях, где господствовала сильная власть.

Перейдем же к разъяснению нашей точки зрения, пусть даже потом нам придется раскаяться. Ведь гипотезы возможны и полезны; если надо, историки от них откажутся, заменят их другими...

Итак, Южная Франция со своим двухпольем, с большими полями, происходящими, быть может, повторим еще раз, от римских центуриаций, представляется нам наследием античного Средиземноморья. Описание двухтактной системы (пар — зерновая культура) можно найти в труде Колумеллы «О сельском хозяйстве» и в «Экономике» Ксенофонта. По словам знаменитого агронома графа де Гаспарена (1831 г.), Ксенофонт писал так, «словно перед глазами у него была обычная жизнь наших фермеров⁴⁰⁸. Картины его таковы, что в них ни добавить, ни убавить. Все дело в том, что природа не изменилась и в определенных условиях устанавливается определенная система, которая приспособлена к ним и дает самые высокие урожаи». Гипотеза вполне правдоподобная. Согласно гипотезе гораздо менее правдоподобной, но весьма привлекательной, кельты — галлы — использовали систему бокажа. Бокаж и правда встречается в Уэльсе и в Ирландии. Но разве он появился не гораздо позже, чем обычно считается⁴⁰⁹?

Остается Франция открытых полей и трехполья. О ней мы достоверно знаем только то, что она появилась не позднее XII—XIII веков: в документах этой эпохи встречаются упоминания о выращивании овса — то есть о втором поле севооборота — которое, как утверждают специалисты, возникло одновременно со скотоводством и использованием лошадей. Но разве тяжелая кавалерия франков появилась не в начале VIII века, чтобы противостоять вторжению арабов? Так не стоит ли вернуться назад еще на несколько веков и предположить, что трехполье пришло к нам одновременно с нашествиями германцев, которым мы обязаны распространением скотоводства и новыми объединениями населения? Одним словом, предположений масса, но ни в одном из них нельзя быть уверенным до конца.

СЕВООБОРОТ ВО ФРАНЦИИ

в начале XIX века

Внутри двух обширных зон: двухполья и трехполья — Франсуа Сиго отмечает целый ряд других «способов обработки полей»; на этой чрезвычайно упрощенной карте представлены лишь некоторые из них:

— Четырехполье: пар, затем три урожая зерновых подряд. Четырехполье существует в отдельных точках Пуату, Берри, Савойи, Нижней Нормандии и занимает не больше 1% территории.

— Севооборот без пара: классический образец — Ланды. Два урожая зерновых в год (рожь, просо), земля не отдыхает. Обилие удобрений благодаря стадам баранов.

— Севооборот с техническими и кормовыми культурами: классический образец — фламандское сельское хозяйство, где пар заменяют посадки кормовых, масличных культур, текстильных растений и т. д.

Однако Роже Дион, Морис Ле Ланну подвигли нас погрузиться в глубь истории, дойти до этого отдаленного прошлого. По мнению этих авторов, все родилось из беспорядков, сопровождавших крушение Римской империи: на ее границах люди селились сплоченными общинами в первую очередь по соображениям безопасности; так возникали большие деревни. Однако наличие такой деревни не обязательно предполагает существование трехполья. Объяснение, связанное с лошадьми, которое я уже упоминал, тоже вызывает сомнения: яровой «хлеб», в том числе овес, похоже, служил пищей человеку в такой же, если не в большей степени, чем животным⁴¹⁰. Единственный достоверный факт — то, что трехполье подчинило себе предшествующую систему расселения людей вдали друг от друга и беспорядочных разбросанных полей, о чем свидетельствуют раскопки в Англии и даже во Франции.

Если прислушаться к мнению Ксавье де Пляноля, то причина трехполья — скотоводство: около XIII века с появлением общинного пастуха произошло объединение животных в большие стада и ограды исчезли⁴¹¹. Лично я нахожу это объяснение наиболее логичным. Подъем скотоводства и одновременное расширение пахотных земель поставили крестьян в безвыходное положение. Чтобы выйти из него, надо было перестать держать своих животных в загоне, объединить их в общее стадо, доверить его пастуху и благодаря пару и праву пасти скот на неогороженном поле после уборки урожая обеспечить животных кормом.

Смелая, оригинальная, выполненная на стыке географии и истории работа Робера Спеклена⁴¹² побуждает меня погрузиться в толщу веков глубже XVIII века. По мнению Спеклена, завоевание Галлии франками (в конце V — начале VI века) проводит к югу от Луары укрепленную границу, *limes*: к северу от нее простирается германизованная Галлия;

— Пастбища: Ф. Сиго понимает под этим словом обычай, существующий в первую очередь в зоне двухполья, но не в ней одной — после ряда лет нормального чередования культур более или менее долго использовать землю под пастбища. В зоне двухполья этот способ представлен на юго-востоке Армориканского массива, в Нижнем Пуату, в Анжу... В зоне трехполья — в Бретани (два или три трехпольных цикла, затем 6—9 лет пастбищ). (По уже цитированной статье Ф. Сиго в: *Annales E. S. C.*, 1976).

Условные обозначения на карте (сверху вниз): Система севооборота с паром. Двухполье. Трехполье. Четырехполье. Система севооборота без пара. Система севооборота с техническими и кормовыми культурами. Пастбища.

к югу, резко отделенная от нее, Галлия романизованная; на западе располагается кельтская (и даже снова кельтизированная в VII веке) Арморика. Карта, которую мы воспроизвели (том I, с. 79), дает общее представление об этой концепции. Вписывается ли в нее положение о концентрации деревень и самозащите? Если да, то остается один вопрос: не обозначает ли эта граница, «марка», древнейший культурный рубеж между двумя самыми большими и старыми массивами на нашей территории — Армориканским и Центральным? Рубеж между народами, которые тысячелетиями были привязаны к земле и обрабатывали ее, рубеж, по отношению к которому завоевания, противостояние кельтов и франков — вещи второстепенные? Фантазеры предполагают, подразевают это ⁴¹³. А ведь фантазеры не всегда ошибаются.

Современные исследователи первобытного общества, пытающиеся не только изучать технический прогресс бронзового или железного века, связанный с вторжениями захватчиков, но и обнаружить следы разреженных или сконцентрированных в одном месте культур и поселений, быть может, сумеют однажды доказать, что «кривая Луары между Центральным Массивом и Бретанью, как давно говорил Люсьен Гашон, — не просто гармоничная линия на карте Франции» ⁴¹⁴; она — граница, главное звено нашего прошлого, его объяснение.

АГРАРНЫЕ СИСТЕМЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ в XVIII веке

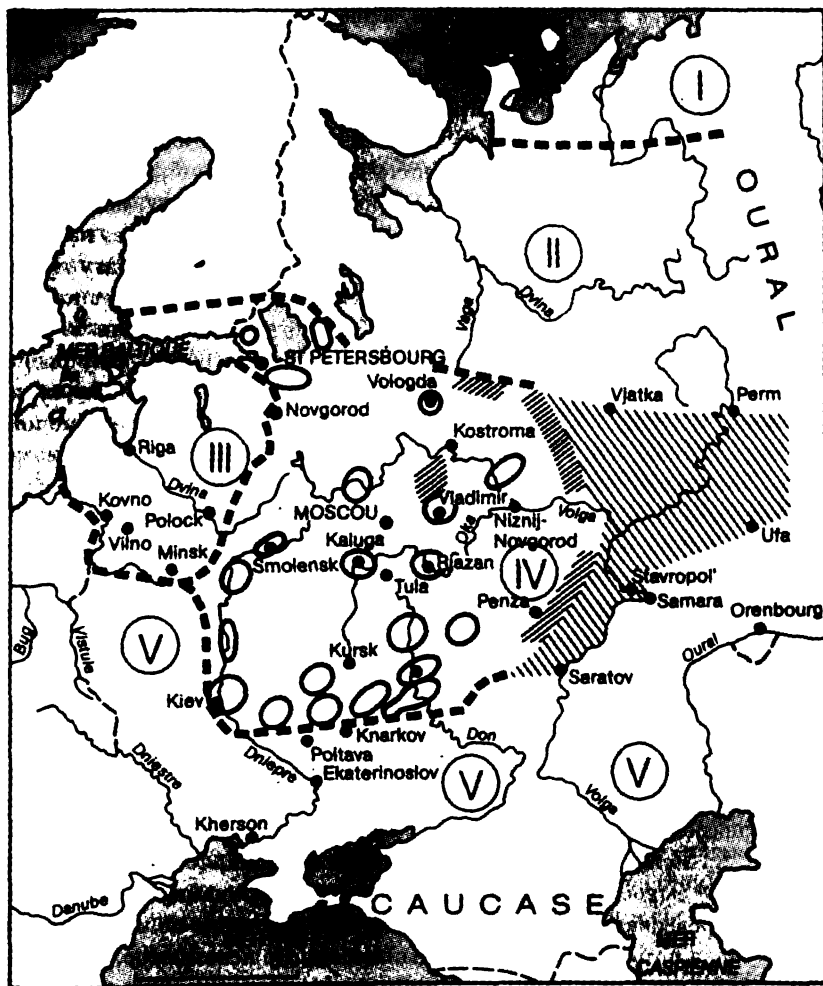
Если передать это сосуществование в терминах эволюции, зона У представляет собой примитивную стадию переложной культуры на гарях, зона II — появление островков упорядоченных посевов, зоны III и IV — еще не окончательную победу трехполья над двухпольем и огневой культурой. (По кн. Confino M. Systèmes agraires et progrès agricoles. L'assolement triennal en Russie aux XVIII—XX siècles. 1969).

Условные обозначения на карте. Левая колонка:

Зона, где нет никакого сельского хозяйства. — Зона огневой культуры и некоторого распространения различных систем упорядоченного чередования культур (двухполье, трехполье, четырехполье). — Зона трехполья; значительные островки двухполья; уцелевшая огневая культура.

Правая колонка:

Зона трехполья. — Области трехполья неупорядоченного или сочетающегося с огневой и плодосменной культурами. — Зона плодосменной и переложной культуры. — Переходная зона: от огневой культуры к плодосменной и переложной культурам.

Ⓘ Zone dépourvue de toute agriculture.

Ⓙ Zone de culture sur brûlis et d'une certaine expansion de divers systèmes d'assolement réglé (biennal, triennal, quadriennal).

Ⓜ Zone de triennal; îlots importants de biennal; survivance de culture sur brûlis.

Ⓝ Zone de triennal; Régions de triennal irrégulier ou combiné à la culture sur brûlis ou à la culture temporaire.

Ⓟ Zone de culture temporaire et itinérante. Zone de transition entre la culture sur brûlis et la culture temporaire et itinérante

От зерна к хлебу. Говорить о зерне — значит говорить о хлебе, оставаясь, впрочем, в рамках сельскохозяйственной жизни; сходным образом разговор о винограде приводит к разговору о вине, изготовляемом за пределами виноградника.

Прежде чем стать хлебом и оказаться на столе богачей или бедняков, зерно в самом деле должно претерпеть десяток операций, да еще каких! Надо обмолотить его цепами или насыпать под ноги скоту, надо предохранить его от порчи, отвезти на рынки городов и городков, наконец, доставить его на мельницы, где из него смелют муку. Муку эту нужно быстро использовать, долго она не хранится. Эту заботу берет на себя булочник, если только хлеб не пекут в частных домах или в печи, принадлежащей сеньору или сельской общине. Каждая из этих операций предъявляет свои требования. Обмолачивать можно только сухие колосья. В Польше и странах Северной Европы зерно после обмолота такое влажное, что его приходится подсушивать в печи. На севере Франции снопы колосьев складывают в копны и оставляют сушиться в поле или в просторных ригах, где хранят также и сено. А зимой постепенно, по мере надобности, хлеб обмолачивают. Если хлеб жнут серпом, его собирают прежде, чем он созрел, чтобы зерно не высыпалось из колосьев. Такой хлеб надо сушить еще дольше и обмолачивать еще позже⁴¹⁵. На юге Франции, где хлеб молотят животные, топча его ногами, обмолот идет быстрее.

Хранение зерна — вещь непростая.

На Сицилии, в Северной Африке, в Испании и даже в Венгрии зерно насыпают в траншею, или «яму», которую выстилают соломой, чтобы оно не было влажным, а сверху присыпают землей; во Франции, однако, этот способ не встречается нигде, кроме Керси, Виварэ, Руссийона, Жера⁴¹⁶... Если хранить зерно в хлебных амбарах, то надо постоянно бороться с сыростью, жуком-долгоносиком и грызунами, а также ворошить и провеивать зерно каждые две недели в течение по крайней мере полугода, а потом просеивать каждый месяц. Это невозможно, если речь идет о больших запасах, таких, например, как запасы города или крепости. Савари утверждает, однако, что есть способ хранить зерно десятилетиями: засыпать кучу зерна слоем «порошка негашеной извести толщиной в три дюйма», затем полить водой из лейки; зерна, которые перемешиваются с известью, прорастают, и когда ростки зимой высыхают, то образуется защитная корка, плотная и очень твердая, которая покрывает кучу и защищает ее⁴¹⁷.

Несмотря на трудности, зерно, как правило, хранили два, три и даже четыре года. Давний королевский указ от 21 ноября 1577 года,

запрещавший хранить зерно больше двух лет, уже не выполнялся [в XVIII веке]; быть может, он не выполнялся вообще никогда⁴¹⁸. У богачей, буржуа, религиозных общин амбары всегда полны зерна. Бедняки, у которых нет запасов, крестьяне, которые вынуждены продавать урожай, всегда подозревают торговцев зерном и богатых землевладельцев в том, что те придерживают зерно, дожидаясь повышения цен, и часто не без оснований. Кто не наживается на повышении цен?! Если случается поймать кого-нибудь из этих ловкачей за руку, то оказывается, что они принадлежат к разным слоям общества, не обязательно к самым обеспеченным. Однако порой запасливость приносит пользу. Старое зерно может помочь при недороде. В 1816 году во Франции наступает голод — тому виной «суровая, почти бесснежная зима», потом наступившие вдруг холода «во время колошения»⁴¹⁹, но прежде всего — отсутствие запасов, следствие иностранных вторжений и пребывания на нашей территории союзных оккупационных войск.

Путь зерна к потребителю происходит под наблюдением властей: государственных чиновников, интендантов, местной администрации, зачастую ведущей себя строптиво и опасливо. За движением зерна из амбара на рынок, с рынка на мельницу, оттуда в печь, где пекут хлеб, следит зерновая полиция, о деятельности которой сохранилось множество письменных свидетельств, что неудивительно, если учесть вызываемые ею споры: не лучше ли было бы, однако, предоставить людям свободу? Власти, напротив, издают невероятное количество распоряжений, а в тяжелые времена карают еще более сурово и педантично (хотя и не всегда кстати), чем обычно. А тяжелые времена бывают часто. Так, в Шартре, в самом центре края Бос, этой житницы Франции, с 1699 по 1763 год случилось двадцать пять урожайных лет, отмеченных на рынке резким падением цен, семнадцать лет высоких цен, свидетельствующих о недороде, и двадцать два года, когда себье зерна стоил от 10 до 15 ливров — доход производителя при этом составлял в среднем около 12 ливров.

Как правило, зерно продается только на рынке. Если крестьяне, как им и надлежит, его туда привозят, то все в порядке. Чаще всего так и бывает. Действительно, продажа по образцам плохо приживается во Франции, даже после официального указа 1709 года. Поэтому, например, шартрский центральный рынок, открытый в 1683 году⁴²⁰, три раза в неделю «выглядел так, как рынки будут выглядеть еще и в XIX веке, пока не вошла в обиход продажа по образцам: вокруг площади громоздились горы мешков, поднимавшиеся до второго этажа окружающих домов»⁴²¹.

Рыночные сделки осуществлялись при посредничестве официальных служащих: маклеров (вернее, маклерш, ибо это были женщины, назначенные комиссионершами, или «вытряхивальщицами мешков»), оценщиков качества зерна, мерщиков, наконец, носильщиков. Их нельзя было обойти. Носильщики едва могли прокормиться, при том, что зимой, чтобы свести концы с концами, они, нарушая цеховые правила, нанимались плотниками, кровельщиками или каменщиками⁴²². На всех рынках в первый час после открытия разрешалось покупать только жителям города да булочникам, а уже потом — ярмарочным торговцам и *les blattiers*⁴²³.

Конечно, зерно зерну рознь; то же самое, впрочем, можно сказать и о продукции булочников — хлебе. В Шартре первое место занимала отборная пшеница; затем шли: пшеница товарная, смесь зерновых злаков, где в начале XVIII века было две трети пшеницы и треть ржи; «суржа средняя, состоявшая из смеси пшеницы и ржи в равной пропорции, суржа, где ржи было больше, чем пшеницы; наконец, ячмень и овес»⁴²⁴. На мельницах зерно превращалось в муку, которая, разумеется, тоже была разного качества в зависимости от зерна, а также от тонкости помола.

Но вся мука имела один недостаток: при перевозках она портилась еще скорее, чем зерно. Поэтому города нуждались в том, чтобы мельницы, снабжающие их мукой, находились поблизости. Париж был окружен мельницами: они стояли на холме Бельвиль, в Сен-Жерве... Когда зимой мощный поток воды замерзал, крутились только ветряные мельницы, стоявшие у самых истоков ручьев. Это было одно из преимуществ Этампа, крупного центра мукомольной промышленности. Работа мельниц иногда прерывалась летом, в межень. Поэтому в июле — августе 1789 года из-за остановки многих мельниц и угрозы недорода Людовик XVI отказался пустить фонтаны в парке Версаля в день Святого Людовика.

Однако случалось, что муку возили очень далеко. Ее доставляли на Антильские острова для живших там французов и других европейцев, потому что в тех краях не было мельниц, чтобы смолоть зерно. Или на Дальний Восток для тамошних немногочисленных любителей хлеба, решивших ни в чем себе не отказывать. По ходу дела выяснилось, что дольше всего хранится мука из Аквитании. Ее отправляли в плотно закупоренных водонепроницаемых бочках, которые привозили обратно пустыми, чтобы снова засыпать в них муку.

Булочки выходили на сцену только под конец. Однако в обыденной жизни все имели дело только с ними; не потому ли их считали

виноватыми в изменении цен на хлеб? Это было просто какое-то наваждение. Иногда на булочников обрушивался гнев, ярость толпы. Весной 1775 года во время так называемой «мучной войны» — следствия декретов Тюрго о свободе торговли зерном — в Париже разгромили много булочных. «Вчера [3 мая 1775 года], как заявляет Катрин ле Ру, вдова Жана Шокарна, хозяйка булочной на улице и в приходе Сен-Жак де ла Бушри, в общей суматохе около одиннадцати утра несколько человек ворвались к ней, забрали хлеб с полок [...] один из них, с виду лет двенадцати, выдвинул ящик кассы и забрал оттуда около 80 ливров серебром и мелкой монетой [...] на кухне у нее украли столовое серебро: три вилки, одну ложку [...] и три кубка»⁴²⁵. Свидетельствует ли наличие серебра у жалобщицы о том, что она была зажиточной? При Старом порядке считалось, что булочники живут богаче мельников.

Беззакония во время «мучной войны» — войны, которая не кажется мне особенно значительной, во всяком случае, в Париже, — вызвали многочисленные аресты. Одни, на первый взгляд, были совершенно беспричинными, другие — оправданными, если учесть дух времени. Жан Л'Экийе, шестнадцатилетний подмастерье газовщика⁴²⁶, обвинен в том, что принимал участие в разграблении булочной мэтра Жана Батиста Барра на улице Муфтар. У него нашли муку и хлеб. Он говорил, что это милостыня. К несчастью для него, хлеб был белый, «который обычно не подают нищим!» История в духе Жана Вальжана.

Поскольку хлеб — дело серьезное и чреватое неприятностями, интенданты и городские власти очень внимательно следили за рынками, вмешивались, грозили, подвозили зерно для продажи, чтобы снизить цены, с оружием в руках удерживали народ от беспорядков. В конечном счете в неурожайные годы деревням приходилось тяжелее, чем городам. Конечно, каждый тянул одеяло на себя, искал собственной выгоды, нарушал правила; легальные и нелегальные хлеботорговцы ездили за зерном к крестьянам, переплачивали за него, открывали в городе или деревне свои магазины. «С некоторым преувеличением можно сказать, что при Старом порядке зерно было исключительно предметом контрабанды»⁴²⁷. Контрабанда существовала, но дело было не в ней, а в самой системе, которая, как я попытаюсь показать дальше, страдала неизлечимыми пороками; к ним относились низкая урожайность зерновых — сам-4,5, сам-5, по словам Вобана, и посредственное состояние транспорта до того, как в эпоху Второй Империи распространилось железнодорожное сообщение.

Любовь французов к хлебу. Из любви или из нужды, а может быть, по обоим этим причинам французы давно уже едят много хлеба. Они, конечно, в этом не одиноки, но карикатура, изображающая француза самым большим пожирателем хлеба, не лжет. «Житель Франции, — сообщает один женевец в 1843 году ⁴²⁸, — съедает больше хлеба и соответственно меньше овощей, мяса и молочных продуктов, чем житель любой другой европейской страны, так что он склонен разводить растение, которое отвечает самым насущным его потребностям. Тем более, — добавляет он, — что французский хлеб — лучший в мире».

Если верить Пари-Дюверне ⁴²⁹, в 1750 году француз потреблял в среднем два мешка по 200 фунтов зерна в год, то есть приблизительно 200 килограммов. В 1782 году, по словам Леграна д'Осси ⁴³⁰, французы съедали ежедневно по 2—3 фунта хлеба. Другой информатор, о котором нам практически ничего не известно, Раймон Лебон, утверждал, что около 1792 года французы потребляли по три сетье зерна в год (один сетье равен 156 литрам; для сравнения укажем, что центнер зерна эквивалентен приблизительно 120 литрам). Таким образом, человек за год съедал немногим меньше 4 центнеров зерна (3,8) ⁴³¹. Историки, занимающиеся Средними веками, подсчитывали именно среднее потребление: 10 000 центнеров в городе с населением 3000 душ ⁴³². В общих чертах, среднее потребление со Средних веков до XVIII века (или до 1850 года?) не изменилось. Это — среднее потребление, но были еще исключения, отклонения. Потье де ла Этруа замечает в 1716 году, что «люди, которые питаются мясом и другими продуктами, съедают в день меньше фунта хлеба. В Париже слугам обычно выдают только по 9 фунтов хлеба в неделю, это меньше полутора фунтов в день, но больше, чем им требуется, так что они часто продают излишек» ⁴³³. В отношении питания слуги — привилегированные лица...

Только после 1950 года, то есть столетием позже, потребление хлеба быстро пошло на убыль, хотя хлеб до сих пор не утратил для нас привлекательности. Булочники, которые умудряются разыскать старинные рецепты дрожжевого, пеклеванного, ржаного хлеба или модного диетического хлеба с отрубями, богатеют. Сегодня во Франции, где насчитывается 54 миллиона жителей, собирают в среднем 17 миллионов тонн зерновых, что в расчете на душу населения дает *примерно* столько же, сколько потребляли раньше (то есть 3 центнера). Но 2 миллиона тонн потребляют на месте; 8 миллионов тонн проходят через наши мельницы и булочные, а 7 миллионов тонн с трудом, но все же удается продать на международном рынке. Таким образом, по сравнению с кануном Революции потребление хлеба сократилось почти вдвое.

Белый хлеб. Не успело сократиться потребление хлеба, как произошел еще один переворот, совершившийся, однако, позднее, чем обычно считают историки: я имею в виду явление белого, пшеничного хлеба⁴³⁴. Очень долго он оставался исключением, хлебом только для богачей. Все официальные бумаги со времен Иоанна Доброго (1350—1364) и, вероятно, задолго до него различают разные виды хлеба.

В разных местах в разное время разный хлеб называют по-разному. В Пуатье в 1362 году покупателям предлагали четыре разновидности хлеба: хлеб шуан без соли, соленый хлеб шуан, хлеб сафлёр (из непросеянной муки) и пышный хлеб рибуле — 90% просеянной муки плюс немного отрубей, который в Пуату на местном наречии до сих пор называют *рибуле*. В Париже в 1372 году было три вида хлеба: хлеб Шайи, ракушка, или хлеб «буржуа», и хлеб брод — то есть пеклеванный. В Бретани накануне Революции наряду с разнообразными хлебами для богачей — хлебом из крупчатки, пышным хлебом, хлебом жаёр — выпекали обычный, будничный хлеб — мелеар, или мельян — из смеси пшеницы, ржи и двурядного ячменя⁴³⁵.

Все ли богачи ели белый хлеб? Поостережемся на этом настаивать. Еще в начале XIX века в Лиможе⁴³⁶ «в хозяйстве царила строжайшая экономия. Ели почти исключительно ржаной хлеб, называемый *le pain d'hôtel*, пшеничный хлеб подавали гостям, в лучшем случае, его ели хозяева дома». Правда, Лимузен — одна из самых бедных провинций Франции.

Несмотря на это, в течение всей эпохи Второй Империи практически во всех департаментах в преискурантах булочных и в официальных перечнях цен фигурируют три сорта хлеба. Армии Революции и Империи много сделали для распространения белого хлеба во Франции и во всей Европе, но господство его устанавливалось медленно, и окончательно он восторжествовал не раньше конца XIX века. До тех пор он оставался роскошью, не доступной городской бедноте, а для деревенских жителей зачастую и вовсе невиданной. Молодой Валентин Жамере Дюваль, родившийся в Артонне (нынешний департамент Йонна), в 1696 году, во времена Людовика XIV, увидел однажды, как деревенский священник ест белую булку, и был изумлен тем, что «этот хлеб совершенно не такого цвета, как хлеб, какой я видел доселе»⁴³⁷. А один мой друг, выросший в Восточных Пиренеях, в крестьянской семье, когда я недавно, в ресторане, протянул ему за обедом хлебницу с пеклевым хлебом, сказал: «Я столько его съел в детстве, что теперь ем только белый хлеб!» Он родился в 1899 году...

Зерно и национальный доход. Прежде, чем покончить с зерном, я процитирую документ, который, насколько мне известно, никогда не попадал в поле зрения историков: два отчета Сельскохозяйственного ведомства ⁴³⁸, учрежденного правительством Людовика XVI в 1785 году после неслыханной засухи, которая в тот достопамятный год поразила всю Францию. Несмотря на свое громкое название, эта комиссия, членом которой был Лавуазье, не добилась особых результатов. Безусловно, в нее входили умные люди, но правительство не выделило им средств, поэтому они не могли ничего сделать. Однако исследования этой комиссии — ценный источник информации.

«Раньше, — говорится в одном из этих отчетов ⁴³⁹, — считалось, что человеку нужно для питания три сете зерна: если употреблять смесь пшеницы, ржи и ячменя, то достаточно двух сете с четвертью. Но поскольку эту смесь не везде знают и не везде употребляют, то нет оснований считать, что на человека сейчас приходится в среднем меньше двух с половиной сете [...] Так что всего уходит пятьдесят миллионов сете зерна, из которых две пятых — пшеница, а три пятых — рожь. В это количество входят пшеница и рожь, которые потребляются по отдельности, и суржа, состоящая из смеси двух этих злаков приблизительно в равной пропорции. Двадцать миллионов сете пшеницы по двадцать ливров за сете стоят четыреста миллионов [ливров]. Тридцать миллионов сете ржи по пятнадцать франков за сете стоят четыреста пятьдесят миллионов». То есть в сумме 850 миллионов.

Из этого текста следует первый вывод: ввиду того, что рожь выращивалась в огромных количествах, пеклеванный хлеб не мог исчезнуть в один миг.

Второй вывод: подсчет исходит из того, что численность населения — 20 миллионов, меж тем обычно ученые того времени считали население Франции равным 23 или 24 миллионам. Действительно, комиссия решила не принимать в расчет маленьких детей, потому что они потребляют мало хлеба. Но если согласиться с новейшими подсчетами историков, установившими, что численность населения в ту эпоху равнялась 29 миллионам, то число едоков окажется равным 25 или 26 миллионам (в том случае, если мы, в свою очередь, исключим маленьких детей). Если исходить из цифры 26 миллионов, то потребление пшеницы поднимется до 26 миллионов сете, ржи до 39 миллионов сете, их стоимость соответственно до 520 и 585 миллионов ливров; общая сумма превысит миллиард: она составит 1 105 миллионов.

Помимо хлеба, потребляемого людьми, отчет упоминает еще «дополнительную половину», идущую на корм скоту (для этой цели использу-

ется яровой хлеб). Стоимость этого дополнения равняется, согласно отчету, 425 миллионам. Итого по меньшей мере 1 миллиард 275 миллионов ливров — огромная доля валового национального дохода.

Однако все зерновые в целом составляют лишь половину «сельскохозяйственного дохода», включающего и другие статьи: животноводство, виноградарство, садоводство, разведение домашней птицы и мелких домашних животных, лес (дающий строевой материал, топливо, желуди, древесную смолу, древесный деготь), коноплю, лен, шелк, соль, рудники и карьеры; в общей сложности ежегодный доход равен 2 500 миллионам ливров. Да и такой итог комиссия после проверки сочла слишком скромным. Ибо, утверждает она, «эта продукция кормит и одевает в общей сложности не меньше *двадцати четырех* [а то и все *двадцать восемь*] миллионов жителей. Чтобы покрыть такой *расход* [курсив мой. — Ф. Б.], страна должна ежегодно производить сельскохозяйственной продукции не меньше, чем на 3 миллиарда. А поскольку урожай этот за год потребляется весь целиком, необходимо, чтобы урожай следующего года не уступал предыдущему».

В заключение повторяю еще раз две цифры: нижний предел — два с половиной миллиарда, верхний предел — три миллиарда⁴⁴⁰. Если сельскохозяйственная продукция составляла три четверти или половину валового национального продукта, значит, сам этот продукт равнялся трем — шести миллиардам⁴⁴¹. Среднедушевой доход, следовательно, не превышал 200 ливров. Впрочем, это все-таки больше, чем те 40 экю (или 120 ливров⁴⁴²), которыми измерял доход среднего француза своего времени Вольтер.

IV

НЕ ПОРА ЛИ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ?

Не пора ли подводить итоги? Разумеется, нет — ведь пока что у нас рассмотрены только нижние, собственно *крестьянские* уровни. Итоги станут возможны лишь тогда, когда будет изучена и взвешена вся так называемая *крестьянская экономика* — ее инфраструктуры и суперструктуры; это мы и попытаемся сделать в следующей главе.

Пока же следует задать себе один вопрос: была ли Франция до железнодорожной революции страной автаркической, способной жить собственными ресурсами? Жан-Клод Тутен, собравший в своей книге полезные и недостававшие прежде статистические данные за период с XVIII в. до наших дней, оговаривается, что не имеет намерения выяснять, «отставало ли (а если да, то в какой мере) предложение сельскохозяйственных продуктов французского производства от спроса на них...»⁴⁴³. Именно этой трудной проблемой — спросом и предложением — мы и хотели бы заняться.

Вообще-то для многих французов такой вопрос и не вставал, будучи решен изначально: Франция прекрасно может себя прокормить. Уже Сюлли (в 1603 г.) отдавал дань этому непоколебимому оптимизму: «Франция, — говорил он в своих «Записках»⁴⁴⁴, — имела счастье получить столь счастливую долю при сем разделе [разделе сельскохозяйственных продуктов], что, исключая, быть может, Египет, эта страна более всякой другой изобилует всем необходимым или хотя бы полезным для жизни. В ней столь много хлеба, зерновых и овощей, вина, сидра, льна, пеньки, соли, шерсти, масла, синильника, столь бесчисленное количество крупного и мелкого скота, составляющего для людей самую обычную пищу, что все это позволяет ей не только не завидовать никому из соседей своих по части каждого из сих продуктов, но даже и соперничать с теми странами, для коих служат они единственным предметом торговли, — такими, как Италия, Испания, Сицилия». Оптимизм, гордыня и самодовольство — худшие из советчиков.

Увы, однажды погрешив против истины, уже нельзя остановиться, и вот уже Антуан Монкретьен (1615), создатель знаменитого впоследствии термина «политическая экономия»⁴⁴⁵, утверждает: «Франция способна одна обойтись без всего того, что получает она из соседних земель, соседние же земли обойтись без нее отнюдь не могут. Она обладает несметными сокровищами, как известными, так и еще не познанными.

Всякий, кто внимательно ее рассмотрит, согласится, что это наилучшее королевство из всех, какие видит солнце от восхода до заката...» Вобан также высказывается категорично — правда, чуть более осмотнительно, пользуясь условным наклоном: «Франция могла бы обойтись» без чужеземцев, в которых она нуждается лишь затем, чтоб удовлетворить свою потребность в роскоши⁴⁴⁶.

Вероятно, подобные суждения высказывались сотни и сотни раз. Иначе зачем было бы в 1750 г. финансисту Пари-Дюверне, весьма осведомленному в вопросах хлебной торговли и провиантских поставок, опровергать расхожее представление тех лет, будто один средний урожай зерновых способен прокормить Францию в течение трех лет? Урожай 1740, 1741, 1747, 1748 годов показывали, что это глубокое заблуждение⁴⁴⁷. И, разумеется, Дюверне был прав — но его мысль явно шла наперекор господствующим представлениям. В его время никто еще не стал бы оспаривать выводы докладной записки конца XVII в. о состоянии экономики в Дофинэ: ее автор, некий сьер Гишар⁴⁴⁸, полагал, «что если бы подобным образом [то есть согласно его рекомендациям] предоставить каждой из провинций Франции выращивать то, чем одарила ее природа, то Франция могла бы обойтись без всяких иноземных товаров, за исключением пряностей и товаров москательных». Как мы увидим чуть ниже, такая точка зрения была не совсем справедлива.

Действительно, способность Франции к самообеспечению следует оценить по как минимум четырем критериям:

1. Имелось ли самообеспечение в плане внешних и внутренних потребностей? Об этом пойдет речь в главке под названием «*Хватает ли французам Франции?*» Речь здесь идет о наших отношениях с границей и отношениях внутри самой Франции.

2. *Скудость, недород, голод* — все это симптомы, неоспоримо показывающие, что на внутреннем рынке предложение плохо соответствовало спросу.

3. *Крестьянские восстания и хлебные бунты* проходят через всю историю нашей страны с конца XVI до середины XIX в. И подобные беспорядки, несомненно, заставляют критически судить о так называемой крестьянской экономике, изначально предназначенной для того, чтобы прокормить страну.

4. *При всем том серьезный прогресс* имел место — в каких же областях?

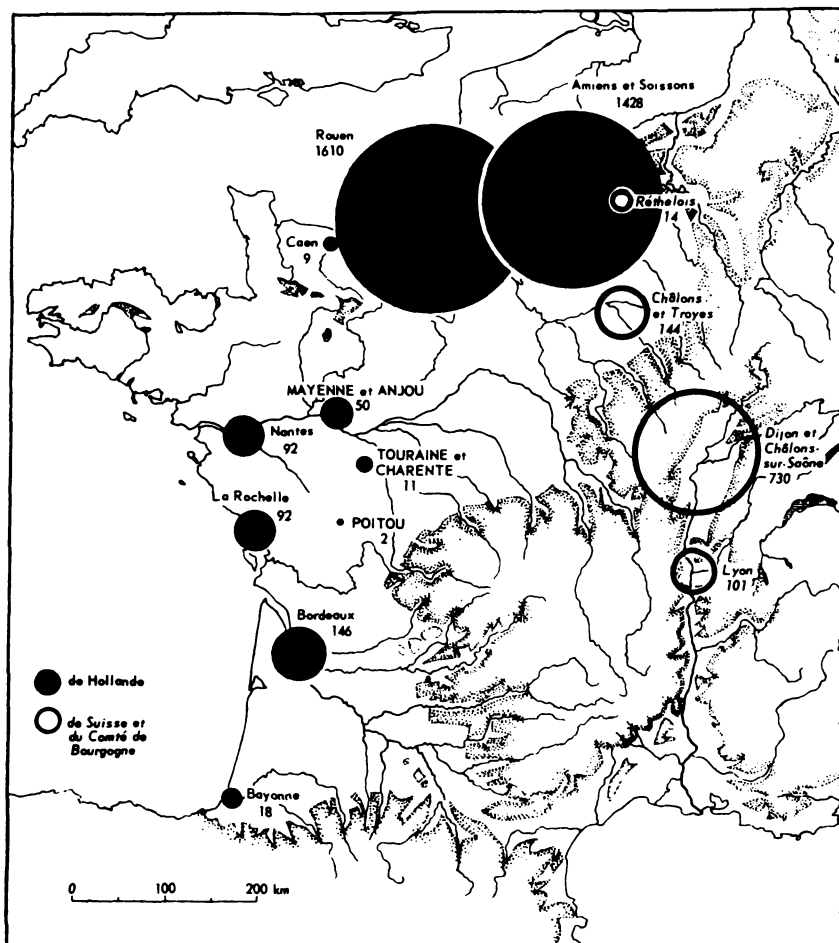
Хватает ли французам Франции? Итак, была ли способна сельскохозяйственная Франция прокормить себя, прожить продуктами собственного производства? И была ли она в состоянии накормить, снабдить всем необходимым остальную, несельскохозяйственную часть Франции?

В общем и целом — да, поскольку население страны, при всех продовольственных сложностях и дефицитах, в целом не сокращалось и даже прирастало. Главная причина такого относительного успеха — в продуктах и богатствах, извлекавшихся из земли.

Однако же часто случались и неурядки, сбои, неурядицы в снабжении, вынуждавшие обращаться к импорту из-за границы, который начиная с XVIII и тем более XIX в. относительно облегчился, но все-таки не всегда позволял вполне и своевременно восстановить равновесие на рынке.

Доклад Общества сельского хозяйства, наук, искусств и словесности департамента Об, опубликованный в Труа в 1836 г.⁴⁴⁹, не страдает преувеличениями. По его словам, первостепенной необходимостью для Франции является увеличение поголовья скота, «поскольку даже сегодня животноводческого производства Франции недостаточно для того, чтобы довести душевое потребление мяса до трех унций [около 90 граммов] в день, на каждого жителя страны приходится менее двенадцати унций шерсти в год [около 370 граммов], а выработки кож не хватает для того, чтобы доставить каждому жителю одну пару башмаков в год». Добавим к этому, что Франция не производила в достатке ни масла, ни сыра, который в XVIII в. «в невероятных количествах»⁴⁵⁰ поставлялся из Голландии. В царствование Людовика XIV снабжение военно-морского флота нередко обеспечивалось за счет массового ввоза бочонками соленой говядины, свинины или масла из Ирландии. Крупный рогатый скот закупали в Германии, в Швейцарии... Поголовье лошадей — в то время они были чем-то вроде нынешних автомобилей — оставалось недостаточным как по количеству, так и по качеству. Крестьяне из Лотарингии тратились на покупку немецких тяжеловозов, «чью породу можно поддерживать только на овсяном корму»⁴⁵¹. Лошади требовались и во всех городах для экипажей и карет, не говоря уже о тысячах парижских фиакров. Поэтому еще до XVIII в. в сторону Парижа тянулись с востока нескончаемые табуны лошадей, и породистых и беспородных, каждая из которых была привязана к хвосту предыдущей.

Что касается качества лошадей, то армия, нуждаясь в конском ремонте, должна была закупать тысячи голов в Германии и в Швейцар-

ИМПОРТ СЫРОВ ВО ФРАНЦИЮ
в конце XVII в.

(Карта Ф. Верньо. Источник — А. N. G¹, 1685).

Условные обозначения на карте: Черные кружки — из Голландии. Белые кружки — из Швейцарии и графства Бургундского.

ских кантонах, служивших посредниками в торговле с Востоком. Такая зависимость сказывалась еще и в XIX в. Например, во втором квартале 1859 г. на конской ярмарке в Шалоне-на-Соне традиционные торги застопорились «из-за запрета со стороны германских государств». Действительно, обычно «именно сюда барышники с севера пригоняют немецких, датских и голштинских лошадей, сбывая их торговцам с юга. этом же году на ярмарке были одни лишь местные лошади из Шароле и Морвана, и стоили они дорого. Тем не менее отряд ремонтеров сделал несколько закупок для нужд армии»⁴⁵².

Разумеется, лошадей выращивали во многих регионах, но, несмотря на создание в 1665 г. королевских конных заводов, Франция по-прежнему производила слишком мало породистых коней. Отсюда закупки за границей и ежегодный торговый дефицит в несколько миллионов ливров⁴⁵³. В январе 1792 г., еще до начала войны, объявленной 20 апреля, ремонт французской кавалерии «обходится нам ныне более чем в 12 миллионов, уплаченных за границей»⁴⁵⁴. А в качестве показательного примера вспомним, как восхищались французские офицеры во время наполеоновской кампании в Испании великолепными лошадьми своих противников-англичан, — добыть такого коня считалось большой удачей!

Целый ряд признаков указывает на то, что этот импорт скота был необходим: пограничный контроль то ли случайно, то ли намеренно теряет бдительность, таможенные пошлины сокращаются, а перегон закупленного скота через границу возрастает. Да и само правительство, своими декретами от 14 сентября и 16 октября 1714 г., призвало к сотрудничеству иностранных животноводов — якобы с целью восстановления национального поголовья скота после войны за Испанское наследство и снижения цен на мясо. Со стороны французских животноводов немедленно раздалась протесты⁴⁵⁵. Спустя столетие, в 1818, 1819, 1820 гг., «во Францию доставлялось 16 000 быков, 20 000 коров и 150 000 овец». В 1821 г. импорт достиг показателей в 27 000 быков, 23 000 коров и 265 000 овец, поступавших даже на рынки в Со и Пуасси. В 1822 г. была введена пошлина, которая «остановила этот поток и снизила импорт 1823 года до уровня 9 000 быков, 13 000 коров и 115 000 овец. В 1824 г. импорт вновь вырос и далее оставался на стабильном уровне до 1830 г.»⁴⁵⁶. Сопоставление валового импорта и экспорта крупного рогатого скота, овец и свиней за 6 лет (с 1831 по 1836 г. включительно) дает следующие цифры: объем импорта 42 миллиона франков, объем экспорта 16,7 миллиона, то есть среднегодовой дефицит составляет примерно 4,2 миллиона⁴⁵⁷.

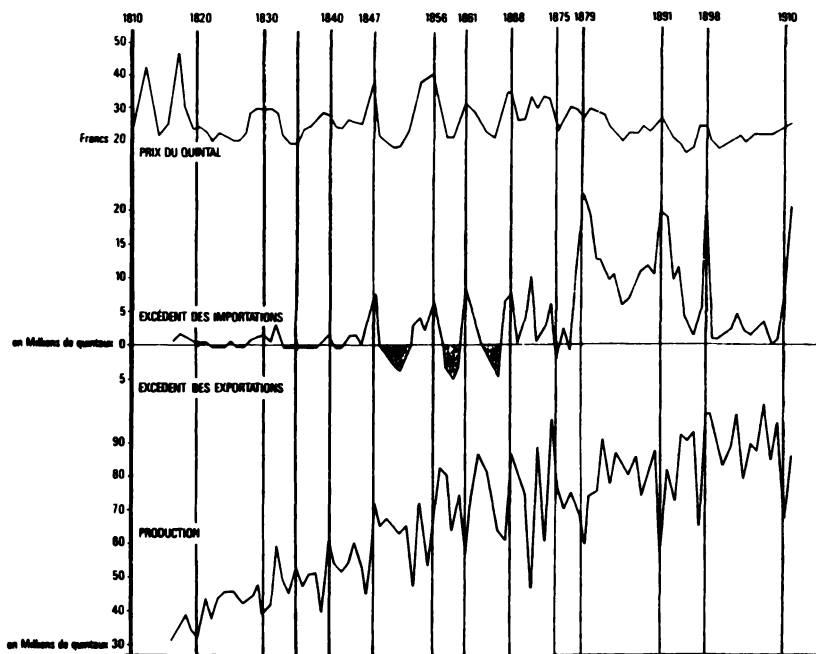
Что еще серьезнее, Франция почти перманентно страдала от дефицита *зерновых*. Априорно это может показаться немислимым — но так было и при Старом режиме и даже в начале XX века. Как отмечает Альфред Сови, в 1913 г. «продовольственный импорт Франции вырос до 1 818 миллионов [франков], тогда как экспорт всего лишь до 839 миллионов; по грубой оценке, дефицит продовольствия может быть определен примерно в 12%. Только по пшенице, играющей особенно важную роль, баланс характеризуется импортом в 15 миллионов центнеров чистого веса, что составляет 1/7 объема потребления». И речь здесь не идет о каком-то исключительно неурожайном годе (урожай составил 87 миллионов центнеров, тогда как в среднем за десять предыдущих лет — 89,6 миллиона)⁴⁵⁸.

Да и вообще подобная ситуация не была чем-то новым. Как пишет один историк, «миф о Франции как стране-домоседе, сидящей взаперти внутри своих шести границ, всегда был ложен»⁴⁵⁹. Действительно, на протяжении всей новой истории Франции ввоз зерна из-за границы постоянно играл существенную роль. Правда, это не мешало тому, что французское зерно, со своей стороны, с каждым годом все больше завоевывало зарубежные рынки.

Некоторые регионы даже регулярно являлись экспортерами зерна — например, в XVI в. такими были Бретань, Онис и Лангедок. Из Лангедока зерно каждый год, кроме неурожайных, экспортировалось в Италию. А из Бретани и Ониса на легких бретонских парусниках его везли в Португалию или Испанию — в Севилье за него платили серебром, а в Лиссабоне золотом. В 1667—1668 гг., во время войны с Испанией, Франция тайно снабжает своего противника зерном, «поскольку эта торговля привлекает к нам испанское золото и серебро»⁴⁶⁰. В 1684 г., когда Франция вновь оказалась в состоянии войны с Испанией, зерно для Иберийского полуострова грузилось в Бордо на английские и голландские суда⁴⁶¹.

В целом баланс импорта и экспорта, как правило, был для нас неблагоприятен (см. график на с. 142). Чтобы продержаться до нового урожая, чтобы покрыть случившийся недород, чтобы удовлетворить непредвиденный спрос, связанный со снабжением Парижа, купцы обычно обращались в страны Балтики (в 1544 г. антверпенский хлебный рынок уступил ведущее место амстердамскому)⁴⁶² или же в Марсель, куда регулярно поступало зерно из стран Леванта и Магриба. Марсель и Генуя представляли собой в то время сообщающиеся сосуды: если в Марселе цена поднималась, генуэзцы отправляли туда зерно из своих запасов, и наоборот. Средиземноморское зерно, либо через Геную, либо

ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА, ЕГО ЭКСПОРТ И ИМПОРТ
И СРЕДНЯЯ ЦЕНА ВО ФРАНЦИИ в 1810—1911 гг.

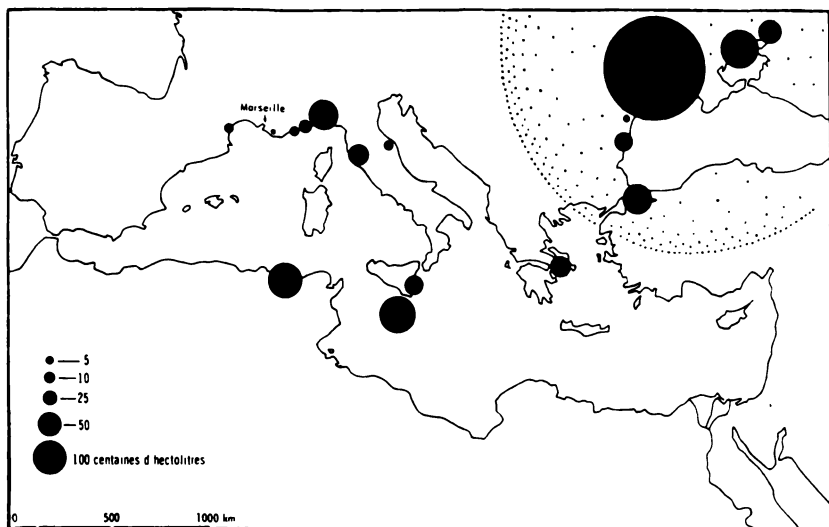
(Источник: *Annuaire statistique rétrospectif de l'INSEE*, 1966).

Надписи на диаграмме: Левый столбец: В миллионах центнеров. Правый столбец: Цена за центнер. Излишек импорта. Излишек экспорта. Производство.

через Марсель, не раз доставлялось в Париж, но часто оно доезжало туда в дурном состоянии, попорченное долгоносиком.

Другим источником снабжения служила Англия, хлебный экспорт которой с 1660 г. отчасти поддерживался системой субсидий; по словам Анжа Гудара, до 1755 года она продала Франции 21 миллион сетье пшеницы, что «обошлось французской монархии примерно в двести миллионов наших турецких ливров»⁴⁶³. 21 миллион сетье — это 27 миллионов наших центнеров: впечатляющий экспортный показатель.

В конце XVIII в. появились еще два мощных поставщика: Соединенные Штаты и юг России. Зерно и мука в бочках из Филадельфии

ПАРТИИ ЗЕРНА, ПОСТУПИВШИЕ В МАРСЕЛЬ

5 ноября 1845 г.

Показаны порты-экспортеры и их удельный вес. Точечной штриховкой обозначена зона, откуда поступало зерно, помещаемое в карантин (А. Н.).

Надпись на карте: Сотни гектолитров.

ввозились во Францию начиная с 1739 г.⁴⁶⁴. Украинский хлеб стал поступать в Марсель в те же годы, но подлинный переворот во Франции и во всей Западной Европе он произвел позже, в голодный для Европы 1817 год. То был дешевый, спасительный, но и *опасный* хлеб: из-за него в 1819 г. разорились судовладельцы, возившие по Соне и Роне бургундское зерно. Как говорится в одном докладе тех лет ⁴⁶⁵, «зерно из Крыма» сбило цены во Франции менее чем до 20 франков за гектолитр — то есть до уровня, ниже которого «земледелец остается в убытке».

Подобные примеры можно приумножать, обращаясь к таким тяжелым годам, как 1662, или 1693—1694, или 1709—1710, или 1740, или 1788—1789. «Свиристующий ныне голод просто ужасен,— писал 24 апреля 1789 г. заслуживающий доверия свидетель ⁴⁶⁶,— ибо он дал о себе знать очень рано, почти сразу же после сбора урожая [1788 года]; действительно, урожай был неважным... а хлебные перекупщики бес-

совестно пользуются этими несчастными обстоятельствами, усугубляя народные бедствия; словом, неимущая часть нации пребывает ныне, почти во всех провинциях нашего королевства, в последней крайности отчаяния. Я живу неподалеку от города [Алансона], где на прошлой неделе разыгралась кровавая сцена — против этих несчастных бросили войска, и были убитые. Как же это ужасно, ваша светлость, — убивать людей, кричащих, что они голодны! А новый урожай наверняка будет еще хуже старого».

Нехваткой хлеба зловеще окрашены первые годы Революции. Раймон Лебон в 1792 г. сообщает нам⁴⁶⁷, что в 1789—1790 гг. «было истрачено более 75 миллионов [ливров] на покупку зерна и муки за границей, дабы оказать помощь ряду областей Франции, и особенно Парижу [от этого даже упал курс французской валюты в Лондоне]; сие доказывает, что изобилие означенного товара во Франции не столь постоянно и велико, как утверждают иные».

В подобных условиях удивляет, что всегда находились сторонники открытия наших границ для зернового экспорта (например, Буагильбер или Кене) — под тем предлогом, что Франция страдает от избытка зерновых. Фактически дело очевидным образом обстоит не так. Если брать Францию как целое (что не более чем интеллектуальная абстракция, поскольку до развертывания сети железных дорог в стране не было настоящего «национального рынка»), то ей приходилось, чтобы прокормить себя, покрывать частые, чуть ли не регулярные дефициты в производстве зерновых. А поскольку за все нужно платить, то покрыть эти дефициты она могла лишь за счет экспорта излишка своих вин и промышленных изделий, не считая доходов от морских перевозок и торговли, — одним словом, используя излишки своего торгового баланса.

Не следует, впрочем, и преувеличивать продовольственный дефицит — он очевиден, но сравнительно невелик, если рассматривать его в верных пропорциях, то есть в сравнении с общим объемом потребления.

Прежде всего, импорт зерновых затрагивал главным образом лишь Париж и приморские регионы: узловыми пунктами доставки во Францию иностранного зерна были Дюнкерк, Руан, Нант, Марсель, а равно и все другие порты — вплоть до самых скромных, — которые могли при случае, при наличии местного спроса, открыться для доставки «морского зерна». Так, в апреле 1683 г. в одном письме сообщается, что «в Сабль [д'Олон] и Нант прибыло большое количество ржи из Данцига, а оттуда ее развезли по всему Пуату»⁴⁶⁸. В январе 1701 г. в порт Сен-Мартен-де-Ре прибыли одно небольшое английское судно и три голландских

с грузом пшеницы, ржи и овса, «и нам обещают, что должно прийти еще несколько других»⁴⁶⁹. Поступавшее морским путем зерно следовало дальше по крупным водным путям: по Сене в Париж, по Луаре в Орлеан, по Роне в Лион...

Согласно оценке Тюрго, *общий* объем хлебных перевозок в Европе составлял в его время 5 миллионов центнеров. На Францию приходится лишь часть этого объема (скажем, 2,5 миллиона, то есть половина расчетной суммы), то есть 5% объема ее национального потребления, превышавшего 50 миллионов центнеров⁴⁷⁰. В 1913 г. эта пропорция составляла, по данным Альфреда Сови, 14%, то есть показатель вырос. Если эти цифры не лгут, то получается, что ситуация с хлебом ухудшилась. В такой долговременной перспективе не приходится упрекать задним числом французскую монархию: зачастую она делала все, что могла, и ее не следует судить сквозь призму оказавшихся живучими представлений о «голодном заговоре». Нельзя даже винить ее за то, что она слишком часто шла на запреты хлебного экспорта, одновременно оставляя ворота открытыми для импорта зерна из-за границы. Разве лучше поступали правительства Реставрации и Июльской монархии, устанавливая подвижную шкалу законом 1819 г.* и сохраняя импортную пошлину по закону 1832 г.? Ведь все это означало искусственно поддерживать высокую, даже очень высокую стоимость жизни в стране, о чем и говорят повторяющиеся вновь и вновь беспорядки и хлебные бунты⁴⁷¹.

Кроме того, не стоит забывать, что вплоть до конца XVIII в. во Франции и вообще в Европе охрана национальной территории была поставлена плохо, так что заграничные товары без труда пересекали границы; между странами сохранялось постоянное взаимопроникновение. Да и как уследить за хлебной торговлей, распадающейся на миллионы мелких сделок, где чаще всего открыто проявляют себя одни лишь мелкие торговцы? «Хлебная торговля [во Франции] приносит больше, чем добыча золота в Перу», — писал Мабли⁴⁷². Но рынок этот был в высшей степени раздроблен. Буагильбер, ратуя за свободу хлебного экспорта (предмет мечтаний крупных землевладельцев), утверждал, что в конечном счете наши экономические неурядицы легко поправимы. В 1679 г., писал он, оказалось довольно закупить за границей 25—30 тысяч мюйдов пшеницы, чтобы покрыть недород, аналогичный неурожаю 1693—1694 гг.⁴⁷³. Правда ли это? И да и нет. Дефицит

* По закону 1819 г. пошлины на импортный хлеб должны были автоматически увеличиваться по мере снижения цен на хлеб местного производства (*примеч. ред.*).

продовольствия во Франции не следует искусственно драматизировать, но не следует и недооценивать.

В самом деле, к этому внешнему фактору неравновесия прибавляются, помимо затрудненности сообщений, еще и ряд *внутренних* трудностей и неурядиц. Отсюда — масса помех, препятствий, опасностей. Какая-нибудь провинция может в одном году — как Бретань в 1709—1710 гг. — избежать бедствия, грозившего распространиться повсюду, но на следующий год пострадавшей окажется и она. Оттого трудно поверить ретроспективным выводам г. де Ламара, который в своем «Трактате о поддержании порядка» (1710) утверждал, будто на протяжении восьми лет подряд, с 1684 по 1692 г., *вся* Франция собирала хороший урожай⁴⁷⁴. Во всяком случае, как только королевское правительство своими декретами от 1763 и 1764 гг. разрешило вывоз хлеба за границу (при условии, что цена за центнер не будет превышать 12 ливров), это повлекло за собой непредвиденные расстройтва в экономике, волну реимпортных спекуляций и общий рост цен. Запрошенные об этом министры давали подробные объяснения, и во всех ответах проступает одна мысль: хлебные трудности являются по большей части внутренними, в силу различия — порой абсурдного — цен на зерно в разных, даже соседних провинциях страны. Расстояния разделяли, разбивали Францию на кусочки, осложняли ее жизнь.

Могло ли быть иначе? В начале Революции считалось, что из 32 провинций (или, вернее, «фискальных округов») 12, причем самые населенные, постоянно испытывали нехватку хлеба; 10 других обеспечивали себя и еще 10 имели хлеба в избытке. Равновесие между провинциями восстанавливалось нелегко: средства сообщения были медленными, дорогими, их трудно было мобилизовать.

Трудности мирного времени еще более усугублялись в войну. Для боевых действий на границах и за их пределами требовалось снабжать армию на дальнем, непомерно дальнем расстоянии. Нормальный оборот товаров расстраивался правительственными налогами, реквизициями и поборами со стороны армейских поставщиков, которые получали или же сами присваивали себе для этого все права. Поэтому нередко то один, то другой интендант пытался оспорить полученные им распоряжения. В августе 1709 г. правительство обложило фискальный округ Суассона «налогом в десять тысяч мешков муки из суржи или ячменя», и 26 августа суассонский интендант Лефевр д'Ормессон отвечал⁴⁷⁵, что это выполнить трудно, так как «уборка ячменя едва лишь началась и закончится только к концу сентября», отправить мешки удастся не раньше конца октября, притом десяти тысяч может и не набраться... «Обычно

в здешнем краю ячменя почти не растут; лишь в долинах его посеяли немногие крестьяне, так как на лучших землях сей злак совсем не родит... Кроме того, в департаменте моем земледелие почти все время нарушается обозами, которыми оно постоянно отягощено вот уже четыре месяца». Имеется в виду, что правительственные мобилизации крестьян на военные перевозки не дают им работать. Со своей стороны, д'Ормессон предлагал в замену «натуральный овес, либо овсяную муку, либо иное мелкое зерно, что используется для выпечки хлеба», — и, кажется, его предложение было принято, поскольку на полях донесения чьей-то другой рукой написано: «согласен». Если правительство отступило перед доводами интенданта, значит, они были неотразимы. В самом деле, действующей армии был необходим провиант: оставалось всего две недели до битвы при Мальплаке (11 сентября 1709), этой ужасной мясорубки, которая хоть и стала, очевидно, поражением для французов, но все же остановила неприятеля на северной границе, вдоль линии укреплений Вобана.

А война — это еще и перемещения войск, наплывы солдат. Два дня спустя после написания процитированного письма близ Лана «остатки частей, отступающих из Турне», безжалостно грабили в окрестностях города «сады и огороды, так как не получили платы; город авансом предоставил им хлеб, но солдаты и армейская прислуга этим не удовлетвоались»⁴⁷⁶.

На театре военных действий войскам дозволялось все или почти все, но даже и вдали от него, даже после окончания войны они все равно продолжали доставлять тревоги и мучения городам и селам, ибо они постоянно меняли дислокацию, а в конце года вставали на зимние квартиры. И в походах, и в период своей жизни солдаты останавливались и столовались в домах местных жителей. Это называлось системой *стоянок и юстансиля*⁴⁷⁷. Плата за постой поступала хозяевам лишь позднее, с запозданием, и от нее урывали свой куш посредники. В 1682 г. из-за слишком частых прохождений войск жители Буркан-Бресса, Колинья и Виллара «решили покинуть дома свои, будучи не в состоянии выносить воинский постой»⁴⁷⁸. В 1694 г. было еще хуже: после катастрофического неурожая край Брес и Бюже столкнулись с настоящим голодом из-за «прохождения более чем двадцати семи тысяч солдат, которые остановились в Бюже на пять ночей» — всего-то на пять ночей! Впрочем, так случалось и задолго до войн Людовика XIV: в 1625 г. в провинции Сентонж «стоят... два-три полка королевского войска, кои наносят большой ущерб, нежели грозы, мор и голод вместе взятые»⁴⁷⁹.

В довершение всего война оборачивалась ростом налогов, сокращением государственной помощи, рекрутскими наборами. По словам Потье де ла Этруа (1716), урожай ныне «менее обилен, нежели прежде» (во время так называемой войны за Испанское наследство, с 1701 по 1713—1714 гг.), и причиной тому сама «война, забравшая всех мужчин из деревень, так что теперь не хватает людей, чтобы обрабатывать землю»⁴⁸⁰.

Все эти нехватки накладывались одна на другую и делали еще более неустойчивой экономическую систему, основанную на сельском хозяйстве. Об этой неустойчивости пишет Фридрих Лютге, утверждая, что вообще любой регион с преобладанием сельскохозяйственного и ремесленного производства, перейдя известный порог плотности населения, оказывается не способен досыта накормить свое население. Быть может, в этом и состоит разгадка — Франция была просто перенаселена? Выходит, прав Артур Юнг, говоривший о населении Франции накануне Революции: «Шесть миллионов жителей лишних!»⁴⁸¹ Так и Жан Фурастье всегда указывал в этой связи (не без основания) на низкую производительность труда в сельском хозяйстве. В 1700 г. десять трудоспособных крестьян могли прокормить семнадцать человек, считая самих себя⁴⁸².

Всем этим объясняется тот факт, что даже когда Франции удавалось прокормить свое население, она справлялась с этим плохо. Если взять за основу франк 1949 года, то в 1700 г. годовой объем душевого потребления составлял 50 000 франков, в 1972-м — 476 000. Поясняя эту разницу, Жан Фурастье добавляет: «Чернорабочий 1700 года ел хлеба в восемь раз больше, чем рабочий на минимальной зарплате в 1976 году, — просто любая другая пища была ему не по карману...»⁴⁸³.

Скудость, недород, голод, хлебный бунт, восстание. Итак, на протяжении долгих веков подавляющее большинство французов страдали от тяжких дефицитов, жили все время в тревоге, а иногда и бунтовали. В документах для обозначения этого встречаются пять выражений: «скудость», «недород», «голод», «хлебный бунт», «восстание». Самое легкое из них — «скудость» — попадает редко; напротив, «недород» и «голод» весьма распространены; к тому же разница между ними, увы, невелика — говорят «большой недород», «недород, чреватый голодом». Градация этих терминов очевидна. Очевидна и градация между хлебным бунтом, который длился обычно один день или несколько часов и происходил где-нибудь на дороге, на судоходной реке или на рынке, и народ-

ным крестьянским восстанием, которое продолжалось неделями и месяцами, охватывая обширные пространства.

Однако «скудость», «недород», «голод», «бунт», «восстание» шли рука об руку, следовали друг за другом. Все эти волнения суть не что иное, как внешнее проявление глубинных недугов экономики, доказывающее трагическую недостаточность сельскохозяйственного производства Франции. Я сознательно говорю — «трагическую». Свидетельства современников порой ужасны. Маркиз д'Аржансон не колеблясь пишет в своих «Мемуарах» под 26 января 1739 г.: «В провинциях люди мрут от голода или же едят траву»⁴⁸⁴. Другие свидетели пишут о том, как в 1652 г. «в Лотарингии и окрестных землях народ, словно скотина, ест траву на лугах», как в 1662 г. в Бургундии «треть жителей, даже в крупных городах», вынуждены делать то же самое, «а некоторые даже стали есть человечину»; как в 1694 г. близ Мелана люди, «словно животные, питались травой»⁴⁸⁵. Поскольку города были относительно защищены от голода, то обобранные горожанами крестьяне устремлялись в город и умирали на его улицах (так было и повсюду в Европе: жители континентальной части Венеции находили себе смерть под городскими мостами и на набережных каналов). 2 мая 1694 г. интендант Лиона докладывал: «Нехватка продовольствия начинает становиться столь острой, что город наш Лион наводнили крестьяне, кои, несмотря на все взятые меры, захватывают себе весь хлеб; они перебрасывают его через городскую стену, а были схвачены и такие, что вывозили хлеб в бочонках под видом вина»⁴⁸⁶.

20 июня 1691 г. овернский интендант Демаре де Вобур, только что вернувшись «из поездки по податным округам Мориак и Орийяк», пишет: «Этот последний округ уже два или три месяца [дело происходит накануне нового урожая] страдает от того, что крестьяне полностью израсходовали небольшое количество зерна и иных съестных припасов, каковые заготовили они в прошлом году». Приходится устраивать раздачу хлеба «раз в неделю для всех бедных, какие объявятся в четырех городах округа. И вот осьмого числа сего месяца в Орийяке собралось их на раздачу столь много, что одиннадцать человек были задушены в давке, несмотря на все старания установить порядок. Обычно в день раздачи хлеба собирается здесь более 6000 человек. В остальных же городах — сообразно их населению. Раздачи устраиваются во всех четырех городах в один и тот же день, дабы бедняки не поспевали сразу в два места»⁴⁸⁷.

«Прискорбное состояние этого округа» интендант объясняет двумя причинами: неурожаем двух последних лет и «увеличением в прошлом

году *юстансия*, который по всей Оверни вырос до 666 000 ливров, что слишком много для этой провинции»⁴⁸⁸.

Чье еще свидетельство заслушать? Вот, например, что пишет 11 декабря 1692 г. кюре из городка Тюль. В лиможском фискальном округе этот городок постоянно был одним из полюсов нищеты. «На десять лье в округе,— пишет кюре Мелон,— не найти и шести семей, которые бы ели сегодня хлеб; все запасы репы тоже израсходованы, иных же съестных припасов не имеется, ибо все погибло от заморозков... Если провинции не будет срочно оказана помощь, две трети народа вымрет»⁴⁸⁹. Конечно, священник здесь преувеличивает, но такова уж его обязанность — пробуждать в людях сострадание.

Историки повторяют один за другим, что в XVI в. Франция 13 раз пережила *повсеместный* голод, в XVII в.— 11 раз, в XVIII в.— 16 раз⁴⁹⁰. Даже допуская, что этот подсчет является полным и достоверным (в чем я сомневаюсь), за его рамками остается *местный* голод, который очень часто, почти каждый год случался то тут, то там. Даже в отношении XIX в. еще нельзя сказать, что нехватка съестного и голод отошли в прошлое! В 1812 г. Франция была поражена «ужасной нехваткой продовольствия»⁴⁹¹; в 1816—1817 гг. ее потряс голод, быстро распространившийся на всю страну; в 1819 г. была установлена подвижная шкала пошлин, чтобы упорядочить импорт; неурожаи следовали один за другим в 1820—1830, 1837, 1846—1848 гг. Последний из них стал причиной типичного кризиса времен «Старого порядка»: начался он в сельском хозяйстве, а закончился падением Июльской монархии. Пришлось даже пойти на снижение импортных пошлин на русское зерно, «ввозимое через Марсель и Тулон и доставляемое по Роне примерно пятьюдесятью пароходами»⁴⁹². Однако для того чтобы восполнить скудный урожай пшеницы и картофеля в 1853 г., к этому средству прибегнуть было уже невозможно, так как в 1854—1856 гг. импорт из Одессы был перекрыт Крымской войной. Чтобы предотвратить новый продовольственный кризис, потребовались трехлетние энергичные усилия государства и, в Париже, барона Османа, организовавшего «хлебную кассу»⁴⁹³.

Крестьянские восстания и хлебные бунты. Крестьянство всегда испытывало на себе возмущающее действие случайных факторов сельскохозяйственного производства. Крестьянские волнения быстро вспыхивали, но и быстро иссякали. Так было уже в далеком прошлом: Жакерия 1356 года началась 28 мая и закончилась 10 июня, безжалост-

но подавленная Карлом Злым⁴⁹⁴. Были истреблены десятки тысяч крестьян. Те же особенности — скоротечность, слабость перед лицом репрессий — присущи и другим аналогичным эпизодам, таким как восстание английских трудящихся 1381 г., Крестьянская война в Германии 1525 г. Взбунтовавшиеся крестьяне всякий раз пользуются фактором внезапности, временной слабостью и оплошностью сил порядка, захватывают значительное пространство, но в дальнейшем оказываются не способны ни организовать, ни удержать захваченное, тогда как их противники имеют на своей стороне беспощадное техническое превосходство вооруженной силы.

Итак, народные движения отличаются сходством и повторяемостью. Однако во Франции их природа меняется примерно после 1680-х годов, со второй половины царствования Людовика XIV. До тех пор в этих волнениях присутствовало все сразу: и стихийный бунт, и политическое движение, и протест против социального строя, и возмущение против налогов, и драмы людской нищеты. Они выливались в *широкие* мятежи, распространявшиеся подобно наводнению и носившие в первую очередь антифискальный характер. В 1670 г. в восставшей провинции Виварэ снова пели, переосмыслив по-новому, старую песню времен Фронды:

...За оружие, крестьянин,
Бей коршунов-мытарей,
С волками жить — по-волчьи выть.
...Взыщи-ка сам налог с них свой
Мотыгой, заступом, киркой⁴⁹⁵.

После же 1680 г. восстания вспыхивают чаще всего от голода, в одной определенной точке — деревне или же городе, — и длятся совсем недолго: один-два дня, самое большее неделю. Их легко подавляет даже слабосильная конная стража, тогда как армия, рассылающая по округе свои патрули, появляется лишь для устрашения. Эти бунты второго типа вызываются ростом цен или дефицитом хлеба. Таким образом, я не вполне согласен с тезисом Луизы А. Тилли (1972), которая усматривает в хлебных бунтах, происходивших в XVII в. и позже, ряд политических, антиправительственных выступлений. «Начиная с XVII в., — пишет она, — объяснение хлебных бунтов во Франции следует искать не в упрощенном экономическом сценарии «дефицит — голод — бунт», а в чем-то ином. Причина заключается скорее в *политической обстановке* (в эволюции правительственной политики) и в долгосрочных изменениях на рынке зерна»⁴⁹⁶. Разумеется, любой бунт поднимается против порядка, а во Франции именно монархическая власть заменила собой

городское самоуправление, ведавшее до тех пор вопросами хлебного снабжения. Поэтому для любого бунтарского движения виновным автоматически оказывается правительство. И все же первенствующую роль играют здесь не столько политические устремления, сколько бедность, нехватка продуктов, страх голода.

Новым представляется еще и то, что относительно легкие возмущения происходят чаще прежнего, причем в городах и селах одновременно. Прежде город составлял как бы особый мир, стихийно враждебный по отношению к крестьянам. Достаточно привести один пример: в 1630 г. Дижону какое-то время грозило восстание окрестных виноградарей. «Из большинства богатых домов вывезли за город всю лучшую мебель, ценные бумаги и деньги, боясь, что эти козлоногие, опьяненные своей вакхической яростью, устроят новое нападение, еще более кровавое, чем первое»⁴⁹⁷. Пришлось запереть городские ворота и поставить под ружье все ополчение — от 2 до 3 тысяч человек, — чтобы в конце концов захватить в плен 10 или 12 мятежников. Из страха, что другие виноградары придут их вызволять, ночная стража была удвоена, мобилизовали даже все духовенство, как черное, так и белое.

Восстания до 1680 года. Говоря о периоде, предшествующем 1680 г., я дойду лишь до последних лет XVI в., когда народные возмущения были чаще всего ответом на бесчинства сборщиков налогов, на грабежи Религиозных войн, на жестокости и пытки со стороны солдат и помещиков, которые все — и сторонники короля и сторонники Лиги — буквально сорвались с цепи. Лишь только соотношение сил переменилось, как насилие с их стороны крестьяне сами отвечали беспощадным насилием. Возникали крестьянские лиги самозащиты — таковы, между 1589 г. (годом битвы при Арке) и 1593 г. (вступлением Генриха IV в Париж), «фран-мюзон», «шато-верь», «липань», а позднее — «стар-веню», «тард-авизе», «крокань». Последняя кличка получила широкую известность, распространившись на обширную область восстаний, охвативших в конце концов весь или почти весь запад страны, от области Перш и провинции Марш до Лимузена (центра восстания) и Перигора.

То было пространство, где не хватало королевских войск, по большей части занятых на севере и востоке королевства.

Жестокость крестьян, судя по всему, переходила все мыслимые пределы⁴⁹⁸. Кончилось, однако, тем, что огромные толпы восставших (до 50 000 человек в одном месте), даже будучи вооружены мушкетамы,

оказались бессильными против кавалерии и против воинской дисциплины небольших отрядов, посланных для их подавления. Восстание 1594 г., начавшись в феврале, закончилось в июне того же года, как только карательные силы, собранные вдалеке, вступили на территорию, охваченную мятежом. В дальнейшем вспыхивали и очень скоро угасали и другие громкие восстания: в Керси в 1624 г., в Пуату, Аквитании и Виварэ в 1632-м, в Лангедоке и Аквитании в 1635-м, на огромном пространстве от долины Алье до Атлантики в 1636-м, на всем западе Франции в 1643-м, в Южной Франции южнее линии Бордо — Гренобль в 1645-м, в Виварэ в 1670-м, в Нижней Бретани в 1675-м... Каждый раз бунт опустошал обширные области, но всякий раз продолжался недолго ⁴⁹⁹.

Восстание в Виварэ длилось с мая по июль 1670 г. Восстание «красных колпаков» в Бретани, начавшись в мае 1675-го, завершилось в августе того же года. Как всегда, репрессии были ужасающими: солдаты вели себя хуже, чем во вражеской стране. «Наши бедные бретонцы... — пишет с места событий г-жа де Севинье, — едва завидят солдат, бросаются наземь и говорят «*теа суфра*» — единственные французские слова, которые они знают... Их не перестают вешать» ⁵⁰⁰.

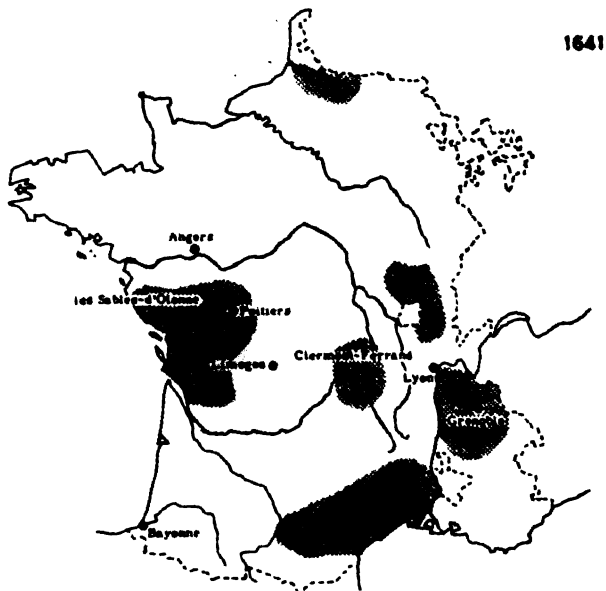
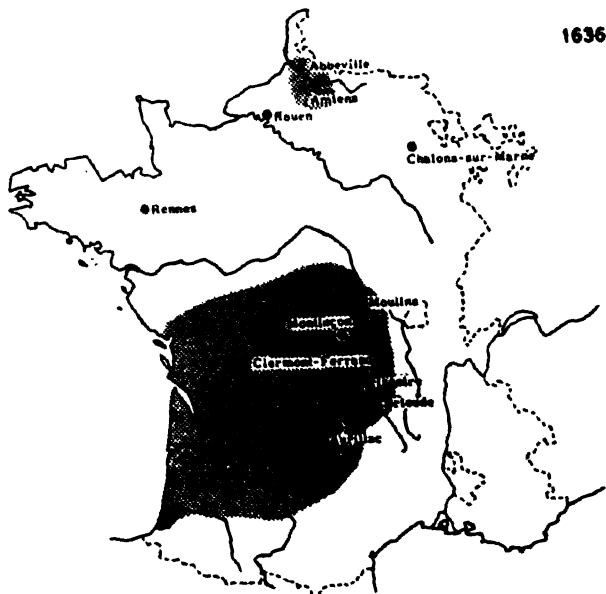
Эти восстания происходили открыто, но следует иметь в виду, что множество бунтов оставались в зародыше, гасли, не успев разгореться, и тут же вспыхивали снова, — все вместе это составляет внушительный ряд. По подсчету Ива-Мари Берсе, с 1590 по 1715 г. в одной лишь Аквитании имело место от 450 до 500 «вспышек» ⁵⁰¹.

После того как в 1963 г. была издана по-французски новаторская книга Бориса Поршнева ⁵⁰², историки много спорили о причинах и особенностях подобных возмущений. Доля истины есть во всех объяснениях: классовая борьба, политическое восстание, стихийное возмущение против налогов. В недавней статье Юга Невё ⁵⁰³ сделана попытка сосредоточиться на самих этих бунтах, воссоздать их идеологию. Автор подчеркивает неустойчивость экономического положения крестьян: достаточно какого-нибудь нового налога, или злоупотреблений при взыскании прежних, или усиления социальной эксплуатации, или неблагоприятно сложившейся конъюнктуры рынка, падения цен на пшеницу, —

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ в XVII в. →

Из 24 карт, составленных Поршневым для периода 1624—1648 гг., мы выбрали те, что отражают восстания, которые охватывали наиболее обширные территории и наиболее часто подверженные им регионы. (Из книги: Porchnev B. *Les soulèvements populaires en France, 1626—1648.* 1963).

как крестьянин оказывается ввергнут в бедность, а то и просто в нищету. Именно это и было невыносимо. Бунты вспыхивали в обстановке нищеты и отчаяния.

Но их географическая привязка, пожалуй, свидетельствует и о чем-то еще. Если нанести на карту те зоны, с которыми Борис Поршнев связывает каждый из народных мятежей 1623—1648 гг. (см. с. 154—155), то мы заметим, что ими охватывается преимущественно совершенно определенная зона Франции, а именно Запад и Юг. Это подводит нас с новой стороны к уже отмеченному двойному разделению нашей страны: по отрогам и краю Центрального Массива (линия «север — юг») и по Луаре, составляющей поперечную ось. Приходится лишь удивляться, что до сих пор эта география еще ни разу, насколько мне известно, не становилась предметом изучения (не считая отрывочных замечаний Пьера Губера)⁵⁰⁴.

Данная локализация восстаний нуждается в объяснении. Но в состоянии ли мы его дать? Исследуя поворотные моменты истории Франции, мы постоянно забываем о том, что история эта у разных регионов разная. Проблема немного прояснится, если мы отметим: 1) что на Севере удовлетворение повседневных нужд было относительно стабильным, 2) что, в силу его близости к Парижу, монархия из стратегических соображений уделяла ему больше внимания, 3) что в этом регионе с удобными путями сообщения более стремительно проводились карательные экспедиции, 4) наконец, что хлебные бунты, более или менее сильные, случались во всех регионах.

После 1680 года. Невозможно отрицать, что после 1680-х годов случаи безудержного насилия стали реже, если исключить отчаянные бунты «камизаров» в Севеннах (1702—1705), почти единственной причиной которых была религия. Почему же после этого поворотного момента сила восстаний идет на убыль? Здесь мы сталкиваемся с трудной проблемой.

Дело в том, что в стране установился социально-политический порядок — авторитарный, но вместе с тем приемлемый и принятый народом. Следует ли объяснять это переменами в фискальной политике, начатыми при Кольбере, — постепенным переходом от прямого к косвенному налогообложению, менее чувствительному для налогоплательщика? Или же это объясняется прогрессом государственной централизации, усиливавшей монархическую власть и приучавшей повинно-

ваться ей? А может быть, тем, что после отмены (в 1685 г.) Нантского эдикта, которую мы, историки, рассматриваем как катастрофу, в союз с королевской властью вступила после долгих колебаний церковь? Именно тогда духовенство, во времена Фронды зачастую враждебное к правительству, переменяло свою позицию.

Наконец, возможно, объяснение состоит в улучшении условий жизни народа — одновременно в городе и в деревне. Этот факт трудно подтвердить. И все же именно в течение последней четверти XVII в. в Аквитанском бассейне, начиная от Тулузы, а затем и по всему югу страны распространяется выращивание кукурузы, положившее, как уже сказано, конец голоду «века барокко»⁵⁰⁵. Быть может, именно в этом причина относительного спокойствия, наступившего после 1680 г.? Спокойствия, продолжавшегося по крайней мере до мучной войны мая 1775 года в Париже, Версале и окрестностях (в результате эдикта Тюрго 1774 г. о свободной торговле зерном) — этого грозного предупреждения, которое, по мнению ряда историков, содержало в себе черты потенциального народного восстания⁵⁰⁶.

С началом Революции волнения и мятежи принимают новый размах, однако все же не достигают прежней ярости. В волнениях лета и осени 1789 г. сказывалось ослабление государственной власти и фантазмы Великого Страха. Но уже осенью части национальной гвардии, созданные в городах, восстановили порядок в окрестных деревнях. Любопытно отметить, что в некоторых регионах крестьяне вплоть до декабря 1790 г. продолжали платить феодальную десятину⁵⁰⁷!

Особенно поражает ограниченный размах хлебных волнений и бунтов в XVIII в. Каждый раз они происходят по одному и тому же сценарию, из-за одних и тех же внешних причин, и вызывают одну и ту же реакцию со стороны властей. Детонаторами их служат дефицит зерна, резкий рост цен на него в сельской местности, а тем более на городских рынках. Народ отвечает либо *препонами* — задерживая хлебные обозы (повозки, вьючные караваны или же речные суда) в городе, деревне или прямо посреди дороги — либо городскими бунтами. Если участникам акции сопутствует удача, они захватывают зерно, распродают его по цене ниже рыночной или просто растаскивают, пока не вмешается конная стража или же войска.

2 марта 1709 г. в замке «городка» Бурбона, расположенного в нынешнем департаменте Вогезы, находилась партия зерна, закупленного в Лотарингии. Часть его «навьючили на шестьдесят восемь мулов — по одному мешку в двести фунтов весом». Караван отправился в сторону Соны (в Грэ, до которого было 67 километров), где мешки должны были

погрузить на борт судна. «Чернь же, собравшаяся в городке Бурбоне, ударила в набат, несколько мужчин и женщин, вооруженных ножами, серпами и обитыми железом палками, подняли шум и, невзирая на предостережения прево, тотчас же прибывшего на место происшествия, вспороли все мешки и рассыпали зерно по улицам... Одна женщина... и некий Альбен, сапожник, которые более всего распалились и приняли наибольшее участие в этой смуте, были без расследования» отведены в Лангскую тюрьму⁵⁰⁸.

От этого доклада мало чем отличается другой, составленный интендантом Вобуром по поводу народного бунта в Бар-ле-Дюке 19 октября 1697 г.: «В то время как витрийские купцы хотели вывезти 12 подвод зерна, купленного ими в Лотарингии и в области Баруа, 3 или 4 сотни женщин, утверждая, что закупки эти повышают цену на хлеб (что истинно так), собрались в кучу, захватили несколько мешков, прочие же вспороли ножами. Полицейским лишь с трудом удалось утихомирить этот беспорядок. Несколькими днями ранее весьма сходное волнение случилось в Нанси, но штабные офицеры и воинский гарнизон быстро его пресекли»⁵⁰⁹.

Если бы такие случаи, сами по себе незначительные, не повторялись так часто, их можно было бы считать обычными мелкими происшествиями. В злосчастном 1709 году их оказалось так много, что от них сотрясалась вся Франция: 15 марта в Шалоне-на-Марне (или в Шалоне-на-Соне?)⁵¹⁰; 16 марта — в Пон-де-Се на Луаре, где толпа задержала шесть готовых к отплытию тяжелых судов и заставила перепуганных купцов распродавать зерно на месте; 18 марта — в Анже, где чернь грабила амбары купцов и булочников и были погибшие⁵¹¹; в Орлеане — 4 и 16 апреля⁵¹², а затем вновь 27 апреля⁵¹³, когда на суда, отправлявшиеся вверх по Луаре, грузили зерно для войск, действовавших в далеком Дофинэ. Ветер был попутным, и толпа сбежалась, чтобы не дать каравану отплыть, «но страх перед двумя стоящими здесь полками удержал чернь, которая горько плакала, видя, как хлеб уплывает из города». Подобные же выступления происходили в Куломье 1 мая 1709 г.⁵¹⁴. А 16 июля в Монжане, что на Луаре, «весь народ, мужчины и женщины... с оружием, палками и камнями в руках», собрался в замке, дабы не дать вывезти зерно, собранное там арендатором маршала де Виллерау. Страсти утихли лишь после вмешательства интенданта, пообещавшего оставить на месте половину зерна. Карательные меры ограничились шестимесячным заключением для нескольких смутьянов, дабы «не раздражать более чернь... и так уже измученную нежелательным голодом»⁵¹⁵.

Однако подобная снисходительность не составляла правила: «Вчера (15 июня 1709 г.),— пишет интендант провинции Бурбонне Мансар де Сагон,— судил я трех вожakov этих воров и хлебных грабителей, действовавших скопом и с оружием в руках. Приговорены они были к повешению. Двоих казнили прямо здесь [в Мулене], третьего же отправил я на место преступления для острастки прочих. Полагаю, что сие возьмет благотворное действие и пример сей прекратит продолжающееся воровство и разбой. В крепостной башне и иных местах заключены еще и другие, коих я также буду судить, лишь только закончится следствие по их делам»⁵¹⁶. Королевское правосудие было иным, чем наше. Оно стремилось продемонстрировать свою силу и непреклонность, чтобы избежать еще больших репрессий. Но терпения его хватало ненадолго. Незадолго до описываемых событий, в марте 1709 г., в Питивье, где произошли беспорядки, пришлось во избежание худшего пустить в дело кавалерийский эскадрон и бросить в тюрьму двенадцать зачинщиков. «Полагаю необходимым,— докладывает интендант Орлеана,— нескольких человек примерно наказать»⁵¹⁷.

Но остановленный было мятеж вскоре возобновлялся; стоило усмирить один город или одну область, как беспорядки вспыхивали в другом месте. Повод к этому давал малейший недород. В августе и сентябре 1771 г. по всем дорогам народ останавливал обозы. В Шоле пшеница была столь дефицитной и столь дорогой, что из 3 000 жителей девять десятых оказались без хлеба и взбунтовались: «Они громко заявили, что им все равно — что быть повешенными, что умирать от голода». Инциденты происходили каждый день; как докладывал местный чиновник интенданту, они прекратятся, только если в город наконец доставят зерно⁵¹⁸.

Чтобы восстановить полную картину такого рода происшествий, следовало бы прибавить к открытым выступлениям еще и тайные покражи, повсеместную деятельность соляных контрабандистов (прекратившуюся лишь в 1790 г., после отмены Учредительным собранием налога на соль) и разбойничьих шаек в деревнях, забастовки ремесленников в городах, число которых возрастает к концу XVIII в. А главное, следовало бы учесть в нашей картине еще и потоки, целые океаны нищих. Впрочем, рано или поздно нам еще придется обратиться к этой грандиозной социальной драме, которую «Старый порядок» оставил в наследство Франции XIX в.

Все эти волнения усилились в годы Революции, приутихли при Империи, но затем вспыхнули вновь во время глубокого хлебного кризиса 1812 года. Нельзя забывать, что подобные бунты, порой столь

же внезапные и неистовые, как гроза или град, продолжались и при Реставрации, и при Июльской монархии, и даже при Второй империи. Заслуга Луизы А. Тилли в том, что она показала в своей статье, как хлебные бунты, совершенно по-прежнему, происходили на протяжении всей первой половины XIX в.

Благодаря сохранившимся точным данным мы можем оценить во всем их размахе волнения, прокатившиеся по всей Франции, начиная с осени 1816-го до летнего урожая 1817 г.⁵¹⁹ Урожай 1816 г. оказался на 50% ниже нормального. Истощенная разрушениями и реквизициями — следствиями вторжения иностранных войск в 1814 и 1815 гг., — Франция не имела резервов. Пришлось заказывать зерно с берегов Балтийского и Черного морей, покупать муку в Балтиморе. Но эта спасительная пшеница не могла прибыть сразу, и в Руане и Марселе нарастало беспокойство.

Нельзя сказать, чтобы возникшая тогда нехватка хлеба была «скорее вымышленной, чем реальной», но все же ужас, который охватил в те месяцы все королевство, объяснялся во многом беспокойством, страхами и слухами, которые ходили в народе, враждебно настроенном к власти. По словам современника, «тот голод, о котором толкуют в обществе, — быть может, и есть опаснейший из всех»⁵²⁰.

Как бы то ни было, цена на зерно взвилась вверх, рынки опустели, бедные стали протестовать, бунтовать. Чтобы их успокоить, требовались силовые меры, угрозы, призывы к здравому смыслу, прибытие значительных партий зерна. Донесения, хранящиеся в Национальном архиве, доносят до нас каждую подробность этих страшных и вызывавших новые страхи волнений: агрессивное поведение толпы, новые и новые инциденты на рынках, перемещения воинских команд, мобилизация национальной гвардии, решения властей... Возникает впечатление, что дело происходит при «Старом порядке», что мы перенеслись на полстолетия или столетие назад. Повторяются сценарии событий; повторяются поступки смутьянов; повторяются меры предосторожности со стороны властей (такие, как запрет допускать зачинщиков волнений на колокольни, чтобы они не могли ударить в набат); повторяются неразворотливость, усердие и бессилие чиновников в этой войне местного значения, каждый эпизод которой, едва закончившись, возобновляется на следующий день.

Рассмотрев один такой инцидент, можно вообразить себе сотни других. Вот перед нами Тулуза, 12 ноября 1816 г. В городе сильное волнение, но зерновой рынок находится под надежной охраной. По улицам ходят патрули, «и тут вдруг очень мощная толпа народа, идя

напролом, достигла застав, стерегущих рынок, и все более громкими выкриками принялась вновь требовать на пшеницу твердой цены в 24 франка. В этот момент на место прибыл я [префект]... Первой моей заботой было расставить солдат таким образом, чтобы оттеснить чернь, рвавшуюся с силой на площадь⁵²¹, не затем, чтобы покупать зерно по 24 франка, но затем, чтобы взять его грабежом. Обстановка весьма затрудняла маневры воинских команд: рынок, построенный на мощных устоях и окруженный узенькими улочками, можно было оборонять только вплотную. С другой стороны, прежде чем стрелять по народу, мы хотели исчерпать все средства убеждения. Итак, вопреки величайшей опасности мы стремились вразумить толпу и внушить ей, каков ее собственный интерес, вместе с тем не показывая виду, что уступаем крикам смутьянов. Отряд, охранявший главный вход на площадь, пять раз чуть не отступил под напором черни, но каждый раз отбрасывал ее благодаря своей твердости и нашей поддержке; наконец, после трех с лишним часов обороны решились мы на смелый маневр и преуспели: бросили вперед колонну драгун, а тем удалось очистить рынок и все подходы к нему»⁵²².

Таким образом, все кончилось не так уж плохо, не было ни стрельбы, ни арестов. Драгуны верхом на лошадях обратили бунтовщиков в бегство, и те вернулись в свои дома. Чтение этого и некоторых других донесений располагает к некоторому оптимизму. В наших официальных документах можно найти даже слова сочувствия. Так, супрефект Вердена пишет 15 сентября 1817 г. своему министру: «В глубине суждений народа, ваша светлость, почти всегда обнаруживается чувство справедливости и здравый смысл»⁵²³.

Можно было бы подумать, что кровавые репрессии остались в революционном прошлом, если бы нам не напоминали о реальном положении дел другие инциденты, такие как драма, разыгравшаяся в Монтаржи. *Запоздалый* бунт 8 июля 1817 г., судя по всему, перепугал весь этот городок. В окрестных деревнях ударили в набат, и толпы крестьян с пустыми мешками через плечо и с дубинами в руках двинулись на город, твердо намереваясь его разграбить, как разграбили они до того на Орлеанском канале два судна с грузом зерна. Однако власти были начеку, крестьян остановили, кое-кого арестовали. Толпа тщетно пыталась их освободить, в нее врзались кавалеристы, рассеивая несчастных сабельными ударами. И все-таки ничего драматического пока еще не случилось⁵²⁴. Много криков, женских воплей, разбегающихся бунтовщиков — и в конце концов торжество порядка. Ночь миновала спокойно; шел дождь. Казалось, еще один бунт можно занести в список

выступлений, порожденных нищетой и голодом и обреченных на неуспех. «Как же вы хотите, — писал сочувствующий свидетель, — чтобы люди не пустились во все тяжкие, когда у них нет ни работы, ни денег, ни хлеба, когда все их запасы исчерпаны? Голод влечет за собой отчаяние, а отчаянием извиняется все... Толпа, ведомая голодом, осталась бы глуха даже к гласу самого Господа Бога, вздумай он к ней обратиться».

Драма завязалась непредвиденным образом на следующий день. Из Орлеана в Монтаржи прибыл полевой суд, чтобы вынести приговор двадцати пяти задержанным. И обвинитель оказался безжалостен: пятеро были приговорены к смерти, в том числе одна женщина, которая избежала этой участи, ибо была признана или же просто сказала беременной. Остальные четверо осужденных были гильотинированы на рыночной площади города. «Не знаю, какое чувство меня обуревает, — продолжает наш пылкий безымянный свидетель. — Сердце у меня обливается кровью».

Несмотря на подобные жестокости, трудности возникали вновь и вновь вплоть до середины XIX в. Еще в 1852 г. в Сент-Ирье имело место расхищение мешков с зерном⁵²⁵.

И впрямь, под силу ли было государству выправить положение? Его единственным оружием являлись хлебные законы, то назначавшие, то снимавшие, смотря по обстановке, пошлины на импорт зерна из-за границы. У этих законов была не очень-то хорошая репутация. С законом 1832 года, облагавшим таможенной пошлиной импортное зерно, связывали дороговизну хлеба в годы его нехватки — например, в период волнений 1847 г., достигавших довольно сильного размаха в ряде регионов. Так, возмущение в Бюзансэ (департамент Эндр) даже имело своим следствием три смертных приговора⁵²⁶.

Только с сооружением железных дорог появилась возможность победить неспособность аграрной Франции обеспечить себя хлебом насущным, возможность изгнать наконец призрака голода из этой страны, по видимости такой богатой — во всяком случае, лучше других одаренной от природы, но все же не до конца обеспеченной. Если бы требовалось определить точную дату, когда свершилась эта *грандиозная* перемена в истории страны, то вполне имело бы смысл остановить наш выбор на отмене гибкой шкалы пошлин в 1861 г.⁵²⁷.

Повторю вновь и вновь: из всех объяснений самым убедительным мне представляется объяснение экономическое. Своеобразное доказательство этому можно усмотреть в том, как обстояли дела в Лангедоке и Провансе. Между 1595 и 1715 гг. хлебные кризисы и бунты случались

и там. Тем не менее Рене Пийорже категорично утверждает: «В Провансе... не было никакой *крестьянской войны*, никакого восстания, которое охватило бы всю провинцию или хотя бы один округ или группу коммун. Ни в один момент там не было ничего похожего на выступления «кроканов», нормандских «босоногих» или же «сапожников» из Солони»⁵²⁸. И одна из причин, важнейшая причина этого относительного спокойствия — постоянно ввозившееся через Марсель зерно; хоть оно и продавалось по высокой цене, но устраняло дефицит, скудость, страшную нехватку продовольствия, а заодно и панические реакции, которые им сопутствовали.

V ПРИ ВСЕМ ТОМ — СЕРЬЕЗНЫЙ ПРОГРЕСС

Волнения, бунты, кризисы, дефициты и нехватки терзали живое тело Франции — правда, никогда не проникая в его глубину. Тем не менее подобные беды постоянно были упреком всему строю ее жизни на протяжении первых столетий ее новой истории, по крайней мере до 1850 г. Но, страдая, аграрная Франция одновременно и развивалась, пусть даже этого внутреннего прогресса не хватало для ее избавления. Избавление — а вместе с ним и новые принципиальные деформации и нарушения — пришло к ней главным образом извне.

Поддаются ли перемены датировке? Я уже писал, что старинный уклад жизни существует до тех пор, пока зима остается, как в незапамятные времена, тяжким ежегодным испытанием. С помощью этого критерия датировать наступление новой эры нелегко, так как в прошлом зима означала одновременно и холод, и отрезанность деревень, утопающих в снегу или в грязи, и непроходимость дорог, и скудную пору ожидания нового урожая, когда и люди, и скот недоедают.

Я также писал, что старинный жизненный уклад существует до тех пор, пока основным видом продовольствия остается хлеб, являющийся вследствие этого главным двигателем в динамике цен: так было по крайней мере примерно до 1856 г. — года, когда (по чистому совпадению) завершилась победными фанфарами далекая и славная Крымская война (1854—1856).

Другими поворотными моментами можно считать очень медленный упадок ремесленничества (особенно в деревне) или победу каменного угля над древесным, одержанную — также постепенно — начиная примерно с 1840 г. ⁵²⁹.

Но старинный жизненный уклад, основанный на так и не устраненной до конца автаркии, существует и до тех пор, пока в городе и в деревне орудием и символом труда и сообщения — на наш нынешний взгляд, безнадежно медлительным — остается лошадь. И на севере и на востоке страны вспашка земли, механические молотилки, косилки, сноповязалки — все требовало конной тяги. На первых «железных дорогах» вагоны тянули опять-таки лошади. В Париже еще в 1914 г. сохранялись фиакры, а такси, прославившиеся тем летом в битве на Марне, еще

только-только появились. В деревне же (в частности, в северных и восточных областях Франции) лошадь, долгое время символизировавшая собой передовое хозяйство, оставалась вездесущей. А французская армия еще в 1939 г. с грехом пополам пользовалась гужевым транспортом: батареи 75-миллиметровых орудий, как и в 1914 г., всюду перемещались на конной тяге, коноводы ехали верхом, а орудийная прислуга — сидя на лафетах.

Так на протяжении исторического пути перед нами проходит целый ряд границ и вех. Если судить по ним, то получается, что на территории Франции поразительно долго продержалась крестьянская экономика. Уход этого древнего хозяйственного уклада, целой традиции бытового устройства, становится, таким образом, болезненной проблемой лишь в период самой новейшей истории нашей страны.

По своему отношению к этим проблемам недавнего прошлого историки делятся на две группы. С одной стороны — те, кто подходит к прошлому с точки зрения настоящего, проходя в обратном направлении недалекую историческую дистанцию между ними; в прошлом они усматривают по преимуществу признаки прогресса, предвещающие те перемены, что свершаются на глазах у нас. С другой же стороны — те, кто, подобно мне (по своей исходной специальности я — историк XVI века), подходит к недавнему прошлому с точки зрения предшествующих столетий; такие исследователи склонны отмечать сходства между вчерашним и сегодняшним днем, и от этого спокойного упорства их ничто не заставит отступить.

Выход один: следовать как за первыми, так и за вторыми, мысленно признавать, что в настоящем продолжается прошлое и вместе с тем намечаются зачатки будущего. Вести такую двойную игру, имея дело с историей Франции XIX и начала XX в., — задача нелегкая. Постараемся же не проводить в ней никаких рубежей бесповоротно и любой ценой.

Общий прогресс и его теневые стороны. Статистика утверждает: с начала XX в. и до наших дней имел место постоянный и всеобщий прогресс. Стремительное движение вперед, происшедшее за тридцать или сорок последних лет — *Славное тридцати- и сорокалетие*, — привело к полному преобразованию так называемой крестьянской экономики, которая в определенный момент перестала быть всецело крестьянской. В дальнейшем все случившиеся помехи, катастрофы, трудности и нехватки регулярно компенсировались или преодолевались. Об этом пи-

сал уже около 1870 г. Леонс де Лавернь⁵³⁰. «С 1815 года общественное благосостояние возрастало если и не без перебоев, то все же без длительных перерывов, а порой и стремительными, впечатляющими рывками. Объем внешней торговли вырос в пять раз, объем промышленного производства — вчетверо, тогда как в сельском хозяйстве, которое вообще менее динамично, этот объем почти удвоился». Постоянно происходил процесс накопления капитала, дававший толчок всему остальному. Судя по величине наследств, средний размер состояния французов за период 1825—1914 гг. вырос в 4,5 раза⁵³¹. В то же время для населения отдельно взятого Парижа — не для всей Франции в целом — данный показатель оказывается равным 9,5⁵³².

Это громадное преимущество столицы напоминает нам, что экономический прогресс охватывает общество неравномерно. Доходы некоторых классов взметнулись в XIX в. на невообразимую прежде высоту. Так происходило в кругах, связанных с передовыми отраслями промышленности: прибыли химической компании Кюльмана выросли за сорок пять лет (1827—1872) в 57 раз, прибыли угольной компании Нё — за двадцать лет в 23 раза...⁵³³ Можно представить себе, какие доходы получал Эжен Шнейдер (по прозвищу Евгений I), основатель династии, которой принадлежали сталелитейные заводы в Ле-Крезо, а кроме того еще и член генерального совета Французского банка и политический деятель; с 1837 г. и до смерти в 1875-м он увеличивал размеры своего состояния в среднем на 11% в год (то есть каждые шесть лет — вдвое)!⁵³⁴ А между тем на протяжении первых трех четвертей XIX в. доход *pro capite** вырос в стране едва ли в два раза. Земельная рента удвоилась или даже утроилась, но за счет мелких землевладельцев и фермеров, на которых примерно до 1840 г. отрицательно сказывалось падение цен на сельскохозяйственную продукцию. В дальнейшем все резко перевернулось: земельная рента стала снижаться, а прибыльность сельского хозяйства — «резко возросла». Тем не менее и этот рост оказался всего лишь двукратным за тридцать лет, в конце концов привел к кризису и коснулся в общем-то только меньшинства производителей — тех, кто вел преимущественно товарное хозяйство. Остальные же участвовали в общем движении лишь косвенно⁵³⁵.

По сути дела, в условиях экономического роста наиболее обездоленные страдают более тяжело, чем это может показаться. Сколько таких было, особенно в деревнях? На мой взгляд, все они являлись жертвами стойкого социального неравенства, *относительной пауперизации*.

* На душу населения (*лат.*).

Во Франции во все времена на задворках сельского или городского общества существовали массы безработных бедняков, бродяг и нищих. Наличие такого рода сверхбедных отмечается уже в средневековье. По-видимому, они существовали испокон веков. Во всяком случае, в XVI—XVII вв. их число непрерывно умножалось. В эпоху Людовика XIV, вопреки Феликсу Гэффу и его знаменитой книге⁵³⁶, *изнанку Великого столетия* образовывали не хитрые и лживые финансисты, а толпы этих несчастных, которые зимой осаждали города, а летом разбредались по деревням, нередко наводя на них ужас. Положение еще более осложняется в XVIII в. Достаточно вспомнить о том, как свирепствовали тогда разбойники, носившие злое имя «поджаривателей»; их ликвидировали лишь к 1803 году брошенные против них конные отряды и безжалостно осуждавшие их военные трибуналы⁵³⁷.

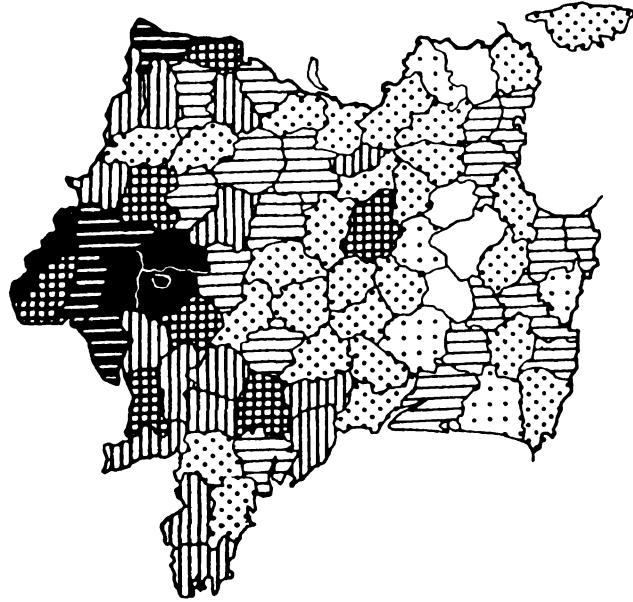
Бродяги, нищие, разбойники продолжают наводнять Францию и в XIX в. В каждом департаменте префект ведет борьбу с нищенством, подобным массовой болезни: на какое-то время ему удается изгнать ее из своего департамента, и он возвещает о своем успехе и о своих заслугах; нищие же уходят в другие департаменты, а потом в один прекрасный день возвращаются назад. При соответствующем стечении обстоятельств они появляются вновь и вновь практически всюду. Так, во время волнений, вызванных голодом 1816—1817 гг., власти на местах были обеспокоены разбойными делами, которыми занимались шайки нищих. Официальным лозунгом стало — искоренить бродяжничество⁵³⁸. Как заявил министр внутренних дел: «Толпы нищих составляют ныне предмет главных наших забот; меры, согласованные министрами военным, полиции и мною, дают надежду, что эти шайки в самом скором времени будут рассеяны»⁵³⁹.

Существование подобной антиобщественной силы с очевидностью указывает на нездоровье общества, где люди постоянно жили на грани нужды и нищеты и до самого конца XIX в. — а в бедных, слаборазвитых регионах и еще позднее — с трудом «выбивались» из них.

В конечном счете в XX в. эта масса неприкаянных мало-помалу переместилась из деревень в города. Еще в 1907 г. генеральный совет департамента Ньевр отмечал «непрерывный исход по общественным дорогам» бродяг, «которые живут воровством, наводят страх на сельских жителей и нередко становятся причиной всевозможных безобразий в городах», а также служат переносчиками заразных болезней⁵⁴⁰. Сходным образом в такой бедной области, как Жеводан (департамент Лозер), материалы судебных процессов со множеством деталей повествуют о кражах и насилиях, совершавшихся бродягами, «до тех пор пока

1852

Rendement moyen
national : 13,64 hl

— de 8

8-10

10-12

12-14

14-16

16-18

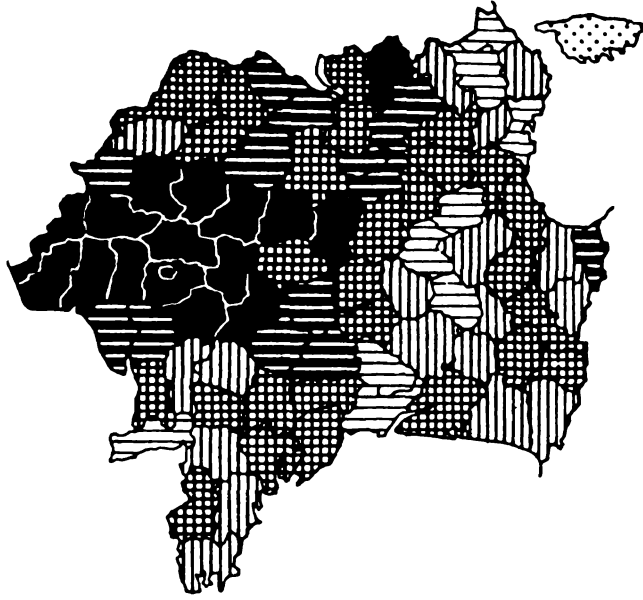
18-20

+ de 20 hl/ha

1882

Rendement moyen
national : 18 hl

в 1910-е годы они не ушли окончательно из департамента, поселившись в городе»⁵⁴¹. Итак, старая Франция — в некоторых своих аспектах — сохранялась еще и на небольшом историческом удалении от нас.

Конечно, в XIX в. социальная значимость подобной проблемы была — впервые — осознана. Ги Тюе приводит показательный пример дискуссии, развернувшейся около 1850 г. в Нивериз: в ней участвовали, с одной стороны, власти, которые всерьез занялись исследованием условий труда, профессиональных заболеваний, физического истощения крестьян, страдавших от лихорадки, недоедания, нехватки врачей и больниц, от повальной нищеты, — и которые предлагали принять разного рода административные меры; с другой же стороны выступали памфлетисты, которые возмущались обществом, оставляющим на произвол судьбы «тех, кто не сумел найти себе места на пиру промышленности», обществом, где «двадцать три миллиона человек... являют собой живой укор против бесчеловечности французских законов и общественных нравов»⁵⁴². В 1855 г. один предприимчивый префект решил организовать «общественный фонд помощи бедным», прося именитых людей департамента вместо частной благотворительности устроить добровольную подписку деньгами и натурой сроком на пять лет с последующим погашением администрацией — наподобие налога, которым администрация бы и распоряжалась. Поначалу размеры подписки были значительными, но затем число ее участников стало уменьшаться, и благотворительное начинание заглохло, поскольку обнаружили его «неспособность искоренить нищенство», а достигнутые результаты оказались, в целом, ничтожными по сравнению с гигантскими масштабами проблемы⁵⁴³.

Прогресс на уровне целого: прежде всего — в технике. При всем том в собственно сельскохозяйственном секторе шел своим чередом прогресс — не всегда видный и слышный, порой не сразу проявлявшийся, но в конечном счете обновлявший весь производственный уклад.

РОСТ УРОЖАЙНОСТИ ПШЕНИЦЫ

В 1850—1880 гг. рост урожайности имел место повсюду, однако не отменял старинного неравенства между департаментами.

(Из книги: Braudel F., Labrousse E. Op. cit.).

Надписи на карте. Слева: 1852. Средняя урожайность по стране — 13,64 гектолитра. *Справа:* 1882. Средняя урожайность по стране — 18 гектолитров.

Прежде всего это был прогресс в техническом оснащении. В истории плуга особое значение имеет 1824 год, когда Матье де Домбаль основал свой завод земледельческих орудий в Ровиле (департамент Мерт) ⁵⁴⁴. На выставке 1855 г. была представлена американская косилка-сноповязалка Мак-Кормика; ее распространение во Франции шло медленно, но неуклонно. Еще раньше, в 1851 г., появилась паровая молотилка, работавшая со страшным шумом и грохотом; она быстро получила широкое распространение, хотя и не вытеснила окончательно молотилки на конской тяге, проработавшие еще по крайней мере до 1914 г.

Подобные машины не сразу получали повсеместное распространение. Стоили они дорого. Еще в 1852 г. в Центре, на Юго-Западе и даже в Воклюзе преобладает соха. По данным на тот же самый год, «в Авиньонском округе, обладающем наиболее благоприятными пахотными землями, имеется 3972 бесколесных плуга (сохи) и лишь 737 — оснащенных колесом или башмаком, а 385 — передком». В гористой же части департамента «пашут только сохой» ⁵⁴⁵. Да и в 1921 г. в Черном Арманьяке все еще «срезали колосья либо серпом, либо косой, либо косилкой» ⁵⁴⁶. При уборке пшеницы косилкой вдоль пройденного ряда оставались сноповые ручни, которые затем уже вручную вязали в снопы.

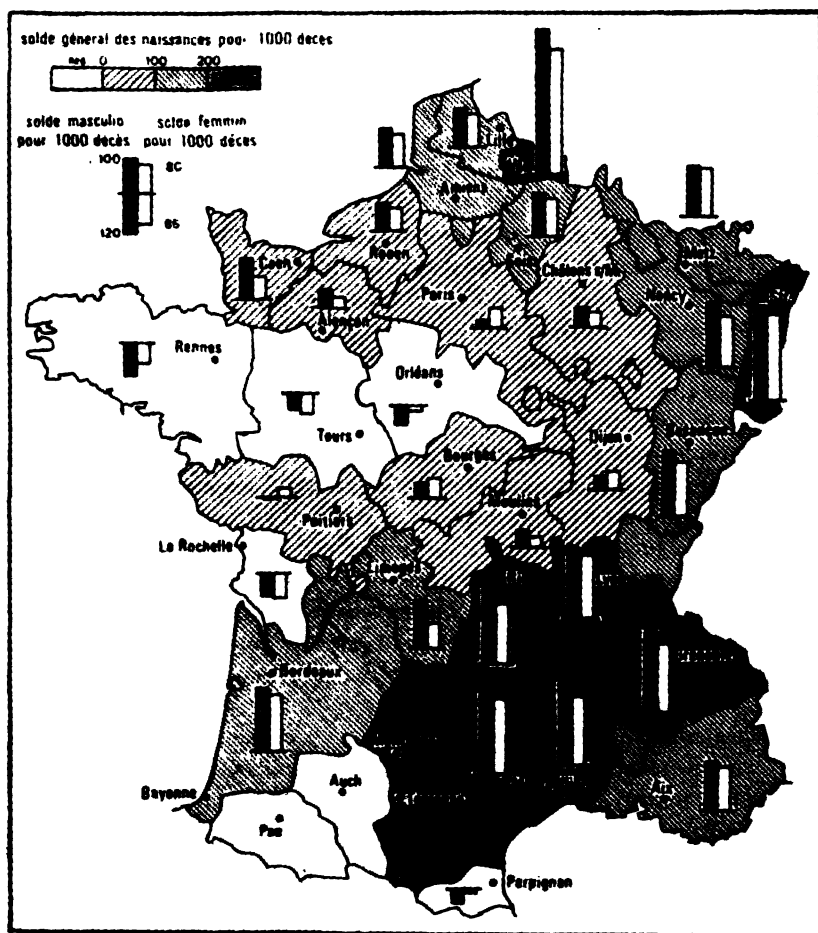
И все же мало-помалу машины завоевывали деревню. В Восточной Франции к 1914 г. уже повсеместно применялась жатка-сноповязалка. Перед началом жатвы много сил уходило на проверку ее узлов и ее подготовку к работе; деревенские кузнецы оказывались не всегда идеальными ремонтниками — у них плохо получалась сварка, а сломанные

НЕРАВНОМЕРНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ НОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР (1787)

На этой карте рождаемости и смертности во Франции около 1787 г. видно интересное различие между регионами сокращающегося населения (фискальные округа Ренна, Тура, Орлеана, Ла-Рошели, Перпиньяна) и теми регионами, которые резко выделяются на среднем фоне превосходством рождаемости над смертностью: это оказываются именно те области, где рано распространились новые культуры — кукуруза и картофель.

(Из книги: Braudel F. *Civilisation matérielle, Economie et Capitalisme*. Т. 3).

Надпись на карте: Общее сальдо рождений на 1000 смертей. Сальдо мужского населения на 1000 смертей. Сальдо женского населения на 1000 смертей.

детали они упорно пытались спаивать заново... К счастью, машина отличалась прочностью. У этого мастодонта (каким он казался в то время) не было двигателя: в движение его приводила тройка или четверка лошадей. При работе на смежных участках трехпольной системы требовалось сначала отделить поле, где предстояла жатва, от примыкающих к нему полей, обкосить его кругом по всему периметру, а уж затем машина начинала двигаться кругами по этому прокоосу. В департаменте Мёз это называли «разметкой». Размечали поле обычно

венной косой, выкашивая проход на ширину упряжки жатки-сноповязалки, так что жатва начиналась как бы предварительной жатвой, на манер жатвы прежних времен: идя вслед за косцом, мужчины и женщины подбирали скошенную пшеницу, вязали ее в снопы и временно складывали их в стороне. Потом, когда поле обкосят вокруг, их собирали в «копёшки» — такой прием в департаменте Мёз практиковался всего лишь с начала XIX в.⁵⁴⁷

Новые машины производили сильное впечатление, и все же не преувеличивалось ли зачастую современниками их значение? Во всяком случае, в 1913 г. профессор Высшей национальной школы сельского хозяйства в Гриньоне Даниель Золя, хорошо разбиравшийся в реальном состоянии французского земледелия, писал: «Применение машин составляет [...] повсеместно весьма полезный противовес росту зарплаты сельскохозяйственных рабочих. Это бесспорная истина. Но даже здесь роль, которую призваны играть механизмы, не следует преувеличивать. Во множестве случаев ручной труд остается необходимым. И, чтобы сократить расходы на оплату рабочей силы, гораздо эффективнее оказывается не применение даже наисовершеннейших приспособлений, а изменение земледельческой системы [то есть борьба с «неправильным» севооборотом], посадка леса на бедных почвах или же преобразование пахотных земель в луга [разумеется, искусственные]»⁵⁴⁸. Техническая революция произошла у нас значительно позже, с появлением бензинового мотора.

Более тонкой оценки требуют, возможно, и преимущества, связанные с применением удобрений. На мой взгляд, наибольшее значение имел здесь, наряду со все более широким использованием навоза, постоянный рост применения мергеля и извести. В XIX в. во много раз увеличилось число известковых печей — например, в области Мен, но и в других местах тоже. Что же касается мергеля, то довольно лишь располагать в достатке рабочей силой, и его можно добывать, доставлять и вносить в почву как навоз. Работа это утомительная, но в деревне всегда имелся избыток населения, так что в рабочих руках недостатка не было. Около 1857 г. хозяин крупной фермы в 250 гектаров в Руврэ (департамент Сена и Марна) «удобрил мергелем половину своих земель из расчета 50 кубических метров на гектар»⁵⁴⁹. В области Монморийоннэ около 1830 г. по крайней мере половина земель была покрыта бесплодными ландами; в течение следующих двадцати пяти лет они отступили благодаря применению извести и мергеля⁵⁵⁰ — пример тем более примечательный, что дело происходило в несомненно бедном, отсталом краю.

Играли свою роль и чилийское гуано, впервые ввезенное около 1850 г., и суперфосфаты (1867), и нитрат натрия, и шерстяной выпот (1882), и серноокислый аммиак (1900)⁵⁵¹. Эти привозные удобрения, при всей своей важности, появились сравнительно поздно, и прогресс сельского хозяйства, совершившийся в первой половине XIX в., предшествовал их распространению, которое было к тому же медленным. И так, не подлежит сомнению, что с 1785 по 1850, а то и по 1870 г. успехи сельского хозяйства достигались чаще всего старыми методами и инструментами. Решающее значение имели не столько новые удобрения, сколько все шире распространявшиеся искусственные луга. Лавернь, комментируя рост сельскохозяйственного производства в 1789—1859 гг., отмечает, что освоение залежных земель продвинулось всего на 4% — «очень ненамного для такого длительного периода», тогда как эксплуатация окультуренных земель переменилась совершенно. В частности, площадь, занятая корнеплодами (свеклой и картофелем), выросла со 100 000 до 1 500 000 гектаров, увеличилось распространение пшеницы за счет ржи, а главное, площадь земель под паром сократилась почти на 50% — с 10 миллионов до 5 500 000 гектаров, — в то время как площадь искусственных лугов возросла с 1 миллиона до 2,5 миллиона гектаров⁵⁵². Сокращение паров еще более ускорило в период 1860—1880 гг.⁵⁵³

В итоге прогресс сопровождался торможением, движение вперед — действием замедляющих факторов. Урожайность была весьма неравномерна и, в сравнении с нынешней, весьма невысока. Но все же в 1815—1880 гг. ее рост происходил хоть и медленно, но непрерывно и *повсеместно*, пусть даже при этом и сохранялись различия между регионами (см. карты). Среднегодовая урожайность за десять лет увеличилась для пшеницы с 10,5 до 15 гектолитров с гектара, то есть рост составил около 40%⁵⁵⁴. При этом она отставала и еще будет отставать позднее от урожайности в других странах Европы: в 1886—1889 гг., несмотря на показатель в 20 центнеров, достигнутый в департаменте Нор, «средняя урожайность во Франции не превышает 11,8 центнера с гектара, тогда как в Германии она достигает 15 центнеров, в Бельгии — 18, а в Дании — 25»⁵⁵⁵.

Такое отставание, умеренность прогресса как раз и способствовали сохранению во Франции старинной крестьянской экономики, которая в результате оказывается отделенной от нас не столь уж большим расстоянием. Как пишет с полным основанием Андре Горон: «Вплоть до середины XX в. французское общество оставалось по существу крестьянским и сельским»⁵⁵⁶. Решительные перемены в жизнь крестьянской Франции внесли лишь бури Славного тридцатилетия (1945—1975).

Действительно, медлительность развития сельского хозяйства во Франции зависела от ряда причин. Одна из них, очевидно, заключалась в разнородности страны: исторические перемены и сдвиги в разных ее регионах и областях никогда не совпадали ни по сути, ни по времени. Страна двигалась вперед, но не сплошным строем, не в едином ритме. Впереди шли застрельщики прогресса — о них можно говорить еще долго, — но позади них плелись отстающие, составляя большинство и отягощая своим весом ход сельскохозяйственного развития в целом. И все же не только само сельское хозяйство в ответе за свою судьбу, за свое отставание. «Крестьянскую экономику» составляла не только сельская Франция, но и Франция промышленная, и Франция торговая, так что общий экономический прогресс страны зависел от сложения этих разных Франций. Это и станет предметом следующей нашей главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СУПЕРСТРУКТУРЫ

Торговля, мануфактуры, пути сообщения, кредит — все это необходимо [для процветания государства]... Однако каждая из частей имеет свои пределы и пропорционально соотносится с другими. Пока эти пропорции соблюдаются, части помогают друг другу; в противном случае они друг друга уничтожают.

Исаак де Пинто ¹

Суперструктуры и инфраструктуры — это то, что происходит наверху и внизу общества ². Это удобное деление, если только не считать его безупречным и окончательным; если только, глядя с верхних этажей так называемой крестьянской экономики, не терять из виду ее базовые реалии — этот безусловно преобладающий сектор, который более или менее приспособливается к требованиям сменяющих одна другую эпох, приспособливается скорее кое-как, в силу своей крайней инертности, упрямого стремления оставаться самим собой. Напротив, деятельность верхних этажей в большей степени подвержена изменениям, в силу того что размах ее долгое время был невелик. Порой перемены в конъюнктуре полностью переворачивали ее ход. Об этом по-своему говорит и Пьер Шоню: «Верхушка движется, а основание остается твердым. Социальная пластичность, да и то весьма относительная, сосредоточена на верхушке» ³.

Не является ли такой колеблющийся характер суперструктур одним из их отличительных признаков? Ответить на этот вопрос мы сможем после того, как последовательно рассмотрим: роль городов; устройство системы (или различных систем) сообщения; неодинаковое и переменчивое место, занимаемое ремесленным и промышленным производством; наконец, исторические формы, которые принимали торговля, разнообразные виды кредита и вообще капитализм как таковой. А поскольку так называемая *крестьянская экономика* представляет собой зачастую противоречивый комплекс инфраструктур и суперструктур, то есть фактически постоянных и эволютивных составляющих, то я постараюсь показать, каким образом происходит постоянное сочетание, сосуществование разных факторов — оппозиций, конвергенций, перепадов. И так происходит до тех пор, пока весь комплекс в целом, несмотря на

отставание перемен на уровне базиса, мало-помалу не деформируется на всю свою глубину. Тогда сквозь вихри резких перемен, которые несет текущий день, начинают прорисовываться контуры новой экономики, новой Франции; она возникла на наших глазах совсем недавно.

В хронологическом плане исследование суперструктур потребует от нас, как правило — хотя и не всегда, — ограничиться более узкими рамками, нежели в предыдущих главах. Действительно, чтобы иметь возможность опираться на данные статистики (а в данном случае в этом и состоит самый верный подход), приходится за отправную точку брать чаще всего конец XVIII в.; для периода до 1700 и даже до 1750 г. в нашем распоряжении остаются лишь такие приемы, как историческое описание и гипотетическая реконструкция. Разумеется, я буду ими пользоваться всякий раз, когда подобный экскурс в глубь времен окажется полезен.

Что же касается верхней границы, со стороны нашей современности, то мы уже говорили выше о трудности зафиксировать какую-либо дату, которая отмечала бы точку решительного разрыва. В истории городов перелом наступил, вероятно, после 1945 г.; в истории промышленности было несколько следующих один за другим поворотных моментов — 1840, 1860, 1896, 1930, 1940, 1945 год... Примерно теми же временными ориентирами обозначено и развитие торговли, банков, кредита, национальной валюты. Вследствие этого мы будем, в зависимости от нужд нашего исследования, удаляться на большее или меньшее расстояние от современного периода, анализ которого в принципе оставляется в стороне — впрочем, только в принципе.

Действительно, разве анализ длительной временной протяженности может не опираться на настоящий момент, по крайней мере в той степени, в какой мы этот момент переживаем и представляем себе? Эта опора всегда присутствует и в уме читателя, и в уме автора, даже тогда, когда она остается лишь имплицитной. В этом состоит преимущество рассмотрения истории в широкой временной перспективе: раскрывающиеся при этом процессы сами собой связываются с теми мучительными вопросами, что ставит перед нами наша современность.

I ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ГОРОДА

Города встают на каждом повороте истории Франции, заполняют ее, руководят всем ее движением. Поэтому нам приходится вновь вернуться к их рассмотрению, посвятить им эту новую главу. Тому есть несколько причин. Во-первых, сведения об их жизни, добытые множеством трудолюбивых историков, восходят к достаточно отдаленным эпохам. Тем самым появляется возможность осветить длительные подготовительные процессы, которые иначе трудно понять и которые таким образом мы сможем проследить, не слишком на них задерживаясь. А во-вторых, города с очевидностью предстают как образцовый пример: действительно, нет никакого сомнения, что они (и в куда большей степени, чем обычно считается) представляют собой *суперструктуры*.

В самом деле, между городами и деревнями пролегает неустраняемая, всегда присутствующая пограничная полоса, и этот рубеж не менее четок, чем горная цепь Пиренеев, о которой было сказано: «что по одну ее сторону — истина, по другую — заблуждение». Фактически превосходство городского уклада определяется лишь по сравнению с укладом сельским, который вплотную с ним соседствует, но имеет совершенно иную сущность, иную природу, отличаясь тем сильнее, что он еще и весьма рано попадает в зависимость, а там и в рабство по отношению к городу. Городская суперструктура — это система, вознесенная вверх и получающая свое объяснение исходя из жизни крестьянства, загнанной вглубь и обреченной нести город на своих плечах.

10%: старинный и условный уровень колебания. Как ни парадоксально, если сравнить удельный вес городского и сельского населения, то стрелка весов явно склонится в сторону второго: во Франции, как и по всей Европе, город долго, очень долго был беднее людьми, чем деревня. В нашей стране так продолжалось *до 1931 года*⁴. Не забывайте эту столь позднюю дату, особенно если она вас удивляет. Она полезна тем, что призывает нас считаться с реальностью.

Охватывая в целом меньшинство населения, город тем не менее пользуется рядом очевидных преимуществ: его партнеры разрознены, удалены друг от друга. С самого своего зарождения он сознает свое конститутивное отличие от деревни, необходимость вести с ней борьбу, которая и определяет самое его существо, весь строй его повседневной жизни. Скученность на узком пространстве, теснота жизни ведет к тому,

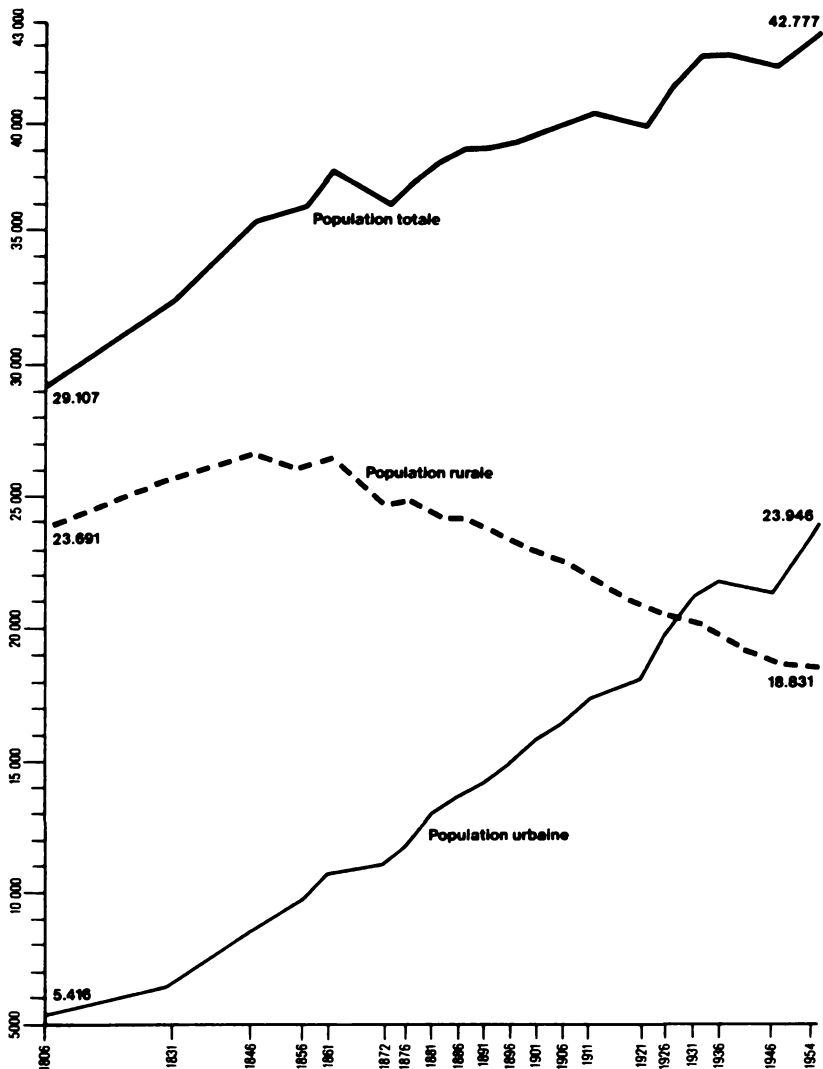
что горожан невозможно захватить врасплох, поэтому город довольно рано сумел заполучить в свои руки власть, культуру, одним словом целое богатство, которое в дальнейшем ему приходилось оборонять, хранить, непрерывно использовать. Все эти истины были рано замечены, и всем им суждена была долгая жизнь.

В общем и целом в период 1450—1500 гг. (за неимением лучшего возьмем его в качестве исходной точки) крестьянское население составляло по крайней мере девять десятых всего населения Франции — подавляющее большинство. Эта доля — плод моего *воображения*, однако Генрих Бехтель⁵ в своих расчетах населения Германии в XV в. приходит именно к такому соотношению. Разумеется, данные цифры — десять процентов на город, девяносто процентов на село — являются приблизительными, самое большое *вероятными*. Но даже если в реальности соотношение было немного иным, в дальнейшем мы можем исходить из того, что девять из десяти человек жили тогда в деревне.

Не следует, однако, представлять себе данную пропорцию как минимальный уровень, необходимый для развития любой *так называемой крестьянской экономики*; не следует думать, что для становления этой экономики требовалось, чтобы по крайней мере десятую часть населения составляли городские жители. На самом деле этот уровень, рассчитанный для 1450 или 1500 г., сам соответствует уже развитой ее стадии; данное соотношение даже представляется мне свидетельством известной зрелости французского общества в эпоху после окончания Столетней войны, итогом некоторой уже весьма длительной эволюции.

Вдобавок даже в отношении куда более поздних эпох мы располагаем данными, лишь слегка отклоняющимися вниз или вверх от пропорции один к девяти. Так, в 1812 г. (году русской кампании Наполеона) в Ливонии и Эстонии насчитывалось всего 811 000 жителей; при этом население городов — в том числе таких крупных, как Рига и Ревель, — составляло лишь 66 000 человек; иными словами, если слегка округлить цифры, на города приходилось 8,1%, на сельское население 91,9%⁶. За два десятилетия до того, в 1796 г., гигантская и отсталая экономика России кое-как работала, имея процент горожан всего в 6 или 8%⁷. А обратившись к карте на с. 181, читатель может убедиться, что в первые годы Первой империи для ряда французских департаментов характерен еще более низкий процент урбанизации: Кот-дю-Нор — 3,1; Крёз — 4,4; Дордонь — 4,6; Вандея — 5,7; Коррез — 5,9... Для сравнения: в Англии времен «Domesday Book» * (1083—1086) при населении

* Земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем (*примеч. ред.*).

ЧИСЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
в 1806—1954 гг.

Два показателя сравнивались в 1931 г. Цифровые данные приводятся
в тысячах жителей.

(Источник: Tugault Y. Fécondité et urbanisation. 1975).

Надписи на карте: Общая численность народонаселения. Сель-
ское население. Городское население.

1 500 000 человек (11,4 человек на квадратный километр) уровень урбанизации составлял 7%; тремя столетиями позже, в 1377 г., при населении 2 600 000 человек (показатель плотности 20) он составлял 10%⁸.

В Китае даже в 1949 году на 542 миллиона жителей приходилось всего 10,64% горожан. Зато в 1982 г. их было уже 20,83% от миллиардного населения. Это, конечно, фантастически быстрый прогресс урбанизации, но он произошел лишь в недавнее время, в соответствии с ускоренным темпом развития современного мира⁹. В идеале следовало бы рассмотреть — по-настоящему рассмотреть — самое начало урбанизации (если здесь вообще имелось начало). Но во Франции даже слаборазвитые регионы, такие как Жеводан (современный департамент Лозер) или Виварэ¹⁰ (ныне департамент Ардеш), не дают нам искомой картины. Даже в них начало урбанизации не поддается наблюдению.

Во всяком случае, вероятная цифра 10% для королевства Карла VII или Людовика XI — это не так уж мало. Я даже склонен *предполагать* (рискуя грубо ошибиться), что выше такого уровня урбанизации не поднималась и изобильно-эйфорическая Франция Людовика Святого, которую еще почти целое столетие отделяло от бедствий Черной чумы и Столетней войны. В то время это была, безусловно, куда более многолюдная страна, нежели та, какую унаследовал в 1461 г. король Людовик XI; в ней было где-то около 21 или 22 миллиона жителей против 12—13 миллионов в XV в. Но, сократившись чуть ли не наполовину в своем населении за период 1350—1450 гг., Франция понесла людские потери главным образом за счет сельского населения. Города, укрываясь за своими поспешно строящимися или восстанавливавшимися стенами, куда более успешно, чем «сельский простор», пережили мучительную Столетнюю войну. Вспомним: Жанна д'Арк в детстве укрывалась от войны за стенами города Нефшато. Правда, в городе гораздо больше людей, чем в деревне, становились жертвами чумы, но притягательная сила городов была столь велика, что в дальнейшем их население восстанавливалось, тогда как сельское — уменьшалось¹¹.

Растущее значение городов. И все же эти средневековые города были — за редкими исключениями — весьма скромными поселениями. Они уже немного возвышались над окрестными селами, но еще не господствовали над ними по-настоящему. Только позднее придет время,

когда городской рынок начнет «координировать всю хозяйственную жизнь [прилегающего] региона и обгонит в своем развитии [...] старый аграрный город»¹². И еще позднее наступит момент, когда межгородские отношения станут определять все хозяйственные связи страны. Подъем городов был медленным процессом, городской же капитализм, если он в ту эпоху и существовал, делал лишь первые свои шаги. Одним словом, безусловное преобладание городов — явление достаточно позднее.

Конечно, французские города развивались еще и до XIV в., они завоевывали себе свободы и вольности (в качестве коммун и вольных городов), создавали новые социальные институты. Но, во-первых, их стремление к автономии наталкивалось на противодействие «двух наиболее четко структурированных властей — Церкви и Короля»¹³, последней еще больше, чем первой. В результате они волей-неволей оказывались «включены в рамки территориальной политики, перспективы которой далеко выходили за пределы их непосредственных интересов»¹⁴. Отсюда — внутренние трудности их развития. Во-вторых, сама автономия привела их к долговой зависимости, несравнимой с доходами¹⁵. Наконец, в-третьих, хотя во время бесконечной Столетней войны и сопровождавших ее катастроф они и были точками опоры, островками стабильности, тем не менее они тоже испытали на себе косвенное воздействие этой эпохи, неблагоприятной для любого движения вперед. И все же главный, возможно самый важный, сдвиг вперед состоял в том, что именно во время Столетней войны город постепенно освободился от сеньоров и сеньориальной зависимости¹⁶ — освободился в принципе, хотя множество живучих и тяжелых пережитков зависимости оставались в силе вплоть до самого конца «Старого порядка».

После же 1450 г., с восстановлением благодетельного мира, города устремились вперед с новой силой. Все вокруг им благоприятствовало: мощный демографический подъем, резкий скачок производительности сельского хозяйства и его быстрое восстановление, а также и расцвет собственно городских видов деятельности, динамичное развитие ремесел и торгового хозяйства¹⁷. Начиная с середины XIV в. «промышленные» цены — то есть цены на продукцию городского производства — постоянно росли, в то время как цены сельскохозяйственные неуклонно падали¹⁸. Ножницы цен работали в пользу городов. Стремительный подъем и восстановление сил в XVI столетии, благодаря импульсу, данному всем, а особенно городским отраслям инфляционной революцией цен¹⁹, позволили городам обрести прежний вес, обрасти предместьями и получить господство над окрестными деревнями, практически бессильными против их влияния.

По мнению Вернера Зомбарта ²⁰, эту *революцию цен* следует приписать не только избытию нахлынувших в Европу из Америки драгоценных металлов, но и воздействию городов: накапливая у себя подвижные и все возрастающие денежные капиталы, города тем самым и создали инфляцию, стали ее движущей силой. Это отчасти верно. Несомненно, что традиционная история цен — в том виде, в каком представляем ее себе мы, историки, — развивалась прежде всего как процесс городской, скажем точнее *суперструктурный*, происходивший зачастую на уровне более высоком, чем жизнь крестьян.

Однако не следует воображать себе эти деятельные города по образу и подобию наших нынешних городов. Еще многие годы им приходилось, чтобы прокормить себя, рассчитывать только на собственные ресурсы, на свою собственную территорию, зарабатывать свой хлеб в поте лица. Волей-неволей «они сохраняют тесные связи с сельским хозяйством. Это пастушеские города, и в них можно встретить и крупный рогатый скот, и овец, а также множество птицы и свиней, причем последние берут на себя такую важную функцию, как уборка улиц. В этой уборке имеется настоятельная нужда, учитывая скученность городского населения, зачаточное состояние муниципальных служб и отсутствие мощных улиц. В стенах города и за ними [поблизости] располагаются виноградники, огороды, а то и поля. Вокруг аристократических или церковных резиденций разбиваются также и сады для отдыха. Наконец, эти городские окраины отмечены скоплениями наиболее грязных ремесел, таких как выделка кожи, шерсти» ²¹. Это описание французских городов XII в. применимо и к городам XVI в., которым Бернар Шевалье в своей последней книге ²², стремясь оценить их истинное значение в период до продолжительных беспорядков, связанных с нашими религиозными войнами, заново присвоил старинное наименование «добрые города».

Конечно же, точные цифры были бы более убедительны, чем суггестивные описания. Благодаря счастливой архивной находке у нас имеются некоторые из таких цифр для города Арля, за далекий 1437—1438 год. В то время две трети жителей города были землепашцами, пивоварами, скотовладельцами, пастухами, рыбаками, охотниками или же лесниками; они кормились от земли, от огромных земель, окружавших Арль. «Среди остальной трети населения почти все имеют или возделывают хотя бы небольшой виноградник. Арль — это сельскохозяйственный город», «агрогород» ²³, — заключает Луи Стуфф.

Однако еще несколько столетий и все другие города находились в такой же ситуации. Разве в Париже местных виноградарей не было достаточно, чтобы по окончании уборки урожая учинять ликование

и беспорядок во всем стольном граде? Вторжение сельскохозяйственной деятельности в быт городов свидетельствует об их недостаточной специализации, о несовершенстве общественного разделения труда по крайней мере до конца «Старого порядка», а возможно и в более поздние времена. То был тормозящий фактор, действовавший еще долго, очень долго.

Города и королевская власть. Другой, и также долговременный фактор торможения: при постоянном росте своей политической, экономической и социальной значимости города освобождались от одной кабалы лишь для того, чтобы попасть в другую — иногда добровольно, иногда поневоле. Дело в том, что по окончании Столетней войны монархическая власть в правления суровых королей Карла VII (1422—1461) и Людовика XI (1461—1483) восстановила свою силу; она снова стала карать, действовать, плести интриги.

Господство королевской власти особенно усилилось при Людовике XI. На любой непокорный город обрушивались суровые репрессии, его принуждали к повиновению путем военного вторжения. Такова была участь Анже, Безансона, Доля, Арраса, Камбре, Валансьенна, Дуэ, Сент-Омера, Перпиньяна... Взять хотя бы примерное наказание, которому подвергся Аррас: королевские войска захватили город в 1477 г., а в 1479-м все население было из него изгнано; город даже переименовали, и для его заселения стали зазывать новых жителей! Эта попытка, оправданная якобы интересами безопасности королевства, закончилась неудачей. Однако же Аррас был вынужден уступить силе²⁴.

Впрочем, повиновение, добиваться которого стало главной задачей королевской власти, не обязательно достигалось путем одного лишь насилия. Людовик XI стремился еще и подкупать именитых горожан и сглаживать их с простонародьем, а также концентрировать городскую власть в руках узких элитарных групп, которые легче склонить на свою сторону, чем развитую администрацию. В результате в городах образовывался тесный круг «политической» буржуазии — фактически аристократии, устанавливавшей и поддерживавшей свою наследственную власть.

Такие городские аристократии действовали в согласии и сообщничестве с монархией. Отдаваясь под королевское покровительство, города стремились лучше защитить себя от своего же простонародья и от крестьянства окружающих земель, а также частично избавиться от королевского налога, восстановленного при Карле VII. Для королевской

же политики города все более и более становились главными проводниками общественного мнения²⁵, с которым приходилось считаться; ни одно государство, модернизируя свою власть, не может осуществлять ее без согласия общества. Поэтому монархия искала поддержки городов или хотя бы их правителей, стремилась склонить их к сотрудничеству. Так завязывался главный сюжет всей будущей социально-политической истории Франции. Зачастую все начиналось с того, что городские власти покорялись королю, отрекались от независимости, практически совершали измену.

Таким образом, в нашей стране, даже в северных областях, более требовательных в этом отношении, чем южные, города так и не развились в тот тип городов-республик, какие известны в Италии, Германии или Нидерландах. Хорошо это или плохо? Очень хорошо, писал Макиавелли, восхищенно наблюдая за политическим подъемом монархии, стремившейся объединить всю территорию Франции. С другой стороны, очевидно, что в результате нелегкая история нашей страны не испытала в полной мере могучего воздействия животворной силы городов. Этому препятствовала сдерживающая, сковывающая сила слишком алчного государства.

Конечно, впоследствии, пользуясь скрытыми историческими противоречиями, города стремились сбросить с себя иго. Всякий раз, когда монархическое государство переживало серьезные трудности, — скажем, во времена Лиги в конце религиозных войн или же в смутную пору Фронды — города (в первом случае, например, Марсель²⁶, а во втором — Бордо)²⁷ делали попытки освободиться или хотя бы набраться силы. Всякий раз тщетно, ибо им не хватало времени. Историческая судьба Франции не давала им достаточно силы для эмансипации, а кроме того, говоря по справедливости, они и сами были не только жертвами, но и виновниками своей порабощенности. Так растение плохо принимается на дурной почве и в неблагоприятном климате.

Не имея честолюбивых устремлений, не состязаясь между собой вплоть до кровавого противоборства, города, которые в других странах образовывали целые агрессивно-завоевательные государства, во Франции тихо жили в тени и покое. Жестокости истории выпадали, как правило, на долю крестьянства, а не горожан, которые ими самодовольно пренебрегали. И в правление Людовика XI, и позднее город ощущал себя отдельным миром, огражденным от внешнего воздействия: «Разве можем мы сказать наверняка, — восклицает Бернар Шевалье, — какое тайное чувство покоя и защищенности порождали в их [горожан] сознании высокие стены, горделивые крепостные башни и тщательно запер-

тые на ключ ворота?» В случае необходимости город мог даже прожить собственными запасами, ресурсами своей собственной территории: «Когда [сокращался или] падал местный спрос, а более отдаленные рынки оказывались закрыты, сборщики налогов, нотариусы, судейские и магистраты все еще сохраняли в своих руках достаточно средств для движения торговли и поддержания ремесленной активности»²⁸, — то есть для спокойной жизни без чрезмерных претензий.

Устойчивость сети городов. После 1450 г. сеть французских городов оставалась той же самой, какой она была за много веков до того. По словам Жан-Батиста Сея (1828), в Париже «большинство улиц образовались до Франциска I»²⁹.

Между 1500 и 1789 гг. новые города создавались нечасто: Гавр был заложен в 1517 г. просто как порт, который только впоследствии стал городом; Витри-ле-Франсуа был построен, чтобы приютить жителей располагавшегося по соседству городка Витри-ан-Пертуа, сожженного в 1544 г. Карлом Пятым; конечно, Сюлли в 1608 г. основал Анришмон, а Карло Гонзага — Шарлевиль (на месте старинного Арша), но подобные щедрые жесты были доступны одним лишь очень богатым вельможам. Из этих новых поселений только Шарлевиль сделался впоследствии настоящим городом — а в начале XVII в. он едва насчитывал 300 жителей³⁰. Тщеславной традиции градостроительства отдал дань и кардинал Ришелье, заложивший в 1637 г. свой собственный город Ришелье³¹ (Сюлли хотя бы для виду дал своему созданию имя короля, кардинал же этим не озаботился), — однако кардинальский город почти не развивался и ныне представляет собой лишь своеобразный городок-музей в 60 километрах от Тура.

Другим примером такого тщеславия — на сей раз осуществленного в беспрецедентных масштабах Королем-Солнцем — стало сооружение в 1661—1682 гг. Версальского дворца, этой «сцены, [...] алтаря всего королевства»³². Оно повлекло за собой и строительство города вокруг дворца. Тем самым Париж лишился известных преимуществ, которые доставляло ему пребывание королевского двора, однако его историческая судьба от этого мало изменилась.

Упомянем также основанный в 1666 г. Рошфор — укрепленную Вобаном крепость, которая обращена к океану, хоть и стоит в отдалении от берега; Лорьян, построенный на месте прежнего Пор-Луи, отданного в концессию Индийской компании; Сет, ставший вторым французским портом на Средиземном море. Не стоит забывать и перестроенные

Кольбером Брест, Марсель, Тулон... Среди трехсот городов, укрепленных Вобаном или так или иначе связанных с его деятельностью, некоторые тоже были созданы им ex nihilo: в 1679 г. — Юенг, Саарлуи, Лонгви, в 1681-м — Мон-Луи, в 1687-м — Фор-Луи, в 1692-м — Мон-Руаяль и Мон-Дофен, в 1698-м — Нёф-Бризак на левом берегу Рейна. Все это тесные крепостные городки, в которых «военные сооружения допускают и присутствие жителей, но не в чрезмерном количестве»³³, — и которые в дальнейшем были обречены на жалкое прозябание.

В целом все случаи закладки новых городов следует отнести к числу исключений из правила, которые, как всегда, это правило подтверждают. На тысячу городов таких случаев набирается от силы двадцать.

Местоположение городов. Итак, французские города продолжали стоять там, где они были основаны давным-давно, либо в галлороманскую эпоху (как почти все крупнейшие города страны), либо в XI—XII вв., когда широко развилась новая городская сеть, заполнявшая промежутки в прежней — правда, зачастую за счет оживления старых городов, а не образования новых.

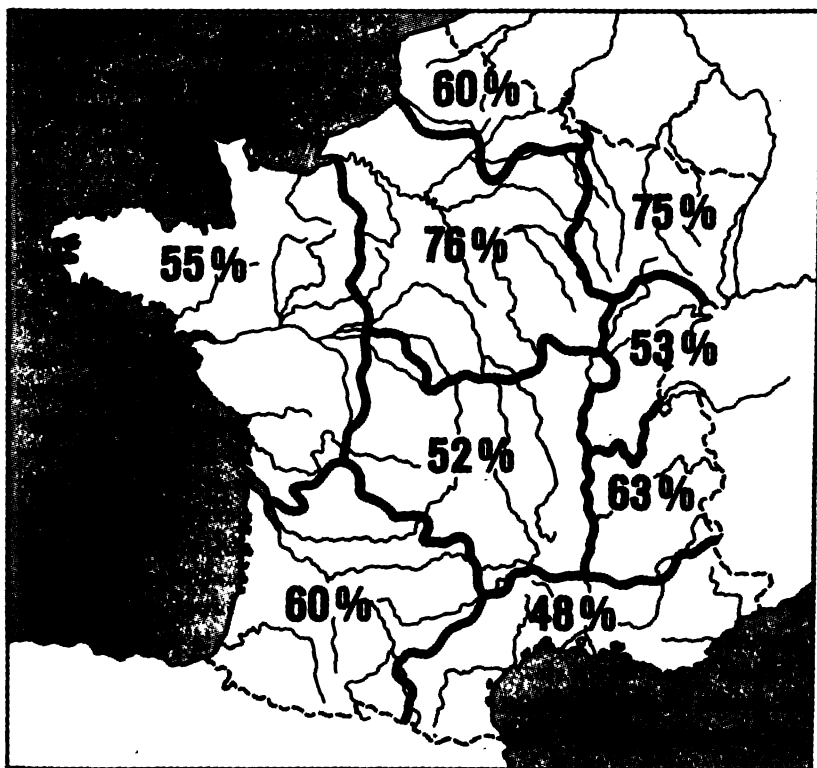
Неудивительно, что эти города устойчиво сохраняются на своих местах: они прикреплены к этому местоположению, освободиться от которого невозможно. С момента, когда в городе насчитывается тысяча жителей (а то и меньше), он может жить только будучи открыт во внешнее пространство, а значит, по соседству с ним, в пределах его доступности должны быть зоны, откуда он мог бы получать воду, продовольствие, дрова, строительные материалы и, наконец, людей — поскольку испокон веков и вплоть до XIX столетия ни один город не мог обеспечить воспроизводство своего населения без притока извне, прежде всего из ближнего пояса деревень. Впрочем, пояса этого было далеко не достаточно.

Париж оказался удачно расположен посреди особо благоприятной местности, где имелось, так сказать, все необходимое. Не благодаря ли этой своей обеспеченности город сумел пережить грозные годы Столетней войны? «В отличие от края Бос, здесь в изобилии вода; в реках относительно много рыбы... окрестные леса считаются богатыми дичью; гонесские нивы славились своей урожайностью; на иссийских и сюренских холмах делали доброе вино; заливные луга и низины благоприятствовали скотоводству, а такая скромная деревня, как Ванв, производила высококачественное масло, «до которого далеко маслу из Фланд-

рии и Бретани»; в достатке имелся лес; правда, залежи минералов были здесь, как и в Ферьер-ан-Бри, небогаты и немногочисленны, зато хороший строительный камень добывался из карьеров буквально у городских ворот, начиная с предместья Нотр-Дам-де-Шан»³⁴. Париж был плотно опоясан полями, нивами, порой даже залежными землями; Коммин рассказывает о случившейся в сентябре 1465 г. (в разгар войны между Людовиком XI и Карлом Смелым) ошибке «конников», которые, подъезжая к Парижу в сумерках или в туман, увидели перед собой «множество воздетых кверху копий... Они подъехали ближе... и узрели, что все это превеликий ростом чертополох»³⁵, которым заросли поля до самых городских ворот.

Однако главным символом, главным знаком города служила в старину крепостная стена. И именно наличие стен дает ему (если верить старому словарю Фюретьера)³⁶ право именоваться городом. Так было всегда, говорит известный медиевист Роберто Лопес, шутливо напоминающий интервьюеру³⁷, что «во времена фараонов иероглиф, обозначающий город, состоял из креста, вписанного в круг, — это как бы сразу и перекресток дорог и крепостная стена». В стене имелись ворота, необходимые городу для сношений с внешним миром, но одновременно и составлявшие слабые места в его оборонительной системе. Оттого этих выходов наружу иногда оставляли совсем мало: так, в Дюнкерке в 1708 г. (город еще не изменился после проведенных Вобаном фортификационных работ) «имелось со стороны суши всего двое ворот — Королевские и Ньюпорские»³⁸. И притом вторые ворота открывались только по рыночным дням — так требовала оборона. Напротив того, выстроенная в 1785—1787 гг. вокруг Парижа Стена генеральных откупщиков имела на своем протяжении в 23 километра 17 больших таможенных ворот и тридцать ворот малых, причем при каждом (и больших и малых) был мытный двор для взимания пошлин. Само собой разумеется — но все-таки следует об этом напомнить, — что города, хоть и замкнутые в своих стенах, являлись прежде всего перекрестками дорог, где начинались или заканчивались торговые пути, проходившие через весь город от ворот до ворот.

Расположение городов бывало, естественно, более или менее благоприятным. В пору закладки *первых* городов первостепенную роль, судя по всему, играло наличие судоходных путей³⁹. При этом бывали города, особо обласканные судьбой: расположенные на реке в том месте, откуда она начинает быть судоходной, и образующие перевалочный пункт сухопутных и водных путей; или владевшие бродом либо мостом, позволяющим легко переправляться на другой берег. Таков Страсбург со

ИНДЕКС ПРИВЯЗАННОСТИ ГОРОДОВ К БЕРЕГАМ РЕК

Север Франции, богатый судоходными реками, предстает здесь в худшем положении, чем можно было бы ожидать, — либо потому, что на карте учитываются недавно возникшие и независимые от рек промышленные города, либо потому, что на карте Видаля де ла Блаша не показаны некоторые мелкие, но фактически судоходные речки (такие, как река Дэль в Лилле).

Напротив того, на Юге, в средиземноморском регионе, на карте выгодно представлены даже небольшие речки, и Рона, пересекающая этот регион извне, также притягивает к себе ряд городов, повышая тем самым общерегиональный индекс. Тем не менее здесь его значение оказывается минимальным.

(Карта и комментарий к ней взяты из работы: Blache Jules // *Revue de géographie de Lyon*. 1959. P. 19).

своим стратегическим мостом через Рейн, важным для движения как товаров, так и войск. Таков Анже, где сужение речной долины обеспечивает исключительно удобную переправу. Таков Нант, с его первым мостом на Луаре, если двигаться по ней с океана. Таков Авиньон со своим прославленным мостом, сооруженным в XII в.: хотя Рона в этом месте и весьма широка, но она распадается здесь на два рукава, что ослабляет силу течения и позволяет мосту опереться посередине, третьей частью своей длины, на твердую почву⁴⁰. Таковы Тараскон и Бокер, соединившиеся мостом, перекинутым через грозную Рону; за невозможностью более прочного, этот мост был плавучим. В Руане в XVII в. также был сооружен плавучий мост через Сену; открытый в 1630 г., он заменил собой гигантский выгнутый горбом каменный Большой мост, частично обрушившийся из-за непрочного грунта, на который он опирался. Плавучий мост прослужил до XIX в.; он был хитроумно устроен так, чтобы подниматься с приливом и открываться для пропуска судов. «Сам Людовик XVI соизволил полюбоваться им»⁴¹.

Тем не менее реки еще недостаточно для образования города: Орлеану, стоящему на Луаре, удалось, правда, оказаться в центре всей французской истории — но разве мог он подчинить ее своей власти, будучи расположен на стыке двух изолирующих его от внешнего мира безлюдных пространств: Орлеанского леса на севере (в прошлом более обширного, чем сегодня) и лесов и болот Солони на юге. Поистине, из всех французских городов его история — самая драматическая.

Привилегированное местоположение имели города, стоявшие вблизи моря — не в самом устье рек, но выше по течению, там, где успокаивается волнение и корабли могут спокойно приставать к берегу; таковы Руан, Бордо... Правда, они зато испытывали иностранное притяжение, жили одними лишь связями с границей и слишком часто вообще отворачивались от внутренних областей Франции.

Не менее удачно располагались и города, построенные на границе двух регионов, что обрекало их служить центрами обмена — хотя бы просто обмена между горами и равниной. Целая гирлянда таких городов опоясывает, в частности, Альпы.

При всем том, за исключением Парижа и Тулузы, «крупнейшие, стремительно развивающиеся [французские] города в большинстве своем размещаются на периферии страны, «рассеяны по периметру»: Нант, Бордо, Марсель, Тулон, Гренобль, Лион, Страсбург, Лилль»⁴². *Внутренность* королевства, как неоднократно пишет в своих «Мемуарах» маркиз д'Аржансон, остается почти незанятой и зачастую «отзывается пустотой».

Окружающее пространство тоже участвует в жизни города, если удается преодолеть его помехи и овладеть его возможностями. Успех для города — суметь заполучить господство над тем, что оказывается под рукой: например, в 1717 г. подобного шанса не упустил Бар-ле-Дюк, чье расположение благоприятствовало контрабандному ввозу во Францию (Лотарингия в ту пору еще не была французской) запретных индийских тканей⁴³. Гранвиль с 1812 г. много лет подряд эксплуатировал 25—30 своих тяжелых «габар» водоизмещением от 3 до 18 тонн, используя их для ловли устриц, омаров, креветок, посылая несколько судов на лов трески, наконец, занимаясь непрерывными каботажными перевозками между Нантом и Брестом и вплоть до Дьеппа⁴⁴. Порой опасность заключалась в том, чтобы увлечься подвернувшейся удачей, легкой прибылью, и перестать видеть что-либо кроме них. Нант, процветая благодаря сообщению с колониями и — не больше и не меньше — торговле неграми, к концу XVIII в. утратил связь с окружающей его сельской местностью. Он настолько потерял к ней интерес, что городские буржуа стали даже продавать свои земельные владения. Это удивляло Артура Юнга: «Что за диво — все это богатство и великолепие [города Нанта] никак не связано с деревней?»⁴⁵

Преодоление и снятие преград, стимулирование обменов, рост сообщений — всему этому способствовали организация ярмарок и умножение числа рынков. Так, в провинции Пуату во времена Людовика XIV в одном лишь Люсонском округе насчитывалось 87 ежегодных ярмарок плюс 18 еженедельных рынков ($18 \times 52 = 936$ рыночных дней в году)⁴⁶... И не следует думать, что речь идет о каком-то особо активном регионе.

Действительно, во многих случаях впечатляющее распространение ярмарок знаменовало собой стремление городов и городков к интенсификации обменов в том или ином недостаточно благоприятном регионе. В департаменте Воклюз в 1815 г. больше всего ярмарок устраивалось в районах, живших тяжело (Боллен — 11 ярмарок в год, Вальерас — 9, Малосен — 8, Апт — 5), тогда как в более благодатных равнинных районах на западе департамента их число и масштабы были меньше⁴⁷. В Орнани, хлеботорговом городе в нижней части долины Лу в горах Юра, на отсталой периферии Франции, еще в XIX в. устраивалось ежегодно 24 ярмарки, «по первым и третьим вторникам каждого месяца»⁴⁸. В Северных Альпах, особенно в Верхней Савойе, высокогорные ярмарки — по продаже крупного рогатого скота, овец, мулов — издавна превосходили по своему размаху ярмарки в долинах и на равнинах.

В 1841 г. КАРТА ФРАНЦИИ
ВСЕ ЕЩЕ ИСПЕЩРЕНА ЯРМАРКАМИ

(Из книги: Dictionnaire du commerce et des marchandises. 1841. Т.
1. Pp. 960 sq.).

В многообразных связях между городами и городками, городами и деревнями, между разными городами, из которых неутомимо ткалась и укреплялась насущная материальная жизнь Франции, главной движущей силой постоянно служил город: ритм жизни отмеривался его рыночными днями; он давал денежные ссуды, образуя связь между крупным торговым и финансовым капиталом; в нем находились центры церковно-

го культа и государственной власти; ему принадлежали юстиция и администрация, он был средоточием «письменной цивилизации»⁴⁹. Экономист Адольф Бланки писал в 1851 г.: «На одной и той же земле живут два разных народа [городской и деревенский], живут настолько разной жизнью, что друг для друга они словно чужеземцы, хотя их и связывают как никогда прочные узы [политической] централизации»⁵⁰. Два разных народа, которые вынуждены уживаться друг с другом и таким образом образуют одно целое. Один из них (горожане) управляет другим, паразитирует на нем, эксплуатирует его, но и заставляет его расти над собой, составляя необходимое, если не достаточное условие любого прогресса⁵¹.

Потребность в людях. Ключевой проблемой всей истории городов была и остается, безусловно, проблема воспроизводства населения. Сегодня трудность заключается в беспрецедентном росте городов, делающем их прожорливее сказочного людоеда. Раньше же постоянной причиной был дефицит городского населения. Чтобы восполнить перевес смертности над рождаемостью и обеспечить себе хотя бы медленный рост, город должен был беспрестанно пополнять свою буржуазно-купеческую элиту, а тем более свою рабочую силу — квалифицированных ремесленников и пролетариев-чернорабочих.

Однако в старину все города решали эту жизненную проблему, не особенно о том и заботясь. Они постоянно рекрутировали новых жителей в ближней округе, а иногда и очень далеко от своих ворот (см. карты на с. 195—197 и в кн. 1, с. 155—161). Иммигранты так и спешили на их зов. Долю этих пришельцев в населении городов редко удается установить по документам, зато из анализа свидетельств о браке или о смерти (в больницах) ясно вырисовывается география мест, откуда они приходили. Квартал, где селился явившийся в город издалека или из ближней деревни иммигрант, располагался либо вблизи ворот, через которые он вошел в город, либо там, где традиционно жили его земляки, нередко занимавшиеся одним и тем же ремеслом. В Париже городские кварталы представляли собой как бы провинции в миниатюре, что определялось разделением труда, жесткой социальной иерархией, но также и стихийно сложившейся системой приема новых жителей.

Самое поразительное, как при этих перемещениях населения легко, сама собой решалась жизненно важная на наш взгляд проблема притока людей в города, постоянно испытывающие дефицит рабочей силы. Конечно, масса сельских жителей была непомерно велика сравнительно

с числом горожан. И все же мобильность французского и вообще европейского населения может удивить. Она была способна удовлетворить любые потребности экономики в настоящем и будущем. Так, в конце XV в. восстановил свою силу город Арль, который уже потерял было свою старинную славу и который обгоняли Марсель, Экс и даже Эт-Морт. Причем стоило ему ожить, как в него сразу же хлынули, явно во множестве, иммигранты из всех краев, даже из северной Франции. Как видим, здесь возможно все, что угодно⁵². Сходным образом и Нант в XVI в. обеспечивал себе постоянный прирост населения прежде всего за счет притока людей из своей ближней округи и Бретани, но также и из Пуату, Нормандии, из всей долины Луары до самого Орлеана. В городе можно было встретить и марсельцев, и португальцев, и итальянцев, имелась здесь и внушительная испанская колония⁵³.

Когда в конце XV в. потребность в рабочей силе ощутил Лион, на его призыв тут же откликнулись выходцы из Савойи, зона рассеяния которых охватывала в ту эпоху Южную Германию, Южную Италию, Испанию и значительную часть Франции. Современники утверждали, что «две трети Лиона — это потомки савойцев», что «почти все черно-рабочие, составляющие треть города, происходит из савойского края»⁵⁴. Конечно, это преувеличение: точные разыскания показывают, что в 1597 г. доля савойцев в населении Лиона была всего лишь 21,2%, — но и такая цифра весьма значительна. Тем более что этот миграционный поток был неиссякаемым источником рабочих-текстильщиков и численно превосходил иммиграцию из более близких областей — Фореза, Лионнез и Божоле (все вместе они составляли лишь 18,3% населения города, а выходцы из Дофинэ — 7,2%)⁵⁵. Но в любом случае, из каких бы дальних краев ни приходили люди (см. карту в кн. 1, с. 161), эта

ПРИТОК НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДА ЮГО-ЗАПАДА

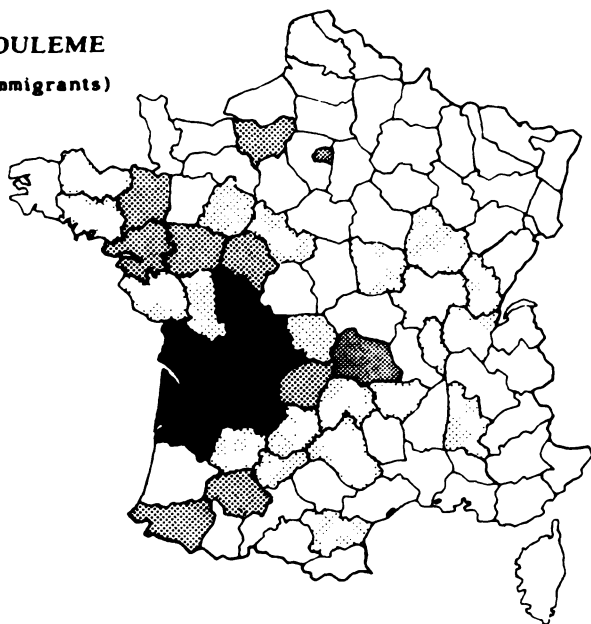
У каждого города имеется своя зона, откуда пополняется его население и где он в этом отношении преобладает над другими, хотя влияние Бордо (см. последнюю карту) распространяется на весь юго-запад.

(Источник: Poussou J.-P. Bordeaux et le Sud-Ouest au XVIIIe siècle. 1983).

Надписи около карт. На с. 195. Вверху: Ангулем (396 иммигрантов). Внизу: По (841 иммигрант). На с. 196. Вверху: Ла Рошель (1663 иммигранта). Внизу: Ош (503 иммигранта). В условных обозначениях первая строка означает «свыше 12,8%», последняя — «ни одного иммигранта».

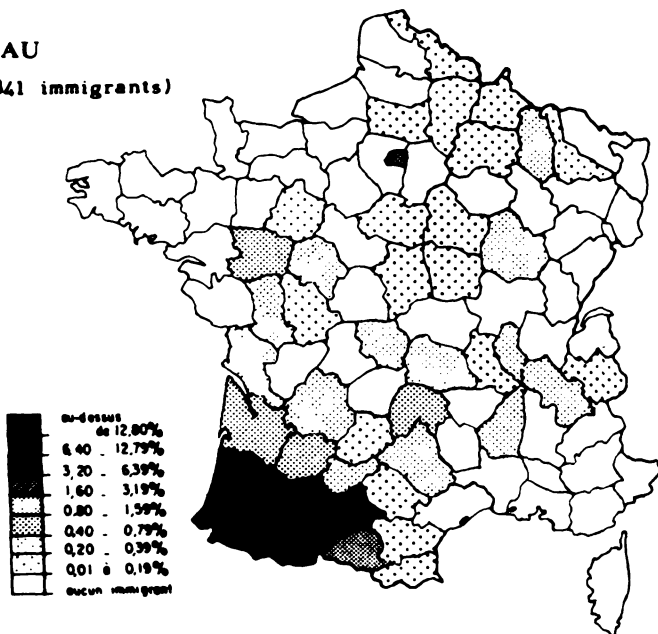
ANGOULEME

(396 immigrants)

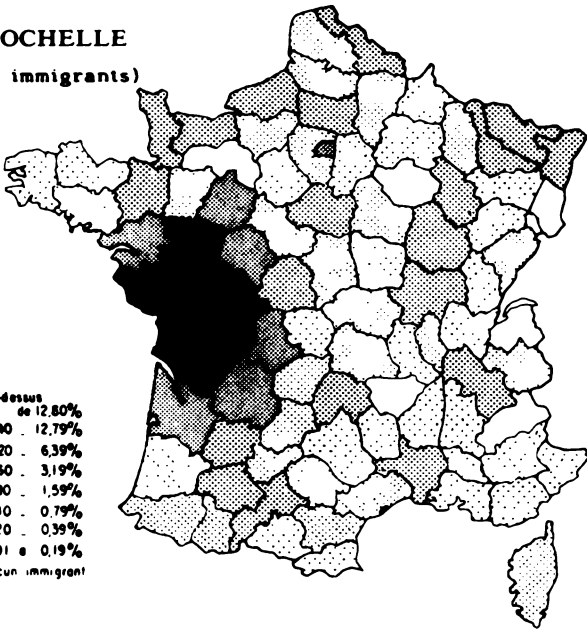
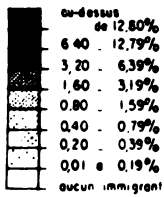
PAU

(841 immigrants)

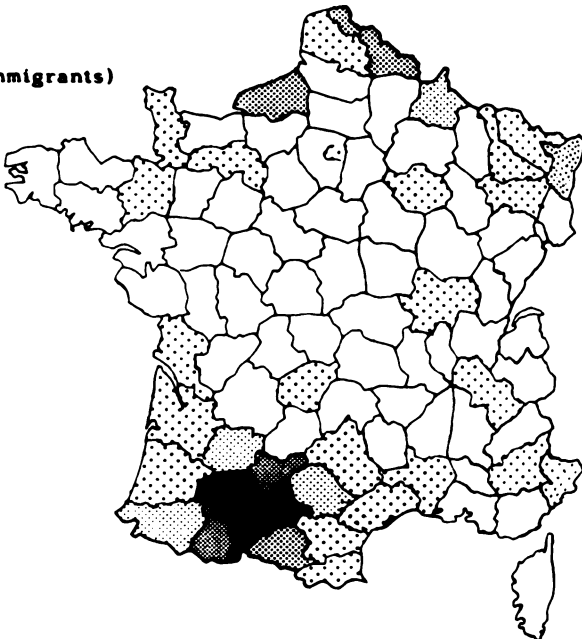

LA ROCHELLE

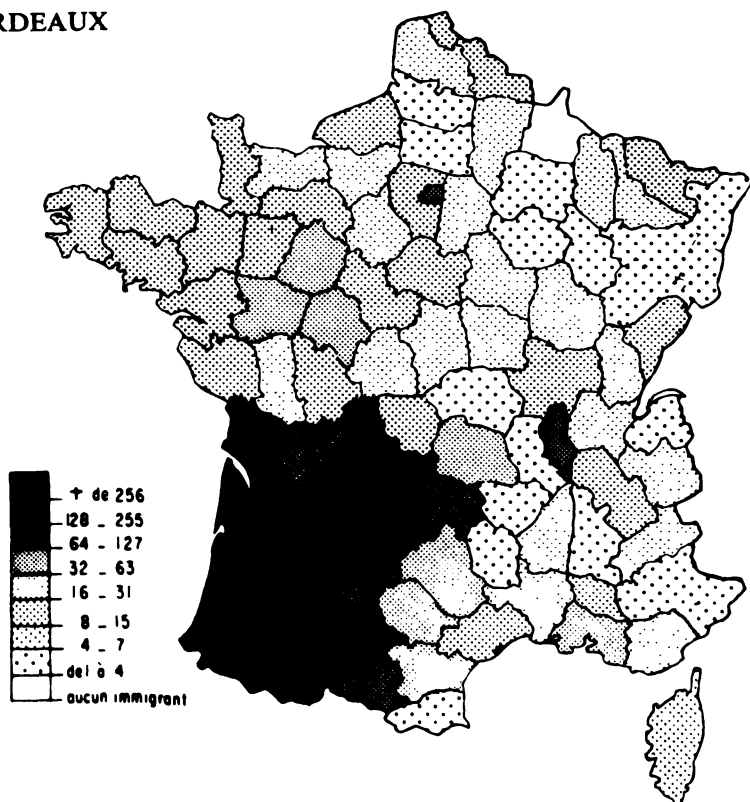
(1 663 immigrants)

AUCH

(503 immigrants)

BORDEAUX

демографическая подпитка, давая почти половину населения огромной лионской агломерации, была для нее вопросом жизни и смерти: промышленность и торговля Лиона требовали все больше и больше людей, которых город «непрерывно поглощал»⁵⁶.

Нечего и говорить здесь о Париже — у этого-то людоеда и размеры и аппетит были куда больше! Незабываемые картины пестрой толпы парижских чернорабочих — почти сплошь выходцев из провинции, из Савойи, Оверни, Лимузена и Лионне, Нормандии, Гаскони, Лотарингии — незадолго до Французской революции оставил нам Себастьян Мерсье⁵⁷. Впрочем, Париж — вообще город особый.

Куда более поразительно, с какой легкостью усиливается приток иммигрантов в Бордо в середине XVIII в., в пору, когда город с беспримерной для Юго-Запада силой развивал свою торговлю и мореп-

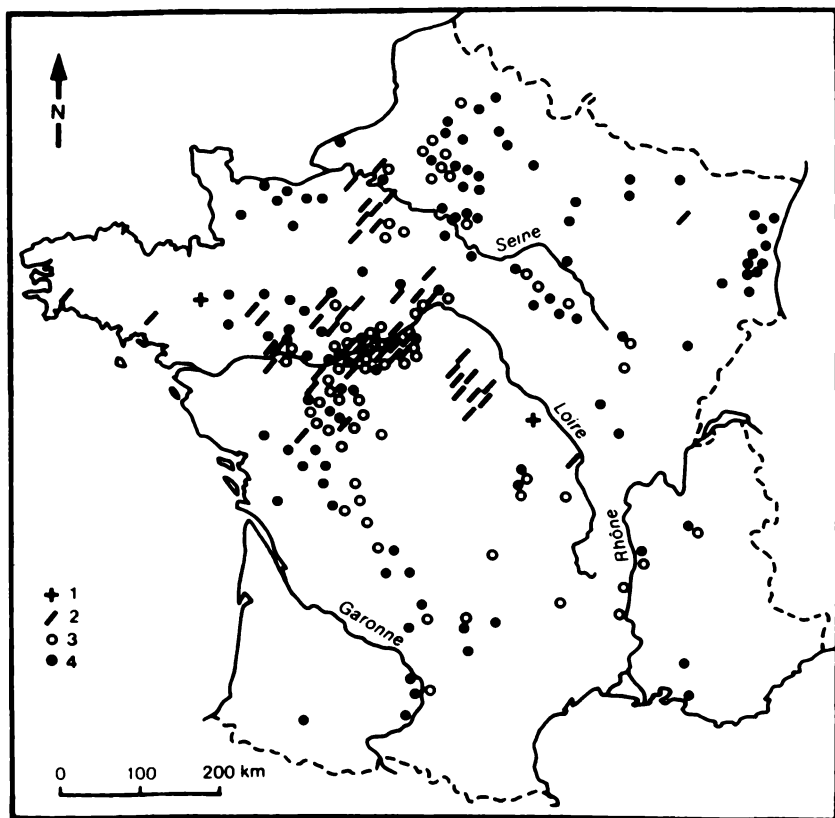

лавание. Новые жители приходили не только, как повелось, из ближней долины Жиронды, но и из несравненно более широкой зоны. В то же время показательно, что даже те города, которые поставляли этих переселенцев, сами сохраняли притом контроль над собственной ближней округой, и из нее Бордо получал людей немного. Можно сказать, что каждый город обладал своим традиционным «демографическим бассейном», как бы людским заказником⁵⁸.

Города и экономика Франции. Можно ли сказать, что города были ответственны за неблестящее, прямо скажем, положение дел в материальной жизни Франции, еле-еле продвигавшейся по пути модернизации? Не следует ли, вопреки уже цитированному в предыдущей главе⁵⁹ Жаку Лаффиту, считавшему, что развитие французской промышленности (еще с XIV в.) тормозила деревня, — не следует ли сказать, что виноваты также и города? Возможно, сельское хозяйство Франции просто не получало достаточного движущего импульса от городов, — даже в XVIII в., хотя вторая его половина и отмечена сильнейшим подъемом, так что подобное обвинение приходится сразу же отвести.

Бесспорным фактом является то, что с 1500 по 1789 г. все города хоть и медленно, но развивались. Они пользовались общим ростом населения страны, который сам собой подпитывал население городов и их предместий, обеспечивал в них рост валового потребления. Четко прослеживаемая уже с XVI в., эта экспансия еще более отчетлива на протяжении XVIII в.: в ту пору города переживали бурные перемены, обретали свое архитектурное величие, высвобождались из своей средневековой оболочки — в них сносили, порой не без колебаний, крепостные стены⁶⁰, прокладывали прямые улицы, создавали более просторные кварталы.

Зарождавшийся урбанизм уже в XVI в. питал собой политику градостроительного волюнтаризма, зачастую проводившуюся королевским правительством. Очевидным фактом является вторжение итальянского искусства Ренессанса, образцы которого появляются то тут, то там, хотя и не производят полного переворота в городской среде. Для этого процесса показательна карта, которую мы взяли из книги Жан-Робера Питта (с. 199). На ней запечатлено безусловное первенство городов долины Луары, где благодаря присутствию королевского двора примерно до 1525 г. билось сердце нашей страны, а может быть и всей нашей цивилизации. Париж возобладал лишь со второй половины столетия, благодаря предпочтению, оказанному ему Франциском I

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА В РЕНЕССАНСНОМ СТИЛЕ ДО ФРАНЦИСКА I

Новые здания в ренессансном стиле появлялись во Франции сравнительно редко, главным образом в зоне максимального влияния королевской власти — то есть в долине Луары и в Парижском регионе.

На карте отмечены населенные пункты, где имеются одно или больше зданий, построенных либо перестроенных в ренессансном стиле в правление Карла VIII (1), Людовика XII (2), Франциска I до 1525 г. (3), Франциска I после 1525 г., когда его двор обосновался в Париже (4). Список опубликован в книге: Hautesoeur L. Histoire de l'architecture classique. 1963.

(Источник: Pitte J. R. Histoire du paysage francais. Т. 2. 1984).

(1516—1547), хотя двор этого короля еще продолжал переезжать с места на место. Так или иначе, столица тоже не избежала проникновения нового архитектурного стиля: в центре ее, на Гревской площади, вместо «старого муниципального дома» появилась элегантная Ратуша, ставшая первым в Париже крупным зданием, построенным в новом стиле (1532—1549) ⁶¹.

В целом наши города XVI в. были еще мало отмечены влиянием архитектуры Ренессанса, но уже с тех пор непрерывной принадлежностью градостроительной эстетики стали симметрия, перспективы, освещенность, крупные открытые магистрали, и начиная с эпохи Людовика XIV это итальянское наследие мощно проявилось в искусстве классицизма ⁶².

В век Просвещения вкус к урбанизму почти повсюду восторжествовал с новой силой. Как пишет Жан Мейе, во Франции в то время «достигает... грандиозных масштабов перепланировка городского пространства. Попробуем на миг мысленно убрать все созданное в наших городах за период 1650—1790 гг.: многое ли останется при этом от центра не только крупных, но также [...] и многих совсем маленьких городов? И то было чаще всего не просто частичное переустройство, но настоящая реконструкция всего города... Образцом успешной перепланировки городов [в ту эпоху] могут служить великолепная упорядоченность Бордо — города крупных негодантов, или же Нанси — города Станислава Лещинского» ⁶³. На первом месте стоял, как всегда, Париж — «нет моды кроме парижской». Столица покрылась стройками, опознаваемыми по высоким подъемным колесам для строительных материалов, а на улицах — по белым следам штукатуров, возвращавшихся с работы ⁶⁴.

Работы эти продолжались и в XIX в.; в Париже они увенчались деятельностью назначенного в 1853 г. префектом Сены барона Османа, который полностью переменял весь облик города. Немало пережили и провинциальные города. В частности, как отмечал около 1860 г. Леонс де Лавернь, «за последние тридцать лет Ле-Ман, Лаваль и Анже выросли вдвое; на месте грязных и бедных лачуг былых времен или вокруг них вырастают новые красивые и просторные кварталы; они являют глазу картину блеска и хорошего вкуса, где нет ничего искусственного и преувеличенного...» ⁶⁵.

Любопытно всего, что ни у государства, несмотря на огромную массу взимаемых налогов, ни у самих городов, в которых жило немало богатых людей, не хватало денег доводить до конца эти реконструкции, так что от слишком крупных проектов приходилось отказываться. В истории многих французских городов ⁶⁶ вновь и вновь возникают

слова «нехватка средств». Так было в Бордо в момент его бурного подъема, в Тулузе (где принятие необходимых решений задерживалось еще и из-за отсутствия интенданта), в Марселе, Лионе (при расчистке площади Белькур), в Руане, где поневоле пришлось ограничиться новостройками по периферии города, в Кане, где в XVIII в. доля города в расходах на собственное переустройство не превышала 10%.

В Ренне эта проблема встала особенно остро после катастрофического пожара, который вспыхнул там в ночь на 23 декабря 1720 г. и прекратился лишь через шесть дней, благодаря спасительному дождю. В верхнем городе сгорело 945 домов, то есть весь городской центр; остались невредимыми лишь 1 367 домов, по большей части в бедных и нездоровых кварталах нижнего города⁶⁷. Чтобы оправиться от этого бедствия, Ренну недоставало собственных средств.

Тогда город обратился за помощью к государству, которое тоже не отличалось безграничной щедростью, хоть и пыталось, посредством целой серии постановлений Королевского совета, навязать Ренну свои решения и планы, своих архитекторов и инженеров: «Скупясь на деньги, оно отнюдь не скупится на указания»⁶⁸. Городские власти обращались также к провинциальным штатам Бретани, которые сами подчинялись королевским решениям; они занимали деньги, добивались от интендантства принудительной мобилизации рабочей силы; они недоплачивали крестьянам-возчикам и каменщикам, зачастую привлекавшимся к работе против своей воли, по повинности; они вели переговоры с инженерами, занятыми реконструкцией, с поставщиками, с землевладельцами...

Вполне логично, что все работы затягивались: городское население, приютившееся в уцелевших домах и в предместьях, еще долго задыхалось там от тесноты; деревянные времянки, понастроенные повсюду сразу после катастрофы с разрешения властей, простояли, несмотря на указание их снести, до 1728 г. Потребовалось лет пятнадцать, чтобы отстроить заново жилые дома, около тридцати лет — чтобы завершить строительство общественных зданий и прочие работы. Дело в том, что задуманные архитекторами и городскими властями (не без трений и споров, что само по себе было тормозящим фактором) крупномасштабные градостроительные проекты на несколько лет заблокировали всякую инициативу частных застройщиков, а в итоге собрать необходимые средства оказалось невозможно. Город сумел реализовать лишь часть проектов — достаточно, чтобы на этом разориться, но недостаточно, чтобы радикально изменить свой облик. В частности, отставлены были проекты фонтанов, водопровода, спрямления речного русла в целях оздоровления нижнего города, регулярно подвергавшегося затоплению...

Дело кончилось тем, что в 1728 г. восстановление жилых домов было в основном вновь вверено их прежним владельцам. После этого оно пошло быстро, так как реннская буржуазия не испытывала недостатка в средствах. Вокруг выстроенных по проекту городских властей Новой площади и парламентского дворца выросли элегантные кварталы, продуваемые свежим воздухом благодаря широким прямым улицам; самые богатые горожане строили там частные особняки и доходные дома. Нижний же город, равно как и восточные и западные кварталы верхнего, с их узкими и неопрятными улочками, так и остались неизменными⁶⁹.

Отметим этот последний фактор — частные капиталовложения в недвижимость. Действительно, во Франции наряду с перепланировкой городов (всякий раз носившей частичный характер) повсеместно шло новое строительство, главным образом по инициативе богатых людей, возводивших (в Нанси, Безансоне или Лилле) особняки или же многоэтажные дома для обеспеченных жильцов. Финансируя это строительство, они могли рассчитывать на верную прибыль: во всех или почти всех городах демографический рост сопровождался жилищным кризисом. В Кане — где, как и в Ренне, «неумелое государственное предпринимательство» в конце концов отступило перед спекулянтами, объем частного строительства резко увеличился около 1770 г., а вместе с ним выросла и квартирная плата⁷⁰.

Итак, градостроительство было, ничего не скажешь, блестящим, но оно имело свои пределы. Не везде сносились крепостные стены, которые окружали города и нередко душили их. В Ренне стены исчезли лишь в конце столетия, в 1774—1782 гг. Вместо стены сооружали решетчатые ограждения — чтобы иметь возможность взимать ввозные пошлины и поддерживать живучую иллюзию «закрытого» города! А главное, ни в одном из этих городов не были ликвидированы — по-настоящему ликвидированы — характерные, унаследованные от средневековой старины извилистые и зловонные улочки. Даже те города, где строились великолепные здания парламентов, интендантств, судебных палат или ратуш, так и не смогли избавиться от ставшей притчей во языцех грязи, — как бы они ни совершенствовали водоснабжение и ни пытались наладить вывоз мусора. В Лионе мусор вывозили в мешках на ослах, а в Лилле, затопленном жидкими помоями, «очистка улиц и удаление сточных вод осуществлялись при помощи повозок с бочками сомнительной прочности»⁷¹. От этого старинного проклятия плохо удавалось избавиться всем городам, даже крупным, наиболее затронутым кризисом урбанизма, таким, как Руан, Нант, Бордо, Лион, Марсель, Тулуза,

Лилль. Еще в 1772 г. выходит книга Пьера Патта, который сокрушается, что в этих столичных городах повсюду «помои, прежде чем достигнуть сточных отверстий, текут открытыми ручьями [...] далее, прямо по улице струится кровь из мясных лавок [...] Когда же идет дождь, то у вас на глазах весь народ затопляет грязная, нечистая вода, стекающая с крыш, которые расположением своим стократно приумножают воду, низвергающуюся с небес..»⁷².

Какой из наших городов был самым неопрятным? В 1656 г. Башомон и Шапель, два остроумца, северянина (разумеется) и поэта, считали таковым Нарбонн: «Старый город-замарашка, / Весь в помоях и ручьях...» По словам других путешественников, этот город был *latrina mundi, cloaca Galliae* *⁷³. Не стоит верить им на слово: вина Нарбонна — хотя, очевидно, и немалая, — состояла лишь в том, что он был построен в низине, слишком часто затапливавшейся водами Оды. Что же касается первого места в этом малопочетном соревновании, то на него с тем же основанием мог бы претендовать и Руан. Эжен Нозль описывает Руан своего детства как «смердящий город», чьи улицы и улочки были затоплены помоями, начиная с «порядочных кварталов» и вплоть до отвратительных трущоб «ужасного скопища нищеты в квартале Сен-Марк [...] этого зловонного лабиринта [...] куда не решалась заглядывать полиция [...] Из этой клоаки исходил, распространяясь по всему городу, чудовищный смрад [...] Запах Руана чувствовался на пол-лье в округе»⁷⁴. После холеры 1832 г. улицы пришлось до какой-то степени вычистить, однако еще Флобер в письмах к Луи Буйе проклинал вонючие улочки Руана, которые исчезли лишь после градостроительных преобразований Второй империи⁷⁵.

Вернемся, однако, к более важным вопросам: если частные капиталовложения в недвижимость играли важнейшую роль в перестройке городов в XVIII в. (да и раньше тоже — ведь именно частный капитал, к чести его будь сказано, стал инициатором создания великолепной площади Вогезов при Генрихе IV), то было ли это само по себе признаком экономического здоровья? Следует ли повторять расхожее присловье «если строят — значит, дела идут?»

На сей счет ряд историков высказываются с осторожностью. Так, Роберто Лопес⁷⁶ доказывает, что:

1) в период позднего средневековья на севере Европы, который по богатству не шел в сравнение с большими городами Средиземноморья,

* Всемирный мусорщик, клоака всей Галлии (*лат.*).

строились огромные храмы, тогда как на юге они не получали такого размаха, как будто люди берегли деньги для других целей.

2) Флоренция при Лоренцо Великолепном переживала экономический спад, совпавший с пышным расцветом ее архитектуры и интеллектуальной жизни. То же самое отмечают и Жан Жоржелен в отношении Венеции XVIII в.⁷⁷ и Анджей Выробиш в отношении Кракова XV в. Их поддерживает своим авторитетнейшим мнением и Витольд Кула: «Мне кажется вполне правдоподобным, что строительство роскошных городских домов буржуазией совпадало с периодами циклического упадка деловой активности»⁷⁸.

Таким образом, получается, что здесь происходила растрата, расточение накопленных капиталов, которые не находили себе полезного применения. Так ли обстояло дело в нашей стране? По словам историка⁷⁹, «лионские власти, прежде весьма строго считавшие городские деньги, сделались очень расточительны при Людовике XIV», в эпоху сменявших одна другую экономических трудностей. Объяснение, по-видимому, заключается в том, что города, и большие и малые, легко находили себе кредит. Все они влезали в долги⁸⁰. Ну, а как же частные инвестиции? В долгосрочной перспективе, пишет Пьер Шоню, очевидно, что любой демографический рост, закономерно связанный с ростом квартирной платы, дает толчок строительству: так было, например, в Камбре в XV в.; или в Лилле, где в XVII в. появилось слишком много новых переселенцев⁸¹; или в Кане, интендант которого писал в 1759 г.: «Город так перенаселен, что в нем невозможно найти себе жилье»⁸². И наоборот, замедление прироста населения ведет к прекращению строительства — так было в Руане в 1680—1720 гг.⁸³.

Однако строительство строительству рознь. В XVIII в. во Франции возводилось прежде всего «благородное» жилье, высококачественные каменные здания. Такая «ориентация на тяжеловесные строения объяснялась, быть может, трудностью обратить в капитал излишки продукции... Она лучше золота позволяла сохранить»⁸⁴ накопленный капитал. Доказательством а *contrario* может служить тот факт, что в XIX в. первый промышленный подъем повлек за собой гораздо более слабый подъем строительства: пока экономический рост съедал все свободные капиталы, рабочие и в Париже (где в 1817—1827 гг. население увеличилось на 25%, а жилой фонд — всего на 10%⁸⁵, и в Лилле, и в других городах ютились по подвалам и чердакам⁸⁶. Тем самым наше мнение совпадает с выводами Роберто Лопеса и Витольда Кулы.

Об уровне урбанизации. Все эти вопросы заставляют заново рассмотреть проблему городов в целом. Представляется более чем вероятным, что жизненный импульс французских городов, даже в XVIII в., оставался недостаточным для модернизации экономики страны. Города развивались, но не так интенсивно, как требовалось; это становится очевидным, если сравнить Францию с экономически передовыми странами того времени — Соединенными Провинциями, Англией.

Кроме того, если исходить из общепринятого правила, согласно которому городом является всякий населенный пункт, насчитывающий более 2 000 компактно проживающего населения, то на выделенные таким образом 1 000 с небольшим населенных пунктов приходилось в 1789 г. всего лишь 16,5% населения страны, в 1809-м — 18,8%⁸⁷, тогда как около 1500-го — 10%. Двигатель городской экономики прибавил в мощности самое большое 6—9 пунктов, и это почти за три столетия. В долговременной перспективе такое развитие было едва заметным.

Да и эти цифры не вполне надежны.

Двухтысячный порог населения не во все эпохи является надежным определителем города. Я уже объяснял по этому вопросу⁸⁸, но необходимо остановиться на нем еще раз. С подобной проблемой столкнулся и Марсель Рейнар, исследовавший Францию периода Революции и Империи⁸⁹. Его вывод категоричен: в ту эпоху городом мог считаться лишь населенный пункт, где проживает более 10 000 человек. Тогда вместо тысячи у нас останется всего-навсего 76 городов. И все вместе они — включая Париж — насчитывают 2 564 000 человек, то есть меньше 9% населения Франции. Конечно, цифру 10 000 жителей можно и оспаривать, приходя к иным выводам. Но несомненно то, что порог в 2 000 уже не отвечает состоянию экономики и народонаселения, которые по мере своего роста требуют и более мощных двигателей в лице городов, чтобы соответствовать новейшему уровню.

С другой стороны, при таком изменении точки отсчета возрастает удельный вес Парижа, составляющего уже не одну шестую часть городского населения Франции (как получается при расчете по 2 000-му порогу), но одну четвертую и даже больше (при расчете по 10 000-му порогу). Тем самым значительнее становится и историческая ответственность Парижа, который, как известно, не имеет прямого сообщения с морем (в отличие, например, от Лондона) и не оказывал на французскую экономику достаточного стимулирующего воздействия. У нас такая стимулирующая роль оказалась разделенной между несколькими крупными городами, тогда как в Англии был Лондон — и больше почти ничего; в Нидерландах — Амстердам и больше почти ничего. Таким

образом, городской системе Франции недоставало сплоченности и единства, она оставалась раздробленной из-за огромной (по масштабам той эпохи) территории страны.

Необходимо поэтому сравнить процент урбанизации в нашей стране и у ее соседей. На этот вопрос отвечает график, приведенный на с. 207. В нем используются цифры, полученные Полем Берошем⁹⁰ и отличные от тех, что предлагаются в некоторых иных источниках, поскольку этот автор, заботясь о систематичности подхода, применяет к разным странам Европы одни и те же принципы подсчета. Из этих числовых данных следует, что Франция в 1800 г. отставала от Англии (12% против 23%), Италии (17%), Нидерландов (37% — рекордный показатель), даже от Португалии (16%) и Испании (13%), переживавших глубокий кризис дезурбанизации; правда, она опережала (априори я в этом сомневался) Германию (9%), достигая точь-в-точь средневропейского показателя (12%). Итак, в общем и целом Франция отставала. Она не достигла такого уровня урбанизации, который позволил бы ей «набрать высоту». Даже в 1850 г. она все еще имела относительно низкий показатель — 19%.

Города и экономика (продолжение и окончание). В условиях недостаточной урбанизации французские города более или менее четко свидетельствуют об ущербности всей национальной экономики. Но являлись ли они сами источником такой ущербности? В этом я не убежден.

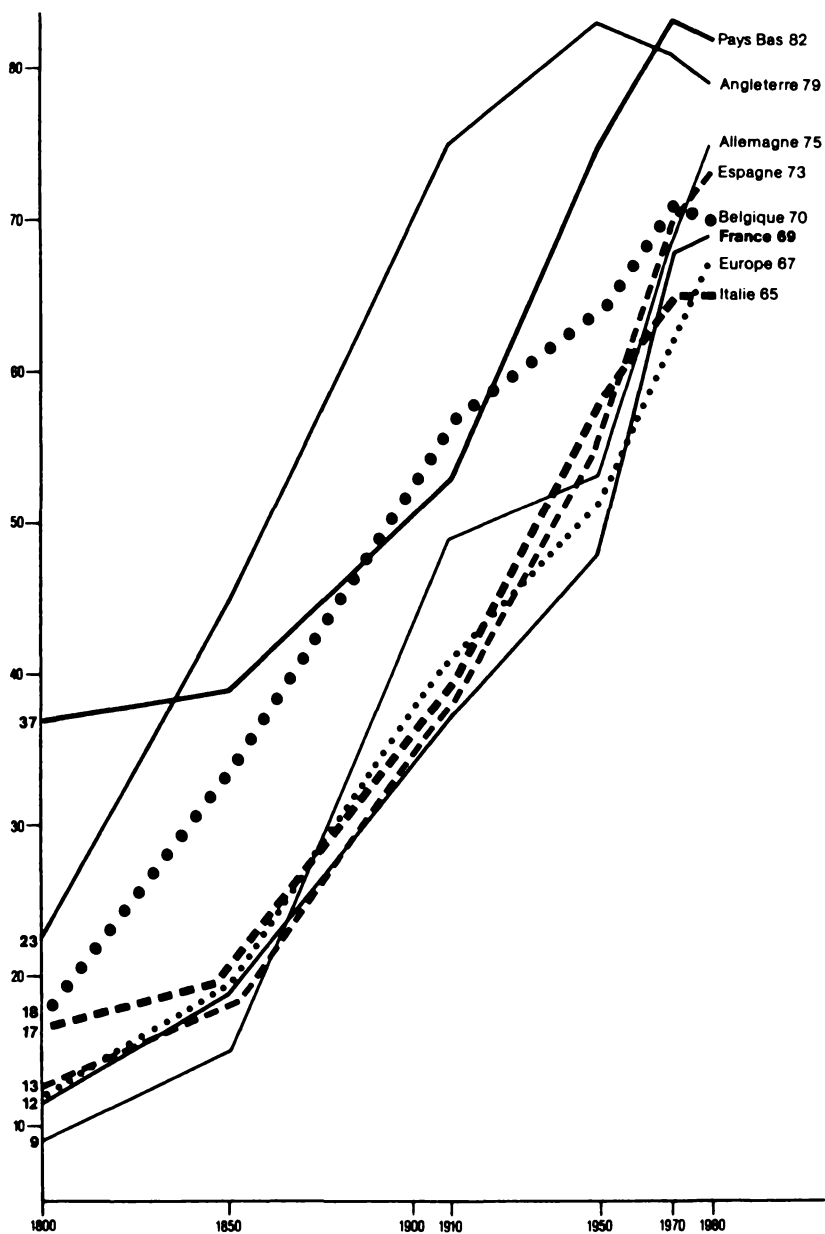
Я не отрицаю, что зачастую они проявляли инертность: многие из них жили потихоньку-полегоньку, да только могли ли они жить иначе? В первой книге настоящего труда я подробно останавливался на истории Безансона; отмечал я и случай Кана — города в «спячке», по словам его новейшего историка Жан-Клода Перро. Можно было бы привести многие десятки других сходных случаев. С моей точки зрения, «спячку» переживал любой город, который в основном довольствовался паразитированием на своей ближней округе; в нем могли жить припеваючи класс «служивых» и узкая категория собственников (в основном буржуа),

УРОВЕНЬ УРБАНИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ И СОСЕДНИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

в 1800—1900 гг.

(Источник: Bairoch Paul. Villes et économies dans l'histoire. 1985. P. 288).

Надписи на диаграмме (сверху вниз): Нидерланды, Англия, Германия, Испания, Бельгия, Франция, Европа, Италия.

основная же масса населения перебивалась кое-как, вела жизнь по меньшей мере тусклою. Так обстояло дело в Ренне, и до и после пожара. Так обстояло дело во множестве внутренних городов королевства, тогда как города пограничные, как правило, шли впереди.

С карикатурной четкостью это видно на примере такого большого города, как Анже — «черного города с тысячью черепичных крыш», который, по словам новейшего историка, «мало изменился за целый век [речь идет о 1550—1650 гг.], а за последующие сто пятьдесят лет тоже не особенно изменится»⁹¹. В 1770 г., несмотря на свое население в 25 044 жителя (из них 16 879 проживало *intra muros*), он все еще оставался малооживленным. Между тем располагался он в центре цветущего земледельческого края, где, помимо прочего, в большом количестве производились лен и конопля. Стоя у слияния Мена и Луары, он мог быть превосходным транспортным узлом. Однако вплоть до XVIII в. он оставался мало открытым для промышленного предпринимательства. Когда в нем появлялись льнопрядильные, ткацкие (по производству парусины или же крашенных тканей), сахарочистительные фабрики, то обычно им удавалось продержаться лишь очень недолго. Даже добыча черепичной глины у городских ворот была дурно организована. И не то чтобы не хватало денег — просто «имущие люди были пугливы и предпочитали риску промышленных предприятий невысокий, зато верный доход от земельной собственности»⁹².

Следствием этого являлась «обеспеченная, но скромная жизнь крупной или средней буржуазии, которая, подобно аристократии, была лишь наполовину городской: почти у всех анжерских буржуа имелись усадьбы в ближних пригородах, где они проводили часть года и откуда получали более или менее значительную часть своих доходов в деньгах или натуре»⁹³. Напротив того, ремесленникам (кроме булочников, мясников, трактирщиков и кожевников) жилось трудно — особенно ткачам, прядильщикам и прядильщицам... Выразительная деталь: десятую часть городского населения составляли слуги.

В общем, если говорить о привилегированной части населения, «Анже был по преимуществу городом судейских, профессоров, церковников и рантье»⁹⁴. В Туре еще в 1783 г., по словам окружного сборщика финансов, жители «предпочитают расслабленность, в которой они выросли, заботам и усердным трудам, которых потребовали бы от них крупные предприятия и рискованные спекуляции. Нынешнее поколение, лишенное энергии, жалко прозябает, как прозябало предыдущее и будет прозябать следующее»⁹⁵. Это суждение применимо и к многим другим сонным городам.

Иначе обстоят дела в городах предприимчивых. Они отстаивают свои интересы, активно действуют, умеют пользоваться обстоятельствами. Однако структуры их столь различны и их так трудно определить!

В большинстве случаев промышленная активность этих городов выплескивалась в окрестные деревни и городки. В XVIII—XIX вв., по крайней мере до периода около 1850 г., из городских центров, подобно растекающемуся масляному пятну, постоянно распространялась сельская промышленность (или предпроемышленность). В целом это настоящая революция. Однако явление это повторялось столь часто — как во Франции, так и во всей Европе, — что приходится делать специальное усилие, чтобы отнестись к нему с должным вниманием. Такое почкование промышленности, исходящее из города, всегда или почти всегда оставалось под его контролем или даже в полной от него зависимости. Так появлялись многочисленные сельские мастерские, создававшиеся городскими негоциантами в окрестностях Лаваля, Ле-Мана, Сент-Этьенна, Вуарона, Гренобля, Труа, Лодева... А в XVIII в. точно то же самое происходило в окрестностях Каркассона — одного из самых активных во Франции центров текстильной промышленности, по объему обработки шерсти сравнимого с Руаном, Эльбёфом, Лувье, Реймсом, Амьеном, Седаном... Как уверял в 1731 г. один субинтендант, «Каркассон — это одна сплошная суконная мануфактура, где полно чесальщиков, ткачей, прядильщиц и сукнокрасильщиков; вся округа здесь кишит фабрикантами и работниками, так что это даже переходит всякие рамки и наносит ущерб сельскому хозяйству. В годы, когда работы с сукном много, можно лишь с трудом и за изрядную плату набрать работников для подрезки винограда или же женщин для уборки пшеницы». Сходное свидетельство датировано и 1733 годом⁹⁶.

Еще более характерную картину представлял собой Руан. Когда в начале XVIII в. там появилась новейшая хлопчатобумажная промышленность, резко переменяв весь рынок рабочей силы и всю ориентацию текстильного производства, то «руанри» (смешанная хлопкольняная ткань) не осталась достоянием одного лишь города: ее выработка распространилась «на плато Боос, в окрестности Кайи, в область Румуа и особенно в край Ко, так что в 1707 г., по утверждению синдиков Нормандской торговой палаты, в деревнях 30 000 семей зарабатывали на жизнь хлопкопрядением». В то же время многочисленные торговцы развозили мешки сырья — хлопка-сырца, импортируемого через Руан, — вплоть до небольших селений, таких как «Руто, Бурк-Ашар, даже в мелкие деревушки типа Овиля, Ильвиль-сюр-Монфора, и т. д.»⁹⁷. То,

что город оставался средоточием всей этой широко раскинувшейся по Нормандии промышленной деятельности, доказывается мощным и стремительным ростом количества ткани (хлопчатой, льняной или смески), поступавшей в Руанскую маркировочную контору: в 1717 г. — 60 000 штук, в 1732-м — 166 000, в 1743-м — 435 000, в 1781-м — 543 000...⁹⁸

Конечно, хлопчатобумажная промышленность вытесняла и в конечном счете убила выработку старинных руанских сукон. Но Руан был живым городом, всегда готовым к дальнейшему развитию. Руанцы упорно отстаивали свою морскую торговлю от превратностей конъюнктуры, затевали всевозможные крупные и мелкие предприятия. Крашенные ткани, позументы, фетровые шляпы, ковры, чулки машинной вязки, фаянс, бумага, очистка сахара, производство стекла, выработка мыла и крахмала, выделка кожи, механическое прядение хлопка на станках, тайком вывезенных из Англии, отбеливание полотна хлором по новейшему способу Бертолле, волочение свинцовой и медной проволоки, добыча серы, получение серной кислоты... — руанцы не пренебрегали ничем, особенно же предприятиями, связанными с техническими новинками первой английской промышленной революции⁹⁹.

Пример Лиона. Еще показательнее пример Лиона — по-видимому, самого многосоставного, самого мощного, самого значительного промышленного города Франции в XVIII и даже XIX в. Поразительно, как сумел он в век Просвещения утвердиться в роли всевропейской столицы шелкопрядения. Лионские текстильщики проявляли в то время чудеса изобретательности, чтобы сохранить свои позиции в экспорте, на котором испокон веков зиждилось их богатство. Когда итальянские конкуренты принялись систематически и с отличным качеством копировать лионские ткани, беря за основу образцы, пачками рассылавшиеся торговцам, то лионцы нашли действенную ответную меру: они стали нанимать рисовальщиков, «иллюстраторов шелка», призванных каждый год совершенно обновлять модели тканей. К тому моменту, когда поддельный товар поступал на рынок, в глазах требовательных сноб-покупателей, которым предназначались эти роскошные ткани, он оказывался уже вышедшим из моды¹⁰⁰.

Однако во время Революции и Империи Лиону довелось познать грозные испытания: после вспыхнувшего в городе восстания, осады (8 августа — 9 октября 1793 г.) и последовавших жестоких репрессий он потерял почти треть своего стопятидесятитысячного населения, понес большой материальный ущерб, лишился многих своих промышленных

фирм и предпринимателей¹⁰¹. А затем, в ходе длительных войн, пошли и затяжные трудности во внешней торговле, а также опустошавшие город рекрутские наборы. В 1806 г. численность лионского населения упала до 88 000 человек. Тем не менее Лион сумел воссоздать весь набор прежних ремесел и перед лицом драматической нехватки рабочей силы сделал главную ставку на применение машин. Разработка жаккардовых станков повлекла за собой буквально «возрождение [дорогих] шелковых тканей, производство которых ориентировалось на традиции и на максимальную прибыль»¹⁰². И импульс этот оказался устойчивым, так что несмотря на новый тяжелый кризис, поразивший город в последние годы Империи, почти сразу же после восстановления мира в 1815 г. его экономика опять пошла в гору.

Именно в этот период пример Лиона оказывается особенно показательным: мы видим здесь *поздний* взрыв шелковой промышленности, которая не только захватывает пригородные зоны, но и перехлестывает их рамки; это показано на схеме (с. 213), взятой нами из превосходной книги Пьера Кайеза. Лион в очередной раз подтвердил свой статус подлинной экономической столицы. При полной занятости его рабочих распространение производства в сельской местности шло по продуманной схеме: выработка сложных тканей на жаккардовых станках оставалась в самом городе, гладкие же шелка производились в сельской полосе, где рабочая сила оплачивалась ниже; все это позволяло справляться с сильной конкуренцией, которую составляли в этом секторе Пруссия и Швейцария¹⁰³.

В те же годы началось участие Лиона в промышленной революции, в которой он вплоть до 1860 г. занимал первое место по целому ряду производств. В то время город пронизывал своим влиянием обширный регион, где господствовали и задавали тон его промышленники и его капиталы. В общем, Лион составлял прямую противоположность сонным городам; он являлся одним из центров экономического роста и неизбежно столкнулся поэтому с враждебностью укреплявшего свою мощь Парижа. Централизация страны — очевидно, неизбежная — пошла не на пользу лионскому региону; он пострадал от нее и продолжает страдать до сих пор.

Бывало, однако, что город сам отказывался быть центром экономического роста и влияния. Сравнивая Лион с Бордо, можно понять то, что Эдвард Фокс назвал «другой Францией»¹⁰⁴, — Францию крупных портов, во многом чуждых тому укладу жизни, что формировался под влиянием Парижа. Жан-Пьер Пуссу, описав бурную экспансию Бордо в XVIII в., его «богатство и великолепие», столь поразившие Артура

Юнга, притягательную силу этого города, все более нуждавшегося в людях, на всем пространстве юго-запада Франции, — в итоге недоумевает, почему столь «слабым было его влияние на ход экономического, демографического и социального развития» того же самого юго-запада... Ограничив свою деятельность двумя направлениями — виноградниками и морскими экспедициями среди «могучих ветров Атлантики», Бордо забыл о своей роли региональной столицы ¹⁰⁵.

Пример Лилля. В других местах складывалась иная ситуация, дело осложнялось иными случайно-конъюнктурными факторами. Бывало, что город не составлял гармоничного целого со своим промышленным окружением. Между ними возникали конфликты; особенно сильными они были в Лилле.

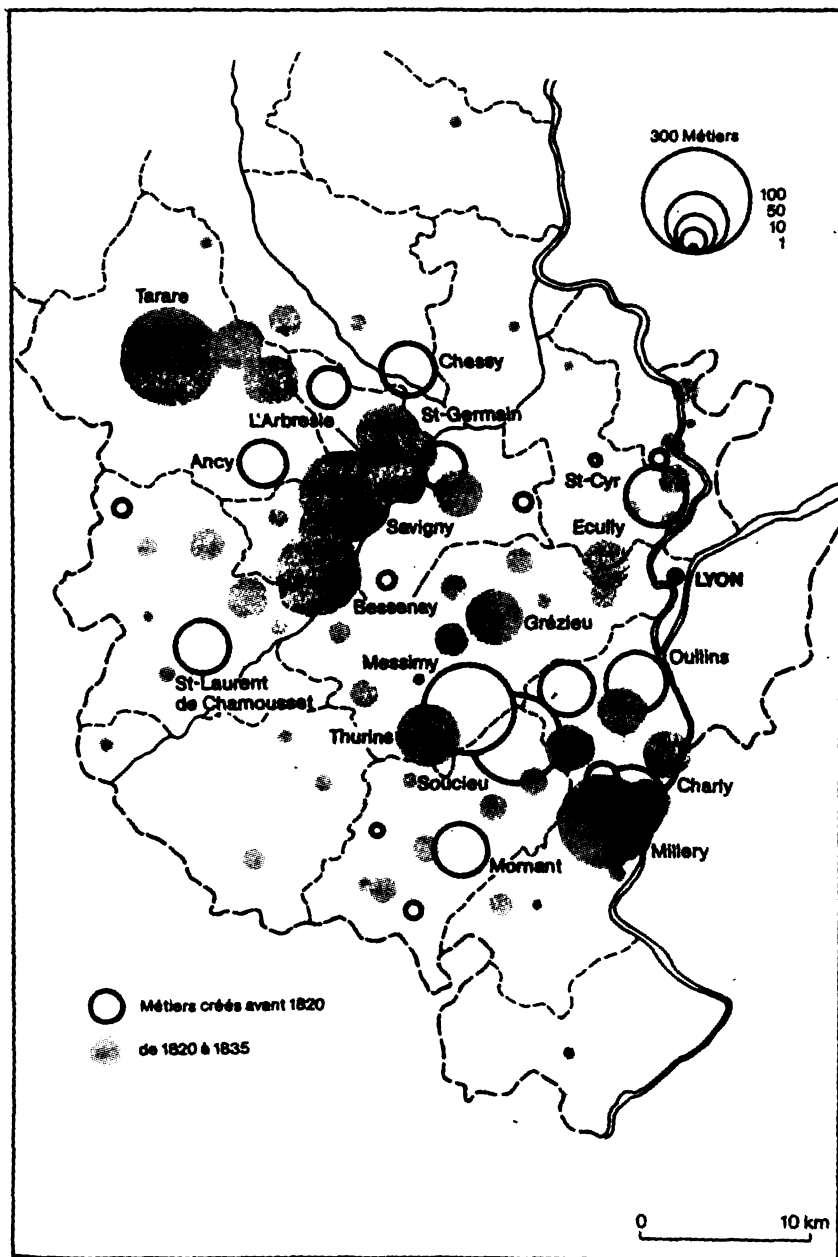
Этот город, где наряду с разнообразными, игравшими главную роль текстильными производствами (шерсть, лен, шелк, хлопок, смеска, ковры, крашенные ткани, всевозможные нитки, трикотаж, кружева, красильное производство, отбелка, ашретура) существовал широкий спектр других отраслей (изделия из керамики и стекла, выделка рапсовых масел, очистка сахара и соли, кирпичное производство), — подчинялся сложной системе разделения труда, которая не соответствовала ни границам самого города, ни границам его сеньориального округа. Все осложнялось, особенно в текстильных отраслях, сдерживавшими производство цеховыми правилами, а также политическими кризисами, которые вели к дезорганизации рынков; в число таких кризисов входили французская оккупация части Фландрии в 1667 г., отрезавшая город от идерландов (то есть от удобных путей снабжения испанской шерстью); постоянные пограничные войны; захват города принцем Евгением в 1708 г. и последовавшая голландская оккупация, оказавшаяся бедственной для промышленности Лилля, которая непосредственно столкнулась тогда с потоком конкурирующих английских и голландских

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ШЕЛКОПРЯДИЛЬНЫХ
ПРОМЫСЛОВ В ДЕРЕВНЯХ
ВОКРУГ ЛИОНА ПОСЛЕ 1820 г.

(Источник: Cayez P. *Métiers jacquard et hauts fourneaux aux origines de l'industrie lyonnaise.* 1978).

Условные обозначения на карте: Белый кружок — промыслы, возникшие до 1820 г. Серый кружок — промыслы, возникшие в 1820—1835 гг.

товаров. После освобождения городу потребовалось несколько лет, чтобы избавиться от громоздких запасов залежавшегося товара. Другую трудность составляла принадлежность города «иностранному государству», которая давала ему преимущество за пределами Франции, зато мешала завоеванию внутрифранцузского рынка¹⁰⁶.

Но главная трудность для Лилля состояла в том, что, по сложившейся истари традиции, его промышленные пригороды отнюдь не подчинялись городским промышленникам, организуясь более или менее независимо вокруг нескольких мануфактурных городков. Эти городки, защищенные старинными привилегиями, сохраняли высокую активность, так что даже могли специализироваться и устанавливать фактические монополии: Туркуэн — в производстве мольтоновой ткани, Рубэ и Аллюэн — коломянки, Ланнуа — панбархата и трипа*...

Со своей стороны, лилльские текстильщики стремились поддерживать свои собственные привилегии, оставляя за собой производство наиболее высококачественных тканей, а также выгодные виды отделочных работ (окраску, аппретуру). Таким образом, между двумя промышленными группами существовала не взаимодополнительность, а соперничество и конкуренция; и так повелось уже с далеких времен Карла Пятого¹⁰⁷.

При этом сельские мануфактурщики пользовались рядом преимуществ: не заботясь о соблюдении придиричивых городских цеховых правил, они тем самым располагали большей свободой маневра в зависимости от конъюнктуры; их рабочие меньше тратились на жилье и питание, поскольку могли «соединять свой мелкий промысел с обработкой собственного клочка земли или же с работой на чужих полях»¹⁰⁸.

В силу всего этого сельская промышленность в XVII—XVIII вв. имела тенденцию к постепенному развитию, чему город всеми средствами ожесточенно противился. Например, около 1670 г., чиня помехи противнику, лилльские власти запретили ввоз в город суровых тканей, которые обыкновенно доставлялись туда для отбелики и аппретуры. Промышленникам из Рубэ пришлось отправлять их в Гент, на что они жаловались в высшие инстанции — безуспешно, ибо всем было известно, что если слишком сильно притеснять сельскую промышленность, то ее работники легко переберутся за границу, в мастерские Брюгге и Гента. Со своей стороны, лилльские магистраты интриговали с целью добиться от государства подтверждения своих монополий.

* Шерстяной бархат (*ред.*).

Время от времени (например, в 1704 г.) им это удавалось благодаря пособничеству того или иного интенданта. Однако сельская промышленность пользовалась любым случаем — например, голландской оккупацией, — чтобы вновь отвоевать утраченные позиции и, в свою очередь, добиться выгодных для себя ордонансов¹⁰⁹.

Эта бескровная война продолжалась до конца «Старого порядка». Правительству, следовавшему идеям Венсана де Гурне и Трюдена, надоело поддерживать «стрелку весов» в равновесии между городом и деревней, и оно склонилось в пользу последней. Действительно, декрет от 1762 г. недвусмысленно повелевал «прекратить любые помехи, которые бы могли препятствовать развитию промышленности, особенно среди сельских жителей».

После этого в Лилле, прежде всего в рабочих кварталах, поднялось такое волнение, что в 1765 г. местный интендант добился приостановки действия декрета. Для того чтобы стрелка весов окончательно склонилась в пользу сельской промышленности, потребовалась либеральная политика правительства, опиравшегося на идеи Тюрго: в 1777 г. (через год после падения министра) были изданы новые жалованные грамоты, требовавшие исполнения декрета 1762 года. «Лилльская монополия отжила свое»¹¹⁰. После этого в Туркуэне были устроены «силлюминация и фейерверк с петардами»¹¹¹.

Наш краткий рассказ лишь отчасти осветил жестокие и бурные столкновения, происходившие на местном уровне. Всю правду о них мы узнаем лишь благодаря новым исследованиям.

Однако совершенно очевидно — и для меня этого довольно, — что Лилль не играл роль регионального центра развития, скорее наоборот. Соответствовала ли такая политика его подлинным интересам? Некоторые жители Лилля ставили это под сомнение. Действительно, ведь городские власти, дойдя до логического предела, даже запретили своим же фабрикантам устанавливать ткацкие станки на селе (во всяком случае, для некоторых видов тканей)! Один из таких фабрикантов в своей записке напоминал, что «и в Каркассоне, и в Руане, и в Лондоне, и в Лейдене, и в Верви [Вервене] близ Льежа [...] повсюду вокруг городов труд волен»; и при этом «города, кои расположены среди этих фабрик, все как один процветают». Он считал, что, раздавая работу за городской чертой, то есть за меньшую плату, можно повысить объем производства и прибыли Лилля, получаемые на продаже шерсти, крашении, аппретуре и перепродаже тканей; и он требовал «этой вольности» ради «блага нашего края и всей страны»¹¹². Разве нет у нас оснований ему поверить?

Таким образом, в некоторых случаях конфликт носил внутригородской характер, и этот пример должен удерживать нас от всяких упрощенных обобщений. Распространение промышленности вширь из дореволюционных французских городов могло иметь различный смысл, как это было в Лионе и Лилле. Не стоит слишком соблазняться и очевидными параллелями со смещением мирового промышленного производства в сторону стран «третьего мира» — Южной Кореи, Гонконга, Сингапура...

Остается подвести итог. В дореволюционный период прогресс французской экономики носил широкомасштабный характер, и в первую очередь он затрагивал города. Однако они не только шли впереди этого прогресса, но и следовали за ним, рядом с ним. Фактически они не были ни единственным источником общего движения, ни причиной его относительно медленного характера, если сравнить Францию с более передовыми странами Европы.

Другие причины. Ответственность лежит не только на городах. Конечно, емкость городских рынков была недостаточной уже начиная с XVIII в. и едва ли не до наших дней¹¹³. Но эта недостаточная емкость — когда она действительно была недостаточной — являлась как причиной, так и следствием общей экономической ситуации. Чтобы окончательно в ней разобраться, следует серьезно рассмотреть:

- 1) само государство;
- 2) французскую деревню, состояние которой требуется исследовать заново;
- 3) мировую экономику.

Государство очень рано взяло города под свою опеку; оно плотно контролировало их финансовые дела, пошлины, ранее взятые долговые обязательства, разрешения на новые займы, условия их выплаты; оно вникало в их материальную жизнь, в их снабжение; их мэров, эшевенгов и консулов оно превратило в «офицеров»¹¹⁴, насаждая повсеместно продажу должностей и приобретение городской власти «купечеством», то есть просто буржуазией; оно забирало себе большую часть городских доходов. Наконец, оно размещало в городах свои собственные займы.

Вся эта игра давала множество возможностей мобилизовать, поставить на службу государству городской капитал. Правда, делалось это не всегда эффективно, поскольку — у нас еще будет случай вернуться к этой проблеме в следующем томе — дореволюционная монархия

имела весьма дурное налоговое оснащение. Очень многие доходы ускользали от ее контроля. Но из тех денег, которые она собирала, — в виде прямых и косвенных налогов и займов, — ничего или почти ничего не возвращалось в активную экономику страны или же отдельных регионов. Все уходило — «прямоком, без всяких отклонений»¹¹⁵, — на жизнь королевского двора, на расходы ради престижа, на покрытие правительственных долгов, на нужды армии и флота... Даже крупные общественные работы, предпринятые в XVIII в., например модернизация по велению и под контролем королевской власти дорожной сети, финансировались главным образом за счет местных бюджетов. Герберт Лютти¹¹⁶ даже говорит о «чисто паразитарной деятельности» государства. Быть может, это и преувеличение, ибо государство уже до 1789 г. взяло на себя удовлетворение немалого числа нужд, носящих всеобщий характер. Но всегда ли его вмешательство прямо соответствовало нуждам и потребностям будущего экономического подъема?

Что касается деревень, то их тоже не следует считать без вины виноватыми, замкнутыми в квазиавтаркическом хозяйстве и, следовательно, ни в чем не замешанными. Они неизбежно открывались вовне, в направлении городов и городков, а в конечном счете — больших товарных потоков. И в XVIII в. они переживали подъем. Но для них демографический рост служил тормозом. А главное, как показал Мишель Морино, в них не происходило аграрной революции. А без такой опережающей или же одновременной революции (то есть без повышения *производительности труда*, обогащающего сельских хозяев и одновременно высвобождающего рабочую силу для других нужд) практически немислима и революция промышленная.

В качестве примера можно взять Тулузу: крупный по тем временам город, она, несмотря на богатство окружающих ее деревень, так и не встала на путь индустриализации. Фактически она относилась к числу сонных городов: XVII—XVIII вв. были для нее «двумя столетиями вялости»¹¹⁷. А между тем тулузская крупная буржуазия, особенно торговая, накапливала капиталы, занимаясь многочисленными операциями по скупке недвижимости (которым благоприятствовала Французская революция, выставившая на продажу национальные имущества); таким образом она непомерно увеличила свое земельное богатство, а тем самым заморозила свои капиталы и инвестиции, оказавшись «в тупике, который в дальнейшем мешал ей успешно осуществить промышленную революцию и вывести верхний Лангедок из его отсталого состояния»¹¹⁸. Но тем самым она способствовала также и за-

держке *аграрной* революции, поскольку крупные буржуа-землевладельцы, сами, разумеется, не хозяйствовавшие в своих имениях, держали в своем подчинении традиционное фермерство, в котором не могли широко внедриться капиталистические приемы ведения хозяйства. Деревня была ловушкой для капитала: она замораживала его и не давала использовать в полную силу.

Наконец, следует принять во внимание и *общий мировой порядок*. В XVIII в. ослабевают первенствующая роль Амстердама и вообще Голландии; наступает конец *городам*, господствующим над миром (когда-то таким городом была Венеция, затем Антверпен, Генуя, Амстердам); силы городов оказываются недостаточными, чтобы обеспечить контроль над торговыми обменами на общемировом пространстве. Итак, города утрачивают первенство, его начинают оспаривать друг у друга Франция и Англия. Мне не раз приходило в голову, что одним из преимуществ Англии над нашей страной в этой борьбе являлась ее относительно небольшая территория — достаточно крупная, чтобы на ней могла сложиться нация, и достаточно малая, чтобы ее хозяйственная жизнь сама собой стала единой. Франция же, как мне представляется, была обречена на неудачу в силу своих огромных размеров, так что одному-единственному городу, работавшему на общенациональную экономику, будь то сам Париж, не под силу было ее организовать. Обречена она была, видимо, и из-за еще одного социального явления, к которому я вернусь позже, — это особое отношение не то чтобы к деньгам как таковым, но к «достойным» или же «недостойным» способам их зарабатывать и использовать. Для людей благородных или же считавших себя таковыми «жить благородно» означало не быть замешанным в коммерции или промышленности. В этом отношении Франция и Англия опять-таки шли не наравне.

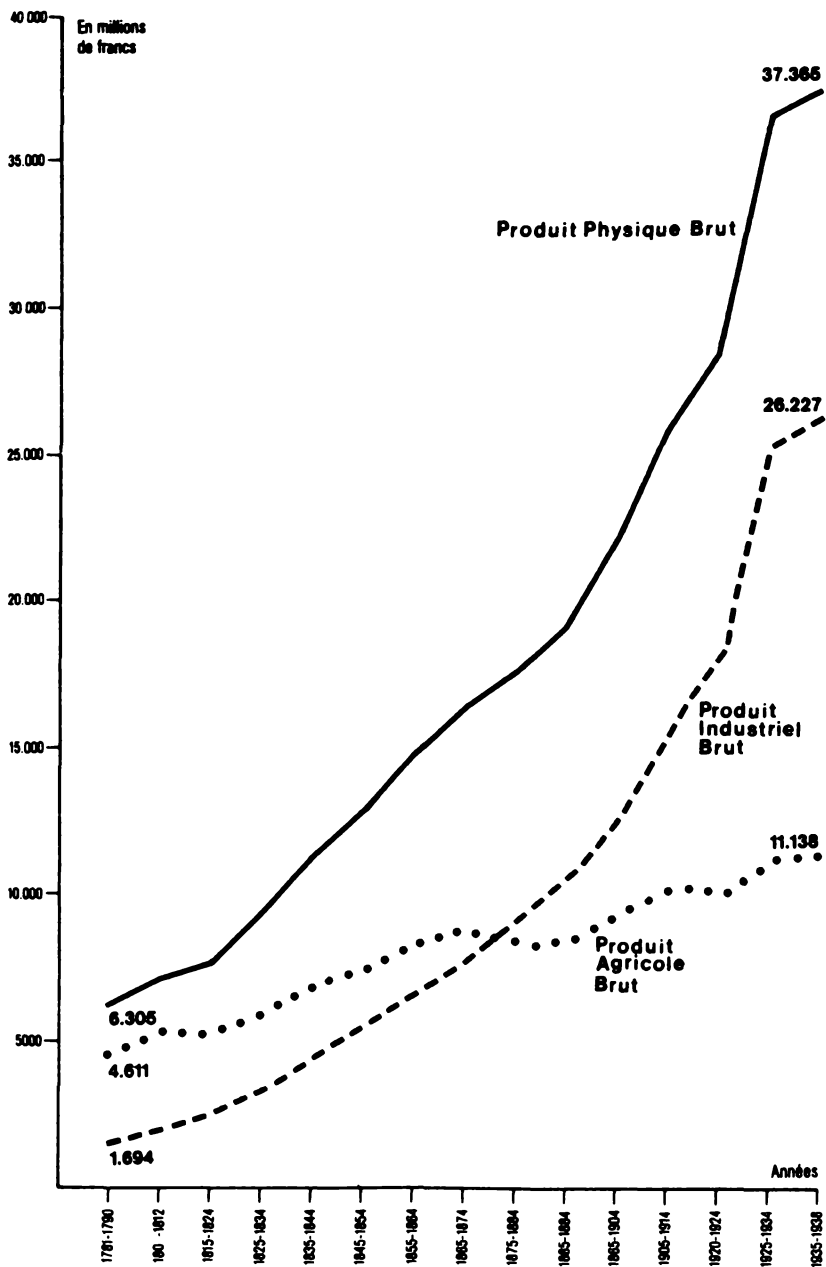
РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

в 1781—1938 гг.

Промышленность обогнала сельское хозяйство по объему производства лишь примерно в 1875 г.

(Источник: Marczewski J. Introduction à l'histoire quantitative. 1965).

Надписи на диаграмме (сверху вниз): Валовой национальный продукт. Валовой промышленный продукт. Валовой сельскохозяйственный продукт.

Как бы то ни было, Франция еще до Революции потерпела поражение в решительной экономической схватке с Лондоном. В 1783 г. в Версале, по прекрасному выражению Робера Бенъе, «Англия проиграла войну, зато выиграла мир»¹¹⁹. Действительно, она тут же, под носом у французов и голландцев, сумела вновь прибрать к рукам торговлю с будущими Соединенными Штатами. Итак, исход борьбы был предрешен задолго до Ватерлоо. Между тем наибольшего подъема экономики (и городов) добивается тот, кто сумел выиграть главный приз, то есть первое место под солнцем в мировом масштабе. Можно задаться вопросом (нынче модно делать подобные предположения): а что, если бы мы победили при Ватерлоо? Что ж, тогда могла бы вновь повториться ситуация 1783 года. Англия проиграла бы войну, а затем выиграла бы мир.

Подобный взгляд делает меня оппонентом ряда наших историков. Они усматривают в Революции и ее последствиях сплошной ряд экономических отступлений, торможений и катастроф. По всей вероятности, они правы (отчасти), но только главная ставка была нами проиграна — полностью или в очень большой степени — еще до 1789 г.

II СООБЩЕНИЯ И СТРУКТУРА

Я с некоторым сомнением стал пользоваться словом «сообщения» (circulation), которое часто употреблялось в XVIII в., порой упоминалось еще в начале XX в., а затем мало-помалу было оставлено научным анализом. Вновь ввести его в оборот — это почти то же самое, что ввести новое слово, притом весьма многозначное, в силу широты его смысла и тех более или менее оправданных споров, которые оно вызывало. Ведь еще недавно историография марксистского толка упрекала незадолго до того основанную (в 1929 г.) школу «Анналов» за то, что она делает упор на *сообщения*, вместо того чтобы, как положено, выдвигать на первое место *производство*. Пустые споры! Прежде всего, мы никогда и не пытались строить какую-либо экономическую теорию на основе сообщений. Далее, *сообщения* представляют собой легко вычленимый, легко измеримый процесс; думается, то было право, даже долг экономической истории — начать с относительно менее трудных задач.

И наконец, сообщения, насколько мне известно, не являются мифом, а поскольку экономика есть внутренне связанный комплекс, то, проникая в него легким путем, мы все-таки в него проникаем. Разве бывает производство, которое не находило бы себе продолжение в сообщениях, в процессах распределения и потребления? Последнее замыкает собой всю цепь; благодаря потребительскому спросу в ней восстанавливается *контакт*, вновь появляется «ток», а значит и производство. Производство, а тем более способ производства, сами по себе не в состоянии, равно как и сообщения, дать представление обо всей экономике в целом. К тому же ведь признано, что «производство возникает лишь на основе уже существующего рынка»¹²⁰⁻¹²¹, то есть для нужд уже сложившихся сообщений.

Но оставим эти бесплодные дискуссии. Здесь мы предпримем попытку лишь охарактеризовать составные части сообщений и их орудия: дороги, транспортные средства, транспортируемые товары, склады, рынки, ярмарки, товарообмен, денежные знаки, кредит, всякого рода процессы в торговле. А также, разумеется, и людей, их поступки и перемещения. Одним словом, под сообщениями я понимаю комплекс экономических процессов, необходимых для существования любого общества, — одни из них оно осуществляет естественным образом, другие пытается стимулировать, пусть и не вполне в том преуспевая. Каждое общество подлежит такому процессу, приспосабливается к нему. Имен-

но в этом духе следует понимать оригинальную книгу Тома Регаццолы и Жака Лефевра «Приручение процесса. Мобилизационные силы и подъем государства» (1981).

Верхний и нижний уровень сообщений. Какова первоначальная задача? Установить, в чем заключается различие между разными сообщениями — по крайней мере между их верхним и нижним уровнем, то есть между артериями и венами (верхний уровень) и тончайшими капиллярными сосудами (нижний уровень).

Пусть будет так. Но, в противоположность тому, что можно было бы подумать априори, нижний уровень сообщений оказывается безусловно мощнейшим и стабильнейшим из двух. Сообщения верхнего уровня, несмотря на все свои успехи или даже по их причине, остаются меньше по объему и чувствительнее к конъюнктурным толчкам, которые то ускоряют, то замедляют их ход, порой даже меняют их приоритеты. Когда примерно в 1950 г. участники одного из семинаров Высшей школы практических исследований взялись изучить железнодорожные перевозки в тогда еще французской Северной Африке, они пришли к выводу, что крупные железнодорожные магистрали повинуются колебаниям общей конъюнктуры, тогда как у второстепенных линий свой собственный, порой еле заметный, ритм колебаний¹²². Сообщения нижнего уровня отвечают регулярным повседневным нуждам. Они удовлетворяют их, каковы бы ни были трудности.

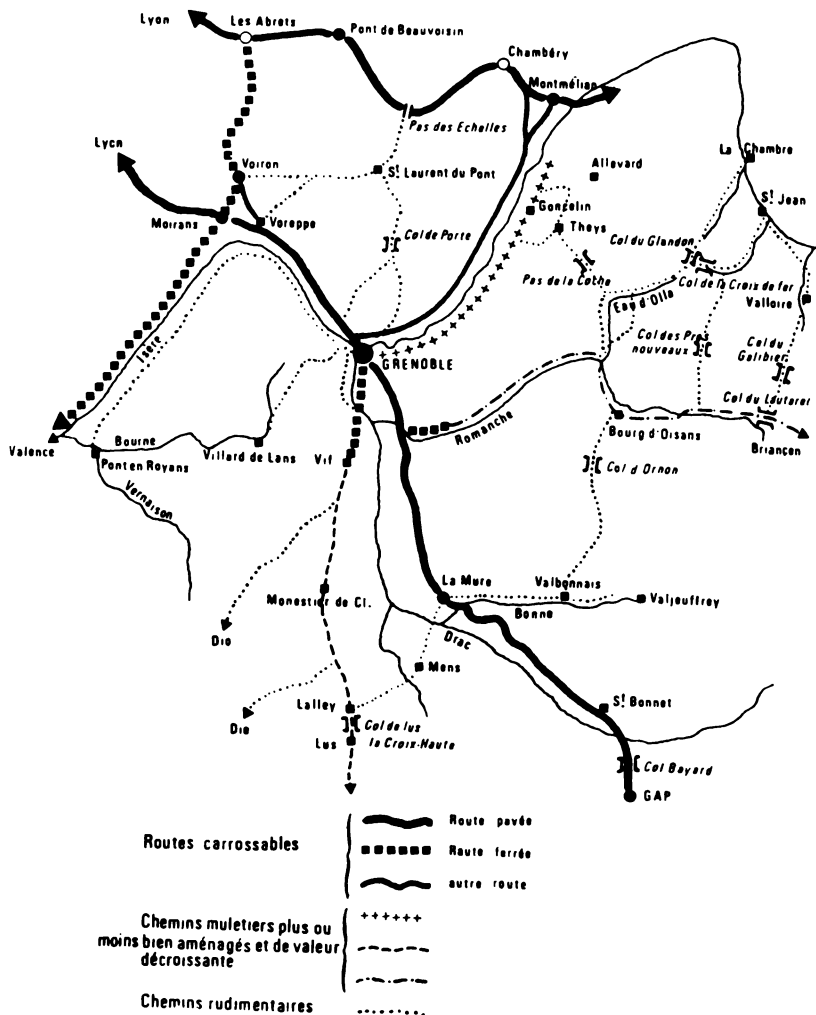
Около 1796 г. о «департаменте Монблан» писали, что «колесная езда осуществляется полным ходом почти во всем департаменте и было бы нетрудно устроить ее и повсюду на *проселочных дорогах*»; «колесная езда» означает здесь повозки, ездившие по большим дорогам, а «проселочные дороги» — это мелкие тропы, по которым двигались почти исключительно вьючные мулы или же носильщики. «Величайшим благом для всего департамента, — говорится в том же документе, — было бы сократить перевозки во вьюках, устроив повсюду дороги, пригодные

ОСНОВНЫЕ ДОРОГИ В ИЗЕРСКОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ДОФИНЭ в 1787 г.

Крупные дороги, ведущие в Лион и Валанс, шли по мере возможности вдоль речных долин. Все пересекающие их дороги оставались более или менее примитивными.

(Источник: Armand Gilbert. Villes, centres et organisation urbaine des Alpes du Nord. 1974).

Условные обозначения на карте (сверху вниз): Дороги для экипажей (мощенные камнем, мощенные щебнем, прочие). Дороги для мулов, поддерживаемые в более или менее сносном состоянии и постепенно приходящие в упадок. Дороги, находящиеся в зачаточном состоянии.

для телег»¹²³. Да, действительно,— но только зимой из-за снега эти дороги окажутся на несколько месяцев в году непроезжими. Знаете, что представлял собой еще в 1934 г. снегоочиститель в Контаминской долине (Верхняя Савойя)? «Фантастическая упряжка. Восемь выстроенных попарно лошадей и мулов, хомуты которых были по-праздничному украшены колокольчиками и бубенчиками, волокли огромный деревянный треугольник», нагруженный для тяжести мешками с песком. «Рядом с каждым животным шел погонщик, щелкая бичом у него над головой. От дымящихся конских круп, от взмокших с натуги тел исходил ореол пара, в котором утопала вся упряжка и который передвигался вперед вместе с ней под звуки пасторальной музыки, которой задавал ритм мерный стук копыт... огромная тяжелая масса давила, взрезала сугробы и разбрасывала их по обе стороны от дороги, которая становилась гладкой и сияющей». За первой упряжкой «шла вторая бригада погонщиков, держа животных в поводу», и через каждые два-три километра они сменяли одна другую: «взмокших и дрожащих» передних лошадей выпрягали и отводили назад, набросив им на спину теплую попону. Работа продолжалась целый день. По пути на нее глазели ребятишки, а женщины готовили для мужей еду и горячее питье. Так обстояло дело на больших дорогах. На мелких дорогах, ведущих к деревням, обходились одной лошадью, тащившей две деревянные «колоды» и расчищавшей в снегу «гладкий проход». Такого прохода хватало для саней, в том числе и тяжелых грузовых¹²⁴. Знамением прогресса в 1934 г. стала замена лошадей грузовым автомобилем на больших дорогах, мелкие же дороги теперь расчищались на большую ширину посредством все тех же традиционных конских упряжек и бригад погонщиков; так было по крайней мере до тех пор, пока сами лошади не исчезли с местных ферм,— то есть примерно до 1957 г.¹²⁵ Механические же снегоочистители появились практически лишь в 60-х годах.

Итак, верхний и нижний уровень. Различать их необходимо в девяти случаях из десяти. Это верно и поныне: упразднение, начиная с 1940 г., второстепенных железнодорожных линий (их заброшенные станции и будки у переездов ветшают, подобно школам в пустеющих деревнях) не привело к уничтожению местных перевозок, просто их взяли на себя автобусы, грузовые и легковые автомобили. Так что булочник, бакалейщик, мясник, почтальон по-прежнему разъезжают из деревни в деревню... Этим доказывается, что такого рода низовые коммуникации не могут исчезнуть. Зато сообщения верхнего уровня обладают исключительным преимуществом скорости. Тот, кто торопится, едет в центр

департамента, откуда ходит поезд-экспресс, или же в ближайший аэропорт. Двууровневость системы перевозок сохраняется и здесь.

В статистике начала XIX в. различались крупные и мелкие перевозки по дорогам. Объем последних был больше, чем объем первых. В 1828 г. Дютанс, ссылаясь на труды Комиссии по дорожным перевозкам, в которую он входил, оценивал объем крупных перевозок (по *королевским* дорогам) в 10,4 миллиона тонн, а объем мелких — в 30,9 миллиона ¹²⁶. Да и сама сеть капиллярных сосудов была неизмеримо более развита, чем сеть крупных и средних дорожных артерий. В 1836 г. суммарная протяженность королевских дорог (исключая недостроенные и пришедшие в негодность участки) составляла чуть более 34 500 километров: то были дороги, проложенные за полвека до того при Людовике XV и Людовике XVI, поддерживавшиеся в рабочем состоянии, реконструированные или же ожидавшие реконструкции, — великолепная дорожная сеть, вызывавшая восхищение у иностранных путешественников; впрочем, так и не законченная до 1789 г. ¹²⁷. Использовалась же она не в полную силу — по крайней мере на некоторых направлениях, если верить такому внимательному, пусть и не всегда благожелательному путешественнику, как Артур Юнг ¹²⁸. Сеть дорог среднего масштаба (департаментских) составляла примерно 36 500 километров. В то же время, опять-таки по статистическим данным за 1837 год, проселочные дороги имели общую протяженность 771 000 километров, то есть в десять раз большую, чем крупные и средние дороги вместе взятые ¹²⁹. А организационные законы 1824 и 1836 гг., касающиеся сельских общин, ускорили приведение в порядок этих простейших путей сообщения, необходимых для снабжения мелких городков и для перевозок хлеба в снопах, сена, удобрений, дров, строительного камня, извести, песка... ¹³⁰

Пьер Губер справедливо отмечает, что эти узкие дороги назывались по-разному: к виноградникам вели тропинки; для выгона скота на пастбище служили «зеленые дороги», с оградами вдоль них, чтобы не давать скотине разбредаться; были еще дороги для перегона кочевых стад; соляные тропы и тропы соляных контрабандистов; лесные тропы дровосеков... ¹³¹ Именно благодаря им деревня открывалась вовне, обретала дыхание, привыкала не жить взаперти. По словам Леонса де Лаверня, приведение в порядок или обновление этих низовых дорожных сообщений, благодаря «закону 1836 г. о проселочных дорогах, преобразило Францию: именно в этом причина всего прогресса в сельском хозяйстве, достигнутого за двадцать пять лет» ¹³². Вот, кстати, как сообщения влияют на производство!

При всем том не следует строить чрезмерных иллюзий. Во всей Франции из этих местных дорог, быть может, самое большее 100 000 километров поддерживались в порядке, то есть могли использоваться для *регулярных* сообщений. О том, как они выглядели, можно получить представление, обратившись к описанию Южной Германии 1788 года, где савойский торговец-разносчик из Маглана Жан-Мари Перролаз находил, как ему и было привычно, широкие дороги, ведущие на ярмарки, зато жаловался на трудности в «деревенских ходках» — то есть в доставке товара из деревни в деревню¹³³. Ныне наши сельские дороги по-прежнему существуют, но одни из них постепенно исчезают, а другие расширяются, приспособляясь к проезду мотоциклов, автомобилей, джипов, тракторов. Обычно они вымощены грубым булыжником и обсажены рядами боярышника — что за красота, когда он зацветает! Гастон Рупнель полагал — скорее всего, ошибочно, — что эти дороги, наиболее прямые из которых нередко считались римскими, восходят еще к эпохе неолита¹³⁴. Во всяком случае, они бесспорно очень старинные. Кое-где они идут вдоль столь же старинных рвов, которыми до сих пор окружены бывшие помещичьи леса.

Между тем мало-помалу через большинство деревень были проложены и департаментские дороги. Они ровно вымощены, утрамбованы и вновь и вновь выравниваются катком; постепенно их полотно поднимается все выше и выше. В департаменте Мёз есть дом, куда в 1806 г. надо было всходить по лестнице, теперь же нужно спуститься на несколько ступенек... Эти шоссе строились государством, жившие замкнуто деревни не имели в них острой нужды. Деревенские жители даже относились к ним с опаской — сами они ездили только на соседние рынки да на ярмарки, чаще всего спрямляя себе путь по старым проселкам. Еще «за тридцать лет до Революции» в краю Руэрг крестьяне «мало того что не слишком-то добывались прокладки у себя дорог: кое-где они даже [...] старались отвести их подальше от своих деревень, словно разрушительные горные потоки»¹³⁵. Так же и сегодня для жителей иных мелких населенных пунктов настоящим бедствием становится проходящая через них оживленная магистраль, по которой непрерывно едут грузовики. Не говоря уже о шуме и частых несчастных случаях, такая дорога мешает внутридеревенскому сообщению.

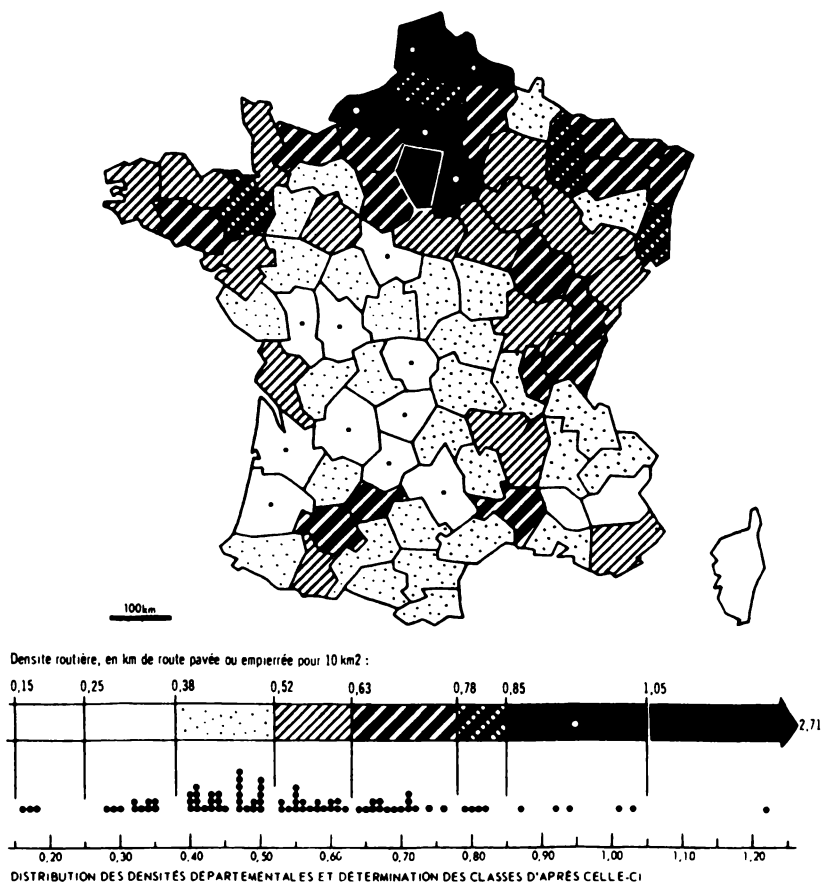
Противопоставление больших и проселочных дорог, «верхних» и «нижних» сообщений обнаруживается и внутри старых городов — ведь еще недавно даже в Париже быстрому перемещению препятствовали множество узких улочек, подозрительных тупиков. В то время как на главных магистралях — таких как улицы Сен-Жак или Сен-Мартен,—

поддерживалось непрерывное движение, мелкие улочки давали лишь скудный доступ в кварталы, жившие в основном сами по себе, — фактически как бы внутригородские деревни. Еще при Третьей Республике переезды между разными парижскими кварталами, даже в фиакре, отнимали много времени. Массовый снос зданий при бароне Османе, к которому у меня до сих пор как-то не лежит сердце (уж не знаю, разумно ли это), позволил расчистить широкие прямые магистрали, но лишь в некоторых наиболее богатых районах города. «Париж по сей день остается конгломератом деревень, столь различных между собой, как Ла-Мюэтт и Гутт-д'Ор», — писал один журналист в 1984 г.¹³⁶⁻¹³⁷.

Большие дороги. После 1750 г. Франция создала себе сеть больших дорог, которая в целом была достроена к 1820 г. Некоторые из этих дорог были исключительно высокого качества для своего времени. Тем не менее радикального переворота в экономической жизни они не произвели. К тому же дорожная сеть долгое время оставалась незавершенной. Ее звездообразная структура давала очевидное преимущество Парижу, но в начале XIX в. централизация страны еще оставалась далеко не совершенной. Главное же, эта сеть «верхних» сообщений недостаточно связывала между собой региональные дорожные системы, наполовину замкнутые в себе, созданные для удовлетворения местных потребностей. Иначе говоря, до появления железных дорог Франция не представляла собой настоящего *национального рынка*.

На карте, помещенной на с. 228 и взятой из недавней работы Бернара Лепети, видно, сколь неравномерно была обеспечена дорогами территория Франции в период 1820-х годов. При этом опять-таки прочерчивается линия от Сен-Мало до Женевы, разделяющая Северную Францию с «максимально насыщенной капиллярной сетью дорог», где средства сообщения постоянно развивались, хоть и не достигли еще совершенства, — и Южную Францию в широком смысле слова, где мощные шоссе оставались еще редкими, а немошные дороги — слишком многочисленными. «Юг Франции — это область главным образом линейной дорожной сети, недостаточно надежной из-за нехватки дублирующих магистралей и недостаточно разветвленной для выведения из изоляции регионов, через которые она проходит»¹³⁸.

Не будем также забывать, что и сами по себе большие дороги были в то время ненадежны — они представляли собой узкую более или менее плотную полосу между двумя обочинами, на которых повозки увязали. Фактически они постоянно требовали ремонта. Один лишь пример: вот

**ПЛОТНОСТЬ ДОРОЖНОЙ СЕТИ ПО ДЕПАРТАМЕНТАМ
(ИСКЛЮЧАЯ НЕДОСТРОЕННЫЕ УЧАСТКИ) в 1820 г.**

На карте четко видно резкое различие в дорожной оснащенности между Севером и Югом.

(Источник: Lepetit Bernard. Chemins de terre et voies d'eau. 1984).

Надписи под картой. Верхняя строка: Плотность в километрах сети дорог, мощенных камнем или щебнем, на 10 квадратных километров территории. *Нижняя строка:* Плотность дорожной сети по департаментам с указанием классов дорог.

как описывает очевидец в 1794 г. дорогу Париж — Брест, важную линию сообщения, проходящую через департамент Илль и Вилен: «в целом [...] сносная; в течение нескольких последних лет не было случая, чтобы сообщение по ней оказалось прервано, однако же в дождливую погоду в окрестностях Ренна ездить по ней весьма тяжело»¹³⁹. На участке Гравель — Витре «грунт твердый, каменное же покрытие слабое, неровное и сильно порушенное. Из материалов, потребных для его починки, имеется на месте треть»; на участке Витре — Шатобур «грунт твердый, покрытие же слабое и очень сильно порушенное. Материалов для починки не запасено вовсе»; на участке Шатобур — Ренн «грунтовая основа самого дурного качества, состояние каменного покрытия весьма неравномерное, но всюду далекое от совершенства. Особенно плох недлинный участок, проходящий по Клюзорийским ландам. Ведутся работы по его починке». Из 25 169 туазов (около 50 километров) общей протяженности этих трех участков было вымощено камнем 5 032 (одна пятая).

Этот пример показателен для общего состояния дел, тщательно исследованного Бернаром Лепети. На официальной карте королевских дорог — то есть в принципе больших проезжих дорог, — датированной 1820 г., видна «весьма качественная сеть путей», покрывающая территорию страны. В действительности не все эти дороги были достроены, они прерывались «недоделками» — грунтовыми участками, проходимость которых зависела от времени года, участками, поврежденными или требующими реконструкции. Отмечая все эти несовершенства — хорошие дороги жирной линией, недостроенные тонкой, — Бернар Лепети составил исправленную карту сети королевских дорог, куда менее оптимистичную, чем официальная. Во-первых, на ней видны серьезные региональные дефициты, особенно на Юге и в горных областях; во-вторых, в рамках целого имеется «ряд региональных дорожных сетей... связь между которыми обеспечивается всего лишь одной дорогой», нигде не прерываемой. Одним словом, «отсутствует настоящая общенациональная сеть путей», которые оставались бы проезжими постоянно¹⁴⁰ (см. карту на с. 249.).

Другим затруднением являлось непременно прохождение дорог через города. Априори можно было бы подумать, что по городу экипажам ехать легче, чем по пригороду или сельской местности, — хотя бы благодаря мощным улицам. Однако улицы эти были тесны, извилисты, нередко имели боковой наклон. Так, например, обстояло дело во Вьенне (в Дофинэ), проездом через который буквально пересекалась большая дорога Лион — Прованс, шедшая по левому берегу Роны. Городские

улицы, кое-где достигавшие всего трех метров в ширину, были покатыми и иногда затапливались водой. После снегопада или же просто в темноте экипажи здесь оказывались на волосок от катастрофы. Кроме того, город сильно разросся, не выходя, однако, за пределы своих стен, так что дома тесно лепились друг к другу; с ростом населения его улицы заполонила рыночная торговля, и они стали «настолько загромождены повозками и лошадьми, что жители на каждом шагу вынуждены останавливаться или рискуют быть раздавленными»¹⁴¹.

И все же дорожностроительные работы во второй половине XVIII в. достигали значительного размаха. В них внедрялись новые технологические приемы — хотя бы такие, как глубокая укладка дорожного полотна или новый тип подводных мостовых опор; кроме того, на дорогах сглаживались виражи, делались более плавными подъемы и спуски, через реки перебрасывались стальные мосты¹⁴². Эти преобразования не укрылись от внимательного взгляда Стендаля¹⁴³. О дорогах же, проложенных в первой половине столетия, инженеры писали, что это не более чем «природные тропы, немного расширенные!»¹⁴⁴ По новым магистралям ездить было удобнее — экипажи тоже совершенствовались, — а главное, быстрее. Не стану останавливаться здесь подробнее на ускорении сообщений в XVIII в., благодаря введению «тюрготин»*, на устройстве множества почтовых станций и организации почтово-пассажирских контор; это грандиозное преобразование отражено на двух вполне убедительных схемах, составленных Ги Арбелло, которые я воспроизвожу на с. 234—235¹⁴⁵. В XIX в. скорости росли еще быстрее, поскольку с конца XVIII в. до 1850 г. они для почтовых компаний в среднем утроились¹⁴⁶.

В результате безрельсовые перевозки долгое время составляли конкуренцию железным дорогам, которые быстро обрели бесспорное преимущество, но не сразу распространились повсеместно. К тому же они не сразу стали и скоростными! Году в 1910-м, рассказывала бабушка Жан-Клода Жоржа, «когда я еще не была замужем, мы ездили на поезде в Бенуат-Во или в Фонтен-Сент-Ави [деревни в департаменте Мёз]. Помню, всякий раз, как наша «кукушка» начинала подъем, можно было сойти на луг, шедший вдоль узкой насыпи. Мы успевали набрать себе букет цветов и догнать поезд на вершине холма!»¹⁴⁷. Излишне говорить, что сегодня ни один поезд в эти деревни больше не ходит.

* «Тюрготинами» (по имени министра Тюрго, при котором они были введены) назывались в XVIII в. циркулировавшие между городами общественные экипажи (*примеч. ред.*).

Третий путь сообщения — водный? Если большая дорога образовывала первый из путей сообщения, а проселочная дорога — второй, безусловно преобладавший при внешней своей непритязательности, то третьим путем был путь водный, имевший огромное значение как до, так и после появления железных дорог. Здесь также следует разграничивать верхний и нижний уровни.

Так, Ален Круа называет водную систему Луара — Вилен (Вилен — это «первая река во Франции, сделанная судоходной при помощи шлюзов в 1539—1585 гг.»)¹⁴⁸ «автострадой» Бретани. Однако «широко использовались», несмотря на частые аварии, также и мелкие речки — Уст, Блаве, Он, Триё, Ранс, Куэнон, поднимающиеся во время прилива и позволявшие проводить в глубину материка грузовые барки.

Все французские провинции, так или иначе наделенные водными путями, стремились извлечь из них максимум выгоды. Все их водные автострады нам известны: это крупнейшие реки нашей страны, каждая из которых имела собственные традиции судоходства. Виктор Гюго, совершивший в июле 1843 г. поездку на юг в неудобном дилижансе, описывает виденные им на Луаре «караваны в пять-шесть судов, идущие вверх или вниз по реке... Каждое судно имеет одну мачту и несет один прямой парус. Самый большой парус — на переднем, которое тянет за собой остальные. Караван составлен так, чтобы размер паруса уменьшался от судна к судну, от первого к последнему, в порядке своего рода симметрического сокращения, не нарушаемого никаким выступом, никакой прихотью... Я видал такое только на Луаре; и, признаться, мне более по душе нормандские шлюпы и баркасы всевозможных форм и размеров, которые так и летают [по нижней Сене], словно хищные птицы, и чьи желтые и красные паруса в бурю, дождь и ясную погоду чередуются между Кийбёфом и Тарканвилем»¹⁴⁹.

Какое чудесное, чарующее путешествие совершили бы мы, если бы проплыли по всем еще вчера оживленным водным путям нашей страны. Того же мнения и Пьер Губер¹⁵⁰. Историки «воскрешают реки, позавчера еще живые, вчера мертвые, а сегодня чуть-чуть возрождающиеся, пусть и в искаженном виде», потому что, воскрешая их, мы воскрешаем и весь уклад былой жизни, со всей прелестью, которую она имеет в наших глазах, но и со страшными тяготами, каких она стоила людям.

В одной из предыдущих глав я попытался воссоздать картину прославленных водных путей по Роне и Луаре. Я выбрал эти реки в качестве примеров, а значит, умалчивал о других. Сознаться ли, что, часто имея случай пересекать Южный канал, заметный издалека по рядам высоких тополей, окаймляющих его берега (или же ехать вдоль

него на машине), я порой чувствую желание пройти весь этот узкий водный путь с начала до конца, до самой Гаронны. Гаронна, наряду с Дордонью, — это, как писал Монлюк в 1562 г., «два сосца, питающие своим молоком Бордо»¹⁵¹.

О Дордони — полноводной реке, переплыть которую на лодке к северу от Бордо («где она по крайней мере так же широка, как Гаронна»)¹⁵² занимало около часа, — имеется исчерпывающе подробная книга, полная иллюстраций, рассказывающая о всем многообразии жизни на берегах этой реки в XVIII в.¹⁵³ Города и деревни, хутора и частные дома имели неперенный выход к реке, хотя бы в форме «пейра́», простого подхода к воде, «полоски суши, отвоеванной у реки и укрепленной балластом, камнями, фашинами, «ивняками» [посадками ив] и песком. Опираясь на берег реки, эти «пейра» плавно подводили к воде, создавая удобную пристань для плоскодонных судов, однако сами они плохо выдерживали напор зимних и весенних паводков, которые подмывали их основание, изменяли их форму и сносили их вниз вдоль берега»¹⁵⁴. Типы речных судов были самыми разнообразными — от филадьер, служивших только для рыбной ловли, до больших шаланд («куро», «габарр» и «габарро»), которые преобладали на нижней Гаронне наряду с «барками», в принципе предназначенными для морских каботажных перевозок¹⁵⁵. Для подъема по течению этих судов небольшого водоизмещения традиционно использовалась людская тяга. Так было примерно до 1740 г., когда бурлакам начали составлять конкуренцию воловь упряжки. Не обходилось даже без жестоких конфликтов¹⁵⁶. Верхняя Дордонь, узкая и быстрая, служила практически только для сплава пиленого леса и цельных стволов или же брусьев, которые бросали в воду, предоставляя воле течения. Впрочем, на самом деле система была не столь проста, как кажется: лес спускался по реке до «Спонтур, Аржанта или же Ларруме, где находились дровяные склады Суйяка»¹⁵⁷, лишь под присмотром и управлением сплавщиков. Дальше на смену сплаву приходили грузовые суда (на Дордони из сплавного леса не составляли больших плотов, как на Гаронне, где они спускались до самого Бордо). Дрова, бочарные доски, древесный уголь загружали на эти легкие и недолговечные суденышки, чье название — «аржанта» — происходит от перевалочного пункта у одноименного города; как и «сапиньеры» на Луаре и Алье, они плавали только вниз по течению. В пункте прибытия их «раздирали» и пускали на доски или же на дрова¹⁵⁸.

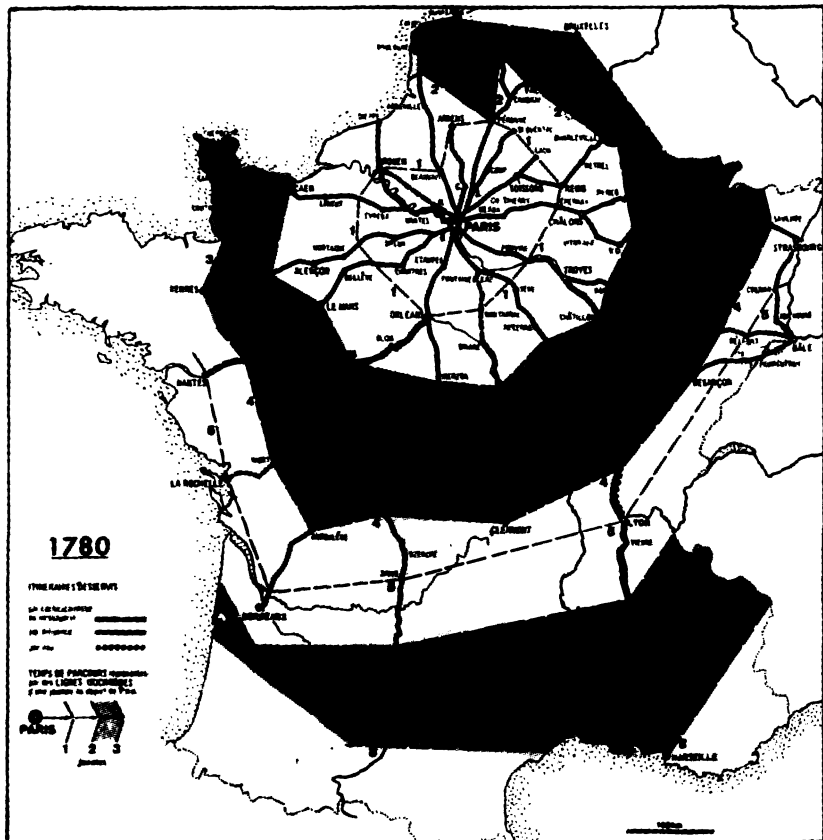
Хотя формы и имена судов, способы и трудности судоходства были различны на разных реках, водные перевозки неизбежно имели и много

общих черт. Так, на Сене и ее притоках мы вновь встречаемся с постоянными утеснениями и конфликтами. Причиной последних были нередко «помещичьи пошрины» — настоящая незаживающая рана; причиной первых — государство, которое все множило свои предписания и принуждения. В частности, из документов, смысл которых становится ясен далеко не сразу, можно понять, что каждое судно должно было иметь свои «провозные грамоты» — форменный контракт, заключавшийся с грузоотправителем¹⁵⁹, что предназначенные к перевозке грузы обязательно должны были сдаваться «тележечникам», которые на своих тележках везли их на весы, а затем уже на борт судна. При погрузке у грузовых весов нельзя было протолкнуться, и такая же давка происходила при выгрузке. Ясно, что все шло с грехом пополам, как получится.

И тем не менее система работала. В свое время Леон Казн в сенсационной статье высказал удивление низким грузооборотом на водных путях в направлении Парижа¹⁶⁰. Я не совсем убежден в его правоте. В 1710 г. на перевозку партии зерна из Руана в Париж уходило восемь дней (с 10 по 18 июня), зато эта партия составляла 4 533 мешка¹⁶¹. В одной отдельной записи говорится, что с 6 марта по 13 апреля 1709 г., сразу после вскрытия реки, в порту Суассона на Уазе было погружено на суда 805 мюйдов пшеницы (то есть около 15 000 гектолитров; один парижский мюйд равнялся 18 гектолитрам) «для доставки в Париж»¹⁶². Мощное развитие столицы привело к тому, что, по данным учета за 1857 г., объем грузовых перевозок по Сене и ее притокам составил 5 376 000 тонн, опережая перевозки по Роне (3 608 000) и по Луаре (2 111 000)¹⁶³.

Кроме того, по судоходным рекам возили не только товары, но и пассажиров с багажом; для этого служили специальные пассажирские суда. Так, в XVII—XVIII вв., чтобы попасть из Ажена в Бордо, люди садились на «водный экипаж», который делал два рейса в неделю и добирался до Бордо за два дня. На обратном пути можно было воспользоваться одним из многочисленных судов, которые «каждый день, пользуясь приливом, доплывали до Кадийяка», а уже оттуда ехать дальше до Ажена на лошадях, меняя их шесть раз за дорогу¹⁶⁴. В Париже для пассажиров печатались листовки с перечнем маршрутов, обслуживаемых водными экипажами из столицы, с указанием места, дня и часа отплытия и других сведений. Требовалось являться к пристани точно по показанию часов на церкви Сен-Поль; но само судно отходило иногда от пристани Сен-Поль, иногда от пристани Турнель, и график движения менялся — имелись, как мы бы сейчас выразились, зимнее и летнее расписание. Никто не был вправе не допустить на борт

Мелена; Париж — Лион (5 дней, так же как от Парижа до Шарлевиля, или Кана, или Витри-ле-Франсуа). На второй карте время в пути уже примерно соответствует расстоянию (поэтому вокруг Парижа вычеркиваются почти концентрические круги). На старых благоустроенных дорогах (в Лион и Руан) время в пути остается прежним. Решающим событием этого «великого перелома» явилось создание в 1775 г. по инициативе Тюрго Управления дилижансов и почтовых контор.

Условные обозначения на картах (на обеих одинаковые). Линейный пунктир — маршруты, обслуживаемые многоместными экипажами, собственными или почтовыми каретами. Сплошная линия — маршруты, обслуживаемые дилижансами. Точечный пунктир — маршруты, проходящие по водным путям. Белые и серые полосы — время в дороге, изображенное изохронными линиями и отмеренное днями пути от Парижа.

судна вас или ваш багаж, и вас не могли обчитать при уплате за билет, так как тариф «водных экипажей», согласно решению прево, купцов и эшевенос города Парижа от 29 апреля 1738 г., должен был быть «написан на жестяной доске», которую следовало «вывешивать на мачте» указанных судов¹⁶⁵.

В ту же эпоху пассажиры и торговцы, французские и иностранные, толпились и на борту луарских водных экипажей, чей тариф составлял три су за лье с человека. На ночь путешественники останавливались в трактирах, которых на берегах реки имелось предостаточно. Столетие спустя, в 1829 г., появились первые пароходы, но несколько из них взорвались, и это отпугивало пассажиров. Отсюда возникло название нового типа пароходов, появившихся в 1838 г., — «Невзрывчатые»! В 1843 г. они производили фурор на Луаре и даже на Алье (70 000 пассажиров на нижней Луаре, 37 000 на верхней Луаре и Алье). Их расхваливали за скорость, удобство и даже за изысканное питание в пути. Реже упоминали о том, что эти пароходы, как и все традиционные суда, время от времени садились на мель — и тогда, чтобы их вызволить, требовалось запрягать волов! Несмотря на свой первоначальный успех, «невзрывчатые» пароходы десять лет спустя начисто проиграли соревнование с железной дорогой¹⁶⁶.

Разумеется, реки и каналы приходилось оборудовать для судоходства, прокладывать и перепрокладывать, спрямлять. И настойчивость, с которой всюду где можно пытались устроить водный путь, уже сама по себе свидетельствует о важности таких путей. Сохранилось бесчисленное количество докладных записок с проектами распространения судоходства на новые и новые реки. Например, на реку Шер (1679)¹⁶⁷. Этот проект потерпел неудачу, но вновь всплыл на поверхность в 1788-м — опять-таки безуспешно¹⁶⁸. В 1696 г. сделать судоходной предлагали Шаранту от Ангулема до Вантрея, с целью обеспечить снабжение лесом военного порта Рошфор. В 1763 г.¹⁶⁹ интендант округов По и Ош предпринял спешные работы по регулированию горного потока Олерон (притока Адура), чтобы доставлять по нему корабельные мачты в Байонну. В 1795 г. виноградари с берегов Сиуля обращались с прошением об устройстве судоходства на 6,5-километровом участке этой реки до ее впадения в Алье. Нет, получили они ответ, это было бы дорого и не очень разумно, так как для устройства столь короткого водного пути пришлось бы разрушить три мельницы¹⁷⁰.

Еще один, на сей раз очень масштабный проект был предложен Пикардийской торговой палатой и датируется 15 июня 1781 г.: зарегулировать течение Соммы от Амьена до впадения в море — ценой необы-

чайно крупных работ, так как расходы исчислялись в сумме 900 000 ливров¹⁷¹. Действительно, широкое устье Соммы затягивало песком, наносимым как морем, так и рекой, и от этого уже не первый год страдала торговля города Сен-Валери. Проекты уже выдвигались один за другим — в 1764, 1770, 1779 гг. — всякий раз безуспешно¹⁷². Проект 1781 года был просто грандиозен: «Недалеко от устья Сомма перекрывается плотиной... ее воды отводятся в канал, который поведет прямо в гавань Сен-Валери... В этом месте устраивается шлюз, который будет служить для смыва песка... кроме того, [понадобится] заменить людскую тягу на проводке судов тягой конской — от места предполагаемых работ в гавани Сен-Валери до Амьена». На наш взгляд, в этом проекте, с которого, очевидно, и началось гидротехническое обустройство Соммы между Абвилем и Сен-Валери, много неясного. Но на всякого, кто знает упоминаемые в нем места, — огромный эстуарий Соммы, вечно затягиваемый песчаными отмелями, — этот проект не может не произвести сильное впечатление.

Что важнее — вода или суша? Водные пути — это не только большие и малые реки. К ним следует прибавить «искусственное судоходство» по каналам; к 1800 г. их протяженность равнялась 1000 километров против 7 000 километров судоходных рек; в 1830-м — 2 000 километров; в 1843-м — 4 000 километров; в дальнейшем их развитие затормозилось с появлением железных дорог¹⁷³. Следует также прибавить каботажные перевозки по морю и даже некоторые пути, пролежавшие в открытом море. Уравновесят ли водные перевозки, в таком усиленном объеме, огромное значение сухопутных дорог?

Вернер Зомбарт уже давно отвечал «нет» — как водится, не без полемического задора. Тезис Зомбарта, сформулированный на материале Германии, безусловно затрагивает по аналогии и Францию. Со своей стороны, Жан Мейе справедливо отмечает, что судоходный период даже на такой *постоянной* реке, как Сена, если вычесть все паводки и снижения уровня, сокращается до менее чем одной трети года¹⁷⁴. Что к этому добавить? Что порой сухопутная дорога даже выигрывала в соревновании с параллельным ей водным путем. Так, в XVI в. возчики обозов из Арраса, Валансьенна или из Шампани, доехав до берегов Соны, не перегружали поклажу на суда, а «продолжали свой путь до Лиона. Прибыв туда к началу ярмарки, они возвращались обратно с грузом товаров, закупленных на ярмарке и предназначенных для отправки в Нидерланды¹⁷⁵. Можно вспомнить о том, что сухопутные дороги

действовали регулярно (правда, эта регулярность тоже была относительной, так как с наступлением полевой страды, когда крестьяне прекращали работать на извозе, дороги использовались не в полную меру), что ехать по ним было быстрее — опять-таки относительно, — чем плыть по реке, что водные перевозки грозили некоторым деликатным товарам (например, текстильным) значительными повреждениями. Неотразимым доводом могут считаться статистические данные за 1828 год: 4,8 миллиона тонн грузов перевезено по воде и 41,3 миллиона — по суше¹⁷⁶. Значит ли это, что дискуссию можно закрыть?

Не берусь утверждать, что Вернер Зомбарт и Жан Мейе заблуждались. Но верно ли они ставили вопрос? Быть может, стоит прислушаться к уточнениям, которые давал такой непревзойденный наблюдатель, как Вобан: «Одно лишь судно приличного размера способно перевезти по хорошему водному пути, с помощью всего лишь шести человек и четырех лошадей [для бечевой проводки]... такой груз, который по обычным дорогам с трудом перевезли бы 200 человек и 400 лошадей»¹⁷⁷. Правда и то, что тяжеловесные или же громоздкие грузы (древесный уголь, солома)¹⁷⁸ при любом благоприятном случае словно сами собой направлялись по водному пути. Так было с камнем, железом, чугуном, зерном, вином, древесиной, каменным углем... Например, в 1796 г. близ Аннеси открыли месторождение каменного угля. «К сожалению, — пишет внимательный современник, — великой пользе, которую может принести сей уголь, неизбежно будет препятствием трудность его вывоза из ансийского бассейна, со всех сторон окруженного возвышенностями; перевозка возможна только на подводах, с большими расходами, так что уголь из ансийского карьера вряд ли удастся продавать в Шамбери — всего за девять-десять лье по большой дороге, — по столь же низкой цене, что и уголь из карьеров в Рив-де-Жьер, который возят вверх по Роне и по озеру Бурже за целых тридцать — сорок лье; сие доказывает [...] что области, владеющие водными путями, всегда будут впереди тех, что могут сообщаться лишь по дорогам, сколь бы прекрасными и отличными ни были эти дороги»¹⁷⁹. В июне 1757 г., по расчету интенданта финансов де Куртея, доставка зерна из Кана в Париж на небольших 30—50-тонных шаландах обходилась вчетверо дешевле, чем по дороге¹⁸⁰.

Таким образом, водные пути обладали двумя преимуществами: они отличались дешевизной, и по ним можно было перевозить тяжеловесные грузы. Этим преимуществам суждено было сохраняться до самой прокладки железных дорог и даже позднее. Так, в июле 1817 г. караван из десятка судов, загруженных в Руане зерном для Парижа, из расчета

примерно по 200 тонн на каждое ¹⁸¹, доставлял его в Пуасси, заменив по меньшей мере 80 подвод, поскольку в конце XVIII в., несмотря на замечательное усовершенствование дорог, поднявшее грузоподъемность повозок на 60%, один возчик с четырьмя лошадьми не мог взять более 2,5 тонн груза ¹⁸². Более того, еще в 1827 г. — не будем приводить здесь подробных расчетов — водные перевозки оставались в два с половиной раза дешевле сухопутных ¹⁸³.

Данные факты, при всей своей точности, не помогают разрешить спор о соотношении валового грузооборота перевозок по суше и по воде. Прояснить дело могли бы два следующих замечания.

1) В расчете объема и веса перевозок по водным путям, насколько я мог проверить, не принимался в расчет молевый сплав леса ¹⁸⁴. А это, по всей вероятности, означает огромный вычет из реальной суммы. В Париже и его пригородах в 1786 г. было потреблено для нужд отопления от 700 до 800 тысяч «повозок» дров, то есть около полутора миллионов кубометров ¹⁸⁵. Сплав леса осуществлялся по всем рекам, как по Изеру, так и по стремительной По, Алье или Орнену, поднимавшему большие «вязки» еловых бревен, которые из Вогезов по суше доставлялись в Бар-ле-Дюк, а в дальнейшем по Марне следовали в Париж или же Руан.

2) Водные пути служили для перевозок на среднее, а еще более того на дальнее расстояние; суда ходили по реке почти на всем ее протяжении. Барка, спускавшаяся по Луаре от Роанна, шла как минимум до Орлеана, а то и до самого Нанта; на Соне судно, проплывавшее через Грз, чаще всего следовало, как ему и положено, до самого Лиона. Фрукты, вино, камень, каменный или древесный уголь, погруженные на берегах Алье, направлялись прямо в Париж или же в Орлеан. Благодаря соединявшим реки каналам все легче и легче становилось осуществлять дальние перевозки без перевалки грузов. Таким образом, водные пути относятся к крупному грузообороту, к верхнему уровню сообщений.

Именно из этого и нужно исходить. Грузооборот водных путей следует сравнивать с грузооборотом больших дорог, которые еще в 1827 г. именовались «королевскими». 4,8 миллиона тонн речных перевозок нужно сопоставлять не с 41,3 миллиона тонн валового грузооборота всех сухопутных дорог, а лишь с 10,4 миллиона тонн оборота королевских дорог. Тогда соотношение оказывается 1 к 2. Так получается и у Ж.-К. Тутена для 1840-х годов (49% — сухопутные дороги, 23% — водные пути) ¹⁸⁶. Если же считать принадлежащими к третьей транспортной системе и каботажные перевозки, то это еще 25%, которые

прибавляются к 23% речного грузооборота. Получается почти полное равенство с сухопутными дорогами. Ну, а каким станет соотношение, если принять в расчет огромный, повторяю, объем лесосплава, который остался неучтенным в нашей оценке?

Наконец, прожектеры постоянно мечтали еще более расширить сеть судоходных каналов (в 1800—1843 г. увеличившуюся вчетверо), дабы сократить дорогостоящие сухопутные перевозки, тяжелым грузом ложившиеся на экономику Франции. Идея эта старая: еще Вобан предлагал для объединения транспортной системы страны приспособить для судоходства 190 водных артерий¹⁸⁷. Водные пути должны и могли были развиваться дальше, увеличивая объем своих услуг. Действительно, после 1830 г. они доказали свое превосходство над безрельсовой дорогой, поскольку в росте своего грузооборота лучше и дольше конкурировали с железными дорогами — пока последние не одержали окончательную победу в войне тарифов¹⁸⁸. В результате прогресс водных путей оказался заблокирован на уровне более низком, чем следовало. Так остается и по сей день.

Структура целого: роль государства. Во Франции государство утвердилось (или, если угодно, укрепилось), лишь «прибирая к рукам» те процессы и обмены, которыми обеспечивалась жизнь на его территории. Конечно, его власть над ними не сразу стала безраздельной. Прежде всего оно завладело узловыми точками товарооборота — рынками и ярмарками, которые стали создаваться лишь с его разрешения и оставались под его покровительством. При помощи монетных дворов оно получало контроль над самым ходким товаром — деньгами. Государство создало почту и наделяло ее своими привилегиями. Наконец, оно все больше и больше заботилось о дорожной сети, прежде всего о крупных дорогах, о той целостной сети, которую они образовывали или должны были образовывать, и о городах, расположенных на их перекрестках.

Подобная задача, гигантская в силу огромных размеров страны, где она осуществлялась, разумеется, не исчерпывается одними лишь мерами Сюлли — их много хвалили, но в действительности то был лишь частный эпизод устранения последствий разрушительных религиозных войн. Да и должность Главного дорожничего Франции, учрежденная для Сюлли в 1599 г., с 1626 г. была упразднена¹⁸⁹. В свое время и сам Сюлли отмечал, что «мосты и дороги не имеют касательства к королевской службе», что забота о них относится к ведению местных властей и местных бюджетов¹⁹⁰. Конечно, при Кольбере (1661—1683) француз-

ская монархия начала осуществлять даже слишком обширные дорожно-строительные проекты. Но со смертью Кольбера внимание государства к этим делам опять сократилось.

Лишь в XVIII в., начиная с 1735 или даже 1760 г., государство осознанно взялось за это крупное и рискованное дело, на которое в дальнейшем ему всегда не вполне хватало если не доброй воли, то средств. В самом деле, нужен был экономический рост, чтобы появилась потребность в ремонте, обслуживании дорог и прокладке новых, а поскольку техника дорожного строительства бурно развивалась, то затраты не переставали расти. В итоге государство оказалось вовлеченным в предприятие, превосходящее его силы; сами его усилия лишь делали явными препятствия, обусловленные самой его структурой.

Действительно, экономика Франции не была *единой*, она состояла из ряда провинциальных экономик, из нескольких маленьких Франций, которые заботились о своих региональных задачах и потому отдавали предпочтение дорогам средней протяженности. Эти государства в государстве отстаивали свои привилегии, свои интересы, свой бытовой уклад. Поскольку же государство долгое время предоставляло им почти полную свободу в вопросах дорожного строительства и дорожного хозяйства, то их дорогами обслуживались главным образом местные грузопотоки. Даже строившиеся интендантами более обширные планы редко выходили за рамки региональной жизни и региональных нужд.

Государство же предназначено заниматься главным, то есть общенациональным целым. Оно осознало необходимость вывести *большую дорогу* из ее местных рамок, сделать ее «экстерриториальной», связать воедино «шахматные доски региональных дорог, созданных местными интендантами внутри своих округов», превратив их в обширную звездообразную сеть — с началом и концом в Париже ¹⁹¹, — а тем самым учредить по мере возможности то, что современные экономисты называют *национальным рынком*. Эту проблему можно было решать лишь постепенно, тем более что иногда она наталкивалась на противодействие на местах ¹⁹². А чем дольше затягивалось ее решение, тем большие масштабы она принимала и тем дороже обходилось это решение.

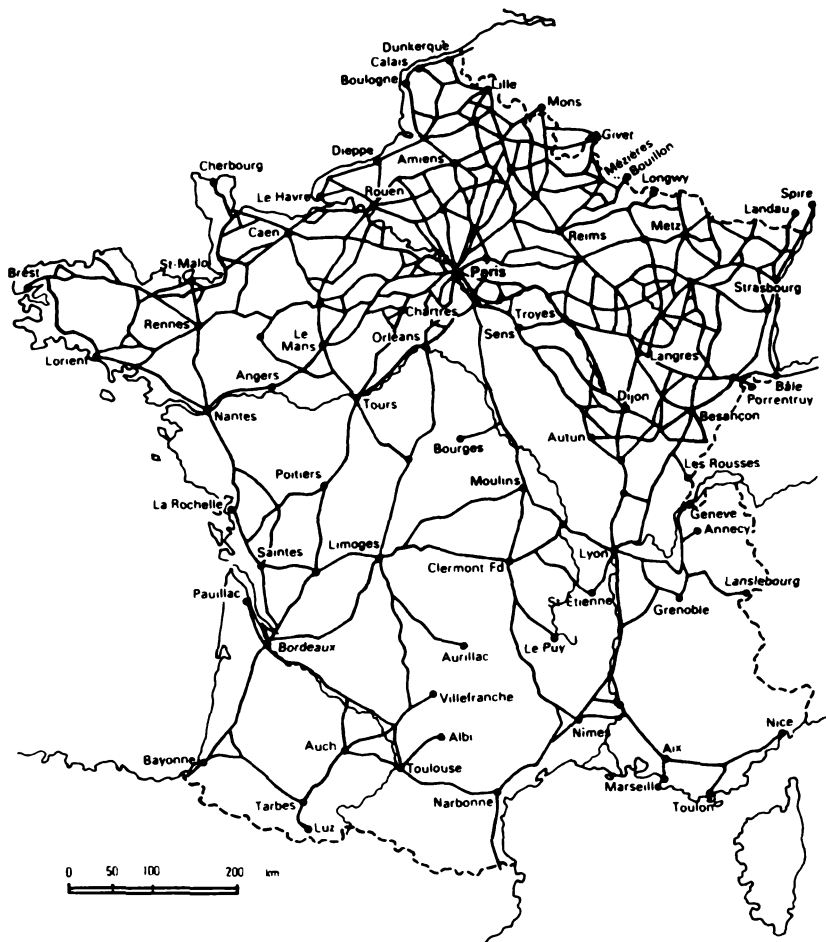
Между тем при «Старом порядке» монархия не сумела наладить как следует систему сбора налогов в королевстве. Поверите ли? Ей удавалось получать лишь часть богатства, которым владели ее подданные. Ей не хватало кредитов. Поэтому прокладка больших дорог оказывалась возможной лишь благодаря принудительному привлечению крестьянской рабочей силы, согласно так называемой системе «королевской барщины». Система эта утвердилась на практике задолго до того, как

ПОЧТОВЫЕ ДОРОГИ в 1632 г.

В отличие от XVIII в., они еще не покрывают всей территории страны (в частности, запада и востока).

(Источник: Fierro-Domenech A. Le Pré Carré, géographie historique de la France 1986).

ПОЧТОВЫЕ ДОРОГИ в 1797 г.

(Источники: Vidal de la Blache. Tableau de la géographie de la France;
Fierro Domenech A. Op. cit.).

была в 1738 г. описана в инструкции, изданной генеральным контролером Орри; о ней упоминал уже Кольбер; интенданты тех времен если не сами изобрели, то во всяком случае самостоятельно ввели ее.

Эта ежегодная мобилизация рабочей силы — на срок от 12 до 30 и даже 40 дней — представляла собой чрезвычайно тяжелую трудовую повинность. К тому же она была неравной, крайне несправедливой, так как в принципе применялась лишь к тем крестьянам, кто жил в полосе 3—4 лье от места дорожных работ. Поэтому облагаемые «ручной» или «упряжной» повинностью крестьяне (то есть работавшие с тягловым скотом или без него) трудились, как правило, неохотно и из-под палки. Это вызывало и острую критику такой системы в «просвещенной» среде — от Мирабо в «Друге людей» до авторов «Методической энциклопедии». Действительно, эта повинность, без которой Трюден (интендант мостов и дорог в 1743—1769 гг.) и инженер Перроне (1708—1794; в 1747 г. он организовал Школу мостов и дорог) не смогли бы проложить своих великолепных дорог, — порой выливалась в чистую растрату сил и даже денег. Деревенские работники были неопытны и мало-прилежны, построенное ими часто оставалось далеко от совершенства. В 1701 г., после того как в Монтобана долгими непрерывными дождями снесло мосты и размыло дороги, местный интендант жаловался: эти ливни перечеркнули плоды 200 000 трудовых дней на «новых дорогах [где] 40 лет назад нельзя было проехать в карете»¹⁹³.

Поэтому и до отмены повинности эдиктом Тюрго (февраль 1776 г.), и после ее восстановления другим эдиктом (11 августа того же года) некоторые интенданты заменяли натуральную повинность денежным сбором, что позволяло привлечь квалифицированную рабочую силу. В 1780 г., одобряя такую меру, провинциальное собрание Берри отмечало, что стоимость трудовых дней, затрачиваемых на сооружение 3 лье (12 километров) дороги по ручной и упряжной повинности, может быть оценена в 624 000 ливров натурального налога, тогда как, собрав 240 000 ливров различных денежных налогов, можно построить вдвое больше¹⁹⁴. Те же аргументы используются и в докладной записке 1775 г., предлагающей упразднить трудовую повинность в Бургундии. От этого бесконечно выиграет качество дорог, развитие новейших технических приемов, — объясняет автор. Конечно, на это потребуются — «такова суровая правда» — около 800 000 ливров в год, да только ведь мобилизация 98 283 крестьян и 69 918 лошадей, используемых на дорожных работах двенадцать дней в году, равнозначна трудовым затратам в размере 1 993 000 ливров, даже если оценивать этот труд по самой низкой цене! Иначе говоря — выходит более чем вдвое дороже.

Насущной необходимостью, заключал автор, является учреждение «дорожных работ с денежной оплатой»¹⁹⁵.

Оказалось, однако, что отменить новый налог не так-то просто. Упразднение трудовой повинности в 1789 г. не решило проблемы. В X году (1802) генеральный совет департамента Сона и Луара публично скорбел о том, что ее больше нет: «Повинность и только лишь повинность, — заявлял он, — способна вернуть Республике ее замечательные дороги, столь выгодные для торговли и восхищавшие иностранцев»¹⁹⁶.

Несмотря на такого рода трудности и задержки, дорожная сеть росла. В 1584 г. на всех «больших дорогах» страны насчитывалось 302 «почтовых дома»; в 1632 г. — 623 «почтовых станции»; в 1701-м — 798; в 1789-м — 1426 (то есть рост почти вдвое); в 1850-м — 2 057¹⁹⁷. Конечно, еще в 1827 г. по большим дорогам перевозилась самое большое десятая часть всех товаров. Однако же эта еще несовершенная сеть покрывала главные нужды страны и обеспечивала постоянное сообщение. А ведь за сто лет до того, в 1707 г., маршал де Тессе, прибыв в Гренобль, чтобы принять командование французскими войсками на юго-восточном фронте после разгрома при Турине¹⁹⁸, с ужасом обнаружил, что ему очень нелегко сообщаться с двором. Между Парижем и Лионом корреспонденция доставлялась довольно скоро по обычной почте — зато из Гренобля в Лион ее возили на волах!¹⁹⁹ Напротив того, в 1814 г., в гораздо более драматической ситуации, в то время как Наполеон сражался против иностранных войск на подступах к столице, почтовые кареты продолжали циркулировать более или менее исправно, причем даже через оккупированные северные и восточные провинции. Из Страсбурга, Лилля и Лиона они прибывали порой «с большими опозданиями из-за длинных объездов, которые приходилось делать»²⁰⁰, но все-таки прибывали (очевидно, потому, что из-за своей обширности территория не контролировалась неприятелем полностью), регулярно доставляя и распространяя более или менее точные, но всякий раз тревожные новости. Капитуляция 30 марта, быть может, спасла Париж «не от оккупации, но от пожара и разграбления». При вступлении в город союзников 1 апреля «публике было объявлено, что отправка почтовой корреспонденции состоится в тот же день, как обычно, а 7 апреля — что почтовое сообщение, как надеются, будет полностью восстановлено к концу недели».

Самое же странное в этой несовершенной системе — ее рекордные скорости. Настолько рекордные, что каждый раз берет сомнение, достоверны ли сообщения о них. Например, я верю, что известие о пораже-

нии при Павии (24 февраля 1525 г.) дошло до Парижа 7 марта, а к 20-му в окрестностях столицы появились, грабя пригородные деревни, остатки разбитой армии, которые могли передвигаться только пешком...²⁰¹ Напротив, мне трудно поверить в то, что известие о Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) уже через три-четыре дня дошло до Мадрида, — такого быть не могло. Однако же весть о взятии Бастилии (14 июля 1789 г.) облетела всю Францию за несколько дней.

И вот еще один маленький *достоверный* факт, способный заинтересовать читателя. В то время как самым скоростным дилижансам, отправлявшимся из Парижа (см. карты на с. 234—235), требовалось несколько дней, чтобы пересечь всю Францию, некоторые известия разлетались с телеграфной скоростью, хотя телеграф Шаппа (1793) еще не был устроен. Так, сенсационная новость о задержании Людовика XVI и королевского семейства в Варенне (22 июня 1791 г.) два дня спустя была уже известна в Кемпере, на другом краю Франции. Члены департамента Морбиан писали в своем обращении к Национальному собранию: «Известие о захвате короля и королевского семейства получили мы в пятницу 24 сего месяца в 7 часов утра»²⁰².

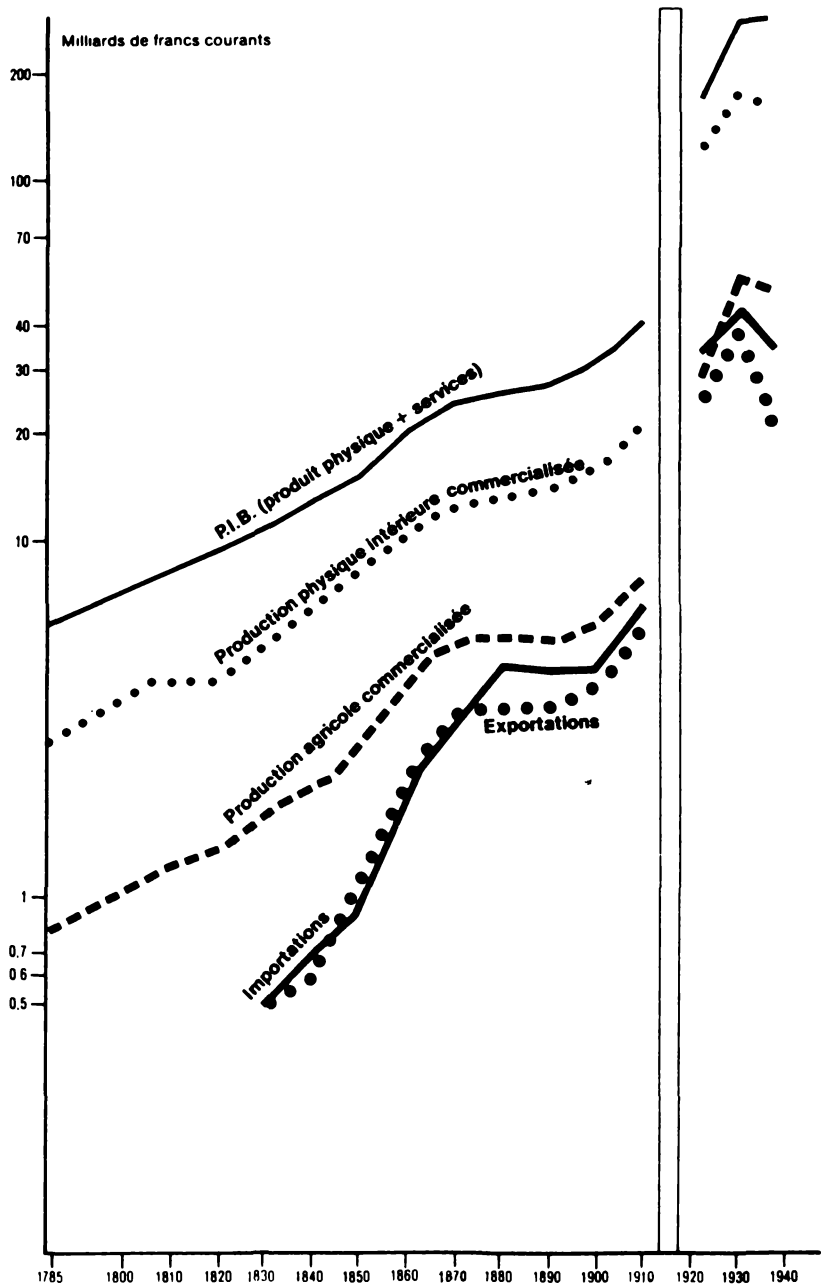
Общий объем сообщений. В заключение, возвращаясь к серьезным проблемам, необходимо рассмотреть данные статистических оценок, особенно выведенные Жан-Клодом Тутеном²⁰³. Он подсчитал, какой объем товаров проходил через сеть путей сообщения, — иными словами, какая часть выработанной продукции шла на продажу, а не потреблялась на месте самим производителем. Для этого он вычел из общего объема продукции, производимой крестьянином, то, что потреблялось им самим для пропитания, для прокорма своего скота, а также и те «промышленные» изделия (ткани, постройки, инструменты...), которые

ОБЪЕМ ОБЩЕГО И ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА в 1785—1938 гг.

График построен на основании средних данных (как правило, за десятилетие), приведенных в книге Жан-Клода Тутена. Разрыв в графике примерно на 10 лет после 1920 г. означает несопоставимость довоенных франков, привязанных к золотому эталону, с франками после первой мировой войны, обесцененными инфляцией.

Надписи на диаграмме (сверху вниз): Валовой промышленный продукт (товары и услуги). Промышленная товарная продукция. Сельскохозяйственная товарная продукция. Экспорт. Импорт.

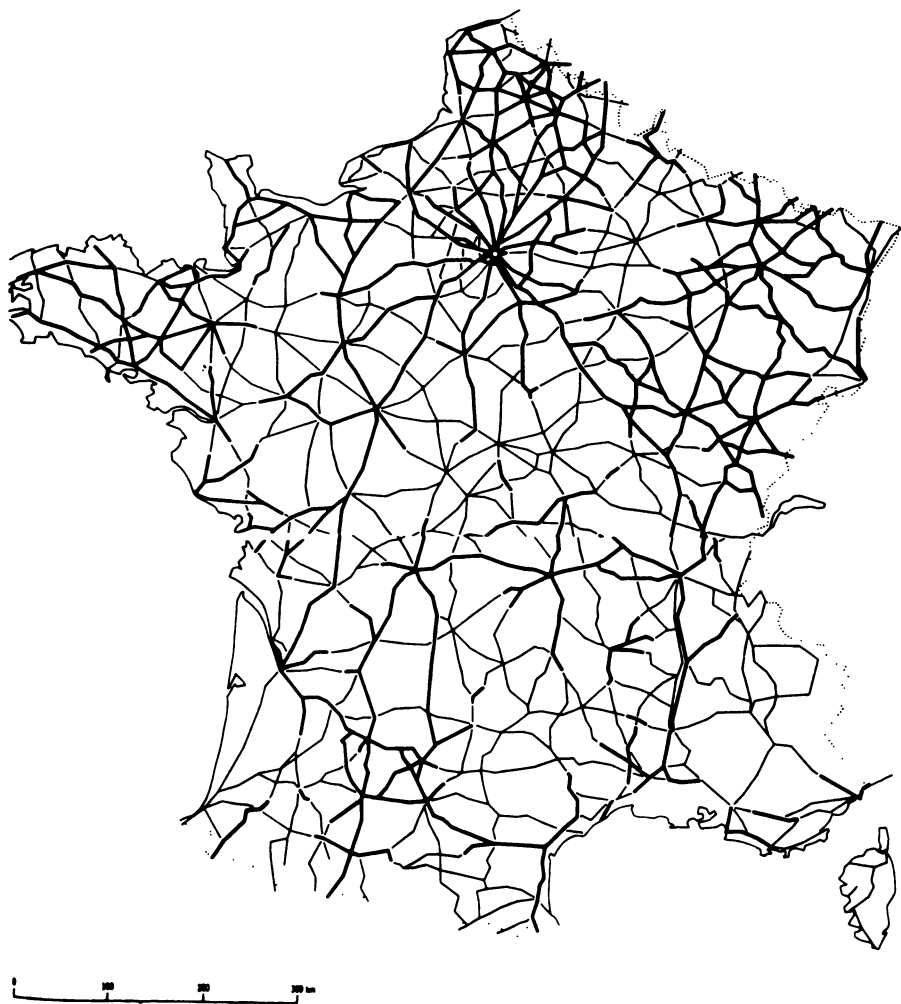
изготавливались для семейного пользования. Конечно, можно заметить, что и некоторая часть собственно промышленной (городской) продукции потреблялась непосредственно производителем, а не выносилась на рынок. Но эта часть невелика и, кроме того, не поддается исчислению. Ею можно без большого ущерба пренебречь. Рассмотрев график на с. 247, построенный на основании числовых данных Жан-Клода Тутена, с первого же взгляда видишь, к каким результатам мы можем здесь прийти. Они недвусмысленно показывают общий ход развития в XIX в.

Однако самая рельефная особенность этой эволюции — не показанное на графике соотношение между общим объемом *сельскохозяйственного* производства и товарной частью его продукции. Не затрагиваем ли мы здесь одну из главных проблем нашей истории? Ведь товарная часть сельскохозяйственной продукции — это и есть тот ее излишек, которым живет не-сельское население, то есть горожане, правящие классы, привилегированные слои, на котором зиждется вся роскошь нашей истории. Этот процент — пусть и вычисленный приблизительно, иным он быть не может, — составляет бесценную цифру для «откровенной» истории Франции, а равно и всех других стран, живших в условиях *крестьянской экономики*.

В зависимости от региона и эпохи цифра эта существенно варьируется. Чтобы вычислить часть продукции, не потреблявшейся на месте в Лангедоке в 1737 г., я воспользовался записками интенданта де Бавиля, и цифра эта оказалась равной примерно 14%. При этом она включает в себя и всю промышленную продукцию. Следовательно, приходится предположить, что уровень товарности сельского хозяйства был очень низок ²⁰⁴.

В XVIII в., во второй его половине, имел место огромный прогресс: уже первая цифра, выведенная Ж.-К. Тутеном для уровня товарности *продовольственной* продукции в период 1781—1790 гг., достигает 30%; к 1874—1875 гг. она поднимается до 50%; для 1935—1938 гг. она равняется в среднем 75%, а в 1980-м — 95%; возможны ли более красноречивые показатели? ²⁰⁵

Тем самым явно приходит конец местным, малопротяженным товарооборотам; живучая с давних времен автаркия — хотя она и никогда не была *полной* — оказывается буквально сметена. В результате сегодня вы ни в одной деревне, ни в одном загородном доме не едите местных продуктов (разве что купленные у соседей яйца, молоко и фрукты): как правило, потребляемые вами хлеб, вино, мясо, масло и т. д. уже не вырабатываются на месте. Молоко и виноград все чаще и чаще собираются кооперативами — и куда они направляются дальше? В 1903—

СЕТЬ КОРОЛЕВСКИХ ДОРОГ в 1820 г.

(Источник: Lepetit V. Chemins de terre et voies d'eau. Réseaux de transport, organisation de l'espace. 1984).

Жирными линиями обозначены реально построенные и пригодные для движения дороги, тонкой линией — дороги с недостроенными участками.

1914 г. 30% продовольственной продукции потреблялось на месте... Сегодня мы уже далеко от этого.

Произошел, таким образом, разрыв старинных связей. Региональные связи имеют тенденцию к исчезновению, а национальные, в свою очередь, готовы полностью превратиться в мировые. Если границы сделаются еще более открытыми, то мне придется все чаще и чаще питаться аргентинской говядиной, новозеландской бараниной, фруктами из Африки, Америки и Австралии, а промышленные изделия будут ко мне поступать со всего света... Произошла бесшумная революция, перевернувшая ход всех товарных обменов и у нас, и в экономике других стран мира.

До и после появления железных дорог. Итак, в конце концов во Франции возобладала тенденция к единообразию — возобладала сама собой и порой даже незаметно для французов. Старинный экономический уклад, подчиненный еще непрочному, с трудом созданному национальному рынку, растаял словно сахар в воде, уступив место рынку международному, который мало-помалу подминает нас под себя.

Насколько же далеко мы ушли от общества «Старого порядка», которое еще в канун Революции задавалось вопросами о том, как упразднить заставы, таможни, городские и дорожные пошлины, упорно расчленявшие *внутренний* товарооборот королевства — по границам многих провинций, вдоль рек и дорог, при въездах в города! Усиливавшееся государство вбирало в себя провинции, города, края, феодальные владения, но при этом оно и получало по наследству таможенные учреждения, общественные и частные привилегии, сохранявшиеся наперекор всему, сколько бы ни пытались (такие люди, например, как Кольбер) навести в них порядок.

В XVIII же веке, особенно после 1750 г., все экономисты уже требовали энергичных реформ. Трудно поверить, восклицал Форбонне, но, однако, не подлежит сомнению, что можно «за шесть-семь лет удвоить денежную массу в обращении... а следовательно... в той же пропорции и общественные доходы», — достаточно лишь «упразднить таможенную пошлину в Валансе, двухпроцентную пошлину в Арле, лиардовый налог в Бароне, ярмарочную пошлину в Лангедоке на границе с Провансом... сократить вдвое налоги на шелк и сырье... уничтожить лионскую таможенную пошлину на все товары, вывозимые из Франции, через Прованс... и на все, что перевозится из провинции в провинцию»²⁰⁶. Одна лишь валансская таможенная пошлина, «губите-

льнейший для торговли» налог, «изнурительна для пяти или шести провинций, ибо уничтожает сообщение между ними»²⁰⁷. К таможенным пошлинам прибавлялись городские и феодальные — вызывавшиеся ими непрерывные задержки в пути были еще более вредны, чем денежные убытки. Один лишь крохотный пример: в 1788 г. за партию древесины, отправленную из Лотарингии в Сет, приходилось платить 34 разнообразных пошлины в 21 разном месте!²⁰⁸

В таких условиях понятнее становится мысль посланника Екатерины II в Париже, констатирующего, что о французской почте не существует обобщающего связного труда, «единой книги», а есть лишь «искусственно соединенные» три тома, касающиеся почтовых контор, дилжансов и правил движения и фактически представляющие собой перечисление неслыханно огромной массы актов — предписаний и запретов, — причем и те и другие равно мелочны²⁰⁹. Да и «Методическая энциклопедия» накануне Революции характеризовала как «настоящую китайскую грамоту» таможенные преysкуранты на Шаранте, которые менялись в зависимости от товара и от места взимания пошлин²¹⁰.

В 1786 г. правительство, казалось, твердо решилось расчистить пространство королевских владений, то есть территорию, где государство в принципе могло делать что хотело. Дюпон де Немур предложил вместо всевозможных внутренних таможен ввести единый для всех порядок, включавший шесть классов ввозных и четыре класса вывозных пошлин²¹¹. 20 ноября 1786 г. русский посланник Симолин докладывал своему правительству об этом проекте «переноса на границы» всех внутрифранцузских таможен. «Администрация, — поясняет он, — полагает его полезным и желает его осуществления, но согласно проведенным расчетам мера сия приведет к сокращению государственных доходов на восемь — десять миллионов в год — подобный убыток трудно перенести при нынешнем состоянии финансов»²¹².

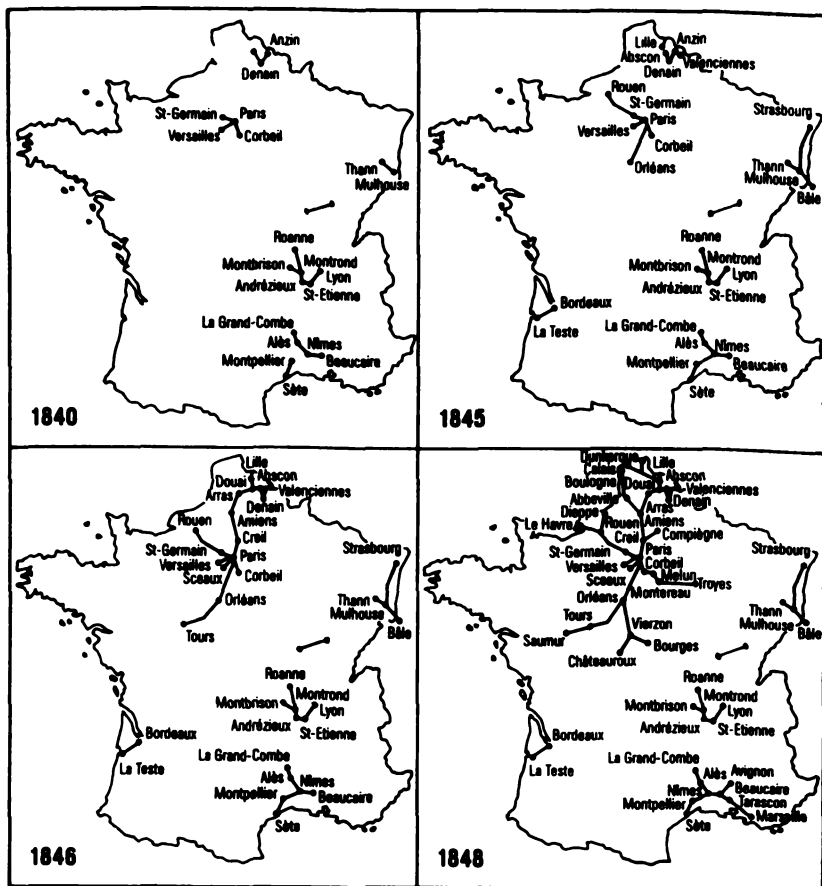
Революция осуществила административное объединение всей территории страны; однако она не разрешила тем самым всех трудностей сообщения на этой территории. То, что не удавалось сделать ни «старому режиму», ни 1789 году, ни Империи, ни Реставрации, ни Июльской монархии, — несмотря на мощное становление национальной экономики и все более широкий размах запоздалой, но реальной промышленной революции, — то как бы само собой осуществилось благодаря железным дорогам начиная с 1840-х годов. На сей раз запутанную проблему решила техника.

Действительно, как обстояли дела году в 1830-м? Стремительный рост грузопотока вел к тому, что выдающиеся достижения дорожных

перевозок, реализованные за полвека до того, стали казаться смехотворными. Экономист Дюнуайе безжалостно описывал состояние французских дорог, изобилующих выбоинами, жестких и тряских, где «двум повозкам порой трудно разминуться», не выехав на обочину²¹³. Вдобавок — что куда серьезнее — такие пути сообщения дорого обходились казне. Намечался некий технический и финансовый порог, которого они явно достигли. «Дорожная система не только не совершенствуется непрерывно, но становится все менее и менее приспособленной к новым нуждам»²¹⁴.

И тогда родилась железная дорога. Только не следует воображать, будто строилась она постепенно, подобно нынешним автострадам, согласно некоей модели общенациональной дорожной сети. Она рождалась по инициативе местных промышленников, для перевозки тяжеловесной горнопромышленной продукции. Первое разрешение от министерства мостов и дорог было выдано Луарской угольной компании. Она стала прокладывать, по английскому образцу, чугунные рельсы для вагонов на конской тяге, в которых уголь из Сент-Этьенна (почти 300 000 тонн добычи в 1812 г., зато в 1825-м — уже 600 000) доставлялся в Лион. Эта исключительно горнопромышленная линия, проложенная в 1823 г. от Андрезье до Сент-Этьена (22 километра), в 1826 г. была продлена от Сент-Этьенна до Лиона, а в 1828-м от Андрезье до Роанна. Очень скоро эта современная линия сообщения между Реной и Луарой стала осуществлять и пассажирские и товарные перевозки. В 1831 г. на ней была внедрена паровая тяга, и в 1836 г. по ней перевезли уже 170 000 пассажиров. Однако в 1840 г. во Франции имелись еще только крохотные участки железных дорог, разбросанные там и сям, как это показано на прилагаемой карте²¹⁵.

Между тем идея общенациональной железнодорожной сети, которая произвела бы «не только промышленную, но и политическую революцию [...] необычайно приумножив сношения между народами и городами», энергично поддерживалась сен-симонистами²¹⁶. Она быстро распространилась в банковских и правительственных кругах, и в 1833 г. железнодорожные концессии были изъяты из ведения министерства мостов и дорог. Однако государство, как и во времена королей, интендантов и королевских дорог, не желало брать на себя финансовое обеспечение железнодорожного строительства: оно ограничилось тем, что «осветило путь частным компаниям»²¹⁷, вычертив схему железнодорожной сети. То была, разумеется, звездообразная сеть с центром в Париже: новые стальные пути с самого начала оказались в оковах старых дорожных установлений.

РОЖДЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Первые (начиная с 1823 г.) железнодорожные линии имели сугубо местное назначение и служили главным образом для перевозок горнопромышленной продукции; 25 лет спустя появился правительственный проект развития железнодорожной сети (звездообразная схема с центром в Париже).

(Источник: Regazzola T., Lefebvre J. La Domestication du mouvement. Poussées mobilisatrices et surrection de l'Etat. 1981).

При этом железнодорожная сеть не обладала той же плотностью, что сеть безрельсовых дорог. Занять в ней выгодное место стало целью, которой добивались города, соперничая друг с другом через посредство политиков, капиталистов и инженеров. То была беспощадная, нередко бесчестная борьба — мрачная страница нашей истории. Тем самым устанавливался новый deal *, от которого зависело будущее развитие: Брив-ла-Гайярд, оказавшись на прямой линии Париж—Тулуза, затмил Тюль; Гренобль взял верх над Шамбери; Аннеси вырвалось из своей изоляции; Безансон оказался в невыгодном положении, и т. д. Судьба городов складывается по-разному начиная с прокладки железных дорог и с индустриализации — важнейшей, хоть и не единственной составляющей которой явилась эта прокладка.

Но не будем воображать, будто железная дорога одним махом взметнула ввысь всю жизнь Франции. Поначалу она была встречена одними с энтузиазмом, другими же — со скептицизмом. Адольф Тьер сравнивал первую линию Париж — Сен-Жермен, построенную в 1836 г., с «американскими горками», с игрушкой для развлечения публики! В том же году Адольф Бланки — брат революционера, ученый профессор Школы искусств и ремесел — утверждал, что «перевозить товары по железным дорогам всегда будет слишком дорого» ²¹⁸.

И тем не менее, как ни медленно (хотя бы из-за высоких тарифов) ²¹⁹ внедрялась железная дорога в быт, прививаясь к старой системе путей сообщения, она все же никогда не была предметом «отторжения», как мы бы выразились ныне. Дело в том, что старая система переплеталась с новой. Как отмечал уже позднее, в 1869 г., Жорж Дюшен, «в транспортных промыслах до сих пор конкурируют между собой «кукушки» **, фуры... тележки, двуколки, служащие продолжением железнодорожных путей» ²²⁰. В промежутках между железнодорожными линиями, вне их досягаемости оставались целые регионы; там, как и прежде, были в ходу повозки и вьючные животные. Можно даже заметить, что стремление связать деревни с железнодорожными линиями способствовало бурному развитию и поддержанию в порядке проселочных дорог. Зато большие дороги, дублируемые дорогами железными, оказывались все в большем запустении. К 1900 г. они и вовсе пришли в упадок ²²¹.

Конечно же, дилижанс не мог соперничать с железной дорогой. В октябре 1856 г. один из редакторов «Журналь де деба» писал по

* Раздел, доля (англ.).

** Двухколесный общественный экипаж, появившийся в начале XIX в. (примеч. ред.).

поводу открытия новой железной дороги: «Когда отъедешь подальше от крупных городов и вновь окажешься в краю, где властвуют дилижансы, не подаваемые вовремя лошади, сонные почталыоны, рвущиеся постромки, которые связывают веревкой, ворот или тормоз для спуска по склонам, где у несчастных узников этих тюремных камер вечно сводит все члены, — тогда-то начинаешь понимать, до какой степени избаловала нас железная дорога»²²². Начиная с 1860 г. ходатайства местных властей об устройстве у них железнодорожного сообщения стали столь массовыми, что примерно в 1880 г. государство скрепя сердце решилось само финансировать расходы на капиллярную сеть железных дорог — то есть на 19 000 километров местных линий, считавшихся убыточными и не привлекавших к себе частные капиталы. То было предвестие будущей национализации железных дорог.

Шоссейные дороги взяли реванш в борьбе с поездами, когда те, в свою очередь, оказались вынуждены существовать в конкуренции с автомобилем. И все же автомобильное сообщение еще долго не могло вытеснить местные железнодорожные линии. В годы первой мировой войны на больших и маленьких грузовиках, поднимавших за собой фантастические столбы пыли, перевозили солдат и военную технику. Во время ужасной Верденской битвы они беспрестанно колесили по «священной дороге», от Бар-ле-Дюка до Вердена и обратно. И тем не менее оставалась и узкоколейная линия, которая также связывала Бар-ле-Дюк с Верденом и по которой ходил маленький поезд «варино», с его миниатюрным паровозиком и вагончиками.

Как нам известно, прогресс шел своим чередом: появились асфальтированные дороги, телеграф, телефон, автострады и, наконец, авиационные линии, которыми с удовольствием пользуются счастливчики вроде меня. Теперь все это известно каждому.

Но сколько удивления и восхищения вызывало все это у тех, кто сам оказывался — еще недавно — свидетелем подобных преобразований! Телеграф долгое время (со времен Клода Шаппа) находился в исключительном пользовании государства. В конце тридцатых годов начались опыты устройства проволочного электрического телеграфа. И спустя несколько десятилетий, 5 февраля 1866 г., префект департамента Луаре писал из Орлеана: «Речь, произнесенная Его Величеством Императором при открытии сессии Законодательного корпуса, явилась главным политическим событием января. Преданный тиснению сразу по получении одного по телеграфу, сей важнейший документ был уже несколько часов спустя расклеен в виде афиш по городу Орлеану...

а тем же вечером я разослал эти афиши непосредственно гг. супрефектам и мэрам для расклейки во всех коммунах»²²³. Bravo!

Спустя еще двадцать лет, 1 февраля 1887 г., знаменитый актер «Комеди франсез» Эдмон Го записывал: «Из Брюсселя в Париж уже звонят по телефону. Наука никогда не перестанет ширить область своих чудес»²²⁴. Да и сам я еще не так давно был поражен новостью, что город Сан-Паулу в Бразилии соединен автоматической телефонной связью с Парижем, — и сразу же поспешил позвонить туда своему старому другу, с которым познакомился в 1936 году, когда Бразилия еще находилась на расстоянии более чем 15 дней плавания от Европы.

Прошлое, влекущее вспять. Однако в прошлом жизнь нашей страны шла вперед не с одной и той же скоростью, не вся сразу устремлялась к новым временам. До 1850 и даже до 1914 г. во Франции оставались хозяйства, жившие в стороне от товарного сообщения, в сугубо натуральном режиме.

Об этом свидетельствует множество фактов. Так, примерно в 1830 г. крестьяне из Тюрена — крупной деревни к западу от Лиона — возили телят на ближайшую ярмарку в Бринье, связывая им ноги и навьючивая на мулов, по двое с каждой стороны седла. А некоторые горные деревни в департаменте Воклюз около 1850 г. были связаны с главным городом одними лишь вьючными тропами — скажем, коммуна Брант на склоне Мон-Ванту, жители которой возили свое зерно в Бюи-ле-Баррони «за 20 километров на вьючных мулах по скверной дороге»²²⁵. Или еще один пример: «вплоть до 1850 г. крестьяне из Маларса или Ла-Фижера [в Лангедоке] носили на спине свои каштаны на рынок в Вансе — идти надо было четыре-пять часов по трудным тропам»²²⁶... Чтобы убедиться, что прогресс больших дорог, а затем и железнодорожного сообщения лишь очень мало затронул значительную часть деревенской Франции, в основном остававшуюся от него в стороне, достаточно прочесть превосходную книгу Юджина Вебера²²⁷.

Еще убедительнее этих картинок, изображающих пережитки крестьянской Франции, талантливая книжка, повествующая нам о превратностях судьбы, пережитых с 1850 по 1940 г. городком Сент-Антоненом²²⁸ — ныне кантональным центром департамента Тарн и Гаронна. Построенный на известняковом краю массива Косс, глубоко прорезанном долиной Аверона и его притока Боннетта, этот городок в краю Руэрг имеет за плечами долгую и благополучную историю (сохранилась романская ратуша, ряд готических зданий). Отмена Нантского эдикта

в 1685 г. нанесла Сент-Антонену, некогда одному из бастионов протестантизма, удар в самое сердце. Эта рана не зажила даже за три прошедших столетия. Как сетовал в 1820 г. мэр города, Сент-Антонен имел репутацию «самого непокорного города во всем департаменте»²²⁹.

В 1850 г. Сент-Антонен (с населением 5 000 человек) и прилегающие к нему деревни были практически самодостаточной зоной: всего 800 человек здесь покупали хлеб у семи скромных городских булочников, выпекавших его только из муки с мельниц по берегам Аверона, где мололи зерно из ближних деревень. Остальные жители, оставаясь истыми крестьянами, либо имели печь у себя дома, либо выпекали свой хлеб за плату в публичных печах²³⁰. Потребление мяса, несмотря на развитие скотоводства благодаря устройству новых искусственных пастбищ вокруг города, оставалось низким: мясо казалось людям слишком дорогим. В разгаре XIX столетия город продолжал жить в условиях слабого денежного обращения. Поденные работники — «брасье» или «гажисты» — сами обрабатывали крохотные клочки земли, а чтобы обеспечить свое прожитие, нанимались «к чужим», чаще всего «за натуральную оплату [...] они убирали кукурузу за «седмину» [седьмую часть собранного урожая], или жали хлеб за буассо зерна, или собирали виноград, получая в оплату выжимки и дела из них домашнее вино... [Словом,] все продукты труда обменивались прямо на месте на другие продукты или же на труд; мельник брал со своих клиентов часть привезенного ими зерна, ткач оставлял себе часть пеньки, кузнец требовал в оплату за изготовление топора день работы на своем винограднике...»²³¹ Вино, птица, овощи, фрукты — все это были местные продукты, которые на месте же и потреблялись, особенно орехи: из них добывали необходимое в домашнем обиходе растительное масло.

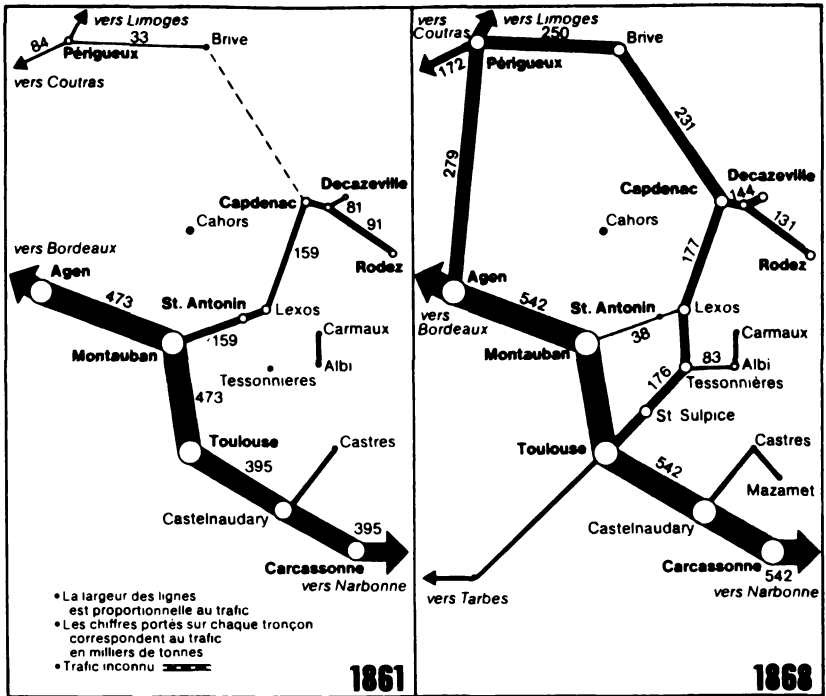
Обмен происходил сам собой, по мере нужды, его власть была мирной и незлобивой. Денег у людей было мало, и служили они главным образом для накопления, «для хранения ценности». В противоположность тому, что кажется нам привычным, их извлекали из кубышек лишь в трудные времена, в качестве последнего средства: скажем, если человек в прошлом году выпекал хлеб у себя дома, а в нынешнем из-за плохого урожая вынужден покупать его у булочника. Все в целом являло зрелище дремотной, само собой разумеющейся, неосознанной автаркии.

Разумеется, в ней пробивали кое-какие бреши торговля и мелкая промышленность. Выращенные в Сент-Антонене и его окрестностях телята высоко ценились на местных ярмарках (которых в 1860 г. было 13)²³², покупатели приезжали за ними издалека, даже из Родеза или

Монтобана; вывозились также кожи — необработанные или выделенные. Из промышленности имелись бумажные фабрики с устаревшим оборудованием (без новых голландских цилиндров) и прядильные и ткацкие мастерские. Причем все эти ремесленные по своему типу промыслы находились в упадке, представляли собой остатки бывлой роскоши — суконной, красильной, дубильной промышленности... Ведь в XIII в. Сент-Антонен значился в списке городов, связанных с шампанскими ярмарками.

Дороги вокруг города были редки, трудны и ненадежны, так что многие столетия подряд «в монастырях ежедневно звонили в колокол (как это часто делалось в верхней части Центрального Массива), чтобы подать знак заблудившимся путникам»²³³; еще «в 1820 г. тысячи домов, деревушек, деревень и городов [...] оставались недостижимыми для всякого движения колесных экипажей. На десятки километров от дороги простиралась непроницаемая, замкнутая местность»²³⁴, да и сам Сент-Антонен был слабо связан с сетью крупных путей сообщения. В середине столетия этот край не только не модернизировался, но еще глубже замкнулся в довлеющей себе поликультуре, из-за упадка ремесел в городке прекратили выращивать коноплю и растения, используемые в красильных (синильник) и кожевенных работах²³⁵.

В книге Клода Армея прослеживаются шаг за шагом те последствия, которые имело вторжение в эту среду железнодорожного сообщения, состоявшееся рано, в 1858 г. В целом дорога осталась «инородным телом». Действительно, хотя линия Монтобан — Капденак, проходившая через Сент-Антонен, была первой во всем регионе, но служила она для сообщения между сталелитейными и горнопромышленными центрами Обен и Деказвиль. Когда в 1862 г. ее продлили от Капденака до Брива, открыв прямое сообщение между Парижем и Тулузой (до тех пор последняя сообщалась со столицей через Бордо), для Сент-Антонена настали золотые времена, но длились они недолго; уже в 1868 г. появилась новая, проходившая в стороне линия на Тулузу. Дорога Монтобан — Лексос сразу же оказалась крохотной местной веткой (см. карту на с. 259), а Сент-Антонен потерял три четверти проходившего через него грузового транзита. «Зачатки промышленного переворота», появившиеся было в городке — в частности, с внедрением в 1860 г. паровых машин в бумажном, прядильном и т. п. производстве, быстро зачахли. Удержалось только дубление кож, а также ремесла, непосредственно работавшие на нужды сельского хозяйства, — кузнечное, каретное, шорное...²³⁶ Экономика, оставаясь почти сплошь сельскохозяйственной, продолжала приходить в упадок до самой войны 1914 г. «Эф-

РЕВОЛЮЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

В 1861 г. город Сент-Антонен очутился на железнодорожной линии, которая еще через год связала Тулузу с Парижем (через Брив-ла-Гайярд). В 1868 г. вновь проложенная ветка отстранила его от этой магистрали.

(Источник: Harmelle C., Hélias G. Les Piqués de l'aigle. Saint-Antonin et sa région (1850—1940). Révolution des transports et changement social. 1932).

Надписи в левом нижнем углу карты: Ширина линий пропорциональна объему перевозок. Цифры около каждого отрезка пути обозначают грузооборот в тысячах тонн. Пунктиром обозначены отрезки пути, для которых эти данные отсутствуют.

фект, произведенный железной дорогой...— заключает Клод Армель,— оказался скорее обратным вызванным ею надеждам»²³⁷.

Нельзя даже сказать, что под ее воздействием городок открылся для сообщения со всей Францией, что его население вышло за пределы узкого круга своей жизни. Перед войной 1914 г. заплатить за билет «даже в третьем классе, даже на небольшое расстояние, все еще оставалось для большинства [...] непомерной роскошью». Так что в 1876 г. «конное сообщение с Монтобаном [...] успешно конкурировало с поездом». А «в повседневном быту подавляющее большинство жителей просто ходили пешком», даже отправляясь за 30—40 километров от городка!²³⁸

Уделом Франции — по крайней мере большей части ее территории — еще долго оставались домоседство, неподвижность, автаркия. Настоящая открытость придет позже. Известная часть крестьянской Франции почти до наших дней упорно старалась жить только своими собственными ресурсами — едва ли не вопреки всему. Винить в этом следует несовершенную систему сообщений и все те факторы, которые способствовали ее несовершенству.

III

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Занявшись промышленностью и индустриализацией, мы, конечно же, сталкиваемся с новыми проблемами. Тем не менее в них любопытным образом отражаются те, что уже встречались нам в связи с системой сообщений.

Действительно, все выглядит так, как будто существовало по крайней мере две промышленности, — *крупная*, которая по преимуществу и воплощала в себе перемены, свершения, экономические чудеса, движение вперед, будущие достижения, массовое производство — то есть представляла собой суперструктуру, — и *мелкая*, рассеянная по всей территории страны, в течение долгого времени составлявшая основную часть промышленности, бывшая своего рода затяжной эпидемией, — диффузная инфраструктура, к которой следует прибавить и массу бесконечно малых величин, независимых ремесленников в городе и деревне.

В общем, намечается резкая двойственность. «По крайней мере до конца Второй империи, — пишет Пьер Кайез, — промышленное производство [как во Франции, так и за ее пределами] стояло на двух опорах»²³⁹. А Франсуа Карон, со своей стороны, пользуется понятием «двойного роста»: такой двойной рост, двойное развитие продолжалось до 1880 или даже до 1900 г. В самом деле, удивительное явление!

Прославленный экономист, лауреат Нобелевской премии 1972 г. Джон Ричард Хикс понимает «промышленность» только как промышленность «крупную». Это его право. В ряде случаев мы даже попытаемся следовать за ним. Тем не менее невозможно забывать, что здесь существовала двойственность, долго не находившая себе разрешения, — если предположить, что она вообще может его найти. Сам я, наблюдая происходящее на наших глазах, в этом сомневаюсь. Уж не являются ли оппозиция, сосуществование, взаимодополнительность двух промышленных чем-то обязательным — или даже неизбежным?

Слово «промышленность». «Промышленность», «индустрия» (от латинского *indo*, «в», и *struere*, «строить») долгое время означала «умелость в каком-либо деле», «смекалку», «искусность» и, в расширительном смысле, «ремесло». Свой современный смысл слово получило лишь

в XVIII в., быть может начиная с эпохи Лоу²⁴⁰. А прежде чем утвердиться окончательно, «промышленности» пришлось вытеснить выражения «искусства и ремесла», «искусства и мануфактуры», которые еще долго не уступали своего места; в самом деле, они дошли до наших дней в названиях двух учебных заведений — Школы искусств и ремесел (создана в 1799 г.) и Центральной школы искусств и мануфактур (создана в 1829 г.). А в XIX в. в каждом департаменте существовала Консультативная палата искусств и мануфактур.

Дело осложняется тем, что в XIX в. словом «промышленность» стремились обозначать любое *производство*, каковы бы ни были его объем, форма или специфика. Матье де Домбаль (1835) в своих рассуждениях упоминает о «сельскохозяйственной промышленности», «виноградарской промышленности», «торговой промышленности», «внутренней промышленности» и о необходимых отношениях между ними²⁴¹. По мнению Жоржа Дюшена, дружившего с Прудоном, «все виды промышленности соприкасаются, взаимно проникают и связаны глубинной солидарностью»²⁴². А в одном официальном письме 1853 г. можно прочесть: «Поглощенные своими посевными работами, жители [Лудеака] уделяют лишь второстепенное внимание всему тому, что не связано с этой *отраслью промышленности*». Тремя годами раньше руководители торговой палаты в Морле (департамент Финистер) заявляли: «Хотя состояние торговли и промышленности в наших краях оставляет желать лучшего, тем не менее мы должны признать, что оно улучшается и что улучшение это было бы еще более заметно, если бы главная наша промышленность — сельское хозяйство могло легче и по не столь разорительным ценам реализовать некоторые свои продукты (а именно зерно)»²⁴³. Автор другого официального письма (1857) озабочен тем, чтобы добиться в департаменте Эро «большого процветания *сельскохозяйственной промышленности*, равно как и *промышленности мануфактурной*»²⁴⁴.

Таким образом, если Жан-Батист Сей тоже пишет о «торговой промышленности», «мануфактурной промышленности», «сельскохозяйственной промышленности»²⁴⁵ — то просто потому, что так говорили все. Пожалуй, немногим более удивительно и то, что Жюль Мелин, более чем знаменитый министр земледелия в 1883—1885 гг., а кроме того текстильный промышленник в Вогезах, *все еще* мог именовать сельское хозяйство «важнейшей нашей промышленностью»²⁴⁶.

Собственно говоря, что плохого в том, чтобы называть сельское хозяйство, транспорт или торговлю «индустриями», то есть в общем-то *ремеслами*? Мастерская ремесленника относится к промышленности, но

и крестьянский дом тоже, поскольку он выполняет такие производственные функции, как хранение урожая, инструментов, заключает в себе хлев, конюшню и овчарню, обеспечивает размещение людей; разве плуг — не машина, разве воловь упряжка — не двигатель? Заступ и мотыга — такие же орудия труда, как и инструменты ремесленника. Массимо ди Анджелло даже определяет промышленность как «совокупность всех видов деятельности, направленных на производство товаров и услуг», — и цитирует Жан-Батиста Сейя, который столетием раньше писал: «Все материальные блага создаются промышленностью, и это заставляет нас рассматривать промышленность — взятую в широком смысле, то есть как деятельность людей, взятую в любых ее полезных приложениях, — в качестве основного элемента общества»²⁴⁷.

Двусмысленность и широта были характерны для этого понятия не только во Франции, поскольку Давид Рикардо (1772—1822) отмечает в своих «Началах», что Адам Смит, а вслед за ним и все английские авторы, путают термины *труд* и *промышленность*²⁴⁸. Против этого возражал Жан-Батист Сей, с точки зрения которого слово «промышленность» следует применять только к «производительному труду», в котором проявляется человеческий ум²⁴⁹.

Неудивительно, что в 1849 г. добросовестный статистик из департамента Сона и Луара пребывал в недоумении, сталкиваясь с местными реалиями²⁵⁰. В самом деле, спущенная администрацией анкета требовала от него сообщить данные о количестве людей, занятых отдельно в каждой из отраслей — не объясняя, «что следует понимать под промышленностью, отраслью промышленности, земледельческой промышленностью и сельскохозяйственной промышленностью!»

Неудивительно и то, что историки не смущаясь пишут о *промышленной* революции XI, XII, XIII вв. — а то и вовсе о промышленности палеолита или неолита. Тем самым они фактически признают, что человек возникает одновременно с промышленностью — как только он обретает умение пользоваться для труда своими руками и простейшими орудиями; если орудием труда было каменное рубило, то таковыми являются а *fortiori* палка-копалка, молоток, нож, ножницы, лопата, заступ, мотыга, пила... Позднее таковыми же явились и первые «человеческие двигатели» — рычаг, ворот, педальный станок, блок... А также и двигатели «животные».

Слово «промышленность» избавилось наконец — и то не вполне — от этого смешения разных смыслов и употреблений лишь после так называемой *промышленной* революции, которая началась в Англии в XVIII в. и с тех пор вновь и вновь вторгалась в ход нашей жизни.

Мельничная революция XI—XIII вв. была лишь первой попыткой, которая, правда, продолжалась долго, но всегда оставалась равной себе. Промышленная революция XIX в. отличается уже одним тем, что она дала толчок ряду последующих революций, которые продолжают и обновляют одна другую. Мария Рафаэлла Карозелли в своей недавней статье (1978) пишет о второй промышленной революции, начавшейся в 1880-х годах²⁵¹. Была ли она второй — или, может быть, третьей? И не наступила ли уже четвертая, связанная с овладением атомной энергией после 1945 г.? А пятой можно считать взрывчатую смесь робототехники, информатики и вычислительной техники начиная с 1970-х... Или же можно просто признать, что промышленная революция все идет и идет себе вокруг нас, что она происходит постоянно, пребывает в постоянном движении (как думаю я сам с восхищением, хоть и не всегда с удовольствием).

Во всяком случае, именно под действием этих факторов слово «промышленность», словно взятая октавой выше нота, оставило позади многочисленные солидные смыслы, которые мы за ним знали, и с тех пор признает лишь один-единственный — зато какой! Сегодня говорить о промышленности — значит обязательно говорить только о *крупной* индустрии.

Излишне напоминать, что слово «промышленник», впервые появившееся, вероятно, в 1770 г. под пером аббата Гальяни, утвердилось в своем значении «глава предприятия» лишь позднее, видимо не раньше 1823 г., когда граф де Сен-Симон заговорил об индустриализации и индустриализме как завершенной экономической системе²⁵²⁻²⁵³. Чтобы окончательно упорядочить наш словарь, следовало бы объясниться и по поводу остальных его слов: «завод», «фабрика», «фабрикант», «рабочие», «заработная плата», «пролетариат»... При этом мы обнаружили бы то же самое постепенное смещение смысла. Слова сами по себе не творят историю — но ими обозначается ее движение.

Элементы научного словаря. Вместо этих живых слов, смысл которых способен от нас ускользнуть, было бы лучше создать специальный словарь, термины которого не страдали бы двусмысленностью. То был бы научный словарь — это сильно сказано, но все-таки сказать об этом следует. Такую неоценимую услугу оказала нам в свое время книжка Юбера Буржена «Промышленность и рынок: Опыт о законах индустриального развития» (1924). С его точки зрения, в любом реально наблюдаемом состоянии промышленности выделяются — как вчера, так и сегодня — три формы, различные по своему размеру и местоположению:

1) Семейные *мастерские*, в которых работает ремесленник — в одиночку либо с одним-двумя компаньонами, чаще всего членами своей семьи; такая крохотная группа почти во всех случаях способна выжить лишь при ежедневной мобилизации всех своих сил. Само слово «мастерская», «atelier» (происходящее от старофранцузского *astelle*, «деревяшка»), первоначально обозначало мастерскую плотника. В дальнейшем оно получило специфический смысл, применяясь равно и к деревенской кузнице, и к подвалу, где держит свой станок ткач, и к будке сапожника и т. д., — то есть обозначая в каждом случае некую элементарную единицу, которая уже не поддается расчленению каким-либо дополнительным разделением труда. И хотя в городах такие мастерские связаны друг с другом в цеха и товарищества, тем не менее их хозяева проживают отдельно и сохраняют автономию.

2) *Распределенные фабрики*, каждая из которых представляет собой ряд рассеянных элементарных единиц, не соприкасающихся прямо одна с другой, но труд и продукция которых зависят от «купца-фабриканта». Этот фабрикант как бы обеспечивает связь между ними: он выдает им авансом сырье, частично оплачивает их труд до его полного завершения, собирает выделанный или не до конца выделанный продукт (в последнем случае он сам занимается его «доделкой»); а главное, он один осуществляет его сбыт и распространение. Примеры такого рода неисчислимы. Самым классическим из них является суконная промышленность во Флоренции XII в.: шерстомойное, трепальное, прядильное и ткацкое производство были там рассеяны по городу и вокруг него в Тоскане в радиусе 60 километров от Флоренции, и все эти производства сходились воедино в руках купцов из *l'Arte delle lana*²⁵⁴. Столь же образцовым является и распределение работ по выделке холстов в окрестностях Лавала, о чем я рассказывал в предыдущей книге²⁵⁵. Здесь, как и во Флоренции, сеть капиталистических предприятий охватывала и городские, и сельские мастерские.

Распространение *распределенных фабрик* ускорилося и словно удесятирилось благодаря общему развитию *сельских промыслов* в Европе XVIII в. Торговый капитализм не мог вполне развернуться внутри городов, где рабочие, пользовавшиеся относительно высокими заработками и объединенные цеховой солидарностью, были слишком строптивы; свободу рук он обрел в сельской местности. Со своей стороны, за пределами городов ремесленник обладал большей свободой (то есть не так зависел от надзора) и жил в большем достатке.

Данный процесс был впервые описан немецкими историками, которые уже давно присвоили ему название *Verlagssystem*, где *Verleger* — ом

является купец — хозяин предприятия. Слова эти с трудом переводятся на французский, а равно и на итальянский и испанский — поэтому немецкое выражение так и попало в словарь международных исторических терминов. Право же, пусть себе в нем и остается! Англичане, со своей стороны, говорят «output system», что нам точно так же трудно перевести. Можно сказать «работа по авансу», но следовало бы вместе с тем подчеркнуть еще и *надомный* характер труда этих наемных работников. Ведь ремесленник оставался у себя дома, работал на дому. А кроме того, в деревне (да и в городе тоже) «он был одновременно и ремесленником и крестьянином, принимал участие в уборке урожая хлеба и винограда, нередко сам владел полем, огородом, виноградником... Во Флоренции XVI в. ремесленник, выделывавший шерсть, оставлял эту работу в пору уборки винограда, а льезский шахтер в августе не спускался в шахту, будучи занят жатвой. В XIX в. ткачи-надомники в Пикардии и Камбрези с мая по сентябрь занимались сбором свеклы, в Мэне они до самого 1860 г. работали на жатве»²⁵⁶. Да и еще лет тридцать тому назад нередко бывало так, что «в Вогезах днем человек был рабочим у Буссака [текстильная фирма], а утром и вечером доил коров»²⁵⁷.

Подобная система существовала в Европе повсеместно — в Богемии и Силезии, в Кастилии вокруг Сеговии и во всей Франции. Чтобы проиллюстрировать ее, нет примера более наглядного, чем кружевная промышленность XVII в. в так называемом *Французском краю* — с севера на юг этот край простирался от Парижа до Санлиса и Шантийи, а с востока на запад от Эрменонвильского леса до лесов Лиль-Аданского и Монморансийского. Главными кружевными деревнями были: «Вилье-ле-Бель, Сарсель, Экуан, Мениль-Обри, Фонтенан-Франс... Кружевниками и кружевницами были крестьяне, работавшие на дому. Купцы-коробейники, сами сельские жители, развозили им на лошади сырье — золотую, серебряную, льняную и шелковую пряжу, — собирали готовую продукцию, а затем сдавали ее купцам из командитного товарищества, что на улице Сен-Дени в Париже. Последние нередко снабжали их пряжей, а сами перепродавали кружева в Голландию, Германию (особенно в Гамбург), в Испанию, в Индию»²⁵⁸. Существовала, таким образом, торгово-финансовая *централизация*, но не было *концентрации* труда.

В конце столетия, когда централизация еще более усилилась, «Кружевная компания Французского края», добившаяся себе государственных привилегий, давала работу 20 000 мастериц, которые, однако, были рассеяны по 52 населенным пунктам»²⁵⁹.

3) Последняя из наблюдаемых форм — это *компактное предприятие*, сосредоточенное в определенном пункте (мануфактура, фабрика, завод).

Именно в связи с этой последней категорией и приходится говорить о *концентрации* ²⁶⁰ наемного труда, которая лишь постепенно входила в обиход, принося с собой свои строгие правила и свои революционные перевороты. Ее конечным результатом стало скопление на тесном пространстве разнопрофильных цехов-мастерских — тем самым размер предприятия вырос на целый этаж, на целый порядок. Яркий пример такого предприятия — Геньонский кузнечный завод, один из первых планов которого хранится в Национальном архиве: действительно, завод этот соединяет вместе доменные печи, кузницы, механические молоты (паровой молот еще не был изобретен), плавильные, литейные, волочильные, прокатные цеха и т. д. ²⁶¹. В дальнейшем эти составленные воедино мастерские еще больше разрастались, либо соединяясь в одном здании, либо оставаясь разделены (в Ле-Крезе ²⁶², Геньоне, Айанже ²⁶³, Нидербронне) ²⁶⁴, но в любом случае сохраняя взаимную связь и располагаясь близко друг от друга.

Поправки и оговорки. Здесь, пожалуй, требуются некоторые уточнения.

1) Главное, не следует полагать, что имел место *обязательный*, в рамках некоторого рационального развития, переход от одной стадии к другой — от мастерской через рассредоточенную фабрику к компактному предприятию. Промышленность — это не замкнутый мир со своей собственной логикой — это один из видов деятельности, существующий внутри огромного целого экономической жизни. Для того чтобы промышленность изменилась и ускорила свое развитие, требовалось, чтобы двигалась вперед вся экономика, чтобы спрос оформился в постоянный рынок, чтобы появилась новая техника. В этом смысле *мануфактуры*, созданные Генрихом IV, а позднее Кольбером, не имели успеха (исключение тут подтверждает правило) ²⁶⁵, потому что в то время рынок не имел еще тех масштабов, которые необходимы для промышленного прогресса.

2) Раз нет регулярной смены стадий — значит, общим правилом оказывается *сосуществование*: большие, средние и мелкие промышленные предприятия вынуждены были уживаться вместе. Хотя иногда и бывало, что одни из них вытесняли другие, — так в XIX столетии коксовые доменные печи пришли на смену (появляясь в других реги-

онах или тут же, на том же месте) домнам, использовавшим древесный уголь, — в иных случаях крупные и мелкие предприятия поддерживали и выручали друг друга. Еще вчера это было очевидно. Но ведь так же очевидно это и ныне, поскольку мощные, даже транснациональные фирмы работают в окружении множества зависимых от них субподрядчиков — мелких и средних предприятий. На то есть много причин: мелкие предприятия свободны от груза служебной иерархии, пользуются преимуществами более низкой себестоимости, играют на разнице в оплате труда и в прибыльности.

3) Наконец, в исторической ретроспективе первая из категорий, установленных Юбером Бурженом, не представляла собой исходной стадии. Ремесленник не сразу стал работать на дому, пустив корни в каком-то месте, прочно обосновавшись в своей мастерской. До этого он был бродячим мастером, останавливаясь то здесь, то там, постоянно готовый по своей или по чужой воле сняться с места. Подобные бродячие ремесленники, странствующие из деревни в деревню, из города в город, известны нам в Индии или Китае XX века²⁶⁶. Поэтому не удивит нас и хроникер времен Франциска I, описывающий металлургические промыслы в долине Жьера, «где бывает много бедных иноземных кузнецов известного сорта, которые мало где живут постоянно, но приходят и уходят подобно перелетным птицам»²⁶⁷. «Перелетные птицы» — хороший образ! Впрочем, он все же неточен, так как птицы в своих перелетах вновь и вновь следуют по одним и тем же маршрутам, тогда как наши кузнецы шли туда, куда вела их бродяжья судьба.

И такая подвижность ремесленников просуществовала долго. В XVIII в., несмотря на повсеместный подъем мануфактурного производства, все наблюдатели дружно отмечают нестабильность в ремесленно-рабочей среде. «Люд бродячий и непостоянный», не имеющий корней, — называет их один²⁶⁸, «безвозбранностранствующий», — пишет другой²⁶⁹. «За постоянство наших художников» — то есть ремесленников, — так же невозможно «отвечать, как и за постоянство наших урожаев», — констатирует третий²⁷⁰. «Если ремесленника где-то вздумают притеснять, его сборы недолги: он уходит, унося свои руки», — эти слова принадлежат Жан-Жаку Руссо²⁷¹.

У нас по деревням еще недавно можно было встретить, наряду с бродячими торговцами, также и бродячих ремесленников на китайский манер, которые доставляли, продавали, отдавали внаем свои услуги всем желающим. То были лудильщики, точильщики, трубочисты или же мастера, которых нанимали на время какой-нибудь работы, предоставляя ночлег и стол до ее окончания: плотники, бочары, чесальщики

конопли, каменщики, каменотесы, землекопы на рытье канав, портные, плетельщики стульев... не буду перечислять дальше, хотя передо мной и лежит нескончаемый список таких мастеров из департамента Ньевр²⁷².

В деревнях департамента Мёз, где в XIX в. имелся избыток рабочих рук, было принято ходить на заработки в течение восьми — десяти месяцев в году, «по одним и тем же неизменным маршрутам». В статистическом отчете 1851 г. упоминаются точильщики, готовые отправиться в путь со своими точильными станками из Рюпт-о-Нонена (40 человек), из Конде-ан-Барруа (78), из Брабана-ле-Руа, из Рюпт-дван-Сен-Мийеля; лудильщики — столь же многочисленные — из Болье-ан-Аргонна, Рарекура, Суэма; сапожники из Левонкура и Брандвилья, которые отправляются на заработки во Франш-Конте, в Париж и даже в Бельгию; плетельщики, которые ходят по фермам, нанимаясь чинить решета для провеивания зерна...²⁷³ В средние века колокольные мастера из Лотарингии ходили лить колокола по всей Франции и доходили даже до Испании. «Несколько человек из них находились в Руане во время казни Жанны д'Арк, они выступали потом свидетелями на суде при реабилитации своей землячки»²⁷⁴.

В более узком радиусе, от гор до долины департамента Гар, странствовали примерно в 1900 г. рабочие-поденщики, описанные у Андре Шансона, — «работники [...] которых иногда нанимали на один день, а то и на несколько часов», но без работы они никогда не оставались. «Таким образом, они меняли ремесло по нескольку раз в неделю, становясь то каменщиками, то дровосеками, то колодезными мастерами...»²⁷⁵.

Не имея, как мы бы сейчас сказали, основного места работы и подражая там и сям на временные услуги, эти бродячие работники дают нам некоторое представление о корнях своего ремесла, уходящих далеко в «доиндустриальное» прошлое. Когда ремесленники обосновываются где бы то ни было на одном месте, это свидетельствует уже о достижении определенного уровня развития. Некоторые регионы Франции, расположенные чуть в стороне от проезжих дорог, — при «Старом порядке» такими были, например, Северные Альпы, во всяком случае Верхние Альпы — и обреченные на тяжелую, почти полную автаркию, вынуждены были довольствоваться примитивными услугами деревенских ремесленников²⁷⁶. Однако такое состояние, которое нам кажется столь скудным, в этих отсталых регионах (как и в других) уже представляло собой известное завоевание, известный признак организации общества. Быть может, в возникновении ремесел в некоторых городах (начиная

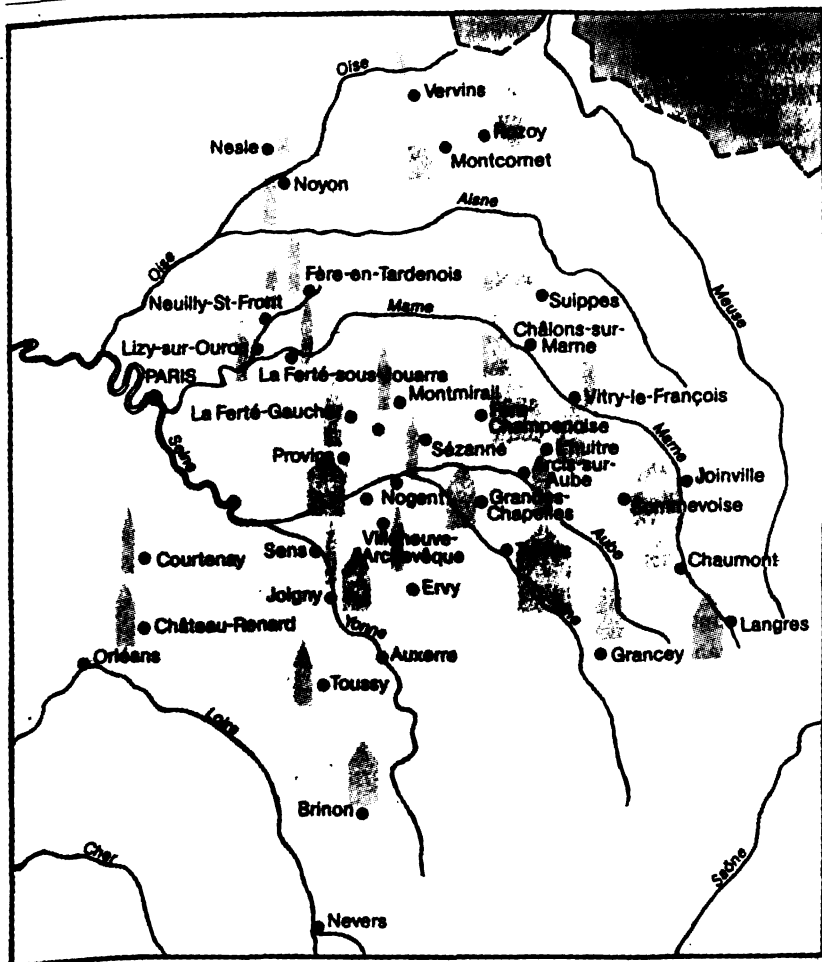

с XI—XII вв.) как раз и следует усматривать подлинное рождение Европы, начало ее пути к обновлению.

Рассредоточенные фабрики. Рассредоточенная промышленность, не смотря на свое название, явилась первичной формой концентрации, объединения — первым оформлением запросов промышленного капитализма, а вместе с тем и реализацией мощной разности потенциалов между городом и деревней. Соблазнительно было пустить эту энергию в дело!

Такого рода объединения «города плюс деревни», организовавшиеся самое позднее в XV в., сделали еще отчетливее в XVI—XVII, а особенно в XVIII веке... В этом столетии в окрестностях Лавала в полотняном производстве было занято более 5 000 человек. Так же было и в Шоле, в промышленности которого в 1790 г. принимали участие жители 77 соседних приходов. Так было и в Сен-Кантене, где в производстве участвовало 150 000 человек, «от работников санлиссских белилен до жителей Нидерландов»²⁷⁷. Так было и в Вуароне (в провинции Дофинэ) — маленьком, но чрезвычайно активном городке: в его пригородной зоне насчитывалось в 1730 г. «4 915 человек, занятых в выработке холста [из конопля], земледельцев и ремесленников, которые прядут и ткнут по заказам вуаронских фабрикантов» — таких, как купеческая династия Денантов, партнерами которых вскоре сделали крупные негодцианты из Гренобля, например семейство Перье²⁷⁸. В основном так же была организована и обработка шерсти по всей Франции, производство шелка в Лионе, выделка кружев в Иль-де-Франсе.

По-своему образцовым примером может служить перчаточное производство в Гренобле, издавна существовавшее в этом городе, а в конце XVIII в. вышедшее и за его черту. В 1787 г. оно объединяло не менее 64 мастеров, 300 кройщиков, 80 заготовщиков кожи, 30 мастеров по отделке и 10 мастеров-красильщиков, которым помогали 220 рабочих и 5560 швей или вышивальщиц — всего 6 264 человека. Базовая производственная единица — мастерская — часто представляла собой просто «достаточно просторную комнату, где сидят [вместе с мастером] несколько постоянных работниц — в больших фирмах 10—20, а чаще всего 4—5». Все остальные трудились на дому по заказам мастеров. Специальные фирмы снабжали каждую мастерскую кожами, тогда как комиссионеры, агенты купцов, скупали готовую продукцию и занимались ее дальнейшим сбытом²⁷⁹. Как и всегда, здесь всем руководили деньги — капитал. Постольку, поскольку он определял цены, капитал охватывал и деформировал старинную систему ремесленных цехов: мастера

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ФАБРИКАНТЫ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫЕ ИНСПЕКЦИИ В ТРУА (1746)

Всего 1 138 «фабрикантов», имевших в своем распоряжении по 1—4 станка. По двум городам используемый нами доклад не дает точных сведений о числе фабрикантов; мы указываем его оценочно, судя по количеству станков в этих городах, которое в данном случае (вообще же далеко не всегда) сообщается в документе.

(Источник: AN F 12 748).

превращались в наемных работников, единственное преимущество которых заключалось в том, что они, в свою очередь, сами предоставляли работу нескольким рабочим, таким же наемникам, как и они сами.

К этому процессу приспособлялось и производство лент в Сент-Этьенне. Правда, мастера там делились на две категории: «менее смелые предпочитают поштучную работу, лишённую риска», другие же посвящают себя коммерческой игре и сами уже не работают с челноком. В основе производства — *мастерские*, которые хотя и хорошо освещались «с помощью больших окон, [но держались] как можно более герметически запёртыми, чтобы уличная грязь не испортила шелк». В общем, работа была тяжелой, утомительной, да еще и в духоте, отчего устаешь особенно сильно. Зона выделки лент простиралась далеко за черту Сент-Этьенна (в то время маленького городка), охватывая области Жари, Форез, Веле — в общей сложности 26 500 человек по данным на 1786 г., то есть целую галактику мастерских²⁸⁰. В Седане рабочие-суконщики жили частью в городе, частью в пригородах: 25 негоциантов давали работу 10 000 человек в радиусе 25 километров²⁸¹. На выполненной Кассини накануне 1789 г. карте города Мазаме и его округа показано распространение промышленного труда в окрестностях этого городка, переживавшего бурный подъем с конца XVII в.

В металлургии данная система работала по-разному. Хозяева множества кузниц, рассеянных по всей Франции (повсюду, где была речка для гидравлического молота и минеральные и лесные ресурсы), работали часто по заказам — поступающим, например, от какого-нибудь дельца из Нивернэ, получавшего крупные партии товара из Рошфора (1689); или же от генерального подрядчика кузниц военно-морского флота, распределявшего свои заказы в Берри, Нивернэ, Франш-Конте, Бургундии (1720)...²⁸²; или же на постоянной основе по заказам купцов-фабрикантов, которые своими капиталами контролировали все производство, от добычи сырья (железа) до снабжения кузнецов инструментами. В Нижней Нормандии (один лишь пример из многих) эти купцы заключали контракты с кузнецами из Мена во время скотных ярмарок в Донфроне, устраивавшихся около десяти раз в год. Поставляемое железо предназначалось для «множества работников», которые трудились на дому, — «полукрестьян-полурабочих»²⁸³, главным образом гвоздильщиков (город Шаню был гвоздильной столицей Нормандии), а также слесарей, жестянщиков.

Итак, повсюду все ожидалось на бесчисленном множестве крохотных мастерских. И число их постоянно росло. Не слишком удивительны в таких условиях цифровые данные, предоставленные коммерческой

конторой Валансьенна «представителю народа» Пересу, командированному на север Франции в 1795 г. В пяти северных провинциях (Эно, Фландрии, Артуа, Камбрезии, Пикардии) производство льняных тканей доставляло средства к жизни полутора миллионам человек — «земледельцам, прияхам, ремесленникам, негоциантам, отбельщикам и аппретурщикам»²⁸⁴. Возьмем минимальную цифру — 400 000 активных работников. Примерно такое же количество рабочих рук было занято в обработке шерсти в Лангедоке.

Не берусь утверждать, что вся эта рабочая сила использовалась в рамках *Verlagssystem*. Однако эта система охватывала основную ее часть и, в силу своей распространенности и создаваемого ею равновесия, такой системе суждена была в дальнейшем долгая жизнь. Даже знаменитые мануфактуры крашеных тканей, основанные в 1760 г. Оберкампом, который вкладывал в них крупные капиталы еще и в начале XIX в., в значительной мере принадлежат к этой старинной системе²⁸⁵. И еще позднее, в разгар XIX в., встречались «обменные контракты», закреплявшие договор между хозяином, дающим работу и забирающим готовую продукцию, и бригадой рабочих под началом своего рода бригадира. Это немного напоминает *sweating system*, практиковавшуюся в то же время в Лондоне в производстве готовой одежды, — то есть, в буквальном смысле слова, эксплуатацию пота несчастных рабочих-надомников. Во Франции долгое время, еще в начале XIX в., парижские магазины заказывали работу (шитье одежды, изготовление позументов, пуговиц и т. д.) провинциальным крестьянам и крестьянкам²⁸⁶. Для предпринимателя тут была очевидная выгода: он получал в свое распоряжение дешевую рабочую силу и при этом избегал прямого контакта с нею, не сталкивался с ее протестами; если он в ней больше не нуждался, он мог сразу же отказаться от ее услуг.

Ну, а когда у нас на глазах наши предприниматели заказывают домашние тапочки, одежду или радиоприемники в Южной Корее, или будильники в Гонконге; когда французский промышленник отправляет в Индию модели, по которым там ткнут ткани, а затем он получает оттуда продукцию и продает ее у нас или даже на экспорт, — разве это отчасти не тот же подход? Эксплуатируемый пролетариат находится в далекой стране, но ведь система одинаковая! Рабочие как бы сами собой увольняются и нанимаются снова, никаких сложностей с профсоюзами, зарплата невысока. Все это чертовски благоприятно для предпринимателя, прямо-таки создано для того, чтобы привлечь современный промышленный капитализм, который, сам того не ведая, остается тут вполне старомодным.

Мануфактуры, или Первичная концентрация производства. Как ни долго держались во Франции традиционные формы *Verlagssystem*, в страну быстро, уже в XVIII в., вторглась начавшаяся в Англии промышленная революция и постепенно нарушила ее старые равновесия. Мало-помалу шло совершенствование и концентрация производства.

Под *концентрацией*, как уже указано, я понимаю одновременное сосредоточение в одном месте средств производства, людей и машин, тогда как *централизация* в моем понимании представляет собой объединение на верхнем организационном уровне капиталов и коммерческой деятельности предпринимателей. Такое верхушечное объединение происходило легче и раньше, чем централизация производственной базы, однако нередко и влекло ее за собой, причем еще задолго до громких достижений XIX в. Таким образом, я согласен с Полем Берошем, который придает особое значение XVIII веку и считает его заслугой многие факторы прогресса и подъема, которые зачастую лишь подхватывались следующим столетием ²⁸⁷.

Все это предварительное развитие оформилось, вернее, проявилось в устройстве *мануфактур* при Людовике XV и Людовике XVI. Правда, само по себе слово значит не так уж много: при Старом порядке оно употреблялось по всякому поводу и без повода. Точный смысл придали ему историки, нуждавшиеся в аналитическом термине. Мы подразумеваем под ним первые явления промышленной концентрации, когда на одном предприятии сосредоточивалась масса различных средств производства. Например, в текстильном производстве таковыми были не только ткацкие станки, но и склады для сырья и продукции, красильные баки, проточные ванны для промывки шерсти, водяные колеса для вальцевальных машин, шесты для развешивания и просушки тканей (здание мануфактуры Ван Робе в Абвиле, построенное довольно поздно, в 1712 г., прозвали Сушилкой) ²⁸⁸. Если не считать водяных колес да порой конных приводов, машины встречались редко или отсутствовали вовсе. В мануфактурах сосредоточивались главным образом люди, опытные работники, орудия же труда оставались традиционными. Было, конечно же, выгодно собрать вместе эти средства и этих работников, которых можно было теперь держать под присмотром, а при необходимости и подучивать с помощью фабричных мастеров, еще не носивших тогда этого звания. При этом ремесленники выводились из своих домашних мастерских, отрывались от своих собственных средств производства. То был значительный перелом, последствия которого в дальнейшем росли и ширились.

Инициатором такого рода предприятий нередко становилось государство. Некоторым из них оно присваивало почетный титул королевской мануфактуры, который до 1787 г. раздавался довольно щедро и символом которого служила ливрея мануфактурного привратника в королевских цветах — сине-бело-красная. Но еще важнее чести были сопровождавшие ее привилегии: монополии, протекционистские тарифы, дары, авансы и кредиты (под проценты или без), жизненно важное освобождение предприятий от контроля и правил ремесленных цехов (один лишь «инспектор мануфактур» имел право надзора за их продукцией), освобождение мануфактурных рабочих от набора по жребиям в провинциальные вспомогательные войска...²⁸⁹

Цели, которые преследовало правительство, настойчиво проводя эту политику, были не новы. Уже Кольбер пытался таким образом упорядочить недостаточную и неравномерную индустриализацию страны. Он хотел увеличить занятость, так как рабочая сила слишком часто страдала от безработицы. А главное, поскольку Франция располагала лишь ничтожными запасами серебра и золота, он стремился развивать экспортные отрасли промышленности, способные принести государству доходы в звонкой монете и драгоценных металлах. Так, примерно в 1750 г. правительство попыталось ввести в Дофинэ шелковую промышленность²⁹⁰.

В общем, политика эта не была лишена дальновидности, хотя ее инициаторы и не стремились сознательно к концентрации производства и лишь редко ее добивались, — скрытая концентрация пошла как бы сама собой начиная с середины XVIII в. И лишь тогда мануфактура вступила на путь к успеху.

Немецкие историки оспаривали масштаб этого успеха. Имея у себя перед глазами ситуацию, аналогичную французской (через мануфактурный этап прошла вся Европа, вплоть до Польши и России)²⁹¹, они отмечали, что мануфактуры составляли самое большее сотую часть в общем объеме промышленного производства. И Вернер Зомбарт резко критиковал Маркса за ошибочное представление, будто мануфактурная концентрация рабочей силы породила фабрику и завод, — последние, согласно Зомбарту, родились из сосредоточения машин²⁹². В самом деле, закономерность, выведенная Марксом, срабатывает, вообще говоря, не всегда, мануфактура не всякий раз оказывается предшественницей фабрики, хотя и можно привести примеры мануфактур, превратившихся в фабрики²⁹³. Однако, на мой взгляд, в этом споре упускается главное: мануфактура свидетельствует о том, что процесс концентрации, которому суждено было такое большое будущее и который способствовал

развитию самой мануфактуры, начался и стал неизбежен очень рано, задолго до промышленной революции.

Конечно, мануфактурная концентрация XVIII в. не достигала той полноты, какая сделалась правилом позднее. Если присмотреться, об этом свидетельствуют многочисленные примеры: знаменитая Гобеленская мануфактура²⁹⁴ на берегу Бьевры; зеркальная фабрика в Сен-Гобене²⁹⁵; мануфактура братьев Виалат д'Эньянов в Монтобана²⁹⁶; суконная мануфактура «Большие Псы», основанная в 1660 г., еще до Кольбера, в Седане, и Дижонвальская мануфактура, созданная там же в 1644 г.²⁹⁷; или же (пример, имеющий значение в долгосрочной перспективе) столь часто упоминаемая мануфактура Ван Робе в Абвиле. Последняя сделалась королевской мануфактурой в 1784 г., а основана была в 1665-м Кольбером и Йессом Ван Робе, который привез с собой из Голландии человек пятьдесят рабочих. В дальнейшем она достигла таких успехов, «что не уступала лучшим тонкосуконным мануфактурам Англии»²⁹⁸, как писал 31 мая 1708 г. из Парижа д'Агессо. При этом она насчитывала более 3 000 рабочих — но только если считать вместе и тех, кто трудился в главном здании, «Сушилке», и тех прядильщиков и прядильщиц, что работали на мануфактуру у себя на дому.

Действительно, любая мануфактура, и во Франции, и за ее пределами, дублировалась *Verlagssystem* — целой галактикой мелких мастерских. В текстильной промышленности, например, чтобы снабдить сырьем один ткацкий станок, требовалась работа полудюжины прядильщиков или прядильщиц. Чем устраивать помещения для всей этой оравы, разве не проще и не дешевле было прибегнуть для прядения шерсти к системе купца-фабриканта, *Verleger'a*? Это ведь позволяло воспользоваться, подобно ему, преимуществами послушной рабочей силы, состоящей в основном из крестьян, которым можно было не так много платить!

Нам неизвестно в точности, какая часть мелкого рабочего люда помещалась в центральном здании мануфактуры. Нам недостает точных сведений о размерах и вместительности большинства предприятий. Даже если, как в Вильневетте или в Лодеве на берегах Лерга, старинные фабричные здания (впоследствии перестраивавшиеся) сохранились до наших дней, неизвестно, как использовались они в старину²⁹⁹. У нас нет надежного ответа на этот вопрос, а тем более нет средних статистических показателей. Есть только данные по некоторым предприятиям — впрочем, весьма красноречивые.

В конце XVIII в. у Ван Робе было занято 1 800 рабочих, сконцентрированных в Абвиле, и 10 000 надомников³⁰⁰. Из рабочих суконной

фабрики Шарве всего лишь одна треть была занята на мануфактуре во Вьенне³⁰¹. На одной из чулочных фабрик в Орлеане (машинной, а не ручной вязки) в 1789 г. 800 человек работали совместно и более чем вдвое больше — на стороне³⁰². В 1810 г. на бархатной мануфактуре в Мазаме было занято «сто рабочих внутри зданий [по всей вероятности, на подготовке шерсти, окраске и аппретуре] и тысяча — вне их стен [прядильщики и ткачи]»³⁰³. Такая организация труда мало чем отличается от той, что встречалась нам столетием раньше, в 1697 г., в Шатору: там, как нам сообщают, находилась «одна из самых крупных в королевстве суконных мануфактур; на ней занято более 10 000 человек всякого возраста и обоего пола, как в городе, так и в окрестностях»³⁰⁴. Но здесь, конечно, двусмысленным словом «мануфактура» обозначается не *здание*, где сосредоточено производство, а скорее весь комплекс текстильного производства, разбросанного по бесчисленным мастерским в городе и пригородах.

В целом, конечно, имело место «постепенное движение в сторону концентрации»; численность рабочих в каждой мастерской отчетливо возрастала, особенно с началом механизации. Хлопчатобумажное производство, где уже с 1765 г. применялось механическое прядение (около 1800 г. оно распространилось повсеместно), с самого начала организовывалось на основе довольно крупных предприятий. Та же эволюция происходила в области шелкопрядения, а затем и шелкоткачества (первый механический станок был запущен в Лионе в 1747 г.)³⁰⁵. Тем не менее текстильная промышленность упорно цеплялась за свои традиции. В самом деле, в производстве как шерстяных, так и хлопчатобумажных тканей наблюдалась любопытная инверсия. Прядение, достигшее высокой степени механизации, уходило из сельских мастерских и перемещалось в цеха мануфактур (строившихся вдоль берегов рек, чье течение приводило в движение станки). И вот, если раньше пряжи не поспевали снабжать ткачей, то теперь уже ткацкому производству, остававшемуся главным образом ручным, постоянно требовался новый персонал. И тогда эту работу стали распределять на стороне, раздавать многочисленным и низкооплачиваемым рабочим, жившим в основном в деревнях³⁰⁶. Так происходило еще после 1870-х годов, даже несмотря на внедрение механических ткацких станков с паровым приводом (начиная с 1860 г.)³⁰⁷.

Однако все приведенные примеры касаются текстильной промышленности. Ей по справедливости принадлежит самое видное место, ибо она играла в старинной экономике, вплоть до начала XIX в., ведущую роль. Тем не менее одновременно концентрация происходила и в других

отраслях — в угольных шахтах, в металлургии, в бумажной и стекольной промышленности, в судостроении... Здесь крупные предприятия, возникавшие порой раньше, чем в текстильной промышленности, и отличные от них по типу, развивались под действием общего революционного процесса в промышленности. Растущую роль в нем играли техника, машины — в ряде секторов производства они одним своим присутствием принуждали к концентрации по современному типу и к отказу от сельской промышленности. Это могло бы дать новый смысл формуле Маркса: «мануфактура плюс машина равно заводу»...

Такой принимавший разные формы подъем должен задержать на себе наше внимание: в послереволюционную эпоху течение этого потока еще более расширилось, и он становился и становится все важнее для современной заводской индустриализации.

Крупная промышленность и новые источники энергии. Крупная промышленность стала прежде всего результатом технических нововведений, применения новых источников энергии, появления новых потребительских нужд; они определяли ее подъем, а она способствовала их росту.

В современных ракетах, стартующих на межпланетные орбиты, имеется несколько двигателей, которые включаются один за другим. Этой последовательностью и регулируется их движение. Так же происходит и в индустриализации. Ей также понадобилось несколько двигателей, сработавших один за другим, но, разумеется, с большим интервалом. Даже и в наши дни индустриализация не происходит мгновенно.

Действительно, любой двигатель от работы изнашивается и рано или поздно доходит до предела своих возможностей. Уже к XIV в. исчерпала себя сила водяных и ветряных мельниц. Дерево — исконный источник энергии для человечества — использовалось столь широко, что его запасы стали иссякать уже в эпоху Сюлли, когда цены на него повысились едва ли не до запретительного уровня³⁰⁸. Использование силы животных невозможно было расширять до бесконечности — они нуждались в корме; как говорил Кантийон, или лошади, или люди³⁰⁹. Что же касается самих людей, то хоть индивидуальная сила их и невелика, зато они размножались, увеличивая тем самым энергетический потенциал промышленности. Однако заработная плата рабочего обязательно должна соответствовать прожиточному минимуму, позволяюще-

му прокормиться. С ростом населения незамедлительно возрастают и цена на продовольствие и стоимость рабочей силы, эта дороговизна нарушает достигнутое было равновесие и существенно замедляет промышленный подъем, который несовместим с ростом стоимости рабочей силы.

Принципиальное преимущество машин заключается в том, что им не надо есть и они не увеличивают стоимость рабочей силы. Когда же используемый в них источник энергии достигает предела своей эффективности, то дать новый толчок техническому прогрессу способно лишь открытие и внедрение какой-то новой энергии. Такой успех никогда не приходит сразу. Одно дело — открыть нечто новое, другое дело — ввести его в строй; даже сегодня проходит в среднем четыре-пять лет, пока техническая новинка начинает полезно применяться в производственных процессах. Не были исключением и оба источника энергии, революционно обновивших весь XIX век, — уголь и пар. Их внедрение шло медленно.

Все это нетрудно понять. Переход от одной системы к другой тормозился всевозможными трудностями — финансовыми, техническими, психологическими... Зачастую приходилось, за неимением лучшего, довольствоваться старыми средствами. На парижских хлопкопрядильных мануфактурах, получивших развитие в начале Первой империи, использовались главным образом конные приводы, как и в первых английских машинах за много лет до того³¹⁰. Так же и во французской металлургии вплоть до 1750 г. и даже позднее при литье применялись одновременно и древесный уголь и кокс. С паром долгое время конкурировала гидравлическая энергия. Паровые машины поначалу распространились лишь на Севере, в Луарском регионе и на Верхнем Рейне, тогда как Юг и Бретань даже много позже оставались верны мельничным колесам³¹¹. И повсюду внедрение паровых машин происходило медленно. Еще в 1847 г. в Нормандии «58% движущей силы, потребной для заводов, доставляла вода», а десять лет спустя из 734 учтенных во Франции хлопкопрядильных предприятий всего лишь 256 — чуть больше трети — работали на паре³¹².

Благодаря работе Адриена Принца мы можем детально проследить этот конфликт между традицией и обновлением на примере заводов Венделя в городе Аянж в Лотарингии, в долине Фенша, где издавна было много шахт³¹³. С 1825 по 1870 г. добыча угля здесь выросла с 3 000 до 134 000 тонн, промышленность же непрерывно совершенствовалась. Древесный уголь был вытеснен каменным. Однако паровые машины пришли следом не сразу. Многие новые промышленные сооружения,

как и прежде, строились вдоль речки Фенш — и не только из-за нехватки свободных участков, но и для того, чтобы использовать энергию воды, которую задерживал ряд плотин. Гидравлическая сила не сдавала своих позиций. Конечно, старинное водяное колесо с лопатками, слишком громоздкое, медленное и нерегулярное в работе, было обречено на исчезновение. Но тем не менее еще в 1860 г. в Айанже оставались в строю гидравлические машины общей мощностью 500 лошадиных сил — против 1 024 лошадиных сил паровых машин. В 1880 г. здесь все еще крутилось колесо прокатного стана; иногда оно останавливалось — и тогда у рабочих было время сходить перекинуться в карты в ближайшем кафе или же поесть картошки, которую жена заводского сторожа пекла в горячем шлаке от печи, где железо разогревали перед прокаткой... Потом колесо снова приходило в движение, и рабочие опять вставали по местам. А между тем в 1870 г. завод Венделя фигурировал во главе списка ведущих предприятий Франции (11,2% общего национального производства).

Вторжение каменного угля (в XVIII в. его называли также «земляным» и «ископаемым» углем) в жизнь промышленности явилось результатом дровяного кризиса, возникшего уже давно и с годами все обострявшегося. Леса нашей страны, при всем своем обилии, не выдерживали усиленной разработки: ведь древесина использовалась и для отопления домов, и для кухонных печей, и — в виде древесного угля — для выплавки чугуна, железа и стали. А кроме того, этот материал был необходим в производстве деревянных башмаков, бочарных изделий, повозок, плугов, в строительстве домов, а также и лодок и кораблей. К тому же домны, кузнечные и литейные мастерские были не единственными «огненными заводами» — следует прибавить еще стекольное и пивоварное производство, обжиг извести...

Франции, имевшей больше лесов, чем Англия, было легче противостоять этому скрытому кризису. Если в Англии уже очень рано стал применяться каменный уголь (хотя бы в отоплении Лондона) и она первой внедрила литье на коксе, то отчасти она оказалась к тому вынуждена истощенностью своих лесных ресурсов. Франция была одарена богаче, но и это преимущество не избавило ее от необходимости методично, яростно и упорно изыскивать у себя залежи угля. В XVIII в. деловые круги сотрясала настоящая «угольная лихорадка»; об этом говорят хотя бы бесчисленные прошения о праве на раскопки и эксплуатацию подземных ресурсов, которые поступали в тогдашний Коммерческий совет³¹⁴.

Уголь имел и еще одно достоинство, значение которого все возрас-

тало: при равном энергетическом потенциале он всегда стоил дешевле, чем дрова, и разница эта все возрастала. В результате неизбежно происходил массовый процесс замены одного другим. С точки зрения топливной ценности одна тонна каменного угля соответствует 2,5 тоннам дров; даже при равной цене и равном весе уголь оказывается дешевле своего конкурента. В эпоху Июльской монархии он при равной энергетической ценности стоил всего лишь одну треть от цены дров, а при Второй империи — лишь одну шестую. Это падение цен на новый энергоноситель стало одной из причин промышленной революции, развернувшейся во Франции в 1830—1870 гг.³¹⁵

В 1815 г. потребление угля во Франции достигало одного миллиона тонн; в 1827-м — 2 миллионов; в 1847-м — 7,6 миллиона; в 1860-м — 15 миллионов; в 1900-м — 40 миллионов, причем одна треть ввозилась из-за границы. Из этих 40 миллионов тонн 6 предназначались для нужд металлургии, 4,5 для железных дорог, 2,5 для шахт, в том числе угольных³¹⁶; 5—6 миллионов тонн следует отнести на счет «77 000 паровых машин суммарной мощностью в 1 200 000 лошадиных сил [...] от обычных деревенских локомотивов, используемых лишь несколько месяцев в году, до заводских генераторов — этих огромных, день и ночь кипящих чайников». Сравнение это, способное вызвать улыбку, показывает, как восхищался виконт д'Авенель современными ему достижениями³¹⁷. Впрочем, приводимые им цифры даже ниже реальных. Действительно, в них не учитываются железнодорожные машины с их лошадиными силами. Поэтому Ив Гийо, со своей стороны, насчитывает в 1895 г. 85 400 паровых машин суммарной мощностью в 6 121 000 лошадиных сил (из которых более двух третей приходилось на железные дороги)³¹⁸. Таким образом, уголь получил первостепенное значение. Мощность «гидравлических заводов» составляла менее одного миллиона лошадиных сил. Могуущественная Анзенская угольная компания, созданная учредительным актом от 19 ноября 1757 г., насчитывала уже в 1791 г. 4 000 рабочих³¹⁹.

Трудность, чтобы не сказать драма, состояла в том, что французские угольные шахты были слишком малочисленны, а их эксплуатация трудной и дорогостоящей. Места добычи далеко отстояли от мест потребления, а поскольку перевозка обходилась дорого, то уголь из Анзена, доставленный в Париж, стоил 33 франка за тонну — это весьма высокая цена. Кроме того, объем добычи оставался недостаточным: в 1900 г. один шахтер во Франции давал в среднем 200 тонн угля в год, а в Силезии — 330³²⁰. Поэтому угледобыча во Франции нередко оказывалась невыгодным делом: в 1900 г. из 297 концессий, разрабатывав-

шихся на территории страны, 123 являлись убыточными³²¹. *Mutatis mutandis* *, можно сказать, что в XIX — начале XX в. Франции пришлось дорого расплачиваться за уголь, так же как после 1945 г. и вплоть до наших дней ей приходится дорого расплачиваться за нефть. И, как и теперь, это плохо сказывалось на французской промышленности. Один текстильный фабрикант из Реймса заявлял в 1834 г.: «Мы используем уголь, доставляемый из Льежа, Монса и Анзена. Наша фабрика потребляет 120 000 гектолитров угля по цене 5 франков 20 сантимов. Такая цена непомерно высока... Обусловлено это высокой платой за перевозку (4 франка за гектолитр), в то время как наши конкуренты в Лидсе платят за уголь 0 франков 55 сантимов — в десять раз меньше». В результате железо стоило в Париже 30 франков центнер, а в Кардиффе (Великобритания) — 15 франков³²². То было серьезное неравенство возможностей — в эпоху, когда в промышленности преобладание текстиля постепенно сменялось господством угля и железа.

Но как бы дорого ни приходилось платить, Франция все же должна была доставлять себе уголь, необходимый и для ее промышленности, и для отопления домов, где он пришел на смену дровам. Париж около 1890 г. закупал ежегодно угля на 90 миллионов франков: мелкий уголь, небогатенный, в брикетах, ньюкасл, тощий антрацит... Те из нынешних парижан, кто по возрасту еще застал времена до устройства центрального отопления, могут припомнить овернских «угольщикиков» — черных от угольной пыли торговцев топливом, которые, неся один мешок на плечах и голове, а другой на спине, поднимали их на самые верхние этажи домов, подобно тому как некогда водоносы таскали ведрами воду, набранную из источников или же из Сены. Да и везде ли в Париже исчезли эти угольщики?

Нововведения. В движении к крупной промышленности, в цепи новых явлений, каждое из которых способствовало индустриализации, все более усложнявшейся по мере приближения к нашему времени, — Франция оказалась отстающей. В 1819 г. Шапталь писал: «Раньше открытия ученых оставались мертвым грузом в их письменном столе или же в записках Академий, а фабриканту, казалось, и в голову не приходило, что их применение может ему пригодиться в делах [...] Ныне же между ними сложилось в высшей степени интенсивное взаимодейст-

* С соответствующими изменениями (*лат.*).

вие; мануфактурщик спрашивает совета у ученого [...] и, поддерживая друг друга, они вместе идут по пути совершенствования промышленности»³²³. Эти слова — дальновидное прозрение будущего, но применительно к Франции своего времени они, пожалуй, грешат чрезмерным оптимизмом. Зато в Англии разрыв между наукой и техникой был уже преодолен.

Однако изобретения и их применение — это явления культуры, которые сами собой получают широкое хождение и распространение, подобно всем явлениям культуры. Напрасно пытаться держать их в секрете, как пыталась это делать Англия в пору первой промышленной революции. Машины и технологические приемы с Британских островов весьма быстро пересекли Ла-Манш. Уже со второй половины XVIII в. многие английские или шотландские дельцы стали создавать предприятия во Франции — таким был, например, Уилкинсон, который вместе с Иньясом де Венделем стал одним из основателей заводов Ле-Крезо. Эти предприниматели занимались изготовлением на месте английской «механики». Вслед за ними, а то и раньше них в Нормандию, Лион, Форез отправлялись британские рабочие и мастера. В то же время французские предприниматели и инженеры все чаще ездили в Англию, занимаясь тем, что ныне называется промышленным шпионажем³²⁴. Прерванное было Революцией, это двустороннее движение возобновилось с еще большей силой после 1815 г. И к тому времени, когда в 1842 г. Англия наконец дала разрешение на вывоз своих машин, из нее все уже было вывезено во Францию³²⁵. В частности, все инженеры первых французских железных дорог прошли английскую выучку — даже те из них, кто физически никогда и не покидал континента.

Собственно говоря, подобное расползание изобретений — явление столь же древнее, как и само изобретательство. А поскольку человечество всегда отличалось изобретательностью, то изобретения издревле распространялись по всей планете: так было с бронзой и железом в доисторическую эпоху; с шелком, о котором столь долго мечтала Византия и который она наконец заполучила при Юстиниане; с порохом, вывезенным из Китая; или, если говорить о делах более близких к нам, так было с горнопромышленным и типографским искусством, которые благодаря немецким рабочим уже в XV в. разнеслись по всей Европе, а вскоре затем и за ее пределы. Англичане и сами практиковали промышленный шпионаж в начале XVIII в., чтобы построить у себя шелкосучильные машины, изобретенные в Болонье и более столетия державшиеся там в секрете³²⁶.

Зато далеко не столь старинным явлением был постоянный диалог между наукой и техникой — или, вернее, технологией, под которой я понимаю вторичную науку, имеющую дело с опытом, причем ее скромные деятели зачастую, сами того не ведая, отличаются подлинно научным складом ума. Словом, это как бы два этажа одного и того же здания. В данном случае диалектика вполне уместна. Но если в наши дни наука и технология беспрестанно ставят друг другу новые задачи, то в старину это случалось реже. В XVI в. мастера и подрядчики венецианского Арсенала — в ту пору главного на Западе центра технического прогресса — обратились за помощью к знаменитому математику Тарталье. Их интересовало, под каким углом должна стрелять бомбарда, чтобы добиться максимальной дальности. Математик установил, что этот оптимальный угол возвышения — 45° ³²⁷. Но историку трудно будет привести много примеров такого рода до XVIII в. Зато уже с самого начала массовой индустриализации имя им — легион.

Первый пример напрашивается сам собой: это паровая машина, главный символ прогресса в XIX в. Разве не явилась она результатом долгой взаимной помощи, какую оказывали друг другу техника (прежде всего она) и теоретическая наука? И разве, однажды утвердившись в своем первоначальном виде, она не стала — по мере того как ее эксплуатировали и выдвигали множество связанных с нею проектов — возбуждать, провоцировать, настоятельно ставить все новые и новые научные задачи? Х. Дж. Хендерсону даже принадлежит знаменитая острота: «Наука обязана паровой машине большим, чем паровая машина — науке»³²⁸. Это очевидно. Первый локомотив, достойный так называться, — «The Rocket», «ракета» (1829), — был изобретен английским рабочим Джорджем Стефенсоном (1781—1848), который, пройдя переподготовку, стал инженером³²⁹. Итак — слава технике! Да, но ведь оригинальной чертой ракеты явилось применение камеры сгорания с соплом, изобретенной французским инженером Марком Сегеном (1786—1875), племянником Жозефа Монгольфье³³⁰. Значит, в известном смысле — слава теории! А теория, в свою очередь, извлекла пользу из опытов, связанных с применением паровой машины: таким образом, примерно в 1860 г. родилась термодинамика, новейшая процветающая отрасль физики³³¹. Действительно, сами несовершенства паровых машин становились вопросами, настоятельными проблемами для науки. В рабочем цилиндре локомотива пар почему-то переставал подчиняться старому закону Мариотта и ни с того ни с сего терял 15—50% своей мощности; и так продолжалось до тех пор, пока в 1870 г. эльзасский промышленник Гюстав Адольф Ири (1815—1890), кстати сказать, увлекавшийся

метафизикой, не разрешил проблему — практически она сводится к тому, чтобы избежать образования и присутствия в цилиндре воды ³³².

Разумеется, это параллельное развитие продолжалось и дальше, по мере того как совершенствовались локомотивы и другая железнодорожная техника — рельсы, шпалы для их укладки, вагонные сцепки, колеса, способные катиться вверх по склону...

«Наука и техника», «техника и наука» — о развитии этого неисчерпаемого сюжета свидетельствуют многочисленные преобразования, которые претерпевала во Франции и за ее пределами металлургия. «XIX век отмечен бурным ростом применения железа и стали — как в совершенно новых функциях, например для производства железнодорожных рельсов, так и для замены старых материалов, например в строительных балках, мостовых фермах и других строительных конструкциях» ³³³. Здесь ход движения определялся пользователем, клиентом, который задавал свои требования, стимулировал производство и внедрение новинок. Переход с древесного угля на кокс сделал возможной выработку дешевой высококачественной стали; Бессемер (1856—1859), Мартен (1864), Гилкрист Томас (1878) — этими именами ознаменованы этапы «металлургической революции», возникновение «научной черной металлургии», обусловленное в первую очередь потребностью в износо- и удароустойчивых рельсах. Качественная продукция давала дополнительную прибыль, которой в годы Второй империи пользовалась фирма Венделя ³³⁴. И вот мало-помалу разворачивались поиски новых сплавов, для чего создавались лаборатории, системы научной информации. Таким образом, утверждалась научная, чрезвычайно многопрофильная металлургия.

Такой же диалог между наукой и техникой происходил в области электричества. Однако здесь ход процесса оказался обратным: по словам Франсуа Карона, «электричество сначала стало наукой, а потом уже промышленностью» ³³⁵. Теоретические достижения, от которых зависело все остальное, были осуществлены Ампером (1775—1836), Араго (1786—1853), Фарадеем (1791—1867), Максвеллом (1831—1879)... И лишь затем на сцену выступила практика, опытное применение. Случилось это благодаря таким людям, как Луи-Франсуа Бреге (1804—1883), часовщик и физик, или Вернер фон Сименс (1816—1892), артиллерийский офицер, инженер и предприниматель, или же — пример особенно эффектный — Зеноб Грамм (1826—1901). Этот замечательный изобретатель родился неподалеку от Льежа, в многодетной и более чем скромно жившей семье. Вечно «не в ладах с грамотой», он плохо учился, кое-как зарабатывал на жизнь столярным ремеслом, хотя и отличался

поразительной искусностью. В 1855 г. он оказался в Париже, по-прежнему столярничая и по-прежнему бедствуя. В 1860 г. он поступил на работу столяром-краснодеревщиком в компанию «Альянс», специализировавшуюся на производстве электрической аппаратуры. Аппаратура эта его буквально заорожила, и позднее, получив место на фабрике золотых и серебряных изделий Кристофля, где применялась гальванопластика, он стал думать о создании новой электрической машины. Никому, естественно, не было дела до его проектов, и в 1869 г. он «установил элементы машины у себя на кухонном столе» с помощью жены³³⁶. Задержавшись из-за войны, он чуть позже представил свою динамомашину в Академию наук — это и была «машина Грамма», работавшая от рукоятки, та самая, которую еще несколько десятилетий назад можно было встретить в наших школьных кабинетах физики. Подключенная к паровому двигателю, она могла, вместо того чтобы вращаться от электрического тока, наоборот, производить его сама. Конечно же, изобретатель, сам того не зная, воспользовался идеями и решениями, найденными до него, и физики обычно оспаривают заслуги, признаваемые за столяром-изобретателем историками. Однако историки, думается, правы. В цепи технических новинок и промышленного прогресса Грамм озаменовал собой важнейшее звено.

А дальше дело пошло еще быстрее. Примерно до 1870 г. «производство электроэнергии... служило главным образом для удовлетворения весьма ограниченных нужд телеграфной связи»³³⁷, этого, как пишет Морис Дома, «первого симптома современной промышленности», появившегося в 1830-х годах. И лишь позднее электричество стало входить в повседневный быт людей. В 1879 г. Сименс построил первый электрический локомотив; в 1883 г. Дебре соорудил 14-километровую линию электропередачи между Визилем и Греноблем; в 1888 г. в Париже пустили электрический трамвай³³⁸; в 1906 г. в столице имелся уже 671 километр проводов сети электрического освещения, в то время как газовая осветительная сеть насчитывала 250 000 километров³³⁹. В то же самое время тяжелая химическая промышленность пережила полный переворот благодаря электрохимии. Наконец, появился новый энергоноситель — «белый уголь», который начиная с 1890-х годов начал конкурировать с угольной топкой и паровой машиной в выработке электричества.

Впрочем, кто же не знает, что за последнее столетие промышленность вообще произвела переворот в технике и нравах людей? Я помню, как до 1924 г. регулярно бывал в деревне в департаменте Мёз и как над столом у нас светила подвешенная на крюке большая керосиновая

лампа, вся из белого фарфора, с таким же белым фарфоровым абажуром. Помню и газовую лампу, накрытую хрупким ауэровским колпачком, — при ее свете в Париже до 1920 г. я готовил уроки.

Еще два-три личных воспоминания: помню свое забавное недоумение, когда мать году в 1910-м тщетно пыталась объяснить мне, что такое кино. В 1913 году, вместе со своим замечательным учителем латыни из лицея Вольтера Александром Мерло, я впервые увидел в парижском небе аэроплан. Примерно в то же время я чуть ли не с ужасом впервые в жизни подошел к телефонному аппарату. И наконец, в сентябре 1913 года в Тревре (департамент Мёз) родители каждый по отдельности рассказывали мне, как поздно ночью сосед, державший в городке лавку модных товаров, подвез их на своем автомобиле.

Сначала «как», затем «почему». Использованная нами классификация Юбера Буржена, даже будучи уточнена и снабжена примерами, помогает лишь в систематизации и описании фактов. Как же подступиться к причинам, которыми обусловлены констатируемые в ней категории, как выявить смысл эволюции и тех поступков, которыми она сопровождалась? При взгляде на обширную историческую картину развития французской промышленности возникает потребность выяснить, заметны ли в ней некие закономерности, способные повторяться, а если так, то и производить более или менее аналогичные последствия — Жорж Гурвич, избегавший слова «законы», которое он справедливо полагал неуместным в «науках» о человеке, назвал бы их *тенденциями*.

Первую из таких закономерностей можно было бы назвать «вторым провидением». Эта необычная формула встречается в сравнительно поздней книге Антуана Кайо: промышленность, пишет он, «в своей неустанной активности являет собой словно второе провидение»³⁴⁰. Имеется в виду — для бедных. Сама идея была уже не нова. Разве не о том же самом пишет Савари де Брюлон в «Словаре коммерции» (1760)? «С давних пор мы видим, как чудеса промышленности распускаются пышным цветом среди нужды», — читаем мы в нем³⁴¹. В 1730 г. интендант Лангедока Бавиль возносил хвалы не столько Провидению, сколько изобретательности людей, — «природа словно воздаёт промышленностью и... коммерческими талантами за ту обделенность, от коей страдают жители бесплодных и неблагодарных земель»³⁴².

Именно так, безусловно, обстояло дело в Жеводане — бедном горном краю, где зимой свирепые холода заставляли крестьян сидеть взаперти

дома. Не потребовалось даже вмешательства какого-нибудь Verleger'a, чтобы все они принялись упорно прясть и ткать из шерсти своих овец грубые, но хорошо продававшиеся сукна. «В Жеводане насчитывается около 5 000 фабрикантских станков», — говорится в записке 1740 г.³⁴³ Правда, половина ткачей прерывает работу на то время года, «которое благоприятствует обработке земли». Летом они — земледельцы, когда же их «загонят в дома снега и льды, более чем на шесть месяцев покрывающие собой землю и деревни», они вновь садут за свои станки. Продавая сукна на ярмарках в долине, горцы могли обеспечить свою нелегкую жизнь.

Так же обстояло дело и по соседству — в Севеннах. Или же на берегах Аржежа, особенно в епископстве Мирпуа — очень бедном краю, где в достатке могли жить только те, кто имел мастерскую. В окрестностях Мазаме «совершенно неблагоприятная» почва заставляла жителей заниматься текстильным промыслом³⁴⁴. В одной записке, посвященной Лангедоку в целом (1733), утверждается даже, что хозяева плодородных земель, «занятые земледелием и основывающие на нем все свои надежды», с трудом сводят концы с концами, тогда как на скудных почвах крестьяне, мало «довольствуясь дарами природы... прилагают свои старания на фабриках», которые дают «беднякам возможность прокормиться и заплатить налоги»³⁴⁵. Да, конечно. Однако достоинство сельских промыслов состоит в том, что они *дополняют* собой сельскохозяйственное производство, сколь бы скудна ни была его эффективность; это именно *второе* провидение. С ними всегда сочетается обработка хотя бы маленького клочка земли, работа на огороде, уход за домашней скотиной.

В городах же правила иные. Ремесла в них существовали искони, спонтанно зарождаясь из потребностей любого городского поселения и зависимой от него территории. Но разве являлись они здесь вторым провидением, предохраняющим от нищеты? Чтобы ответить, необходимо сначала договориться о том, что такое нищета, каковы ее признаки и причины. Города, бесспорно, не ускользают от нее.

Например, в Лилле в силу избытка населения развитие и диверсификация промышленности шли в ускоренном темпе. В то время как средняя плотность населения во Франции — 51 человек на квадратный километр, в департаменте Нор этот показатель далеко превосходит роковую цифру 100; в Лилльском округе он достигает 255! И вот — население обязывает: все отрасли промышленности процветали, стремились прорваться сквозь препоны внутрифранцузского рынка и откликнулись на соблазны рынка внешнего. Здесь практически всегда существо-

вала перенаселенность, скопление пролетариата, ютившегося по городским подвалам и дворам. То был крайний случай, раннее предвестие будущего. Весь город, почти без исключения, был охвачен ремесленным трудом, который выходил и далеко за его черту³⁴⁶. Подобные соображения не лишены актуальности, поскольку из сходных причин часто проистекают сходные следствия. Так, если говорить о наших днях, впечатляющий торгово-промышленный взлет Сингапура, Гонконга, Южной Кореи осуществился благодаря низкому уровню зарплаты и непомерной продолжительности рабочего дня. Все это обусловлено мощным внешнеэкономическим стимулом, ибо на сей раз процесс, во всем своем драматизме, идет на общемировом уровне. Но опять-таки — можно ли говорить здесь о втором провидении?

Следовало бы скорее сказать, что промышленность постоянно служит дверью вовне. При необходимости ее всегда можно открыть. Она составляет выход, которым рано или поздно неизбежно приходится воспользоваться, пусть даже и без большой радости. Вот почему, при всех своих сбоях и провалах, она всякий раз восстанавливается и движется вперед. Она подобна реке, которая пробивается, переливается через любые запруды и в дальней перспективе сама собой делается все полноводнее. Ее течения не смогли прервать даже Столетняя война и вызванные ею кризисы. Ослабевая в том или ином городе или регионе, промышленность поднималась с новой силой в другом месте. Здесь действует своего рода закон сообщающихся сосудов. Выше нам уже не раз приходилось упоминать о долгой войне за Испанское наследство (1701—1714). Действительно ли в последние свои годы она вызвала такие бедствия и упадок, о которых нередко говорят? 6 апреля 1708 г. отряженный для сбора данных чиновник сообщает генеральному контролеру из Реймса: «Могу теперь заверить вас, ваша светлость, что по необычайно счастливому стечению обстоятельств торговля в этом городе совсем не пострадала или же пострадала очень мало от нынешней войны и что здесь нету ни одного рабочего, который сидел бы без работы»³⁴⁷. Не хотелось бы делать обобщающих выводов из этого свидетельства — такое недопустимо хотя бы в силу слов «по необычайно счастливому стечению обстоятельств». Не отрицаю и того, что французским ремесленникам пришлось очень туго в последующие годы, да еще и погода добавила им страданий в страшную зиму 1709 года. И все же в конечном итоге — и это главное — река как текла, так и течет. Хотя, само собой, дела шли бы лучше в условиях мира, да они и пошли лучше сразу же с его наступлением, в 1713—1714 гг.

Еще более выразительный пример — Франция времен Революции

и Империи. Иные историки упорно твердят о пережитой ею катастрофе. Не сомневаюсь в их добросовестности — но только правы ли они? Что верно, то верно: произошло падение внешнеторгового оборота (общий объем экспорта и импорта в 1789 г. — 1 миллиард ливров, в 1795-м — 550 миллионов, в 1815-м — 622 миллиона). Но внешняя торговля — это лишь часть всей торговли, и в ту эпоху во Франции она не имела «для промышленного производства в целом такого значения, какое приобрела начиная со Второй империи (1852)». Более того, индекс роста промышленного производства «в наполеоновскую эпоху был выше, чем в последние годы Старого порядка»³⁴⁸. Таким образом, я согласен с Сержем Шассанем³⁴⁹, утверждающим, что между структурами и объемами промышленности дореволюционной и термидорианской Франции существовал непрерывный переход. Больше того, непрерывность эта сохранялась и позднее, несмотря на огромные людские потери в наполеоновских войнах. Франции недоставало другого — промышленной революции. Но ведь это уже другая проблема! Промышленная революция представляла собой результат долговременного экономического роста, которого в XVII — XVIII вв. сумела добиться одна только Англия. Что же касается Франции, то ее судьба была решена еще до 1789 г.³⁵⁰

Не применим ли намеченный мною тезис также и к периоду XIX—XX вв., когда исторические испытания были еще более грозными? Удалось ли их преодолеть? Что ж, война 1870 г., хоть и очень болезненная для нашей национальной гордости, явно не расстроила экономику Франции. В данном случае сомнений нет. Но так ли все ясно с тяжелейшими потрясениями первой и второй мировых войн? Вместо меня на этот вопрос любезно отвечает Жан Бувьё: «Две мировых войны лишь на недолгое время нарушили процесс экономического роста [Франции]. Они не смогли его поломать. К тому же в обоих случаях за войнами последовал период очень быстрого наверстывающего роста, что привело в третьей четверти XX века к невиданно высокому уровню производства (и потребления): с 1944 по 1977 г. (считая фазу восстановления) объем промышленного производства вырос в 12,8 раза»³⁵¹. Итак — имеет место непрерывность, жизнестойкость, наверстывание упущенного. Так же было и в годы экономических кризисов, несмотря на весь их размах: в промышленном отношении опасный мыс кризиса 1929 г. Франции, конечно, удалось миновать с большим трудом, нежели кризис 1857 или 1810 года, хотя последний, по словам историка, стал более губительным для Империи, чем война в Испании. И все же страна миновала все эти кризисы, как будет преодолен со временем и кризис 1970-х годов, мрачное зрелище которого мы наблюдаем сейчас.

Этот жизненный порыв, молчаливое стремление вперед, мгновенно откликающееся на любой исторический вызов, даже вопреки абсурдной политике правителей и мировым экономическим спадам, в конечном счете и образует главный вектор истории промышленности; ее историю нам нередко представляют по частям, по отдельным эпизодам, не догадываясь, что эти части и эпизоды образуют последовательность, непрерывность, что в них происходят процессы возобновления, развития, разрастания. Нам следует продолжить свой анализ, поскольку исторические процессы и соотношения с необходимостью повторяются, переплетаются, обуславливают друг друга, уживаются между собой. Промышленность невозможна без избытка сельскохозяйственной продукции; промышленность — это люди, и нужно, чтобы в ее механизмы вливалось избыточное сельское население; промышленность живет лишь за счет продажи своей продукции — в годы Революции и Империи обогатился Лодев, поставляя сукна для армии³⁵², бархат из Мазаме вывозился в Канаду, лавальские холсты — в Испанскую Америку, и т. д. Таким образом, правит всем торговля. Но она, как и промышленность, зависит от кредита, от банков, то есть от капитализма: недаром говорят, что промышленность развивается не так быстро, как прежде, оттого что ее недостаточно и несвоевременно поддерживают банки. Наконец, свое слово говорит и государство — вмешиваясь с толком или без толку, но постоянно. Это общее течение, силой которого движется промышленность, — словно река, толкающая и несущая вперед судно. Поистине, здесь царит безостановочный напор, естественная жажда жизни.

Повторяющиеся колебания. Мы утверждаем, что экономическая жизнь в своем движении влечет за собой, обуславливает самим своим дыханием непрерывность промышленного производства, что эта непрерывность представляет собой ее определяющую черту, — не противоречат ли, однако, этому ритмы развития самой промышленности? Действительно, сколько здесь словов, чередующихся с триумфальными взлетами, сколько задержек, отступлений назад! Если рассматривать промышленные предприятия поодиночке, может показаться, что они повинуются закону дискретности, недолговечности. Часто говорят об опустевших деревнях — а стоило бы вспомнить также и о заброшенных мануфактурах, целых заводах!

В своем исследовании по «археологии промышленности» Морис Дома составил перечень разбросанных по всей Франции руин умерших заводов — их здания либо пусты и ветшают, либо с годами приспособ-

ливаются для каких-то иных целей. Историк противопоставляет «вечность» строений «скоротечности» предприятий, которые в них помещались³⁵³. Последуем за ним и мы — отправимся в путь по местам крупнейших мануфактур прошлого.

В Лодеве (Лангедок) по берегам протекающей через город речки Лерг до сих пор высятся полукругом просторные фабричные корпуса³⁵⁴. Расположенная неподалеку и достойная нашего внимания Вильневетская мануфактура — стоявшая, как и другие, у подошвы Черной Горы, откуда к ней сбегали стремительные потоки, необходимые для промывки шерсти, валки сукон, работы мельничных колес, — побила рекорд долготельства. Основанная в 1677 г., она окончательно прекратила работу лишь в 1954 г., после долгого периода упадка. Благодаря такой ее живучести сегодняшний посетитель может «увидеть почти в неизменности обстановку»³⁵⁵ промышленного производства XVIII в.: пройти по хозяйскому дому, по огромным сводчатым залам складов, по собственно производственным корпусам, где стояли машины, по рабочему поселку, дома которого, выстроившиеся вдоль нескольких улиц, представляли собой одновременно семейное жилье и ткацкие мастерские, по сложным гидротехническим сооружениям, обеспечивавшим поступление воды. С этой цитаделью капитализма сотрудничала и дюжина окрестных деревень³⁵⁶. В Абвиле, Седане, Лувье также стоят красивые, похожие на замки сооружения, свидетельствующие о недолговечности крупных текстильных предприятий, — они рождаются, живут и умирают. Познакомиться со старинными домами, кузнечными и плавильными цехами и прочими археологическими памятниками металлургии можно в самых разных уголках Франции, от Перигора до Верхней Марны, от Ландов до Бретани, в Шатийоннэ, Кот-д'Ор или во Франш-Конте; кстати, нельзя не удивиться тому, что единственная доменная печь, зачисленная в разряд исторических памятников, — это печь в Кон-ла-Гранвиле на берегу Шьера, в департаменте Мёрт и Мозель, построенная поздно, в 1865 г., и погашенная пятнадцать лет спустя³⁵⁷.

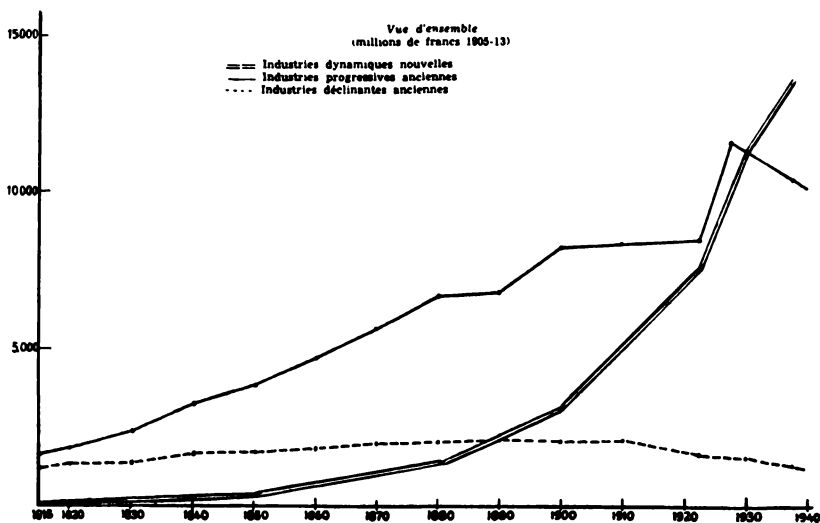
В мои намерения не входит, однако, подробно останавливаться на этих многочисленных, редко используемых данных, моя цель лишь в том, чтобы наглядно показать неустойчивость, недолговечность деятельности, а тем более процветания промышленных предприятий. Тем самым я поддерживаю тезис Уолтера Хофмана, выдвинутый на материале Англии после промышленной революции³⁵⁸, но легко применимый и к Франции XVIII—XIX вв. Если же сформулировать его в максимально обобщенном виде, то он выйдет и за эти, уже весьма широкие рамки.

Это даже не просто тезис, а настоящая закономерность — в данном случае можно даже смело сказать: закон. По мысли Уолтера Хофмана, *любое* промышленное предприятие, независимо от расположения и специализации (добавлю — и от эпохи), с зарождения до прекращения описывает примерно параболическую кривую, то есть вначале следует относительно стремительный подъем, затем более или менее долгий период «потолочных» показателей, и наконец упадок, порой даже вертикальное падение. Не будем сейчас касаться примеров, которые приводит Хофман в доказательство своей мысли. Я уже пользовался его законом в другой работе, применяя его к некоторым — их, к сожалению, немного — экономическим явлениям XVI в., поддающимся количественной оценке³⁵⁹. С очевидностью напрашивается вывод, что дни промышленности всегда сочтены, даже если старт ее — блестящий, даже если в апогее своего развития она производит впечатление непоколебимого здоровья. Рано или поздно — в зависимости от внешних случайностей и даже несмотря на самые благоприятные обстоятельства — судьба всякой промышленной активности подчиняется этой фатальной кривой.

Одним словом, в то время как у каждой сельской общины позади и впереди — многовековая история, промышленное предприятие никогда не может рассчитывать более чем на сто лет процветания (отдельные исключения лишь подтверждают правило). Отсюда следует вывод о недолговечности (разумеется, относительной) промышленности. Связанная изначально с волюнтаристским вторжением в ход истории — здесь мы всякий раз имеем дело с предпринимателями, искателями удачи, — она по-своему доказывает, что время подвластно людям в лучшем случае в самой недолгой перспективе; длительная и тем более сверхдлительная временная протяженность человеку не поддается.

Эти констатации лишь на первый взгляд противоречат исходному тезису, который столь дорог моему сердцу и к которому они не мешают нам вернуться: а именно, что промышленность, рассмотренная как целое в рамках той или иной национальной экономики, находится в процессе непрерывного развития. Течение промышленного прогресса не прерывается, оно само собой тяготеет к экспансии. Здесь в порядке вещей неудачи и упадки, но в порядке вещей и бурные рывки вперед. Общий итог образуется, так сказать, из суммирования плюсов и минусов. Я убежден, что при действии первого же благоприятного внешнего фактора — удачной правительственной меры, открытия нового рынка, благоприятной конъюнктуры, устранения конкурента — происходит общее продвижение вперед. Я оптимистически гляжу на вещи. И, думаю, могу без особых натяжек назвать своим союзником

ДИНАМИЧНЫЕ, РАЗВИВАЮЩИЕСЯ И УГАСАЮЩИЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Источник: Markovitch T. J. L'Industrie française de 1789 à 1964.
Cahiers de l'I.S.E.A. (1966).

Надпись над диаграммой (сверху вниз): Общее состояние в 1905—1913 гг. (Объем продукции указан в миллионах франков). Двойная линия — новые динамичные предприятия. Сплошная оди-
ночная линия — старые развивающиеся предприятия. Пунктир —
старые угасающие предприятия.

Т. Ж. Марковича, безусловно лучшего знатока индустриальной истории Франции с XVIII в. до наших дней. В его работе все отрасли французской промышленности разделяются на три разряда: новые, которые своим бурным развитием переворачивают и увлекают за собой все остальные; идущие на спад, но все еще сохраняющие свое значение; застойные, близящиеся к своему концу³⁶⁰. В общем и целом эта схема соответствует анализу У. Хофмана, о чем вполне красноречиво говорит график, заимствуемый мною из работы Марковича. Индустриальное развитие зависит от обновления — и в итоге своих кратких рассуждений мы возвращаемся к выводам таких экономистов, как Менш, Андре Пиастье, да и многие другие: секрет молодости промышленности — в ее обновлении, которым обязательно увенчиваются усилия технической мысли.

Остается объяснить, отчего же возникает сам упадок, откуда вновь и вновь берется потребность в освежении промышленности, в чем причины тех регулярных колебаний, которыми в конечном итоге характеризуется вся ее судьба. Когда-то такой скрупулезный и осведомленный исследователь, как Анри Сэ, мог заимствовать временной масштаб своих наблюдений из политики: что происходило при Реставрации? при Июльской монархии, при Второй империи, при Третьей Республике? ³⁶¹ Потом мы стали мыслить, ориентируясь на фазы экономического развития, выделенные Франсуа Симианом: в 1817—1852 гг. упадок, в 1852—1876 гг. рост, в 1876—1896 гг. упадок, в 1896—1929 гг. (то есть невзирая на первую мировую войну) снова рост... Оказывается, однако, к нашему замешательству, что порой промышленность быстрее развивается в период упадка (B), чем в период роста (A) ³⁶². Так что же — отбросить эту проблему раз и навсегда как ложную или, во всяком случае, неразрешимую? Или же попытаться поставить ее заново под углом зрения кризисов? Ведь можно считать, что экономический рост, смягчая конфликты и соперничества, вздувая прибыли и спрос, оставляет место под солнцем для всех предприятий, даже для нерентабельных. То есть рост может быть и консервативен. Напротив того, кризис, открывая собой долгую депрессию, снижая прибыли, обостряя внутреннюю и международную конкуренцию, делает сильных сильнее, а слабых слабее ³⁶³. Так может быть, сметая все устаревшее, он тем самым и способствует обновлению, поиску новых путей и выходов? Однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: а в чем причина самого кризиса? И эту проблему разрешить еще труднее, чем предыдущую.

Итоги: мелкая промышленность выживает. Ныне все историки согласны в том, что в дореволюционную эпоху Франция — в силу своей большой территории, природных богатств, многочисленного населения, делавшего ее самой мощной в демографическом отношении европейской страной (исключая Россию), — была первой промышленной державой Европы. Однако это ее первенство зиждилось на старинных приемах и процессах, на сети мелких производственных единиц. Конечно, в ряде крупных городов (Лион, Лилль и др.) и портов (Марсель или Бордо) имела место концентрация капитала, но в таких центрах деловой активности, как хорошо известно предпринимателям, для капиталов ищут иное применение, нежели рискованные промышленные предприятия. Мощным центром концентрации капитала, способным взять на себя поддержку промыслов и мануфактур, являлся Париж, но и там об-

ращали внимание больше на торговлю и транспортные перевозки, чем на выработку текстиля или выплавку стали, больше на импорт испанской шерсти или перепродажу седанских и эльбефских сукон, чем на саму суконную промышленность, хотя в XVII в. столичные купцы и сукноторговцы проявляли к ней интерес далеко не отвлеченный. Короче говоря, в 1789 г. Франция, сколь бы ни был высок ее общий экономический тонус, располагала промышленностью, организованной по старинке, — это правило лишь подтверждали некоторые исключения в области хлопкопрядильной, горнодобывающей и металлургической индустрии. Промышленная Революция, в основном импортированная в нашу страну из Англии, с большим трудом ломала рамки старых установлений и была вынуждена сама уживаться с ними.

Такой «промышленный старый порядок», продержавшийся в течение всего XIX в. и даже вплоть до 1914 г., а то и позднее, можно было бы назвать вторичной промышленностью или, пользуясь выражением Т. Ж. Марковича, «ремеслами в широком смысле», — в противоположность собственно промышленности, то есть крупной индустрии, для которой играет важную роль концентрация средств производства и рабочей силы. В нижеприводимой таблице Т. Ж. Маркович свел воедино результаты четырех широких обследований состояния промышленности при Июльской монархии и Второй империи: в 1840/1845, 1848, 1860, 1861/1865 гг. (показатели даются в миллионах франков):

	Валовой объем промышленного производства	Собственно промышленная продукция (в среднем за год)	Продукция ремесел в ши- роком смысле
1835—1844	6385	1612 25,2%	4773 74,8%
1855—1864	9090	3406 37,5%	5684 62,5%

Итак, согласно этим данным, «за двадцать лет с 1840 по 1860 г. валовой объем промышленного производства вырос на 42,36%: собственно промышленная продукция на 111,29%, а продукция ремесел в широком смысле всего лишь на 19,08%. Таким образом, произошли очень крупные структурные перемены. Доля собственно промышленного производства увеличилась с 25,2 до 37,5%³⁶⁴. Этот структурный сдвиг проявляется еще более четко, если сравнить соотношение прибылей и оплаты труда в сфере собственно промышленного производства: доля прибылей выросла с 56 до 60,4%, тогда как доля оплаты труда сократилась с 44 до 39,6%. «Такое относительное сокращение доли оплаты труда в бурно развивающихся («динамичных») отраслях про-

мышленности очень показательно для промышленной революции XIX в.». Однако оно сопровождалось ростом цен на сырье. Не следует ли усматривать в этом, как делает наш автор, одну из причин колониальной политики, империализма великих держав? ³⁶⁵

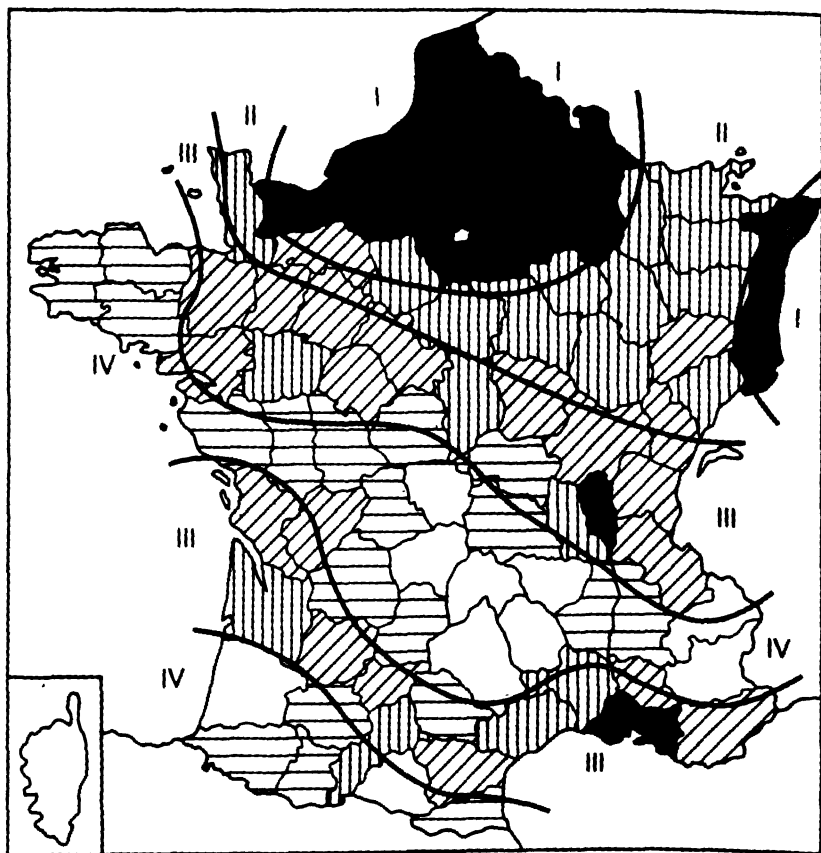
Как бы то ни было, удельный вес мелкой промышленности хотя и сокращался, но все еще оставался абсолютно преобладающим (62,5% в 1860 г.) по сравнению с крупной. В реальности цифра должна быть еще выше, поскольку авторы обследования для различения крупной и мелкой промышленности пользовались таким спорным критерием, как применение на предприятиях машин. В результате получилось, что в статистической переписи 1866 г. портной, имевший одну зингеровскую швейную машину (относительно новое орудие труда) и двух работников, оказывался записан по разряду крупной промышленности! Т. Ж. Маркович с полным основанием предпочитает разграничивать промышленность и ремесла «в зависимости от того, занимается ли хозяин управлением, *не работая* непосредственно сам, или же он занимается одновременно и руководящим, и исполнительским трудом». При этом в категорию ремесел включаются небольшие мастерские, сельская промышленность (живучая как чертополох) и домашние промыслы, продукция которых идет главным образом на нужды домашнего потребления. Если проделать расчеты заново, руководствуясь этим уточненным критерием, то окажется, что доля собственно промышленного производства к 1860 г. достигла не 37,5, а 19,8%, то есть всего лишь одной пятой части валового объема промышленного производства ³⁶⁶. Будучи в явном меньшинстве, крупная промышленность фактически оставалась в окружении традиционных промыслов, охватывавших ее словно море острова. Причем ремесла продолжали отстаивать свое право на жизнь и даже на приумножение: таким образом, промышленный прогресс был двусоставным — бурным в сфере крупной индустрии, но вполне реальным и в сфере мелкой промышленности.

Собственно говоря, исправленные расчеты Т. Ж. Марковича смыкаются с беспристрастными выводами историков, у которых мы учились и которые создали насыщенную, хотя ныне и вышедшую из употребления «Историю современной Франции» под редакцией Эрнеста Лависса, — Себастьяна Шарлети и Шарля Сеньобоса. Последний имел дело с Третьей республикой около 1900 г., то есть на значительном удалении от Второй империи, когда страна уже успела проделать немалый путь вперед. Все статистические данные свидетельствовали об огромном прогрессе французской промышленности. «В 1866 г. среднее число рабочих на предприятии оценивалось по наиболее концентрированным отраслям

всего лишь в 84 человека в металлургии, 21 в горнодобывающей промышленности, 17,4 в химической; в 1906 г. оно выросло до 711 человек в черной металлургии, 449 в горнодобывающей промышленности, 96 в стекольной... На мелких предприятиях, насчитывающих от 1 до 10 человек, в 1896 г. было занято лишь 36% всех рабочих, в 1906-м лишь 32%»³⁶⁷. Одна треть — в мелкой промышленности, две трети в крупной: соотношение сил переменялось, и все же доля мелкой промышленности по-прежнему осталась высока.

Следует ли полагать, что мелкие предприятия своим упорным долголетием мешают крупным? Или же крупные сами нуждаются в мелких, их сосуществование включает в себя взаимосвязь? Во всяком случае, крупная индустрия развивалась не так быстро, как могла бы. Тому имелись и внутренние причины: нововведения вроде автомобиля или авиации поначалу производили взрывной эффект, но, насколько я могу судить, не имели дальнейших последствий. Еще важнее то, что банки не оказывали промышленности поддержку в желаемом объеме; они неохотно ввязывались в долгосрочные инвестиции, которые необходимы в промышленности. Подобно большим портовым городам дореволюционной эпохи, они испытывали соблазн действовать в масштабах всего мира, а не одной лишь Франции. Промышленность оказывалась вынуждена помогать себе сама путем межотраслевых отсрочек в платежах при купле-продаже продукции. Я еще вернусь к этим проблемам, которые в недавнем прошлом столь сильно тяготели над всей судьбой нашей страны. Так значит, виноват капитализм? Репутация у него неважная, поэтому подозрения падают в первую очередь на него.

Иное, весьма соблазнительное объяснение предлагает Эрве Ле-Бра. Прежде всего, он отмечает — и это важно, — что линией Женева — Сен-Мало опять-таки разделяются две Франции: одна из них, на севере, стремительно индустриализировалась, а другая, на юге, противилась индустриализации, на пути которой долгое время стоял ее всемогущий семейный уклад. «Эти две страны так и остались во всем различными: одна отдавала предпочтение тяжелым отраслям производства, другая легким; одна жила в крупных городах, другая — на рассеянных хуторах; одна пестрела мелкими земельными наделами, другая была покрыта крупными хозяйствами, использующими труд сельскохозяйственных рабочих»³⁶⁸. Отказываясь от современной промышленности, с ее массовыми скоплениями пролетариата, Юг одновременно лишился множества своих традиционных мануфактур и мастерских, унаследованных от XVIII в. и убитых конкуренцией с большими заводами. Тем самым он страшно отстал от той богатой и все более богатейшей Франции, что

**РАЗНОСТЬ УРОВНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ в 1830 г.**

Эта карта, составленная на основе 33 показателей, затрагивающих все аспекты хозяйственной жизни (сельское хозяйство, транспорт, промышленность, доходы, наследства и т. д.), отражает региональную неравномерность развития Франции в 1830 г.; переход от черного к белому и от зоны I к зоне IV соответствует переходу от богатства к бедности.

(Источник: Lepetit B. // Annales ESC. 1986 № 6).

располагалась к северу от Луары (см. карту на с. 299). Уже в 1827 г. барон Дюпен восклицал: «Земляки мои южане, вам посвящаю я свое описание Северной Франции [работу «Производительные и торговые силы Франции»]... Вы будете потрясены, увидев, сколь сильно различаются в населении и в богатстве жителей, в развитии мануфактур и коммерции две основные части Франции, которые предки наши различали как края языка «ойль» и языка «ок». И он призывал своих земляков к «серьезной и плодотворной учебе, необходимой для ваших департаментов... ибо ныне вы переживаете физические и моральные лишения, которые делают еще более настоятельными и многочисленными индивидуальные ваши нужды»³⁶⁹. Однако юг не внял этому призыву к индустриализации: его население, вопреки всему оставаясь крестьянским, не влилось в рабочее население севера (в значительной части пополнявшееся за счет иммигрантов). Когда же, много позже, начался наконец отток людей из южных деревень, то шел он в пользу третичного сектора — сферы услуг, свободных профессий, чиновничества, но совсем не или почти не в пользу промышленности. В общем, наши южане оказались и, похоже, остаются по сей день *культурно* невосприимчивы к деятельности в качестве рабочих.

В этих условиях, являясь на протяжении XIX в. единоличным хозяином французской индустрии, север должен был бы дать ей мощное развитие. Между тем по сравнению с промышленностью других стран Европы ее рост оказался относительно слабым (по крайней мере вплоть до недавнего времени, до начала послевоенной эпохи). Эрве Ле-Бра дает этому политическое объяснение. В прошлом веке государство было настолько обеспокоено неравенством между севером и югом, что «необходимость индустриализации отступала на второе место перед политической потребностью в национальном единстве». Государственные инвестиции — то есть богатства севера — шли на развитие юга через посредство политики единого обучения (законы Ферри), железнодорожного проектирования и административного деления страны, а также благодаря «мощному подъему государственного и частного строительства, которое нередко рассматривалось экономистами как расхищение производственных инвестиций». Этим в основном и объясняется «отстающее положение Франции в Европе по показателю индустриального роста в 1860—1914 г.г. «Смягчая резкие неравенства, сопровождавшие первоначальную фазу промышленности, Франция тем самым сдерживала свой индустриальный рост, зато сумела сохранить свое политическое единство»³⁷⁰.

IV ТОРГОВЛЯ: ПОСТОЯННЫЙ ИСТОЧНИК ДВИЖЕНИЯ

Если судить по множеству исследований, посвященных и посвящаемых торговле, можно прийти к выводу, что во Франции — да и в других странах — она является наиболее развитой из всех форм хозяйственной деятельности. Вывод этот, впрочем, опровергают имеющиеся в нашем распоряжении цифры. В 1837 году, в царствование Луи Филиппа, согласно подсчетам барона Дюпена, то, что мы сегодня назвали бы валовым национальным продуктом Франции, равнялось 10,5 миллиардам франков; из них 6 миллиардов приходились на сельское хозяйство, 3 — на промышленность, полтора — на торговлю³⁷¹. Цифры эти расставляют все по местам. С другой стороны, в XIX веке торговля развивалась гораздо быстрее, чем два других сектора экономики, предопределяя постоянный подъем хозяйства. Пожалуй, можно было бы даже сказать, что она развивалась быстрее всех, если бы не банки. Впрочем, разве в конечном счете банковская деятельность это не торговля деньгами? Около 1870 года, констатирует Леонс де Лавернь, «общественное благосостояние выросло сравнительно с 1815 годом [...] причем подчас этот рост совершался благодаря стремительным, великолепным рывкам вперед. Объем внешней торговли увеличился в пять раз, промышленности — в четыре раза, а продукция сельского хозяйства, вообще более инертного, увеличилась почти вдвое»³⁷². Замечу, что в этой неравномерности, в том, что промышленность развивается быстрее, чем сельское хозяйство, а торговля быстрее, чем промышленность, нет ничего нового. Согласно Пьеру Шоню, с конца XVII века до 1800 года доход, приносимый европейским сельским хозяйством, увеличился в полтора раза, промышленностью — в три раза, а доход от торговли — в 10, а то и в 20 раз; налицо настоящий торговый взрыв³⁷³.

Причин к тому имелось немало. Вспомним закон Уильяма Петти (1623—1687), первого из английских «арифметиков», заключающийся в том, что «промышленность приносит больше, чем сельское хозяйство, а торговля — больше, чем промышленность»³⁷⁴. Конечно, выгода — фактор очень важный. Многое — больше, чем обычно полагают, — зависит и от разделения труда: оно создает и разграничивает уровни, придавая одним больший, а другим меньший вес. Более того, возможно, что само разделение труда порождается разницей в темпах развития разных областей хозяйства. Наконец, большую роль играет и числен-

ность людей, занятых в этих разных областях: крестьян в стране гораздо больше, чем ремесленников, а ремесленников — больше, чем купцов и их помощников; эти последние, в свою очередь, куда более многочисленны, чем банкиры, число которых всегда весьма невелико. Вероятно, темпы экономического прогресса обратно пропорциональны числу людей, силами которых этот прогресс совершается.

Как бы там ни было, торговля развивается быстрее всех; она идет впереди, увлекает другие сферы за собой, подчиняет их себе. Я подробно говорил об этом, когда рассказывал о *Verlagssystem*, и скажу еще раз в конце этой долгой главы, где речь пойдет о торговом — или, как я предпочитаю его называть, — купеческом капитализме. Теперь же я хотел бы лишь заметить походя, что промышленность — она больше других, но не она одна — находится под сильным влиянием торговли. Если усовершенствование ее безусловно зависит от технических нововведений — этих словов, разрывов, революционных переворотов, — то не в меньшей мере оно зависит от нововведений торговых. Примеров здесь хоть отбавляй, и каждый из них служит неопровержимым доказательством этой мысли.

Возьмем хотя бы тонкое сукно: во Франции его начинают производить в XVII веке потому, что мебельщики и, главное, портные, изготавливающие нарядное платье, используют его вместо шелка. Спрос существует и удовлетворяется за счет иностранных сукон. Именно с того, что этот первоначальный рынок прибирают к рукам парижские галантерейщики, начинается подъем мануфактур в Седане, Эльбефе, Лувье... Другой пример, другое доказательство: производство сукон в Лангедоке в XVII веке (и вплоть до Революции) есть не что иное, как следствие установления торговых связей с далеким Левантом, со Смирной и Константинополем не через Сет (порт, основанный Кольбером в 1666 году), а через такой мощный перевалочный пункт, как Марсель. Поэтому ничего удивительного, что в документах мануфактуры, располагавшейся в Вильневетт-ан-Лангедок, возникают названия марсельских и прованских кораблей, звучащие, как молитвы, обращенные к их святым покровителям: «Святой Иосиф» и «Коронованный Дофин», «Младенец Иисус», «Богоматерь Гаронская», «Богоматерь Доброй Встречи», «Богоматерь Благодатная», «Святой Людовик» и «Град Алеппо»... Есть и другие примеры, о которых я уже писал: полотно из Лавала пользуется в XVIII веке спросом в испаноязычной Америке; полусукна из Мазаме имеют огромный успех в Канаде...

Даже сельское хозяйство нуждается в покровительстве торговцев. В XVIII веке торговые связи между разными областями Франции

делаются более интенсивными — и тотчас же провинции выходят из изоляции и начинают — к собственной выгоде — специализироваться на производстве определенной сельскохозяйственной продукции: Верхний Прованс занимается виноградниками, другие провинции постепенно отказываются от неперемного выращивания зерновых культур и делают ставку на животноводство... В Марсель стараниями русского консула Пешье³⁷⁵ — при ближайшем рассмотрении оказывающегося негоциантом из местной швейцарской колонии — начинает прибывать из черноморских, еще почти необорудованных портов украинское зерно, и хотя появлению на французском рынке огромного количества русского зерна — что само по себе было новшеством — мы обязаны не одному Пешье, не стоит недооценивать и его роль... Торговля созидает, торговля обладает колдовской силой.

Торговые кадры. Конечно, в нашей стране торговля не велась с таким размахом, как в итальянских городах, в Голландии, а затем в Англии, но не будем думать, что масштабы у нее были совсем скромные. К торговле причастно множество людей, ибо торговцы бывают самые разные: крупные (так называемые «оптовщики», постепенно превращающиеся в негоциантов) и все остальные. Тюрго полагал — и был совершенно прав, — что мир торговли «начинается с перекупщицы, продающей зелень на рынке, и кончается судовладельцем из Нанта или Кадиса». Бумага, писанная в Руане, дает иное определение: «От самого бедного работника до самого богатого купца»³⁷⁶.

Таким образом, торговый *сектор* включает в себя сотни ремесел и ролей. В той или иной мере к торговле причастно все население. В XIV веке в Авиньоне и в Конта-Венессен торговлей заняты от 2 до 5 процентов общества безусловно привилегированного. В 1800 году, когда население Франции приближается к 30 миллионам, торговцев здесь имеется в общей сложности миллиона полтора. А в 1825 году, если подсчеты барона Дюпена верны, их число составляет около 10 процентов от всего населения. Тем не менее в 1856 году Жан-Клод Тутен насчитывает всего 1 900 000 человек, занятых в различных сферах торговли. Правда, его статистика построена лишь на сведениях о торговле *официальной*³⁷⁷.

Итак, на верхушке горстка негоциантов, привыкших к торгам на Бирже. Под ними — более многочисленные купцы среднего достатка с их помощниками и слугами. Еще ниже — мелкие торговцы, *люди низкого звания, мелкая сошка*³⁷⁸, наконец, бесчисленные ремесленники-

лавочки, не говоря уже о скромных поставщиках, обслуживающих городские рынки.

Таких, например, как те торговцы овощами, маслом или птицей, которые еще до рассвета отправляются в путь из парижских пригородов и, полусонные, добираются в своих кабриолетах до центра города. Точно так же обстоит дело в Лионе, где в 1643 году, году смерти Людовика XIII, по рассказам одного путешественника, «продают вразнос все, что только можно продать: пирожки, фрукты, хворост, уголь [древесный], изюм, сельдерей, рыбу, вареный горох, апельсины и проч. Салат и овощи развозят на тележке, громко выхваляя товар. Яблоки и груши продают печеными. Вишней торгуют по столько-то за фунт»³⁷⁹. В Кане «торговлю повседневными вещами ведет множество мелких торговцев, у которых нет лавок (за исключением тех, кто торгуют печенем, маслом и горшками, впрочем, людей совсем бедных); они во всякую погоду устраиваются на улицах и площадях [...] Повозок у них нет, весь их товар уместается в двух-трех корзинах [...] каждое утро они приходят в город из окрестных деревень»³⁸⁰. Можно ли назвать это нулевым уровнем торговли? Пожалуй, нет — причем по многим причинам. За нулевой уровень, думаю я, надо принять самые элементарные меновые сделки, по принципу услуга за услугу: зерно на муку, молоко на масло или сыр или сало, и так далее. Мы уже видели, как все это происходит в маленьком городке Сент-Антонен.

Следует ли поместить уровнем выше странствующих торговцев, которые перебираются, иногда с собственной повозкой, с ярмарки на ярмарку, — или разносчиков? Первых наверняка да, вторых — скорее всего нет.

Как бы там ни было, бесспорно, что число людей, причастных к торговле, постоянно растет; это естественно ввиду роста населения в целом, появления излишков сельскохозяйственной продукции, увеличения промышленного производства и прогресса транспортных средств.

Свидетельств этого *постоянного* роста имеется множество. Еще в 1515 году, в конце царствования Людовика XII, Клод де Сессель, епископ Марсельский, позже архиепископ Туринский, писал: «Всяк заделывается торговцем, на одного купца времен Людовика XI [1461—1483] приходится нынче более полусотни, так что теперь в маленьких городишках същется их поболее, чем бывало прежде в больших столичных городах»³⁸¹. Свидетельство ценное, но единичное. В XVII веке ситуация куда более ясная: все европейские города охвачены эпидемией; лавки буквально наводняют их. Согласно старинным правилам, они прилепляются одна к другой в соответствии со своей специализацией, и,

выстраиваясь по обе стороны улицы, заполняют целые кварталы. Таков, например, Скобяной ряд, который видят в Париже в декабре 1656 года два голландских путешественника: «замечательно, — говорят они, — что подле кладбища Невинно убиенного [конечно, следует читать: *Невинно убиенных*] [...] сидят в своих лавках едва ли не все городские торговцы железным, латунным, медным и жестяным товаром»³⁸².

В XVIII столетии экспансия торговцев лишь усиливается. В 1716 году Потье де ла Этруа сообщает, что «мелочную торговлю ведут нынче не только купцы, но и ремесленники, продающие в лавках — сами или с помощью жен — свои изделия. Люди эти, торгующие *в розницу*, составляют, должно быть, большую часть населения»³⁸³. Среди их товара попадаются также изделия других мастеров.

Новые успехи одерживает торговля в XIX веке, когда после падения Наполеона во Франции воцаряется мир. В 1817 году некий ворчливый житель Лиможа выказывает по этому поводу величайшее возмущение: «Большая часть наших сограждан занялась торговлей, ибо на ней можно много заработать, не прикладая рук. Приказчики, слуги, поденщики — все пооткрывали лавки. Нынче в Лиможе имеется [на десяток тысяч жителей] 25 суконщиков, 76 бакалейщиков, 97 галантерейщиков, 41 фабрикант, 14 ювелиров, 18 торговцев скобяным товаром, 5 контор по найму дилижансов, 23 кафе и 85 кабачков»³⁸⁴.

Мы располагаем сходной информацией — нередко весьма спорной — для Гренобля в 1725 году³⁸⁵ или Савойи около 1789 года³⁸⁶. Так, мы знаем, какой процент глав семейств жили «оседлой» торговлей в некоторых городах: в Клузе их было 12,5 процента, в Тононе — 8,5, в Эвиане — 7, в Экс-ле-Бене — 6,1, в Бонвиле — 3,5; в Аннеси — 15, в Гренобле — 12, а в Шамбери 12—15 процентов. Что из этого следует? Что оседлая торговля более развита в крупных городах, чем в городках (которые, со своей стороны, более тесно связаны с торговлей ярмарочной)? Это можно было предвидеть. Чего предвидеть было нельзя, так это общего процента людей, занятых торговлей в городах, городках и деревнях, равно как и скорости, с которой совершается несомненный рост торгового сектора.

Если в начале разговора об истории торговли в нашей стране я подчеркиваю эти детали, которые сами по себе достаточно очевидны, то лишь потому, что о них часто забывают специалисты по статистике, замороженные картиной, какую представляет разветвленная сеть крупной внешней торговли. Между тем эта суперструктура, безусловно весьма важная, является лишь *малой частью* торговой реальности.

Внутренняя торговля имеет куда большее значение и приносит куда больший доход, чем крупная торговля, обращенная вовне.

Морис Блок, один из первых наших статистиков, настаивал на этой диспропорции национального масштаба еще в 1875 году. «Внутренняя торговля, — объяснял он, — о которой люди обычно имеют весьма неточное представление, включает в обширную сферу своего воздействия все сделки, какие только заключают между собой жители одной страны. Операции эти по своему объему значительно превышают операции, совершаемые в рамках торговли внешней, — превышают даже не в десять, а скорее всего в двадцать раз. В том, насколько различны эти два вида торговли, легко убедиться, если учесть, что внешняя торговля служит лишь для пополнения продовольственных запасов страны или для избавления от излишков производимой продукции. Вспомните, с другой стороны, какое огромное количество сделок ежегодно заключают между собой 36 миллионов жителей Франции; вспомните, что нет, пожалуй, такого продукта труда, который перед тем, как быть использованным потребителем, не прошел бы через руки двух-трех посредников и, таким образом, не принял бы участие в нескольких коммерческих сделках; вспомните, что к этим актам купли-продажи, совершаемым с предметами материальными, добавляются сделки банковские и кредитные, неразрывно связанные с торговлей, — и вы не сможете не признать, что не будет преувеличением оценить годовой оборот внутренней торговли в 35—40 миллиардов, иначе говоря — в среднем в тысячу франков на одного человека»³⁸⁷.

О мощи внутренней торговли свидетельствуют и другие факторы. Ее роль в экспорте. Ее роль в получении сырья, необходимого для промышленности и жизни нации. А также в меньшей степени, если говорить об эпохе, когда производил свои подсчеты Морис Блок, — рост оборота внутренней торговли и выручаемой от нее прибыли. Даже во времена Вольтера легкомысленная «Лавка редкостей» приносила весьма солидный доход. А в середине XIX века настала пора крупных магазинов: в 1850 году открывается «Феликс Потен»³⁸⁸, в 1852 году — «Дешевый магазин» («Bon marché»), в 1855 году — «Лувр», в 1869 году — «Самаритянка»... В результате доходы иных «оседлых» торговцев оказываются сравнимыми с доходами негоциантов.

Вернемся, однако, к 35—40 миллиардам — этой суммой Морис Блок оценивает годовой оборот внутренней торговли, признаваясь, впрочем, что никакого средства проверить правильность своего утверждения он не знает. Какой бы рискованной и спорной ни казалась эта цифра, пояснения к ней могут быть бесполезны. Отметим, прежде всего, что

в данном случае, согласно предписаниям Тюрго, учитываются «сделки любого свойства», от тех, которые совершают разносчики, до тех, какие совершаются на рынках, на ярмарках, в лавках. С другой стороны, многие товары меняют владельцев до десяти раз, и, следовательно, учитываются несколько раз — при продаже, при покупке, при перепродаже, не говоря уже о кредитных сделках, выдаче векселей и билетов на предъявителя — все это также включается в понятие «оборот внутренней торговли». Неудивительно, что эта цифра превышает весь физический продукт Франции, стоимость которого равнялась в ту пору 25 миллиардам. Что же касается внешней торговли, как импорта, так и экспорта, то ее оборот в 1872 году оценивался всего в 7,83 миллиарда (не считая реэкспорта, составлявшего примерно четверть этой суммы)³⁸⁹.

8 миллиардов против 35: эти пропорции соответствуют оценкам некоторых английских историков³⁹⁰, считавших внутреннюю торговлю их страны в четыре-пять раз более развитой, чем внешнюю. От этого до изображения ее одним из главных двигателей промышленной революции был один шаг — который они и сделали. Разве Дефо не прославлял еще прежде них, в начале XVIII века, плодотворность разделения коммерческих операций между многими посредниками, чьи мелкие барыши образуют в конечном счете большую сумму, обогащающую национальный рынок?

Множество мелких барышей — это и есть отличительная черта внутренней торговли. А что же торговля внешняя? Аббат Гальяни точно подметил разницу между незначительными и ежедневными доходами от огромной по объему торговли зерном внутри страны (осуществляемой бесчисленными торговцами) и прибылью негоданта, который берется за такую торговлю только в случае неурожая, спекулируя на разнице цен в мировом масштабе. Даже при малом объеме продажи эта прибыль, если она сосредоточивается в руках одного-единственного экспортера, может быть огромной: так, фирма Ксименесов в 1591 году выручила 300 процентов³⁹¹.

Именно по этому признаку следует сравнивать торговлю внутри страны и за ее пределами, как и поступил Мишель Морино в своей блестящей статье³⁹². Известно, что в XVIII веке, судя по торговым балансам, «торговля с американскими колониями всегда, за исключением военного времени, была для Франции очень невыгодна»³⁹³. Например, в 1750 году на 62 миллиона импорта приходилось более 27 миллионов экспорта³⁹⁴. Меж тем ни для кого не секрет, что эта торговля, объем которой в течение XVIII столетия утроился, учетверилась, заложила

основы постоянно возраставшего процветания наших атлантических портов. Разъяснить этот парадокс помогает документ 1729 года — точные счета плавания корабля из Бордо в Сан-Доминго и обратно. Отплыл корабль, имея на борту товаров на сумму 37 149 ливров, назад привез товаров на сумму 92 895 ливров, иначе говоря, согласно подсчетам торгового баланса, с дефицитом в 55 746 ливров. Однако для негоцианта никакого дефицита тут не было. Груз, с которым корабль отправился в путь (вино, водка, мука, солонина, масло, сальные свечи, стекло), был продан в Леогане по цене, в два с лишним раза превышавшей исходную, — за 81 678 ливров. Груз, с которым корабль отплыл (индиго, сахар, дубленая кожа), был куплен за 78 603 ливра, а в Бордо продан за 92 895 ливров. С учетом всех дорожных расходов, включая амортизацию корабля, прибыль составляет 35,6 процента. Примерно такой же процент приносили в среднем все торговые операции с Антильскими островами — для *регулярных*, а не спекулятивных сделок результат весьма значительный. Вобан считал, что в среднем торговые сделки приносят не более 10 процентов.

Таким образом, я подхожу к занимающему меня вопросу. Дело не в том, чтобы вывести численное соотношение между внутренней и внешней торговлей — это мне не по силам. Дело и не в том, чтобы согласиться с английскими историками, которые — возможно, совершенно справедливо — считают внутреннюю торговлю двигателем промышленной революции у них в стране, — или же опровергнуть их (что касается нашей страны, то у меня еще будет случай показать, что главным источником нашей индустриализации как раз и был наш внутренний рынок). Меня интересует другое: в становлении капитализма, который одушевляет, формирует, подчиняет себе этот процесс индустриализации и сам возрастает с его помощью, главенствующую, определяющую роль играет, как это ни парадоксально, именно внешняя торговля, хотя общий объем ее сравнительно невелик. Вот что требует пояснения — или даже пояснений. И здесь наше внимание неминуемо привлекают негоцианты.

Негоцианты и торговля с дальними странами. Негоцианты, бесспорно, отличаются от прочих торговцев; эти последние торгуют в своей лавке, куда к ним приходит постоянный клиент со своими потребностями; первые же владеют складами, где товары накапливаются, и покидают их лишь «под парусом», когда необходимо продать большую партию. Майфер, купец из Реймса, современник Ришелье и Людовика XIII,

вспоминает годы своего ученичества, сначала в услужении «у торговца враздроб», затем последовательно у двух торговцев «при складах». Именно у второго из них, торговавшего с Италией, Майфер «увидел, что тут можно ковать деньги и что оптовщина вещь приманчивая и благородная, не то что мелочная торговля, где ты связан по рукам и ногам и обязан всякому угождать»³⁹⁵.

Но для того чтобы стать негодциантом, недостаточно иметь состояние самому; нужно иметь богатых родственников, которые смогут поддержать тебя в трудную минуту. Сколько соблазнов, сколько опасностей, сколько надежд! Уходят деньги так скоро, а возвращаются так неспешно! Во всяком балансе рядом с долгами *активными* соседствуют долги *невозвратимые*. Все торговые дома подвержены этому риску. Начать дело, взять займы, пережить трудную пору, уберечься от постыдного банкротства — для всего этого необходимо иметь надежный тыл — семью. Или других торговцев, образующих вместе с тобою командитное товарищество (позже — акционерное общество)³⁹⁶. Кажется, что быть богатым в одиночку невозможно.

Другое условие: негодциантом, крупным торговцем становится лишь тот, кто ведет торговлю с дальними странами, кто не ограничивает свою деятельность пределами родного королевства. Торговля с дальними странами — торговля по морю. Это прекрасно понимают литераторы: «Бальзак и Александр Дюма единодушны: банкир [негодциант], будь то ростовщик из «Венецианского купца» или судовладелец из «Графа Монте-Кристо», всегда ожидает прибытия в порт корабля с грузом — залогом богатства и благополучия»³⁹⁷. Богатый груз, богатый товар — это перец, пряности, наркотики, благодаря которым в течение столетий сколачивались состояния в Леванте. Это также драгоценный шафран, сахар, роскошные ткани. «Фунт шафрана стоил (около 1500 года) столько же, сколько лошадь. Фунт сахара (доставлявшийся в ту пору с Кипра), — столько же, сколько три молочных поросенка»³⁹⁸. В XIII веке «30 метров фламандского сукна продавались в Марселе по цене, в два-четыре раза превышавшей цену сарацинской рабыни»³⁹⁹. Все это «заставляет нас задуматься о духе времени, о цене человеческой жизни, а также о необычайной дороговизне нидерландских тканей и немалых барышах, которые они могли приносить *фабрикантам* и *негодциантам*»⁴⁰⁰. Mutatis mutandis, тем же правилам подчиняется «торговля с островами» в XVIII столетии, а также сделки с обитателями Нового Света и Дальнего Востока.

Кроме того, не надо сбрасывать со счетов и удачу, счастливые случаи, которых надо не упускать. Возьмем, к примеру, жителей Сен-

Мало, которые в конце XVII и в начале XVIII века ухитрились на какое-то время стать главными в Европе поставщиками серебра — в виде монет или слитков, — добытого в Чили или Перу — конечных пунктах бесконечных плаваний по Южному морю* *. Прибыль их достигала 800 процентов⁴⁰¹. Или другой пример — те купцы, которым время от времени удавалось войти в какой-нибудь русский порт с предметами роскоши на борту. Всякий такой случай — верный шанс лишить русских покоя и заставить их выложить «миллионы рублей». Царское правительство, покровительствовавшее недавно созданным русским мануфактурам, прилагало все усилия к тому, чтобы не допускать в свои портовые города «эти галантерейные товары, сходственные с предметами роскоши»⁴⁰², но игра, вне всякого сомнения, стоила свеч.

Еще больше опасностей сулила в XVIII веке торговля неграми; впрочем, барыши здесь с лихвой окупали риск: 300 процентов в 1782 году, — правда, в условиях исключительных, во время Войны за независимость Соединенных Штатов. Обычные же барыши на этом поприще в течение XVIII столетия исчислялись 50, 63, 80 процентами⁴⁰³. Конечно, торговля эта была, как говорил в 1763 году нантский судовладелец Дегер, «делом рисковым и беспокойным», нередко чреватым потерями, хотя бы оттого, что многие пленники умирали во время плавания⁴⁰⁴. Но одновременно с этим ненадежным товаром корабли непременно везли колониальные продукты — товар исключительно надежный, и это существенно уменьшало степень риска. Ни один из портов на берегу Атлантического океана, от Дюнкерка до Байонны, не остался чужд этому виду торговли⁴⁰⁵.

Немецкие историки уже давно показали, что в торговых обменах первенствуют *Fernhandel* (торговля с дальними странами) и *Fernhändler* (торговцы с дальними странами). Истина более чем общеизвестная: во всякую эпоху люди всегда знали, что прибыль тем больше, «чем дальше страна, с которой торгуешь по морю»⁴⁰⁶. Отец Матиас де Сен-Жан, любознательный предшественник голландцев, утверждал (в 1646 году), что «самое хорошее и прибыльное дело — торговать чужеземным товаром»⁴⁰⁷.

В XVIII веке такая торговля имела и другое преимущество — она сообщала торговой буржуазии «независимость от короля»⁴⁰⁸. Иными словами, свободу. Тогда как внутренняя торговля находится под строгим надзором местных властей, которые принимают (или думают, что принимают) все решения, внешняя торговля пересекает границы: стоит

* Южное море — старинное название Тихого океана (*примеч. ред.*).

кораблю покинуть гавань, как капитан (и торговец) остается на борту единственным и полновластным хозяином. О короле Франции никто и не вспоминает. Торговый совет нимало не заблуждался на этот счет. «Значительнейшая часть торговли, требующая самого пристального внимания, — объясняет он, — та, что совершается за пределами страны. Торговля, что идет внутри, пребывает под надзором правительства и может быть направляема подобающими указами...»

Итак, мы вновь сталкиваемся с противопоставлением внешней торговли торговле внутренней. У Совета сомнений нет: внешняя торговля берет верх над внутренней. Точно так же, как не было их у морского министра Морепа, который 3 октября 1730 года докладывал Людовику XV: «Внешняя торговля доставляет в ваше королевство золото и серебро и приводит в движение торговлю внутреннюю, причем эта последняя процветает лишь в том случае, если подданные ваши получают выгоду от первой»⁴⁰⁹. Что же до эффективного надзора над внешней торговлей, это дело другое. Торговый Совет в процитированной выше бумаге указывает, что он «уже больше года как ничего не слышал о делах, какие делаются в городах Леванта, а равно и в портах Испании. Нам неизвестно, на какую ногу поставлена там торговля»⁴¹⁰.

Объясняется ли эта свобода тем, что за пределами страны сделки порой заключаются гораздо легче, чем в ее пределах, как это происходит, согласно наблюдениям английского экономиста К. Берилла, в слаборазвитых странах в XX веке?⁴¹¹ «Торговля с другими государствами, — пишет он, — для них часто дешевле и легче торговли внутренней; разделение труда между разными странами достижимо скорее, чем между различными районами одной страны». В таком случае возникает вопрос, не могла ли внешняя торговля, которую легче наладить, возникнуть раньше торговли внутренней и, по крайней мере *вначале*, превзойти ее по общему объему — в опровержение схемы, которую я привел выше. На этом настаивает историк Марчелло Карманьяни, рассматривающий Чили в начале его развития, между 1680 и 1820 годами: «Доходы от внешней торговли были там гораздо выше, чем от всех остальных секторов»⁴¹² — иначе говоря, от торговли внутренней. Не обстояло ли дело таким же образом и в других еще не европеизировавшихся странах Америки? И если да, то не стоит ли допустить, что и старая Европа на первых этапах своего экономического развития следовала правилам, по которым развивается *всякая сколько-нибудь зрелая экономика?*

Однако эта гипотеза уводит нас в сторону от главной проблемы — ведь мы задались целью выяснить, почему и в какой мере торговля с дальними странами становилась источником больших прибылей, от-

ромных состояний, которые и породили капитализм. Выяснить же это необходимо, ибо за последние двадцать — тридцать лет историки, особенно историки французские, предпочитали деяниям элиты факты из жизни больших человеческих сообществ. При этом перец, пряности и заморские похождения отошли на задний план⁴¹³.

Меж тем такой подход грозит искажением перспективы, как доказывает ученый спор, возникший во время защиты диссертации Виторино Магальяйнша Годинью в Сорбонне. Эрнест Лабрусс задал тогда вопрос: можно ли сказать, что в Португалии — небольшом королевстве, где король был главным продавцом перца и пряностей, — объем продажи этого товара превышал объем продажи зерна? Разумеется, нельзя. Но этот отрицательный ответ ничего не решает. В самом деле, торговля зерном, за редкими исключениями⁴¹⁴, осуществляется, как мы уже сказали, тысячами людей. Прибыль — если она вообще есть — здесь всегда невелика и тотчас растрачивается на повседневные нужды. Напротив, торговля с дальними странами, торговля дорогими товарами приносит прибыли, которые распределяются между горсткой европейских торговцев из Венеции, Генуи, Марселя или, позднее, Амстердама. Это прекрасно понял Поль Адан: «В верховьях, то есть на Востоке, равно как и *низовьях*, то есть в Западной Европе, торговля дробится, ведется руками множества не слишком богатых купцов; напротив, средиземноморские города (в эпоху процветания Внутреннего моря) представляют собой „узкое место“. Здесь вся торговля сосредоточивается в руках небольшого числа купцов, которые контролируют ее всю целиком»⁴¹⁵. Это — *превосходство позиции*, условие, необходимое для того, чтобы разные направления торговли слились в единую линию, а уж потом разошлись снова. Возьмем банальный случай: торговцы тонкой шерстью из Ле-Мана в начале XVIII века. В эту пору они еще не установили прямых контактов с иностранными рынками, куда поступала большая часть этих тканей. Они продают свой товар крупными партиями на больших ярмарках в Париже, Руане, Лионе, Бордо, Лиможе, Туре, пользуясь посредничеством «ярмарочных торговцев». Сами они на ярмарки не ездят, даже на самую близкую, располагающуюся в Гибрэ, в окрестностях Кана. Разве они и без того не управляют ситуацией? Оставляя за собой покраску и окончательную обработку тканей, они имеют возможность собирать в своих руках всю производимую продукцию, что позволяет им устанавливать цены в верховьях и дает немалые возможности влиять на них в низовьях. В эту пору, около 1710 года, «право по своей воле определять цену на товар почитается душой торговли»⁴¹⁶. Правом этим будут еще полнее владеть

некоторые негоцианты из Ле-Мана, которые, начиная с 1720 году, заведут себе постоянных поверенных в Италии, Испании, Португалии — странах, имеющих прямой выход на колониальные рынки Америки. К 1740 году вся эта интернациональная торговля сосредоточивается в руках дюжины купцов⁴¹⁷.

В выигрыше меньшинство. Нет нужды говорить, что удача улыбается коммерсанту далеко не всегда. Но у него есть преимущество — принадлежность к узкой группе людей. Крупную игру дано вести отнюдь не всем. Иные купцы вязываются в это дело в пору экономического процветания, но стоит обстановке чуть-чуть ухудшиться, тотчас разоряются. Негоциант же — тот, кто умеет пережить тяжелые времена.

Повторим еще раз, негоцианты — будь то в Венеции или Лиссабоне, в Кадисе, Амстердаме или Лондоне — обычно относительно немногочисленны и знают всех своих коллег. Во Франции вплоть до начала XVIII века их малочисленность кажется даже *аномальной*. В Кадисе, куда прибывает серебро из Америки и где, благодаря ежедневному поступлению контрабандных товаров, располагается самый большой и самый разветвленный из европейских рынков, в 1703 году⁴¹⁸ действуют всего 26 французских купцов, причем все они — комиссионеры, работающие не на самих себя, а на хозяев. Негоциантов, суперторговцев среди них нет.

Годом позже, в 1704 году, Потье де ла Этруа, который позже будет выступать против вобановской «Королевской десятины», высказывает свой пессимистический взгляд на Францию в целом. «У нас, — пишет он, — мало купцов, которые бы торговали сами от себя»⁴¹⁹. То ли оттого, что они недостаточно смелы, то ли оттого, что недостаточно богаты, большинство из них «костаются приказчиками в услужении у англичан либо у голландцев, в особенности у этих последних, по каковой причине Франция не только не богатеет, а, напротив, беднеет... [Ибо] надобны нам во Франции не приказчики чужестранцев, коих волнует лишь презренная выгода этих самых чужестранцев, а до выгоды державы им и дела нет <...> потребны нам настоящие купцы, которые торговали бы от самих себя»⁴²⁰. Эта неполноценность, которая впервые обнаружилась отнюдь не в XVIII веке, — тяжелое наследство. Местоположение Франции не слишком удачно, и она не играет главенствующей роли на международном рынке, что приводит к серьезным последствиям. До эпохи Мазарини тон во французском королевстве, как в Лионе, так и в Париже, задают купцы из Италии. Затем на самом

важном направлении, по всему побережью Северного моря, Ла-Манша и Атлантики, от Дюнкерка до Байонны, Францию атакуют голландцы. Кольберу от них избавиться не удастся. Именно видя их в деле, Жак Савари, автор «Образцового негоцианта» (1675), восклицает, что французским купцам следовало бы «усвоить: лишь дальними странствиями могут они доставить державе величие, а себе богатство»⁴²¹. Из чего можно сделать вывод, что такие странствия и такая торговля пока еще редкость.

Если верить Жаку Мари Монтарану (1701—1782), докладчику и интенданту по торговле с 1744 года, который, следовательно, по долгу службы вынужден был разбираться в делах такого рода, заметное улучшение в этой области происходит лишь после введения в действие системы Лоу. В 1753 году Монтаран высказывает мысль довольно странную: «Старые семена пошли в рост с наступлением мира... До 1720 года Франция знала только купцов; торговля пошла живее — и у нас явились негоцианты»⁴²². Послужил ли тому причиной опыт чужестранцев, с которыми французы знакомились, беря в плен вражеские торговые суда во время долгой войны за Испанское наследство? Или потрясения, связанные с системой Лоу? Или начало торговли с американскими островами, которой суждено было превратить Бордо, до этой поры пребывавший как бы в полусне, в один из главных торговых портов? А может быть, Монтаран заблуждается и невольно вводит в заблуждение нас?

Ведь, что ни говори, негоцианты во Франции встречались и до 1720 года; взять хотя бы судовладельцев из Сен-Мало. Или богатейших финансистов вроде Самюэля Бернара или Антуана Кроза́, маркиза дю Шателя (к их роли я еще вернусь). В Париже действовали также достаточно крупные оптовые торговцы: об этом свидетельствует, например, история конфликта между галантерейщиками и суконщиками в конце XVII века. Галантерейщиков, имевших привилегию на торговлю любым товаром, при условии, что они не сами его производят, насчитывалось в ту пору, вероятно, тысячи две. Самые богатые из них занимались экспортной торговлей. Суконщиков, специализировавшихся на торговле сукном, было всего человек сорок. Так вот, горстка самых богатых и активных галантерейщиков стала вкладывать деньги в новое, бурно развивающееся производство тонкого сукна и, воспользовавшись этим обстоятельством и своей прочной позицией в торговом мире, решила подчинить себе одновременно и парижский оптовый рынок — главный во Франции, — и продажу сукон за границу. Жалобы торговцев сукном были, по-видимому, приняты во внимание. В 1687 года постанов-

ление Государственного Совета подтверждает их привилегию: исключительным правом торговать сукнами в Париже обладают только они. Однако и галантерейщики, которые пожелают, «могут беспошлинно вступить в цех суконщиков. В результате в октябре 1687 года семьдесят галантерейщиков, среди которых Жак Кадо, Риэль де Ламот, Дени Руссо, Франсуа Сельер, Франсуа Миньо, Жильбер Пэньон, избирают этот путь». По правде говоря, это ничего не изменило. «Еще по крайней мере полстолетия почти все производимое во Франции тонкое сукно контролировала горстка парижских негоциантов, обосновавшаяся в крохотном четырехугольнике между Рынком и замком Шатле»⁴²³.

Подлинными негоциантами были и купцы с улицы Сен-Дени, которые в ту же самую пору организовали производство в Иль-де-Франс драгоценных шелковых с золотой канителью кружев, предназначенных в основном для внешнего рынка, от Гамбурга и Варшавы до Вены и Нюрнберга, от Копенгагена и Стокгольма до Мадрида и Лиссабона, от Севильи до испанской Америки...

Итак, не будем верить на слово ни Потье де ла Этруа, ни Жаку Мари Монтарану: хотя во Франции централизация капиталов шла не так интенсивно, как в могущественных соседних странах, этот процесс коснулся и ее: иначе существование негоциантов было бы невозможно. Другое дело, что их деятельность в Париже протекала не на виду и о ней до сих пор мало что известно. В портовых же городах, переживавших в XVIII веке пору расцвета, негоцианты действовали, постоянно расширяя объем торговли, — подтверждения этой мысли отыскать нетрудно.

Крупная торговля: конкретные примеры. Достаточно будет привести три таких примера.

Сначала мы поговорим о Марселе, чтобы понять, как велась в Франции классическая торговля с Левантом; затем перенесемся в Сен-Мало и покажем связи тамошних судовладельцев с испанской Америкой между 1702 и 1723 годами; наконец, заглянем в Бордо, чтобы получить представление об удачнейшей торговле с островами — эпизоде не слишком продолжительном, но все-таки более значительном, чем минутная вспышка.

Таким образом, на трех великих примерах я покажу протекание одного и того же процесса: начало цикла, достижение высшей точки, угасание. Выходит, что закон Уолтера Хофмана, касающийся подъемов и спадов промышленности, справедлив и применительно к торговым циклам. Отличаются ли они большей длительностью или большей

эфемерностью? История отдельных инициатив грозит ограничить нас пределами короткой протяженности. Но в первую очередь нас будет интересовать роль капиталистов...

Торговля с Левантом уходит корнями в глубокую древность. Она велась от века при участии стран, тянущихся от Сирии до Персидского залива и Ирана, или расположенных на узком Синайском перешейке, соединяя, таким образом, экономики и цивилизации Запада с цивилизациями и экономиками Ближнего Востока. Для этого использовались удобные морские пути, пересекавшие Черное море (древний Понт Эвксинский), Красное море и обширный Индийский океан. Благодаря Леванту Рим открыл для себя перец, пряности, шелк, наркотики... Вне всякого сомнения, в начале Средневековья средиземноморская торговля пережила спад. Спад этот, хотя и не сделался всеобщим, усилился в пору мусульманских завоеваний, когда опустевшее море не бороздили ни христианские, ни мусульманские корабли.

Однако в XI столетии в Европе наступает оживление. С началом крестовых походов итальянские города открывают для себя левантские порты: перец, пряности, шелк, наркотики начинают поступать на Запад. Европа продолжает традиции Рима и даже расширяет их. Ибо европейцы пристрастятся к перцу и пряностям куда сильнее римлян.

Марсельцы, подобно жителям Монпелье или Нарбонна, очень рано начинают участвовать в торговле этим драгоценным товаром. Тем не менее перец долгое время остается в Марселе величайшей редкостью ⁴²⁴, «почти такой же, как золото или серебро, ибо он служит меновой единицей и многие сборы уплачиваются перцем». По правде говоря, Марсель на этом празднике жизни выступает скорее в качестве бедного родственника. Он не в силах тягаться с итальянскими городами, которые забрали всю торговлю с Левантом в свои руки. Свое первенство они уступят лишь в XV веке, не выдержав могучего натиска каталонцев.

Что же касается Марселя, который подчинится королю Франции лишь в 1482 году, то его в число привилегированных городов введет не Франция; этим он будет обязан не кому иному, как туркам. Турки, новички на левантской сцене, смешали карты старых партнеров, и, сами того не зная и не желая, способствовали *new deal* *. Их первый триумф, покорение Константинополя в 1453 году и, в еще большей степени, стремительное завоевание Сирии (1515) и Египта (1516) все

* новая сдача карт (англ.).

переменили. Теперь доступ в Левант оказался в руках у оттоманов. Не пускать туда никого значило отказаться от значительных прибылей. Турки, однако, обошлись со старыми хозяевами положения весьма бесцеремонно, зато с их соперниками повели себя довольно милостиво. В 1530 году было основано марсельское — без сомнения, первое, — заведение в Стамбуле. А Франциск I, к великому возмущению христианского мира, надумал заключить союз с султаном.

Оставалось одно препятствие — и немалое: Венеция и ее торговые колонии в Стамбуле, в Алеппо, в Александрии. Только упадок республики Святого Марка, вызванный ее столкновениями с турками, обусловил в конце концов взлет Марселя. Спустя всего два года после ослепительной победы при Лепанто, для которой она сделала так много, Венеция капитулирует перед Великим Султаном (мирный договор 1573 года). Марсель, уже успевший добиться серьезных успехов за то время, пока длился конфликт (1569—1573), тотчас завладевает положением; начиная с 1573 года в левантийских городах создаются именем Марселя и французского короля многочисленные консульства. Первые капитуляции были подписаны султаном Мехметом III в 1597 году; посол Христианнейшего Короля, граф де Брев, подписал вторые в 1604 году; маркиз де Нуантель подписал третьи, упрочивавшие положение марсельцев, в 1673 году, в правление султана Мехмета IV ⁴²⁵.

Марсельцы вступили в игру в самый благоприятный момент, именно тогда, когда пряности и перец начали постепенно возвращаться в Левант. В самом деле, благодаря португальским открытиям — в 1498 году Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды — большая часть азиатского перца и пряностей стала направляться в сторону Атлантического побережья, в Лиссабон, а позже в Антверпен. Тем не менее испанское серебро, активно перевозившееся по Средиземному морю в направлении Генуи, способствовало возрождению после 1570 г. крупной средиземноморской торговли ⁴²⁶. Постепенно торговля возрождается на прежних основаниях: Азия поставляет растительные продукты, пряности, перец, красящие вещества, соду, наркотики, тюки шелка, хлопок-сырец... Поставляет также — в виде исключения, подтверждающего правило, — хлопчатые ткани, не уступающие индийским; производят их в основном в Алеппо. Европа взамен предоставляет высококачественный текстиль и серебряные монеты, которые Восток переплавляет в свои собственные. Итак, с одной стороны — продукты *натуральные*, с другой — произведения *промышленные*... Вместе с благосостоянием Марселя вплоть до XVIII века будут разрастаться суконные мануфактуры Лангедока.

Конечно, возобновление торговли с Левантом на Средиземном море

начиная с 1579 г. привлекает англичан, начиная с 1612 г. — голландцев; те и другие представляют собой активных, воинственных конкурентов, при случае не гнушающихся и пиратства. Впрочем, в Леванте находится место для всех западных торговцев.

В Марсель стекаются капиталы из других городов: Монпелье, Лиона, Генуи и даже Парижа. Порт полон кораблей, полон товаров, которые переправляются как в другие средиземноморские города, так и вверх по Роне, вплоть до Лиона. Ничего удивительного в том, что импорт товаров из Леванта концентрируется начиная с 1563 г., а очень возможно, и с более раннего времени в руках «дюжины крупных торговцев... [В 1578 г.] самые известные из них, Асканио Ронкаль, Пьер Альбертас, Мартен и Жан Кове, владеют оборотным капиталом в 50 000 экю. Они посылают в Триполи (Сирия) три галиона и две барки; в Александрию (Египет) два галиона и шесть барок, на [остров] Хиос одну барку, в общей сложности 14 судов»⁴²⁷. Такое благоденствие продолжается в XVII веке до 1650-х гг. В 1614 г. из 585 кораблей, отплывающих из Марселя, 67 направляются в Левант, «среди них же 48 больших судов, две полакры*, два галиона, 15 барок». 26 кораблей прибывает в Александрию, еще 26 — в Сирию, 15 — в «греческие» края (Хиос, Константинополь, Смирна, Закинф)... В 1618 г. 23 корабля направляются в Сирию, 7 — в Египет, 10 — в греческие порты...

Некоторые изменения происходят, но из года в год связь с Левантом остается *приоритетной*. Из сотни кораблей, ежегодно отплывающих из Марселя и возвращающихся туда, лишь десятки плывут на восток, зачастую налегке, имея на борту только несколько мешков испанских «восьмерных» реалов, но зато возвращаются они оттуда с богатыми грузами, сохраняющими за Левантом главенство в делах и прибылях. В этом случае мы опять-таки видим, что основная масса товаров проходит через несколько торговых домов, более крупных, чем остальные⁴²⁸.

Около 1650 г., а может быть, немного раньше, в торговле с Левантом происходят крупные изменения. Ни перец, ни другие пряности не перестают прибывать в Европу — еще в 1712 г., как указывает Жак Савари, они отправляются из Каира⁴²⁹, но их роль делается гораздо более скромной. Вскоре они становятся почти незаметны на фоне кофе, которое перевозится в средиземноморские порты через Египет, на фоне шелка, шерсти, кож, а главное, хлопка-сырца или хлопчатобумажной пряжи. Спустя столетие после Васко да Гамы, около 1595 г., дорогу мимо мыса Доброй Надежды вновь открывают голландцы, которые

* Торговое парусное судно на Средиземном море (примеч. ред.).

очень скоро монополизировать торговлю *тонкими* пряностями, доставляемыми из Индонезии и Филиппин, с островов Сулавеси и Борнео.

Атлантике в который раз, но куда более ощутимо удалось обойти Левант и Внутреннее море. Еще серьезнее было другое обстоятельство: Европа прощалась — в разных странах более или менее решительно — с ярко выраженным пристрастием, которому хранила верность почти пять веков подряд, — пристрастием к употреблению пряностей. Объяснялась ли эта тяга к пряностям тем, что, как считает Франко Борланди, западный человек, потребитель мяса, с трудом поддававшегося хранению, был готов к тому, что оно может оказаться слегка протухшим и на всякий случай спешил сдобрить его пряностями? Как бы там ни было, этот весьма древний цикл близился к концу или по крайней мере к временной остановке.

Тем временем начинался другой цикл. Турецкая империя все сильнее расширяет торговлю с христианами, и те, завязав с ней связи, постепенно ее колонизируют. Так начинается упадок «больного человека», хотя на полях сражений его армия — если не флот — выглядят еще вполне боеспособно. Судьба турецкой империи, съеденной заживо, отчасти напоминает историю Византии, которую некогда, в эпоху крестовых походов, сожрала Венеция. Знак времени: пряности, сахар и кофе с островов после 1750 г. все более широким потоком текут из Атлантики в сторону Леванта⁴³⁰. Они движутся в направлении, противоположном прежнему.

В этой погоне за добычей принимает участие и Марсель: каждый год оттуда отправляют в Турцию огромный *forcing** — бесчисленные мешки пиастров, а также сукна. Даже в XVIII веке, когда Марсель делается «мировым» портом, связанным с Индией, Китаем, Черной Африкой, Америкой, торговля с Левантом останется для него одним из главных источников дохода. К этому времени Марсель укрепит свое влияние во множестве городов: Кавале на фракийском побережье, Салониках, переживавших в XVIII веке пору своего расцвета, портах на побережье Эгейского моря, на побережье Албании и на Кипре, городе Ханье на острове Кандия и Модоне в Морее, наконец, в Смирне, древней и всегда живой гавани, ставшей центром левантийской торговли, который, таким образом, переместился к северу — быть может, для того, чтобы приблизиться к центру империи? Марсель подчинил себе и так называемые «караваны», иначе говоря, каботажное плавание вдоль турецкого берега Средиземного моря; после того, как венецианцев в ре-

* стимуляция (англ.).

зультате постоянных войн с султаном от этой деятельности отстранили, ею занимались исключительно моряки из Марселя. С учетом каботажных судов марсельцы отправляли на восток до сотни парусников. Им удалось то, что совершили в XVII столетии — разумеется, в совершенно иных условиях — голландцы, которые, можно сказать, блокировали наши берега со стороны Атлантики и Ла-Манша. Французские купцы даже установили, с помощью векселей, связи между портами Восточного Средиземноморья и Константинополем, и сами паши прибегали к их помощи, когда отправляли излишек доходов в «мири» — казну султана. Это позволяло им избежать риска, какому подвергаются деньги при транспортировке по морю и по суше, но за услугу, разумеется, приходилось платить. Вообразите себе английскую компанию недавнего прошлого, проводящую в одной из стран Латинской Америки телефонные линии и оставляющую за собою право их эксплуатации.

Впрочем, купцы или, точнее, негоцианты из Марселя не обосновываются в средиземноморских портах лично, как делали некогда. Их интересы представляют на местах «комиссионеры», берущие за комиссию до 60 процентов — суммы настолько крупные, что «комиссионеры не только жили на них, но и кое-что откладывали, с тем чтобы, пробыв какое-то время в Леванте, возвратиться во Францию... Так было положено основание многим крупным торговым домам Марселя»⁴³¹.

Если в конце XVIII столетия Марселю уже не удается выбрасывать на азиатские базары столько же лангедокских сукон, сколько раньше, то лишь оттого, что Турция слабеет, беднеет. Тем хуже для Лангедока, где внезапно наступает жесточайший кризис. Что же касается Марселя, он выходит из положения за счет серебряных монет, экспорт которых — прежде всего талеров с изображением Марии-Терезии, чекана миланского Монетного двора, — марсельцы значительно увеличивают.

Пример Сен-Мало поможет нам понять, как развивалась торговля Франции с испанской Америкой без посредников, напрямую: с 1698 по 1724 год французские корабли более или менее законно посещали порты Новой Испании — прежде всего Веракрус, — а также порты и заливы Чили и Перу на далеком Южном море, бывшие у французов, как в ту пору говорили, «на кончике пика». Даже если максимально раздвинуть крайние даты⁴³², видно, что этот «фейерверк» продлился не более четверти века. В самом деле, то был не более чем эпизод.

Истинная проблема, связанная с этой авантюрой, — общий цикл обращения американского серебра, которое начинает прибывать в Испанию по волнам Атлантического океана с 1503 года, иначе говоря, лет

через десять после первого возвращения Колумба в Севилью: привезенное серебро было тотчас пущено в оборот алчными европейскими и даже азиатскими экономиками; часть этого драгоценного металла регулярно достигала Индии и Китая. Больше того, в конце XVII века серебро из Новой Испании и из Перу доставлялось в Китай по Тихому океану: корабли пересекали его с востока на запад, используя для промежуточной стоянки Филиппины, открытые испанцами в 1543 году (в 1571 году там был основан порт Манила).

Процесс этот подчинялся строгому правилу, почти не знающему исключений. Подобно тому, как эмиры Персидского залива (о которых сегодня так часто говорят газеты) не оставляют у себя всю свою нефть, но используют ее для обменов, так же и испанцы в прошлые века не могли оставлять у себя весь американский металл. Серебро, ставшее товаром, обменивалось на другие необходимые товары: хлеб, лес, трехдюймовые доски, текстиль (холсты и сукна), скобяные изделия... Кадис, плацдарм торговли с Америкой в XVII веке, отличался изумительным «обилием товаров из самых разных стран: из Франции, Англии, Фландрии, Голландии, Гамбурга и Италии...»⁴³³. Вся Европа устремляется туда со своими изделиями, ибо для своего равновесия она вынуждена во что бы то ни стало добывать серебро. Итак, это перераспределение товаров объяснялось прежде всего потребностями торгового баланса, а затем — нуждами империи, которую Испании приходилось защищать вне ее собственных пределов, в Нидерландах. Мятеж этой маленькой страны против его католического величества потребовал отправки туда армии под командой герцога Альбы; испанские войска прибыли в Нидерланды в августе 1567 года, а покинули голландскую землю лишь в 1714 году. Иными словами, огромные средства в течение двух столетий уходили на армию.

Наконец, с тех пор, как начала существовать Саггега⁴³⁴, начали действовать и контрабандисты, неутомимо сновавшие вдоль бесконечных берегов испанской Америки и особенно вокруг Антильских островов с их изрезанными очертаниями. Контрабандисты, хитрые и энергичные, свирепствовали также в пункте назначения, Севилье — первом порту, куда поначалу непременно прибывали все корабли из Америки, а еще сильнее — в Кадисе, с начала XVII века сменившем Севилью в этой роли. В Севилье — речном порту на Гвадалквивире, ниже Трианского моста, — контроль мог быть относительно действенным. В широкой кадисской гавани контрабандисты чувствовали себя как дома.

Сен-Мало очень рано стал принимать участие в этом дележе американского серебра. Это происходило тем более естественно, что тамошние

моряки уже давно стали своими людьми на Иберийском полуострове. Разве не прозвали их в XV веке «морскими ломовиками», торгующими и пиратствующими вдоль всего атлантического побережья, к северу и к югу от Мадейры⁴³⁵? В XVI веке бретонские «барки» привозят в Лиссабон и Севилью хлеб, за который португальцы платят золотом, а испанцы серебром. В 1570 году жители Сен-Мало добираются до Средиземноморья и посещают Чивитавеккья, откуда забирают папские квасцы из Тольфских рудников. Позже, когда спрос среди американских потребителей возрастает, жители Сен-Мало привозят в Севилью, а затем и в Кадис огромное количество бретонских холстов, которым Испания служит перевалочным пунктом на пути в Новый Свет. В то же самое время моряки из Сен-Мало, уже добрые полстолетия занимавшиеся ловлей рыбы в окрестностях Ньюфаундленда, принимаются за перевозки сушеной или соленой трески в Испанию, Марсель, Геную. Взамен северяне получают и увозят домой серебро в монетах или слитках⁴³⁶. В конце концов Пиренейский мир (1659) открывает французским торговцам — в том числе и уроженцам Сен-Мало — более чем широкий доступ в Испанию, и политическая победа Мазарини подкрепляется победой экономической.

После этого деятельность бретонцев на Иберийском полуострове, связанная с транспортировкой трех товаров: холстов, трески, серебра, — приобретает новый размах. Донесения французских консулов в Кадисе дают исчерпывающую информацию о передвижениях бретонских мореплавателей. Так, утром 1 апреля 1702 года⁴³⁷ в порт прибывают четыре фрегата из Сен-Мало; вышли они из Морле и проделали за неделю путь от Бреста до Кадиса, «не встретив врага»⁴³⁸, в трюмах же привезли «холстов на 500 000 пиастров, не меньше, отчего купцы наши зело возрадовались, ибо опасались они дурных встреч»⁴³⁹. В самом деле, за год до того в Европе вновь разгорелась война. Заметьте, что 500 000 пи-

---

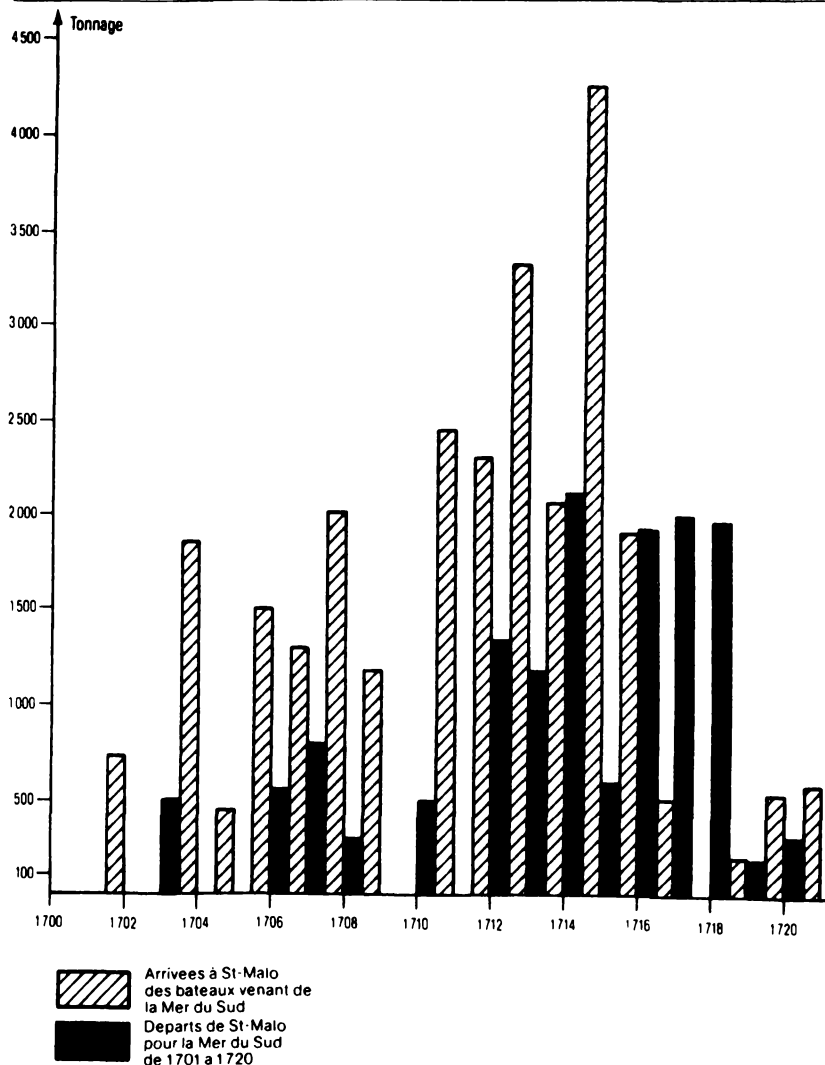
ТОРГОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИЗ СЕН-МАЛО В ЮЖНОЕ МОРЕ КОРОТКИЙ ЦИКЛ

I. Прибытие кораблей, плававших в Южное море, в Сен-Мало.

II. Отплытие из Сен-Мало в Южное море с 1701 по 1720 год.

Самое важное — отплытие, ибо возвращаются корабли во Францию, но разгружаются подчас не в Сен-Мало, а в других портах. Так, на диаграмме не обозначен большой груз, прибывший во Францию в 1709 г., так как разгрузка производилась в Оре.

(Источник: Delumeau J. et coll. *Le Mouvement du port de Saint-Malo, 1681—1720*. 1966).

Условные обозначения на диаграмме: Штриховка — прибытие кораблей, плававших в Южное море, в Сен-Мало. Черный цвет — отплытие из Сен-Мало в Южное море в 1701—1720 гг.

астров равнялись по меньшей мере 1 500 000 ливров. Цифра эта дает представление о благосостоянии, достигнутом торговцами из Сен-Мало. Донесение от 15 октября того же 1702 года гласит: «Вчера вечером прибыл корабль из Сен-Мало; прибыл он из Красной Шапки [одна из самых крупных банок в окрестностях Ньюфаундленда], с половинным грузом трески»⁴⁴⁰.

Двадцать лет спустя, в 1682 году⁴⁴¹, обычный консульский отчет подводит годовой итог экспорта серебра в Европу: в Геную и Ливорно, — в основном в Геную, — вывезено 4 500 000 экю; в Голландию — 3 500 000 экю; в Англию — 2 500 000; в Сен-Мало, Гавр, Дюнкерк, Марсель — 2 500 000. Из них на Сен-Мало с его дюжиной торговых кораблей приходится, без сомнения, добрых два миллиона. Маленькая деталь: «многие из наших [французских] купцов переправили немалую часть привезенного серебра в Англию и Голландию, говоря, что там серебро порой приносит больше, чем во Франции».

Подобные свидетельства можно приводить без конца. Мы ограничимся лишь одним эпизодом, достойным внимания, потому что с ним связано драматическое происшествие — плохо объяснимое, загадочное, позволяющее понять, что некоторые из этих торговых операций не обходились без мошенничества. Дело происходит в 1672 году. Голландская война началась в марте; французская армия захватила Объединенные Провинции в мае, — но Испания еще не выступила против нас. Между тем 16 октября пятидесятипушечный испанский корабль, подчиняющийся приказам герцога Верагваса, испанского адмирала, подходит борт к борту к «Святому Иакову», кораблю из Сен-Мало, бросившему якорь в кадисской гавани и располагающему 40 орудиями и полутора сотнями человек экипажа; испанцы требуют позволить испанским властям осмотреть судно; французы отказываются; новое требование — новый отказ; испанцы стреляют в упор, французы дают отпор, но тут их пороховой трюм загорается и корабль взлетает на воздух. Итог: сотня погибших, включая капитана. Выходит, экипаж этого корабля перевозил контрабанду? Вероятно; но кто в Кадисе этого не делал? Как бы там ни было, по уверению французского консула, „Святой Иаков“ имел на борту 300 000 экю в слитках и много индийского товара»⁴⁴².

Впрочем, происшествие это не оказало — судя по документам, которые мне удалось прочесть, — никакого прямого воздействия на торговые операции французских кораблей в Кадисе: они продолжались даже после того, как Испания вступила в войну. В те времена война вообще никогда — за редкими исключениями — не приводила к полному прекращению торговли. Десятью годами позже, в 1682 году, кадисскую

гавань покинул корабль из Сен-Мало, груженный «более чем двумя сотнями серебряных экю, французам принадлежащих», под охраною двух французских флейт * — «Грузового» и «Запоздалого». В 1689 году французские корабли вывезли из Кадиса 1 884 000 экю во Францию и 205 000 — в Геную⁴⁴³⁻⁴⁴⁴. Короче говоря, связи Сен-Мало с Кадисом не ослабели даже в нелегкие годы войны с Испанией, несмотря на блокаду испанского порта голландцами и англичанами. Блокада продлилась недолго. Серебро исправно прибывало из Америки в Кадис, а оттуда как ни в чем не бывало распространялось по всей Европе...

Лишь принимая во внимание этот коротко обрисованный нами международный контекст, можно понять потрясающий эпизод из истории Сен-Мало — экспедиции тамошних торговцев в Южное море. Впрочем, начало этого эпизода не вполне ясно. По-видимому, началось все в 1695 году. Франция все еще воевала с Испанией (Рисвикский мир был заключен только в 1697 году). 3 июня под руководством г-на де Женна, «слышшего человеком предприимчивым», эскадра, составленная из кораблей, снаряженных на средства короля, покинула Ла-Рошель. Она держала курс на Магелланов пролив, с тем чтобы выйти в Южное море, или, говоря иначе, Тихий океан. Однако пролив оказался недоступен. Не в силах бороться с сильнейшими ветрами, эскадра возвратилась в Атлантику, бросила якорь в Бразилии, в Салвадоре, а затем сделала долгую остановку во французском порту Кайенна: в Ла-Рошель корабли вернулись лишь 21 апреля 1697 года. Впрочем, все сказанное вовсе не означает, что путешествие оказалось бесполезным. Напротив, мне оно представляется первым наброском великого плана — намерения проникнуть в Тихий океан через Магелланов пролив.

Не подлежит сомнению, что вдохновителями этой неудавшейся экспедиции выступили флибустьеры, которые по меньшей мере десять лет безнаказанно грабили тихоокеанское побережье Южной Америки и бороздили Южное море мелкие корабли, а затем возвратились во Францию. Итак, начало всей этой истории положило морское пиратство. Позволительно даже думать, что именно благодаря ему моряки из Сен-Мало выяснили, каким образом проникнуть в Тихий океан и вести там торговые операции с выгодой для себя⁴⁴⁵. Во всяком случае, к такому убеждению приводят меня некоторые детали и признания, содержащиеся в переписке парижского дельца Журдана и судовладельца из Сен-Мало Нозля Даникана с морским министром Поншартреном, который покровительствовал этим двоим и поощрял их на все более

* Старинное название транспортного парусного судна (*примеч. ред.*).

и более далекие экспедиции. Они же, со своей стороны, докладывали ему 4 марта 1698 года, когда новое предприятие еще только затевалось, что, «поелику французы, агличане и голландцы тайно промышляют торговлею у берегов Мексики и Картахены, решились они попытать счастье в подобной же торговле у испанских берегов Южного моря»⁴⁴⁶. Разве не легче будет нарушать запрет, наложенный испанцами на торговлю с их американскими колониями, плавая вдоль этих пустынных берегов, еще не заселенных как следует европейцами?

Несколько недель спустя, 20 мая 1698 года, Журдан и Даникан сообщают Поншартрену, что сообща основали компанию с целью «снарядить четыре вооруженных корабля в Южное море через Магелланов пролив, дабы оным проливом завладеть и на Чилийском берегу, даже и до самой Калифорнии <так!»⁴⁴⁷, до сего дня никакой европейской державой не захваченном, устроить собственные заведения»⁴⁴⁸⁻⁴⁴⁹. Эту первую компанию скоро, 17 ноября того же года, сменила вторая, где Журдану принадлежали 13 «су»⁴⁵⁰ из 20, пятерым его компаньонам — по одному, а Бегону, седьмому члену компании, — два⁴⁵¹. Впрочем, дело не в деталях! Важнее другое: полгода спустя, 19 декабря 1698 года, Журдан уведомил Поншартрена о том, что в Ла-Рошели прозвучал «прощальный выстрел» и на рассвете следующего дня четыре корабля, снаряженных для плавания в Южное море, вышли из гавани⁴⁵².

Предприятие это, исполнителями которого стали моряки и судовладельцы из Сен-Мало, выходило за рамки той «корсарской войны», которая в XVII веке сделалась почти законной — во всяком случае, в рамках *законов военного времени*, — и в которой жители Сен-Мало участвовали регулярно⁴⁵³. На сей раз, поскольку Франция только что, в 1697 году, заключила с Испанией мир, дело шло о самом настоящем морском пиратстве, хотя члены экспедиции и старались всеми возможными способами этот факт замаскировать, чем и объясняется, например, создание в Сен-Мало в том же самом 1698 году Китайской компании, основатели которой во всеулышание объявляли, что торговля с Китаем неразрывно связана с плаванием по Южному морю. Китай сделался официальной целью планируемых экспедиций.

Однако 1 ноября 1700 года испанский король Карл II умирает, и на престол под именем Филиппа V вступает внук Людовика XIV герцог Анжуйский. До 1713 года две державы остаются союзницами. Поэтому у моряков из Сен-Мало очень быстро созревает план завладеть Южным морем с согласия его католического величества, а то и с его помощью. Именно это, и ничто иное, предлагает Журдан 30 июля 1702 года; исполнителями необычного проекта, который, возможно, разрабатывал-

ся с ведома министров Людовика XIV (ибо в качестве места написания на нем выставлено: «Версаль»), Журдан называет себя и «г-на Даникана из Сен-Мало, кой мне сие приказал». Разумеется, никакого хода этому проекту — во всяком случае, насколько мне известно, — дано не было. Тем не менее сама идея весьма красноречива. Предполагалось, что каждый год два торговых судна и один тридцати- или сорокапушечный фрегат — корабли французские, но плавающие под испанским флагом и с ведома испанского короля — будут отправляться в Перу, а оттуда на Филиппины и в Китай. Снаряжать и вооружать их будут в Ла-Корунье или Кадисе, возвращаться из плавания они будут в один из испанских портов, а пошлину, разумеется, платить испанскому королю. Всячески подчеркиваемая цель всего предприятия (кто бы мог подумать?) — освободить Южное море от голландских и английских контрабандистов, а также прекратить торговлю Китая с Новой Испанией и с Перу, стоящую его католическому величеству трех миллионов экю в год ⁴⁵⁴... Чего здесь больше: наивности или плутовства?

Пожалуй, плутовства: Китайская компания, созданная в Сен-Мало, должна была служить ширмой для тихоокеанских экспедиций французских моряков. Я сужу об этом по фразе, брошенной Журданом в одном из писем к Поншартрену: «В самом деле, столь тесно связаны Китай и Юг, что разъединение их пошло бы во вред обоим» ⁴⁵⁵. Итак, речь шла просто-напросто о том, чтобы сблизить китайское золото с потосийским серебром — дело само по себе весьма прибыльное ⁴⁵⁶ — плавая в Китай и возвращаясь оттуда по южной части Тихого океана. Между тем проект 1702 года ставил своей целью именно затруднить эту торговлю между Китаем и Перу, столь враждебную интересам Испании.

Другая удобная ширма — Индийская компания. Находясь практически в состоянии банкротства, она позволила Китайской компании вести торговлю на далекие расстояния, с тем, чтобы та платила — в качестве компенсации за частичную уступку монопольных прав — пошлину за торговлю в Кантоне. Прибыльной эта операция станет далеко не сразу. Но для Сен-Мало дела пошли лучше после того, как в 1706—1714 годах тамошние торговцы заключили соглашения о субпоставках. Два последних соглашения, 1712 и 1714 годов, практически узаконивали переход к ним всех монопольных прав Индийской компании. А в 1715 году, при поддержке Антуана Кроза, одного из крупнейших тогдашних финансистов, была создана компания, получившая название «Ост-Индская компания Сен-Мало». В 1708—1713 годах жители Сен-Мало снарядили в Индийский океан 15 кораблей — серьезная вещь, если принять в внимание, что время было военное.

Кроме того, после возобновления военных действий в 1702 году моряки из Сен-Мало, по обыкновению, тотчас включились в корсарскую войну. В 1695 году маленький флот Дюге-Труэна, сына богатого судовладельца из Сен-Мало (поступившего двумя годами раньше в королевский флот), захватил три судна, принадлежавшие голландской Ост-Индской компании. «Мои арматоры *,— заявил победитель,— получили двадцатикратную выгоду»⁴⁵⁷. В октябре 1711 года он силой проник в гавань Рио-де-Жанейро и потребовал у города выкуп.

Нам остается присмотреться повнимательнее к итогам плаваний в Южное море — плаваний очень долгих и трудных: «В 1701—1709 годах дорога занимала от 20 до 26 месяцев, после 1710 года не меньше трех лет»⁴⁵⁸. Чтобы пополнить запасы питьевой воды и провианта, приходилось непременно заходить в многочисленные порты как в Атлантическом, так и в Тихом океане, а это было подчас сопряжено с немалыми трудностями. Зато конец пути оказывался куда более приятным. На чилийском побережье, в Консепсьоне и Арике, имелись небольшие французские поселения, где моряки могли запастись продовольствием и выгодно обменять имевшийся на борту груз. Наконец, изделия европейских мануфактур, главным образом ткани, шли нарасхват даже в Кальяо, порте близ Лимы, куда корабли — с согласия местных испанских властей — заходили якобы за пресной водой и за провиантом. В уплату за свой товар французы брали серебро в любой форме, как монеты, так и слитки. Здесь моряки из Сен-Мало обладали едва ли не монополией. «Из 133 французских судов, отплывших в 1698—1724 годах с торговыми целями к западным берегам Америки, 86, иначе говоря, две трети, были снаряжены негоциантами из Сен-Мало или сообществами судовладельцев», во главе которых эти негоцианты стояли⁴⁵⁹.

Достоинно восхищения, что ни одно из этих судов не потерпело кораблекрушения, что дает нам право еще раз произнести похвальное слово искусству судовождения, каким владели бретонские моряки, которые, впрочем, стали подвергаться гораздо меньшему риску с тех пор, как, прекратив испытывать судьбу в страшных изворотах Магелланова пролива, предпочли огибать Америку вдоль самой южной ее оконечности — мыса Горн. Они ли были первыми на этом пути? Или — что вполне вероятно — их опередили голландцы? Неважно. Как бы там ни было, благодаря новому маршруту сообщение упростилось до такой

* Арматор — владелец судна, занимающегося захватом коммерческих неприятельских судов и, шире, морским разбоем (*примеч. ред.*).

степени, что даже самые маленькие суда водоизмещением в сотню тонн проделывали этот путь наравне с теми, водоизмещение которых достигало 700 тонн, и с фрегатами, способными вместить от 250 до 400 тонн.

Победа кораблей. Победа экипажей. И вдобавок большой коммерческий успех. Убыточной оказалась лишь первая экспедиция — та, что была предпринята в 1698 году. Позже доходы составляли всякий раз около 200 процентов. А кроме того — вещь неслыханная — бретонцы привозили домой серебро, столь необходимое французской экономике и государственным финансам для обмена и проведения дорогостоящих военных операций. В 1709 году караван, состоящий из семи бретонских судов в сопровождении королевского судна под командованием Шабера, привез в Оре (на юге Бретани) — по официальным данным — 16 миллионов фунтов серебра, а на самом деле, пожалуй, все 30, ибо добрая половина исходного количества наверняка была утаена или украдена. Спас ли этот груз финансовое положение Людовика XIV в страшном 1709 году? Весьма вероятно, что да ⁴⁶⁰.

Удивительно — впрочем, так ли уж удивительно? — что удача, издавна улыбавшаяся морякам из Сен-Мало, отвернулась от них после окончания войны (1713), хотя экспедиции в Южное море продолжались до 1724 года ⁴⁶¹; об этих последних экспедициях нам, однако, известно очень мало. В 1713 году «ходят слухи, что у тех берегов <Перу> плавают еще и теперь до тридцати кораблей, почти все французские» ⁴⁶². Путь в Южное море был так долог, а нажива столь притягательна, что расстаться с ним в одночасье оказалось затруднительно.

Во всяком случае, чуть раньше ли, чуть позже ли, но для Сен-Мало настала пора упадка. Причины тому были самые разные: заключение мира и окончание корсарской войны; смещение зоны морского процветания в сторону Атлантики и трех портов, с успехом ведших в XVIII столетии торговлю с Антильскими островами: Нанта, Ла-Рошели и Бордо; подъем Испании, которая под властью Бурбонов пытается восстановить порядок на побережье Чили и Перу и добивается немало успеха, хотя бы вследствие экспедиции 1716 года под командою Мартине. Впрочем, французское правительство по просьбе испанского также приложило к этому руку. По сути дела, французы оказались поставлены перед выбором: либо контрабандная торговля, либо официальная торговля через Кадис; а ведь от этой последней торговли, всегда прибыльной, зависело общее экономическое равновесие Франции.

К тому же плавание в Южное море требовало огромных затрат, снаряжение одного большого корабля обходилось в один, а затем и в два миллиона. Такие расходы были городу не по карману. Поэтому в Сен-

Мало начинают стекаться капиталы из Парижа, Руана, Нанта, Марселя и проч. (причем вкладывают деньги и в каперство и в торговлю с Индией). Между тем богатейшие купцы и судовладельцы Сен-Мало — Магоны (из Ланды и из Шиподьеры), Лефер из Бове, Гийом Эон, Байон, Локе из Гранвиля, Локе из Гааги, Гобер, Даникан — по нашим понятиям, настоящие негодянты, и притом более чем состоятельные, все-таки уступают крупным финансистам и банкирам, процветавшим в конце царствования Людовика XIV, таким, как Самюэль Бернар или Антуан Кроза (впрочем, и тот и другой участвовали в финансировании бретонских экспедиций). В таком случае, не вправе ли мы сказать, что все дело было в недостаточной мощи Сен-Мало, в изъяне, который оставался скрыт в годы процветания, но всплыл на поверхность, лишь только дела пошли хуже? В сущности, все крупные капиталы Франции были вложены в каперство, в плавание по Южному морю, в китайские и индийские экспедиции; этого хотел Поншартрен, один из тайных властителей Франции, выделявший негодянов из Сен-Мало и питавший к ним самые дружеские чувства. Но после смерти Людовика XIV Поншартрен был грубо отстранен от дел. Вскоре арматоры из Сен-Мало утрачивают главенство в Ост-Индской компании; возрожденная, как известно, в 1719 году знаменитым Лоу, она, однако, не пострадала от фантастического краха его системы.

Итак, около 1713 или 1719 года Сен-Мало утрачивает поддержку крупного капитала и правительства Франции. Город возвращается к той скромной роли, какую играл раньше. Конечно, моряки из Сен-Мало будут по-прежнему ловить треску на Красной Шапке и других банках Ньюфаундленда и продавать ее в самых разных местах, вплоть до Испании и городов Средиземноморья; они сохранят связи с территориально близкой Англией и с Голландией; они будут привозить в Кадис сушеную рыбу, бретонские холсты, порой зерно, а взамен на своих кораблях, пользующихся доброй славой, будут увозить серебро⁴⁶³. И тем не менее Сен-Мало делается городом заурядным. Доказательством этого утверждения может служить тот факт, что самые энергичные из жителей этого бретонского порта начнут искать счастья на стороне, в других французских портах, например в Нанте, или в Кадисе, или в Индийском океане. Другой красноречивый знак: в городе нет менового двора⁴⁶⁴⁻⁴⁶⁵. И, несмотря на все старания, ему так и не удастся добиться звания порто-франко *, что, возможно, спасло бы его от упадка.

* Город или порт, в пределах которого разрешается свободный, беспошлинный ввоз и вывоз иностранных товаров (примеч. ред.).

Впрочем, истинная проблема заключается в следующем: только ли Сен-Мало постигла в первой четверти XVIII столетия эта участь?

Увлекательная история Сен-Мало в эти столь насыщенные годы, на мой взгляд, концентрирует в себе всю историю королевства. С самого начала войны за Испанское наследство Франция остановила свой выбор на серебре из Кадиса. Позже она вновь подтвердила свой выбор, предпочтя кадисских торговцев искателям приключений, бороздящим Южное море. Поступила ли она так без колебаний? В ту же самую пору Англия, подписав Метуэнский договор (1701), сделала ставку на Лиссабон, золото из Бразилии и Браганскую династию. Разве не из-за Португалии Англия вскоре почти безотчетно приняла золотой стандарт? А затем тот же выбор сделали капиталистические державы — Голландия, Генуя и, конечно же, Венеция. Франция же осталась верной белому металлу, серебру. Испанскому миру. Позже на эту же удочку попался и Наполеон.

Наконец, в качестве последнего примера, рассмотрим *судьбу Бордо в XVIII веке*. Главное, чем жил город, — это активная торговля с Антильскими островами, откуда вывозятся сахар, кофе, хлопок, табак, индиго... Торговля предметами роскоши — минутная вспышка, которая, правда, продлилась целое столетие, но только потому, что заботливые руки постоянно подбрасывали хворост в костер.

Бордо, жители которого занимались в первую очередь импортом и перепродажей островных товаров, был не единственным городом, ведшим торговлю с Антильскими островами. С ним соперничали Руан, торговавший мануфактурными изделиями, перечень которых поистине бесконечен; Нант, настоящая столица торговли неграми; наконец, Дюнкерк и Марсель.

Да и Антильские острова — это еще не вся французская Америка; за ними, на заднем плане, располагались Канада, Луизиана — территории огромные, но включавшиеся в процесс обмена очень неспешно. Сообщение с Канадой было прерогативой Ла-Рошели.

Однако я намеренно сужаю предмет рассмотрения.

Первое, чем следует заняться, — выяснить, что такое французские острова. Дело нелегкое, ибо острова эти затеряны среди множества других земель и огромных водных просторов. После того, как 12 октября 1492 года Христофор Колумб впервые высадился на американскую землю, на остров Гвадахани (Багамский архипелаг), который он назвал Сан-Сальвадором, испанцы понемногу стали занимать острова: в 1496

году они обосновались на Санто-Доминго, в 1508 году — на Пуэрто-Рико, в 1509 году — на Ямайке, в 1511 году — на Кубе. С этого последнего острова, самого большого из всех, Кортес отправился покорять Мексику, здесь стала строиться Гавана — место встречи двух флотов *Carrega de Indias*. Поборы пришельцев, занесенные ими на острова европейские болезни опустошают ряды местного населения. Привезенный из Европы рогатый скот размножается и дичает без присмотра.

Но испанцы недолго пребывали на островах в одиночестве. Дикие стада были легкой добычей, и это позволило проникнуть на острова авантюристам, преимущественно французам; их называли «копильщиками» (*boucaniers*), от слова *boucan* — деревянная решетка для копчения мяса убитых животных. Около 1630 года на островах появляется довольно много голландцев и англичан; они истребляют стада, вынуждая тем самым копильщиков превращаться в пиратов и присоединяться к флибустьерам с острова Черепахи. Отчего пираты постепенно исчезают? оттого, что уступают превосходящей силе наций — соперниц во время войны за Испанское наследство? Возможно. Или же оттого, что морской разбой уже не приносит прежней прибыли? Как бы там ни было, в течение последнего двадцатилетия XVII века флибустьеры покоряют Южное море. Англичане же, французы и голландцы тем временем пускают корни на островах, занимают земли, развивают сельское хозяйство... Англичанам приглянулась Ямайка, откуда они в 1655 году выгоняют испанцев. Голландцы в 1634 году занимают Кюрасао, французы в 1635 году — Мартинику и Гваделупу, а в 1659 году — западную часть испанского острова Гаити (получившую название Сан-Доминго), которая, впрочем, будет признана принадлежащей Франции только после заключения Рисвикского мира (1697). Это самая обширная из принадлежащих нам территорий в Карибском бассейне (30 000 квадратных километров)⁴⁶⁶, которая, к великой ревности англичан, окажется владением чрезвычайно прибыльным, в частности потому, что на Гаити имелись целинные земли, не нуждавшиеся ни в каких удобрениях.

Тем не менее не стоит преувеличивать сверх меры роль, какую играли эти заморские территории XVII века и даже позже. Ситуация решительно изменяется лишь в XVIII веке, когда на островах налаживается производство сахара из сахарного тростника.

Родина сахарного тростника — долина Ганга в Индии; постепенно, однако, он стал продвигаться в тропические и полутропические страны. На востоке он распространился вплоть до Китая, а на западе — до

«знойной», как выражается Савари, или, другими словами, самой жаркой, зоны Средиземноморья; в X веке он приживается в Египте, затем в прибрежных районах Кипра, где в XV веке имелись уже собственные «сахарные короли», знатные венецианцы из рода Корнаро, владевшие крупными плантациями. В том же XV веке, богатом нововведениями, тростник начинают выращивать на Сицилии, в Валенсии, в марокканской долине Сус, наконец, на островах в Атлантическом океане: на Мадейре, на Канарских островах и островах Зеленого Мыса, играющих роль своего рода пред-Америки. Наконец, примерно в 1550-х годах побережье Бразилии от Сантуса на юге до Ресифи на севере покрывается сахарными плантациями и сахарными мельницами (*engenhos de assucar*), которые разминают тростник и приготавливают мелассу, заселяется сеньорами (*senhores de engenhos*), в почти феодальном значении этого слова, и чернокожими рабами.

В центре плантации располагается *casa grande*, большой дом, а по соседству *senzalas*, хижины рабов. Всякая сахарная плантация в XVII и XVIII веках непременно содержит все эти элементы: дом хозяина (*the great house* на Ямайке), жилища рабов и необходимые промышленные сооружения. Когда голландцы завладели северо-востоком Бразилии в районе Ресифи (провинция Пернамбуку), они завладели прежде всего сахаром, на котором и наживались с 1630 по 1654 год. Изгнание их из этой колонии привело к миграции владельцев плантаций и производителей сахара, в основном из числа *новых христиан*, отправившихся искать счастья в других краях. Алиса Пиффер Канабрава еще много лет назад показала, что расцветом производства сахара Антильские острова обязаны именно этому перемещению людей и техники⁴⁶⁷... Именно тогда, более или менее рано, более или менее широко проявилось торговое призвание Антильских островов, поставлявших в первую очередь сахар, но кроме того еще *аннато**, хлопок, какао, имбирь, табак, а позже кофе. Подъем Мартиники и Гваделупы приходится примерно на 1654 год, Сан-Доминго достигло расцвета еще позже, в 1680 году, но очень скоро заняло первое место по уровню производства и обмена.

Границы французской части Антильских островов изменялись мало. В 1763 году, согласно Парижскому договору, Франция была вынуждена уступить принадлежавшие ей крохотные островки: Сент-Кристоф, Антигуа, Монсеррат, Доминику, Сент-Винсент, Барбуду, Тобаго, Гренаду, Гренадины. Версальский договор 1763 года вернул ей Тобаго и островок Сент-Бартелеми: и потери, и приобретения равно смехотворные.

* Пищевой краситель (*примеч. ред.*).

Итак, стабильность как в отношении территории, так и в отношении экономики: острова поставляют Франции одни и те же товары, причем половина их объема приходится на сахар. Торговля с Антильскими островами, вначале находившаяся в руках голландцев, при Кольбере вновь перешла к французам, чему способствовало создание в 1664 году Французской Вест-Индской компании⁴⁶⁸. Однако выданная ей привилегия действовала всего два года. После этого было объявлено, что «ход туда [на наши острова] всем судам, под французским флагом плавающим, открыт»⁴⁶⁹.

Не изменяется и перечень товаров, которые Франция экспортирует на Антильские острова. Этим завоеванным территориям требуется еда: отсюда бесконечные грузы муки, соленой говядины, соленой свинины, селедки, трески, вина, масла... Затем мануфактурные изделия, поступающие в основном из Руана: иглы, булавки, башмаки, бобровые шапки, шелковые и шерстяные чулки, холст, одеяла, стекло, медные котлы и баки для производства сахара... Бордо, имевший тесные связи с Аквитанией, поставлял на острова тонны муки (изготавливаемой на гароннских мельницах), вино и разнообразные промышленные изделия, поскольку сообщение с производившими их провинциями было налажено очень хорошо... Важной статьёй экспорта были также рабы из Гвинеи: перевозившие их корабли, отплывавшие преимущественно из Нанта, двигались по одному и тому же классическому маршруту: Нант — Гвинея — острова — Нант. Они привозили в Африку водку, хлопчатобумажные ткани, ружья и обменивали все это на рабов. На островах корабль переоборудовали изнутри, чтобы на нем было удобно везти во Францию ящики с сахаром и мешки с кофе... Как бы там ни было, негров на островах становилось все больше и больше; в Сан-Доминго накануне Революции их было 500 000. Отсюда беспорядки, бунты, мятежи, побег рабов и, наконец, великий взрыв 1791 года.

Чтобы доказать, что торговля между Антильскими островами и Францией шла (во всяком случае, по тогдашним меркам) весьма активно, достаточно сообщить, что в эпоху процветания, последовавшую за Семилетней войной (1757—1763), количество французских кораблей, плававших на Антильские острова, перевалило за тысячу. На Мартинике можно было одновременно увидеть до 80 разгружающихся или загружающихся судов. В 1778 году товарооборот достиг 210 миллионов турецких ливров, что составляло треть суммы, которую давала вся внешняя торговля Франции⁴⁷⁰.

Несмотря на отдельные случаи контрабанды, метрополия сохраняла монополию на торговлю с колониями, и наши торговцы, равно как

и наши власти, ревниво отстаивали это принадлежавшее им право, сохраняя его, худо ли хорошо ли, назло всем превратностям войны. С точки зрения торгового баланса как такового торговля с островами постоянно оказывалась убыточной, но мы уже видели ⁴⁷¹, что скрывается за подобным дефицитом: разветвленная система контролируемого обмена, благодаря которой отправляемые из Бордо товары, пересекая Атлантику, становятся вдвое дороже. Вдобавок сроки плавания и объем груза рассчитывались таким образом, чтобы европейские продукты оставались на островах достаточно редкими и их можно было продавать по высокой цене, сахар же приобретался вскоре после сбора урожая, когда он был еще сравнительно дешев ⁴⁷². Таким образом, если судить по примерам, приведенным Мишелем Морино, по возвращении стоимость груза возрастала еще на 20 процентов. Впрочем, это наименее надежный этап операции: здесь все зависит от цены на колониальные товары в Европе, на которую влияют конкуренты — голландцы и англичане. Ведь Бордо большую часть того, что привезено с островов, реэкспортирует: например, около 1785 года на экспорт идет 87 процентов привезенного сахара, 95 процентов кофе и 76 процентов индиго ⁴⁷³.

Итак, торговля с Антильскими островами входит в «сложную систему обменов», тем более что вино и мука доставляются из внутренних районов Жиронды, соленую говядину приобретают зачастую непосредственно в Ирландии, а бордоские негодянты не брезгают при случае торговать и монетой, обращаясь с ней как с обычным товаром: в 1729 году роспись «груза 123 судов, отправляемых из Бордо в Америку», сообщает, что для вящей точности следовало бы присовокупить к этой первой росписи роспись «пиастрам, каковые пиастры негодянты вот уже два или три года как отправляют в Америку, что приносит им верную прибыль в 50 процентов», — коммерция тайная, ибо «строго запрещенная» ⁴⁷⁴.

Короче говоря, торговля с Антильскими островами приносит вполне ощутимый доход, а доход этот играет не последнюю роль в резком подъеме, который переживает Бордо в XVIII веке. Город, где около 1700 года было 45 000 жителей, насчитывает их в 1747 году уже 60 000, а накануне Революции — более 110 000. Бордо разрастается быстрее, чем Лион, Марсель, Париж или любой другой французский город ⁴⁷⁵. По сути дела, трансатлантическая торговля произвела в Бордо запоздалую революцию. Долгое время город этот оставался городом вина, богатевшим благодаря вину, привыкшим к тому, что чужеземные корабли и торговцы сами приезжают за вином и развозят его по всей Европе; ни судовладельцев, ни моряков здесь не водилось. После того как война

за Испанское наследство практически лишила бордосцев возможности экспортировать свой обычный товар, после того, как Англия получила доступ к португальским продуктам, в том числе к портвейну, для Бордо настали тяжелые времена. Этот кризис, меры, принятые правительством, — в частности, жалованные грамоты, назвавшие Бордо и двенадцать других портовых городов единственными, откуда «производить дозволено торговлю с французскими американскими островами», — наконец, появление новых людей положили начало морской карьере Бордо: с 1720 года здесь начали снаряжать в плавание корабли ⁴⁷⁶.

Эти новые люди, среди которых были как бордоские буржуа, так и иностранные негодянты — иммигранты, стремительно богатели. Назовем некоторых из них: уроженцы Гамбурга Шилеры, блистательная еврейская династия Градисов (выходцы из Португалии), семейство Бонафе, прибывшее в Бордо из Лангедока и разбогатевшее на снаряжении кораблей и посреднических услугах; Журню, торговавшие наркотиками и преуспевавшие благодаря присутствию членов этого весьма разветвленного рода во всех главнейших торговых портах ⁴⁷⁷. Однако подобные негодянты остаются весьма немногочисленными и составляют, без сомнения, крохотную долю среди тех 800 «купцов и негодянтов», которыми исчислялось около 1790 года *все торговое сословие* города, или 11 процентов населения ⁴⁷⁸. Согласно руанскому Купеческому альманаху, выделяющему богачей в отдельный разряд, в Руане в 1779 году число купцов-судовладельцев, торгующих с границей, — «тогдашних капиталистов», хозяев города, — равнялось шестидесяти одному ⁴⁷⁹.

Не подлежит сомнению, что трансатлантическая торговля, которую вели наши порты в XVIII веке, представляла собою продуманную систему: на островах используется рабский труд, и этот режим, куда более безжалостный, чем тот, какой существовал в античности, куда более продуктивен, тем более что по другую сторону океана ему соответствует капитализм, пребывающий в самом расцвете. Одним из источников успеха становится разница напряжения. Разумеется, функционируя в пространстве в принципе ⁴⁸⁰ замкнутом, эта система имеет свои слабые места, подвержена определенным опасностям. Во-первых, ей грозит война: но с войной она, худо ли хорошо ли, справляется. К тому же плантаторы с английской Ямайки сделали все возможное, чтобы их страна не аннексировала французские острова, бывшие для них прямыми конкурентами. Другая опасность — что иссякнет приток чернокожих рабов из Африки; однако этого не произошло. Наконец, если бы существенно возросла цена фрахта, выгода трансатлантических перевозок сделалась бы сомнительной; меж тем не произошло и этого.

Однако в конечном счете к краху системы привел именно ее успех: черных рабов сделалось слишком много. 28 марта 1790 года Учредительное собрание дало им свободу и политические права. В 1791 году они подняли в Сан-Доминго восстание под предводительством Туссена Лувертюра. Впоследствии восстановить на островах колониальный режим, выгодный белым, уже не удалось. Тем более что сахар производился и в других местах (даже на Мартинике и Гваделупе), а в Европе очень скоро научились получать его из сахарной свеклы, так что недостатка в этом продукте европейцы не испытывали. С другой стороны, в сознании европейцев происходят перемены, и торговля с островами, торговля предметами роскоши, архаическая по причине возвращения к древнему рабскому труду, начинает их шокировать. Меняется и международная торговля; в XIX веке предпочтение отдают тяжеловесному сырью: углю, железу, хлебу...

Проблемы поставленные, но не решенные. Как и во всех других странах, торговля во Франции развивается сменяющимися друг друга циклами — долгими, как, например, в Марселе с 1569 по 1650 год; более или менее долгими, как, например, в Бордо, ведшем торговлю с островами в 1720—1791 годах; относительно короткими, как в Сен-Мало: экспедиции тамошних моряков в Южное море, даже если максимально расширить их временные рамки, следует датировать 1698—1724 годами. Если история торговли однажды откажется от описательности, она, возможно, сумеет объяснить эти процессы, опираясь на те регулярно повторяющиеся черты, какие в них присутствуют. Приведя три избранных мною примера, я не претендовал дать объяснения, кроме тех, какие заранее запрашиваются сами собой: торговые связи зависят от множества событий, свершающихся во всем огромном мире. Сегодня связи разрываются и завязываются быстрее, чем прежде. Тем не менее и в прошлом циклы длиною почти в целое столетие, такие, как марсельский и бордоский, были редкостью, исключением из правила. Исключением, которое следовало бы объяснить — объяснить хотя бы четкими, резко выраженными и долговременными коллективными потребностями, например, средневековым пристрастием к разнообразным пряностям или более поздней любовью к алкоголю, кофе, табаку, или же сегодняшней болезненной тягой к ужасным наркотикам, манящим и губительным... Свою роль сыграли и налаженные торговые пути. Без таких путей, без перевалочных пунктов, без установленных связей торговли не бывает.

Торговый баланс ставит проблемы по сути аналогичные. В самом

деле, всякий положительный баланс указывает на то, что страна стремится увеличивать производство, мобилизовать дополнительные трудовые ресурсы. В XIX веке наш баланс становится отрицательным, но благодаря экспорту наших капиталов мы могли позволить себе эту роскошь — ибо это поистине роскошь. Напротив, сегодня столь тревожащий нас внешнеторговый дефицит является скорее слабостью; во всяком случае, такая роскошь чревата неприятностями, ибо приводит к займам, ставящим под угрозу наше будущее. Но обычно экспорт и импорт стремятся к равновесию. Как правило, положительный баланс или дефицит внешней торговли составляют ничтожную долю национального дохода. Итак, проблема проблем заключается в том, чтобы понять, каким образом это обстоятельство, в конечном счете весьма незначительное, может — сегодня, как и вчера, — радикально влиять на всю национальную экономику в целом.

По правде говоря, ответа на этот вопрос я не знаю. Полагаю, однако, что все прояснилось бы, если бы можно было, поднимаясь от фактов к обобщениям, доказать то, что я лишь предчувствую. А именно:

— что экономическая основа сама достигает равновесия за счет определенного числа относительно неизменных местных кругооборотов, на что и уходят живые силы экономики;

— что внешняя экономика (*économie extérieure*) не затрагивает этого элементарного уровня, что она ограничивает влияния, оказываемые на нее ее собственными механизмами, и благодаря этому ограничению лишь укрепляется;

— что эта внешняя экономика зависит, в свою очередь, от экономики интернациональной, которая ее направляет, сужает или расширяет.

При этом не стоит думать, будто экономика нации реагирует на стимулы внешней торговли вся целиком. В движение приходит лишь определенная ее часть — точно как в ветряных мельницах, где только верхняя, подвижная половина вертится по воле ветра. Сильно упростив дело, вообразим прямую линию, проходящую через Париж и делящую нашу страну на две зоны. Предположим, что эта ось идет с востока на запад, подобно параллелям; в этом случае перед нами положение Франции в XV веке: юг процветает благодаря близости Средиземного моря, север отстает. С началом XVI века ось поворачивается и становится параллельной парижскому меридиану. Запад, открытый Атлантике, переживает подъем благодаря торговле с заморскими странами: он получает белый металл, серебро; восток, например Бургундия, — медную монету. В XVII веке ось снова поворачивается перпендикулярно меридианам, и на сей раз зоной, переживающей расцвет, оказывается

север. Сказывается притяжение Голландии: правит, решает не король-Солнце, а Амстердам... Затем эта роль перейдет к Лондону, который будет играть ее вплоть до второй мировой войны. А что сегодня? Так называемые пустыни простираются на западе Франции, на востоке же заметно притяжение немецкой экономики.

Эта схема требует уточнений в том, что касается деталей; необходимо, например, очень точно прочертить линии основных торговых перевозок: воссоздать целую геометрию, целую географию. И при этом не забывать, что если основание экономики относительно неподвижно, то на уровнях более высоких царит изменчивость.

Доказательства нам не даются, но все же наблюдения над французской торговлей свидетельствуют о том, что высшие уровни экономики более подвижны, более склонны к изменению и развитию тех явлений нашего прошлого, которые я считаю ядром капитализма.

V ВЕРХНЯЯ СТУПЕНЬКА ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ЛЕСТНИЦЫ: КАПИТАЛИЗМ

Вводя в конце этой длинной главы термин «капитализм», я, конечно, не упрощаю свою задачу.

Но как обойтись без этого? Слова «капитал», «капиталист» (и понятие более широкое — «капитализм») играют слишком важную роль в любом экономическом исследовании. Можно ли в таком случае без ущерба для дела пренебречь ими?

Капитал, согласно самому распространенному определению, это продукт выполненного прежде труда, вновь вводимый в процесс производства. В этом смысле он присутствует во всех областях жизни и во все эпохи существования человечества. Экономист Шарль Жид, дядя знаменитого писателя, писал, что капитал — «вещь столь же древняя, что и первый каменный топор»⁴⁸¹, — можно было бы сказать: столь же древняя, что и палка для копания, «самое примитивное сельскохозяйственное орудие»⁴⁸², или, а fortiori *, что и мотыга или плуг⁴⁸³.

Капитализм, если он порождает капиталистов, но представляет из себя «не что иное, как мобилизацию капиталов» (определение, конечно, чересчур поспешное⁴⁸⁴), также имеет право на звание долгожителя. Поэтому меня, в отличие от некоторых критиков, нисколько не смущает, что Марсель Лаффон Монтель назвал свою книгу 1938 года «Этапы капитализма от Хаммурапи до Рокфеллера», а превосходный историк Теодор Моммзен, к великому возмущению Маркса, писал о капитале и капиталистах в связи с древней Вавилонией.

Однако «капиталисты» и «капитализм», в отличие от «капитала», в рамках определенной экономики или определенного общества не вездесущи. Они принадлежат высшим, самым сложным уровням экономической жизни. Там они и функционируют. Разумеется, капитализм по необходимости спускается в низшие слои, но при этом в первую очередь он остается элементом суперструктуры, чье место — на самой вершине иерархической лестницы. Поэтому исследовать капитализм — значит занять превосходный наблюдательный пункт. Недаром я люблю говорить, что капитализм — это все равно что превосходная степень в грамматике.

* Тем более (лат.).

Капиталы, капиталисты и капитализмы. Жаку Лаффиту мы обязаны наблюдением запоздалым и немного преувеличенным, но позволяющим сразу показать, какими разными бывают капиталы, капиталисты и, следовательно, капитализмы. «Капиталы,— говорит Жак Лаффит,— *не всегда* [курсив мой.— Ф.Б.] принадлежат тем, кто ими пользуется. Напротив, те, кто ими владеет и кого в просторечии зовут богачами [Тюрго и многие его современники задолго до Лаффита говорили в этом случае о «капиталистах»], стремятся не использовать их самостоятельно, но давать их взаймы тем, кто трудится, с условием, что часть произведенного продукта возвратится к заимодавцам, благодаря чему они смогут существовать безбедно и покойно»⁴⁸⁵.

Таким образом прочерчивается важная, пожалуй даже самая важная, граница экономической жизни, однако напрасно было бы ждать от этого критерия особой четкости: в самом деле, я могу одновременно финансировать свое собственное предприятие, быть капиталистом на покое и участвовать в предприятии, созданном третьими лицами. Но если принять определение Жака Лаффита, уже нельзя будет вслед за его знаменитым современником Давидом Рикардо (1772—1823) утверждать, что человек становится банкиром, «лишь только он начинает использовать деньги, принадлежащие другим людям». Эта удачная формулировка применима также к купцу, негоцианту и даже, чуть позже, к промышленнику: все они также «используют деньги, принадлежащие другим людям».

Таким образом, если я не ошибаюсь, на верхнем уровне экономика делится на две зоны: ту, где капиталы накапливаются, дремлют и, тазавриуясь *, рискуют стать бесплодными, и ту, где они устремляются в производство, подобно тому как вода устремляется по хорошо проложенному руслу прямо к мельничному колесу, которое она приводит в движение. Те, кто принимает разделение на эти две зоны, будут, естественно, считать капиталы, участвующие в процессе производства, «истинными», отвечающими своему предназначению, все же остальные — «мнимыми», представляющими собою скандальное отклонение от нормы: ведь они отстранены от производства и, следовательно, не служат общественному благу. Жозеф Шаппе писал о «мертвой монете»; быть может, существуют также и мертвые капиталы⁴⁸⁶?

Мне подобная точка зрения кажется совершенно неверной. Я не возьму на себя смелость оправдывать накопление капиталов, их откладывание про запас. Но если абстрагироваться от моральных оце-

* Накапливаясь частными лицами в виде сокровища (*примеч. ред.*).

нок, я полагаю, что активный капитализм может существовать только благодаря резервуару капитализма — держателям денег. Первый невозможен без второго — водокачки, постоянно дающей жизнь более или менее обильным потокам воды. Больше того, я вообще сомневаюсь в том, что бывают капиталы мертвые, инертные: некая сила тяжести заставляет и воду, и деньги покидать их первоначальное местонахождение.

В связи с этим мне приходит на память мелкое, даже ничтожное происшествие, описанное в «Мемуарах господина де Гурвиля»⁴⁸⁷. Дело происходит в начале царствования Людовика XIV, в 1663 году. Мемуарист возвращается в Брюссель, где, уточняет он, «жил я с большей приятностью, нежели в прочих местах. Господин маркиз де Силлери оказал мне честь своим посещением, а поскольку поведал он мне, что с охотою посетил бы Антверпен, отправился я туда с ним заодно. Повел я его взглянуть как на диковину на господина Палавичини⁴⁸⁸, одного из самых богатых людей в мире, вовсе, однако ж, в том не убежденного. Я сказал ему [господину Палавичини], что надобно ему раскошелиться [...] что должен он нас угостить и дать нам по крайней мере карету и шестерку лошадей для прогулок. Он же в ответ принялся уверять господина де Силлери, что нет у него того богатства, какое все ему приписывают, и, указав нам на каморку подле своей спальни, открыл, что хранит там серебряные слитки стоимостью в добрую сотню тысяч экую, которые не приносят ему ни единого су [...] в Венецианском же банке лежат у него сто тысяч ливров, с которых также не получает он ни единого су, а в Генуе, откуда он родом, имеются у него четыре сотни тысяч ливров, с которых получает он прибыли ничуть не больше, одним словом, он только и твердил, что от всех этих богатств нет у него никакого дохода. И когда вышли мы от него, господин маркиз де Силлери признался мне, что трудно ему поверить [...] в то, что видел он только что своими глазами, и после, возвратившись в Париж, не раз говаривал он мне о том, как жалеет, что не сообщил эту сцену Мольеру, дабы тот вставил ее в комедию „Скупой“». Поскольку «Скупой» был впервые сыгран лишь в 1668 году, это было вполне возможно.

Но я вспомнил этот случай и даже пересек границы королевства не для того, чтобы порассуждать о скупости. Конечно, любопытно видеть капиталиста, дошедшего до такой крайней степени осторожной и даже смиренной бездеятельности. Любопытно также отметить походя, что наследник славного рода Палавичини, который уже в начале XV века был одним из самых богатых в Генуе, и в XVII веке еще очень богат: следовательно, в противоположность тому, что думали Анри Пиренн

и виконт д'Авенель, совершенно не обязательно, чтобы всякое состояние, нажитое капиталистом, ipso facto *, словно в угоду некоему закону справедливости, проматывалось в течение жизни двух или трех поколений и на место прежних богачей приходили новые. Что мы и принимаем к сведению.

Но, пожалуй, прежде всего этот пример доказывает, что, пусть даже капитал кажется крепко спящим, зарытым глубоко в землю, это чаще всего одна лишь видимость. Не только потому, что слитки серебра играют для их владельца роль резерва, гарантирующего ему, что однажды он сможет продать один или несколько из них на антверпенском рынке, но и потому, что деньги, которые он хранит в Венеции или в Генуе, в серьезных, пользующихся всеобщим доверием банках, оказываются благодаря этому включены в общий ход дел, пусть даже сам владелец ничего об этом не знает.

Таким образом, неподвижные деньги как будто только силою своего веса, из-за одной лишь необходимости поместить их куда-либо, стремятся войти в обращение, «ожить». Бывает также, что богач завещает деньги самому неожиданному наследнику, а тот оказывается транжирой и проматывает всю огромную сумму; другой богач исполняет нравственный долг перед родными (такое тоже случается) или наделяет приданым молодую родственницу; третий, не в силах устоять перед соблазном и пользуясь успокоительным посредничеством нотариуса или даже банкира, отдает некоторую часть капитала в рост или доверяет его «дольщикам», сборщикам налогов, которые снабжают кредитами нуждающегося в том государя.

Короче говоря, между капиталами живыми и капиталами более или менее неподвижными всегда сохраняется взаимосвязь; вторые постоянно превращаются в первые. Причем как во вчерашней экономике, так и в экономике сегодняшней процесс этот совершается весьма успешно; ведь — это, вероятно, смог бы доказать список налогоплательщиков, которые с 1981 года облагаются налогом, взимаемым с больших состояний, — самые богатые люди Франции безусловно не принадлежат к числу активных капиталистов.

Вес спящего капитала. Для экономики в целом эти деньги, хранящиеся в надежном месте, — не что иное, как гарантия, резерв, запас прочности. Однако для того чтобы губка оставалась влажной, нужно,

* само по себе (лат.).

чтобы к ней постоянно поступала вода. Приносит ли этот запас пользу Франции?

Приносит, разумеется, недостаточно, но в определенном смысле все же приносит, ибо кредит при Старом порядке и даже много позже, по сути дела, вплоть до 1850 года, по-настоящему не организован. Возьмем 1789 год. В Париже, конечно, имеется сотня банкиров — более или менее состоятельных; но Париж — это Париж. А вот в Руане — крупном городе, задающем тон во французской экономике, — в это же самое время проживают всего четыре банкира⁴⁸⁹. Поневоле приходится выпрашивать «авансы» у «людей с портфелями», кланяться, подолгу ждать ответа.

В Лавале фабрикант и торговец сукнами Жан Франсуа Фреаль за период с 1746 по 1770 год взял займы в 55 приемов 282 093 ливра из 5 процентов (что составляет 13 625 ливров) у дворян, священников, буржуа, нотариусов и даже у ремесленников, под простые векселя⁴⁹⁰. Все это, правда, не без труда, не без споров. По крайней мере, такой вывод можно сделать из случайно сохранившихся документов той эпохи, повествующих об удивительных, поистине неразрешимых проблемах, с которыми сталкивался изо дня в день крупный руанский торговец Робер Дюгар, нуждавшийся в деньгах. В 1749 году он устроил в пригороде Руана Дарнтале холстинную мануфактуру и красильню. Чтобы развернуть дело, ему требовались деньги. В Париже его компаньон Луи Жуве-младший торгуется с агентами, ездит туда и обратно в поисках ускользающих кредиторов. «Погодите еще немного, — пишет этот несчастный теряющему терпение Дюгару, — на все нужно время, а на такое дело особенно — тут потребна великая осторожность... Другой, менее робкий или более умный человек мог бы устроить все с первого раза, но я боюсь, что передо мной захлопнут двери, потому что если двери однажды захлопнут, придется идти напролом». А если идти напролом, дело кончится неудачей^{491—493}.

Я мог бы привести сходные примеры, касающиеся ситуации в Дижоне или Арманьяке в XIX веке. Но к чему повторяться? Ведь интересует нас в первую очередь вот что: кредит во Франции получить гораздо труднее, чем в Англии, а между тем спящий капитал у нас исчисляется весьма значительными суммами. Отдать себе отчет в том, как велик был этот второй сектор капитализма, можно только благодаря тем случаям, когда в силу удачного стечения обстоятельств эти скрытые денежные резервы (подземные источники, если не сказать артезианские колодцы) внезапно вырываются на поверхность. Стоит области стать жертвой каких-либо стихийных бедствий, как деньги достаются из тайников,

помогают справиться с серьезными трудностями, пережить тяжелые времена. Подчас к большому удивлению окружающих.

Возьмем, например, 1708 год: уже семь лет длится война за Испанское наследство, государственная казна истощена, пополнить ее крайне трудно, приходится занимать наличные. В деньгах, впрочем, недостатка нет. Проблема в том, что Казначейство начиная с 1701 года выпускало кредитные билеты и выпустило их более чем достаточно. Об этом сообщает информатор генерального контролера финансов в письме из Ренна от 6 марта 1708 года: «Один из самых почтенных буржуа этого города [...] весьма сведущий в торговле, каковой занимается он ныне и уже издавна, как на море, так и на суше, ведя дела с самыми славными негодьями из провинции [...] уверил меня, что знает наперед: больше тридцати миллионов пиастров и более шестидесяти миллионов золотом и серебром спрятаны в тайниках и будут извлечены на свет Божий лишь после того, как монетные билеты ⁴⁹⁴ будут полностью аннулированы, курс наличности возвратится в разумные пределы, а торговля хотя бы отчасти придет в прежнее свое состояние...» ⁴⁹⁵. Итак, в бедной Бретани под спудом хранятся огромные богатства. Дело тут, возможно, в том, что в 1708 году, о котором идет речь, Ренн благодаря своим купцам, местным властям и Монетному двору наживается на блестящих успехах Сен-Мало, жители которого только что открыли доступ к чилийскому и перуанскому серебру. Реннцы извлекают из этого пользу, накапливают резервы. Но делиться ими они станут лишь с величайшими предосторожностями.

Проходит двадцать лет; мы по-прежнему в Бретани, но на сей раз в Нанте; на календаре 20 марта 1726 года. Вот местные новости: «Мы узнали о могуществе и богатстве нашего города лишь по случайности: купцы наши задумали либо сами по себе войти в дела Королевской [Индийской] компании, либо же войти на сей предмет в долю с жителями Сен-Мало, людьми весьма богатыми. Выбрали сей последний способ, дабы друг с другом не соперничать, и все предприятие нарекли Компанией Сен-Мало. Вот и выяснилось, что купцы наши вложили в дело 18 миллионов, а мы-то думали, что у них всех вместе и четырех не найдется. Снаряжают девять кораблей, дабы те с началом навигации вышли в море... Надеемся мы, что великие суммы, Двору предлагаемые за то, чтобы отнял он у Индийской компании исключительную привилегию, для королевства разорительную, подвигнут его на объявление свободы торговли во всех широтах» ^{496—497}.

Этот текст в комментариях не нуждается. Он прекрасно иллюстрирует ту мысль, которую мы хотим выразить, а именно, что Франция, точно

так же как Китай или Индия,— при всем отличии от них — представляет собою некрополь драгоценных металлов. Она их собирает. Она с чрезмерной легкостью обращает их в накопления, в запасы. И этот недостаток — или достоинство — останутся ее отличительной чертой и после падения Старого порядка. В XIX веке общая денежная масса Франции примерно равняется денежной массе всей Европы. Вспомним короткий, но мощный всемирный кризис 1857 года: начался он в Соединенных Штатах, где банки лопались один за другим и банкротство постигло 5000 фирм, оттуда перекинулся в Англию, а затем пошла цепная реакция: затронута оказалась вся Европа: Германия, Дания, Северная Италия, Вена, Варшава... Франция частично избежала печальной участи по той причине, что, несмотря на подъем, который она переживала в начале Второй империи, банки в ту пору были еще сравнительно мелкой мишенью: там хранилось всего 120 миллионов, «тогда как тезаврированные капиталы оценивались приблизительно в 3 миллиарда. Деньги, спрятанные в чулке, [туго набитом], спасли Францию от катастрофы. Но они же затормозили рост промышленных предприятий и тормозят его до сих пор»⁴⁹⁸.

Пропустим еще полвека: около 1905 года Альфред Неймарк, экономист и статистик, восторгается всеми известными латентными богатствами Франции. «Как же в конце концов получается,— восклицает он,— что Франция является величайшим резервуаром капиталов, какой только существует во всем мире!»⁴⁹⁹ В 1929 году кризис куда более серьезный, чем в 1857 году, обрушивается на Францию с некоторым опозданием. Не потому ли, что она черпает часть средств из своих сбережений? В 1945 году Шик, банкир, влюбленный в историю, стремясь внушить французам, что для них еще не все потеряно, подсчитывает величину сохранившихся у них огромных запасов золота...⁵⁰⁰

Эта привычка откладывать деньги, испокон веков присущая нашему народу, отличает не только людей богатых или состоятельных. Очень часто деньги откладывают люди бедные и даже беднейшие, принимая тем самым отчаянные, зачастую безуспешные усилия обеспечить, «подстраховать» свою нелегкую жизнь. Деньги у таких бедняков случаются редко, но королевский налог, силой заставляющий деревенских жителей раскошелиться, принудил крестьян к тому, что Пьер Губер назвал «трудной охотой за звонкой монетой»⁵⁰¹. Поэтому и на черный день они откладывают золотые или серебряные монеты, в кои-то веки попавшие к ним в руки. В 1786 году на одну «богатую провинцию» обрушились разрушительные наводнения, и крестьянам пришлось «достать деньги из тайников, после чего в обращении появилось замечатель-

ное множество новехоньких, как будто выросших из-под земли луидоров чекана 1726 года»⁵⁰². В XIX веке эта народная, крестьянская тезаврация только возрастает. Вдобавок — еще один парадокс — именно самые бедные области, как замечает в 1815 году проницательный наблюдатель по поводу Морвана⁵⁰³, «особенно богаты деньгами [...] куда богаче, чем прославленные сельскохозяйственные районы [...] ибо, что бы ни говорили современные экономисты, больше всего денег остается в тех краях, где их меньше всего тратят».

Бесспорно, что, поскольку бедняков в стране очень много, их ожесточенная борьба за экономию позволяет выводить из обращения очень большую часть денежной массы. По мнению Герберта Люти, историка протестантских банков, Франция Людовика XIV, «страна без банков, страна, где деньги то и дело обесцениваются, [...] является в то же самое время и страной скрываемых сокровищ, страной, жители которой, кажется, зарывают драгоценные металлы в землю»⁵⁰⁴.

Разумеется, не все французские сбережения становятся спящим, тезаврированным капиталом. Однако Тюрго, ссылаясь на мнение своего учителя Венсана де Гурне (1712—1759), указывает на большое место и говорит, что богатые люди не хотят рисковать, вкладывая деньги в какие бы то ни было предприятия, и куда охотнее дают деньги в рост под надежные проценты: ведь это дело гораздо менее рискованное. Итак, каждая эпоха и каждая конъюнктура имеет свою процентную ставку, большая или меньшая притягательность которой для владельцев капитала и предопределяет его движение. Именно такую роль с XVI века играла во Франции «рента» — нечто вроде пожизненной ссуды, засвидетельствованной в присутствии нотариуса и передаваемой по наследству. Или займы на крупные предприятия, позволяющие негодьям, как правило снаряжающим морские экспедиции сообщая, добывать недостающие деньги за пределами их клана⁵⁰⁵.

Или морские страховки. Или даже простые кратковременные ссуды, выдаваемые через посредство банкира или нотариуса, которым заимодавец и поручает выбор надежных заемщиков. Именно так поступает около 1820—1830 года (когда деньги давались взаймы под очень нижний процент — от 4 до 5) бывший колонист с острова Сент-Томас, возвратившийся в свое арманьякское поместье и занявшийся производством водки⁵⁰⁶.

Эти простые способы вложения денег общеизвестны, другие же каналы, по которым может устремиться спящий или якобы спящий капитал, назвать не всегда легко. Так, считается, что дворянство живет на доходы со своих земель. Активный капитал ему в каком-то смысле

заказан, и старинная знать в XVI веке не раз беднела, подчас очень сильно. Я еще вернусь к этому вопросу в том разделе моей книги, где речь пойдет об обществе. Пока же я ограничусь тем, что приведу две светские «вести», которые русский посол сообщает из Версаля своему двору в ноябре 1875 года⁵⁰⁷. Первая из них — кончина герцога Орлеанского — отца Филиппа Эгалите, — оставившего наследнику 4 800 000 ливров «и ни одного ливра долгу»; вторая — женитьба барона де Сталья на дочери Неккера. Женевский банкир, замечает русский посол в этой связи, имеет ежегодный доход в 100 000 ливров... Сопоставление этих двух цифр заставляет задуматься. Старинные богатства (прежде всего в форме поместий, а кроме того — в виде королевских наград и пенсий) значительно превосходят состояния финансистов-капиталистов, впрочем, пребывающие в «спящем» виде, ибо в банке Неккер хранил всего половину, а то и меньше, своих денег. Что до состояния герцога Орлеанского, его безусловно нельзя назвать пассивным и инертным. Ведь доверенные лица, которые им распоряжаются, вкладывают его в целый ряд предприятий: рытье каналов, торговлю земельными участками...⁵⁰⁸ Прекрасная тема для исследования.

Не хуже и другая — изучить как целое деятельность командитных товариществ (отраженную в бесконечной череде нотариальных актов). Именно они вкладывали деньги в большинство промышленных предприятий XVIII века, причем главными акционерами были поначалу крупные торговцы, финансисты, богатые, но весьма малочисленные парижские банкиры. Затем, уже в середине столетия, в дело включаются дворяне: они инвестируют деньги в рудники (в том числе в анзенский), в сен-гобенские мануфактуры, в металлургический завод в Коне и проч.⁵⁰⁹ Для французского дворянства наступает пора активного капитализма.

И тем не менее в течение не только XVIII, но и XIX века кредит будет вечно оставаться трудноразрешимой проблемой, промышленность будет вечно нуждаться в инвестициях. Великим событием в этой области станет первая успешная попытка выкачать отложенные деньги — создание в провинции после 1850 года многочисленных филиалов столичных банков. Отсюда ускоренное движение денег, не менее важное, — как утверждает историк⁵¹⁰, чем прокладка железных дорог. Кто же станет спорить с этим утверждением? Изобилие звонкой монеты делало Францию самой богатой страной Европы — в том смысле, какой вкладывали в это слово Кольбер и Кантйон, для которых богатство и металл были синонимами. Но экономически — я множество раз говорил об этом — Франция вовсе не занимала первого места. Больше того, она была даже

не застрахована от перебоев с наличностью: монетный «голод», как тогда говорили, случался очень часто.

Причина столь парадоксальной ситуации — прежде всего в весе спящего капитала. Буагильбер, более проникательный, чем меркантилисты, сказал: «Тело Франции страдает, если деньги французов не пребывают в постоянном движении»⁵¹¹. Кому нужна неподвижная кровь! Но отсутствие движения определяется не только соотношением денег живых и мертвых, неподвижных и движущихся. Оно определяется также соотношением массы металлических денег и денег бумажных — этой куда более проворной «псевдомонеты». Между тем из всех европейских стран Франция отдала предпочтение бумажным деньгам перед металлическими самой последней. До 1750 года 93 процента расчетов во Франции велись в монете, и лишь 7 процентов — в банковских билетах⁵¹². К 1856 году доля билетов чудесным образом возросла до 20 процентов. Но в Англии в то же самое время она составляла 65 процентов⁵¹³! Таким образом, история накопления капитала в нашей стране — это прежде всего история наших металлических денег.

Металлические деньги: запасы и обращение. Экономисты начала XIX века выбивались из сил, втолковывая своим читателям, что величина так называемых капитальных богатств определяется отнюдь не только деньгами, металлической монетой. Казалось бы, это очевидно! Тем не менее Жан-Батист Сей (1767—1832), профессор в полном смысле слова, автор трудов, которые станут Библией для историков последующих поколений, считает необходимым в 1828 году пространно предостеречь своих читателей: «Хотя капиталы принимают самые разнообразные формы, откуда-то идет давняя привычка считать капиталом исключительно суммы в экю, а капиталами страны — лишь общее число экю, находящихся здесь в обращении»⁵¹⁴. «Капиталы Франции, — продолжает он чуть ниже, — состоят отнюдь не только из ее наличности»⁵¹⁵. Невозможно, повторим еще раз, с этим не согласиться. Но следует ли по этой причине «принижать» роль наличных денег? Наличность — самое удобное, самое скорое, самое эффективное капитальное богатство, истинный Протей, — без сомнения, играет одну из главных, если не самую главную роль. Вдобавок разве наличность — не идеальное вложение капитала? Для негоцианта или торговца схема Маркса совершенно верна: начать с денег, перейти к товару и снова возвратиться к деньгам.

Но, быть может, ничто так не искажает наши представления, как банальность повседневности: видя нечто каждый день, мы в конце

концов перестаем его замечать. Во Франции времен Жана Батиста Сей монетаризация, хотя еще и не проникла повсюду, уже успела стать процессом привычным, нормальным. Поэтому вполне естественно, что наблюдатели более ранних эпох более склонны удивляться оригинальности роли, какую играют металлические деньги, и их могуществу. Эон, пишущий свое сочинение о торговле в 1647 году, восторгается: «А теперь вообразите, прошу вас, что случилось бы со всеми нами, выпусти власть декрет, коим всем нам воспрещалось бы в каждодневных наших надобностях употреблять монеты, так что пришлось бы нам вести с собою к торговцу тканями корову или быка в уплату за товар, нам потребный. А сколь достойна сожаления была бы наша судьба, коли пришлось бы нам странствовать по родному краю либо отправляться в дальнюю дорогу, за двести или триста верст, не имея в кармане ни денье ни полденье»⁵¹⁶. Прекрасный текст, не правда ли? а вся его суть вот в чем: монета дает возможность избежать меновой торговли.

Даже Тюрго столетие спустя, около 1770 года, говорит не на том языке, на каком будет говорить Жан Батист Сей. Он различает капиталы природные (дома, товары) или ценные (в виде «кучи денег»). Но он подчеркивает, что под деньгами (читай: монетой) «понимает всякую накопленную ценность или капитал [курсив мой. — Ф. Б.] и что обращение денег [...] полезное и плодоносное [...] оживотворяет все труды общества»⁵¹⁷. Тюрго скорее, чем Жан Батист Сей, придется по вкусу историку, который, подобно Пьеру Шоню, считает, что в начале своего существования монеты «превосходно ускоряли коммуникации»⁵¹⁸, — я бы скорее сказал, ускоряли обращение, или, еще лучше, умножали формы экономической деятельности. Вдобавок металлические деньги являются ударной силой современного государства в борьбе против других государств, больше того, они — «необходимое основание»⁵¹⁹ этой борьбы. Наконец, они помогают определить, что такое *стоимость* — расплывчатый термин, вносящий смуту во всякую экономическую теорию. «Все стоимости, — пишет в 1779 году голландец Ван дер Мелен, — и даже иные дела, прямо связаны со всеобщей мерой, иначе говоря, с монетами, а не с бумагами или кредитом, каковые монету лишь обесценивают»⁵²⁰.

Конечно, полновесная, звонкая монета, подчас ведущая себя в истории нашей страны чересчур шумно, не составляла всю полноту экономической жизни. Но, участвуя в экономической жизни, создавая ее и в то же самое время будучи в определенной мере ее созданием, монета накладывала на эту жизнь определенные ограничения и, с другой стороны, открывала ей возможности маневра, на которые мне хотелось

бы обратить внимание читателя. Не подлежит сомнению, что активный капитализм умело использует монету и даже стремится отождествлять себя с этим незаменимым инструментом. Отсюда вытекает ряд его особенностей; не случайно Ж.-Ф. Суле говорит даже, применительно к эпохе Тюрго, о капитализме «истинном и монетарном»⁵²¹.

Не забудем, что денежная масса, о которой идет речь, уже с XVI века была довольно велика.

В 1500 году во Франции находилось в обращении около 30 миллионов турецких ливров; в 1600 году число это, возможно, возросло до 80 миллионов⁵²². Во времена Кольбера, между 1661 и 1683 годом, запасы монеты достигли, вероятно, 200 миллионов. Донесение, составленное, по-видимому, в 1706 году⁵²³⁻⁵²⁴, оценивает этот запас в 250 миллионов ливров «наличными», к чему следует прибавить 50 миллионов в «монетных билетах», из которых 12 миллионов правительство намеревалось возвратить в монетах, итого 300 миллионов наличными. Но и эти 300 миллионов скорее всего составляют лишь часть общей денежной массы — ту, которая реально находилась в обращении. Позволительно думать, что «мертвых денег» в стране имелось примерно столько же, сколько находилось в обращении, — во всяком случае, если верить Жану Батисту Сею, писавшему, что Франция делит свою наличность на две равные части: половина находится в обращении, а половина остается неподвижной, или Франсуа Молльену (1758—1850), министру финансов Наполеона, который в 1810 году утверждал, что в «активном пользовании» пребывают самое большое две трети от общего количества. Следует ли в таком случае полагать, что когда Потье де ла Этруа в своем критическом разборе «Десятины» Вобана утверждает, что в 1704 году в обращении во Франции находилось 460 миллионов ливров (не считая того, «что частные лица удержали у себя, не отдав в перечеканку»⁵²⁵), цифра эта, почти вдвое превышающая ту, что приведена в донесении 1706 года, на сей раз покрывает весь запас денег — и подвижных, и неподвижных?

Много позже, в 1786 году, Неккер оценивает сумму денег, находящихся в обращении во Франции, в 2 миллиарда 200 миллионов турецких ливров⁵²⁶. Арну примерно в то же время называет цифру в 1 миллиард 900 миллионов. Итого в среднем 2 миллиарда. В 1809 году общеевропейский запас оценивается примерно в 9 миллиардов⁵²⁷, между тем во Франции в это время находятся в обращении около 4—5 миллиардов, иначе говоря, добрая половина всех металлических денег Европы... Как бы там ни было, прогресс налицо. Меркантилисты XVIII века, узнай они об этом, были бы на седьмом небе от счастья. Разве не утверждал

один из последних поборников этой теории, Гудар, в 1756 году: «Я убежден, что [...] чем больше в государстве наличности, тем государство это богаче и изобильнее»⁵²⁸. Меж тем хотя изобилие наличности налицо, богатства оно не приносит. То и дело, как мы видели, обнаруживается нехватка наличности, ее дефицит. В феврале 1691 года монеты нового чекана еще не дошли до Орлеана, их невозможно достать, и это тотчас «делает всей торговле остановку»⁵²⁹. В ноябре 1693 года та же беда обрушивается на Тур: «Деньги в сей провинции сделались такой редкостью <...> что вчера не нашлось наличности для уплаты рабочим, почти никто не ходит к менялам, и все сие, как говорят, потому, что королевские откупщики отвозят все собранное в Париж и ничего не тратят...»⁵³⁰. Но и в Париже дела обстоят не самым лучшим образом. 13 мая 1715 года генеральный контролер Демаре получает тревожное письмо: «Доводим до сведения Вашей Светлости, — пишут ему, — что в Париже большое беспокойство производит недостаток наличных денег, по вине коего большинство негоциантов не могут с честью выплатить долги, хотя бы и была на то у них добрая воля и множество векселей...» Каждый год по воле конъюнктуры в одном месте наличные деньги обнаруживаются в избытке, зато в другом ощущается острый их недостаток. Еще в 1838 году Отен, город зажиточных землевладельцев, не могущий, однако, похвастать большим числом крупных торговцев, изобилует наличностью, меж тем как расположенный практически рядом Дижон ощущает в них острый недостаток⁵³¹. Поскольку подобные диспропорции зависят и от расстояний и от транспортных расходов, во Франции вплоть до 1848 года существовал своего рода внутренний денежный курс: ливр или франк стоил в Париже не столько, сколько в Лионе или каком-нибудь другом городе⁵³².

Многое определяет и сам металл. Ибо если Франция, где металлических денег было больше, чем в любой другой европейской стране, все-таки испытывает в них недостаток, дело тут не только в «порочном» обыкновении серебра или золота превращается в украшения или посуду (обыкновении, которое в 1756 году обличает Анж Гудар), но и, в первую очередь, в том, что монеты тяжелы и переправлять их из города в город нелегко. Двести тысяч экую весят тонну; перевозка их в экипаже из Лиона в Париж занимает десять дней⁵³³. В конце концов, как ни велико значение денежной массы, роль, которую она играет, ограничена. Размеры королевства — 400 000 квадратных километров — сами по себе, что ни говори, уменьшают скорость обращения.

В итоге монетаризация во Франции остается чудовищно неполной: немного сгустив краски, можно сказать, что она едва затрагивает выс-

ший уровень экономики. В начале XVIII века в Пикардии и Артуа — провинциях далеко не нищих, «крестьяне еще очень редко платят оброк наличными [...] монеты не хватает, расчеты в ней ведутся редко, и люди легко обходятся без нее, предпочитая прямой обмен. Следовательно, сами обстоятельства принуждают выплачивать оброк натурой [...] Еще в 1720 году в суассонском фискальном округе сбыт зерен идет так тяжело, что земли облагаются налогом в форме зерна — ибо получить плату монетой практически невозможно»⁵³⁴.

Конечно, в XVIII веке положение дел меняется, монетаризация делает успехи, но победу ее отнюдь нельзя назвать повсеместной. Даже много позже 1789 года во Франции остаются районы, где монета практически неизвестна. Самый вопиющий пример — Корсика, где подобная ситуация продлилась до 1914 года⁵³⁵.

Наибольшие выгоды монетаризация приносит торговцам и государству. Государство предписало уплату налогов в денежной форме. Налогоплательщики часто приносят в уплату медную монету, которую требовалось обменивать на монеты серебряные или золотые. Монеты же эти поступали с таможен, где взимали пошлины с товаров, ввозимых из-за границы. Во времена Кольбера эти отчисления в пользу государства при общей сумме денежного обращения в 200 миллионов ливров равнялись примерно 80 миллионам — гигантская сумма, которую государство удерживает, а затем тратит и тем самым снова вводит в обращение, чтобы затем снова изъять в качестве пошлины или налога; этот процесс продолжается постоянно. Однако — и я еще буду говорить об этом подробно в главе, посвященной государству *, — процесс этот не приводит к равномерному распределению монеты по территории королевства. Деньги короля тратятся почти исключительно на нужды двора и армии, на ведение войн, а также на уплату государственного долга. В провинцию они не попадают, не инвестируются в местную экономику.

До бедных классов монета не доходит. Общепринятое мнение на сей счет нуждается в пересмотре. Нет, «монетные махинации Филиппа Красивого не оказали значительного влияния ни на государственное имущество, ни на цены товаров <...> народные массы не ощутили никаких последствий этого процесса»⁵³⁶. Пересмотреть следует и другое: прежде мы уделяли слишком много внимания слухам и зрелищам улицы Кенкампуа **, сегодня же обнаруживаем, что система Лоу,

* Эту главу Бродель написать не успел (*примеч. ред.*).

** На этой парижской улице располагался в 1719—1720 гг., вплоть до своего банкротства, Генеральный банк Джона Лоу (*примеч. ред.*).

в сущности, вовсе не была катаклизмом, потрясшим французское общество до самых его глубин.

Таким образом, история монеты — во Франции, как и в Европе, — история многоэтажная: то, что происходит на верхних этажах, далеко не всегда совпадает с тем, что творится внизу.

Государева монета. Всякий государь должен был покорять монету так же, как он покорял провинции, за счет которых расширял свое королевство; он надзирал за чеканкой монет, устанавливал их цену, контролировал распространение. Королевская монета делала короля.

Но всякая монета — убегающая реальность, скользкая, как угорь. За ней приходится гнаться, ее приходится охранять и отстаивать: с 1295 по 1328 год во Франции было издано 15 эдиктов, касающихся золотых монет, 27 — касающихся монет серебряных; колебания цены золотой марки ⁵³⁷ доходили до 75 процентов, колебания марки серебра — до 100 процентов.

Другая забота: несмотря на все старания, монеты все-таки покидают пределы государства, а внутрь — пусть даже это запрещено — проникают монеты других государств. Лишь некоторых из этих иностранок встречают благосклонно. Сюлли в 1601 году ⁵³⁸ выступает за запрещение иностранной валюты, «за исключением испанских монет [серебряных и золотых], ибо разом прекратить их хождение значит учинить в торговле большую пустоту». Однако, хотя власти или нет, во всей Европе господствует смешение туземной валюты с иностранной. В 1614 году в Нидерландах — подлинном центре Европы — имеют хождение монеты 400 типов; во Франции — 82 ⁵³⁹, а может быть, и больше, поскольку в эдикте 1577 года речь идет о 180 типах монет, «двум десяткам держав принадлежащих» ⁵⁴⁰. Во всяком случае, в 1526 году в Пуату имелись в обращении испанские монеты ⁵⁴¹... А в 1611 году, судя по некоторым сведениям, «в Пикардии, Шампани и Бургундии иностранных монет было не меньше, чем французских» ⁵⁴².

Иностранцы, со своей стороны, были заинтересованы в том, чтобы вывезти из Франции хорошие монеты, а французам сбить монеты скверные, медные с тонким слоем серебра. Эти «черные» монеты, настоящие металлические ассигнаты, не имели действительной стоимости, и продажа их приносила государю исключительную выгоду, продавал ли он их собственным подданным или подданным соседа. Соседи же считали за лучшее препятствовать подобным нашествиям. В XVI веке это несколько раз удалось властям Венеции. То же самое можно сказать

и о Португалии. Но и Венеция и Португалия обращали особое внимание на нужды торговли, а по величине сильно уступали французскому королевству. Во Франции, пожалуй, любые старания преградить путь иностранной монете были бесполезны. Оставалось лишь возмущаться тем, что в конце XVII века наши северные провинции заполонил голландский шиллинг⁵⁴³, а лотарингские су, пользуясь причудливостью границы между герцогством Лотарингским и Францией, контрабандой проникают в пределы нашего королевства. Да, возмущаться, угрожать, наказывать одного мошенника, схваченного с поличным, за грехи всех остальных — тех, кого поймать не удалось. Около 1780 года, согласно Молльену⁵⁴⁴, англичане изготовляли и переправляли к нам «французские» биллоны*, сбывая их по цене, которая была даже ниже их законной пробы. При таких выгодах можно не дорожить.

Короче говоря, государева монета сталкивается во Франции с другими монетами, что создает некое вынужденное равновесие. «В годах 1640 и 1641, когда кардинал Ришелье распоряжался чеканкой монеты во Франции, почел он за лучшее чеканить монеты той же пробы и той же цены, какие были в ходу у наших соседей, а чеканку монеты той пробы и веса, какие во Франции хождение имели в прежнюю пору, повелел прекратить. Пожелал он, ежели позволено так сказать, переверотить всю систему монетную, какая прежде имелась в королевстве, лишь бы не упустить привлечь к нам монеты, имевшие хождение у соседей наших. Вместо четверти экю приказал он чеканить серебряные экю, какие в ходу у нас и по сегодня [около 1706 года] того же веса и той же пробы, что испанские осмерики⁵⁴⁵. Из всех монет, какие в ходу у наших соседей, чаще всего встречался у нас в ту пору испанский пистоль⁵⁴⁶. И вот вместо золотого экю, монеты, кою чеканили прежде во Французском королевстве, приказал он изготовлять луидоры того же веса и той же пробы, что испанские пистоли...»⁵⁴⁷. Сходным образом английская «гинейя», которую начали чеканить с 1661 года, имела образцом испанский пистоль⁵⁴⁸.

Другая забота: привести в соответствие золотые и серебряные монеты, исходя из их проб и официального или торгового соотношения между золотом и белым металлом — их курса (*ratio*). Долгое время, судя по всему, считалось, что между золотом и серебром существует «естественное» соотношение 1 к 12, иначе говоря, что при равном весе золото стоит в 12 раз дороже, чем серебро. На самом деле соотношение не является неизменным, оно колеблется то в одну, то в другую сторону.

* Биллон — низкопробное серебро, неполноценная разменная монета (*примеч. ред.*).

Поэтому бывают периоды, когда белый металл, можно сказать, вырывается вперед, а затем золото берет реванш. Так, в 1560-х годах серебро уступает первенство золоту, и генуэзцы, которые предчувствовали грядущий переворот уже с 1558 года и раньше других начали делать ставку на золото, наживают на этом немалые барыши.

Однако правительства со своей стороны также могут играть на соотношении золото — серебро и тем направлять движение монеты: в 1726 году, стабилизировав турецкий ливр, правительство Людовика XV установило цену на золото ниже реальной (1 к 14,5), вследствие чего золото стало утекать за границу, в Голландию, Англию и Геную, а белый металл начал проникать к нам и повышаться в цене. В 1785 году Калонн упорядочивает соотносительные цены обоих металлов: на сей раз при равном весе золото будет стоить в 15,5 раза больше, чем серебро, иначе говоря, курс увеличивается на один пункт: в результате серебро, цена на которое сделалась ниже реальной, становится дешевым и утекает из государства, а золото в него возвращается. Таким образом, страна избирает золото или серебро в качестве некоего монетного эталона еще прежде, чем такой эталон был введен в реальности.

Внутреннее устройство монетной системы. Наша монетная система была сходной с теми, какие существовали во всей Европе Нового времени. Она подчинялась определенным законам, внутренним правилам. Во-первых, в основе ее лежала игра не двух (золото и серебро), а трех металлов: золота, серебра и меди. В сплавы, из которых изготовлялись и золотые и серебряные монеты, непременно входила медь, придававшая монетам дополнительную прочность, а кроме того, что гораздо важнее, из меди делалась мелкая разменная монета. В этой мелочи иногда встречалась небольшая примесь серебра, но ее было так мало, что медь рано или поздно выступала на поверхность и все монетки в конце концов чернели; их так и называли: «черная монета», монета для бедных, монета чисто кредитная, официальный курс которой устанавливается произвольно, вне всякого соотношения с реальной стоимостью металла.

Зарабатывают люди из низших классов так мало, а тратят деньги так скромно, что без мелкой монеты здесь не обойтись. Она предназначена ремесленникам, низкооплачиваемым работникам для удовлетворения их повседневных нужд. Впрочем, монетки эти мгновенно съедаются, ибо заработная плата почти не превышает прожиточного минимума. Итак, мелкие монеты переходят из рук в руки быстрее, чем

монеты серебряные, являющиеся по преимуществу инструментом торговых операций, и, тем более, быстрее, чем золото, используемое в торговле на большие расстояния.

На первый взгляд, подобная монетная система кажется не слишком сложной, но чтобы понять ее до конца, следует разрешить некоторые проблемы:

1) Своеобразие турецкого ливра — расчетной денежной единицы, иначе говоря, монеты мнимой, «воображаемой». Турецкий ливр равняется 20 су, одно су — 12 денье. Но ни ливр, ни его составляющие не являются подлинными монетами, которые вы можете потрогать руками. Они служат для расчетов, для того, чтобы сводить к одной *расчетной единице* различные металлические монеты.

Этот турецкий ливр — одновременно и наследство, и плод выбора. Наследство, оставленное многочисленными странами, на которые распалась империя Карла Великого. В царствование великого императора, после реформы, проведенной им в 781 году, ливр, расчетная денежная единица, точь-в-точь соответствовал фунту серебра, который приравнивали к 240 денье — монетам, удобным в пользовании. Таким образом, в ту пору ливр был монетой реальной, хотя и не имевшей материального воплощения. Однако при преемниках Карла Великого в большей части Европы денье начинают видоизменяться, уменьшаться в весе. Ливр поэтому перестает быть реальной монетой. Учет по-прежнему ведется в ливрах, в ливрах же указываются суммы в договорах, но всякий раз, в зависимости от изменений цены металлических монет, ливр соответствует другому количеству денье. Например, во Франции в 1290 году он равнялся 260 денье, в 1295 году — 300 денье, в 1301 году — 400 денье... В довершение путаницы, на французской территории до воцарения Капетингов соседствуют несколько разных расчетов ливров — руссийонский, лангедокский, прованский, дофинский, бургундский, лотарингский, парижский и, наконец, турецкий. Например, «с 1200 по 1300 год жители Лангедока пользуются рэмондским ливром (*livre raimondine*) [расчетная денежная единица графов Тулузских], в шесть раз более дешевым, чем турецкий ливр: в 1207 году 9 рэмондских ливров равняются всего-навсего 30 турецким су»⁵⁴⁹. Итак, для того, чтобы стать королевской монетой, турецкому ливру, который примерно в то же время стоил четыре пятых парижского ливра (*livre paris*)⁵⁵⁰, необходимо было одолеть соперников. Согласно логике, победить должен был парижский ливр, который, кстати, в самом деле окончательно отменили лишь в 1667 году. Если предпочтение было отдано ливру турецкому, то прежде всего потому, что он открывал Капетингам доступ к владениям План-

тагенетов. Сделавшись королевской монетой, он очень быстро прижился везде в качестве расчетной единицы, прижился даже «в провинциях, сюзерены которых оберегали весьма ревниво свои исключительные права»⁵⁵¹.

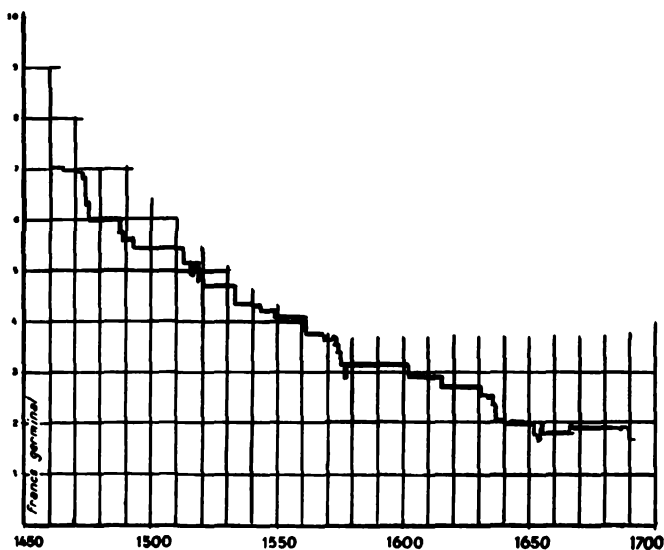
Итак, турецкий ливр — некая единица измерения. По отношению к нему реальные монеты занимают то или иное положение, котируются так или иначе. Котировка эта постоянно изменяется. Обесценивание было в прошлом операцией весьма несложной. Достаточно было поднять цену реальной монеты, чтобы обесценить измеряющий их ливр. Имелось и другое средство — переплавить монеты и, несмотря на более низкую пробу, сохранить за ними прежнюю цену. Так что президент Пакье имел основания сказать, что ему не нравится пословица, которая сравнивает человека, имеющего дурную репутацию, со старой монетой, ибо «у нас во Франции старая монета лучше новых, которые вот уже сотню лет все падают в цене»⁵⁵².

Если бы между ливром и той или иной реальной золотой или серебряной монетой установилось постоянное соотношение, ливр сделался бы устойчивым. Именно это произошло в 1577 году, когда Генрих III, не слишком уверенно сидевший на престоле, по совету и под давлением лионских купцов постановил раз и навсегда, что золотое экю, избранное в качестве стандартной монеты, будет эквивалентно трем ливрам или шестидесяти су; в результате ливр вновь стал реальной монетой, привязанной к золоту. Однако не успел король принять это решение, как оно уже оказалось несостоятельным: курс золотого экю тотчас пополз вверх и достиг 63, 64, а то и 70 су⁵⁵³.

2) Я, пожалуй, поторопился, когда сказал, что в старой системе турецкий ливр не имел материального воплощения. Два различных случая, оба не слишком значительные, являются исключениями из этого правила. При выпуске в обращение билетов сумму указывают в ливрах. Так это делалось в царствование Людовика XIV. Но билет быстро падает в цене, поэтому консолидации этим способом достигнуть не удастся. Другая форма материализации связана с разменной монетой, соответствующей определенному количеству су или денье: ведь су и денье представляли собою доли расчетного ливра, а не реальных золотых или серебряных монет. Впрочем, мелкие монеты — это все равно что кредитные, или бумажные, деньги.

3) Итак, существовало по меньшей мере три способа обесценить турецкий ливр:

а) поднять официальную котировку золотых или серебряных монет;

**КУРС ТУРСКОГО ЛИВРА, ВЫРАЖЕННЫЙ
В ЖЕРМИНАЛЕВЫХ ФРАНКАХ,
ПРИВЯЗАННЫХ К ЗОЛОТУ И СЕРЕБРУ**

За два с половиной столетия турецкий ливр, падавший безостановочно начиная с XIII века, потерял три четверти своей стоимости.
(Источник: Spooner F. C. *L'Economie mondiale et les frappes monétaires en France, 1493—1680.* 1956).

б) предпринять переплавку монет, после которой их номинальная стоимость осталась бы прежней, а содержание чистого золота или серебра уменьшилось;

в) уменьшить официальную котировку разменной монеты: например, сделать так, чтобы монетка в три денье стала стоить всего два (1668).

Обесценивание турецкого ливра шло постоянно. Как именно оно происходило, можно видеть на графике Фрэнка Ч. Спунера, где за начальную точку принят 1450 год. Если принять стоимость турецкого ливра в 1258 году за 100, в 1360 году она будет равняться всего 53, в 1465 году — 36, в 1561 году — 11... Инфляция совершалась безостановочно.

Стабилизация турецкого ливра произойдет лишь в 1726 году; на сей раз потому, что его привяжут к серебру (приравняют 54 ливра к марке

металла *). В 1785 году Калонн укрепит эту реформу, изменив соотношение золото—серебро, о чем я уже упоминал (курс станет не 14,5⁵⁵⁴, а 15,5 к 1). После того как окончатся монетные бури Революции, 7 апреля 1803 года, то есть в месяце жерминале, будет введен жерминалевый франк (*franc germinal*) и тем самым продолжены меры, принятые при Старом порядке. Это стабилизирует курс на целый век, до тех пор, пока 25 июня 1928 года не будет введён франк Пуанкаре, называемый *франком стоимостью в 4 су*: он в самом деле стоил в пять раз меньше, чем жерминалевый франк. Но на сей раз он был снова привязан к золоту, благодаря чему во Франции установился золотой монометаллизм.

Известно, что эта попытка сохранить стабильность франка с помощью золотого эталона оказалась последней. Вскоре инфляция снова начала входить в свои права, а после 1945 года рост ее сделался уже совершенно неудержимым.

Однако, подчеркнем это со всей решительностью, та инфляция, которая господствовала над нашей страной в течение последнего полувека, не идет ни в какое сравнение с той, что в течение столетий была уделом старинной Франции. И именно к этой прежней инфляции я и хочу сейчас вернуться.

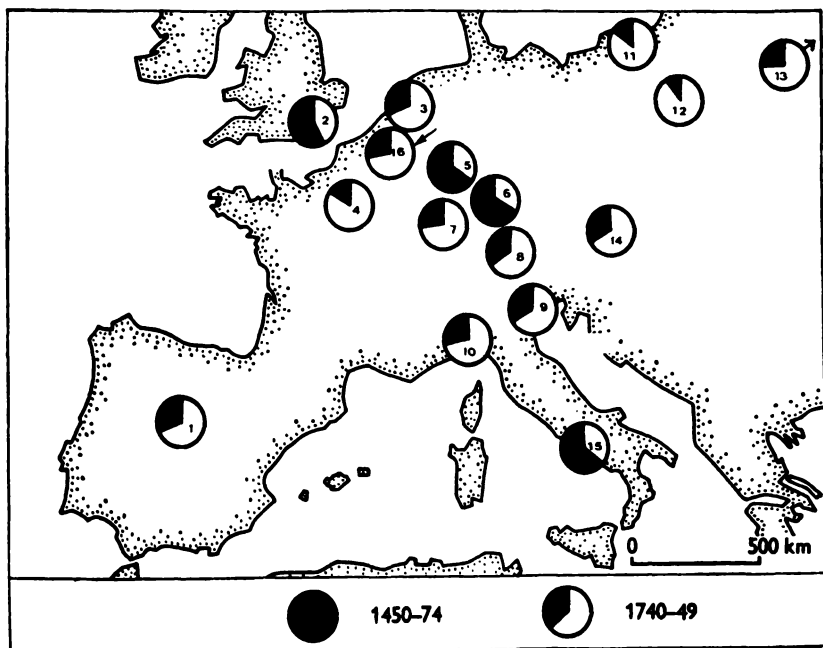
Чтобы понять разницу между одной и другой, следует дать несколько определений. До сих пор я употреблял слово «монетаризация» в самом общем смысле, имея в виду распространение монетной экономики. Следует выражаться более точно, ведь распространить монеты, это, по сути дела, значит распространить службы, в которые монета должна вдохнуть жизнь, иными словами:

- придать ей меру отсчета, эталон, желательно неизменяемый, — золотой или серебряный стандарт, или стандарт двойной, золотой и серебряный, — как это было сделано в 1726, 1785 и 1803 годах;
- позволить ей нормально обращаться, иначе говоря, создать то, что называется в самом общем виде рыночной экономикой;
- обеспечить ей защиту от обесценивания;
- наконец, сделать возможными кредитные сделки, которые, в широком смысле слова, являются еще одним типом монеты.

Так вот, старая монетная система более или менее полно удовлетворяет всем этим четырем условиям.

Она позволяет функционировать кредитным сделкам, вводящим в обращение псевдомонету — векселя и кредитные билеты, которые

* Марка — весовая единица золота и серебра в западно-европейских государствах в IX—XIX вв., равнявшаяся приблизительно 200—300 граммам (*примеч. ред.*).

ОБЕСЦЕНИВАНИЕ МОНЕТЫ — ЯВЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРНОЕ
ДЛЯ ВСЕЙ ЕВРОПЫ

(Источник: Cambridge Economic History of Europe. 1967. Т. IV).

1. Новая Кастилия; 2. Англия; 3. Голландия; 4. Франция;
5. Франкфурт; 6. Вюрцбург; 7. Эльзас; 8. Аугсбург; 9. Венеция;
10. Генуя; 11. Данциг; 12. Польша; 13. Москва; 14. Австрия;
15. Неаполь; 16. Нидерланды, принадлежащие Габсбургам.

долгое время должны были оплачиваться непременно золотом; на лионских ярмарках марковые эку были чем-то вроде нынешнего доллара⁵⁵⁵.

Подобная система сама собой обеспечивает защиту монеты от обесценивания — ее сбережение, ибо в потоке обменов и выплат монета постоянно проходит через мои руки. Если я оставляю ее у себя и спрячу в сундук, то в день, когда я ее оттуда выну, она, сделанная из чистого золота, будет иметь прежнюю стоимость. Сегодня, дабы застраховаться от инфляции, люди покупают старинные золотые монеты — наполеоны — или золотые слитки, но сегодня все это стало одним из видов товара, наравне с землей, особняками (как нередко говорят, «камнем»),

картинами, произведениями искусства... Все эти способы вложения денег, равно как и покупка драгоценных металлов в форме ювелирных изделий, существовали и до 1789 года. «Нынче [в 1756 году], — пишет Анж Гудар, — у нас во Франции имеется более 1300 миллионов предметов из золота и серебра, я разумею: ювелирных изделий и столовой посуды»⁵⁵⁶. Я не могу поручиться за верность цифры, но существование подобной формы вложения денег не подлежит сомнению. Барон Дюпен, один из первых наших статистиков⁵⁵⁷, автор более точный, указывает, что, согласно первым официальным подсчетам, с 1818 по 1825 год «французские семьи — подумать только! — приобретали ежегодно посуды и ювелирных изделий из серебра и золота на 20 миллионов франков в год». Но главное заключается в том, что до 1914 года, точно так же, как и до 1789-го, существовавшая в стране монетная система была самосохраняющейся, она позволяла всем желающим откладывать золотые и серебряные монеты. Конечно, после того, как жестокая и действенная политика Французского банка успокоила французов относительно стоимости кредитных билетов, французы стали охотно класть в чулок не только монеты, но и банкноты... Однако в течение долгих веков для этой цели использовались монеты. Перигорское историческое общество⁵⁵⁸ сообщает, что «в 1420 году в Лиможе еще в большом ходу были монеты чекана 817 года, то есть шестисотлетней давности, с изображением Людовика Добродушного. В то же время в обращении имелись и монеты с изображениями Карла Великого, Эда, Пепина Аквитанского, отчеканенные, следовательно, между 752 и 890 годами. Даже если принять во внимание, что монеты с изображением этих королей чеканились и через много лет после их смерти, факт этот все равно представляется чрезвычайно любопытным». Столь же любопытны и детали, которыми, несмотря на их сравнительную незначительность, не следует пренебрегать: «В 1892 году крестьяне из Нижней Нормандии, приезжая на ярмарки, называют цены на скот только в пистолях и полупистолях, [имевших хождение во времена Людовика XIV]; бретонские крестьяне часто называют цены в реалах, и это звучит как последнее воспоминание о наших торговых связях с Испанией»⁵⁵⁹.

Все эти металлические монеты, как старые, так и новые, исправно служат торговым обменам. Они тяжелы и потому перевозить их нелегко, и тем не менее они имеют хождение во Франции и во всей Европе. Во всяком дошедшем до нас подробном платежном документе полно сюрпризов. В 1670 году сборщик налогов из соляного амбара в Ла Ферте-Бернар (в современном департаменте Сарта) отправляет в Лаваль мешок, содержащий 7 173 ливров и 2 су. Чтобы набрать эту сумму, ему

понадобилось 86 луидоров стоимостью 12 ливров каждый, 86 луидоров стоимостью по 110 су каждый, 12 испанских пистолей по 4 ливра 5 су 10 денье за штуку, 8 золотых экю по 5 ливров 13 су 9 денье, а также серебряные луи на сумму 1 000 ливров и дузены * на сумму 450 ливров⁵⁶⁰... Тут сразу понимаешь, насколько необходима была в этих условиях расчетная денежная единица! Но понимаешь также и раздражение, какое в 1788 году испытал Себастьян Мерсье на улице Вивьен. 10-го и 20-го числа каждого месяца на этой деловой улице производится столько уплат наличными, что всю ее заполняют казначеи, собиравшие под грузом мешков с монетой. Какая прекрасная возможность для грабежа, подумал бы наш современник! Разумеется, наличность тяжела на вес. Однако торговцы и негодяи частично облегчают себе жизнь с помощью своих векселей и билетов, а также с помощью чудодейственных взаимных погашений долгов на ярмарках или репортов платежа на следующую ярмарку⁵⁶¹.

Короче говоря, старинная денежная система (консолидированная или нет), — которая скрыто главенствовала во французской экономике до 1914 года, существовала так долго только потому, что она была жизнеспособна, совместима с ритмами и потребностями нашей экономики. Поэтому я а priori уверен, что она не находилась в катастрофическом положении даже до стабилизации 1726 года.

Но что сказать — при всех возможных оговорках — об инфляции большой протяженности, которой эта система не препятствовала, которую она вызывала к жизни, а отчасти и усиливала? Следует ли видеть в этой инфляции, в этом непрекращающемся падении турецкого ливра гибельный источник всех наших бедствий? Или следует считать ее не столько причиной, сколько знаком? Снова взглянув на карту «Обесценивание монеты в Европе», вы убедитесь, что инфляция была злом общеевропейским, а исключения, если они и встречались, лишь подтверждали правило: стабильной монета бывает лишь благодаря крепкой экономике. Так было во Флоренции, Генуе, Венеции, затем в Амстердаме и, наконец, — наиболее яркий пример — в Лондоне. Во Франции стабилизация монеты после 1726 года явилась следствием расцвета нашей экономики в XVIII веке, точно так же как существованию жерминалевого франка положило конец в 1929 году истощение Франции, еще не оправившейся от последствий войны, от победы, за которую была заплачена непомерная цена. Впрочем, даже «Славное тридцатилетие» не позволило возвратиться к золотому стандарту. Нельзя ли

* Дузен — старинная монета достоинством в 12 денье или 1 су (примеч. ред.).

предположить, что инфляция сама по себе благоприятствует развитию экономики, является результатом более или менее осознанного выбора? Согласно блистательному замечанию Р. Седийо, «с тех пор, как Галлия стала Францией, монета чаще всего уходит на оплату войн, но только так и создается страна»⁵⁶².

Монета идет также на оплату многих других вещей и с очень многими вещами пребывает в тесной связи. Быть может, Антуану Барнаву (1761—1793), знаменитому жирондисту, приписывали слишком большую проницательность. И тем не менее мысль его, если понять ее буквально, весьма глубока. Он полагал, что политические режимы зависят в первую очередь от способа использования богатств страны. Богатства же эти в свою очередь зависят от положения страны, от того, является ли она «державой внутренней» или «державой морской». В таком случае разве не имел Траян Стоянович оснований сделать вывод, что французская монета в начале Революции еще оставалась монетой страны по преимуществу сельскохозяйственной, иначе говоря, связанной с землей, с ее пропастями, ее неспешностью, ее преградами, болотами, водоемами. Английская же монета была связана с торговлей, с Sea Power* и оттого обладала гибкостью, проворством, быстротой обращения и умением вдыхать жизнь в экономику более современную, чем французская, способную, добавим мы, помочь становлению современного капитализма⁵⁶³.

Ибо именно о капитализме — то есть о будущем — идет здесь речь. И мы опять — увы! — наблюдаем столкновение Франции и Англии. Отчего эта последняя сумела, еще в царствование Елизаветы, отнюдь не достигнув европейского господства, стабилизировать фунт стерлингов? Единственное перспективное объяснение заключается в том, что в Англии монетаризация началась раньше и оказалась более глубокой, чем во Франции. По мнению Филпс-Брауна и Хопкинса, в первой половине XVI века целая треть англичан получала заработную плату деньгами (а не натурой)⁵⁶⁴. Во Франции же, хотя некоторым работникам — например, парижским простолюдинам или мелким производителям сухой краски в окрестностях Тулузы (в XVI веке) — и платили за труд мелкой монетой⁵⁶⁵, в основном, насколько я знаю, труд оплачивался в формах гораздо более традиционных. Отчего же Англия так сильно нас опередила? Разве в начале пути ей не пришлось сражаться с серьезнейшей отсталостью? Поль Адан обращал внимание в первую очередь на борьбу против Франции, на необходимость ввести принудительный курс биле-

* Морская сила (англ.).

тов Английского банка (1797), на организацию промышленности, предназначенной для массового производства товаров: все эти испытания ускорили индустриализацию. Все верно, но не нужно забывать и о том, что скромные размеры британской территории позволили англичанам гораздо раньше, чем нам, создать у себя подлинный национальный рынок с его тесными взаимосвязями.

Вертикальный курс. Если монетная система такова, какова она есть, отчего капитализму не использовать ее, не приспособить ее к своим интересам? Конечно, будущее его связано с введением бумажных денег, псевдомонеты, овладением ими, их распространением. Однако в той мере, в какой капитализм — процесс гибкий, изменчивый, приспособляющийся к обстоятельствам, он, подобно расплавленному воску, заполняет собой любую форму. Поэтому он не гнушается ни металлическими, ни бумажными деньгами.

Реальная покупательная цена, торговая стоимость той или иной монеты далеко не всегда совпадает с ее официальной стоимостью. На серебряную монету вы всегда купите на рынке больше, чем на ее медный эквивалент, который не имеет собственной независимой стоимости и может в любой момент лишиться части стоимости официальной — именно таков, как мы уже говорили, один из способов обесценивания ливра. В августе 1738 года маркиз д'Аржансон отмечает: «Нынче утром монетки в два су подешевели на два лиарда, то есть на одну четверть [25 процентов], а это не шутка»⁵⁶⁶. Таким образом, мы сталкиваемся с постоянно существующим явлением, которому Жозе Жентил да Силва подыскал удачное, хотя и чреватое некоторой путаницей, название «вертикальный курс» — переменный курс обмена между высшими и низшими монетами, выгодный всегда только владельцам первых⁵⁶⁷.

Итак, купцы, состоятельные люди и даже государство⁵⁶⁸ брали за правило и считали наиболее разумным расплачиваться вначале «черной» монетой, которую сами только что получили от фермера, арендатора, мелких налогоплательщиков, тем более, что старинный обычай предписывал всякому кредитору принимать уплату части долга в медной монете. Эта обязанность, отмененная Неккером в 1780 году, была вновь восстановлена во время Революции, а при введении в 1803 году жерминалевого франка был определен размер этой части — одна сороковая от всей величины долга. Министр финансов Молльен, в 1810 году отменивший это обыкновение окончательно, объяснял, что если, «возвращая долг в 100 франков, вам отдают 98 франков серебром и 2 франка

монетой, чья реальная стоимость не превышает 1 франка»⁵⁶⁹, уже по одному этому вы теряете 1 процент, так что нет ничего удивительного в том, что «люди опытные отбирают хорошие монеты, плохие же оставляют простому народу»⁵⁷⁰. Лионские банкиры в XVI веке постоянно стремились к завоеванию настоящей «монополии на золотые экю». Особые агенты собирали их в самом Лионе, преследуя путешественников даже на постоянных дворах, где те остановились⁵⁷¹. А вот эпизод, о котором нам известно из письма 1645 года: арендатор, прося прощения у рядового займодавца за небольшую задержку с уплатой долга, оправдывается тем, что располагает в данный момент одними лишь денье и «не решается заплатить такими плохими деньгами». Через несколько дней, обещает должник, он привезет с ярмарки Сен-Бертомье «хорошие денье и рассчитается с кредитором»⁵⁷².

При таком положении вещей «черные монеты», постоянно отбрасываемые в нижние слои экономики, достигают, как я уже сказал, беспримерной скорости обращения, хорошие же монеты, прикарманиваемые богачами, более или менее долго остаются на одном месте; им суждено лежать в сундуках вплоть до того момента, когда владельцы сочтут нужным пустить их в ход, а такой момент может наступить через несколько недель, через несколько месяцев и даже через несколько лет...

Судя по всему, этот подъем благородной монеты в верхние слои совершался безостановочно. Жентил да Силва видит в этом форму экспроприации, являющуюся, по его мнению, «точкой отсчета», подлинным источником современного капитализма во Франции и вне ее⁵⁷³.

На этот процесс накладывается более тонкая игра золота и серебра. Богатым торговцам, безусловно лучше информированным, неважно, какие именно монеты находятся в обращении. Пожалуй, им даже неважно, произошла или нет благотворная стабилизация ливра, такая, например, как в 1726 году. Они выше этих проблем. Они прекрасно умеют — это несложно — на ходу завладеть хорошими или по крайней мере наименее плохими монетами. Гаскон показал нам, как это делалось, на примере лионских банков, занятых сбором золотых экю. Карьер, специалист по истории Марселя, десятки раз демонстрировал то же самое, рассказывая о марсельских негодьях XVIII века, собирателях серебряных пиастров, необходимых для торговли с Левантом. Жители Сен-Мало в начале XVIII века играют на американском серебре. В 1720—1750 годах Магоны, крупные негодья из Сен-Мало, спекулируют на китайском золоте: обмен серебра на золото в Китае сулит большие барыши, поскольку белый металл там ценится гораздо выше, чем в других местах. В конце века Жан Жозеф де Лаборд,

придворный банкир, которому суждено было в 1794 году сложить голову на эшафоте, играл (и был в этом не одинок) на белом металле из Новой Испании и на португальском, иначе говоря, бразильском золоте.

Не буду спорить, игры эти достаточно элементарны, но ведь для того, чтобы играть в них, следует занять соответствующее положение, оказаться наверху, получить возможность действовать с позиции силы. Объяснение Жентила да Силвы остается наиболее точным. Однако «вертикальный курс» — не что иное, как одна из форм откочки сбережений, того излишка, отложенного про запас, без которого капитализм не мог бы существовать. В конце концов разве те банки, что во времена Второй Империи и Третьей Республики распространяли среди публики ценные бумаги акционерных обществ, не вели игру между низом и верхом, которую можно также назвать своего рода «вертикальным курсом»? Деньги от публики текут рекой, а административный совет предприятия распоряжается им по своему усмотрению. Именно об этом с гневом пишет в 1869 году Жорж Дюшен, а в 1911 и 1912 годах — Лизи, обличитель банкиров, грабящих мелких вкладчиков⁵⁷⁴. Принцип остается неизменным.

Постепенно в ход вступают бумажные деньги. Нельзя сказать, что бумажные деньги изменили положение вещей коренным образом, осложнили его или ускорили происходившие прежде процессы. В самом деле, они находились в употреблении уже давно. Они служили заменителем, зрзацем наличности, но приживались в обществе медленно, хотя изготовить их было совсем несложно: несколько написанных от руки строчек, одна или две подписи — и готово. Тем, кто ничего в этом не понимает — а таким имя легион, — бумажные деньги кажутся дьявольской выдумкой, скандалом. Другие видят в них хитрый трюк, инструмент прямого действия, чудо. Несомненно одно: они — воплощенная современность, уже родившаяся или еще только рождающаяся, вершина обмена. Однако современность эта плохо вписывается в обыденную жизнь; только деловые люди и внимательные наблюдатели способны постичь ее суть. Таков, например, скромный Жан Бюва, автор «Журнала Регентства»⁵⁷⁵, размышляющий о перипетиях системы Лоу, — истине богатая почва для выводов! В апреле 1720 года он поясняет свою мысль: «Под кредитом вообще разумеют обещание писаное или неписаное, данное одной или несколькими особами, каковое обещание служит заменой монеты [...] Так-то в целом мире оптовая торговля совершается ежедневно при посредстве одной лишь бумаги. Негоцианты не посылают

нарочно курьеров или корабли с монетами во все места, где имеют кредит. Под свои билеты могут они не только получить в долг всякую сумму, в какой иметь будут нужду, но и наполнить корабли всеми товарами королевства [...] Итак, бумаги, какие хотят нынче ввести в употребление во Францию [с помощью того, что получило название «системы Лоу»], лишь подкрепляют посредством кредита государственного то, что отдельные банкиры делали прежде с помощью кредита частного». Сказано очень недурно.

Однако простые векселя, акции компаний, городские займы не выбрасывают на рынок массу бумажных денег. Более решительно берется за дело государство. Оно очень быстро принялось распространять собственные ценные бумаги: в 1522 году выпускает ренты на Парижскую Ратушу, гарантируя выплату денег владельцам бумаг, которые мы назвали бы купонами. Были ли эти ценные бумаги, выпускаемые государством, разновидностью денег (сегодня мы назвали бы подобные бумаги деньгами без колебаний)? Исаак де Пинто ⁵⁷⁶ (1771) придерживался этого мнения, но изъяснялся неуверенно, со многими оговорками: «Хотя сходства [с монетами] у государственных ценных бумаг немало, монетами в точном смысле слова их все-таки не назовешь; однако же самим своим появлением увеличивают они общее количество денег, находящихся в обращении, и превращаются в недвижимое имущество, наравне с землей или домами; они приносят доход, не требуя ни починки, ни обработки; главное же их достоинство в том заключается, что заставляют они обращаться деньги или то, что служит им заменой, с большей быстротой, и потому-то в определенном смысле и до определенной степени можно их рассматривать как наличные деньги, роль которых нередко случается им играть. На лондонском рынке можно за 24 часа превратить сто тысяч фунтов стерлингов аннуитета * в звонкую монету».

Однако подобное превращение возможно лишь при посредничестве активно действующей Биржи, парижская же биржа до принятия в Фонтенбло эдикта 1724 года практически не существовала. До этого городские ренты, «вовсе не поступая в продажу», становились предметом долгих, неторопливых торгов, результат которых скреплялся нотариусом, и не бесплатно. Тем не менее в царствование Людовика XVI биржевая практика развивается, в дело вмешивается спекуляция, благодаря чему игра на повышение и на понижение делается не менее

* Род займа, по которому уплачивается ежегодно вместе с процентами и капитал (примеч. ред.).

напряженной, чем в Амстердаме — а это не пустяк! — или в Лондоне. Это тревожит многих наблюдателей и даже правительство. В 1789 году «Парижская газета» и «Афиши» ежедневно отводят страницу биржевым котировкам ценных бумаг — акций Индийской компании, билетов Королевских займов (*Emprunts royaux*), Дисконтной кассы (*Caisse d'Escompte*), Займов Города Парижа (*Emprunts de la Ville de Paris*)... К началу революции этих бумаг было выпущено на 8 миллиардов ливров, — цифра не маленькая, превышавшая совокупный национальный продукт не менее чем вдвое, а звонкую монету, находившуюся в тот момент в обращении, — вчетверо⁵⁷⁷.

Сюда входили и 3 миллиарда королевского долга, в конце концов погубившие Старый порядок. Впрочем, историки экономики с трудом могут понять такой исход: согласно нынешним правилам, государственный долг не грозит никакой опасностью до тех пор, пока он превосходит совокупный национальный продукт не больше, чем вдвое. Выходит, монархия, чей долг не превышал 3 миллиардов, вовсе не была обречена на гибель? Однако распространяются ли сегодняшние правила на реальность вчерашнего дня? Много грязи было влито на Калонна⁵⁷⁸ — блестящего, дерзкого финансиста, мыслившего в современном, «кейнсианском» (это слово уже было произнесено применительно к нему) духе, но, однако, управлявшего Францией очень неудачно. Весь вопрос в том, возможно ли было в его время управлять ею более удачно?

Впрочем, история бумажных денег — это, по-видимому, в первую очередь история банковских билетов. Которые, впрочем, получают это название лишь очень поздно, когда их начнет печатать Французский банк, основанный в 1800 году. До этого запоздалого крещения они назывались просто «билетами» и долгое время пребывали на обочине ежедневных обменов. Они были не более чем средством, и средством не слишком действенным, к которому прибегали правительства, чья казна истощилась. Так поступало, например, правительство Людовика XIV после 1701 года: его билеты обесценивались с поразительной быстротой, они обрушивались в пустоту, оседали в портфелях деловых людей, которые не знали, как от них избавиться, или в чересчур ловких руках ростовщиков и мошенников. В переписке начальника парижской полиции маркиза д'Аржансона указаны многочисленные случаи мошенничества и надувательства, свидетельствующие о простодушии и растерянности рядовых владельцев билетов. Стремясь за невероятные проценты обратить билеты в звонкую монету, они доверяются посредникам, которые просто-напросто забывают им заплатить. Так случалось и в Париже, и в Лионе. Это была первая широкомасштабная попытка ввести

в обращение во Франции бумажные деньги. Кончилась она неудачей. Впрочем, на память о ней в одной записке, относящейся, скорее всего, к 1706 году, осталась забавная фраза: «Билеты во Франции приживаются с трудом, как слабое растение; надо за ними ухаживать».

Следующая попытка, предпринятая Лоу, поначалу осуществляется спокойно, эффективно, в рамках общей реформы налогов и системы их сбора. Затем машина начинает давать сбой, разлаживается и дело кончается катастрофой. В общей суматохе никто уже не вспоминает о долге Людовика XIV, так что впору крикнуть «браво»! Однако память о ненавистных билетах Лоу бросает тень на все банковские учреждения и внушает к ним вечные подозрения, вдохновившие даже неких остро-словов на сочинение бранных стихов:

Экю — оно и есть экю;
 А банковский билет — билет;
 Экю — оно и есть экю,
 А банковский — такой билет,
 Что для подтярки лучше нет ⁵⁷⁹.

По этому поводу можно было бы, конечно, вспомнить старую поговорку, гласящую, что во Франции любое дело кончается песенками и эпиграммами, и дальше них дело не идет. Однако мне это не кажется верным. Ибо «электрешок инфляции 1718—1720 годов» влиял на французское банковское дело еще очень долго ⁵⁸⁰. Создание Дисконтной кассы в 1776 году произойдет без всякого шума. Создатели ее намеренно избегали употреблять слова «банк», а крупные билеты этой кассы привлекали внимание не столько широкой публики, сколько богатых торговцев и спекулянтов. Кто бы мог поверить, что во время Революции Франции придется столкнуться с ассигнатами и территориальными мандатами (*mandats territoriaux*) *, которые решительно затмят систему Лоу? Введенный, не без сильного внутреннего сопротивления, Учредительным собранием в апреле 1790 года, ассигнат в течение несколько месяцев сделался настоящим банковским билетом на предъявителя, — и тут Собрание решило, что курс его искусственно завышен. Очень скоро на рынках и на ярмарках хлеб и скот стали продаваться только за монеты. Обесценивание бумаги происходило с фантастической скоростью. 15 нивоза IV года в Шамбери за 10 000 ливров в ассигнатах давали от 43 до 44 ливров в монете. В 1838 году один старик вспоминал о том,

* Бумажные деньги, выпущенные в апреле 1796 года взамен отмененных ассигнатов (примеч. ред.).

СООТНОШЕНИЕ БИЛЕТОВ И МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ МОНЕТЫ
В ДЕНЕЖНОЙ МАССЕ с 1820 по 1895 год

(Источник: Braudel F., Labrousse E. Histoire économique et sociale de la France.

1976. Т. III/1)

Годы	Общая сумма (в миллио- нах франков)	Денежная масса			
		Металли- ческие монеты	Билеты	Депозит	Общая сумма
		(в процентах)			
1820—1824	2,30	80,1	8,5	11,4	100,0
1825—1829	2,56	80,6	7,9	11,5	100,0
1830—1834	2,86	81,0	8,1	10,9	100,0
1835—1839	3,27	81,4	7,6	11,0	100,0
1840—1844	3,49	80,7	8,6	10,7	100,0
1845—1849	3,83	79,7	9,8	10,5	100,0
1850—1854	4,58	77,2	12,6	10,2	100,0
1855—1859	5,49	77,6	12,4	10,0	100,0
1860—1864	6,24	76,2	12,3	11,5	100,0
1865—1869	7,23	70,8	14,8	14,4	100,0
1870—1874	7,30	53,0	32,6	14,4	100,0
1875—1879	8,02	53,1	28,8	18,1	100,0
1880—1884	9,02	52,7	29,0	18,3	100,0
1885—1889	9,24	49,1	28,7	22,2	100,0
1890—1894	9,48	41,2	32,1	26,7	100,0

что происходило четыре десятка лет назад, в 1797 году: «30 000 ливров едва хватало на то, чтобы купить пару сапог»⁵⁸¹. Нечто подобное — на свой, разумеется, лад — испытала в 1923 году еще не оправившаяся после войны веймарская Германия.

Банковский билет, как я уже сказал, начинает по-настоящему входить в жизнь французов только после основания Французского банка, который в 1800 году получил на пятнадцать лет привилегию на выпуск билетов внутри парижского региона. Провинциальные банки выпускали билеты, имевшие хождение лишь в соответствующих провинциях. Однако поскольку парижские билеты принимали во всех департаментах, а провинциальные билеты в Париже не принимали, курс определялся притоком билетов в столицу и их оттоком оттуда. В самом деле, Французский банк занимался прежде всего учетом векселей. Это давало ему повод пускать свои билеты, которые всегда могут быть обменены на наличные деньги, в обращение в деловых кругах. Однако,

поскольку речь шла только о крупных купюрах в 500 франков и больше, получалось, что Банк обслуживает едва ли не исключительно крупную торговлю и, благодаря своей осторожности, никогда не остается в накладе ⁵⁸².

Как ни странно, положение переменялось лишь после революции 1848 года, заставшей врасплох директора банка, его заместителя и управляющих. В самом деле, в это время региональные банки были сделаны отделениями Французского банка, который, таким образом, распространил свое влияние на всю территорию страны. Пятидесятифранковые купюры приблизили Банк если не к широкой публике, по-прежнему сохранявшей недоверчивость, то по крайней мере к мелким торговцам. Искусственно завышенный курс 1848—1852 годов, нигде не вызвавший массового сопротивления, способствовал более широкому распространению банковских билетов.

Если взглянуть на таблицу «Соотношение билетов и металлических монет в денежной массе с 1820 по 1895 год», можно убедиться, что совершалось это распространение довольно медленно. Кредит по-прежнему расплывался между местными займодавцами и, в еще большей степени, между нотариусами. Ускоренное распространение началось лишь после 1860 года, когда у банков открылись местные отделения и они стали привлекать к себе все большие и большие суммы из частных сбережений. Хотя металлические монеты сохранили аномально значительное место в денежном обращении вплоть до начала Первой мировой войны ⁵⁸³, мудрая политика Французского банка помогла приручить банковский билет, сделать его повседневным элементом кредита и обмена. Во всяком случае, именно он постепенно вытеснил из обращения вексель, о котором нам теперь придется поговорить подробно.

Роль векселя. Предшествующие объяснения расчистили нам площадку. Я хочу сказать, что они осветили такие важные вещи, как историю турецкого ливра и банковского билета, и теперь мы можем заняться вещью еще более важной — векселем, который вошел в обиход очень рано, так что разговор о нем позволяет поставить множество вопросов и пролить свет на все прошлое европейской экономики с XII по XIX век. Вопросы эти становятся, можно сказать, все более многочисленными по мере того, как совершенствуются исторические исследования. Не успеем мы разрешить одну проблему, как перед нами тотчас вырастают новые. Казалось бы, Андре-Э. Сейу, Раймон де Рувер и Джулио Мандич сказали по этому поводу все, что можно, и сказали очень хорошо.

Между тем новая, еще неизданная книга молодых экономистов — «Частная монета и власть государей» — поднимает некоторые новые проблемы и предлагает блестящие решения, хотя, прочитав эту книгу до конца, понимаешь, что окончательного ответа не дает и она, тем более, что хронологические рамки ее ограничены концом XVI века.

Вексель — «листок бумаги» формата наших современных банкнот. Учебники по торговле объясняют, как составить вексель по форме, которая, сделавшись неприкосновенной святыней, остается неизменной на протяжении столетий. Из года в год повторяются одни и те же предосторожности, одни и те же формулы, одни и те же призывы. Прочсть сегодня один из таких векселей (а в наших архивах их тысячи) — значит прочсть и все остальные.

В принципе вексель — это способ отправить из одного населенного пункта в другой или на отдаленную ярмарку сумму денег, которую требуется выплатить в другой монете: если вексель посылается из Лиона в Медину-дель-Кампо, он будет выражен в марковых экю, лионской разменной монете, а заплатят по нему в мараведи, кастильской разменной монете, по курсу, принятому в Медине, если же вексель будет выписан на Антверпен, в месте назначения по нему заплатят в голландских ливрах... Нетрудно понять, что в сделке участвуют четверо. Четверо, которые на жаргоне торговцев носят родовые названия, впрочем порой изменяющиеся. Но проблема не в названиях, а в самом механизме действия векселя и в необходимости участия в сделке четырех человек. Поясню мою мысль на примере, который может показаться чересчур простым.

В 1945 году перевести деньги из Франции в Италию было чрезвычайно трудно, но не невозможно. В самом деле, в Париже существовало довольно известное агентство, вы относили туда некую сумму во франках, и коллеги тех, с кем вы имели дело в Париже, выплачивали обозначенную сумму в лирах в Венеции, Генуе или Риме. Таким образом, в приведенном мною примере фигурируют два посредника: один в Париже, другой — в Венеции, которые всецело доверяют один другому. Третий — француз, внесший свои франки и получивший взамен бумагу (расписку), которую должен послать в Венецию, и наконец, четвертый — доверенное лицо француза, пересылающего деньги; он-то и получит в Венеции эквивалент первоначальной суммы в лирах, за вычетом накладных расходов. Итого четыре участника. Если же я — путешественник, который получает в Венеции деньги, внесенные мною же в Париже, я играю двойную роль и участвую в деле в двух лицах: квартет все равно налицо.

Главное, что вытекает из этого выдуманного примера, это что для осуществления сделки необходимы канал связи — два агента — и, по краям, два клиента, собственным каналом связи не располагающие. Наконец, *расписка*, полученная в Париже — вырванный из блокнота, заполненный на скорую руку листок бумаги, — это упрощенная разновидность священного векселя.

Сделаем несколько дополнительных замечаний:

1) В нашем примере Париж — Венеция (1945) совершенно очевидно, что перевод денег может производиться как из Парижа в Венецию, так и из Венеции в Париж: по отношению к данному месту вексель, отправляемый оттуда в другое место, — называется *траттой*, а вексель, возвращающийся в этот пункт, — *римессой*. Именно об этом говорит Ж. Траншан в своей «Арифметике» (1561): менять, говорит он, — это значит «брать деньги в одном городе, дабы отдать ту же сумму в другом, или, напротив, отдавать деньги в одном месте, чтобы получить ту же сумму в другом»⁵⁸⁴.

2) Чаше всего города и ярмарки, между которыми происходит обмен, располагаются в разных государствах, у каждого из которых своя монетная система. Но есть и такие векселя, которые курсируют в пределах одного государства, например, начиная с XVI века, между Лионом и Парижем, Руаном, Туром, Нантом, Бордо, Ла-Рошелью, Марселем... В обоих случаях расстоянию между местом отправления и местом получения векселя соответствует разница в суммах. За перевод денег платят процент, меняющийся в зависимости от курса. Таким образом, в сделке всегда присутствует некоторая неопределенность, «риск», отчего Церковь, запрещающая всякое предоставление денег займа под проценты как ростовщичество, допускает существование векселей, так сказать, снимая с них обвинение в грехе ростовщичества. Снисходительность эта, вне всякого сомнения, открыла двери капитализму, а объяснялась она, возможно, тем, что Церковь, получавшая доходы со всей Европы, сталкивалась с теми же проблемами, что и торговцы. Заметим, однако, что Церковь позволяет существование векселей лишь в тех случаях, когда деньги *действительно* переводятся из одного места в другое.

3) Что же касается четырех участников, необходимых для операций с векселями, их роль непременно будут играть либо банки, либо негодьяны, либо торговцы, либо менялы. Не всякий, кто умеет писать, имеет право выписать вексель. Право это принадлежит узким группам специалистов. Кондильяк сообщает, что «даже на рынках величайшая похвала, какой может удостоиться торговец, звучит так: он знает толк в заем-

ных письмах»⁵⁸⁵. Знать толк в заемных письмах, или векселях, нелегко, так как за ними скрываются сложные соотношения монет. Само же составление векселей — дело довольно простое. Достаточно воспроизвести, сделав необходимые уточнения (место, имена, внесенная сумма денег в той или иной монете), формулу, все элементы которой всегда остаются неизменными. Разумеется, вексель должен быть написан *собственноручно*, а образцы нашего почерка — дополнительная предосторожность! — иметься у вашего корреспондента.

4) В процессе длительного существования характер векселя изменился, а функции расширились. Начиная с XVI века купцы пытаются превратить его в оборотный документ, однако обыкновение делать на векселе передаточную надпись прививается очень медленно. Напротив, очень рано — хотя церковные власти и осуждают такое отклонение — вексель, выписанный на некоего векселеполучателя, может возвратиться к его владельцу, будучи прежде по предварительному стовору — договору относительно *ricorsa* * — переведен на одного или нескольких других человек. Такая практика вошла в обыкновение в Италии еще в XVI веке, но о ней имели представление и в Лионе, где в ту же пору употребляли слова «ретратта» (*rechange*) или «ресконтра» (*rescontre*). Джулио Мандич упоминает вексель, который путешествовал таким образом в течение шести лет! Я со своей стороны, нашел вексель Филиппа II, данный Фуггерам в 1590 году и оплаченный лишь в 1596 году! В обоих случаях речь идет о скрытой форме процентной ссуды. Ретратта позволяет даже порой производить фиктивные, если не мошеннические, операции, называемые во Франции «кавалерийскими». Однако, чем бы ни являлись подобные сделки — орудием кредита или инструментом чистой спекуляции, — перевод векселей требует ловкости, умения разбираться в *арбитражах* ** и выбирать наиболее выгодные маршруты. Жак Лаффит, служащий банка Перрего, ставший в 1808 году, после смерти своего патрона, его преемником, считал себя величайшим знатоком подобных операций, в отличие от старика Перрего, который, по мнению Лаффита, ничего в них не смыслил⁵⁸⁶.

Последнее превращение, о котором следует сказать: в ту пору, когда вексель почти утратил свое значение, вытесненный банковским билетом (и, в еще большей степени, чеком, который был введен в употребление в Англии, а около 1865 года появился и во Франции), был принят закон

* Обратное движение, подписание второго векселя для уплаты процентов по предыдущему займу (*ит.*).

** Извлечение дохода из разницы вексельных курсов (*примеч. ред.*).

от 7 июня 1884 года ⁵⁸⁷, который, «узаконив реальное положение дел», разрешил «выписывать вексель на то же место, где производится выплата». Так было ликвидировано священное требование разницы места.

Создал ли вексель интер-Европу? Историки всегда исследовали прежде всего эту «внутреннюю» историю векселя. Но нас и здесь в первую очередь интересуют процессы экзогенные, роль векселя в становлении формирующегося капитализма и европейской экономики, также еще только формирующейся, но уже на этой ранней стадии достигшей некоего единства.

Самый лучший способ перейти от внутреннего к внешнему — это, конечно, начать с примера. Я выйду за пределы французского шестиугольника и возьму пример из жизни Кастилии, который знаю досконально. Симон Руис, купец из Медины-дель-Кампо — вся переписка которого сохранилась, — перепробовав множество ремесел, занялся в конце жизни, после 1590 года, спекуляцией векселями, выписываемыми из Медины-дель-Кампо на Флоренцию (тратты) и из Флоренции на Медину (римессы). Именно на этой пересылке векселей туда и обратно он и составил себе капитал. Таким образом, речь идет уже не о простых переводах денег, какие вначале осуществлялись с помощью векселей.

Симон Руис только что приобрел у торговца шерстью, проживающего в его родном городе Медина-дель-Кампо, вексель на Флоренцию, в котором этот торговец обращает в наличность в свою пользу стоимость тюков шерсти, отправленных морем из Аликанте в Ливорно, а оттуда во Флоренцию, — тюков, за которые покупатели еще только должны заплатить. Торговец шерстью продает свой вексель Симону Руису с тем, чтобы получить все причитающиеся ему от продажи деньги немедленно; иначе ему пришлось бы ждать, пока груз попадет во Флоренцию, а затем — пока вексель из Флоренции вернется в Медину-дель-Кампо, на что уйдет больше трех месяцев. Итак, он получает свои деньги авансом — производится учет векселя. Что же касается Симона Руиса, он отправляет вексель своему соотечественнику, обосновавшемуся во Флоренции купцу Бальтасару Суаресу, человеку в высшей степени надежному и пользующемуся его полным доверием. Бальтасар получает вексель, взимает деньги с плательщика и тотчас покупает новый вексель, который выписан на Медину-дель-Кампо и по которому тамошние векселеполучатели должны заплатить Симону Руису. Таким образом, через полгода после отправки первого векселя, Руис возвращал себе свой

первоначальный капитал, плюс — в среднем — 5 процентов прибыли. Поскольку подобную операцию он проделывал дважды в год, годовая его прибыль составляла 10 процентов⁵⁸⁸.

Откуда же бралась прибыль, если за перевод денег не взимались ни комиссионные, ни проценты? Из многих источников, которые видоизменялись с течением времени, равно как и сам вексель.

По мнению авторов труда «Частная монета и власть государей», до конца XVI века те, кто пользовались векселями, не могли *не получать минимальную прибыль*, поступающую к ним автоматически. Доводы авторов звучат весьма убедительно. Они объясняют, в частности, отчего там, где собственную расчетную денежную единицу (с «фиксированным» курсом) котируют в иностранной монете (с курсом «нефиксированным»), — например, «марковые экю» в экю генуэзских, если дело происходит в Лионе, — курс обмена всегда выше, чем в тех местах, где иностранную монету с нефиксированным курсом котируют в местной монете (например, «марковые экю» в экю генуэзских в Генуе, причем — в этом-то и вся сложность — по совершенно иному курсу, нежели в Лионе). Объяснение (затрагивающее всю систему курсов реальных монет в каждом государстве и соотношение между их официальной стоимостью и стоимостью действительной) занимает почти половину книги. К нему я и отсылаю читателей. Впрочем, гораздо большее значение, чем сам механизм автоматического получения прибыли, имеет тот факт, что механизм этот связан с иерархической организацией европейских рынков вокруг центральной ярмарки (лионской, а позже безансонской ярмарки под контролем генуэзцев), которая и задает тон. Каждому рынку отводилась определенная роль (котировка монеты с фиксированным курсом в монете с курсом нефиксированным или наоборот), так что наиболее выгодные маршруты вырисовывались сами собой. В результате «торговцы-банкиры [XVI века] не сомневались, что движение денег туда и обратно между двумя точками принесет им [минимальную] прибыль» в любых экономических условиях. В приведенном нами примере при переводе векселей из Лиона, где котируют монету с фиксированным курсом в монете с курсом нефиксированным, в Геную, где дело обстоит противоположным образом, каждая операция будет приносить 1,8 процента прибыли, то есть 7,3 процента в год⁵⁸⁹.

Вся эта система функционировала лишь постольку, поскольку векселя были в то время (и с очень давних пор) — заповедной зоной, предметом монопольного владения крошечной группки людей, привилегированной «касты» итальянских банкиров. «Покрыв всю романскую христианскую Европу настоящей сетью», они действуют совершенно

независимо как от купцов, на чьих потребностях наживаются, так и от государей. После денежных реформ 1577 года система быстро разладится. Но в течение десятилетий своего существования она успеет превратить вексель в инструмент постоянного обогащения, действовавший заодно с «вертикальным курсом» Жентила да Силвы.

Существовали и другие источники прибыли от векселей; правда, они были менее надежны, но в XVII и XVIII веках развивались все более интенсивно. Не следует забывать, пишет Гальяни (1770), что к привилегиям торгующих наций принадлежат «прибыли от разницы в курсах; почти всегда оборачивается она и к их пользе [...] Так, кажется, что купец продает без всякой выгоды, а между тем одна лишь разница курсов сулит ему барыш, и немалый»⁵⁹⁰. Согласно «Образцовому неогцианту» Савари, около 1710 года барыш этот «составлял, бывало, два, три, четыре, даже десять и пятнадцать процентов, в зависимости от пробы монет, большего или меньшего обилия денег и большей или меньшей редкости векселей на рынках»⁵⁹¹.

Ибо векселя, вне всякого сомнения, лишь отражают движения монеты между странами, те самые, которые изменяют торговый баланс и обуславливают просьбы о кредите. Так, однажды торговля векселями перестает приносить Симону Руису доход. Во Флоренции скопилось слишком много денег, и его корреспонденту удастся купить вексель на Медину лишь по очень высокой цене. «Курс нынче таков,— пишет он,— что владелец денег вынужден отдавать их по той цене, какую назначит покупатель». Единственный способ не потерять прибыль: перевести вексель на Антверпен или Безансон⁵⁹². Напротив, если монет на рынке мало, а мне, купцу, необходимы деньги, я выписываю вексель, продаю его, а оплачу полгода или год спустя. Тем временем купец-банкир, владеющий векселем,— по которому он мне заплатил,— переведет этот вексель с данного рынка на какой-либо другой, по своему выбору, с тем чтобы он вернулся к нему с прибылью. Эти путешествия векселя и есть та *gisorsa*, о которой я говорил выше. Таким образом, вексель позволяет предоставлять ссуды неогциантам, сеньорам, государям.

Кроме того, вексель — благодаря прежде всего ярмаркам (а также депозитным банкам — таким, как венецианский) — становится средством взаимного погашения требований (*compensation*), итальянского *giscontro* *, а позже английского *clearing* **. Французская академия в сво-

* Встреча (*ит.*).

** система взаимных расчетов между банками (*англ.*).

ем словаре 1985 года выражает пожелание, чтобы слово «clearing», употребляемое экономистами поистине беспрестанно, было заменено словом «compensation», но не предлагает возвратиться к старинному термину *rescontre*, очень рано вышедшему у нас из употребления. Его нет в словаре Литтре, а «Словарь» Савари содержит лишь глагол *rescontreg*.

Взаимное погашение требований — одна из главных целей, ради которых устраиваются ярмарки. В Лионе в те времена, когда здесь действовала самая главная ярмарка, до 1539, а то и до 1579 года, четырежды в год предьявлялось к уплате огромное множество векселей. В действительности эти векселя часто погашали один другой: авуар нейтрализовывал долг... Клод де Рюби, историк Лиона (1533—1618), с восторгом сообщает, что за одно утро участникам лионской ярмарки случается погасить долгов на миллион, не уплатив ни единого су наличными. Эта система действует тем более безотказно, что если какие-то долги и остаются непогашенными, они могут быть перенесены на следующую ярмарку — так создается «депозит» (разновидность кредита, приносящая от ярмарки до ярмарки 2,5 процента, то есть 10 процентов в год). В XVII веке, когда Лион утерял свое международное первенство, депозит в нем все равно продолжал действовать, привлекая «скужающие» деньги. Это один из ресурсов, которые лионские заимодавцы будут тщательно сохранять. Надежный источник доходов.

Теперь мы можем с некоторой надеждой на успех приступить к решению проблемы, обозначенной в названии этого параграфа. Неважно, что в истории вопроса остается немало темных моментов и что мы, например, не знаем, ни когда, ни вследствие каких процессов появился на Западе вексель. Возможно, это произошло в XII веке. По-видимому, в Италии. Возможно, что связано это было с деятельностью генуэзцев по переводу денег на другой берег Средиземного моря или с нуждами внутриевропейской торговли и шампанскими ярмарками. А может быть, вексель выдумали евреи, пытавшиеся издалека вернуть себе богатства, которых лишились при изгнании из родных мест, — гипотеза также вполне правдоподобная. В таком случае нельзя ли увидеть в векселе подражание тем заемным письмам, которые довольно рано начали иметь хождение среди торговцев-мусульман, от Туниса (Ифрикии) до Индии? И так, возможно, что нации передавали вексель друг другу, как другие культурные блага — такие, как бумага, хлопок, сахарный тростник, порох. Я неоднократно выдвигал от своего имени это последнее объяснение, которое специалисты по истории Ислама, включая Эштор, отвергают без колебаний, хотя при этом и без доказательств. Впрочем, неважно: куда больше, чем прошлое векселя, нас интересует его будущее.

Не подлежит сомнению, что благодаря векселю негоцианты и банкиры создали новую монету, псевдомонету, которая неподвластна государям, которая без труда преодолевает разделяющие Европу политические и монетные границы и создает, пренебрегая различиями между металлическими монетами, единое торговое пространство, где негоцианты и банкиры действуют по своему усмотрению, и Церковь, долгое время упрекавшая их в ростовщичестве, бессильна чем-либо им помешать. Что же касается государя, он может налагать запрет на вывоз наличных денег, но вексель путает ему все карты. В конечном счете выходит, что именно вексель создал то, что авторы книги «Частная монета и власть государей» называют интер-Европой и что, на мой взгляд, обладает всеми признаками очень рано — со времен шампанских ярмарок — возникшего на узком европейском континенте мира-экономики. Я готов согласиться с такой трактовкой — разумеется, сделав некоторые уточнения и даже оговорки.

Прежде всего, христианский мир существовал и до XII века, и части его были связаны между собой. Связи эти привели к перемещению и трансфертам металлической монеты — ибо монета, как бы неудобна она ни была для перевозки, как бы тщательно за ней ни надзирали, все-таки перемещается. Доказательством этого служит число иностранных монет на той или иной территории, известное нам из документов. Движение векселей дублирует движение монет, но не заменяет его.

Итак, металл тоже на свой лад создавал интер-Европу, как бы несовершенна она ни была, ибо способствовал обмену товарами и людьми.

Преимущество векселя заключается в том, что он, если позволено будет прибегнуть к образному выражению, содержит в себе нечто воздушное. Он действует на верхнем этаже, на уровне необходимой централизации, ибо система, держащаяся прежде всего на ярмарках, происходящих раз в три месяца (и в меньшей степени — на рынках, где сроки уплаты по векселям были гораздо короче), нуждается в центре, способном организовать взаимное погашение требований, упорядочить обращение, которое сверх меры переполняют тысячекратно повторяемые обмены. «С тех пор, как изобретена была та прекрасная всемирная монета, что зовется траттами и римессами, — писал еще в 1810 году Франсуа Молльен⁵⁹³, — торговля ежегодно приводит в движение богатства, превышающие в два десятка раз, а то и больше, реальные запасы золота и серебра, коими располагает Европа». В таких условиях возникает потребность разрядить, упростить ситуацию. И система взаимных погашений устанавливается едва ли не сама собой.

Что здесь, собственно говоря, чудесного? Ведь если я негоциант, то, что я покупаю, и то, что я продаю, стремятся к равновесию, и равновесие это обнаруживает себя там, где имеются условия для всеобщей очной ставки. Именно это происходит в Лионе — чье право называться *центральной* ярмаркой не подлежит сомнению, — в период господства «маркового эжю», пущенного в оборот в 1533 году и смененного «эжю с солнцем» лишь в 1575 году. Падение Лиона как торговой ярмарки началось, бесспорно, еще в 1562 году, однако денежный рынок процветал здесь вплоть до 1575 года⁵⁹⁴. Задержка весьма показательная, ибо шампанские ярмарки также перестали принимать товары около 1300 года, денежными же операциями продолжали заниматься до 1335 года.

Лион пришел в упадок, следовательно, необходим был новый центр. С 1579 года в Пьяченце начинает функционировать так называемая Безансонская ярмарка под строгим контролем генуэзцев, подобно тому как лионские ярмарки находились под контролем тосканцев. Преуспевание Генуи стало естественным следствием стечения благоприятных обстоятельств, которое позволило торговцам-банкирам завладеть огромной массой *политического* серебра католического величества (имевшего хождение по всей Европе и особенно в мятежных Нидерландах), начиная с 1557 года заменить при этом государе купцов из Южной Германии — Фугтеров, Вельзеров и других, а затем принять на себя ту роль, какую прежде играл антверпенский рынок. В самом деле, в 1569 году война прервала связь между Испанией и Северным морем: Атлантика оказалась выключенной из кругооборота, и это принесло немалые выгоды Средиземноморью. Испанские галеры, принадлежащие его католическому величеству, стали перевозить слитки и набитые реалами сундуки уже не в Антверпен, а в Геную, которая перепродавала бельгий металл Флоренции и Венеции, закупавшим его в большом количестве для своей торговли с Левантом. Одновременно с помощью векселей генуэзцы доставляли на антверпенский рынок золото, необходимое для содержания войск, служащих его католическому величеству.

Так создавалось величие Генуи, закладывались основы «генуэзского века», продлившегося, впрочем, от силы три четверти столетия, с 1558 по 1627 год. В течение этого «века» центром торговой Европы оставался город святого Георгия и ярмарки, которые его уроженцы устраивали в Пьяченце, в сорока километрах от Милана.

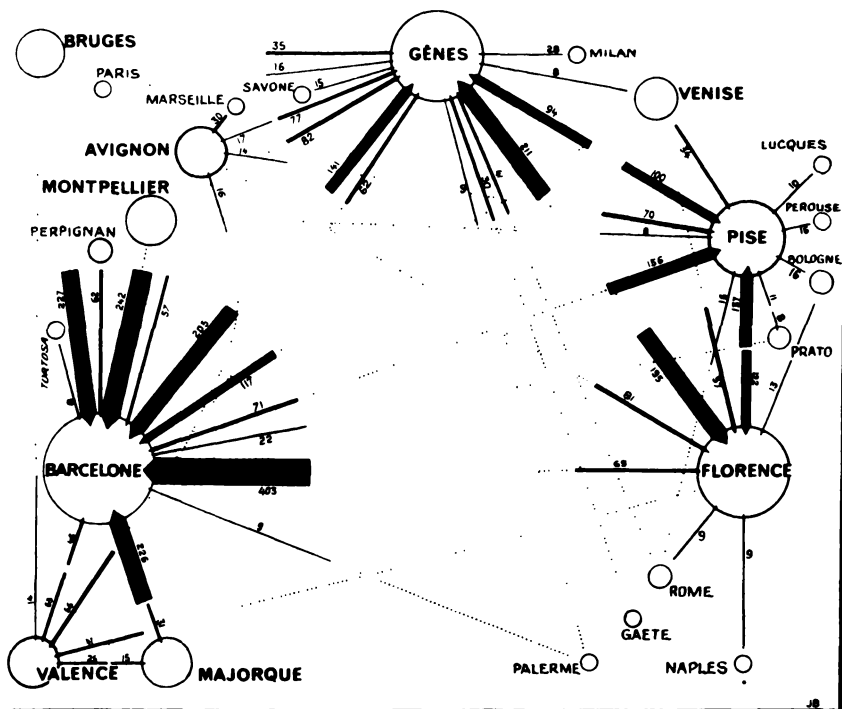
Должны ли мы, вслед за авторами труда, откуда я многое заимствовал, полагать, что генуэзцы способствовали «извращению курса», который по их вине стал зависеть не от скрытого кругооборота товаров, но исключительно от перемещения испанских *политического* серебра? Мои

коллеги считают, что именно из-за этого извращения Пьяченца, чтобы не сказать Генуя, относительно быстро утратила свое удивительное первенство⁵⁹⁵.

Эти неизданные объяснения должны были бы меня убедить, но я упорствую: дело происходило иначе. Вексель, стяг, парящий на вершине экономики, опирается на наличность — золото и серебро — и на товар. Серебра у Генуи более чем достаточно, а вот торговых обменов ей недостает: генуэзский флот, несмотря на использование грузовых судов из Рагузы, весьма скромн; по большому *торговому* пути лес, хлеб, сукна, разнообразные ткани, скобяные изделия перевозятся на флейтах из Голландии; наконец, белый металл в конце концов вновь начинает курсировать между Испанией и Северным морем по водам Атлантики. С 1630 года перевозками для испанского короля — хотите верьте, хотите нет! — начинают заниматься англичане, а после 1648 года — голландцы! Дело превыше всего. Больше того, купцы-финансисты из числа марранов — евреев, по разным соображениям принявших христианство, также, благодаря покровительству графа-герцога Оливареса, начинают служить Испании. Постепенно они включают Испанию в свой кругооборот, точно так же, как позже протестантские банкиры охватят своим кругооборотом Францию. Именно этим — а вовсе не порочным употреблением векселей — объясняю я закат «генуэзского века», который, впрочем, отнюдь не означал, что Генуя лишилась своих сказочных богатств.

Выводы, вытекающие из этой схемы, заставляют нас вернуться к нашим рассуждениям касательно миров-экономик в целом и, в частности, того мира-экономики, который создавался в Европе и в который Франция, вольно или невольно, с каждым годом включалась все больше и больше. Мы уже говорили, что экономика — это автономная экономическая зона, расположенная на определенной части планеты. У нее всегда имеется центральная точка: в Европе эту роль исполняли последовательно Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон. Но если учесть, какое огромное значение имела центральная ярмарка, придется признать, что у создававшегося в Европе мира-экономики имелось две главных точки: город и ярмарка. Это сразу усложняет представления о мире-экономике. Во времена шампанских ярмарок Генуя уже была «главной» и навязывала всем прочим своих менял. Когда шампанские ярмарки пришли в упадок, на первое место вышла Венеция, связанная теснейшими узами с ярмаркой и биржей в Брюгге. Затем господство завоевал Антверпен — при помощи Лиона, с которым была связана также и Флоренция (бразды правления держала именно она). В пору

КРУГООБОРОТ ВЕКСЕЛЕЙ, 1385—1410

Стрелки обозначают движение векселей между рынками и их количество. Когда вексель возвращается назад в то место, где был выписан, цифры помещены возле принимающего рынка. Например: Майорка шлет 226 векселей в Барселону и 25 в Валенсию; она получает 31 вексель из Барселоны и 15 из Валенсии.

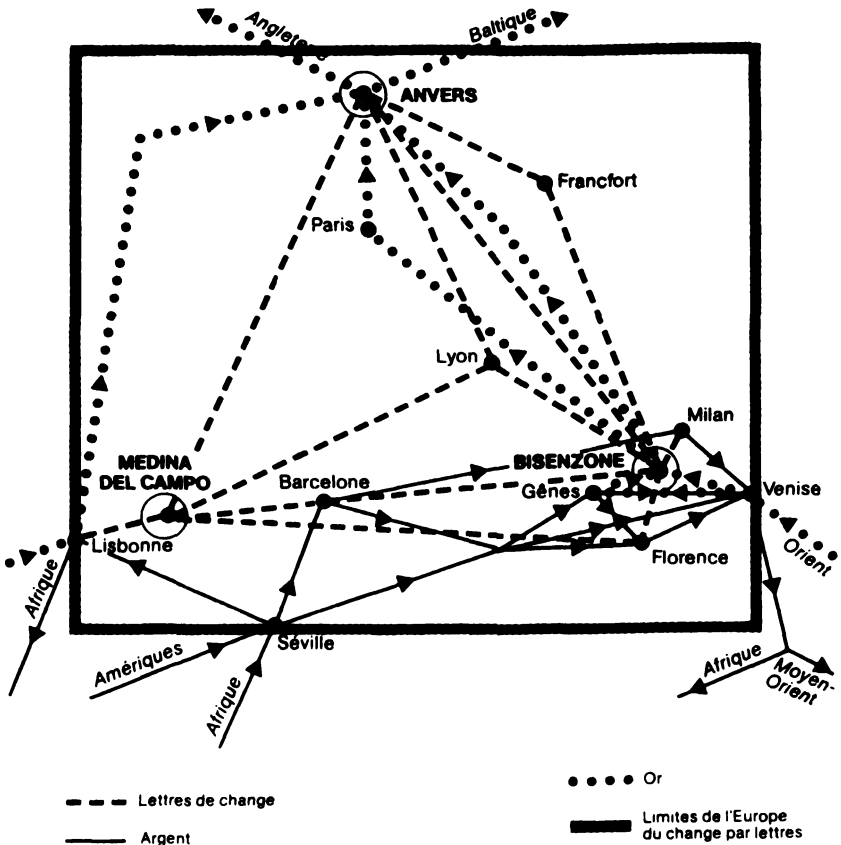
(Схема Жака Бертена).

Первая диаграмма основана на уникальном материале. Елена Чекки изучила все векселя, которые рассылал по миру Франческо ди Марко Датини, купец из Прато. Концентрируясь вокруг трех основных полюсов: Флоренции, Генуи и Барселоны (значение которых в XIV веке общеизвестно), маршруты этих векселей обрисовывают финансовое и коммерческое пространство тогдашних международных обменов: Италия, французское и испанское Средиземноморье плюс вылазки в сторону Брюгге и государств Севера.

своего второго взлета Генуя обзаводится центральной ярмаркой, расположенной сравнительно недалеко, в Пьяченце. Но когда центр Европы перемещается в Амстердам, а затем в Лондон, система с двумя центрами: главным городом и главной ярмаркой — постепенно исчезает. Амстердам будет главенствовать один, имея и ярмарку, и биржу. Лондон будет главенствовать один, имея одну лишь биржу, созданную в 1571 году, и Расчетную палату (*Chambre des compensations*), созданную в 1780 году.

Можно ли считать, что мы исчерпали тему векселя и связанных с ним проблем? Разумеется, нет. Если читатель хочет в этом убедиться, ему достаточно взглянуть на схемы «Кругооборот векселей» или «Вексельный треугольник и кругооборот монеты в мире». В первой использованы данные из богатейших архивов Франческо ди Марко Датини (конец XIV — начало XV века). Пункты отправления и пункты назначения векселей, которые он отправляет и получает — Неаполь, Рим, Флоренция, Милан, Генуя, Венеция, Барселона, Монпелье, Авиньон, Брюгге, — позволяют выявить основные точки опоры экономики, господствовавшей в ту пору на пространстве от Италии до Северного моря: это и есть ось капитализма на его начальной стадии. Второй набросок показывает, какими маршрутами на рубеже XVI—XVII веков двигались векселя и монета из центрального пункта — генуэзских ярмарок в Пьяченце, получивших название «Безансонских». Маршруты эти покрывали всю Францию и большую часть Северной и Восточной Европы; перевалочным пунктом на пути в Вену и Краков служила ярмарка во Франкфурте. Через два века после Франческо Датини интер-Европа — европейский мир-экономика — сильно разрослась.

Финансы и банки: зарождение системы. Если с наступлением ночи вы зажигаете лампу, а окно оставляете открытым, на свет сразу налетают насекомые, бедные ночные бабочки. Капиталисты и люди с деньгами днем и ночью устремляются точно так же к яркому, никогда не гаснущему источнику света — государству. И далеко не всегда опаляют себе крылья. Государство повсюду, от Китая при династии Минь или Индии при Великих Моголах до Европы, всегда является самым выгодным объектом вложения денег, самым действенным инструментом их выкачивания. Не стану утверждать, что жить — значит платить налоги и повинности, но бесспорно, что жить, не исполняя своего вечного долга налогоплательщика, нелегко, и началось все это не сегодня, а много веков назад. Во Франции, во всяком случае, подобное положение дел

ВЕРСЕЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК И КРУГООБОРОТ МОНЕТЫ В МИРЕ

Источник: Monnaie privée et pouvoir du prince. Op. cit.

Вторая диаграмма изображает движение векселей и монеты (американского серебра, восточного золота) по воле генуэзских банкиров. Интер-Европа, концентрирующаяся вокруг трех полюсов: Пьяченцы (Безансонские ярмарки), Антверпена и Медины-дель-Кампо, сильно расширилась на восток и на север.

Условные обозначения на карте: Пунктир — векселя. Тонкая линия — серебро. Точечный пунктир — золото. Толстая линия — границы Европы, охваченной векселями.

восходит к Филиппу Августу, истинному создателю государства Капетингов. Он сразу по восшествии на престол приобщил нас к этому полезному труду. Разумеется, от налогов можно освободиться — с помощью обмана, хитрости или даже нищеты. Люсьен Февр любил говорить, что из всех французских деревень самыми грязными были те, что принадлежали сеньору; тамошние жители нарочно изображали себя еще более бедными, чем были на самом деле, и вводили в заблуждение самого сеньора. Но разве обмануть того, кто вас эксплуатирует и живет подле вас, не труднее, чем далекого короля Франции? «В самой богатой деревне, — писал в 1709 году главный бабли провинции Иль-де-Франс, — если и зарежут нынче свинью, так только ночью и тайком, а сделай это кто на людях, стали бы с него взимать подати куда большие»⁵⁹⁶. По той же причине налогоплательщики никогда не торопились с уплатой налогов, боясь, как бы власти не увидели в этом признак достатка и повод увеличить размер повинности. Они предпочитали навлекать на себя долгие и разорительные преследования, какими каралась задержка уплаты, — лишь бы не показаться богатыми.

Вся эта масса денег, кредитов, доходов и расходов, какую постоянно приводит в движение государство, неизменно служила самой большой ставкой в игре, как при Старом порядке, так и в той Франции, которая пришла ему на смену. С самого начала и во Франции, и в других европейских странах общая сумма налогов исчислялась 5, а то и 10 процентами совокупного национального продукта. Разумеется, с течением времени процент менялся. Сегодня он составляет около 50 процентов — огромные вычеты, которые перепахивают всю экономику сверху донизу и направляют общество к тому устройству, которое ему более или менее подходит, но против которого оно не перестает роптать.

По сравнению с этой ошеломляющей мощью государства бледнеют богатства Медичи, Фуггеров, Вельзеров и Ротшильдов. В 1840 году состояние Ротшильдов, оценивавшееся в 123 миллиона франков, равнялось всего двум процентам общей денежной массы тогдашней Франции.

Но богатство государства — богатство странное, растущее странным, переменчивым образом! Резервуар, который то переполняется водой, то высыхает, затем вода возвращается вновь, с тем чтобы ее выпустили наружу и заменили другой. Государство грабит людей, отнимает деньги, но оно же возвращает их и распределяет. Пусть даже порой оно само богатеет безмерно: вспомним казну Сюлли, хранившуюся в Арсенале; вспомним золотой запас Французского банка... Деньги движутся в одну сторону, а потом устремляются в сторону проти-

воположную, накапливаются и рассредоточиваются, — все это гигантская игра с массой возможностей. У какого капиталиста не возникнет желание принять в ней участие? В частном секторе всякому, кто занимается денежными операциями, крупной торговлей и разветвленной торговлей внутри Европы, приходится ждать, рисковать, просчитывать ситуацию наперед. Но легче ли действовать тому, кто решает служить государству, не забывая при этом себя самого?

Как бы там ни было, превращением государственных доходов в доходы частные люди занимались во все времена. Ничего, кроме улыбки, не могут вызвать откровения некоего журналиста, обнаружившего, что марокканские колонии представляли собою один из способов превращения государственных денег в частные, или неких серьезных экономистов, обличающих современный створ капиталистов с государством. Разве дела не обстояли таким образом всегда? Можете ли вы вообразить себе государство — не важно, какое именно, — не прибегающее к услугам торговцев, финансистов и банкиров? Осудите ли вы Людовика XIV за то, что он, по выражению Сен-Симона⁵⁹⁷, торговал собой, принимая в Марли Самюэля Бернара, короля купцов Франции и всей Европы, или императрицу Евгению, за то, что она допускала Джеймса Ротшильда ко двору Наполеона III? Обоими царственными особами двигала корысть — и оба поступали вполне разумно. После войны за Испанское наследство доход от уплаты косвенных налогов снизился: арендный договор Королевских откупов в 1703 году упал до 42 миллионов ливров; в 1683 году сумма была на 20 миллионов больше; разница так велика, что откупщики отказываются возобновлять договора, налоги взимаются чиновниками короля, но приносят в 1709 году лишь 31 миллион⁵⁹⁸. Как видите, государство и капитализм обречены на сотрудничество.

Самое интересное, пожалуй, заключается в том, что участие государства предопределяет некий геологический разлом, раздел почвы нашей экономической истории на две части: с одной стороны, если говорить современным языком, государственный сектор, с другой — сектор частный. Если бы все было так просто — но это не так! — можно было бы утверждать, что *финансисты* действовали заодно с Государством, что они составляли государственный сектор (или были к тому близки), тогда как *банкиры* занимались делами, не имеющими отношения к государю, и вскоре завоевали в этой области абсолютное господство. Будь все так просто, банкиры и финансисты отличались бы друг от друга как два различных вида, две расы. Меж тем в действительности ничего подобного не происходило. В XV веке термин

«финансист» вообще применялся без разбора и ко всем королевским чиновникам, отвечавшим за государственную казну, и к частным дельцам⁵⁹⁹. Значение двух слов резко разошлись позже: финансист, сообщает «Энциклопедия» XVIII века, есть «всякое лицо, получающее доходы от всякого рода откупов, взимания налогов, предприятий или дел, кои касательство имеют до доходов короля»⁶⁰⁰. Напротив, в XIX веке два слова вновь начинают сближаться. Бесспорно, причина здесь в том, что революция возвратила в ведение государства сбор прямых налогов (до 1789 года он принадлежал государству только наполовину) и налогов косвенных, уничтожив тем самым чудовищно разросшиеся Королевские откупа. С этих пор государство сделалось в своем доме хозяином хотя бы теоретически, юридически.

Оговорив все это, я буду исходить в дальнейшем из разделения на частный и государственный секторы, на банкиров и финансистов, которое прослеживается в истории Франции при Старом порядке достаточно четко.

Впрочем, нужно иметь в виду, что:

1) разделение это неабсолютно;
 2) граница между двумя секторами часто оказывается нарушенной: банкиры, образно выражаясь, переходят направо, к финансистам, а те — налево, к банкирам.

3) для удобства изложения я буду говорить не о фискальном государстве, каким оно сделалось со времен Филиппа Августа, когда была введена уплата налогов, но о государстве *финансистском*, согласно удачной формулировке Пьера Шоню, государстве, которое не может существовать без помощи тех, кто снабжает его наличными деньгами, из какого бы сектора эта помощь ни поступала. Именно подобные помощники доставляют государству «деньги, кои суть первейшая кровь, текущая по его жилам», как выразился один генеральный интендант⁶⁰¹... Каким же образом помощники эти служат государству, а заодно и обирают его? И как оно на это реагирует?

На этот последний вопрос мы можем ответить, что реагирует оно поочередно то с чрезмерным благодушием — нужда заставляет быть снисходительным, — то с чрезмерной грубостью: оно полагает, что имеет право и даже обязано отнимать у своих служителей награбленные ими богатства, обрушивая на них жестокие кары и приговоры судебных палат. Такая судьба постигает Жака Керра, Санблансе, Фуке... Думаю, что государство не пощадило бы и Джона Лоу, если бы он не покинул Францию. Наконец, в 1793 году Конвент приговаривает к смерти генеральных откупщиков, в том числе Лавуазье. Следует ли видеть в этой

трагедии проявление преемственности между революцией и Старым порядком? Если уж говорить о преемственности, мне больше по душе неожиданный поступок Наполеона I, призвавшего на службу для сбора косвенных налогов тех чиновников Королевского откупа, кому удалось пережить революцию. В этой области у них бесспорно имелся неплохой опыт!

Жак Кер (около 1395—1456), казначей Карла VII, в 1436 году восстановил во всем королевстве единую монету и дал королю займы два миллиона ливров, чтобы тот отвоевал Нормандию. Вне всякого сомнения, его место — разом по обе стороны демаркационной линии между государственным и частным секторами: он — финансист, состоящий на королевской службе, но одновременно и банкир, ведущий операции ради собственной выгоды, имеющий долю во многих крупных рудниках и корреспондентов во всех крупных торговых центрах Европы: в Брюгге, Марселе, Монпелье, Генуе, Венеции. Он содержит в Эг-Морте не меньше семи торговых галер — *галей* — и ведет успешную торговлю с Левантом. Иначе говоря, перед нами удивительный персонаж, «блистательный соперник итальянских деловых людей своего времени»⁶⁰² и при этом великий слуга короля. Но ему суждено было на собственной шкуре узнать, как опасно обосновываться во владениях короля, особенно если ты слишком богат, слишком влиятелен и, разумеется, вызываешь у многих жгучую зависть. В 1451 году Жака Кера без каких бы то ни было оснований обвинили в том, что он отравил Агнесу Сорель, Даму Красоты, фаворитку Карла VII, бросили в тюрьму и начали дознание. К счастью, ему удалось бежать; он поступил на службу к папе римскому и умер в 1456 году на Кипре. Увлекательный роман и — если вернуться к нашей теме — весьма красноречивый пример.

Еще более трагично окончил жизнь Жак де Бон, барон де Санблансе (1445—1527), отпрыск семейства купцов-банкиров, обосновавшегося в Турени, где благодаря частым приездам наших королев многие люди стремительно наживали состояние. Владея собственным банком, он служил Карлу VIII и Людовику XII. В 1518 году он стал суперинтендантом финансов Франциска I. Луиза Савойская, мать короля, пользовалась его услугами, но затем начала его преследовать (она часто поступала так с людьми, которые ее чем-то не устраивали). Она дошла даже до того, что обвинила Санблансе — кажется, несправедливо, — в том, что он присвоил жалование солдат, воюющих в Миланском герцогстве. Заметьте, что произведенное следствие оправдало барона. Однако он имел неосторожность отказать власти в кредитах и восстать,

в 1525 году, против новой экспедиции, которая окончилась утратой Милана и кровавым поражением при Павии 24 февраля 1525 года. Франциск I был взят в плен на поле боя; вместо него Францией стала править регентша — Луиза Савойская. Она, найдя себе союзников, добивается процесса над суперинтендантом; Санблансе приговаривают к смерти, и он погибает на монфоконской виселице.

Та же самая судьба постигает Никола Фуке, с 1659 года единолично занимавшего пост суперинтенданта, который он до того разделял с Сервьеном. Он впадает в немилость, 5 сентября 1661 года его арестовывают и каким-то чудом приговаривают не к смерти, а к пожизненному заключению. Проведя в страшной неволе почти целых двадцать лет, он умирает в крепости Пиньероль (1680). Обстоятельства его смерти остаются невыясненными. Не в том ли дело, что он слишком много знал? ⁶⁰³

Нынешние историки предпочитают побежденного тем, кто его победили, скучному Кольберу, скучному Людовику XIV.

Дело Фуке — последний из трагических эпизодов такого рода. Но что случилось бы с Джоном Лоу после катастрофы его «системы», не помоги ему Регент бежать в Венецию? Разве и он, подобно Фуке, не знал слишком много? Возможно также, что и Неккеру после его отставки 11 июля 1789 года грозил судебный процесс по всем правилам, который непременно состоялся бы, если бы не пала сама королевская власть.

Вернувшись к разграничению банков и финансистов, заметим, что Фуке, в отличие от Жака Кера и Санблансе, принадлежал к числу чистых финансистов. Впрочем, это, пожалуй, было в духе его времени.

Мне кажется неоспоримым, что царствование финансистов — как их тогда называли, «откупщиков» (traitants), «дольщиков» (partisans) — началось во второй половине XVI века, когда во Франции произошел большой перелом. Именно к этому времени восходит устранение — происходившее очень медленно, но все-таки происходившее — банкиров-иностранцев. С той поры король стал, как правило, обращаться за помощью лишь к своим подданным, «туземцам». Но денежные авансы, займы требовались ему постоянно. С другой стороны, французская монархия показала себя неспособной самостоятельно взимать прямые и косвенные налоги. Ей не хватало людей. Говоря современным языком, она ощущала недостаток в чиновниках. Это привело к образованию совершенно особенной системы, которая делала из сборщика налогов человека, финансирующего государство.

Применительно к косвенным налогам французы избрали тот же вариант, какой некогда был принят в Венецианской республике, где право собирать налоги продавалось с торгов. Эти покупатели, бравшие

на откуп налоги, были обычно людьми не знатными, но за ними всегда стояли дворяне, которые выступали их гарантами, то есть втайне участвовали в деле, ссужали откупщиков деньгами и получали свою долю прибыли. Точно то же самое (хотя о прямом подражании Венеции говорить здесь не приходится) проделывали для короля откупщики, пользовавшиеся столь дурной славой. Славой, которая была во многом плодом злословия, поскольку откупщики эти не были ни ничтожествами, ни отъявленными плутами. Возможность ссужать короля огромными суммами они имели, среди прочего, потому, что, как и в Венеции, пользовались поддержкой множества заимодавцев, которые доверяли им свои капиталы в надежде извлечь прибыль. В первую очередь откупщики были посредниками. Эта система просуществовала с переменным успехом до Революции, причем наивысшего расцвета она достигла после основания в 1669 году, во времена Кольбера, Королевских откупов.

Что же касается прямых налогов, их сбор находился в ведении чиновников финансового ведомства: генеральных сборщиков, сборщиков и проч., которые купили свои должности и взамен получили право производить операции с деньгами. Эти псевдофинансисты также постоянно предоставляли средства государству.

Не раз говорилось, что таким образом монархия торговала своей властью. Но могла ли она поступать иначе? Да, разумеется, если бы последовала примеру англичан, которые, по своему обыкновению опередив континент, начиная с 1688 года ввели у себя современную систему взимания налогов. Но этого, как мы уже сказали, не произошло. И так, Франции пришлось удовлетвориться описанной выше системой — без сомнения, весьма архаичной. Тем не менее авторы двух недавно вышедших книг, Франсуаза Байяр и Даниэль Дессер, сходятся на том, что в конечном счете именно «замечательная жизнеспособность этой системы», ее гибкость, — «чрезвычайная», по мнению первого автора, «исключительная», по мнению второго, позволили французской политике преодолеть, «несмотря на тревоги и банкротства», все испытания царствования Людовика XIV⁶⁰⁴. Короля обирают, немалая часть налогов, взимаемых его подданными, до него не доходит, но, судя по всему, и он не остается в накладе. Дело в том, что деньги государству представляют не столько финансисты, сколько люди, которые скрываются за их спиной, — зачастую куда более богатые, чем финансисты, и принадлежащие (как в социальном, так и в экономическом смысле) к высшим сословиям, к «аристократии пшяги, мантии или Церкви»⁶⁰⁵, включая вельмож и министров. Операция приносит значительные доходы и в принципе не связана ни с каким риском, поскольку обеспечена

доходами короля; имена заимодавцев хранятся в строго соблюдаемой тайне⁶⁰⁶ (поскольку финансисты имеют сомнительную репутацию, богачи не хотят выставлять свою связь с ними напоказ); итак, финансисты почти без труда могут удовлетворять потребности власти. К их услугам огромные капиталы, владельцы которых сами предоставляют их с тем, чтобы поделить барыши. Короче говоря, система эта имеет, по всей видимости, то преимущество, что позволяет извлечь из сундуков спящие капиталы.

Что, впрочем, не мешает расти ни королевским долгам, ни общей сумме налогов, взимаемых с несчастных подданных. Оба процитированных автора вполне обоснованно заключают, что если Франция снесла это тяжкое бремя, значит, она была гораздо богаче, чем принято считать, и торговый баланс ее был также гораздо более положительным, чем обычно утверждают, ибо огромные суммы, собираемые стараниями финансистов, были всегда суммами наличными, в звонкой монете.

Эти спокойные выводы открывают возможности для реабилитации старых королевских финансов. Пора отложить в сторону книгу Феликса Гэффа «Изнанка Великого века», наделавшую в недавнем прошлом слишком много шума. Не стоит также принимать всерьез карикатурные обвинения драматургов, которые не щадили финансистов, изображая их выходцами из низших сословий, что неточно, транжирами и плутами, что вполне возможно, и, наконец, находящимися под каблуком у аристократов, которых они же и содержат. Между тем, не в обиду будет сказано Лесажу, автору «Тюркаре», откупщик — вовсе не мелкий ростовщик, который ссужает деньги под еженедельные проценты, «продает серебро по цене золота» и ловит на удочку простофиль...

Как бы там ни было, описываемая нами система — не результат свободного выбора. Разве не была она обусловлена обстоятельствами? До конца понять ее можно, как мне кажется, только заглянув в историю гораздо глубже XVII века, начав по крайней мере с царствования Генриха II. Скучная эпоха, скучные люди — но это не мешает ни развитию экономики, ни развязыванию войн. Война не утихает, и правительству постоянно требуются деньги. Поэтому оно берет их займы на богатейшем лионском рынке, причем, против обыкновения, обращается не только к итальянским негоциантам и банкирам, уже давно играющим главные роли в интернациональном банке. Уже в 1542—1543 годах (то есть еще при Франциске I), кардинал де Турнион (1489—1562), архиепископ Лионский, сумел осуществить весьма выгодное сближение государственных финансов с частными капиталами французского рынка. Ту же операцию, только в гораздо большем масштабе, он произвел

накануне заключительного эпизода Итальянских войн, в 1555 году. Речь идет о так называемой «большой прибыли» (*grand party*): банкиры предоставляли королю кредит в 2 600 000 экю, последовательно на 41 ярмарке, причем процентная ставка для каждой из ярмарок равнялась 4 процентам, плюс 1 процент за погашение долга. Поскольку ярмарки устраивались четыре раза в год, заем приносил в год 20 процентов, а брался сроком на десять лет. Лионский сборщик принимал деньги не только от банкиров, но и — в этом заключалось новшество — от любого частного лица, которому взамен выдавалось долговое обязательство. Тотчас объявилась целая толпа микроподписчиков. «Каждый спешил внести свои деньги [...] даже слуги расставались с накопленными сбережениями. Женщины продавали драгоценности. Вдовы продавали свои ренты...» Подписывались на заем также и иностранцы, «причем не только жители Швейцарских кантонов или немецкие князья, но также турецкие пашы и купцы под именами их посредников»⁶⁰⁷.

Мы видим, что заем этот, в котором участвовали как банкиры (по обыкновению, вносявшие деньги третьих лиц), так и публика, был очень «современным»: совершенно таким же образом производились голландские займы в XVII и XVIII веках⁶⁰⁸. Точно так же действовали много лет спустя, в 1840-е годы и позже, Ротшильды, величайшие мастера организации займов для французского правительства. Одним словом, «большая прибыль» выбивается из рамок финансовой рутины. Ажиотаж, сопутствовавший подписке на этот заем, не имел ничего общего с той спокойной обстановкой, в которой еще во времена Фуке выпускались ренты на Ратушу, процентная ставка которых была, однако, сказочно велика.

Тут, однако, наступило 10 августа 1557 года, французы потерпели сокрушительное поражение при Сен-Кантене, ставшее прелюдией к Като-Камбрезийскому мирному договору и внезапной, трагической смерти Генриха II (10 июля 1559).

Оставленный королем долг был огромен. Акции «большой прибыли» продавались за 80, 70, 50 и даже 40 процентов⁶⁰⁹. Такой исход затормозил развитие французских финансов, привел их в расстройство. Они почти полностью утратили связи с деловыми людьми, с капитализмом вполне современного типа. Долгое время я вслед за Френком Спунером считал, что в ту пору центр тяжести в том, что касается экономики, переместился из Лиона в Париж — сдвиг, который наш американский коллега уподобляет смене Антверпена Амстердамом. Сегодня я уже не верю в это перемещение; я убежден, что Париж сумел отвоевать у Лиона первенство не раньше конца XVIII столетия. Однако

после 1559 года в Париж действительно переместились итальянские фирмы, такие, как Капони или живописнейший персонаж по имени Себастьян Заме⁶¹⁰... В ту пору они входят в милость при французском дворе.

Кризис 1559 года был тем более серьезен, что охватил всю Европу: он свирепствовал в Антверпене и в Венеции, в Испании, Кракове и Лионе, на «главной ярмарке». С другой стороны, эти потрясения и разрушения происходили в то же самое время, когда начинался не слишком благоприятный для Франции и гибельный для Лиона «век генуэзцев», ознаменовавший поворот европейской экономики в сторону Средиземноморья, возвращение к старинному порядку вещей. Анри Озе, Ролан Мунье, Хартлауб придерживались по этому поводу того же мнения, что и я. Анри Озе считал даже, что «кризис 1557 года [...] возможно, замедлил развитие мирового капитализма»⁶¹¹.

Финансы и банки, потерянный шанс.— Финансовая система, созданная во второй половине XVI века, остается в употреблении на протяжении всего долгого царствования Людовика XIV. Частые войны подвергают ее суровым испытаниям, но поскольку ничего другого в распоряжении королей не имеется, система лишь укрепляется. Казна, вынужденная платить по долговым обязательствам, обращается за помощью к чиновникам финансового ведомства, откупщикам, генеральным откупщикам и бесконечным людям, отвечающим за откупа, созданные специально для них и часто самым нелепым образом,— ибо правительство, ежедневно сталкивающееся с необходимостью очередных выплат, решительно теряет голову. Впрочем, надо признать, что при этом откупщики и чиновники финансового ведомства, как правило, не создают конкретных правительственных долгов, ибо и те и другие наживаются на грядущих государственных доходах, на деньгах налогоплательщиков, которые же сами и собирают.

Однако возможности налогоплательщиков не бесконечны. Франция, платящая налоги,— это Франция по преимуществу крестьянская, которая по большей части не охвачена монетаризацией и чье благосостояние зависит исключительно от урожая: если он слишком обилен, это приводит к стремительному падению цен, если он скуден, крестьян ждет нужда, а то и голод. Поэтому система функционирует не без рывков, не без трудностей. Суровым испытанием стала война за Пфальцское наследство (1686—1697); она исчерпала наличные капиталы откупщиков и чиновников финансового ведомства. Начало в 1701 году, после смерти

Карла II, войны за Испанское наследство, застают их врасплох. Волей-неволей им приходится обращаться к банкирам, и тут-то так называемые протестантские банкиры, уже успевшие заявить о себе и до 1697 года, силой завоевывают себе место в истории французской монархии.

С этими интернациональными, «интер-европейскими» банкирами произошло то же, что произошло с новыми христианами — выходцами с Иберийского полуострова: изгнанные из родных краев, они пустились странствовать по свету, завязывая связи с чужестранцами и сохраняя связи между собой. А банку именно такие международные связи и необходимы; без них он существовать не может. Я уже писал, что новые христиане, осев в Голландии, сумели прибрать к рукам политическое серебро его католического величества, — успех поистине неправдоподобный: пришельцы, только что обосновавшиеся в чужой стране, враги Испании, приучают короля пользоваться их услугами (оказываемыми, как правило, без обмана), несмотря на то, что кастильские власти обвиняют их, зачастую без всяких оснований, во всех возможных прегрешениях, причем не только религиозных. Конечно, у протестантских банкиров сфера деятельности была более обширна, нежели у новых христиан во времена Филиппа IV Испанского. Тем не менее сама эта деятельность начиналась в обоих случаях совершенно одинаково.

Разумеется, некоторое количество протестантских банкиров существовало и до отмены Нантского эдикта: поскольку доступ в государственную службу был реформатам запрещен, они посвящали себя промышленности, торговле, финансам. Однако банкиры эти отнюдь не принадлежали к числу непреклонных протестантов, и, пользуясь в Париже покровительством монархических властей, они при первой же угрозе обратились в католичество, — обратились, конечно, только на словах, но безропотно. Впрочем, много нашлось среди них и таких, которые выбрали изгнание и обосновались в Женеве, Базеле, Франкфурте, Амстердаме и Лондоне, невольно заводя при этом знакомства, без которых успешная банковская деятельность решительно невозможна. Поистине отмена Нантского эдикта создала или по крайней мере укрепила позиции протестантских банкиров, позволив им ни больше ни меньше как почти открыто возвратиться в Лион, а затем в Париж, причем на сей раз никто уже не требовал от них отречения от протестантской веры. Не стоит думать, что произошло чудо, восторжествовала справедливость и протестанты получили моральную компенсацию за перенесенные страдания. После 1935 года мне случалось плавать в Америке на кораблях, заполненных несчастными эмигрантами, которых изгнали из их родной страны нацисты; так вот, позже мне пришлось на

ум, что некоторым из них, в частности, людям, связанным с такой сверхприбыльной сферой, как банковское дело, изгнание принесло немало преимуществ.

Во время войны за Пфальцское наследство протестантские банкиры волею обстоятельств стали служить Людовику XIV. В пору, когда Франция враждовала со всей Европой, Женева оставалась единственным «коридором», который позволял ей торговать с Европой и пользоваться амстердамскими кредитами (Голландия принадлежала к числу наших противников, но коммерческих связей с нами не прерывала). Через Женеву во Францию поступали золото и серебро, без которых наши монетные дворы не смогли бы чеканить монету, а ведь она нужна была постоянно для содержания армии. Эта воистину бешеная деятельность меняет облик Женевы, в ту пору еще очень маленького городка; промышленность, бывшая прежде главным источником ее существования (в частности, производство шелка), отступает на второй план, и цехи ремесленников громко осуждают богатейшие семейства города, променявшие промышленность и торговлю на банковскую деятельность.

Так Женева сблизилась с финансами Франции. Этому способствовала долгая война за Испанское наследство, грандиозная драма, разыгравшаяся в последние годы царствования Людовика XIV. На сей раз Франция сражается на стороне Испании, королем которой стал, под именем Филиппа V, герцог Анжуйский. Остальная Европа снова выступает против короля-Солнца. Союз с Испанией избавляет Францию от поисков драгоценных металлов, но финансовая ее система расстроена, и на помощь вновь призываются протестантские банкиры, прежде всего жевевские. Руководит этими операциями Самюэль Бернар, один из тех банкиров-«реформаторов», которые не покинули Францию и под давлением властей в декабре 1685 года приняли католичество. Весьма любопытным, или, вернее, весьма загадочным, образом он разбогател сразу после отмены Нантского эдикта. Без сомнения, он стал банкиром протестантов-изгнанников и в его распоряжении оказались их капиталы, которые требовалось перевести за границу. Во всяком случае, он хвастал тем, что никогда не брал ссуд во Франции⁶¹². Это сколоченное в тиши состояние позволило ему претендовать на главенство и добиться желаемого. Так состоялся «первый триумф» банкира — в довершение всего космополита и гугенота — над старомодными финансистами, которым отводилась куда более скромная роль сборщиков податей⁶¹³.

В самом деле, представителям старой системы — соглашающимся на это с большой неохотой, — отводится всего одна роль: собирать деньги

с налогоплательщиков для того, чтобы король мог расплачиваться со своими заимодавцами. Банкиры — или, точнее сказать, Самюэль Бернар, — предоставляют королю деньги для срочных платежей, выпуская векселя, необходимые в военное время прежде всего за границей — в Германии, Италии, Испании. Можно сказать, что они занимаются «учетом государственных и полугосударственных ценных бумаг»⁶¹⁴, что приводит, говорят авторы «Частной монеты и власти государя», к новому — по правде говоря, не такому уж новому — искажению природы векселя; однако разве не благодаря цепи подобных искажений вексель обновлялся и приобретал новые функции? На сей раз с его помощью банки вначале добывают деньги для королевской казны, а затем переводят их в нее. Остается лишь получить деньги назад. Тут-то и разыгрывается драма: у ног банкиров разверзается пропасть.

Безрассудство, неопытность, бешеная страсть к наживе (учетная ставка доходила до 36 процентов), уверенность, что такое выгодное дело ни в коем случае нельзя упустить, — все это в конце концов поставило женеvских банкиров (сначала Гугетана, обанкротившегося первым, затем братьев Хоггеров) в безвыходное положение, из которого им в конце концов все-таки удалось — не без труда — выйти только благодаря взаимной поддержке. Самюэль Бернар, наиболее опытный, хранивший свои средства, в частности, у Андре Пельса (негоцианта, судовладельца, банкира, одного из крупнейших деловых людей Голландии⁶¹⁵) и, главное, приближенный в Париже ко всеильным генеральным контролерам финансов, борется, лавирует, выдает ссуды, скупает едва ли не все векселя. Но в 1708 году момент истины наступает и для него. Он должен заплатить в Лионе безделицу — 14 миллионов наличными, огромную сумму, которой он в тот момент предоставить не может. Он располагает только 18 миллионами в билетах, выпущенных в 1705 году и потерявших более 80 процентов своей стоимости. Меж тем именно Самюэль Бернар в 1704 году был среди тех, кто выступал за выпуск билетов, — тогда он не думал, что они обесценятся так стремительно. Однако случилось именно это. Если на иностранных рынках, в частности в Амстердаме, репутация Самюэля Бернара остается незапятнанной, в Лионе дело обстоит иначе: этот рынок, где положение Бернара весьма непрочное, где его боятся и ненавидят, ускользает из-под его влияния. В Лионе дела ведутся по старинке.

Конечно, правительство выдало Самюэлю Бернару в качестве залога целый ряд платежных распоряжений и приказов об уплате денег «на Королевские откупа, на откупа табачный и почтовый, на судебную канцелярию, на королевских секретарей, на чистку и освещение улиц,

на парижских мясников, на наложение ареста на движимое имущество, на генеральных сборщиков»⁶¹⁶ (короче говоря, на источники доходов старые и новые, изобретаемые чуть не ежедневно) и на казну, куда поступала лишь малая часть королевских доходов. А позже на кассу чрезвычайных издержек... Но все это одни лишь обещания. А ведь время — деньги, и всякое опоздание чревато катастрофой. В Лионе многие банкиры ссудили Самюэля Бернара деньгами, а он, с их согласия, перевел на них векселя, — дело обычное. Однако все ждут возвращения своих средств. И вот, устав ждать, а вдобавок коварно желая навредить сопернику, двое кредиторов Бернара, Люллен и Констан, продают королевские билеты, выданные им в качестве залога, за 70 процентов стоимости. Билетам тем самым наносится страшный удар.

Разбираться в подробностях краха, постигшего Самюэля Бернара, в том, произошел этот крах или нет, скучно. Достаточно будет сказать, что в самый последний момент Бернара спас указ об отсрочке, который в конце концов — 22 сентября 1709 года — подписал новый контролер финансов, Никола Демаре, оставшийся на этом посту до смерти Людовика XIV (1715) и выказавший проникательность, ум и энергичность, достойные всяческого уважения. Но он был человек Королевских откупов, человек Старого порядка; чем он руководствовался: принципом или необходимостью? Именно он в сентябре 1709 года спас Самюэля Бернара, но разве в данной ему отсрочке не нуждалось и государственное казначейство для выполнения своих собственных обязательств? Можем ли мы судить этих двух людей — иначе говоря, можем ли мы объяснить, какую игру они вели? Самюэлем Бернаром руководило его безграничное честолюбие, желание стать единственным банкиром на службе у короля и присвоить себе единоличное право извлекать выгоду из королевских богатств. Демаре, в отличие от своего предшественника Шамийяра, превосходно разбирался в финансовых вопросах, но, сменив (в 1708 году) того, кто долгое время был его начальником, он оказался в положении практически безвыходном. Обойтись без банкиров и без Самюэля Бернара он не мог.

Шамийяр предпринял такую попытку незадолго до того, как утратил пост генерального контролера, в том же 1708 году. Французские войска повсюду, кроме Испании, были отброшены от наших границ. В связи с этим платежи за пределами Франции, через посредство Милана и Амстердама, сделались бесполезны. Шамийяр отдал приказ «собрать имеющиеся у провинциальных казначеев наличные средства и отправить их войскам, минуя посредников и не прибегая к переводным

векселям на границу»⁶¹⁷. К несчастью, это ничего не решало. Армиям средства требовались *регулярно*, а перевозка монеты, сопряженная со многими трудностями и по природе своей нерегулярная, была неспособна обеспечить выплату жалования солдатам и предоставлять средства на нужды армии в определенные сроки. Пришлось вновь прибегнуть к Самюэлю Бернару, к быстрым трансфертам посредством векселей. Потому-то в 1709 году Демаре, может быть и без особой радости, вновь включает в игру авантюриста Самюэля Бернара. Отсрочку Бернару Демаре предоставил далеко не сразу, и это позволяет потомкам выдвигать самые разнообразные гипотезы по поводу тайных пружин — если таковые имелись — его поступка. Как относился он к дерзкому (пожалуй, даже чересчур) банкиру — любил его или ненавидел?

Возможно, он несколько отдалился от Бернара, когда тот занялся проектом — к сожалению, неосуществившимся — создания Королевского банка. Самюэль Бернар всеми силами продвигал это дело. Такой банк стал бы звеном, связующим монархическое государство и частный кредит. Ибо он не находился бы под контролем правительства. Он перевел бы на себя долг короля — сотни миллионов билетов, которые ликвидировал бы, а вместо них ввел в обращение новые, более ценные. Тем же занималась, но в меньшем масштабе, под давлением каждодневных нужд, Касса генеральных сборщиков, так называемая Касса Лежандра, которую создал Демаре.

Какая судьба ожидала бы этот банк, в котором Франция и монархия испытывали такую сильную потребность? Он наверняка сделался бы депозитным и эмиссионным банком по образцу Английского банка, созданного в 1688 году, — образцу, в ту пору уже хорошо известному. Да, но хозяевами его были бы Самюэль Бернар и другие банкиры. Отмены проекта добились финансисты, люди, связанные с Королевскими откупами, генеральные сборщики. А также (это мне, впрочем, совсем непонятно) негоцианты. Наконец, против, очевидно, был настроен и Демаре? Таким образом совершился возврат к прошлому, к Франции финансистов. Касса Лежандра была мнимым банком, я бы даже сказал: антибанком. Время вторгнуться в толщу королевских финансов для банкиров еще не пришло. Впрочем, благодаря своим векселям, депозитам, участию в крупных предприятиях — в освоении Луизианы вместе с Антуаном Кроза, в морских экспедициях жителей Сен-Мало и их страховании, в корсарской войне, в покупке хлеба за границей, — они продолжают играть центральные роли в торговле с дальними странами и торговле внутриевропейской. Они по-прежнему, подобно их предшественникам и тем, кто позже придет им на смену, остаются деловыми

людьми, подвигающимися в самых разных сферах. Однако появившийся шанс был потерян.

Финансы и банки (продолжение и окончание). Итак, по воле Демаре или, по крайней мере, с его разрешения, старая система откупов продолжала действовать. Она упрочилась и, несмотря на свою тяжеловесность и многочисленные изъяны, позволила монархии выжить и каким-то чудом дожить до конца бесконечной войны за Испанское наследство. Не стану утверждать, что логическим итогом существования этой системы стало создание в марте 1716 года Судебной палаты, призванной отыскивать «злоумышления и злоупотребления [...] наносящие урон и ущерб нашим финансам», однако для монархии, испокон веков несправедливой и грубой, такая реакция была вполне естественна. Сразу после смерти Людовика XIV Демаре прогнали, а вместе с ним настал конец и Кассе Лежандра. В эту пору по поводу 8000 финансистов было начато дознание; 4410 были приговорены к реституциям и штрафам, а кое-кто и к тюремному заключению⁶¹⁸.

Разумеется, система, о которой мы ведем речь, не может нести ответственность за другую, куда более знаменитую систему, созданную Лоу (1716—1723), шумная и всем известная история которой окончательно засвидетельствовала несовместимость французской экономики и современного капитализма. Англию потряс скандал с акциями Южного моря, South Sea Bubble *, аналогичный эпизоду с Лоу, однако английская экономика сумела устоять и вскоре вновь обрела равновесие, поскольку Государство поддержало стоявшую на грани банкротства компанию, — во Франции же, напротив, все рухнуло разом, из опыта Лоу не было воспринято ровно ничего⁶¹⁹.

Я не верю в односторонние объяснения, которые дают этому явлению историки. Тьер утверждает, что Лоу совершил ошибку, прибегнув к «фиктивному капиталу», к акциям «сомнительной стоимости», одним словом, посягнув на металлические деньги, составлявшие в ту эпоху, да и много позже, потолок экономической жизни Франции⁶²⁰. Якоб ван Клаверен, самый проникательный из наблюдателей, связывает все с крушением луизианского проекта, с неудавшейся экспедицией в Южное море, а также с коварством вельмож, принца де Конти и принца де Конде; разгул спекуляции на улице Кенкампуа, этой бирже под открытым небом, не кажется ему первостепенным. Со своей стороны, сам Лоу будет утверждать задним числом — но можно ли ему верить? — что его

* Мыльный пузырь Южного моря (англ.).

предприятие погубила марсельская чума, парализовавшая в 1720—1721 годах четверть Франции.

Каждое из этих объяснений до какой-то степени справедливо, но необходимо объединить их все и понять, что главным источником бедствия была французская экономика с ее старомодными привычками, отторгнувшая систему Лоу. Сам он, благодаря покровительству Регента, который, если верить слухам, получил свою долю прибыли в звонкой монете, сумел бежать. Тосканский посланник в Париже 30 сентября 1720 года писал без малейшего колебания: «Il Reggente ne deve certo avere accumulato al meno per trecento miglioni *...»⁶²¹. В том, что Регент имеет касательство к этому делу и извлек из него выгоду, сомнений быть не может, но какое именно касательство и какую выгоду? Он ли виноват в том, что, когда буря утихла, Франция вернулась к старым порядкам? («Палата Виз» ** стала новой, последней Судебной палатой.) Его ли вина в том, что после катастрофы ему пришлось вознаградить финансистов, предоставив им ликвидацию наследства Лоу? Да, это означало возврат к старой системе, подвергавшейся в 1715 году столь яростным поношениям, к ужасным братьям Пари, — но что еще оставалось делать? Никакую другую карту разыграть было нельзя.

Другой вопрос: стоит ли, как делает большинство историков, преувеличивать последствия системы Лоу? Если верить иным из них, она вдохнула жизнь в нашу экономику, умножила число золотых монет в чулках наших крестьян. Во всяком случае, один ее итог не подлежит сомнению: она раз и навсегда отняла у французов доверие к бумажным деньгам. Однако во всем остальном не была ли она просто мимолетной грозой, после которой небо тотчас яснее? Граф Д. Гамильтон показал в своих четких статьях, что, в противоположность общепринятым мнениям, система Лоу не привела ни к фантастическому росту цен, ни к разорению владельцев огромных состояний. В Париже цены, ненадолго увеличившись вдвое, очень скоро упали до нормальной отметки. Однако историки либо не прочли эти статьи, либо не усвоили их смысла. Жан Поль Суассон, изучавший деятельность нотариусов в Париже и Версале в тот же период, констатирует, со своей стороны, полное затишье в их делах, тогда как следовало бы ожидать великой сумятицы⁶²². Громкие скандалы, подобно грозам, часто производят больше шума, чем зла.

* Регент, судя по всему, получил не меньше тринадцати миллионов (ит.).

** Судебная палата, созданная в 1721 году, после краха системы Лоу, для осуждения чиновников, визировавших банковские билеты (примеч. ред.).

Старая система восстановилась сама собой и долг короля стал исчисляться приблизительно той же суммой, что и в 1718 году. Кардинал Флери (1726—1743), правление которого было благотворным, что бы и сколько бы раз ни утверждал маркиз д'Аржансон в своем «Дневнике», сделало шаг назад, восстановив Королевские откупа (1726), которые с 1703 года, как я уже указывал, были заменены прямым взиманием налогов королевскими чиновниками.

Для нашей темы было бы, я полагаю, бесполезно исследовать во всех подробностях монотонную историю финансистов на службе монархии. Все повторяется: добрые намерения и неумолимое движение старых механизмов и жестоких властей. Мир между финансами и правительством нарушается лишь в самом конце их сосуществования, после 1770 года, в результате энергичной деятельности «триумvirата»*. Людовику XV, бесспорно, удалось на два десятилетия упрочить положение монархии; аббат Терре, назначенный генеральным контролем, перевернул все вверх дном, но мало что обновил.

В сущности, источником коренных перемен, как это часто бывает, стали совсем другие обстоятельства, а именно глубинные особенности экономической жизни Франции. В самом деле, старое королевство, подобно природе, обновляющейся с приходом весны, переживает мощный экономический подъем. Именно этот подъем, по замечанию Жана Бувье⁶²³, вновь воскрешает кредит, дает ему силу и могущество, распространяет вширь сферу его влияния. Протестантские банкиры-космополиты, которые никогда полностью не покидали королевства — да и могли ли они это сделать? — вновь входят в силу и становятся влиятельными, как никогда. Фирма Телюссона (известная под разными названиями, в том числе как дом Телюссона — Неккера в 1757—1768 году) обосновалась в Париже с начала XVIII века и в 1715 году (после возвращения к нормальному течению дел) имела филиалы в Генуе, Лондоне, Амстердаме и Женеве; Верне оседает в Париже в 1742 году, Перрего — в 1781 году, Бидерман и Клавьер — в 1782 году, Оттингер — в 1785 году.

Самым авторитетным в эту пору становится имя Неккера. Неккер, возглавивший в 1777 году ведомство Генерального контроля (хотя и не имел звания генерального контролера), вынужден 19 мая 1781 году уйти в отставку; однако расстроенные финансы монархии требуют его возвращения, и в августе 1788 года он вновь вступает в службу. Новая

* Триумvirат — союз трех крупных государственных деятелей эпохи Людовика XV: Терре, канцлера Мопу и министра иностранных дел д'Эгьюна (*примеч. ред.*).

немильность настаивает его 11 июля 1789 года. Популярность банкира так велика, что два дня спустя парижане поднимаются на борьбу, да и вообще в 1789 году банкиры выступают на стороне революции. Оба эти факта весьма примечательны, но я на них останавливаться не стану.

1789—1848 годы. Я хотел бы, двигаясь вперед быстрее, чем раньше, рассмотреть *как целое* долгий период, отделяющий 1789 год от года 1848, долгую и бурную революцию от революции не менее глубокой, которая, как известно, не успела свершиться. Против обыкновения я намеренно включаю в один период революцию 1789—1794 годов, Империю, Реставрацию и Июльскую монархию, ибо эти периоды вытекают один из другого, образуя весьма показательную цепочку: финансы в эту пору отступают на второй план, а банки, продолжая оставаться банками, занимают одновременно и территорию, оставленную соперниками, иначе говоря, сближаются с государством, начинают служить ему. Однако, по сути, они продолжают оставаться независимыми и этой ценой сохраняют свободу маневра.

Революционные события повлияли на положение дел больше, чем обычно считается. Во-первых, они расчистили почву. Во-вторых, они охраняли завоеванное и созидали новое. Наконец, они стали отборочными испытаниями для тех банков, которые, несмотря ни на что, работали в полную силу или хотя бы в полсилы.

Революция вымела вон все старое: в этом заключалась ее если не заслуга, то, во всяком случае, роль; отменив косвенные налоги (которые, впрочем, скоро были восстановлены на практике), собирая с грехом пополам или вовсе не собирая налоги прямые, представители государства разрушили существовавшую прежде систему. Тем самым они очень скоро обрекли себя на печатание ассигнатов и территориальных мандатов.

Спешное восстановление порядка стало одной из первых задач Консульства в конце 1799 года. Именно тогда была создана специальная администрация: на вершине министерство финансов (сосредоточивающее в своих руках все доходы государства) и государственное казначейство, отвечающее за расходы. «Нынешняя Франция слишком велика, чтобы одного министерства финансов хватило на все! — говорил Бонапарт. — Вдобавок я должен быть уверен в том, что с французскими финансами все в порядке; один-единственный министр мне этой уверенности не даст»⁶²⁴. Меня, разумеется, приводит в восторг первая фраза: Франция слишком велика... Два министра возглавляли разветвленную бюрократическую систему, которую составляли сборщики налогов и ин-

спектора, назначенные государством и обязанные вносить каждый за себя значительный денежный залог. Несмотря на обновление системы, многие должности достались людям, подвизавшимся на той же ниве и до революции. Генеральным сборщикам назначались сроки, по истечении которых они были обязаны сдать все собранное центральной власти, причем за ними закреплялось право (вызывающее в памяти генеральных сборщиков дореволюционных времен) до окончания назначенного срока размещать деньги по собственному усмотрению. Какой соблазн для Казначейства — обратиться к ним за ссудами! Однако со старой системой откупов было покончено навсегда.

Однако разрушение шло параллельно с сохранением, обновлением, защитой. Создавая в 1800 году Французский банк, Консульство намеревалось взять под защиту банки и торговлю, имевшие в этом большую нужду. По сути, речь шла о преобразовании Кассы взаимных расчетов (*Caisse des comptes courants*) — командитного товарищества, созданного группой банкиров и действовавшего не слишком удачно; произошло это преобразование 24 плювиоза VIII года — 13 февраля 1800 года. Новый банк три года спустя получил исключительную привилегию на выпуск билетов; билеты эти представляли собою весьма крупные купюры, из чего мы можем заключить, что вначале — да и впоследствии — новый банк служил не столько государству, сколько богатейшим деловым людям. «Создавался он, — отмечает Бертран Жилль, — как своего рода общество взаимного страхования [к услугам богачей]. В самом деле, цена акций — 5000 франков — сразу выключала из игры мелких торговцев». Банк принадлежал банкирам, которые и были, по большей части, первыми его управляющими: Перье, Робийяру, Перрего, Малле, Лекульте, Рекамье, Жермену... Впрочем, среди них было все-таки несколько негодичантов и один нотариус. Не шокировал ли наследников революции тот факт, что подобный банк больше чем наполовину принадлежал представителям частного сектора? По правде говоря, поскольку старая система финансов оказалась выведена из строя, никакого другого решения предложить было нельзя. Зато для зачинателей дела оно стало настоящим золотым дном. Двери нового заведения впервые открылись 20 февраля 1800 года ⁶²⁵.

В эпоху Консульства и Империи Французский банк помог торговцам и парижским, а подчас даже и провинциальным банкам разрешить многие из встававших перед ними проблем. Он играл тройную роль: был одновременно банком депозитным, учетным и эмиссионным. С самого начала его владельцы вели себя очень осторожно, и позже осторожность также оставалась главным законом их деятельности. Учет векселей

производился лишь при наличии трех подписей и не раньше, чем за три месяца до срока. Тем не менее при необходимости Французский банк помогал фирмам с хорошей репутацией, если они попадали в затруднительное положение; помогал он и государству, если оно испытывало недостаток в средствах, однако государство не имело права распоряжаться банком по-хозяйски. Одним словом, то было заведение высокого полета. Такого высокого, что кризисы 1803, 1806 и даже 1810 годов на нем нисколько не отразились. Чего нельзя сказать о парижских банкирах.

Я уже писал, что в периоды подъема банковский сектор развивается быстрее, чем торговля, также находящаяся на подъеме, промышленность же и сельское хозяйство следуют за ними на почтительном расстоянии. Напротив, при упадке или застое сельское хозяйство продолжает, хотя и очень медленно, двигаться вперед, промышленность также развивается, торговля же стремительно отступает назад и увлекает за собой кредит, иначе говоря, банки. Примерно так обстояли дела с 1789 по 1815 год. Тем не менее главные парижские банки — назовем среди них банк Перрего, таинственного «банкира Комитета общественного спасения» — пережили нелегкую революционную пору без особенных затруднений⁶²⁶. В столь страшные времена разумнее всего было, конечно, затаиться, вести себя скромно: «Именно такую политику вели банкиры Малле: в 1788 году их капитал исчисляли 800 000 ливрами, в 1792 году — 525 000 ливрами, в 1794—240 000, а в славную пору ассигнатов свелся к нулю...»⁶²⁷ Они вкладывали большие средства в недвижимость, в землю. Банкиры Перье также приобрели большие поместья и долю в Анзенских рудниках. Воцарение Бонапарта и надежды на сильную власть ненадолго оживили банковскую деятельность. Однако разрыв Амьенского мирного договора и последовавшие за ним в 1803, 1806 и 1810 годах кризисы и разорения нанесли парижским банкам жестокие удары, от которых они оправались лишь в эпоху Реставрации⁶²⁸.

Итак, ни Консульство, ни Империя не благоприятствовали развитию кредита. Говоря сегодняшним языком, можно сказать, что в тот период господствовал стиль *retro*. И это было бы довольно справедливо. Разве великий делец Габриэль Уврар не исполнял при Наполеоне старинную роль купца-банкира? Он спекулировал на государственных имуществах, на колониальных товарах, на армейских поставках, на массовых закупках хлеба в Голландии и Англии во время голода 1801 года; в 1804 году он снабжал провиантом Испанию, которой грозил голод, и получал за это плату в Мексике, в Новой Испании, откуда

серебро доставлялось в Европу на английских кораблях. Увар был гений⁶²⁹, однако разве не был он человеком из прошлого — человеком, который любит роскошь, не боится рисковать, при необходимости без малейшего раскаяния нарушает свои обязательства?

В 1815 году положение Франции было очень тяжелым. Даже если барон Дюпен слегка сгустил краски, подведенные им итоги недалеки от истины⁶³⁰: два миллиона мобилизованных, один миллион погибших, 700 000 ветеранов, нуждающихся в устройстве, два нашествия чужеземных армий, и в результате полтора миллиарда убытков, а затем иностранная оккупация до 1817 года, потребовавшая еще стольких же затрат... Однако жизнь берет свое; сельское хозяйство, промышленность, торговля начинают развиваться... Снова, как и всегда, мир, пришедший на смену войне, оказывается прекрасным лекарем. Все приходит в движение, некоторые передовые секторы экономики: финансовые операции, коммерческие общества, новые отрасли металлургической и химической промышленности, лионские общества газового освещения, каналы, пароходы, железные дороги — обновляются сами и приближают обновление других сфер... «Ежедневно мы видим, — отмечает экономист Адольф Бланки, — как исчезают маленькие мастерские, домашние ремесла, уединенный труд. Промышленность развивается на огромных заводах, похожих на казармы или монастыри, оборудованных внушительным инвентарем, обслуживаемых мощнейшими моторами»⁶³¹. Стиль у этого пассажи чуть-чуть выпрепный, однако разве не вправе были современники восхищаться достижениями своей эпохи, которые бесспорно ознаменовали начало новой эры? Прогресс пронизывает все сферы жизни, особенно благодаря железным дорогам, строительству которых способствовало принятие закона 1842 года.

А поскольку для решения столь грандиозных задач необходимы деньги и еще раз деньги, кредит и еще раз кредит, на сцену выходят акционерные общества, юридическая основа которых была определена еще в 1807 году; в 1825—1837 годах на 1039 командитных товариществ (в целом 1,2 миллиарда капитала) приходится всего 157 акционерных обществ (с капиталом 393 миллиона). Но это только начало: не все сразу... Акционерное общество, затевая крупные дела, предоставляет всю власть немногочисленному административному совету; эти привилегированные акционеры наживаются за счет акционеров мелких, то есть налицо, вне всякого сомнения, эксплуатация высшим этажом этажей низших, но что, собственно говоря, в этом нового? Сила старых правил функционирования общества, залог их бессмертия — в том, что они постоянно приспосабливаются к новым обстоятельствам. И на сей раз,

хотя на верхних уровнях экономики совершаются заметные изменения, ничего совершенно нового, в сущности, не происходит. Акционерные общества, упомянутые в законе о торговле 1807 года, существовали в потенции еще прежде, чем получили реальное распространение. Сходным образом подъем банков намечался уже много лет назад. Быстрое возрождение банков после упадка в эпоху революции и трудной полосы во времена Империи происходит не столько благодаря созданию новых заведений (которые, как правило, оказывались весьма недолговечны), сколько благодаря возвращению в строй старых банкирских домов, добрая треть которых действовала еще при Старом порядке⁶³². Если после революции 1830 года, при Июльской монархии, банкиры, Казимир Перье и Жак Лаффит, оказываются в числе министров, то лишь потому, что большие банки очень быстро укрепили свои позиции. Они укрепят их еще сильнее при Второй империи и Третьей республике, когда поле их деятельности резко расширится.

Выражение «большие банки» оставалось в ходу до 1914 года, а возможно, и позже. Под ним подразумевались крупные и крепкие парижские банки, известные всей Франции и, больше того, вхожие в *интернациональные* финансовые круги. Владельцы этих банков, по большей части очень старых, — люди весьма влиятельные в экономической, общественной и политической жизни страны: Жак Лаффит (преемник Перрего), Оттингер (уроженец Цюриха), Гентш, Перье, Делессер, Фульд, Джеймс Ротшильд... В общей сложности двадцать — двадцать пять домов, из которых многие — иностранного происхождения. Но разве во всех известных нам случаях, с самых древних времен это не было неперменным условием, обязательным правилом? Для крупных дел необходимы связи с границей. В 1820 году пятеро сыновей Мейера Ансельма Ротшильда разлетаются по миру: Ансельм устраивается во Франкфурте, Соломон в Вене, Натан в Лондоне, Карл в Неаполе, Джеймс в Париже; они наблюдают за Европой, создавшей условия для их поразительного взлета, и используют ее в своей игре. При этом, в соответствии с не менее старинным правилом, они занимаются всеми делами сразу: денежными вкладами, учетом векселей, переводом денег, государственными займами, посредническими операциями большого масштаба, связанными с крупной торговлей. Джеймс, живущий в Париже, «для осуществления своих крупных финансовых операций содержит доки в Гавре, снаряжает в плавание корабли, является едва ли не единственным импортером чая во Францию, покупает большие партии льна, зерновых и шелка»⁶³³. Казимир Перье, который в течение недолгого периода был первым министром Луи Филиппа и погиб от холеры

в 1832 году, на пороге удачной политической карьеры, «занимается всем: оснасткой и фрахтом судов, банковским делом, спекуляцией на недвижимости, долговыми обязательствами государства и частных лиц, заводами литейными, стекольными и сахарными, мыловарением и помолом зерна — и все это в большом масштабе». Короче говоря, банкиры эти остаются больше чем наполовину негоциантами и промышленниками.

С другой стороны, Джеймс Ротшильд, благодаря своим прекрасным отношениям с королем Луи Филиппом, тесно связан и с государственными финансами. Постепенно он присваивает себе почти монопольное право на размещение государственных займов. Операция производится по старинным правилам, тем, что были приняты в Амстердаме еще в XVIII веке. Роль банкира в этом случае состоит в том, чтобы предоставить государству общую сумму займа еще прежде его объявления, купить у него ценные бумаги, естественно, ниже номинала. Государство предпочтет того, кто согласится на самые низкие проценты. После того, как ценные бумаги будут по номиналу проданы публике, начнется другая игра: добиться повышения их котировки на Бирже и продать по высокой цене те бумаги, которые банкир придержал, оставил при себе. Снова перед нами старые уловки, которые «сулят огромные барышни задешево и без большого риска»⁶³⁴. С этих пор банкир сближается с государством, слова «финансы», «финансист» теряют то специальное значение, какое имели прежде.

Но так ли бездейтельно, слабо, как кажется, само государство? Во всяком случае, после февральских событий 1848 года, которых деловой мир не мог предвидеть, правила игры изменятся. Вторая республика — время бурное, тяжелое, неблагоприятное для «космополитического финансового мира». Банк Хоупа даже перебрался ни больше ни меньше как в Англию. Что же касается Джеймса Ротшильда, который в августе 1847 года взял подряд на большой (250 миллионов) заем, он столкнулся с такими трудностями, что был вынужден прервать эмиссию⁶³⁵. При Второй империи деловые круги и банки обрели второе дыхание, однако Ротшильд, по милости Фульда, был уже не так близок к властям, как во времена Луи Филиппа. Поэтому когда в 1854 году министр финансов Бино искал, кому поручить размещение займа на сумму 250 миллионов (необходимых на ведение Крымской войны), он отказался от услуг Ротшильда и, поддавшись на уговоры двух других финансистов, Дассье и Миреса, решил разместить этот заем среди публики *без посредников*, объявив общенациональную подписку. Затея увенчалась полным успехом, заем был размещен за несколько дней, и «Наполеон III с удовлетворением узнал результаты „всеобщего голосования капиталов“». Для

больших банков, чьей квазимонополии пришел конец, то был жестокий удар»⁶³⁶. Государство снова прибрало к рукам своим займы — что, заметим кстати, довольно часто происходило при Старом порядке. Впрочем, это не помешало ему еще раз прибегнуть к помощи больших банков во главе с Альфонсом Ротшильдом для размещения займа на сумму 5 миллиардов — эту сумму необходимо было уплатить победителям после разгрома 1870 года⁶³⁷.

Как бы там ни было, аристократия финансового мира не имела недостатка в компенсациях за утрату прежних привилегий. Ибо, выйдя из довольно глубокого кризиса 1846—1848 годов, Франция, а одновременно с ней и Европа вступают в период непрерывной эйфории. Вся европейская экономика находится в состоянии подъема. Быть может, этому способствовало открытие золотых рудников в Калифорнии и Австралии (1848 и 1851 годы), откуда в Европу стало поступать огромное количество золота — «за двадцать лет почти столько же, сколько было добыто начиная с XVI века»⁶³⁸? Франция получила за десять лет 3 миллиарда 380 миллионов золотого металла и, напротив, потеряла 1 миллиард 100 миллионов серебра, которое, в связи с нуждами нашей торговли с заморскими странами, перекочевало на Дальний Восток. Дело дошло до того, что в 1861 году в 80 департаментах недоставало пятифранковых монет и мелочи⁶³⁹. Золотые рудники и железные дороги — «вот два источника промышленного и коммерческого процветания Европы» — так писали в 1865 году.

Между тем железные дороги, пользовавшиеся с 1842 года особым покровительством властей, были одновременно одной из излюбленных сфер деятельности больших банков. Банкиры брали на себя сбор миллиардов, необходимых для прокладки новых линий, выпуская облигации, обеспеченные государством. Ни сами они, ни их конкуренты ничего на этом не теряли. Эти грандиозные предприятия отвлекли банки от крупной торговли, зато укрепили их связь, довольно тесную начиная с 1820-х годов, с промышленностью, рудниками, металлургией и такой сравнительно новой сферой, как страхование.

Тем не менее кризис 1846—1848 годов показал недостаточную развитость кредита во Франции и серьезную несбалансированность этой сферы. Основная банковская деятельность и учет векселей еще в 1840 году производятся в основном только в Париже, где обслуживают только крупную торговлю с границей. Напротив, провинция, национальные торговые центры и сельскохозяйственные области пребывают в запустении⁶⁴⁰. Парижские дельцы сознательно затрудняют включение провинции в сферу их собственной кредитной и учетной деятельности,

опасаясь, что провинциалы заполняют рынок товарами и, «составив конкуренцию людям, вот уже сорок или пятьдесят лет занимающим прочную позицию на рынке, быть может, даже разорят их» (эти размышления датируются 1840 годом)⁶⁴¹. Тем более противятся представители парижского делового мира созданию независимых провинциальных банков — противятся вполне успешно, поскольку для основания таких банков требуется предварительное разрешение Государственного совета. Итак, в течение первой половины века индустриализация повсюду, кроме тех областей, в которых были непосредственно заинтересованы парижские банковские круги, производилась исключительно подсобными средствами: предприятия и состоятельные клиенты помогали друг другу, соглашаясь, например, на отсрочки платежей или предоставляя краткосрочные ссуды. Так, в 1827 году эльзасскую текстильную промышленность финансировали гаврские импортеры хлопка и негоцианты из Парижа, Лиона, Базеля; в 1844 году 400 лионских фабрикантов использовали кредиты 70 местных фабрикантов шелка и 180 французских и иностранных комиссионеров. Однако этот краткосрочный кредит, предоставляемый торговцами, — вещь весьма ненадежная. В цепи случаются обрывы, происходят банкротства: именно это случилось в 1846—1848 годах⁶⁴². Длительное нарушение нормального развития экономики требовало принятия срочных мер.

В этих условиях через несколько дней после свержения Луи Филиппа, 8 марта 1848 года, временное правительство, обойдясь без предварительного разрешения Государственного совета, основало в Париже Национальный учетный банк с филиалами, устроенными по образцу центрального заведения, во всех крупных городах Франции⁶⁴³. С этого момента парижская твердыня пала, так что мощный финансовый и промышленный подъем, который начался после переворота, совершенного Наполеоном III (и чем-то напоминает наше Славное тридцатилетие, наступившее после 1945 года), сопровождался лихорадочной и беспорядочной «конкуренцией между банками и банкирами»⁶⁴⁴. Из созданных тогда заведений назовем некоторые, существующие и сегодня: «Земельный кредит» (Crédit Foncier), основанный, как и «Кредит движимости» (Crédit Mobilier), в 1852 году; «Промышленный и торговый кредит» (Crédit Industriel et Commercial), основанный в 1859 году; «Лионский кредит» (Crédit Lyonnais), основанный в 1863 году; «Генеральное общество» (Société générale), основанное в 1864 году... Историки утверждают, что после 1848-го, а точнее, после 1852 года, возникает банковская система нового типа, в игру вступает новое поколение, а банк ротшильдовского типа уходит в прошлое⁶⁴⁵. Вполне ли это справедливо?

Без сомнения, «большие банки», остающиеся, несмотря ни на что, семейными предприятиями, уступают в размахе коммерческим банкам и банкам с филиалами, таким, как «Лионский кредит» или «Генеральное общество», которые в конце концов приберут к рукам всю страну и все французские сбережения. Однако Леви-Лебуайе, специально исследовавший, как обстояли дела около 1860 года, приходит к выводу, что ни в распределении кредитов, ни в политике финансирования новые банки не изменили кардинально тех методов, какими пользовались старые частные банки⁶⁴⁶. Новизну вносила лишь децентрализация, оказывавшая самое благотворное воздействие, и общий объем национальной экономики. Следует ли, однако, «отождествлять развитие экономики и деятельность банков»⁶⁴⁷? Следует ли возлагать на банки ответственность за подъем в начале Второй империи и за спад темпов роста после 1860 года?

С другой стороны, мне кажется, что коммерческие или депозитные банки, подобно биржам, давним ярмаркам или менее давним рынкам, служат инструментами, средствами, роль которых меняется вместе с экономикой. Вправе ли мы сравнивать этих мастодонтов с крупными капиталистами, каких мы уже видели в Европе и каких еще увидим в Америке? Я хочу сказать, что центральную роль продолжают, возможно, играть именно эти последние. Не подлежит сомнению, что «большие банки» не остались в стороне от обновления банковской деятельности: как с 1800 до 1890 года их представители регулярно входили в совет Французского банка, так же при Второй империи они принимают участие в создании новых заведений: им принадлежат 20 процентов капитала «Земельного кредита», 50,5 процента «Кредита подвижности» (а также 8 из двенадцати мест в совете), 23 процента в «Генеральном обществе», и проч.⁶⁴⁸. Если наши коммерческие банки во второй половине XIX века бросаются на займы и дела, связанные с заграницей, если «Генеральное общество» ведет себя как капиталист прошлого, затевает рискованные предприятия в дальних странах, например в Латинской Америке, в Боливии, в Перу, — в этих бездонных пропастях, которые регулярно будут поглощать европейские деньги, — отчего они, несмотря на очевидные национальные корни, действуют именно так? По собственной воле или же оттого, что бок о бок с ними активно действуют «большие банки», владельцы которых оказывают на них влияние через административные советы, достигают высших уровней и закрепляются там?

На такие размышления наводит блестящая статья Жана Бувье, который анализирует одновременно величину прибыли и политику

французских банков после 1850 года⁶⁴⁹. Вплоть до начала Первой мировой войны все они, за исключением Французского банка и «Земельного кредита», остаются «заведениями чрезвычайно разносторонними» и рисковыми. Общий рост их прибыли (прерывавшийся двумя периодами застоя: в 1872—1882 и в 1893—1901 годах) объяснялся переориентацией их политики: значительное снижение процентной ставки и, следовательно, производительности капитала после 1873 года компенсировалось расширением кредитов для французской экономики, а уменьшение прибыли, получаемой на национальном рынке, — многообещающими крупномасштабными операциями на *рынке внешнем*. Между тем вдохновители этой политики, «финансовые группы, производящие крупнейшие операции на парижском рынке — прежде всего размещение иностранных займов, — включают в себя вплоть до 1914 года представителей частных „больших банков“, банков депозитных и коммерческих; все они действуют заодно». В таком случае, выходит, что «большие банки» прекратили задавать тон французскому банковскому делу в целом лишь после мировых войн?

Быть может, в части, посвященной обществу, я еще вернусь к этим проблемам. Ибо эта неповоротливая суперструктура — явление, значащее для нашей страны много больше, чем политические кризисы и внешние опасности, какими полна ее история.

Большое значение малого числа. Верхние этажи экономической жизни — это соединение власти, решимости, выгодных привилегий, оправданы они или нет, отвечают они или нет нашим нынешним представлениям о нравственности. Именно благодаря централизации, которая зачастую осуществлялась вслепую, эти преимущества достались группам относительно узким. Состав этих групп может меняться (хотя и не так значительно, как это обычно утверждают), но и новые избранники столь же немногочисленны, сколь и старые.

В Лионе на вершине процветания, около 1550 года, обменом валют и платежами на ярмарках занимаются 80 итальянских купеческих семейств. Когда новой *главной ярмаркой*, через которую проходит основной поток европейских денег, сделалась Пьяченца, все стало зависеть от шести десятков *banchieri*. Даниэль Дессер в своей недавней книге составил список «откупщиков», «дольщиков» и финансистов, помогавших Людовику XIV собирать налоги с его подданных и ссужавших его деньгами в счет грядущих сумм, полученных с налогоплательщиков. Этих значительных персон очень немного; с 1668 по 1715 год исследова-

тель насчитал в общей сложности 693 человека, подписавших контракты с королем. Если же выделить тех, кто подписали от 6 до 50 и более контрактов, останется всего 242 имени⁶⁵⁰. В большинстве своем эти «финансисты» — выходцы из «северной части страны, люди, рожденные к северу от линии, соединяющей Нант и Женеву» — вечного нашего перепутья⁶⁵¹. И все они поселяются в Париже — «центре финансовых дел»⁶⁵². Вскоре они возводят для себя на Вандомской площади роскошные особняки. Итак, централизация предполагает два неперемennых условия: малочисленность участников и единство места.

В этом узком мирке откупщиков Королевские откупа являются главным бастионом, пределом мечтаний. После 1680 года, когда был заключен арендный договор на имя Фоконне, генеральные откупщики получили право, внося аванс, взимать габель, эд *, ввозные и вывозные пошлины... Иначе говоря, косвенные налоги на огромную сумму. Историк, подробно исследовавший Королевские откупа, указывает, что «региональные различия [в XVIII веке в эту сферу триумфально ворвались уроженцы Лангедока] [...] здесь мало что значат, ибо генеральные откупщики выбирают себе невест из семейств других генеральных откупщиков, и эти брачные союзы заключаются систематически, так что в конце концов все эти семейства образуют две или три, если вообще не одну общую семью»⁶⁵³. Однако эта чрезвычайно узкая группа богачей, прообраз «суперкапиталистов», располагает целой армией подчиненных, разбросанных по всему королевству. «Откупа, — пишет Гудар в 1756 году, — отвлекли из деревень более пятидесяти тысяч граждан, большая часть которых могла бы оставаться земледельцами, а не превращаться в чиновников. Откупщики дают работу и платят лишь двадцати пяти тысячам чиновников; но [...] число граждан, связанных с Откупами, гораздо больше»⁶⁵⁴. В самом деле, следует учитывать, что генеральные откупщики сдавали право сбора некоторых повинностей сдаточным откупщикам (*sous-fermiers*), по отношению к которым вели себя точно так же, как монархическое государство вело себя по отношению к ним самим, и которые, если верить их нанимателям, были предметом наибольшей ненависти. Действительно, народная ярость обрушилась прежде всего на этих откупщиков более низкого уровня⁶⁵⁵.

Одним словом, в этом случае, чрезвычайно удобном для рассмотрения, особенное значение имеет существование у айсберга, от которого мы, по обыкновению, можем видеть только верхушку, огромной нижней

* Налог на соль; налог на розничную продажу вина (*примеч. ред.*).

части. Всякая могущественная группа опирается на нижестоящих слуг, подчиненных или рабов.

Выше я показал, каким образом чрезвычайно выгодная торговля с Левантом сосредоточивалась в нескольких руках. В Марселе, который в XVIII веке переживает пору расцвета и откуда корабли отплывают, вместе с судами из Сен-Мало, в Атлантический океан, а позже — на Антильские острова, имелось, по подсчетам Шарля Карьера, 80 негоциантов — опять-таки узкий мирок привилегированных особ. В Руане в 1779 году негоциантов насчитывалось всего 61 человек⁶⁵⁶. А разве парижские «большие банки» в эпоху Реставрации и позже не принадлежат от силы двум с половиной десяткам семей?

Это правило распространяется на гораздо более широкую сферу, чем видно по нашим примерам. Правило, похожее на закон — безнравственный, если вам угодно. Но безнравствен ли старый закон Мариотта? Быть может, обществу необходимы такие люди — повелевающие, призывающие к порядку? Как бы там ни было, нравится этот закон (а нравится он нам не может) или нет, он десятки раз проявляется и в других странах; мы не единственные, кто ему подчиняется.

Голландские регенты, хозяева городов и торговых компаний, долгое время подчиняют себе самую блестящую из европейских экономик⁶⁵⁷. Кадисом, в XVIII веке оживленнейшим из городов, единовластно правит Consulado Севильи, города, издавна могущественного и сохранившего свою власть. И вот 12 декабря 1702 года французский купец пишет: «Консульство [севильское] состоит из четырех — пяти частных лиц [баскских купцов], кои ведут торговлю в личных своих целях; флот выходит в море, когда им заблагорассудится, и возвращается в гавань, когда им будет угодно; есть у них свои люди в Индии [в Америке], кои получают все плоды [прибыль]. Говоря коротко, только эти пятеро и богатеют, а негоциантов для того обирают и разоряют»⁶⁵⁸.

Но если перед нами в самом деле закон, — проявляющийся в истории, как и в других гуманитарных науках, довольно редко, — то он должен действовать и в других секторах, связанных с деньгами. И действительно, все формы власти принадлежат меньшинствам, до такой степени могущественным, что они прокладывают себе путь среди тех, кто лишен привилегий, по собственной воле — и к собственной выгоде. Не будет ли здесь кстати вспомнить название книги Пьера Губера «Людовик XIV и двадцать миллионов французов»? Эти двадцать миллионов, разъединенные, разрозненные, оставляют Францию, то есть самих себя, свое добро и свой труд, в распоряжении узкой группы аристократов. Те, не торопясь, подчиняют себе двор. Признаюсь, что,

под влиянием моих учителей⁶⁵⁹, я долгое время различал в истории Старого порядка два этапа: сначала завоевание двора; затем — завоевание государственной власти. Став в 1614 году духовником королевы Анны Австрийской, кардинал де Ришелье сделал первый шаг — тот же, какой совершает новый депутат, попав в Бурбонский дворец. Скажу честно, что, хотя я и твердо уверен в правильности моей новой трактовки, я был удивлен, узнав, что Клод Фредерик Леви, авторитетнейший автор, превосходный знаток XVIII века, утверждает совершенно безоговорочно: «В последние годы царствования Людовика XIV реальной властью обладал не дряхлеющий монарх и не его набожная подруга, но семьи двух министров: Кольберы и Фелипо»⁶⁶⁰. Это — еще один штрих, объясняющий ту реакцию против Людовика XIV, какой стало Регентство. А также и немилость контролера финансов Демаре, «спасителя» монархии, находившейся на грани банкротства, — он был связан узами родства с названными семействами.

Оставим Францию и рассмотрим Англию в период наполеоновских войн; признаюсь, что я снова испытал удивление, когда прочел у полковника Пилле, проницательного наблюдателя, что в начале XIX века Англией *правил* десяток семейств. И что прославленный герцог Веллингтон был рядом с этими семействами лишь слугой, статистом, выскочкой. Выходит, что высшее, самое высшее общество руководит — явно или тайно — всеми действиями власти?

Даже история культуры, судя по всему, подчиняется правилу малого числа. Люсьен Февр считал, что у всякой эпохи имеется дюжина великих писателей и мыслителей, и если внимательно их прочесть, можно узнать в совершенстве все идеи их времени. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, вспомним Пляду или «философов» XVIII века, с Дидро во главе. А в живописи Бато-Лавуар*, Монпарнас, Барбизонский лес, берега Лузна... Если же обратиться к долгой истории религиозных движений, то здесь мы увидим меньшинства, терпящие поражение (Фенелон и его друзья), или меньшинства, которые имеют успех, но не добиваются победы: я с особым пристрастием читал и перечитывал «Пор-Руаяль» Сент-Бева...

Прерву, однако, эти путешествия во времени, которым смогу предаться в свое удовольствие в других разделах этой книги...

Я описал — но не обличил — капитализм, привольно обосновавшийся на вершине французской жизни. Капитализм, ставший заметным

* Бато-Лавуар — группа зданий в Париже, на Монмартре, разрушенная в 1970 году; в начале XX века — знаменитая артистическая колония (*примеч. ред.*).

лишь в конце изобильного на события XVIII столетия. Говоря совсем коротко, я нахожу, что он проник во французскую жизнь слишком поздно. Быть может, дело тут в его слабой развитости даже во времена Джеймса Ротшильда, а может быть, в том, что, начав бурно развиваться во второй половине XIX века, он слишком часто отдавал предпочтение перед Францией внешнему миру, за границе, колониям (вспомните дельные и обоснованные диатрибы Лизи). Как бы там ни было, мне кажется, что строптивая Франция не взяла пример с соседей, не прониклась в должной мере страстью к наживе, а без этого мотор капитализма заработать не может. Не в том ли очарование и несчастье Франции, что она, как говорится, не покорилась капитализму? Очарование, ибо она осталась непохожей на другие народы. Несчастье, ибо она не осознала свои возможности и богатства, не смогла включиться на равных в борьбу между сильными мира сего.

Франция — страна, где недостаточно капитализма? Да, пожалуй. Однако она же — страна, эксплуатируемая капиталистами? Да, без сомнения. Я мог бы доказать это, опираясь на факты нынешней истории. Но я ограничусь тем, что процитирую Себастьяна Мерсье, которого историки склонны считать журналистом, впрочем, мастерски владеющим пером и обладающим поразительной цепкостью взгляда. Однако и Мерсье случалось предаваться размышлениям. Послушайте, что он писал всего за несколько лет до Революции. Статья его называется «Капиталисты». «У народа, — пишет Мерсье, — больше нет денег; вот великое зло. То немного, что у него еще осталось, вытягивают с помощью адской игры под названием лотерея или посредством соблазнительных и потому особенно опасных займов, которые объявляются беспрестанно. В карманах у капиталистов и их приспешников находятся не меньше шести сотен миллионов. С этой-то массой денег они и вступают постоянно в борьбу против граждан королевства. Кошельки их заключили между собою союз, и названная сумма никогда не поступает в обращение. Она, если можно так выразиться, пребывает в застое, помогает наживать еще большее богатство, диктует законы, подавляет, губит любого соперника, не питает собою ни сельское хозяйство, ни промышленность, ни торговлю, ни даже искусства. Она используется для одной лишь спекуляции, она несет с собою гибель и потому, что сеет кругом пустоту, и потому, что втайне заставляет работать на себя всю нацию. Пройдет пять-шесть лет, и насильственным путем все деньги попадут в руки капиталистов, которые помогают друг другу поглощать всех, кто не принадлежит к их числу»⁶⁶¹.

ПОПЫТКА ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ

В первых двух книгах своего труда я попытался осмыслить еще и еще раз некоторые основополагающие реалии истории Франции — особенности ее пространства, число ее жителей, типы ее экономики...

По ходу работы я часто говорил себе, что, дойдя до конца, смогу заполнить пропуски и даже исправить некоторые замечания, грешащие приблизительностью. Человека, пишущего заключение, — а я перехожу к заключению, — чаще всего охватывают раскаяние, сомнения, неуверенность. Однако постепенно я пришел к выводу, что не стану менять картины, подсказанные и даже продиктованные моими наблюдениями. Я позволю себе самое большее несколько замечаний. Итак, перед вами не заключение, опровергающее основной текст, но просто краткий итог длинного сочинения. Бесспорное его преимущество в том, что внимание аше он займет ненадолго.

Разнообразие и единичность. Да, Франция разнообразна. Причем разнообразие ее явно, продолжительно, *структурно*. Вобан говорил даже о «разнообразии почвы во всех провинциях королевства»¹. Мишле, Люсьен Февр и многие другие говорили о том же — о разнообразии, которое раздробляет, разделяет, противопоставляет. Откуда же, однако, берется эта гетерогенность, эта пестрота, которую французы охотно объявляют главной характеристикой своей страны, но которую, пожалуй, напрасно считают единственной и неповторимой? В 1982 году, выступая в Геттингенском университете, я с чистой совестью говорил об этом ни на что не похожем разнообразии, доказывая тем самым, что всякому случается бестрепетно повторять общие места и уступать притязаниям — пусть невинным — своих соотечественников. После моей лекции завязалась дискуссия, и слушатели мои настойчиво и даже насмешливо указали мне, не покупившись на примеры, на то, что и Германия также весьма разнообразна. Впрочем, я это знал, как знал и то, что разнообразны также Италия, Испания, Польша, Англия. Следовательно, в поисках объяснения нужно было выйти за пределы французского шестиугольника, пусть даже разнообразие не везде проявляется с одинаковой силой.

Возможно, и во Франции и вне ее дело происходило следующим образом: очень маленькие человеческие сообщества, узкие доисторические общины захватывали то или иное пространство — разнообразное или нет, но желательное разнообразное, поскольку разнообразие ум-

ножало открывавшиеся возможности. Затем это пространство индивидуализировалось, приспособлялось к численности, орудиям труда, умениям, способам передвижения группы, которая, начав заниматься земледелием, отказывалась от кочевой жизни и обосновывалась на одном месте, однако постоянно покидала свои дома и отправлялась работать в садах и полях, а затем возвращалась назад. Это укоренение, эта адаптация определяют на века условия существования, которые всегда более или менее соответствуют этому первоначальному наброску. Итак, дерево пускает корни надолго.

Если принять это вполне правдоподобное объяснение, тогда получится, что решающим было влияние экономики и, больше того, что пространство с самого начала разделялось согласно правилам, изложенным фон Тюненом.

Существенно и другое: эти первоначальные группы и пространства не замкнуты. Испокон веков всякий узкий клочок земли имеет связи с внешним миром. В конечном свете внешнее пространство улавливает пространство внутреннее, которое, даже если его связи с соседями не слишком тесны, принуждено сохранять открытость, пусть даже самую незначительную. Такая трактовка избавляет от необходимости объяснять разнообразие одной лишь *природой*, которой отводится в этом случае роль чисто декоративная. Тут в дело снова вмешивается экономика: ведь никакая группа не может существовать замкнуто, ведь разнообразие притягивает к себе разнообразие, как положительный электрический заряд — отрицательный. Это можно наблюдать в чистом виде на примерах тех регионов, где обмен еще плохо налажен, где еще не установилась, не развернулась в полную силу связь деревни — городки — города: на западе Бурбоннэ или, еще лучше, в Веле, где в XIX веке связи завязываются, за неимением лучшего, на ярмарках, чаще всего «негородских» и представляющих собою «шумные массы людей, которые собираются на несколько дней под открытым небом, в местах, специально не оборудованных», как это происходило на «самых архаических ярмарках [...] в отдаленных районах Центрального Массива (Руэрг, Жеводан, Верхнее Виварэ) в эпоху традиционного крестьянства»². Имею ли я право принять эти очевидные факты прошлого за некое доказательство? Группы, мало связанные между собой, восполняют этот недостаток связей неким компенсационным взрывом — ярмаркой. Экономика утверждает таким образом свои права.

Однако хотя экономика и имеет решающее значение, много значат и другие факторы: способность жить в обществе (*sociabilité*), потребность в общении. Выезжая в городок или в город, крестьянин получает

возможность вырваться из привычного круга существования, совершить путешествие, покинуть мир, где он чаще всего остается наедине с собой. В городе его ждут шум, разговоры, новости, кабачок, где можно выпить со случайными собутыльниками. Трудность заключается в том, что все связанное с общением, поддается анализу гораздо хуже, чем все, что касается экономики. Формы общения проявляются не так явно. Мне кажется, что легче изучать их на материале отдельно стоящих жилищ, чем на примерах больших деревень, или, по крайней мере, что между деревушками, между хуторами, расположенными на солидном расстоянии один от другого, общение происходит более живо, а потребность в нем у жителей этих поселений более настоятельна. Единичность Франции рождается на уровне этих элементарных связей, в которых человек утверждает себя в качестве животного общественного. Однако здесь нет ничего похожего на пчелиный улей или муравейник. Человек останавливается, не доходя до этих тоталитарных вариантов.

Внешний мир — затруднение, постоянно напоминающее о себе. Я закончил главу «Франция — дитя географии?» рассказом о взятии Тулона в 1707 году. Неужели мне больше нечего было сказать? Франция имеет выход к морю и центральным областям континентальной Европы. Я остановился на границах, чтобы подчеркнуть их важность. Они имеют решающее значение для внутренней истории Франции. Однако они смотрят не только внутрь, но и наружу.

Я поторопился повторить, вслед за многими другими, что Франция упустила свой морской шанс, что она не овладела *Sea Power*, иначе говоря, скипетром мирового господства. В самом конце моего труда мне придется остановиться на этом подробнее. Но я бы мог, я бы должен был сразу сказать о том, какое огромное влияние оказывает на нас Европа, как она давит на нас, лепит нашу судьбу, подобно тому, как скульптор мнет пальцами гончарную глину. Европа присутствует в наших границах, как присутствует в них и весь мир.

Со времен Цезаря, если не раньше, вплоть до варварских нашествий V века, история Франции всегда была частью средиземноморской истории. То, что происходит на просторах Внутреннего моря, пусть даже очень далеко от берегов Франции, влияет на ее жизнь. Но после того как эпоха великих нашествий закончилась, гораздо большее значение приобрели связи Франции с Центральной и Восточной Европой. Признаюсь, что под воздействием моих путешествий и рождаемых ими иллюзий, я много думал о Европе, что начинается у берегов Соммы, Мааса или Рейна и простирается до Сибири и далекой Азии... Я думал о ней

тем более напряженно, что от Рейна до Польши часто видел пейзажи, напоминавшие пейзажи Лотарингии, где я провел свое детство. Те же группы деревень. Те же открытые поля. Те же зерновые культуры. Тот же трехпольный севооборот, та же конфигурация пашен. Если взглянуть на польские поля с самолета, можно увидеть, как они, длинные и узкие, врезаются в лесные массивы, пересекают их, словно удар хлыста. Они преследуют меня, как навязчивое воспоминание.

Если бы мне нужно было изобразить графически включенность Франции в мировую экономику, я нарисовал бы круг. В центре оказался бы Париж — что, безусловно, противоречит геометрии, ибо *настоящим* центром является Бурж, игравший главную роль в истории Франции лишь однажды, при Карле VII, да и очень недолго. На окружности я поместил бы крупные порты: Марсель, Бордо, Ла-Рошель, Нант, Сен-Мало, Руан, Дюнкерк, а внутри круга пограничные города: Лилль, Страсбург и, главное, Лион. Все эти города наполовину связаны с внутренними районами Франции, наполовину же зависят от соседних стран. Эта противоположность внешнего и внутреннего общеизвестна. Уже давно писали о существовании Испании периферической и Испании внутренней. Но, быть может, справедливее было бы говорить о некоем маятнике: преимущество отдается то внешнему, то внутреннему? Внутреннему, которое представляется нам расцветом XVIII века, а маркизу д'Аржансону казалось столь пустым, — быть может, оттого, что в ту пору французская жизнь слишком быстро смещается от центра к периферии.

Как бы там ни было, такая схема немедленно опровергает те схемы *миров-экономик*, где периферии располагаются под знаком отставания, бедности, угнетенности. Экономистам и историкам придется напрячь воображение, чтобы примирить подобные противоречия. Разве всякое разумно организованное сообщество не обречено действовать на собственных границах, дабы завоевать себе место в мировой экономике? Именно периферия связывает национальное с интернациональным.

Я вернусь к этим пугающе обширным проблемам в последней книге своего труда, которая будет называться «Франция вне Франции». Без сомнения, с моей стороны весьма предусмотрительно отложить это путешествие по земному шару на потом, а прежде покончить с исследованием столь же пугающей своими масштабами истории Франции — Франции внутри ее границ.

Но полезно уже теперь напомнить, что границы эти замкнуты отнюдь не наглухо. Будь они непроницаемы, Франция процветала бы — а впрочем, и страдала бы — куда меньше.

Переворот в жизни крестьянской Франции. Для меня это явление — самое захватывающее во вчерашней и даже в сегодняшней Франции. Без сомнения, совершились и другие трансформации, другие перевороты — они коснулись промышленности, городов, транспортных средств техники, науки... Больше того, мы знаем, что завтрашняя промышленность будет отличаться от сегодняшней, что перевороты в ней будут происходить бесконечно.

Я останавливаюсь более подробно на сельской Франции оттого, что уверен: если не произойдет каких-либо непредвиденных происшествий, например нефтяного кризиса, она долгое время будет оставаться такой, какой стала сегодня, пребывать в том равновесии, какого достигла. И это сегодняшнее равновесие нуждается в истолковании, сформулировать которое чрезвычайно трудно. Тем не менее, если сформулировать его верно и точно, оно объяснит — не полностью, но удовлетворительно — и другие перемены в жизни Франции.

Я не один раз писал о том, что старинная крестьянская Франция, Франция городков, деревень, деревушек, хуторов, не менялась до 1914, а может быть, и до 1945 года. После 1945 года она сделалась жертвой «славного тридцатилетия», того не имеющего себе равных подъема, которому суждено было продлиться до семидесятых годов и который, когда он начнется вновь, окажется, без сомнения, еще более созидательным и разрушительным, чем прежде.

Конечно, нельзя сказать, что до 1945 и даже до 1914 года французские деревни вовсе не развивались. Крестьяне осваивали новые земли, увеличивали объем производимой продукции, использовали новые методы, связанные, например, с употреблением удобрений, о постепенном вторжении которых в сельское хозяйство я уже писал; по меньшей мере с 1822 года совершенствовалась конструкция плугов, а позже появился целый ряд очень полезных машин: керосиновые молотилки, косилки, жнейки-сноповязалки.

Больше того — деталь еще более знаменательная — в начале XX века начинает исчезать такая категория, как обнищавшие крестьяне, нередко превращающиеся в бродяг и представляющие немалую опасность. Именно в эту пору притяжение, исходящее от городов, постепенно освобождает деревни от недуга, который прежде считался неизлечимым, — «кочевого» населения. Разумеется, области менее развитые оздоравливаются позже других. В 1907 году³ генеральный совет департамента Ньевр обличал «бродяг, которые скитаются по дорогам, живут грабежом, терроризируют население деревень, а зачастую становятся причиной скандалов и в городах», а также являются переносчиками

заразных болезней. Сходным образом материалы судебных процессов, проходивших в такой нищей местности, как Жеводан, сообщают со всеми подробностями о многочисленных случаях воровства и насилия, в которых постоянно уличали бродяг «до тех пор, пока они не покинули окончательно департамент [Лозер] и не поселились в городе, а это произошло в 1910-х годах»⁴.

В список перемен следует включить также умножение числа крупных собственников, которые появились во Франции еще до 1789 года — например, в окрестностях Парижа, — и олицетворяли вторжение в наши деревни активного капитализма.

Все эти потрясения постепенно привели старинную крестьянскую экономику к катастрофе. Я полагаю, что решающим (потому что оно произошло последним, а также и по многим другим причинам) стало появление трактора — подвижного механизма, способного тащить за собою самый сложный плуг, огромный комбайн (целый передвижной завод), телеги, груженные снопами или предварительно утрамбованными кубами сена или соломы. Укрупнение земельного хозяйства, увеличение площади, которую может обработать одна крестьянская семья, — все это стало возможным благодаря трактору. В противном случае, каким образом можно было бы хотя бы вспахать те бескрайние поля, какими богаты многие сельские местности? Конечно, еще в 1913 году французские колонисты в Алжире пахали с помощью множества плугов и упряжек разом. Однако очень скоро и в Алжире в ход пошли тракторы, работавшие не только днем, но и ночью, при включенных фарах. Крестьянской Франции такая стремительность была еще чужда. Она усвоила эту скорость лишь после 1945 года. Упряжки — лошадей или быков — во многих местах исчезли полностью. Когда я в последний раз был в моей родной деревне на берегу Мааса, там оставалась всего одна лошадь, жившая у одного из моих пожилых кузенов как бы на пенсии. Ускорение обменов между областями способствовало расцвету одних, уже и прежде находившихся на подъеме, и погрузило других, и без того более бедных, в полное запустение. Обезлюдевшая, покинутая Франция разрослась сама собой, отдав себя во власть кустарников и кабанов...

Не стану больше рассуждать о том, как резко переверотилась крестьянская жизнь после 1945 года. Крестьянство, испокон веков разнообразное, изменялось, как нетрудно убедиться, также по-разному.

Меня интересует, мне поистине не дает покоя другая сторона этой проблемы, этих проблем. Почему переверот совершился так поздно? Очевидно, что для ответа на этот вопрос следует рассмотреть всю

экономику в целом. Однако нельзя ли сразу сказать, что одной из причин было то простое обстоятельство, что крестьянская жизнь долгое время придавала жизни населения, безусловно чересчур многочисленного, некое равновесие? Возле Серре, в одичавшем Аспре, где бесплодные пустоши заросли колючим кустарником, неприхотливым дроком и дровидным вереском, «равновесие,— пишет мне 20 января 1985 года Адриенна Казей,— основанное на почти полном самообеспечении и чрезвычайно незначительном вмешательстве рынка, больше похожем на меновую торговлю, чем на отношения импорта-экспорта, окончательно нарушилось около 1950 года». Население сдалось, оставив родные места, подобно тому, как оставляют во время войны позицию, которую уже невозможно защищать. Раньше, однако, позиция защищала себя сама. Крестьяне в Аспре жили бедно, трудно — но не нищенствовали, вовсе нет. Как говорил в шутку, но очень точно, один мой друг, выходец из крестьянской семьи, родившийся в 1899 году: «У нас всего было вдоволь, кроме денег...»

Я полагаю, что историки слишком охотно принимали на веру крестьянские жалобы. Быть может, они добровольно, сознательно стали жертвой некоего *мизерабилизма* *.

Надежные свидетельства об этом сносном равновесии, где бы оно ни наблюдалось, весьма редки. Я расспрашивал многих моих ровесников, которые, по крайней мере в детстве, застали эту Францию, столь отличную от нынешней. Конечно, если бы вы оказались в крестьянском доме времен Раймона Пуанкаре, вас охватили бы горькие раздумья. Сельский труд был тяжек, бесконечен, несмотря на мнимую свободу: выбор у людей имелся, однако то был выбор между обязанностями равно утомительными... И все-таки в своем кругу крестьяне ни на что не жаловались. Ни на необходимость ходить за водой к собственному колодцу или к общему роднику, ни на скверное освещение по вечерам (электричества в деревнях не было), ни на изношенность редко обновляемой одежды, ни на отсутствие городских удобств и развлечений. Еды у всех было вдоволь благодаря умело возвращенному саду и полям, где прижилась картошка, благодаря домашнему консервированию овощей и фруктов, мясу от мясника по воскресеньям и кормилице-свинье, чье мясо шло не на продажу, а на обед ее же хозяевам. Можно ли верить моей детской памяти? Или воспоминаниям Жана Пти о его родной горной Бургундии до 1914 года? Или тому, что помнит Мишель Сажелоли, бывший мэр Серре и бывший председатель генерального совета

* Отражение в искусстве самых отталкивающих сторон жизни (*примеч. ред.*).

департамента Восточные Пиренеи? Или рассказам того преподавателя философии, который, как и я, вырос в Лотарингии?

Оставим вопрос открытым. До тех пор, пока у меня не появится более обширной информации, я буду считать, что старинная крестьянская Франция выжила благодаря своему трудолюбию, своей мудрости и относительному достатку, каким пользовались ее жители в стране в общем процветающей. Я мог бы, пожалуй, упрекнуть себя в том, что размышляю об этой Франции не без грусти: ведь поддержание старинного равновесия ретроспективно, с точки зрения логики и здравого смысла, не может не казаться решением, для той поры весьма разумным. Я не убежден, что сегодняшнее сельское хозяйство, развивающееся в том направлении, в каком влекут его техника и эволюция нравов, *езде* может быть названо устроенным разумно. Пусть сегодня крестьяне обрабатывают наилучшие земли, покидая другие, не столь замечательные, производительность их труда все равно, как и прежде, зависит от выпавшего им на долю пространства. Я получил большое удовольствие, когда читал некоторые романы — естественно, не слишком точные — из крестьянской жизни («Суп с дикими травами» Эмили Карль, переносящий нас в Морьенские Альпы; «Возвращение в Малавей» Клода Курше), стремясь отыскать в них беспристрастные свидетельства о крестьянской Франции вчера и сегодня. И вот, признаюсь, внимание мое привлекли некоторые фразы, растрогавшие меня именно своей точностью: «Прежде ты мог свести концы с концами, работая на самого себя. Теперь каждый месяц приходится что-то выплачивать. Стоит раз начать — уже не остановишься. Как кончишь выплачивать за трактор, ему уже место на свалке. В конце концов выходит, что ты работаешь на «Сельскохозяйственный кредит». Я могу продолжить: давным-давно ты работал на сеньора. Потом — на хозяина. Вчера и сегодня ты работал и работаешь на государство и банки. «Те, что в банке,— продолжает Клод Курше,— они в порядке. Они открывают конторы повсюду... Перемен много, а по сути все одно и то же. Пашут землю одни, а доход идет другим». Быть может, нынешняя, новая Франция не так уж и нова.

Большая временная протяженность. Я надеюсь, что читатель, дошедший до этого места, уже привык к тому языку, каким пишется история большой протяженности. Постичь с помощью этого языка глубинный смысл истории, по воле которой одна Франция сменяла другую,— прекрасная цель, и в следующих книгах моего труда я продолжу эти попытки докопаться до подземных вод; речь там пойдет

о государстве, о культуре, об обществе, о Франции в ее отношениях с внешним миром...

Что же до «большой протяженности», на ум сразу приходит множество образов, способных пояснить, что же это такое. Лучше было бы обойтись без них. Однако они нас преследуют. Даже телевидение подбрасывает материал для сравнений: снятые рапидом трагические события в Заире, фантастические экспедиции спелеологов, погружения на морское дно... Умоляю, однако, не говорить мне ничего в связи с глубокой историей о «морской зыби». Мне, напротив, представляется огромная и почти неподвижная водная поверхность, по которой корабли прокладывают путь самостоятельно. Для того, чтобы в этой водной глади что-то изменилось, нужны столетия, но она неумолимо увлекает за собою и легкие суденышки нашей жизни, и гордые корабли большой истории. Вот почему существует, вне всякого сомнения, непрерывность некоей неспешной истории, постоянство похожего, монотонное повторение, реакции, которые легко предвидеть, ибо они всегда или почти всегда одни и те же...

Случаются, разумеется, сломы, разрывы, но они никогда не разрывают всю толщу истории надвое. Таким образом, история большой протяженности — некий ориентир, помогающий не судить ни одну из судеб, но находить ей место и объяснение. Такая история, если я не ошибаюсь, позволяет отличать главное от второстепенного. Подойти к истории Франции с новыми мерками, сделать ее богаче. Попытаться понять, чем *мог бы* стать ответ на вопрос: что такое Франция? Наконец, эта история, которая пришла издалека и будет еще долго идти вперед по ровной дороге, заново ставит все старые вопросы. Разве не ограничивает она (я не говорю: отменяет) и свободу, и ответственность людей? Ибо не столько они творят историю, сколько история, и прежде всего она, творит их и тем самым их оправдывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ Thorner D. L'économie paysanne. Concept pour l'histoire économique. // Annales E. S. C., mai-juin 1964, № 3, P. 417—432.
- ² Chevalier L. Les Paysans, étude d'histoire et d'économie rurale, 1947. P. 223—224.
- ³ Thorner D. Art. cit. P. 418.
- ⁴ Lullin de Chateauevieux F. Voyages agronomiques en France. 1843, I. P. 40 sq.
- ⁵ Parodi M. L'Économie et la société française de depuis 1945. 1981. P. 81.
- ⁶ Halevi D. Visites aux paysans du Centre (1903—1934). 1935, rééd. au «Livres de poche», 1978.
- ⁷ Valran G. Misère et charité en Provence au XVIIIe siècle. 1899. P. 29.
- ⁸ Laffitte J. Цит. по: Charléty S. La Restauration. 19 // Lavisse E. Histoire de France contemporaine, IV. P. 307.
- ⁹ Laffitte J. Réflexions sur la réduction de la rente et sur l'état du crédit. 1824. P. 6.
- ¹⁰ A. N. F²⁰ 130.
- ¹¹ Corbin A. Archaïsme et modernité en Limousin au XIXe siècle (1845—1880). 1975, I. P. 58, note 31: «Ибо в 1866 году деревенские жители не знают выгребных ям».
- ¹² Kiener M.-C., Peyronnet J.-C. Quand Turgot régnait en Limousin: un tremplin vers le pouvoir. 1979. P. 32.
- ¹³ Лущить — разрыхлять верхний слой почвы для сохранения влаги и уничтожения сорняков.
- ¹⁴ Dufournet P. Une communauté agraire secrète et organise son territoire à Bassy (Haute Savoie). 1975. P. 551.
- ¹⁵ Brisebarre A.-M. Bergers des Cévennes. Histoire et ethnographie du monde pastoral et de la transhumance en Cévennes. 1978. P. 26.
- ¹⁶ Том I, глава II.
- ¹⁷ Fossier R. Le Moyen Age, II: l'Éveil de l'Europe. 1982. P. 292.
- ¹⁸ Duby G. La Société aux XI et XII siècles dans la région mâconnaise. 1971. P. 362.
- ¹⁹ Schneider J. Problèmes urbains dans la France médiévale // Actes du 100e Congrès national des Sociétés Savantes. 1977. P. 139.
- ²⁰ Poly J.-P. La Provence et la société féodale, 879—1166. 1976. P. 226—227.
- ²¹ Народное название червца — разновидности кошенили, живущей на зеленых южных дубах.

- ²² Poly J.-P. Op. cit. P. 231.
- ²³ Ammann H. Deutschland und die Tuchindustrie NordwestEuropas im Mittelalter // *Hansische Geschichtsblätter*. 1954. P. 8.
- ²⁴ Poly J.-P. Op. cit. P. 233—237 et 248—249.
- ²⁵ Duby G. Op. cit. P. 53.
- ²⁶ Ibid. P. 50.
- ²⁷ Ibid. P. 46—47.
- ²⁸ Ibid. P. 93.
- ²⁹ Ibid. P. 48.
- ³⁰ Ibid. P. 264—266.
- ³¹ Ibid. P. 275 sq.
- ³² Ibid. P. 309—310.
- ³³ Ibid. P. 316.
- ³⁴ Chedeville A. Chartres et ses campagnes, XI—XIII siècles. 1973. P. 434.
- ³⁵ Lamare Nicolas de. *Traité de la police...* 1710. T. 2. P. 727.
- ³⁶ Fossier R. Op. cit. T. 2. P. 285.
- ³⁷ Lombard-Jourdan A. Les foires aux origines des villes // *Francia: Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte*. 1983. T. 10. P. 483. Этот список взят из Сент-Обенского картулярия (Анже).
- ³⁸ Gay F.-P. *La Champagne du Berry*. 1967. P. 50.
- ³⁹ Devailly G. *Le Berry du X au milieu du XIII siècle*. 1973. P. 197.
- ⁴⁰ Ibid. P. 553.
- ⁴¹ Lamare N. de. Op. cit. T. 1. P. 539. 4 апреля 1502 года парижский городской голова запретил держать в городе голубей, гусей, кроликов и свиней.
- ⁴² Brackenhoffer E. *Voyage en France 1643—1644*. Ed. de 1925. P. 110.
- ⁴³ Pitié J. *Exode rural et migrations intérieures en France. L'exemple de la Vienne et du Poitou-Charentes*. 1971. P. 672.
- ⁴⁴ A. N., Y 10558 A.
- ⁴⁵ Corbin A. Op. cit. T. 1. p. 69.
- ⁴⁶ Lombard-Jourdan A. Op. cit. P. 441. «Сирия», или левантинские купцы, до конца VI в. привозили на Запад ценные восточные товары.
- ⁴⁷ Mulliez J. Du blé, «mal nécessaire». *Réflexions sur les progrès de l'agriculture de 1750 à 1850* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. T. XXVI. Janvier-mars 1979. P. 8.
- ⁴⁸ Так, относительно нашего обширного Юга см.: Higounet Ch. *Sources et problématique de l'histoire des campagnes* // *Actes du 100e Congrès National des Sociétés savantes*. 1979. P. 181 sq.
- ⁴⁹ Spengler O. *L'Homme et la technique*. 1958. P. 90.
- ⁵⁰ Jacob F. *La Logique du vivant. Une histoire de l'hérédité*. 1970. P. 261.
- ⁵¹ Marx K. *Economie et philosophie (manuscrits parisiens) (1844)* // *Oeuvres*. Bibl. de la Pléiade, 1968. T. 2. P. 62. (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 565).
- ⁵² Godelier M. *L'Idéal et le matériel. Pensée, économies, sociétés*. 1984. P. 9 sq.

- ⁵³ Malouet. Mémoires. 1868. Т. 1. P. 111.
- ⁵⁴ Dufournet P. Pour une archéologie du paysage. Une communauté agraire secrète et organise son territoire. Edition de sa thèse de 1975. 1978. P. 9.
- ⁵⁵ Georgelin J. Venise au siècle des Lumières. 1978. P. 14.
- ⁵⁶ A. N., F³⁰ 561, Dordogne.
- ⁵⁷ Bouton A. Le Maine. Histoire économique et sociale. XVII et XVIII siècles. L'administration de l'Ancien Régime. Ses classes sociales, ses misérables. 1962. P. 495; Molinier A. Stagnations et croissance. Le Vivarais aux XXII et XVIII siècles. 1985. P. 33.
- ⁵⁸ A. N., F¹⁰ 242, Aveyron, 1796.
- ⁵⁹ Gazette de France. 1772. 12 octobre. P. 378.
- ⁶⁰ Ibid. 1649. 16 janvier. P. 60.
- ⁶¹ Ibid. 1651. 21 janvier. P. 135.
- ⁶² A. N., G⁷ 521 (Тур, 30 июня 1693).
- ⁶³ A. N., F³⁰ 560. Tableau des pertes causées dans chaque département par les inondations, grèles, incendies, épizooties... de 1807 à 1810 et 1814 à 1819. В аналогичной таблице, содержащей данные за 1826—1835 годы, но отличающейся тем, что в нее включены сведения о заморозках, приводятся гораздо более высокие цифры (превышающие те, что даны в нашей таблице, более чем в три раза), но соотношение цифр такое же (больше всего опустошений производят град и пожары). Ibid.
- ⁶⁴ Voyage d'Angleterre, d'Hollande et de Flandre fait en l'année 1728, Victoria and Albert Museum, 86 NN 2, fol. 4.
- ⁶⁵ Histoire de la Champagne, publiée sous la direction de M. Crubellier. 1975. P. 204.
- ⁶⁶ Chapuis R. Une vallée franc-comtoise, la Haute-Loue. Etude de géographie humaine. 1958. P. 16—17.
- ⁶⁷ A. N., H 1517, 222—227.
- ⁶⁸ Dupin Ch. Le petit producteur français. 1827. Т. 3. P. 1—2.
- ⁶⁹ Lavergne Léonce de. Economie rurale de la France depuis 1789. 1877. P. 39.
- ⁷⁰ Pitié J. Op. cit. P. 672.
- ⁷¹ Ancillon J. Recueil journalier de ce qui s'est passé de plus mémorable dans la cité de Metz, pays messin et aux environs, de 1675 à 1684. 1866. P. 13.
- ⁷² A. N., G⁷ 293 (Монпелье, 16 апреля 1679). Речь идет об отце хранителя печати д'Ареццо.
- ⁷³ Stockalper Archiv, Brigue, Sch. 31, n° 2998.
- ⁷⁴ A. N., F¹⁰ 226, 1792.
- ⁷⁵ Arbos Ph. La Vie pastorale dans les Alpes françaises.. Etude de géographie humaine. 1923. P. 234.
- ⁷⁶ Pioger A. Le Fertois aux XVII et XVIII siècles. Histoire économique et sociale. 1973. P. 297.
- ⁷⁷ Darluc M. Histoire naturelle de la Provence. 1782. Т. 1. P. 129—130.
- ⁷⁸ Так называют в Провансе жителей области Гап и — шире — горцев, живущих в Альпах.

- ⁷⁹ A. N. F^{ic} V (I) Hérault, Séance du Conseil général du département, session de l'agriculture. An XII.
- ⁸⁰ Journal de Nicolas de Baye, greffier au Parlement de Paris, 1400—1417. P. p. A. Tuetey. 1885. T. 1. P. 211 (17 января 1408).
- ⁸¹ Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIII siècle. 1973. T. 1. P. 108.
- ⁸² Histoire de Marseille, publiée sous la direction d'Edouard Baratier. 1973. P. 151.
- ⁸³ Triger R. Observations agricoles et météorologiques sur les années remarquables de 1544 à 1789 dans la province du Maine... 1881. P. 4.
- ⁸⁴ Journal de Simon Le Marchand, bourgeois de Caen, 1610—1693. P. p. Gabriel Vanel. 1903. P. 166.
- ⁸⁵ Harmelle C. Les Piqués de l'aigle. Saint-Antonin et sa région (1850—1940), révolution des transports et changement social. 1982. P. 46.
- ⁸⁶ A. N., F^{ic} III Bouches-du-Rhône 7.
- ⁸⁷ A. N. F^{ic} III Aube 4 (19 ноября 1853).
- ⁸⁸ A. N., F^{ic} 6 Ardennes (27 февраля 1854).
- ⁸⁹ Rictus J. Les soliloques du pauvre. Ed. 1971. P. 9.
- ⁹⁰ По определению Собрания провинции Иль-де-Франс (Procès verba l... 1787. P. 245).
- ⁹¹ Sigalas P.-A. La Vie à Grasse en 1650. 1964. P. 86.
- ⁹² Lavoisier Antoine Laurent de. De la richesse territoriale du royaume de France // Collection des principaux économistes. 1847, Ed. 1966. T. XIV. P. 595.
- ⁹³ Corbin A. Op. cit. T. 1. P. 67.
- ⁹⁴ More T. L'Utopie, discours du très excellent homme Raphaël Aythloday sur la meilleure constitution d'une république, éd. de 1966. P. 81—82.
- ⁹⁵ Cantillon Richard de. Essai sur la nature du commerce en général. 1775. P. 97—98.
- ⁹⁶ Messance. Nouvelles Recherches sur la population de la France. 1788. P. 85.
- ⁹⁷ Lavergne L. de. Economie rurale de la France depuis 1789. 1860. P. 75
- ⁹⁸ Richard J.-M. La Vie privée dans une province de l'Ouest. Laval aux XVII et XVIII siècles. 1922. P. 5.
- ⁹⁹ Brackenhoffer E. Voyage en France, 1643—1644. Ed. de 1925. P. 111.
- ¹⁰⁰ A. N., F¹⁰ 295, 141; H 1517, 207—211.
- ¹⁰¹ Lamare N. de. Traité de la police. Op. cit., T. 1. P. 596. Ed. du 12 décembre 1697.
- ¹⁰² Julien-Labruyère F. Paysans Charentais. Histoire des campagnes d'Aunis, Saintonge et bas Angoumois. T. 1: Economie rurale. 1982. P. 218, note 1.
- ¹⁰³ Ibid. P. 269 et note 18.
- ¹⁰⁴ Poinot P. G. L'Ami des cultivateurs. 1806, T. 2. P. 39—41.
- ¹⁰⁵ Bouton A. Op. cit. P. 497—498.
- ¹⁰⁶ Arbos P. Op. cit. P. 196.
- ¹⁰⁷ Ibid P. 174.
- ¹⁰⁸ Gerdeaux A. Evolution de l'agriculture et métamorphoses des paysages de la Champagne Châlonnaise // Chalons, 2000 an d'histoire, mélanges d'histoire, de géographie, d'art et de tradition. 1980. P. 243.

- ¹⁰⁹ Arbos P. Op. cit. P. 173.
- ¹¹⁰ А. Н., Ф¹⁰ 212 АБ.
- ¹¹¹ Во время Революции в связи с уничтожением охотничьих заповедников количество дичи резко уменьшилось.
- ¹¹² Leroux A. Le Massif Central. Histoire d'une région de la France. 1898. Т. 2. P. 45; Molinier A. Stagnations et croissance... Op. cit. P. 179—180; Arbos P. Op. cit. P. 172—173.
- ¹¹³ Soulet J.-F. La Vie quotidienne dans les Pyrénées sous l'Ancien Régime, du XVI siècle au XVIII siècle. 1974. P. 84—85.
- ¹¹⁴ Bouton A. Op. cit. P. 502.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 501.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 502.
- ¹¹⁷ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV—XVIII siècles. 1979. I. P. 94. (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализма, XV—XVIII в. в. М., 1988. Т. 1. С. 132).
- ¹¹⁸ А. Н., F²⁰ 561.
- ¹¹⁹ А. Н., Н 1462, imprimé, 1785. P. 3.
- ¹²⁰ Brunet R. Les Campagnes Toulousaines. Etude géographique. 1965. P. 163.
- ¹²¹ Deffontaines P. Les Hommes et leurs travaux dans les pays de la Moyenne-Garonne (Agenais-Bas-Quercy). 1932. P. 220.
- ¹²² Heuzé G. La France agricole, Région du Sud ou région de l'olivier. 1868. P. 91.
- ¹²³ Pitié J. Op. cit. P. 307.
- ¹²⁴ Lavergne L. de. Op. cit. P. 387; Laurent R. Les Vignerons de la «Côte d'Or» au XIX siècle. 1958. P. 177.
- ¹²⁵ Aubrun M. La terre et les hommes d'une paroisse marchoise. Essai d'histoire régressive // Etudes rurales, janv.-sept. 1983. P. 252.
- ¹²⁶ Julien-Labruyère F. Op. cit. Т. 1. P. 224.
- ¹²⁷ Valmary P. Familles paysannes au XVIII siècle en Bas-Quercy. Etude démographique. 1965. P. 15—17.
- ¹²⁸ Réflexions d'un citoyen-propriétaire sur l'étendue de la contribution foncière et sa proportion avec le produit net territorial, converti en argent. 1792. P. 8; Lavoisier A. de. Op. cit.
- ¹²⁹ Annuaire statistique de l'INSEE, 58e volume. 1951. P. 119.
- ¹³⁰ Toutain J.-C. La Population de la France de 1700 à 1959 // Cahiers de l'ISEA. 1963. P. 54—55.
- ¹³¹ В XVIII веке, в пикардском финансово-податном округе Клермона вручную обрабатывают 1850 арпанов земли, плугами и сохами — 76 665 арпанов. Calonne A. de. De La Vie agricole sous l'Ancien Régime en Picardie et en Artois. 1883. P. 261.
- ¹³² Каши являются основной пищей жителей арьежских Пиренеев, каштаны — жителей Лимузена и Жеводана.
- ¹³³ Nougier L.-R. Géographie humaine préhistorique. Préface de Pierre Deffontaines. 1959. P. 8.
- ¹³⁴ Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Т. 1. 1952. P. 24.

- ¹³⁵ A. N., F¹⁰ 221 1.
- ¹³⁶ Pinto I. de. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771. P. 12.
- ¹³⁷ Англия, действительно, начиная с 1689 года поощряла экспорт премиями (bounties). Cp. Mathias P. *The first Industrial Nation*. 1969. P. 71.
- ¹³⁸ Chapelot J., Fossier R. *Le Village et la maison au Moyen Age*. 1980. P. 147.
- ¹³⁹ Toutain J.-C. *Le Produit de l'agriculture française de 1700 à 1958*. T. 1. Estimation du produit au XIX siècle // *Histoire quantitative de l'économie française*. Dir. J. Marczewski. Cahier de l'ISEA. Série AF. N° 1. 1961. Juillet. P. 23.
- ¹⁴⁰ D'Avenel G. *Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tout les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'e/ l'an 1800, 1894*. T. 1. P. 268.
- ¹⁴¹ Lavergne L. de. *Op. cit.* P. 402—403.
- ¹⁴² Bloch M. *Les Caractères originaux de l'histoire rurale française*, 1952. T. 1. P. 22.
- ¹⁴³ Mulliez J. Du blé, «mal nécessaire». *Op. cit.* P. 3—47.
- ¹⁴⁴ Так, в окрестностях Прада в 1859 году «клуба, пшеницу и рожь, обычно поливают три раза, то есть во время колошения, во время образования зерен и в начале июня, чтобы в земле сохранилось достаточно влаги до полного созревания колосьев. Бывают годы, когда приходится поливать четыре и даже пять раз». (Rapport bu sous-préfet de Prades, A. N., F^c III Pyrénées-Orientales 8 // *Documents d'histoire économique 1800—1914*, Service éducatif des Archives Départementales des Pyrénées-Orientales. 1974. P. 10).
- ¹⁴⁵ Lavergne L. de. *Op. cit.* P. 139.
- ¹⁴⁶ *Ibid.* P. 50.
- ¹⁴⁷ Le Pesant de Boisguillebert P. *Le Détail de la France*. 1697, réed. 1966. P. 253 et 254.
- ¹⁴⁸ D'Avenel G. *Histoire économique de la propriété*. *Op. cit.* 1894—1912, 6 volumes.
- ¹⁴⁹ *Ibid.* T. 1. P. 406.
- ¹⁵⁰ *Ibid.* T. 1. P. 394 et 405—407.
- ¹⁵¹ *Ibid.* T. 1. P. 275.
- ¹⁵² Москва, АВПРИ. 84/2. 418. P. 7 V°
- ¹⁵³ Strods H. *Die Einschränkung der Wolfsplage und die Viehzucht Lettlands*. 1970. P. 126—131.
- ¹⁵⁴ D'Avenel G. *Op. cit.* T. 1. P. 273.
- ¹⁵⁵ Lavergne L. de. *Op. cit.* P. 350.
- ¹⁵⁶ A. N., F¹¹ 2740.
- ¹⁵⁷ Julien-Labruyère F. *Op. cit.* T. 1. P. 479. Охотники различают животных, имеющих рыжую шкуру (зайцы, олени, лани), и животных, имеющих черную шкуру (волки, кабаны).
- ¹⁵⁸ Границы лесных владений обычно обозначали рвами, которые можно видеть до сих пор.
- ¹⁵⁹ Mateu A. *Un village gascon au temps de Louis XIV. Fals-en-Bruilhois ou la chronique de l'abbé Laplaigne*. 1978. P. 10, note 16.
- ¹⁶⁰ Lavergne L. de. *Op. cit.* P. 85.

- ¹⁶¹ Ibid. P. 75.
- ¹⁶² Menuret J.-J. *Mémoire sur la culture des jachères*. 1791. P. 28.
- ¹⁶³ Chapuis R. *Op. cit.* P. 65.
- ¹⁶⁴ Cressot J. *Le Pain au lièvre*. 1973. P. 65.
- ¹⁶⁵ Cointat M. *Tresques en Languedoc ou l'histoire vivante dans le Midi*. 1980. P. 263.
- ¹⁶⁶ A. N., H 1518. *Culture des gros navets*.
- ¹⁶⁷ Класс растений, в который входят однолетние и многолетние травы и кустарники (крапива, горец, спорыш, ревен, гречиха...)
- ¹⁶⁸ Menuret J.-J. *Op. cit.* P. 18—19.
- ¹⁶⁹ Chevalier M. *La Vie humaine dans les Pyrénées ariégeoises*. 1956. P. 217.
- ¹⁷⁰ Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*, 1966. Т. 1. P. 71.
- ¹⁷¹ Julien-Labruyère. *Op. cit.* Т. 1. P. 302.
- ¹⁷² Menuret J.-J. *Op. cit.* P. 28—29.
- ¹⁷³ Hartwell R. M. *The Industrial Revolution and Economic Growth*. 1971. P. 127.
- ¹⁷⁴ Kahane E. *Parmentier ou la dignité de la pomme de terre. Essai sur la famine*. 1978. P. 38—41.
- ¹⁷⁵ Braudel F. *Civilisation matérielle... Т. 1. P. 141.* (Бродель Ф. *Материальная цивилизация... Т. 1. С. 186*).
- ¹⁷⁶ Kahane E. *Op. cit.* P. 52—53.
- ¹⁷⁷ Ibid. P. 67, 73—75, 84, 91.
- ¹⁷⁸ Ibid. P. 74.
- ¹⁷⁹ A. N., F¹⁰ 242, 29 vendémiaire, an IV.
- ¹⁸⁰ Chéreau C. *Huillé, une paroisse rurale angevine de 1600 à 1836*. 1970. P. 120.
- ¹⁸¹ Menuret J.-J. *Op. cit.* P. 21—22.
- ¹⁸² Thuillier G. *Aspects de l'économie nivernaise au XIX siècle*. 1966. P. 17.
- ¹⁸³ В оригинале *margoter* или *marcotter* — разводить растение отводками.
- ¹⁸⁴ A. N., F¹⁰ 210, Libreville, 30 frimaire, an III.
- ¹⁸⁵ «Пар называется la jachère, или guéret (или еще: versaine, sombre, somart, cultivage, estivade, cotive)» — Sigaut F. *Pour une cartographie des assolements en France au début du XIX siècle // Annales E. S. C.* 1976. Т. 3. P. 633.
- ¹⁸⁶ Thuillier G. *Op. cit.* P. 52—53.
- ¹⁸⁷ Deleage A. *La Vie rurale en Bourgogne jusqu'au début du XI siècle*. 1941. Т. 1. P. 188.
- ¹⁸⁸ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVII siècle*. 1960. P. 169, note 81.
- ¹⁸⁹ A. N., H 1514, Alfort, Maisons et Créteil (14 июня 1786).
- ¹⁹⁰ Цит. по: Mulliez J. *Op. cit.* P. 7.
- ¹⁹¹ Chaptal J. A. C. *Chimie appliquée à l'agriculture*. 1823. Т. 1. P. XLVI.
- ¹⁹² *Histoire des faits économiques jusqu'au XVIII siècle*. Dir. par Besnier R. № 502, 1963—1964. P. 42.
- ¹⁹³ Ibid. 1962—1963. P. 63 sq.
- ¹⁹⁴ Julien-Labruyère F. *Op. cit.* Т. 1. P. 202.
- ¹⁹⁵ A. N., H 1515, n° 60.

- ¹⁹⁶ Labrousse E. L'expansion agricole: la montée de la production// Histoire économique et sociale de la France. Dir. par Braudel F. et Labrousse E. 1970. T. 2. P. 435—436.
- ¹⁹⁷ A. N., H 1514, Alfort, Maisons et Créteil.
- ¹⁹⁸ Déroger или desroyer — приводить в беспорядок (Dictionnaire de la langue française du XVI siècle).
- ¹⁹⁹ Labrousse E.// Histoire économique et sociale. Op. cit. T. 2. P. 436—437.
- ²⁰⁰ Bloch M. Op. cit. P. 215.
- ²⁰¹ О «несовместимости права пасти скот на неогороженном поле после сбора урожая и сеяных лугов» в Нижней Оверни см.: Poitrineau A. La Vie rurale en Basse-Auvergne au XVIII siècle. 1965. P. 243 sq.
- ²⁰² A. N., H 1514.
- ²⁰³ Procès-verbal de l'Assemblée Provinciale de l'Isle-de-France, séance du 15 décembre 1787. P. 370.
- ²⁰⁴ A. N., F¹⁰ 1576 (22 апреля 1836).
- ²⁰⁵ A. N., F^{1c} III Meuse 11 (25 июля 1861).
- ²⁰⁶ Lavergne L. de. Op. cit. P. 10—111.
- ²⁰⁷ Barral P. in: Le monde agricole// Histoire économique et sociale de la France. Dir. par Braudel F. et Labrousse E. 1979. T. 4. P. 359—360.
- ²⁰⁸ Le Roy Ladurie. Les Paysans de Languedoc. Op. cit. T. 1. P. 71.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 59.
- ²¹⁰ В 1700 году интенданты приходят к единому мнению, что провинции выращивают зерновые только для собственного потребления. (Toutain J.-C. Op. cit. T. 1. P. 4, note 5).
- ²¹¹ Главный населенный пункт кантона в департаменте Нор, в 19 километрах от Валансьенна.
- ²¹² Young A. Voyages en France, 1787, 1788, 1789. T. 2. Observations générales sur l'agriculture, l'industrie et le commerce. 1976. P. 549—550.
- ²¹³ Lavergne L. de. Op. cit. P. 73 sq.
- ²¹⁴ Ibid. P. 75.
- ²¹⁵ Le Bouvier dit Berry G. Le Livre de la description des pays... P. p. Hamy E. T. 1908. P. 30—31.
- ²¹⁶ A. N., F¹⁰ 212 A—B.
- ²¹⁷ Pesquidoux J. de. Chez nous. Travaux et jeux rustiques. 6e éd. 1921. P. 106.
- ²¹⁸ Plaisse A. La Baronnie du Neubourg. 1961. P. 193.
- ²¹⁹ Mulliez J. Op. cit. P. 40—41.
- ²²⁰ Adam P. Systèmes économiques et histoire. Essais sur la violence dans les guerres et la paix. 1980. P. 197 sq.
- ²²¹ A. N., F²⁰ 560.
- ²²² В 1835 году было произведено тридцать два миллиона кубометров древесины. Ibid.
- ²²³ Lavergne L. de. Op. cit. P. 95—96.
- ²²⁴ Ibid. P. 435.
- ²²⁵ Darluc M. Op. cit. T. 1. P. 263—264.

- ²²⁶ Statistiques de la France esquissées par Hubert, le long d'une période de 90 ans, 1785 à 1875. 1883. P. 20—21.
- ²²⁷ Bonnet P. La Commercialisation de la vie française du Premier Empire à nos jours. 1929. P. 93.
- ²²⁸ Mulliez J. Les Chevaux du royaume. Histoire de l'élevage du cheval et de la création des haras. 1983.
- ²²⁹ Имеются в виду пять тысяч старых фунтов, то есть около 450 кг.
- ²³⁰ A. N., N° 262, 10 janvier 1731.
- ²³¹ Savary des Brulons J. Dictionnaire universel de commerce, éd. 1759. T. 1. Col. 550.
- ²³² Tollemer A. Journal manuscrit du sire de Gouberville... Op. cit. P. 381—384.
- ²³³ Раньше слово *haras* означало одновременно и конный завод, и «жеребцов и кобыл, входящих в табун» (Словарь Литтре).
- ²³⁴ Tollemer A. Op. cit. P. 367—369.
- ²³⁵ A. N., F¹⁰ 222, Mémoire sur l'engrais des boeufs en Limousin et pays adjacents, février 1791.
- ²³⁶ A. N., F¹¹ 2740.
- ²³⁷ Planhol X. de. Essai sur la genèse du paysage rural de champs ouverts// Annales de l'Est. Actes du colloque international de Nancy, 2—7 septembre 1957. P. 418—419.
- ²³⁸ Ibid.
- ²³⁹ Leguai A. De la seigneurie à l'Etat. Le Bourbonnais pendant la guerre de Cent Ans. 1969. P. 20.
- ²⁴⁰ Hugo V. Les Pyrénées. Ed. Danièle Lamarque. 1984. P. 170.
- ²⁴¹ A. N., F¹⁰ 628, 1733.
- ²⁴² Tollemer A. Op. cit. P. 391—399.
- ²⁴³ «Опасный обычай деревенских жителей жить вместе со скотиной» стал причиной сокращения населения в департаменте Кот-дю-Нор в году IX. Ср.: Festy O. La situation de la population française d'après la session de l'an IX des conseils généraux de département// Revue d'histoire économique et sociale. 1954. P. 288; cf. aussi le rapport du Docteur Bagot, cité par Goubert J.-P. Maladies et médecins en Bretagne. Op. cit. P. 192—193.
- ²⁴⁴ Jacquet. Mémoire sur la statistique de l'arrondissement de Suze... An X. P. 9. P. p. Ch. Maurice. La Vie agricole au XVIIIe siècle dans l'ancien Ecarton d'Oulx. Réimpr. 1981.
- ²⁴⁵ Anglade J. La Vie quotidienne dans le Massif Central au XIXe siècle. 1971. P. 162.
- ²⁴⁶ Durival N. L. Description de la Lorraine et du Barrois. 1778. T. 1. P. 288—289.
- ²⁴⁷ Arbos P. Op. cit. P. 12 sq.
- ²⁴⁸ Ibid. P. 21.
- ²⁴⁹ Ruinart D. T. Voyage littéraire... en Lorraine et en Alsace. 1862. P. 50.
- ²⁵⁰ Nicolas J., Nicolas R. La Vie quotidienne en Savoie aux XVIIe et XVIIIe siècles. 1979. P. 21 sq.
- ²⁵¹ Ibid. P. 23.

- 252 A. N., F¹⁰ 222. Mémoire sur l'engrais des boeufs en Limousin et pays adjacents. Février 1791.
- 253 Mulliez J. Les Chevaux du royaume... Op. cit. P. 38—39.
- 254 Bertrand N. Colondannes, village creusois (1623—1802). 1975. P. 43.
- 255 Arbos P. Op. cit. P. 203.
- 256 Archives des Bouches-du-Rhône. Amirauté de Marseille. B IX, 14.
- 257 Jauffret M. Petite Ecole des arts et métiers... 1816. T. 1. P. 49.
- 258 Arbos P. Op. cit. P. 183—184.
- 259 Сыр второй категории.
- 260 Arbos P. Op. cit. P. 167—168.
- 261 Ibid. P. 185.
- 262 Lavergne L. de. Op. cit. P. 317.
- 263 A. N., Z^{1c} 430—431.
- 264 От «trans» — сквозь, через и «humus» — земля.
- 265 Braudel F. La Méditerranée... T. 1. P. 76 sq.
- 266 Цит. по: Julien-Labruyère F. Op. cit. T. 1. P. 402—403.
- 267 Archives départementales de la Lozère C. 480; цит по: Brisebarre A.-M. Op. cit. P. 99—100.
- 268 Brisebarre A.-M. Op. cit. P. 103—104.
- 269 Duhourcau B. Guide des Pyrénées mystérieuses. 1973. P. 119—120.
- 270 Nelli R. Le berger dans le pays d'Aude// Folklore, revue d'ethnologie méridionale. 1952. Printemps. P. 3—13.
- 271 Pinies J.-P. Figures de la sorcellerie languedocienne. 1983. P. 45 (арма — на старинном лангедокском наречии значит «душа»).
- 272 Sclafert T. Cultures en Haute-Provence: déboisements et pâturages au Moyen Age. 1959.
- 273 Mauron M. La Transhumance du pays d'Arles aux grandes Alpes. 1952.
- 274 Brisebarre A.-M. Op. cit.
- 275 Mulliez J. Pratiques populaires et science bourgeoise: l'élevage des gros bestiaux en France de 1750 à 1850// Actes du Congrès de Clermont-Ferrand. L'Élevage dans les hautes terres. 1982. P. 299.
- 276 Lavergne L. de. Op. cit. P. 90—91.
- 277 Ibid. P. 212. См. также: Bretonne Pie Noire// Larousse agricole. Publié sous la dir. de J.-M. Clement. 1981.
- 278 A. N., F¹⁰ 1574.
- 279 Ibid.
- 280 Mulliez J. Pratiques populaires... Op. cit. P. 299.
- 281 Larousse agricole. Op. cit. P. 208—209 (подпись под первой фотографией).
- 282 Ibid. P. 55—56.
- 283 A. N., F¹⁰ 222. Записка об откорме быков в Лимузене и прилегающих областях, февраль 1791.
- 284 Ibid.
- 285 Pigault-Lebrun Ch., Augier V. Voyage dans le Midi de la France. 1827. P. 31.
- 286 Mulliez J. Les Chevaux du royaume... Op. cit. P. 81.

- ²⁸⁷ Savary des Bruslons J. Dictionnaire... Op. cit. T. 1. Col. 1057, 1060 (статья «Лошадь»).
- ²⁸⁸ Charpuis R. Op. cit. P. 73.
- ²⁸⁹ A. N., F¹² 67, fol. 98—99. 4 апреля 1720.
- ²⁹⁰ Manteyer G. de. Le Livre journal tenu par Fazy de Rame en langage embrunais (6 juin 1471—10 juillet 1507). 1932. T. 2. P. 85.
- ²⁹¹ Argos P. Op. cit. P. 182.
- ²⁹² «Крестьянин, имеющий повозку и двух быков, живет в достатке», — пишет в 1713 году интендант провинции Гьень; цит. по: Poussou J.-P. Hommage à Philippe Wolff. Annales du Midi. 1978. P. 409.
- ²⁹³ Loisel A. Mémoires des pays de Beauvaisis... 1617. P. 27; цит. по: Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis... P. 111.
- ²⁹⁴ Du Moulin G. (1631); цит. по: Dumont R. Voyages en France d'un agronome. 1951. P. 376, 379.
- ²⁹⁵ Halévy D. Op. cit. P. 217.
- ²⁹⁶ Demolins E. Les Français d'aujourd'hui. 1898. P. 133.
- ²⁹⁷ Laurent R. Les Vignerons de la «Côte d'or» du XIXe siècle. 1958. P. 18.
- ²⁹⁸ Lavergne L. de. Economie rurale de la France depuis 1789. 1860. Ed. 1877. P. 123.
- ²⁹⁹ Demolins E. Op. cit. P. 137.
- ³⁰⁰ Dion R. Histoire de la vigne et du vin en France des origines au XIXe siècle. 1959. Ed. 1977. P. 650.
- ³⁰¹ Demolins E. Op. cit. P. 133.
- ³⁰² A. N., F¹⁰ 226. P. 35.
- ³⁰³ Durand G. Vin, vigne et vigneron en Lyonnais et Beaujolais. 1979. P. 11.
- ³⁰⁴ Charpuis R. Une vallée franc-comptoise... Op. cit. P. 17.
- ³⁰⁵ Цит. по: Dion R. Op. cit. P. 101.
- ³⁰⁶ Diodore de Sicile; цит. по: Dion R. Op. cit. P. 102.
- ³⁰⁷ Deléage A. La Vie rurale en Bourgogne jusqu'au début du XIe siècle. 1941. T. 1. P. 154.
- ³⁰⁸ Lamprecht Ch. Etudes sur l'état économique de la France pendant la première partie du Moyen Age. 1889. P. 23.
- ³⁰⁹ Leroux A. Le Massif Central. Histoire d'une région de la France. 1898. T. 2. P. 50.
- ³¹⁰ Bloch G. Les origines. La Gaule indépendante et la Gaule romaine// Histoire de France. P. p. E. Lavissee. 1911. T. 2. P. 425.
- ³¹¹ Dion R. Op. cit. P. 129.
- ³¹² Ibid. P. 148.
- ³¹³ Ibid. P. 165.
- ³¹⁴ Ibid. P. 202, p. IX.
- ³¹⁵ Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 2. P. 231 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 257).
- ³¹⁶ Histoire de l'Alsace. P. p. Ph. Dollinger. 1970. P. 158, 175; Kintz J.-P. La Société strasbourgeoise 1560—1650. 1984. P. 319 sq.

- ³¹⁷ «Кремнистые наносы, именуемые graves, создают неповторимые свойства бордоских вин» (Dion R. Op. cit. P. 34).
- ³¹⁸ Lamoignon de Basville N. de. Mémoires pour servir à l'histoire du Languedoc. 1734. P. 252.
- ³¹⁹ Ibid. P. 258.
- ³²⁰ Ibid. P. 271.
- ³²¹ Braudel F. F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 1. P. 200 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 252—253).
- ³²² Belotte M. La Région de Bar-sur-Seine... Op. cit. 1973. P. 45.
- ³²³ A. N., F²⁰ 221.
- ³²⁴ Appolis E. Le Diocèse civil de Lodève. 1951. P. 421—422.
- ³²⁵ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis... Op. cit. 1960. P. 168.
- ³²⁶ Jean-Bruhnes Delamarre M. Le Berger dans la France des villages. 1970. P. 20.
- ³²⁷ A. N., F²⁰ 221 Marne.
- ³²⁸ Dion R. Op. cit. P. 462 sq.
- ³²⁹ Ibid. P. 469.
- ³³⁰ Ibid. P. 491.
- ³³¹ Ibid. P. 459—460.
- ³³² Saint-Jacob P. de. Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. 1960. P. 539.
- ³³³ Savary des Bruslons J. Dictionnaire universel du commerce. 1762. T. IV¹. Col. 1213 sq. (статья «Вино»).
- ³³⁴ Lavergne L. de. Op. cit. P. 123.
- ³³⁵ Clément P. Lettres, instructions et mémoires de Colbert. 1861—1882. T. 2. P. 624—625.
- ³³⁶ Dion R. Op. cit. P. 33.
- ³³⁷ Brassier — тот, кто располагает для работы только собственными руками, синоним чернорабочего.
- ³³⁸ Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 2. P. 278 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 313).
- ³³⁹ Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. 1811. T. IV. P. 107.
- ³⁴⁰ Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 1. P. 200 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 253).
- ³⁴¹ Cherruau P. Sauternes fait main// Le Monde. 1984. 30 septembre.
- ³⁴² Dion R. Op. cit. P. 119—120.
- ³⁴³ Le vin de Suresne// Le Monde. 1984. 22 septembre.
- ³⁴⁴ Цит. по: Dion R. Op. cit. P. 25.
- ³⁴⁵ Roupnel G. Histoire et destin. 1943. P. 61—62.
- ³⁴⁶ Rouvière H. de. Voyage du tour de France. 1713. P. 56.
- ³⁴⁷ Young A. Voyages en France 1787, 1788, 1789. 1976. T. 1. P. 93.
- ³⁴⁸ Pottier de la Hestroye. Les Réflexions sur la Dîme royale. 1716. T. 1. P. 52 et infra.
- ³⁴⁹ Savary des Bruslons. Op. cit. 1759. T. 1. P. 531.

- ³⁵⁰ Цит. по: Claudian J. Quelques réflexions sur l'évolution du vocabulaire alimentaire// Cahiers de Nutrition et de Diététique. T. IX. P. 163.
- ³⁵¹ Demolins E. Op. cit. P. 84.
- ³⁵² Savary des Bruslons J. Op. cit. 1766. T. 2. Col. 785.
- ³⁵³ A. N., F¹⁰ 226.
- ³⁵⁴ Gasparin A. de. Cours d'agriculture. 1831. Ed. 1860. P. 1—2.
- ³⁵⁵ Lullin de Chateauxvieux F. Voyages agronomiques en France. 1843. T. 1. P. 283, 287.
- ³⁵⁶ A. N., H 1510, № 16; цит. по: Bloch M. Les Caractères originaux de l'histoire rurale française. 1952. P. 54.
- ³⁵⁷ Lullin de Chateauxvieux F. Op. cit. T. 2. P. 331—332.
- ³⁵⁸ Gasparin A. de. Op. cit. T. 5. P. 3.
- ³⁵⁹ Le Livre de main des Du Pouget (1522—1598). Ed. Louis Greil. 1897. P. 20.
- ³⁶⁰ Mathieu de Dombasle Chr. Traité d'agriculture. 1862. P. 213.
- ³⁶¹ Procès-verbal de l'Assemblée provinciale de l'Ile-de-France. 1787. P. 245.
- ³⁶² Meuvret J. Le Problème des subsistances à l'époque de Louis XIV. 1977. P. 111.
- ³⁶³ Duhamel du Monceau H.-L. Eléments d'agriculture. 1762. Livre II. Ch. IV. P. 221.
- ³⁶⁴ Sigaut F. Pour une cartographie des assolements en France au début du XIXe siècle// Annales E. S. C. 1976. P. 631—643.
- ³⁶⁵ Sigaut F. Quelques notions de base en matière de travail du sol dans les anciennes cultures européennes// Les Hommes et leurs sols — Les techniques de préparation du champ dans le fonctionnement et l'histoire des systèmes de culture. Numéro spécial du Journal d'Agriculture et de Botanique appliquée. 1977. P. 155.
- ³⁶⁶ Juillard E. Problèmes alsaciens vus par un géographe. 1968. P. 112.
- ³⁶⁷ Pitte J.-R. Histoire du paysage français. 1983. T. 2. P. 62, 150 (note 551); цит. по: Sivery G. Les noyaux de bocage dans le nord de la Thiérache à la fin du Moyen Age// Les Bocages. 1976. P. 93—96.
- ³⁶⁸ Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 63.
- ³⁶⁹ Merle L.; цит. по: Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 63, 150 (note 555).
- ³⁷⁰ Lebeau R; цит. по: Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 63 (note 556).
- ³⁷¹ Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 63.
- ³⁷² Young A. Voyages en France. Op. cit. T. 2. P. 617.
- ³⁷³ Sigaut F. La jachère en Ecosse au XVIIIe siècle: phase ultime de l'expansion d'une technique// Etudes rurales. 1975. Janvier—mars. P. 99.
- ³⁷⁴ Lavergne L. de. Op. cit. P. 257.
- ³⁷⁵ Sicard G. Le Métayage dans le Midi toulousain à la fin du Moyen Age// Mémoires de l'Académie de législation. Toulouse, 1955. P. 36.
- ³⁷⁶ Malaussena P. L. La Vie en Provence orientale aux XIVe et XVe siècles. 1969. P. 87.
- ³⁷⁷ Dion R. La part de la géographie et celle de l'histoire dans l'explication de l'habitat rural du Bassin Parisien// Publications de la Société de Géographie de Lille. 1946. P. 72.

- 378 Massé P. Varennes et ses maîtres. 1926. P. 24.
- 379 White L. Medieval Technology. 1962. P. 72; цит. по: Sigaut F. Pour une cartographie des assolements... P. 635.
- 380 Dion R. Op. cit. P. 59.
- 381 Mulliez J. Op. cit. P. 11.
- 382 Sigaut F. Op. cit. P. 636.
- 383 Meuvret J. Op. cit. P. 108—109.
- 384 Musset R. Les anciens assolements et la nourriture// Mélanges géographiques offerts à Ph. Arbos. 1953. P. 176.
- 385 Mémoires de Oudard Coquault, bourgeois de Reims (1649—1669). P. p. Ch. Loriquet. 1875. T. 1. P. 183.
- 386 A. N., F¹¹ 222.
- 387 Massé P. Op. cit. P. 23—24.
- 388 Ibid. P. 23.
- 389 Le Lannou M. Les sols et les climats// La France et les Français. P. p. M. François. 1972. P. 23—24.
- 390 Les Bocages, histoire, écologie, économie. Table ronde du C. N. R. S. Rennes, 1976. T. 1. Géographie. Flatres P. Rapport de synthèse. P. 21—30.
- 392 Lavergne L. Op. cit. P. 186.
- 393 Ibid. P. 208.
- 394 Bloch M. Op. cit.
- 395 Herms — так называют на юге Франции невозделанные и неплодородные земли. O terres gastes см.: Bertrand G. Pour une histoire écologique de la France rurale// Histoire de la France rurale. P. p. G. Duby. 1975. P. 74.
- 396 Lavergne L. de. Op. cit. P. 264.
- 397 Ibid. P. 269.
- 398 Ibid. P. 270.
- 399 Malaussena P. L. Op. cit. P. 84.
- 400 Lavergne L. de. Op. cit. P. 246—247.
- 401 Gilbert F. H. Recherches sur les moyens d'étendre et de perfectionner la culture des prairies artificielles. 1787. P. p. Ch. Dufour. 1880. P. 35.
- 402 Bloch M. Op. cit. 1931. Réed. 1952. P. X, XIV.
- 403 Sigaut F. Pour une cartographie... Op. cit. P. 632.
- 404 Le Lannou M. Pâtres et paysans de la Sardaigne. 1941. P. 195.
- 405 Planhol X. de. Essai sur la genèse du paysage rural de champs ouverts// Annales de l'Est. 1959. P. 416.
- 406 Confino M. Systèmes agraires et progrès agricoles. L'assolement triennal en Russie aux XVIIIe—XIXe siècles. 1969. Passim et p. 29—46.
- 407 Makkai L. Grands domaines et petites exploitations, seigneur et paysan en Europe au Moyen Age et aux temps modernes// Eight international Economic Congress. Budapest. 1982. «A» Thèmes. P. 10—11.
- 408 Gasparin A. de. Cours d'agriculture. T. 5. P. 6.
- 409 Pitte J.-R. Op. cit. P. 40, 117.
- 410 Musset R. Op. cit. P. 172.

- ⁴¹¹ Planhol X. de. Op. cit. P. 417.
- ⁴¹² Specklin R. La Géographie de la France dans la littérature allemande (1870—1940). 1979; Etudes sur les origines de la France// Acta Geographica. 1982. 2me trimestre.
- ⁴¹³ Launay O. La Civilisation des Celtes. 1975. P. 170.
- ⁴¹⁴ Gachon L. Regards sur la campagne française// Les Nouvelles Littéraires. 1940. 10 février. P. 2.
- ⁴¹⁵ Sigaut F. Les Réserves de grains à long terme. 1978. P. 32.
- ⁴¹⁶ Ibid. P. 21.
- ⁴¹⁷ Savary des Bruslons J. Op. cit. 1762. P. 524—525 (статья «Зерно»).
- ⁴¹⁸ Aclocque G. Les Corporations et le commerce à Chartres du XIe siècle à la Révolution. 1917. P. 212.
- ⁴¹⁹ Block M. Du commerce des grains. 1854. P. 59.
- ⁴²⁰ Aclocque G. Op. cit. P. 214.
- ⁴²¹ Ibid. P. 215.
- ⁴²² Ibid. P. 218—220.
- ⁴²³ Blattiers — «мелкие ярмарочные торговцы, которые отправляются за зерном в отдаленные края [.....] и, навьючив мешки на лошадей или на ослов, привозят зерно на рынки [.....] или на берега рек, где продают его другим торговцам, обслуживающим [.....] большие города» (Lamare N. de Traité de police. 1710. Т. 2. P. 738).
- ⁴²⁴ Aclocque G. Op. cit. P. 215.
- ⁴²⁵ A. N., Y 105 58a (4 мая 1775).
- ⁴²⁶ Газовщик — текстильщик, работник, ткущий газовую ткань.
- ⁴²⁷ Sigaut F. Les Réserves de grains... Op. cit. P. 37.
- ⁴²⁸ Lullin de Chateauevieux F. Op. cit. Т. 1. P. 62.
- ⁴²⁹ A. N., F¹² 647—648.
- ⁴³⁰ Le Grand d'Aussy P.; цит. по: Claudian J. L'homme et son pain // Cahiers de nutrition et diététique. 1972. Т. 7. P. 269, note 1.
- ⁴³¹ A. N., F¹⁰ 226.
- ⁴³² Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. 1962. Т. 1. P. 223—224.
- ⁴³³ Pottier de la Nestroye. Op. cit. Т. 1. P. 122—123.
- ⁴³⁴ Но отнюдь не обязательно того, что мы сегодня называем белым хлебом, — то есть хлеба, выпеченного из муки, просеянной так тщательно, как стало возможно ее просеивать лишь в конце XIX века, благодаря изобретению цилиндрической мельницы. До тех пор, пока муку просеивали вручную, такой хлеб оставался величайшей редкостью. Даже очищенная от отрубей самым небрежным образом, белая пшеничная мука оставалась роскошью для большинства французов. См.: Beaufour H. Le Préjugé du pain blanc. 1931. P. 8—9.
- ⁴³⁵ Braudel F. Civilisation matérielle... Т. 1. P. 110 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 151); Mayer J. La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle. 1966. P. 446—447.

- ⁴³⁶ Juge Martin J.-J. *Changements survenus dans les moeurs des habitants de Limoges depuis une cinquantaine d'années*. 1817. P. 14—15.
- ⁴³⁷ Jammeret-Duval V. *Mémoires*. 1981. P. 112.
- ⁴³⁸ A. N., F^{10*} 1B(1786); A. N., H 514 (1787).
- ⁴³⁹ A. N., F^{10*} 1B.
- ⁴⁴⁰ В результате своих ретроспективных статистических разысканий Жан-Клод Тутен получил для 1781—1790 гг. близкую цифру — между 2420 и 2850 миллионами ливров; см.: Toutain J.-Cl. *Le Produit de l'agriculture française de 1700 à 1958*. Т. 1. P. 215 (Cahiers de l'I. S. A., 1961).
- ⁴⁴¹ Marczewski J. Y a-t-il eu un «take off» en France? // *Evolution des techniques et progrès de l'économie*. Cahiers de l'I. S. E. A. 1961. Mars. Série AD. N° 1. P. 72.
- ⁴⁴² Savary des Bruslons J. *Op. cit.* 1760. Т. 1. Col. 250 (статья «Экю»).
- ⁴⁴³ Toutain J.-Cl. *Op. cit.* Т. 1. P. 8
- ⁴⁴⁴ Sully. *Mémoires*. Т. 3. Ed. 1822. P. 485.
- ⁴⁴⁵ Montchrétien A. de. *Traité de l'économie politique*. Rouen, 1615. Ed. 1889. P. 23—24.
- ⁴⁴⁶ Vauban. *Projet d'une disme royale*. 1707. P. 26.
- ⁴⁴⁷ A. N. F¹², 647—648.
- ⁴⁴⁸ A. N. F¹², 673 (vers 1696).
- ⁴⁴⁹ *Mémoire publié par la Société d'Agriculture, Sciences, Arts et Belles-Lettres de l'Aube*. 1836. P. 151.
- ⁴⁵⁰ Savary des Bruslons J. *Dictionnaire universel de commerce*. Т. 2. 1760. Col. 781 (статья «Сыр»).
- ⁴⁵¹ Lullin de Chateauevieux F. *Op. cit.* Т. 1. P. 298.
- ⁴⁵² A. N. F^c III, Saône et Loire.
- ⁴⁵³ Объем одной лишь закупки в Швейцарии в марте 1710 г. — не менее 300 000 экю. A. N. G⁷, 1511 (1711).
- ⁴⁵⁴ A. N. F^{ic} 226 (30 января 1792).
- ⁴⁵⁵ A. N. F¹² 1904.
- ⁴⁵⁶ A. N. F¹⁰ 1576 (1837).
- ⁴⁵⁷ Schnitzler J.-H. *Statistique générale, méthodique et complète de la France comparée aux autres grandes puissances de l'Europe*. Tome 4. P. 40.
- ⁴⁵⁸ Sauvy A. *Histoire économique de la France entre les deux guerres (1918—1931)*. Т. 1. 1965. P. 239—240. Средние показатели за 1903—1912 гг. см.: *Annuaire rétrospectif de l'INSEE*.
- ⁴⁵⁹ Girault R. *Place et rôle des échanges extérieurs* // *Histoire économique et sociale de la France* / P. p. F. Braudel et E. Labrousse. 1979. Т. 4. P. 199.
- ⁴⁶⁰ Boislisle A. de. *Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les Intendants des provinces*. 1874. Т. 1. P. 11. (Послание интенданта Бордо г. де Риса генеральному контролеру от 8 января 1684 г.)
- ⁴⁶¹ Ibid.
- ⁴⁶² Slicher van der Bath B. H. // Wallerstein I. *Le système du monde du XVe siècle à nos jours*. Т. 1. Capitalisme et économie monde 1450—1640. 1980. P. 92.
- ⁴⁶³ Goudar A. *Les Intérêts de la France mal entendus*. 1756. Т. 1. P. 19.

- ⁴⁶⁴ A. N. F¹⁰ 226; Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. Р. 86. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 123).
- ⁴⁶⁵ A. N. F¹⁰ III, Côte-d'Or, 7 (1819).
- ⁴⁶⁶ A. N. H 1517 (письмо Дюфриша де Валазе г-ну де Тарле).
- ⁴⁶⁷ A. N. F¹⁰ 226 (1792).
- ⁴⁶⁸ A. N. G⁷ 449 (Туар, 27 апреля 1683 г.).
- ⁴⁶⁹ Архив Военного министерства, А 1 1524,6 (Рошфор, 2 января 1707 г.).
- ⁴⁷⁰ Sauvy A. *Op. cit.* Т. 1. 1965. P. 239—240.
- ⁴⁷¹ Rambaud A. *Histoire de la civilisation contemporaine en France.* 1888. Ed. 1926. P. 488.
- ⁴⁷² Abbé de Mably. *Le Commerce des grains. Oeuvres.* Т. 13. P. 291—297.
- ⁴⁷³ Le Pesant de Boisguillebert P. *Le Détail de la France, 1697.* 1966. Т. 1. P. 381.
- ⁴⁷⁴ Lamare N. de. *Traité de police.* Т. 2. 1710. P. 1038.
- ⁴⁷⁵ A. N. G⁷ 1651, fol. 26.
- ⁴⁷⁶ A. N. G. 1651, f° 27.
- ⁴⁷⁷ «Юстансиль» — право проходящих воинских частей получать у жителей на каждого солдата кровать, горшок и место у очага при свечном освещении (Словарь Литтре).
- ⁴⁷⁸ A. N. G⁷ 156 (Дижон, 12 июля 1682 г.).
- ⁴⁷⁹ Bercé Y.-M. *Histoire des croquants.* 1974. P. 65.
- ⁴⁸⁰ Pottier de la Hestroye. *Op. cit.*
- ⁴⁸¹ Young A. *Op. cit.* Т. 2. P. 863.
- ⁴⁸² Fourastié J. *Machinisme et bien-être.* 1962. В 1899 г. десять крестьян кормили 43 человека (ныне — 300).
- ⁴⁸³ Fourastie J. *Les Trente Glorieuses.* 1979. P. 159.
- ⁴⁸⁴ Marquis d'Argenson. *Mémoires.* 26 janvier 1732. P. p. J. E. B. Rathery. 1859. Т. 2. P. 72.
- ⁴⁸⁵ Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. 1. P. 58. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 91).
- ⁴⁸⁶ A. N. G⁷ 1633 (Берюль).
- ⁴⁸⁷ A. N. G⁷ 103 (Демаре де Вобур).
- ⁴⁸⁸ *Ibid.*
- ⁴⁸⁹ A. N. G⁷ 346.
- ⁴⁹⁰ Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. 1. P. 55. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 88).
- ⁴⁹¹ A. N. F¹¹ 704 (30 апреля 1812 г.).
- ⁴⁹² Sussel Ph. *La France de la bourgeoisie 1815—1850.* 1970. P. 70.
- ⁴⁹³ Horii T. *La crise alimentaire de 1853 à 1856 et la caisse de la boulangerie // Revue historique.* 1984. Oct.-déc. P. 375 sq.
- ⁴⁹⁴ Lavisie E. *Histoire de France.* 1911. Т. 4. P. 132 sq.
- ⁴⁹⁵ *Ibid.* 1911. Т. 7/1. P. 349.
- ⁴⁹⁶ Tilly L. A. *La révolte frumentaire, forme de conflit politique en France.* // *Annales E. S. C.* 1972. P. 731.
- ⁴⁹⁷ Библиотека арсенала, М^н 4116. «Козловогие» — эпитет, применявшийся

к богу Пану, к сатирам и, в расширительном смысле, к людям, от которых можно ждать нападения и насилия.

- ⁴⁹⁸ Poirson A. Histoire du règne de Henri IV. T. 1. 1862. P. 593 sq.
- ⁴⁹⁹ Porchnev B. Les Soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. 1963. Passim.
- ⁵⁰⁰ Lavissee E. Op. cit. T. 7/1. P. 355.
- ⁵⁰¹ Bercé Y.-M. Op. cit. T. 2. P. 681.
- ⁵⁰² Porchnev B. Op. cit.
- ⁵⁰³ Neveux H. Die ideologische Dimension der französischen Bauernaufstände im 17. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1984 Avril.
- ⁵⁰⁴ Goubert P. Beauvais et le Beauvaisais... Op. cit. 1960. P. L.
- ⁵⁰⁵ Julien-Labruyère F. Paysans charentais. Op. cit. T. 1. P. 302.
- ⁵⁰⁶ Rudé G. The growth of cities and popular revolt — 1750—1850 // French Government and Society. 1500—1850. P. p. J. F. Boscher. 1973. P. 176; Labrousse E. // Labrousse — Braudel. Histoire économique et sociale de la France. T. 2. P. 729; Meyer J. // Histoire de France. P. p. Jean Favier, T. 3. La France moderne. P. 448.
- ⁵⁰⁷ Nicolas J. L'enjeu décimal dans l'espace rural savoyard // Prestations paysannes, dîmes, rentes foncières et mouvement de la production agricole à l'époque industrielle. P. p. J. Goy et E. Le Roy Ladurie. P. 66, note 20. P. 674 et note 64. P. 690.
- ⁵⁰⁸ A. N. G⁷ 1642, 396.
- ⁵⁰⁹ A. N. G⁷ 415—416.
- ⁵¹⁰ A. N. G⁷ 1642, 403.
- ⁵¹¹ Lebrun F. L'Histoire vue de l'Anjou. 1963. T. 1. 169, 170.
- ⁵¹² A. N. G⁷ 1646.
- ⁵¹³ Ibid.
- ⁵¹⁴ A. N. G⁷ 1647.
- ⁵¹⁵ Lebrun F. Op. cit. T. 1. P. 170—171.
- ⁵¹⁶ A. N. G⁷ 1646, 342 (Мулен, 16 июня 1709 г.).
- ⁵¹⁷ A. N. G⁷ 1646, 369 (Орлеан, 20 марта 1709 г.).
- ⁵¹⁸ Lebrun F. Op. cit. P. 192—194.
- ⁵¹⁹ A. N. G¹¹ 2740.
- ⁵²⁰ Toulot. Subsistances 1816. Vues générales sur la nécessité de faire des achats des grains à l'étranger pour parer à l'insuffisance de la récolte de 1816. 20 janvier 1817. P. 5.
- ⁵²¹ Имеется в виду торговая площадь вокруг крытого рынка.
- ⁵²² A. N. F¹¹ 726.
- ⁵²³ A. N. H. 1517.
- ⁵²⁴ A. N. F¹¹ 728.
- ⁵²⁵ Ibid.
- ⁵²⁶ Rambaud A. Histoire de la civilisation contemporaine en France. 1888. 6e ed. 1901. P. 488.
- ⁵²⁷ Lavergne L. de. Op. cit. P. 440, note 1.

- ⁵²⁸ Pillorget R. Les Mouvements insurrectionnels de Provence entre 1595 et 1715. 1975. P. 989.
- ⁵²⁹ Léon P. L'épanouissement d'un marché national // Histoire économique et sociale de la France. P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 3/1. 1976. P. 301—302.
- ⁵³⁰ Lavergne L. de. Op. cit. P. 45.
- ⁵³¹ Lequin Y. Histoire des Français. T. 2. La Société. P. 307.
- ⁵³² Daumard A. Les Fortunes françaises du XXe siècle. 1973. P. 192.
- ⁵³³ Léon P. // Braudel-Labrousse. Op. cit. T. 3/2. P. 604—606.
- ⁵³⁴ Plessis A. Les Régents et gouverneurs de la Banque de France. 1985. P. 204.
- ⁵³⁵ Laurent R. // F. Braudel — E. Labrousse. Op. cit. T. 3/2. P. 740—744.
- ⁵³⁶ Gaiffe F. L'Envers du grand siècle. 1924. P. 117 sq.
- ⁵³⁷ Lavergne L. de. Op. cit. P. 38.
- ⁵³⁸ A. N. F¹¹ 2740 (Амьен, 23 и 28 апреля).
- ⁵³⁹ A. N. F¹¹ 2740 (Париж, 3 июня 1817 г.).
- ⁵⁴⁰ Thuillier G. Aspects de l'économie nivernaise au XIXe siècle. 1966. P. 82.
- ⁵⁴¹ Claverie E., Lamaison P. L'Impossible Mariage. Violence et parenté en Gévaudan, XVIIe, XVIIIe, et XIXe siècles. 1982. P. 339.
- ⁵⁴² Thuillier G. Op. cit. P. 75—76.
- ⁵⁴³ Ibid. P. 81—82.
- ⁵⁴⁴ Léouzon L. Agronomes et éleveurs. 1905. P. 232.
- ⁵⁴⁵ Seigneur P. La Vie économique du Vaucluse de 1815 à 1848. 1957. P. 101.
- ⁵⁴⁶ Pesquidoux J. Chez nous. Travaux et joies rustiques. 6e éd. 1921. P. 141.
- ⁵⁴⁷ Личные воспоминания автора.
- ⁵⁴⁸ Zola D. L'Agriculture moderne. 1913. P. 13.
- ⁵⁴⁹ Lavergne L. de. Op. cit. 1877. P. 105.
- ⁵⁵⁰ Ibid. 1877. P. 194.
- ⁵⁵¹ Perpillou A. Essai d'établissement d'une carte de l'utilisation du sol et des paysages ruraux en France // Mélanges géographiques offerts à Philippe Arbos. 1953. P. 197.
- ⁵⁵² Lavergne L. de. Op. cit. P. 51—51, 402—403, где автор частично исправляет цифры, приведенные на с. 52.
- ⁵⁵³ Laurent R. Tradition et progrès: le secteur agricole // Histoire économique et sociale de la France. P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 3/2. P. 672.
- ⁵⁵⁴ Ibid. P. 682.
- ⁵⁵⁵ Barral P. Le monde agricole // Histoire économique et sociale de la France. P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 4/1. 1979. P. 361.
- ⁵⁵⁶ Gauron A. Histoire économique et sociale de la Cinquième République. T. 1. Le temps des modernistes. 1983. P. 19.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Pinto I. de. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771. P. 218.
- ² Разумеется, в данном случае мы даем этим словам отнюдь не марксистское определение.
- ³ Chaunu P. *La Civilisation de l'Europe classique*. 1970. P. 26.
- ⁴ См. график на с. 179.
- ⁵ Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands von der Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters*. Т. 1. 1951. P. 255.
- ⁶ Bray F.-G. de. *Essai critique sur l'histoire de la Livonie*. Т. 3. 1817. P. 22—23.
- ⁷ Seton-Watson H. *The Russian Empire 1801—1917*. 1967. P. 21 sq.
- ⁸ Beloch J. *Die Bevölkerung Europas im Mittelalter // Zeitschrift für Socialwissenschaft*. 1900. P. 409.
- ⁹ Данные предоставлены мне сотрудником Национального центра демографических исследований Жераром Кало 28 мая 1984 г.
- ¹⁰ Хотя в конце XVIII в. «сеть городов в области Виварэ еще находилась в зачаточном состоянии» (Molinier A. *Stagnation et croissance. Le Vivarais aux XVIIe — XVIIIe siècles*. 1985. P. 46—47, 67 sq.), речь здесь идет о селениях, давно уже находившихся в состоянии стагнации, но основанных много лет назад. (Bozon P. *Histoire du peuple vivarois*. 1966. P. 263 sq.). Так же обстояло дело и в Жеводане.
- ¹¹ Bois G. *Crise du féodalisme*. 1976. P. 61, 66—67.
- ¹² Renouard Y. *Les Villes d'Italie de la fin du Xe siècle au début du XIVe siècle*. Т. 1. 1969. P. 15.
- ¹³ Schneider J. *Problèmes d'histoire urbaine dans la France médiévale // Actes du 100e Congrès National des Sociétés Savantes (Paris, 1975)*. 1977. P. 150.
- ¹⁴ Ibid. P. 153.
- ¹⁵ Ibid. P. 152.
- ¹⁶ Это хорошо показал Бернар Шевалье в кн.: *Chevalier B. Les Bonnes Villes de France du XIVe au XVIe siècle*. 1982.
- ¹⁷ Bois G. *Op. cit.* P. 311—314.
- ¹⁸ Perroy E. *A l'origine d'une économie contractée, les crises du XIVe siècle // Annales E. S. C.* 1949. P. 167—182; Abel W. *Crises agraires en Europe (XIIIe—XXe siècles)*. 1973. P. 75; цит. по: Bois G. *Op. cit.* P. 84, note 32.
- ¹⁹ Braudel F. *La Méditerranée...* Т. 1. P. 468 sq.
- ²⁰ Цит. по: Lütge F. *Deutsche Social- und Wirtschaftsgeschichte*. Ed. 1976. P. 207.
- ²¹ Pitte J.-R. *Histoire du paysage français*. Т. 1. 1983. P. 149.
- ²² Chevalier B. *Les Bonnes Villes de France...* *Op. cit.*
- ²³ Stouff L. *La population d'Arles au XVe siècle: composition socio-professionnelle, immigration, répartition topographique // Habiter la ville, XVe—XXe siècles. Actes de la table ronde organisée sous la direction de M. Garden et Y. Lequin. Lyon, 1984*. P. 8.
- ²⁴ Sée H. *Louis XI et les villes*. 1892. *Passim*.
- ²⁵ Ibid.

- ²⁶ Reynaud F. Du comté au royaume (1423—1596) // Histoire de Marseille. P. p. Edouard Baratier. 1973. P. 132.
- ²⁷ Westrich Sal. Al. L'Ormée de Bordeaux. Une révolution pendant la Fronde. 1973.
- ²⁸ Chevalier B. Op. cit. P. 310.
- ²⁹ Say J.-B. Cours complet d'économie politique. 1852. Réimpression 1966. T. 3. P. 612.
- ³⁰ Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 25.
- ³¹ Ibid. P. 31—32.
- ³² Regazzola T., Lefebvre J. La Domestication du mouvement. Poussées mobilisatrices et surrection de l'Etat. 1981. P. 123.
- ³³ Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 40.
- ³⁴ Quilliet B. Les Corps d'officiers de la prévôté et vicomté de Paris et de l'Île-de-France, de la fin de la guerre de Cent Ans au début des guerres de Religion: étude sociale. Thèse soutenue à l'université de Paris— IV. 1977. Lille, service de reproduction de thèses, 1982. T. 1. P. 145.
- ³⁵ Commynes Ph. de. Mémoires. T. 1. Ed. J. Calmette. 1964. P. 73—74.
- ³⁶ В словаре Антуана Фюретьера (1690) город определяется так: «Место обитания достаточно большого числа жителей, обыкновенно обнесенное стенами».
- ³⁷ Lopez R. Intervista sulla città medievale. 1984. P. 5.
- ³⁸ A. N. G⁷ 1692—259, f°. 81 sq.
- ³⁹ Blache J. Sites urbains et rivières françaises // Revue de géographie de Lyon. 1959. Vol. 34. P. 17—55.
- ⁴⁰ Faucher D. L'Homme et le Rhône. 1968. P. 179.
- ⁴¹ Bardet J.-P. Un dynamisme raisonnable. Dimensions, évolutions (1640—1790) // Histoire de Rouen. P. p. Michel Mollat. 1979. P. 214.
- ⁴² Meyer J. Etudes sur les villes en Europe occidentale (du milieu du XVIIe siècle à la veille de la Révolution française). 1983. T. 1. P. 68.
- ⁴³ A. N. F¹² 673. Мец, 6 июня 1917 г.; то же самое происходило в 1712 г.— G⁷ 1697, 127, 7 сентября 1712 г.
- ⁴⁴ A. N. F²⁰ 215.
- ⁴⁵ Bois P. La Révolution et l'Empire // Histoire de Nantes. P. p. P. Bois. 1977. P. 245.
- ⁴⁶ Ссылка утеряна.
- ⁴⁷ Seignour P. La Vie économique du Vaucluse de 1815 à 1848. 1957. P. 77.
- ⁴⁸ Chapuis R. Une vallée franc-comtoise, la Haute-Loue. 1958. P. 125.
- ⁴⁹ Meyer J. Op. cit. T. 1. P. 69.
- ⁵⁰ Blanqui A. Tableau des populations rurales de la France en 1850. // Journal des économistes. 1851. Janvier. P. 9.
- ⁵¹ Wrigley E. A. Towns in societies. 1978. P. 298.
- ⁵² Stoff L. Art. cit. P. 10.
- ⁵³ Croix A. Nantes et le pays nantais. 1974. P. 163—199.
- ⁵⁴ Devos R. Un siècle en mutation (1536—1684) // Histoire de la Savoie. P. p. R. Devos. 1973. P. 258.

- ⁵⁵ Zeller O. L'implantation savoyarde à Lyon à fin du XVIe siècle. // Habiter la ville... Op. cit. P. 27.
- ⁵⁶ Garden M. Trois provinces, une généralité XVIIe—XVIIIe) // Histoire de Lyon et du Lyonnais. P. p. A. Latreille. 1975. P. 227.
- ⁵⁷ Mercier L.-S. Tableau de Paris. 1783. T. 5. P. 282; T. 6. 1783. P. 82—83; 1788. T. 9. P. 167—168; Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 1. P. 431. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 533).
- ⁵⁸ Poussou J.-P. Bordeaux et le Sud-Ouest au XVIIIe siècle. Croissance économique et attraction urbaine. Passim et p. 100—101 et 369 sq.
- ⁵⁹ См. выше. § I, примеч. 9.
- ⁶⁰ В отношении Кана чувства и интересы, действовавшие за и против нового урбанизма, изучены в работе: Perrot J.-Cl. Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIIIe siècle. 1975. T. 1. P. 23 sq.; T. 2. Chapitres X—XI. Снос крепостных стен, начатый в 1751 г., завершился только в 1787-м. Нерешительность проявляли и в Бордо — см.: Histoire de Bordeaux. P. p. Ch. Higounet. P. 236.
- ⁶¹ Pitte J.-R. Op. cit. T. 2. P. 16.
- ⁶² Ibid. T. 2. Chapitre I.
- ⁶³ Meyer J. Op. cit. T. 1. P. 14.
- ⁶⁴ См. у Л.-С. Мерсье.
- ⁶⁵ Lavergne L. de. Economie rurale de la France depuis 1789. 1860. Ed. 1877. P. 192.
- ⁶⁶ Poussou J.-P. Une ville digne de sa fortune // Histoire de Bordeaux / P. p. Ch. Higounet. 1980. P. 238; Godechot J. et Tollon B. Ombres et lumières sur Toulouse (1715—1789) // Histoire de Toulouse / P. p. Ph. Wolff. 1974. P. 370—372; Bourde A. Les mentalités, la religion, les lettres et les arts de 1596 à 1789 // Histoire de Marseille / P. p. E. Baratier. 1973. P. 237. Bardet J.-P. Un dynamisme raisonnable. Dimensions, évolutions (1640—1789). // Histoire de Rouen / P. p. M. Mollat. 1979. P. 213; Perrot J.-C. Op. cit. T. 2. P. 585.
- ⁶⁷ Nières Cl. L'incendie et la reconstruction de Rennes // Histoire de Rennes. P. p. J. Meyer. 1972. P. 213 sq.
- ⁶⁸ Ibid. P. 229.
- ⁶⁹ Ibid. P. 233.
- ⁷⁰ Perrot J.-C. Op. cit. T. 2. P. 592 et 615—617.
- ⁷¹ Trenard L. Le Paris des Pays-Bas (XVIIIe siècle) // Histoire d'une métropole, Lille-Roubaix-Tourcoing. 1977. P. 278.
- ⁷² Patte P. Mémoire sur les objets les plus importants de l'architecture. 1772. P. 6; цит. по: Derozier Cl. Aspects de l'urbanisme à Besançon au XVIIIe siècle // L'Information historique. 1984. P. 82.
- ⁷³ Carbasse J.-M. Pesanteurs et fastes de l'Ancien Régime // Histoire de Narbonne / P. p. J. Michaud et A. Cabanis. 1981. P. 244.
- ⁷⁴ Noël E. Rouen, Rouennais, rouenneries. 1894. P. 165—172.
- ⁷⁵ Bardet J.-P. La maison rouennaise aux XVIIe et XVIIIe siècles, économie et comportement // Le Bâtiment. Enquête d'histoire économique XIVe—XIXe

- siècles. T. 1. Maisons rurales et urbaines de la France traditionnelle / P. p. J.-P. Bardet, P. Chaunu, G. Desert, P. Gouhier, H. Neveux. 1971. P. 319—320.
- ⁷⁶ Lopez R., Miskimin H. A. The economic depression of the Renaissance // *The Economic History Review*. 1962. XIV. N° 3. Avril. P. 115—126.
- ⁷⁷ На защите диссертации 27 мая 1972 г.
- ⁷⁸ Kula W. Rapport de A. Wyrobisz et discussion, sixième semaine de Prato. 1974.
- ⁷⁹ Charléty S. Histoire de Lyon. 1903. P. 129.
- ⁸⁰ В 1789 г. долг Лиона достиг 40 миллионов, долг Марселя — почти 19, долг Экс-ан-Прованса — 1,8, долг Арля — 1 миллиона.
- ⁸¹ Chaunu P. Le bâtiment dans l'économie traditionnelle // *Le Bâtiment...* Op. cit. P. 19—20; Neveux H. Recherches sur la construction et l'entretien des maisons à Cambrai de la fin du XIVe siècle au début du XVIIIe.—Ibid. P. 244.
- ⁸² Perrot J.-C. Op. cit. T. 2. P. 615.
- ⁸³ Chaunu P. Art. cit. // *Le Bâtiment...* Op. cit. P. 20.
- ⁸⁴ Ibid. P. 25.
- ⁸⁵ Chevalier L. Classes laborieuses, classes dangereuses. 1958. P. 217.
- ⁸⁶ Chaunu P. Art. cit. P. 31.
- ⁸⁷ Dupâquier J. Le réseau urbain du Bassin Parisien au XVIIIe et au début du XIXe siècle. Essai de statistique // *Actes du 100e Congrès National des Sociétés Savantes. Histoire Moderne II* (Paris 1975). 1977. P. 125.
- ⁸⁸ См. кн. 1, с. 151.
- ⁸⁹ Reinhard M. La population des villes, sa mesure sous la Révolution et l'Empire // *Population*. 1954. N° 2. P. 279—288.
- ⁹⁰ Bairoch P. De Jéricho à Mexico. Villes et économies dans l'histoire. 1985. P. 288.
- ⁹¹ Lebrun F. La tutelle monarchique (1657—1787) // *Histoire d'Angers*. P. p. F. Lebrun. 1975. P. 83.
- ⁹² Ibid. P. 101.
- ⁹³ Ibid. P. 103.
- ⁹⁴ Ibid. P. 103.
- ⁹⁵ Ibid. P. 101.
- ⁹⁶ Cazals R., Valentin J. Carcassonne ville industrielle au XVIIIe siècle. 1984. P. 3—4.
- ⁹⁷ Dardel P. Commerce, industrie et navigation à Rouen et au Havre au XVIIIe siècle. 1966. P. 118.
- ⁹⁸ Ibid. P. 118—119.
- ⁹⁹ Ibid. P. 123—139.
- ¹⁰⁰ Braudel F. *Civilisation matérielle...* Op. cit. T. 1. P. 282—283 et note. (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* Т. 1. С. 347 и примеч.)
- ¹⁰¹ Cayez P. Métiers jacquard et hauts fourneaux aux origines de l'industrie lyonnaise. 1978. P. 79 sq.
- ¹⁰² Ibid. P. 107.
- ¹⁰³ Ibid. P. 154—155.
- ¹⁰⁴ Fox E. *L'Autre France. L'histoire en perspective géographique*. 1973.
- ¹⁰⁵ Possou J.-P. *Bordeaux et le Sud-Ouest...* Op. cit. P. 411—414.

- ¹⁰⁶ Braure M. Lille et la Flandre wallonne au XVIIIe siècle. 1932. Т. 2. P. 85 sq., 369 sq.
- ¹⁰⁷ Braure M. Op. cit. Т. 2. P. 376—377.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 376.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 378—379.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 378—379 et 387.
- ¹¹¹ Trenard L. Op. cit. // Histoire d'une métropole... Op. cit. P. 245.
- ¹¹² Записка Антуана де Сюрмона; цит. по: Braure M. Op. cit. Т. 2. P. 379—380.
- ¹¹³ Cayez P. Op. cit. P. 94.
- ¹¹⁴ Начиная с 1692 г.: Bordes M. L'Administration provinciale et municipale en France au XVIIIe siècle. 1972. P. 199.
- ¹¹⁵ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 123.
- ¹¹⁶ Lüthy H. La Banque protestante en France, de la révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution. Т. 1. 1959. P. 314.
- ¹¹⁷ Sentou J. La Fortune immobilière des Toulousains et la Révolution française. 1970. P. 25.
- ¹¹⁸ Ibid. P. 174.
- ¹¹⁹ Besnier R. Histoire des faits économiques jusqu'au XVIIIe siècle. 1965. P. 42.
- ¹²⁰⁻¹²¹ Emmanuel Arghiri. L'Echange inégal. Essai sur les antagonismes dans les rapports économiques internationaux. 1969. P. 43.
- ¹²² Речь идет о семинаре Шарля Моразе.
- ¹²³ А. N. F¹⁰ 242. Ответ из департамента Монблан на запрос Комитета общественного спасения о состоянии сельского хозяйства, мануфактур, торговли — IV год Республики. Савойя стала департаментом Монблан 27 ноября 1792 г.
- ¹²⁴ Отрывок из воспоминаний детства, начатых по моей просьбе моим безвременно скончавшимся другом Роже Верлаком и описывавших Сен-Жерве и Контаминскую долину до туристского нашествия. В 1820 г. подобная система действовала также и в горах Юра в окрестностях Русс — см.: Berthet M., abbé. Les Rousses // A travers les voyages du Jura. P. p. J. Brelot, M. Berthet, G. Duhem. 1963. P. 285.
- ¹²⁵ Сведения собраны Жильбером Бланом, лесничим и проводником из Сен-Жерве.
- ¹²⁶ Dutens J.-M. Histoire de la navigation intérieure en France. 1828. Т. 1. P. IX—X; цит. по: Toutain J.-Cl. Les Transports en France de 1830 à 1965 // Cahiers de l'ISEA. Série AF-9. 1967. Sept.-oct. P. 38
- ¹²⁷ Lepetit B. Chemins de terre et voies d'eau: réseaux de transports et organisation de l'espace en France, 1740—1840. 1984. P. 91.
- ¹²⁸ Young A. Voyages en France. Т. 1. Ed. 1976. P. 75—76, 142, 163, 393.
- ¹²⁹ Statistique générale de la France. Territoire et population. 1837. P. 47.
- ¹³⁰ А. N. F¹⁰ 242. Op. cit.
- ¹³¹ Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime. 1984. Т. 1. P. 55.
- ¹³² Lavergne L. de. Op. cit. P. 434.
- ¹³³ Документ любезно предоставлен из частного собрания доктора Морана.

- ¹³⁴ Goubert P., Roche D. Op. cit. Т. 1. P. 55.
- ¹³⁵ Monteil A. Description du département de l'Aveyron, an X; цит. по: Harmelle Cl. Les Piqués de l'aigle. Saint-Antonin et sa région 1850—1940. Révolution des transports et changement social. 1982. P. 75.
- ^{136—137} Ambroise-Rendu M. Géographie parisienne, les révélations du nouvel atlas démographique et social de la capitale // Le Monde. 1984. 30—31 décembre. P. 1.
- ¹³⁸ Lepetit B. Op. cit. P. 81.
- ¹³⁹ A. N. F³⁰ 197.
- ¹⁴⁰ Lepetit B. Op. cit. P. 67—71.
- ¹⁴¹ Favier R. Une ville face au développement de la circulation au XVIIIe siècle: Vienne en Dauphiné // Actes du 100e Congrès National des Sociétés Savantes. Paris, 1975. P. 54-55.
- ¹⁴² Fustier P. La Route. Voies antiques, chemins anciens, chaussées modernes. 1968. P. 228—236, 249—254. Первый металлический мост был построен Марком Сереном на Роне между Тэном и Турноном.
- ¹⁴³ Stendhal. Mémoires d'un touriste. 1838. Ed. 1929. Т. 1. P. 73, 309—310.
- ¹⁴⁴ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 112.
- ¹⁴⁵ Arbellot G. Les routes en France au XVIIIe // Annales E. S. C. 1973. Mai-juin. P. 790, вклейка. Цит. по: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. 3. 1979. P. 270—271. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 322—333).
- ¹⁴⁶ Ministère des Travaux Publics, documents statistiques sur les routes et les ponts. 1873. Цит. по: Toutain J.-C. Les Transports... Op. cit. P. 15.
- ¹⁴⁷ Georges J.-Cl. De la Beholle à la Falouse. 1985. P. 75.
- ¹⁴⁸ Croix A. La Bretagne aux XVIe et XVIIe siècles. 1981. Т. 1. P. 39, note 95.
- ¹⁴⁹ Hugo V. Les Pyrénées. Ed. 1984. P. 18.
- ¹⁵⁰ Goubert P. Préface à: Cocula-Vaillières A.-M. Un fleuve et des hommes. Les gens de la Dordogne au XVIIIe siècle. 1981. P. 7.
- ¹⁵¹ Montluc B. de. Commentaires (1521—1576). Ed. Bibliothèque de la Pléiade. 1964. Т. 5. P. 515. Цит. по: Cocula-Vaillières A.-M. Op. cit. P. 15.
- ¹⁵² Ponz A. Viaje fuera de España. 2e éd. 1791. Т. 1. P. 56.
- ¹⁵³ Cocula-Vaillières A.-M. Op. cit.
- ¹⁵⁴ Ibid. P. 34.
- ¹⁵⁵ Ibid. P. 79 sq.
- ¹⁵⁶ Ibid. P. 110—114.
- ¹⁵⁷ Ibid. P. 73.
- ¹⁵⁸ Ibid. P. 76—78.
- ¹⁵⁹ Такие контракты включали не только перечень товаров и стоимость провоза, но и предельный срок доставки (как правило, три недели). Эти записи, заверенные подписями двух свидетелей, обнаружены в бухгалтерских книгах одного купца XIII в. См.: Granat O. Essai sur le commerce dans un canton de l'Agenais au XVIIe siècle d'après le «livre de comptes et de raisons de Hugues Mario, marchand» de Montaigut en Agenais, aujourd'hui Montaigut-du-Quercy (1648—1654) // Revue de l'Agenais. 1901. Т. 28. P. 425—440.

- ¹⁶⁰ Cahen L. Ce qu'enseigne un péage du XVIIIe siècle: la Seine, entre Rouen et Paris, et les caractères de l'économie parisienne // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1931. T. 3. P. 487—518.
- ¹⁶¹ A. N. G⁷ 1647, n° 345, 14 juin 1710.
- ¹⁶² Ibid. N° 326, 20 avril 1709.
- ¹⁶³ Block M. Statistique de la France comparée avec les divers pays de l'Europe. 1875. T. 2. P. 250.
- ¹⁶⁴ Granat O. Art. cit. P. 437—438.
- ¹⁶⁵ A. N. F¹⁴ 168, imprimé.
- ¹⁶⁶ Dussourd H. Les Hommes de la Loire. 1985. P. 85 sq.
- ¹⁶⁷ A. N. G⁷ 124.
- ¹⁶⁸ A. N. H 94, dossier VI. Pièce 74.
- ¹⁶⁹ Gazette de France. 1763. 15 avril.
- ¹⁷⁰ Histoire de la navigation sur l'Allier en Bourbonnais. P. p. le Service éducatif des Archives Départementales de l'Allier. 1983. P. 30.
- ¹⁷¹ A. N. F¹² 1512 C.
- ¹⁷² Huguet A. Histoire de Saint-Valéry. 1909. P. 1191 sq.
- ¹⁷³ Toutain J.-C. Op. cit. P. 74—75.
- ¹⁷⁴ Meyer J. Op. cit. P. 36.
- ¹⁷⁵ Gascon R. Grand Commerce et vie urbaine au XVIe siècle. Lyon et ses marchands. 1971. P. 157.
- ¹⁷⁶ Dutens J.-M. Op. cit. T. 1. P. IX—X; цит. по: Toutain J.-C. Op. cit. P. 38.
- ¹⁷⁷ Vauban. Mémoire sur la navigation des rivières // *Mémoires des Intendants sur l'état des généralités, dressés pour l'instruction du Duc de Bourgogne*, p. p. A. M. de Boislile (1re éd. 1761). T. 1. 1881. P. 401.
- ¹⁷⁸ Например, согласно ежегодному статистическому отчету о судоходстве по реке Алье, в 1837 г. (единственный год, за который имеются подробные данные) 29 судов перевезли 870 тонн древесного угля в Париж и 18 судов — 360 тонн соломы из Пон-дю-Шато в Мулен. Histoire de la navigation sur l'Allier... Op. cit. P. 34—35.
- ¹⁷⁹ A. N. F¹⁰ 242.
- ¹⁸⁰ Perrot J.-C. Op. cit. P. 211.
- ¹⁸¹ A. N. F¹¹ 3059.
- ¹⁸² Letaconnoux J. Les voies de communication en France au XVIIIe siècle // *Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte...* 1909. T. 7. P. 108.
- ¹⁸³ Toutain J.-C. Op. cit. P. 40.
- ¹⁸⁴ В вышеупомянутом ежегодном отчете о судоходстве по Алье содержится таблица объема и стоимости перевозок по разным товарам (вино, древесный уголь, каменный уголь, доски, дубовые клепки, камень, деревянные щиты, солома, фрукты и т. д.), после чего упоминаются «108 плотов лесосплава» — без всяких уточнений и отдельно от этой таблицы. Histoire de la navigation sur l'Allier... Op. cit. P. 34—35.
- ¹⁸⁵ A. N. F¹² — 653. Январь 1786 г.

- ¹⁸⁶ Toutain J.-C. Op. cit. P. 248.
- ¹⁸⁷ Vauban. Mémoire sur la navigation... Op. cit. P. 413.
- ¹⁸⁸ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 132; Toutain J.-C. Op. cit. P. 252.
- ¹⁸⁹ Marion M. Dictionnaire des institutions de la France au XVIIe et au XVIIIe siècle. Ed. 1976. P. 561.
- ¹⁹⁰ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 97.
- ¹⁹¹ Ibid. P. 111.
- ¹⁹² Deplat Ch. Les résistances à l'implantation de la route royale dans le ressort de l'intendance d'Auch et de Pau au XVIIIe siècle // Annales du Midi. 1981.
- ¹⁹³ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 105.
- ¹⁹⁴ Marion M. Op. cit. P. 153—154; Wimbée G. Histoire du Berry, des origines à 1790. 1957. P. 245.
- ¹⁹⁵ A. N. H 160. Mémoire de M. Antoine, sous-ingénieur en Bourgogne, sur la suppression de la corvée en Bourgogne, 1775.
- ¹⁹⁶ Marion M. Op. cit. P. 154.
- ¹⁹⁷ Arbellot G. Le réseau des routes de poste, objet des premières cartes thématiques de la France moderne // Les Transports de 1610 à nos jours. Actes du 104e Congrès National des Sociétés Savantes. Bordeaux, 1979. 1980. I. P. 107, note 4.
- ¹⁹⁸ См. выше, «Что такое Франция?», кн. 1, с. 313—314.
- ¹⁹⁹ Dubois P. Histoire de la campagne de 1707 dans le Sud-Est de la France. Dactylogramme. P. 28. Письмо Тессе.
- ²⁰⁰ Fouché M. La poste aux chevaux de Paris et ses maîtres de poste à travers les siècles. 1975. P. 84—85.
- ²⁰¹ Champion P. Paris au temps de la Renaissance. L'enfers de la tapisserie. Le règne de François Ier. 1935. P. 32. Наутро после Варфоломеевской ночи Диего де Сунига отправил сообщение об этом Филиппу II, который получил письмо 7 сентября и бурно ликовал. Erlanger Ph. Le Massacre de la Saint-Barthélemy. 1960. P. 203.
- ²⁰² A. N. F¹⁰ 221-1. Кемпер, 27 июня 1791 г.
- ²⁰³ Цифры любезно предоставлены нам Ж.-К. Тутеном, собравшим эти данные для своей будущей книги.
- ²⁰⁴ См. главу VI «Записок к истории Лангедока», написанных в 1737 г. интендантом де Бавилем.
- ²⁰⁵ Процентные соотношения, высчитанные Ж.-К. Тутеном; 1781—1790 гг. — 30%; 1803—1814 гг. — 32%; 1825—1834 гг. — 37%; 1845—1854 гг. — 45%; 1875—1884 гг. — 52%; 1895—1904 гг. — 58%; 1920—1924 гг. — 65%; 1925—1934 гг. — 72%; 1935—1938 гг. — 75%; 1980 г. — 95%.
- ²⁰⁶ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 540.
- ²⁰⁷ Ibid. P. 188.
- ²⁰⁸ Ibid. P. 437.
- ²⁰⁹ Москва, АВПРИ 35/6, 381. Л. 170—171.
- ²¹⁰ Цит. по: Marion M. Op. cit. P. 541.
- ²¹¹ Ibid. P. 540.
- ²¹² Москва, АВПРИ 13/6 439. Л. 168 и V^o.

- ²¹³ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 158.
- ²¹⁴ Ibid.
- ²¹⁵ Ibid. P. 152—154.
- ²¹⁶ Chevalier. M. *Système de la Méditerranée*. 1832; цит. по: Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 160—161.
- ²¹⁷ Regazzola T., Lefebvre J. Op. cit. P. 165.
- ²¹⁸ Bonnet P. *La Commercialisation de la vie française du Premier Empire à nos jours*. 1929. P. 82.
- ²¹⁹ Harmelle C. Op. cit. P. 152, 162.
- ²²⁰ Duchêne G. *L'Empire industriel. Histoire critique des concessions financières et industrielles du Second Empire*. 1869. P. 297.
- ²²¹ Fustier P. *La Route. Voies antiques, chemins anciens, chaussées modernes*. 1968. P. 256.
- ²²² Lovie J. *Chemins de Savoie: la route d'Italie à l'époque romantique (1815—1860)* // *Les Transports de 1610 à nos jours...* Op. cit. P. 80.
- ²²³ A. N. F^{ic} III. Loiret 7, n° 307.
- ²²⁴ Got E. *Journal...* 1822—1901. T. 2. 1910. P. 245.
- ²²⁵ Siegnour P. Op. cit. P. 91.
- ²²⁶ Reynier E. *Le Pays de Vivarais*. 1934; цит. по: Nelli R. *Le Languedoc et le Comté de Foix, le Roussillon*. 1958. P. 51.
- ²²⁷ Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of rural France 1870—1914*. 1977. Фр. пер.: *La Fin des terroirs: la modernisation de la France rurale, 1870—1914*. 1983.
- ²²⁸ Harmelle C. Op. cit.
- ²²⁹ Ibid. P. 53.
- ²³⁰ Ibid. P. 93.
- ²³¹ Ibid. P. 92—93.
- ²³² Ibid. P. 222.
- ²³³ Monteil A. *Description du département de l'Aveyron. An X (1802)*; цит. по: Harmelle C. Op. cit. P. 75.
- ²³⁴ Ibid. P. 77.
- ²³⁵ Ibid. P. 110—111.
- ²³⁶ Ibid. P. 235.
- ²³⁷ Ibid. P. 320.
- ²³⁸ Ibid. P. 152, 162.
- ²³⁹ Cayez P., ссылка неполна.
- ²⁴⁰ Harsin P. *De quand date le mot industrie?* // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1930. P. 235—242.
- ²⁴¹ Mathieu de Dombasle C. J. A. *De l'avenir industriel de la France*. 1835.
- ²⁴² Duchêne G. *L'Empire industriel...* Op. cit. P. 45.
- ²⁴³ Письма префекту департамента Кот-дю-Нор, Лудеак, 24 февраля 1853 г., и префекту департамента Финистер, Морле, 14 января 1850 г. А. Н. F¹² 4476 S.
- ²⁴⁴ A. N. F^{ic} V Hérault, 3, 1837.

- ²⁴⁵ Say J.-B. Cours complet d'économie politique. T. 1. 1966, réimp. P. 100—101.
- ²⁴⁶ Barral P. La crise agricole // Histoire économique et sociale de la France. P. p. Fernand Braudel et Ernest Labrousse. Op. cit. T. 4/1. P. 371.
- ²⁴⁷ Massimo d'Angello.
- ²⁴⁸ Ricardo D. Principes de l'économie politique et de l'impôt. 1817. P. 3—8.
- ²⁴⁹ Ibid. P. 7, а также примечание 1 Жан-Батиста Сея к изданию Давида Рикардо.
- ²⁵⁰ Boullay E. de. Statistique agricole et industrielle du département de la Saône-et-Loire. 1849. P. 10.
- ²⁵¹ Caroselli M. R. I fattori della seconda Rivoluzione industriale // Economia e Storia. 1978. P. 389—418.
- ^{252—253} Dauzat Albert, Dubois Jean, Mitterand Henri. Nouveau Dictionnaire étymologique et historique. 1964.
- ²⁵⁴ Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 2. P. 261. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 292).
- ²⁵⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. С. 200 и след.
- ²⁵⁶ Chassagne S. Industrialisation et désindustrialisation dans les campagnes françaises: quelques réflexions à partir du textile // Revue du Nord. 1981. Janvier-mars. P. 43, note 26.
- ²⁵⁷ George P. Histoire de France, le recours à la terre // Le Monde. 1984. 27 octobre.
- ²⁵⁸ Buffevent B. de. Marchands de l'ancien «pays de France» au XVIIIe siècle // Le Développement urbain de 1610 à nos jours. Actes du 100e Congrès National des Sociétés Savantes. Paris, 1975. 1977. P. 171—184.
- ²⁵⁹ Léon P. Les transformations de l'entreprise industrielle // Histoire économique et sociale de la France. P. p. Fernand Braudel et Ernest Labrousse. T. 2. 1970. P. 262.
- ²⁶⁰ Как подчеркивает Ив Морван (Morvan Y. La Concentration de l'industrie en France. 1972. P. 15 sq.), это слово имеет разные значения даже применительно к современной промышленности. Критерием может служить один лишь размер производственной единицы (как это происходит в случае мануфактур) или же соединение вместе различных производств, участвующих в одном производственном процессе (таков приводимый в данном случае пример Геньона).
- ²⁶¹ A. N. F¹⁴ 4481, documents 1 et 7.
- ²⁶² Devillers Ch., Huet B. Le Creusot. Naissance et développement d'une ville industrielle 1782—1914. 1981. P. 36—49.
- ²⁶³ Printz A. La Vallée usinière, histoire d'un ruisseau, la Fensch. 1966. P. 57—67.
- ²⁶⁴ Société lorraine des anciens établissements de Dietrich et Cie, de Lunéville 1880—1950. 1951. P. 9.
- ²⁶⁵ Moreau de Jonnés A. Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. 1867. P. 59—60.
- ²⁶⁶ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 95. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 106—107).
- ²⁶⁷ Le Monde des affaires en France de 1830 à nos jours. 1952. P. 83.

- ²⁶⁸ Pinto I. de. Lettre sur la jalousie du commerce // *Traité de la circulation et du crédit*. 1771. P. 287.
- ²⁶⁹ Véron de Forbonnais F. *Principes et observations économiques*. 1767. T. 1. P. 205.
- ²⁷⁰ Dupont de Nemours P. S. De l'exportation et de l'importation des grains. 1764. P. 90—91; цит. по: Dockes P. L'Espace dans la pensée économique du XVIe au XVIIe siècle. 1969. P. 288.
- ²⁷¹ Rousseau J.-J. *Emile ou de l'Education*. Ed. 1961. P. 226.
- ²⁷² Gueneau L. Les Conditions de la vie à Nevers (denrées, logements, salaires) à la fin de l'Ancien Régime. 1919. P. 99 sq.
- ²⁷³ Bulletin de l'Association Meusienne. 1984. Avril.
- ²⁷⁴ Vidal de la Blache P. La France de l'Est, Lorraine, Alsace. 1917. P. 38.
- ²⁷⁵ Chamson A. Les Hommes de la route. 1927. P. 76.
- ²⁷⁶ Armand G. Villes, centres et organisation urbaine des Alpes du Nord. Le passé et le présent. 1974. P. 85—86.
- ²⁷⁷ О Лавале, Шоле, Сен-Кантене см.: Chassagne S. Industrialisation et désindustrialisation dans les campagnes françaises // *Revue du Nord*. 1981. P. 37—40.
- ²⁷⁸ Armand G. *Op. cit.* P. 92.
- ²⁷⁹ *Ibid.* P. 88—89.
- ²⁸⁰ Schnetzler J. Les Industries et les hommes dans la région de Saint-Etienne. 1976. P. 50—51.
- ²⁸¹ Léon P. La réponse le l'industrie // *Histoire économique et sociale de la France*. P. p. Fernand Braudel et Ernest Labrousse. T. 2. 1970. P. 252.
- ²⁸² *Ibid.* P. 252—253.
- ²⁸³ Dornic F. Le Fer contre la forêt. 1984. P. 40.
- ²⁸⁴ Tarlé E. V. L'Industrie dans les campagnes en France à la fin de l'Ancien Régime. 1910. P. 48.
- ²⁸⁵ Chassagne S. Industrialisation et désindustrialisation dans les campagnes françaises... *Art. cit.* P. 49—50.
- ²⁸⁶ Desbons G. Capitalisme et agriculture. 1912. P. 19; Seignobos Ch. L'évolution de la IIIe république // *Histoire de la France contemporaine*. P. p. Ernest Lavisse. T. 8. 1921. P. 460.
- ²⁸⁷ Bairoch P. Révolution industrielle et sous-développement. 1974. P. 276.
- ²⁸⁸ Daumas M. L'Archéologie industrielle en France. 1980. P. 106.
- ²⁸⁹ Lomüller L.-M. Histoire économique et industrielle de la France de la fin du XVIIe siècle au début du XIXe siècle. Guillaume Ternaux, 1763—1833, créateur de la première intégration industrielle française. 1978. P. 56, note 9.
- ²⁹⁰ Daumas M. *Op. cit.* P. 98.
- ²⁹¹ Klaveren J. van. Die Manufakturen des «Ancien Régime» // *Vierteljahrschrift für Social-Wirtschaftsgeschichte*. 1964. P. 145 sq.
- ²⁹² Sombart W. *Der Moderne Kapitalismus*. 15e éd. 1928. T. 2. P. 731. Ср. также: Braudel F. *Civilisation matérielle...* T. 2. P. 259 sq. (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* T. 2. С. 293—294).

- ²⁹³ Léon P. La réponse de l'industrie // Histoire économique et sociale de la France / P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 2. 1970. R. 257 sq.
- ²⁹⁴ Daumas M. Op. cit. P. 134—135; A. N. O² 871—906.
- ²⁹⁵ Pris C. La Manufacture royale des glaces de Saint-Gobain 1665—1830. 1973.
- ²⁹⁶ Daumas M. Op. cit. P. 106.
- ²⁹⁷ Ibid. P. 111—114.
- ²⁹⁸ A. N. G⁷ 259 f° 9.
- ²⁹⁹ Daumas M. Op. cit. P. 98—106.
- ³⁰⁰ Léon P. La réponse de l'industrie. Op. cit. P. 260.
- ³⁰¹ Ibid.
- ³⁰² Nussbaum F. L. A History of the economic Institutions of modern Europe. 1933. P. 212—213.
- ³⁰³ Cazals R. Les Révolutions industrielles à Mazamet 1750—1900. 1983. P. 79.
- ³⁰⁴ Dey de Séraucourt L. F. Mémoire sur la généralité de Bourges, dressé par ordre du duc de Bourgogne en 1697. 1844.
- ³⁰⁵ Léon P. La réponse de l'industrie. Op. cit. P. 259, 243.
- ³⁰⁶ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 3. P. 514. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 612).
- ³⁰⁷ Soboul A. La reprise économique et la stabilisation sociale, 1797—1815 // Histoire économique et sociale de la France / P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 3: l'Avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1980). 1976. P. 107; Léon P. L'impulsion technique // Histoire économique et sociale de la France. Op. cit. T. 3/2. 1976. P. 485; Cazals R. Op. cit. P. 114—115.
- ³⁰⁸ Cf. Mercier L. S. Op. cit. T. 7. P. 147.
- ³⁰⁹ Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en général. 1755. Ed. 1952. P. 36.
- ³¹⁰ Bonnet P. La Commercialisation de la vie française du Premier Empire à nos jours. 1929. P. 12; Endrei W. L'Evolution des techniques de filage et de tissage du Moyen Age à la Révolution industrielle. 1968. P. 145.
- ³¹¹ Le Bras H. Les Trois France. 1986. P. 237.
- ³¹² Léon P. L'impulsion technique. Op. cit. P. 498.
- ³¹³ Printz A. La Vallée usinière... Op. cit. P. 57—67.
- ³¹⁴ Braudel F. Civilisation matérielle... 1979. T. 2. P. 287, note 341 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 323, примеч. 341); A. N. F¹² 682 (9 января 1727 г.).
- ³¹⁵ Markovitch T. J. L'Industrie française de 1789 à 1964. Conclusions générales // Cahiers de l'ISEA. T. 4. 1966. P. 59.
- ³¹⁶ Markovitch T. J., ссылка неполна.
- ³¹⁷ Avenel G. d'. Le Mécanisme de la vie moderne. 3e serie. 1900. P. 215—216.
- ³¹⁸ Guyot Y. Notes sur l'industrie et le commerce de la France // Journal de la Société de Statistique de Paris. 1897. P. 287.
- ³¹⁹ Gillet M. Les Charbonnages du Nord de la France au XIXe siècle. 1973. P. 28.
- ³²⁰ Avenel G. d'Op. cit. P. 214.
- ³²¹ Ibid.
- ³²² Charléty S., ссылка неполна.

- 323 Chaptal J.-A. De l'industrie française. T. 2. 1819; цит. по: Léon P. L'impulsion technique. Art. cit. P. 482—483.
- 324 Léon P. La réponse de l'industrie. Art. cit. P. 239—243.
- 325 Léon P. L'impulsion technique. Art. cit. P. 481.
- 326 Poni C. Archéologie de la fabrique: la diffusion des moulins à soie *alla bolognese* dans les Etats vénitiens des XVIe et XVIIIe siècles // Braudel F. Civilisation matérielle... 1979. T. 3. P. 476.
- 327 Singer Ch., Holmyatd E. J., Hall A. R. Williams T. I. Storia della tecnologia. T. 3. 1963. P. 382.
- 328 Цит. по: Caron F. Le Résistible Déclin des sociétés industrielles. 1985. P. 66.
- 329 Payen J. Machines et turbines à vapeur // Histoire générale des techniques. P. p. M. Daumas. T. 4. 1978. P. 18.
- 330 Ibid. P. 118.
- 331 Guéron J. L'énergie nucléaire // Histoire générale des techniques. P. p. M. Daumas. T. 4. 1978. P. 42.
- 332 Payen J. Machines et turbines à vapeur // Histoire générale des techniques. T. 4. 1978. P. 46—51; Caron F. Op. cit. P. 67.
- 333 Caron F. Op. cit. P. 57.
- 334 Caron F. La croissance économique // Histoire économique et sociale du monde P. p. P. Léon. T. 4. 1978. P. 91—92.
- 335 Caron F. Le Résistible Déclin... Op. cit. P. 87.
- 336 Leprince-Ringuet L. L'Aventure de l'électricité. 1983. P. 46—52.
- 337 Caron F. La croissance économique. Art. cit. P. 93.
- 338 Моïсе R., Daumas M. L'électricité industrielle // Histoire générale des techniques. Op. cit. T. 4. P. 418, 364, 423.
- 339 Ссылка утеряна.
- 340 Caillot A. Mémoires pour servir à l'histoire des moeurs et usages des Français. 1827. T. 1. P. 134.
- 341 Op. cit., article «Commerce». T. 2. P. 113.
- 342 Lamoignon de Basville N. de. Mémoires pour servir à l'histoire du Languedoc. 1734. P. 39.
- 343 Москва. Библиотека имени Ленина, FR 374. Л. 159.
- 344 Cazals R. Op. cit. P. 14.
- 345 Ibid.
- 346 Trenard L. Histoire d'une métropole: Lille-Roubaix-Tourcoing. 1977. P. 248—249, 318—319.
- 347 A. N. G⁷ 1691, 63.
- 348 Markovitch T. J. L'Industrie française de 1789 à 1964. Conclusions générales // Cahiers de l'ISEA. AF n° 7. N° 179. 1966. Nov. P. 142.
- 349 Chassagne S. L'industrie lainière en France à l'époque révolutionnaire et impériale 1790—1810 // Voies nouvelles pour l'histoire de la Révolution française. Colloque A. Mathiez et G. Lefebvre. 1978.
- 350 Braudel F. Civilisation matérielle... T. 3. P. 481 sq. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 558); Bonnet R. La Commercialisation de la vie française

- du Premier Empire à nos jours. 1929. P. 17—53; автор, констатируя для 1814 г. отставание Франции (в частности, по сравнению с Англией), относит Революцию и наполеоновские войны к его «кажущимся причинам», тогда как подлинные причины были техническими, социальными, законодательными, а главное, связанными с «неоднородностью страны» (то есть имели характер структурный).
- ³⁵¹ Bouvier J. Industrie et société // Histoire économique et sociale de la France. P. p. F. Braudel et E. Labrousse. T. 4/3. 1982. P. 1724—1725.
- ³⁵² Appolis E. Un pays languedocien au milieu du XVIIIe siècle, le diocèse civil de Lodève. 1951. P. VI.
- ³⁵³ Daumas M. L'Archéologie industrielle en France. 1980. P. 30.
- ³⁵⁴ Ibid. P. 99.
- ³⁵⁵ Ibid. P. 106.
- ³⁵⁶ Ibid. P. 98—106; Alberge Cl., Laurent J.-P., Sagnes J. Villeneuve, une manufacture du Languedoc // Etudes sur l'Hérault. 1984. N° 12.
- ³⁵⁷ Daumas M. Op. cit. P. 185—186.
- ³⁵⁸ Hoffmann W. G. British Industry, 1700—1950. 1955; цит. по: Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 304.
- ³⁵⁹ Braudel F., Spooner F. Prices in Europe from 1450 to 1750 // Cambridge Economic History of Europe. T. 4. P. 454, 484.
- ³⁶⁰ Markovitch T. J. L'Industrie française de 1789 à 1964. Op. cit. P. 196.
- ³⁶¹ Sée H. Esquisse de l'évolution industrielle de la France de 1815 à 1848, les progrès du machinisme et de la concentration // Revue d'histoire économique et sociale. 1923. N° 4. P. 473—497.
- ³⁶² Léon P. L'impulsion technique. Art. cit. P. 479.
- ³⁶³ Braudel F. Civilisation matérielle... Op. cit. T. 3. P. 69, 231. (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 102, 275—276).
- ³⁶⁴ Markovitch T. J. Salaires et profits industriels en France (sous la Monarchie de Juillet et le Second Empire) // Economies et Sociétés, Cahiers de l'ISEA. 1967. Avril. P. 79.
- ³⁶⁵ Markovitch T. J. L'Industrie française de 1789 à 1964. Op. cit. P. 86.
- ³⁶⁶ Из краткого резюме, написанного Т. Ж. Марковичем для личного пользования Фернана Броделя и излагающего основные выводы из его «Истории французской промышленности», которая к тому моменту насчитывала семь томов.
- ³⁶⁷ Seignobos Ch. L'évolution de la IIIe République // Histoire de la France contemporaine. P. p. E. Lavissee. 1921. P. 460.
- ³⁶⁸ Le Bras H. Les Trois France. Op. cit. P. 223.
- ³⁶⁹ Ibid. P. 236.
- ³⁷⁰ Ibid. P. 228—229.
- ³⁷¹ Примечание утеряно.
- ³⁷² Lavergne L. de. Economie rurale de la France depuis 1789. 1877. P. 45.
- ³⁷³ Chaunu P. La Civilisation de l'Europe classique. 1966. P. 328—329, 342.
- ³⁷⁴ Oeuvres économiques de Sir William Petty. 1901. T. I. P. 277; цит. по:

- Dockes P. L'Espace dans la pensée économique du XVIe au XVIIIe siècle. 1969. P. 152.
- ³⁷⁵ Ср. его переписку, хранящуюся в московских архивах. Швейцарские негодянты часто брали на себя исполнение обязанностей иностранных консулов в Марселе; швейцарцами были консулы датский, австрийский и английский; см.: Histoire du commerce de Marseille / P. p. Gaston Rambert. 1954. Т. 4. P. 529—530.
- ³⁷⁶ Turgot A.-R.-J. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. 1766 // Oeuvres de Turgot. P. p. Eugène Daire. 1844. Réed. 1966. Т. 1. P. 43; A. N., G⁷, 1697, 165, 23 декабря 1712.
- ³⁷⁷ Toutain J.-C. La Population de la France de 1700 à 1959 // Cahiers de l'ISEA, AF 3, 1963. P. 136—137 (таблицы).
- ³⁷⁸ A. N., K 1351. Le compagnon ordinaire des marchands, 1700.
- ³⁷⁹ Brackenhofer E. Voyage en France 1643—1644. Trad. Henry Lehr. 1925. P. 115—116.
- ³⁸⁰ Perrot J.-C. Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIIIe siècle. 1975. Т. 1. P. 182.
- ³⁸¹ Seyssel C. Histoire singulière du roy Loys XII. 1558. P. 113.
- ³⁸² Journal de voyage de deux jeunes Hollandais (MM. de Villers) à Paris en 1656—1658. P. p. A.-P. Faugère. 1899. P. 30.
- ³⁸³ Pottier de La Hestroye. Réflexions sur la dîme royale. 1716. P. 104—105.
- ³⁸⁴ Juge Saint-Martin J.-J. Changements survenus dans les moeurs des habitants de Limoges. P. 90.
- ³⁸⁵ Esmonin E. Un recensement de la population de Grenoble en 1725 // Cahiers d'histoire, 1957. Réed. in: Etudes sur la France des XVIIe et XVIIIe siècles. 1964. P. 429—461.
- ³⁸⁶ Armand G. Villes, centres et organisation urbaine dans les Alpes du Sud. Op. cit. P. 83.
- ³⁸⁷ Block M. Statistique de la France comparée avec les autres Etats de l'Europe. 1860. Т. 2. P. 225.
- ³⁸⁸ Bonnet P. La Commercialisation de la vie française du Premier Empire à nos jours. 1929. P. 170—171, 173.
- ³⁸⁹ Block M. Statistique de la France comparée avec les autres Etats de l'Europe.. Т. 2. P. 286.
- ³⁹⁰ Mathias P. The First Industrial Nation. An Economic History of Britain 1700—1914. 1969. P. 18; Hartwell R.-M. The Industrial Revolution and Economic Growth. 1971. P. 180 sq.
- ³⁹¹ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe—XVIIIe siècles. P., 1979. Т. 2. P. 357 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 405).
- ³⁹² Morineau M. Quelques recherches relatives à la balance du commerce extérieur français au XVIIIe siècle: où cette fois un égale deux // Aires et structures du commerce français au XVIIIe siècle. Colloque. Paris. 1973. P. 1—45.
- ³⁹³ Romano R. Documenti e prime considerazioni intorno alla «balance de

- commerce» della Francia dal 1719 a 1780 // Studio in onore di Armando Saporì. P. 1291.
- ³⁹⁴ Morineau M. Art. cit. P. 3.
- ³⁹⁵ Mémoires de Jean Maillefer, marchand bourgeois de Reims (1611—1684), continués par son fils jusqu'en 1716. P. p. Henri Jadart. 1890. P. 10—12.
- ³⁹⁶ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 387—390 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 433—437).
- ³⁹⁷ Bigo R. Les banques françaises au cours du XIXe siècle. 1947. P. 272.
- ³⁹⁸ Lütge F. Deutsche Sozial — und Wirtschaftsgeschichte. 1966. P. 235.
- ³⁹⁹ Blancard L. Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Age. 1884 (21 марта 1248); цит. по: Sivery G. Les orientations actuelles de l'histoire économique du Moyen Age dans l'Europe du Nord-Ouest // Revue du Nord. 1973. P. 213.
- ⁴⁰⁰ Ibid.
- ⁴⁰¹ Accarias de Serionne J. Les Intérêts des nations de l'Europe développés relativement au commerce. 1766. T. 1. P. 93.
- ⁴⁰² Москва, АВПРИ, 50/6, 522—105 (Амстердам, 20 ноября 1784, 1 октября 1784).
- ⁴⁰³ Rinchon D. Les Armements négriers au XVIIIe siècle, d'après la correspondance et la comptabilité des armateurs et capitaines nantais. 1955, passim et p. 83, 73, 75.
- ⁴⁰⁴ Подобная участь постигла братьев Шоранов, совершивших в 1783—1792 гг. одиннадцать подобных плаваний (Ibid. P. 128—129).
- ⁴⁰⁵ Ibid. P. 12.
- ⁴⁰⁶ Turquet de Mayerne L. La Monarchie aristodémocratique ou le gouvernement composé et meslé des trois formes de légitimes Républiques. 1611. P. 122; цит. по: Mousnier R. L'opposition politique bourgeoise à la fin du XVIe siècle et au début du XVIIe siècle. L'oeuvre de Louis Turquet de Mayerne // Revue historique. 1955, janvier-mars. P. 64.
- ⁴⁰⁷ Eon J. (le père Mathias de Saint Jean). Le Commerce honorable ou considérations politiques... composé par un habitant de la ville de Nantes. 1646. P. 21—22.
- ⁴⁰⁸ Périer J.-B. La Prospérité rochelaise au XVIIIe siècle et la bourgeoisie protestante. 1899. T. 2. P. 5.
- ⁴⁰⁹ B. N., Fonds Fr.
- ⁴¹⁰ A. N., F. 12 116, 99 sq.
- ⁴¹¹ Wallerstein I. Le Système du monde du XVe siècle à nos jours. T. 1. Capitalisme et économie-monde 1450—1640. 1980. P. 120.
- ⁴¹² Carmagnani M. Les Mécanismes de la vie économique dans une société coloniale: le Chili (1680—1830). 1973. P. 14.
- ⁴¹³ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 355 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 403).
- ⁴¹⁴ Magalhaes Godinho V. L'Economie de l'Empire portugais aux XVe et XVIe siècles. 1969; Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 355 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 403).

- ⁴¹⁵ Adam P. Les inventions nautiques, médiévales et l'émergence du développement économique moderne// Systèmes économiques et histoire. 1980. P. 58 (Машинопись).
- ⁴¹⁶ Dornic F. L'Industrie textile dans le Maine (1650—1815). 1955. P. 43; Lamare N. de. Traité de la police... Т. 2. P. 725.
- ⁴¹⁷ Dornic F. Histoire du Mans et du pays manceau. 1975. P. 146—151.
- ⁴¹⁸ A. N., A. E. B1 280 (29 марта 1703).
- ⁴¹⁹ Pottier de la Hestroye. Op. cit.
- ⁴²⁰ A. N., G⁷ 1687, 33.
- ⁴²¹ Savary J. Le Parfait Négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce de toute sorte de marchandise tant de France que des pays étrangers... 1675. Т. 2. P. 156; см. также: Eon J. Le Commerce honorable... Op. cit. P. 167.
- ⁴²² Montaran J.-M.; цит. по: Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIIe siècle. 1973. Т. 1. P. 245.
- ⁴²³ Belhoste J.-F. Naissance de l'industrie du drap fin en France// La manufacture du Dijonval et la draperie sédanaise 1650—1850. Cahiers de l'Inventaire. 1984, № 2. P. 14.
- ⁴²⁴ Pernoud R. Le Moyen Age jusqu'en 1291// Histoire du commerce de Marseille. P. p. Gaston Rambert. 1949. Т. 1. P. 56.
- ⁴²⁵ A. E., Mémoires et Documents. Turquie, 11. Капитуляциями назывались обычно договоры, подписанные с турками.
- ⁴²⁶ Braudel F. La Méditerranée... Т. 1. P. 448—449, 497; Braudel F. Civilisation matérielle... Т. 3. P. 137—138; (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 164—165).
- ⁴²⁷ Согласно дознанию, произведенному 3 февраля 1563 г. и работе: Billioud J. Le commerce de Marseille de 1515 à 1599// Histoire du commerce de Marseille. Т. 3. 1951. P. 445.
- ⁴²⁸ Bergasse L. Le commerce de Marseille de 1599 à 1660// Histoire du commerce de Marseille. 1954. Т. 4. P. 95, 91, 94.
- ⁴²⁹ Le Parfait Négociant. Op. cit. 1712. Partie 2. P. 385—387.
- ⁴³⁰ Paris R. De 1660 à 1789. Le Levant// Histoire du commerce de Marseille. 1957. Т. 5. P. 557—564.
- ⁴³¹ A. N., A. E., Mémoires et Documents, Turquie, 11.
- ⁴³² Lespagnol A. Saint-Malo port mondial du XVIe au XVIIIe siècle// Histoire de Saint-Malo et du pays malouin. 1984. P. 113.
- ⁴³³ A. N., A. E., B1 211 (9 мая 1669).
- ⁴³⁴ Carrera de Indias — флот, плававший в испанскую Америку и ведший торговлю под руководством, контролем и военной охраной испанского короля, держателя монополии на эту торговлю.
- ⁴³⁵ Lespagnol A. Histoire de Saint-Malo... Op. cit. P. 79.
- ⁴³⁶ Ibid. P. 102 sq.
- ⁴³⁷ A. N., A. E., B1 214. F^o 282.
- ⁴³⁸ Ibid.
- ⁴³⁹ Ibid.

- ⁴⁴⁰ Ibid. (Cadix, 15 октября 1702).
- ⁴⁴¹ A. N., A. E., B1 212 (19 октября 1682).
- ⁴⁴² A. N., A. E., B1 211 (16 октября 1672).
- ^{443—444} Correspondance des contrôleurs généraux... P. p. A. M. de Boislisle. 1874. Т. 1. P. 173. 18 февраля 1689.
- ⁴⁴⁵ Prevost, abbé. Histoire générale des voyages... 1753. Т. 11. P. 47—63. Отчет о путешествии г-на де Женна.
- ⁴⁴⁶ A. N., Colonies F² A 15 (4 марта 1698).
- ⁴⁴⁷ Нижняя Калифорния, занятая испанцами в 1602 г., а ныне входящая в состав Мексики.
- ^{448—449} A. N., Colonies F² A 15 (20 мая 1698).
- ⁴⁵⁰ Обычно капитал общества делили на 20 частей, называемых су, по аналогии со счетной денежной единицей (один ливр равнялся 20 су).
- ⁴⁵¹ A. N., Colonies F² A 15 (17 ноября 1698).
- ⁴⁵² Ibid., 16 декабря 1698.
- ⁴⁵³ Наравне с жителями Сен-Мало в подобных операциях принимали участие и жители Дюнкерка. См.: Lespagnol A. Histoire de Saint-Malo... Op. cit. P. 114—120.
- ⁴⁵⁴ A. N., Colonies F² A 21, 30 июля 1702 г. О неудобствах, которые доставляла испанскому правительству торговля между Филиппинами и Перу, см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 149—150.
- ⁴⁵⁵ A. N., Colonies F² A 21, Париж, 12 июня 1700.
- ⁴⁵⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 188.
- ⁴⁵⁷ Lespagnol A. Histoire de Saint-Malo... Op. cit. P. 121.
- ⁴⁵⁸ Ibid. P. 124.
- ⁴⁵⁹ Ibid. P. 123.
- ⁴⁶⁰ Ibid. P. 126—127; Goubert P. Le tragique XVIIe siècle// Histoire économique et sociale de la France. P. p. F. Braudel et F. Labrousse. Т. 2. P. 364.
- ⁴⁶¹ A. N., F12 681 106.
- ⁴⁶² A. N., G⁷ 1701 137, F^o 57; Morel A. Les armateurs malouins et le commerce interlope// Les Sources de l'histoire maritime en Europe, du Moyen Age au XVIIIe siècle. P. p. M. Mollat et al. 1962. P. 313.
- ⁴⁶³ Lespagnol A. Histoire de Saint-Malo... Op. cit. P. 129 sq.
- ^{464—465} Meyer J. Le commerce nantais du XVIe au XVIIIe siècle// Histoire de Nantes. P. p. P. Bois. 1977. P. 135—136.
- ⁴⁶⁶ Площадь испанской части острова равняется 48 000 квадратных километров; площадь Кубы — 114 000 квадратных километров.
- ⁴⁶⁷ Piffer Canabrava A. A industria de açúcar nas ilhas inglesas e francesas do mar das Antilhas (1697—1755). 1946 (Машинопись).
- ⁴⁶⁸ Savary des Bruslons J. Dictionnaire... Op. cit. Т. 5. Col. 1462.
- ⁴⁶⁹ Ibid. Т. 5. Col. 1466.
- ⁴⁷⁰ Romano R. Documenti e Prime Considerazioni intorno alla «Balance du commerce» della Francia dal 1716 al 1780// Studi in onore di Armando Saporì. 1957. P. 1274, 1275, 1291.

- ⁴⁷¹ См. выше, с. 308.
- ⁴⁷² Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. 2. P. 367—368 (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* Т. 2. С. 403—404).
- ⁴⁷³ Crouzet F. *Le commerce de Bordeaux// Bordeaux au XVIIIe siècle.* P. p. F.-G. 'Pariset; *Histoire de Bordeaux.* Т. 5. P. p. Ch. Higounet. 1968. P. 233.
- ⁴⁷⁴ Morineau M. *Quelques recherches relatives à la balance...* Op. cit. P. 32—33; Cavignac J. *Jean Pellet commerçant de gros, 1694—1772. Contribution à l'étude du négoce bordelais du XVIIIe siècle.* 1967. P. 103.
- ⁴⁷⁵ Poussou J.-P. *Bordeaux et le Sud-Ouest au XVIIIe siècle.* Op. cit. P. 20.
- ⁴⁷⁶ Cavignac J. *Jean Pellet commerçant de gros...* Op. cit. P. 31—32.
- ⁴⁷⁷ Poussou J.-P. *Les structures démographiques et sociales// Bordeaux au XVIIIe siècle.* Op. cit. P. 344 sq.
- ⁴⁷⁸ Poussou J.-P. Op. cit. P. 27 et 31.
- ⁴⁷⁹ Dardel P. *Commerce, industrie et navigation à Rouen et au Havre au XVIIIe siècle.* 1966. P. 141.
- ⁴⁸⁰ На практике англичане никогда не прекращали контрабандной торговли, пользуясь поддержкой местных жителей, которые благодаря этому получали муку, соленую говядину, лошадей, мулов... Королевские чиновники чаще всего смотрели на деятельность контрабандистов сквозь пальцы. Cavignac J. *Jean Pellet commerçant de gros...* Op. cit. P. 172—173.
- ⁴⁸¹ Gide Ch. *Cours d'économie politique.* 5e éd. 1919. Т. 1. P. 198.
- ⁴⁸² Rodinson M. *Islam et capitalisme.* 1966. P. 27.
- ⁴⁸³ Savoy E. *L'Agriculture à travers les âges.* Т. 1. 1935. P. 119.
- ⁴⁸⁴ Sedillot R. *Histoire des marchands et des marchés.* 1964. P. 188.
- ⁴⁸⁵ Laffitte J. *Réflexions sur la réduction de la rente et sur l'état du crédit.* 1824. P. 14.
- ⁴⁸⁶ Chappey J. *La Crise du capital. I: La Formation du système monétaire moderne.* 1937. P. 189.
- ⁴⁸⁷ Herault, sieur de Gourville J. *Mémoires de Monsieur de Gourville.* 1665. Ed 1724. Т. 2. P. 2.
- ⁴⁸⁸ Ibid.
- ⁴⁸⁹ Dardel P. *Commerce, industrie et navigation à Rouen et au Havre au XVIIIe siècle.* 1966. P. 159.
- ⁴⁹⁰ Dornic F. *L'Industrie textile dans le Maine et ses débouchés internationaux (1650—1815).* 1955. P. 182—183.
- ^{491—493} Braudel F. *Civilisation matérielle...* Т. 2. P. 343 (Бродель Ф. *Материальная цивилизация...* Т. 2. С. 386—387).
- ⁴⁹⁴ Билеты, выпущенные Людовиком XIV и очень быстро обесценившиеся; см. ниже.
- ⁴⁹⁵ A. N., G⁷ 1691, 35, 6 марта 1708.
- ^{496—497} Копия письма, отправленного в Польшу варшавским Радзивиллам. AG, AD Radzivil.
- ⁴⁹⁸ Duche J. *Le Bouclier d'Athéna. L'Occident, son histoire et son destin.* 1983. P. 487.

- ⁴⁹⁹ Neymarck A. Le développement annuel de l'épargne française// Revue internationale du commerce, de l'industrie et de la banque. 1906. P. 7.
- ⁵⁰⁰ Schick L. Suggestions pour une reconstruction française. 1945. P. 38 sq.
- ⁵⁰¹ Goubert P. Op. cit.
- ⁵⁰² Vincens E. Des sociétés par actions. Des banques en France, 1837. P. 117—188.
- ⁵⁰³ Thuillier G.
- ⁵⁰⁴ Lüthy H. La Banque protestante en France de la révocation de l'édit de Nantes à la Révolution, 1959—1961. T. 1. P. 95.
- ⁵⁰⁵ Meyer J. L'Armement nantais dans la deuxième moitié du XVIIe siècle. 1969, passim.
- ⁵⁰⁶ Laurent F. En Armagnac il y a cent ans. La vie d'un aïeul (1761—1849). 1928. Ch. X. P. 198 sq.
- ⁵⁰⁷ Москва, АВПРИ, 93/6—428—174: цифра кажется огромной. Однако Шоссинан-Ногаре (Chaussinand-Nogaret G. La Noblesse au XVIIIe siècle. 1976. P. 78) подтверждает, с цифрами в руках, наличие у помещиков весьма значительной земельной собственности: «Доходы князей, — пишет он, — исчисляются миллионами.
- ⁵⁰⁸ Hyslop F. Béatrice. L'Apanage de Philippe Egalité duc d'Orléans (1785—1791). 1965. Chapitres 1 et 2.
- ⁵⁰⁹ Léon P. La réponse l'industrie. Op. cit. P. 255—256; Chaussinand-Nogaret G. La Noblesse au XVIIIe siècle. Op. cit. P. 119, 161, 144.
- ⁵¹⁰ Labasse J. Les Capitaux et la région. Etude géographique. Essai sur le commerce et la circulation des capitaux dans la région lyonnaise. 1955. P. 9 sq.
- ⁵¹¹ Цит. по: Bigo R. Les Banques françaises au cours du XIXe siècle. Op. cit. P. 41—42.
- ⁵¹² Vincens E. Op. cit. Passim et p. 114 sq.
- ⁵¹³ Bigo R. Op. cit. P. 41.
- ⁵¹⁴ Say J.-B. De la production des richesses// Cours complet d'économie politique pratique. Réimpr. de l'éd. 1852. 1966. T. 1. P. 131.
- ⁵¹⁵ Ibid. T. 1. P. 132.
- ⁵¹⁶ Eon J. Le Commere honorable... Op. cit.
- ⁵¹⁷ Faure-Soulet J.-Fr. Economie politique et progrès au siècle des Lumières (1750—1789). Thèse. 1964. P. 94—95.
- ⁵¹⁸ Chaunu P. Op. cit.
- ⁵¹⁹ Wagner F. Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung// Handbuch der europäischen Geschichte. P. p. Theodor Schieder. 1968. P. 104.
- ⁵²⁰ Van der Meulen. Recherches sur le commerce. T. 2. 1779. P. 75.
- ⁵²¹ Faure-Soulet J.-F. Op. cit. P. 101.
- ⁵²² Ср.: Braudel F. Civilisation matérielle... T. 3. P. 266—267 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 317—318).
- ⁵²³⁻⁵²⁴ A. N., G⁷ 1622.
- ⁵²⁵ Pottier de la Hestroye. Op. cit., passim.
- ⁵²⁶ Dermigny L. La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton au XVIIIe siècle, 1719—1833. 1964. P. 740 et note 3.

- ⁵²⁷ Saint-Mars M. Histoire monétaire de la France, 1800—1980. 1983. P. 36.
- ⁵²⁸ Goudar A. Les Intérêts de la France mal entendus. 1756. T. 2. P. 20.
- ⁵²⁹ A. N., G⁷ 418.
- ⁵³⁰ A. N., G⁷ 521, 19 ноября 1693.
- ⁵³¹ Bigo R. Op. cit. P. 42.
- ⁵³² Ibid. P. 114.
- ⁵³³ Bayard F. Op. cit. P. 107; Gascon R. Op. cit. T. 1. P. 188.
- ⁵³⁴ Calonne A. de. La Vie agricole sous l'Ancien Régime en Picardie et en Artois. 1883. P. 70.
- ⁵³⁵ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 1. P. 391 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... T. 1. С. 473).
- ⁵³⁶ Avenel G. de. Histoire économique de la propriété, des salaires des denrées... Op. cit. T. 1. P. 21—22.
- ⁵³⁷ Boyer M.-T., Delaplace G., Gillard L. Monnaie privée et pouvoir des princes. P. 128 (машинопись).
- ⁵³⁸ Sully M. de Béthune, duc de. Mémoires. Ed. 1778. T. 3. P. 6.
- ⁵³⁹ Supple B. E. Currency and commerce in the early seventeenth century// The Economic History Review. 1957, décembre. P. 240, note 1.
- ⁵⁴⁰ Boyer M.-T., Delaplace G., Gillard L. Op. cit. P. 55.
- ⁵⁴¹ Raveau P. Essai sur la situation économique et l'état social en Poitou au XVIe siècle. 1931. P. 92.
- ⁵⁴² Martin G. La monnaie et le crédit privé en France aux XVIe et XVIIe siècles: les faits et les théories (1550—1664)// Revue d'histoire des doctrines économiques et sociales. 1909. P. 28.
- ⁵⁴³ Ссылка утеряна.
- ⁵⁴⁴ Mollien F.-N. Mémoires d'un ministre du Trésor public. 1780—1814. Ed. 1845. T. 3. P. 469.
- ⁵⁴⁵ Осмериками называли пиастры, или монеты достоинством в восемь реалов; то была первая серебряная монета, которую, начиная с 1535 г., чеканили испанцы в Америке.
- ⁵⁴⁶ Пистолы чеканились начиная с 1537 г. из американского золота.
- ⁵⁴⁷ A. N., G⁷ 1622, около 1706 г.
- ⁵⁴⁸ Rivoire J. Histoire de la monnaie. 1985. P. 33.
- ⁵⁴⁹ Avenel G. d'. Op. cit. T. 1. P. 39—40.
- ⁵⁵⁰ Rivoire J. Op. cit. P. 21.
- ⁵⁵¹ Avenel G. d'. Op. cit. T. 1. P. 37.
- ⁵⁵² Braudel F. Civilisation matérielle... T. 1. P. 410 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... T. 1. С. 497).
- ⁵⁵³ Gascon R. Grand Commerce et vie urbaine au XVIe siècle. Lyon et ses marchands. 1971. T. 2. P. 760.
- ⁵⁵⁴ Marion M. Dictionnaire des institutions. Op. cit. P. 384.
- ⁵⁵⁵ Gentil da Silva J. Banque et crédit en Italie... Op. cit. 1969. T. 1. P. 284.
- ⁵⁵⁶ Goudar A. Op. cit. T. 2. P. 120.
- ⁵⁵⁷ Dupin Ch. Le Petit Producteur français. 1827. T. 1. P. 24.

- 558 Société historique et archéologique du Périgord. 1875. P. 50; 1880. P. 397; цит. по: Avenel G. d' Op. cit. T. 1. P. 37.
- 559 Avenel G. d' Op. cit. T. 1. P. 35.
- 560 Pioger A. Le Fertois aux XVIIe et XVIIIe siècles. Histoire économique et sociale. 1973. P. 196.
- 561 Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 71—72 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 100—101).
- 562 Sédillot R. — цит. по: Op. cit. P. 208.
- 563 Stoianovitch T. The Commercial Revolution. P. 68—69 (машинопись).
- 564 Phelps-Brown E. H., Hopkins S. V. Wage-Rate and Prices: Evidence for Population Pressure in the 16th Century// *Economica*. 1957. T. XXIV. P. 298 — цит. по: Wallerstein I. Le système du monde du XVe siècle à nos jours. I: Capitalisme et économie-monde, 1450—1640. 1980. P. 79.
- 565 Meuvret J. Circulation monétaire et utilisation économique de la monnaie dans la France du XVIe et du XVIIe siècle// *Etudes d'histoire économique*, recueil d'articles. 1971. P. 132, note 8.
- 566 Argenson, marquis d'. Op. cit. P. 56; Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 376 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 426).
- 567 Gentil da Silva J. Banque et crédit... Op. cit.
- 568 Meuvret J. La France au temps de Louis XIV: des temps difficiles// *Etudes d'histoire économique*. 1971. P. 27.
- 569 Mollien F. Op. cit. T. 3. P. 471—472.
- 570 Ibid. P. 478.
- 571 Gascon R. Op. cit. T. 2. P. 569—570.
- 572 Bercé Y.-M. Histoire des croquants. 1974. T. 1. P. 42, note 105.
- 573 Gentil da Silva J. Banque et crédit... Op. cit. P. 404; ср.: Braudel F. Civilisation matérielle... T. 2. P. 374—377 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 423—427).
- 574 Duchêne G. L'Empire industriel. Histoire critique des concessions financières et industrielles au Second Empire. 1869, passim; Lysis (Letailleur E.) Les Capitalistes français contre la France. 1916.
- 575 Buvat J. Journal de la Régence — B. N. Ms. Fr. 10283 III. P. 1352—1409. Я имею в виду неопубликованную часть «Журнала», посвящую название «Общие соображения о новой финансовой системе».
- 576 Pinto I. de. Traité de la circulation et du crédit. 1771. P. 148.
- 577 A. N., G⁷ 1622, около 1706 г.
- 578 Thuillier G. La réforme monétaire de 1785// *Annales E. S. C.* Sept.-oct. 1971. P. 1031, note 3; Lüthy H. Op. cit. T. 2. P. 687—698, 706.
- 579 Desnoyers J., Girard I. Jounaux inédits. P. p. P. Dufay. 1912. P. 90, note 2.
- 580 Bouvier J. Vers le capitalisme bancaire: l'expansion du crédit après Law// *Histoire économique et sociale de la France*. P. p. F. Braudel et E. Labrousse. 1970. T. 2. P. 302.
- 581 A. N., F¹⁰ 242 (Moniteur, 30.9.1838).
- 582 Rivoire J. Histoire de la banque. 1984. P. 50.

- ⁵⁸³ Bouvier J. Rapports entre systèmes bancaires et entreprises industrielles dans la croissance européenne du XIXe siècle// L'Industrialisation en Europe au XIXe siècle. Colloque C. N. R. S., Lyon, 7—10 octobre 1970. 1972. P. 117.
- ⁵⁸⁴ Trenchant J. L'Arithmétique. 1561. P. 342; цит. по: Boyer М.-Т., Delaplace G., Gillard L. Monnaie privée et pouvoir des princes. P. 20 (машинопись).
- ⁵⁸⁵ Condillac E. Bonnot de. Le Commerce et le gouvernement// Collection des principaux économistes. 1847. Т. 14. P. 306.
- ⁵⁸⁶ Bouchary J. Le Marché des changes à Paris au XVIIIe siècle. 1937. P. 37.
- ⁵⁸⁷ Bigo R. Op. cit. P. 69.
- ⁵⁸⁸ Ruiz Martin F. Lettres marchandes échangées entre Florence et Medina del Campo. 1965.
- ⁵⁸⁹ Boyer М.-Т., Delaplace G., Gillard L. Op. cit. P. 235.
- ⁵⁹⁰ Galiani F. Dialogues sur le commerce des grains// Collection des principaux économistes. Т. 15: Mélanges d'économie politique. II. Réimpr. de l'éd. 1848. 1966. P. 51.
- ⁵⁹¹ Savary J. Op. cit. Т. 1. P. 187.
- ⁵⁹² Ruiz Martin F. Lettres marchandes. Op. cit. (переписка Симона Руиса и Балгасара Суареса, письмо от 30 марта 1590 г.).
- ⁵⁹³ Mollien F. Op. cit. Т. 3. P. 471.
- ⁵⁹⁴ Boyer М.-Т., Delaplace G., Gillard L. Op. cit. P. 115—116.
- ⁵⁹⁵ Ibid. P. 302—303.
- ⁵⁹⁶ Ссылка утеряна.
- ⁵⁹⁷ Saint-Simon, L. de Rouvroy, duc de. Mémoires. 1969. Т. 2. P. 1029 (Bibliothèque de la Pléiade).
- ⁵⁹⁸ Vuitry A. Le Désordre des finances et les excès de la spéculation à la fin du règne de Louix XIV et au commencement du règne de Louis XV. 1885. P. 27—28.
- ⁵⁹⁹ Bouvier J, Germain-Martin H. Finances et financiers de L'Ancien Régime. 1969. P. 6.
- ⁶⁰⁰ Ibid. P. 5.
- ⁶⁰¹ Mercure de France. Т. 11. P. 557.
- ⁶⁰² Bouvier J, Germain-Martin H. Op. cit. P. 40.
- ⁶⁰³ Mongredien G. L'Affaire Foucquet. 1956. P. 240 sq. Д. Дессер (Dessert D. Argent, pouvoir et société au Grand siècle. 1984. P. 279—310) уточняет, что во время процесса власти предпочли не вдаваться в подробности, чтобы не скомпрометировать высоких особ — в том числе Мазарини и самого Кольбера.
- ⁶⁰⁴ Bayard F. Finances et financiers en France dans la première moitié du XVIIe siècle (1598—1653). 1984. P. 1851 (машинопись); Dessert D. Op. cit. P. 365.
- ⁶⁰⁵ Dessert D. Op. cit. P. 209.
- ⁶⁰⁶ Ibid. P. 207.
- ⁶⁰⁷ Bodin J., Rubys C. de — цит. по: Hauser H., Renaudet A. Les Débuts de l'âge moderne. 1938. P. 572—573.
- ⁶⁰⁸ Ср.: Braudel F. Civilisation matérielle... Т. 2. P. 339—343 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 2. С. 387—392).

- ⁶⁰⁹ Hauser H., Renaudet A. *Les Débuts de l'âge moderne*. 1938. P. 573.
- ⁶¹⁰ О Заме, его поразительной карьере и близости к Генриху IV см.: Bayard F. *Op. cit.* Т. 4. P. 1141—1146.
- ⁶¹¹ Hauser H. *The European Financial Crisis of 1559*// *Journal of European Business History*. 1930. P. 241 sq.; цит. по: Wallerstein I. *Le Système du monde du XVe siècle à nos jours*. *Op. cit.* P. 167.
- ⁶¹² Письмо Бернара Шамийяру от 12 октября 1707 г. цит. по: Lüthy H. *Op. cit.* Т. 1. P. 121.
- ⁶¹³ *Ibid.* Т. 1. P. 122.
- ⁶¹⁴ *Ibid.* Т. 1. P. 111.
- ⁶¹⁵ *Ibid.* Т. 1. P. 121.
- ⁶¹⁶ Saint-Germain J. de. *Samuel Bernard, le banquier des rois*. 1960. P. 193.
- ⁶¹⁷ Lüthy H. *Op. cit.* Т. 1. P. 195.
- ⁶¹⁸ *Ibid.* Т. 1. P. 283—285.
- ⁶¹⁹ *Ibid.* Т. 1. P. 414—415.
- ⁶²⁰ Thiers A. *Histoire de Law*. 1858. P. 175, 178.
- ⁶²¹ A. d. S. *Florence Francia F^o 105 v°*.
- ⁶²² Soissons J.-P. *Notaires et sociétés*. 1985. P. 309 sq.: Hamilton J., Earl. *Prices and wages at Paris under John Law's System*// *Quarterly journal of economics*. 1936—1937. Vol. 51. P. 30—69; *Prices and wages on Southern France under John Law's System*// *Economic history Supplement to the Economic journal*. 1934—1937. Vol. IV. P. 442—461.
- ⁶²³ Bouvier J. *Vers le capitalisme bancaire: l'expansion du crédit après Law*. *Op. cit.* P. 321.
- ⁶²⁴ Pariset G. *Le Consulat et l'Empire*// *Histoire de la France contemporaine*. P. p. E. Lavissee. Т. 3. P. 40.
- ⁶²⁵ Gille B. *La Banque et le crédit en France de 1815 à 1848*. 1959. P. 41.
- ⁶²⁶ *Ibid.* P. 39.
- ⁶²⁷ *Ibid.* P. 40.
- ⁶²⁸ *Ibid.* P. 46—47.
- ⁶²⁹ Savant J. *Tel fut Ouvrard, le financier providentiel de Napoléon*. 1954.
- ⁶³⁰ Dupin C. *Le Petit Producteur français*. 1827. Т. 1. P. 5 sq.
- ⁶³¹ Цит. по: Bouvier J. *Les premiers pas du grand capitalisme français. Le système de crédit et l'évolution des affaires de 1815 à 1848*// *La Pensée*. 1957. № 72/II. P. 67.
- ⁶³² Gille B. *Op. cit.* P. 52—54.
- ⁶³³ Ducuing F. *De l'organisation du crédit en France*. 1864. P. 80; цит. по: Bigo R. *Op. cit.* P. 124.
- ⁶³⁴ Bigo R. *Op. cit.* P. 125, note 1.
- ⁶³⁵ Palmade G. *Capitalisme et capitalistes français au XIXe siècle*. 1961. P. 122.
- ⁶³⁶ Bigo R. *Op. cit.* P. 125—126.
- ⁶³⁷ Palmade G. *Op. cit.* P. 133—134.
- ⁶³⁸ *Ibid.* P. 128.
- ⁶³⁹ Bigo R. *Op. cit.* P. 40.

- ⁶⁴⁰ Lévy-Leboyer M. Le crédit et la monnaie: l'évolution institutionnelle// Histoire économique et sociale de la France. T. 3/1. P. 354—355.
- ⁶⁴¹ Ibid. P. 362—363.
- ⁶⁴² Ibid. P. 372—373.
- ⁶⁴³ Cameron R. La France et le développement économique de l'Europe, 1800—1914. 1971. P. 128—130.
- ⁶⁴⁴ Bouvier J. Les Rothschild. 1967. P. 199 sq.
- ⁶⁴⁵ Lévy-Leboyer M. Le crédit et la monnaie... P. 393—400.
- ⁶⁴⁶ Lévy-Leboyer M. La spécialisation des établissements bancaires// Histoire économique et sociale de la France. T. 3/1. P. 470—471.
- ⁶⁴⁷ Lévy-Leboyer M. Le crédit et la monnaie... P. 353.
- ⁶⁴⁸ Ibid. P. 395.
- ⁶⁴⁹ Bouvier J. Les profits des grandes banques françaises des années 1850 jusqu'à la première guerre mondiale// Studi Storici. 1963, avril-juin. P. 223—239.
- ⁶⁵⁰ Dessert D. Op. cit. P. 80.
- ⁶⁵¹ Ibid. P. 88.
- ⁶⁵² Ibid. P. 71.
- ⁶⁵³ Chaussinand-Nogaret G. Les Financiers du Languedoc au XVIIIe siècle. 1970. P. 236.
- ⁶⁵⁴ Goudar A. Op. cit. T. 1. P. 70—71 et note.
- ⁶⁵⁵ Bayard F. Op. cit. P. 918.
- ⁶⁵⁶ Lévy-Leboyer M. Le crédit et la monnaie... P. 350.
- ⁶⁵⁷ Braudel F. Civilisation matérielle... T. 3. P. 166 (Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 3. С. 194).
- ⁶⁵⁸ Séville — A. N. Marine B⁷ 226; цит. по: Dahlgren E.-W. Les Relations commerciales et maritimes entre la France et les côtes de l'océan Pacifique (commencement du XVIIIe siècle). I. Le Commerce de la mer du Sud jusqu'à la paix d'Utrecht. 1909. P. 36 et note 1.
- ⁶⁵⁹ Прежде всего Эмиля Буржуа.
- ⁶⁶⁰ Lévy C.-Fr. Capitalistes et pouvoir au siècle des Lumières. II. La Révolution libérale 1715—1717. 1979. P. 10.
- ⁶⁶¹ Mercier L.-S. Tableau de Paris. 1782. T. 3. P. 198—199.

ПОПЫТКА ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ

- ¹ Vauban. Op. cit. P. 164.
- ² Bonnaud P. Op. cit. T. 2. P. 23.
- ³ Thuillier G. Op. cit. P. 82.
- ⁴ Claverie E., Lamaison P. L'Impossible Mariage. Violence et parenté en Gévaudan. 1982. P. 339; Les Financiers de Languedoc au XVIIe siècle. 1970.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

СПИСОК-УКАЗАТЕЛЬ КАРТ, ТАБЛИЦ, ГРАФИКОВ И ДИАГРАММ (по алфавиту основных тем)

Вино

- Виноградарство и торговля вином в римской и франкской Галлии 92
Аквитанские города и городки, известные в XIII веке как экспортеры вина в Англию 94
Снабжение Парижа дешевыми винами в XVII и XVIII вв. 98—99

Восстания

- Народные восстания во Франции в XVII в. 153—155

Денежное обращение

- Обесценивание монеты — явление, характерное для всей Европы 361
Соотношение билетов и металлической монеты в денежной массе с 1820 по 1895 год (таблица) 371
Курс турецкого ливра, выраженный в жерминалевых франках, привязанных к золоту и серебру (график) 359
Вексельный треугольник и кругооборот монеты в мире (диаграмма) 385
Кругооборот векселей, 1385—1410 (диаграмма) 383

Дороги

- Сеть королевских дорог в 1820 г. 249
Плотность дорожной сети по департаментам (исключая недостроенные участки) в 1820 г. 228
Почтовые дороги в 1632 г. 242
Почтовые дороги в 1797 г. 243
Основные дороги в Изерской части Верхнего Дофинэ в 1787 г. 222—223

Зерно

- Партии зерна, поступившие в Марсель 5 ноября 1845 г. 143
Производство зерна, его экспорт и импорт и средняя цена во Франции в 1810—1911 гг. (график) 142
Рост урожайности пшеницы 168—169

Население

- Сельское население и поголовье домашнего скота с 1806 по 1954 год (график) 37
Численность сельского и городского населения в 1806—1954 гг. (график) 179
Приток населения в города Юго-Запада 194—197
Неравномерный демографический эффект новых сельскохозяйственных культур (1787) 170—171

Промышленность

- Состояние промышленности при Июльской монархии и Второй империи с 1840 по 1860 г. (таблица) 296

Динамичные, развивающиеся и угасающие промышленные предприятия (график) 294

Текстильные фабриканты, подведомственные инспекции в Труа (1746) 271

Реки

Индекс привязанности городов к берегам рек 189

Сельское хозяйство

Севооборот во Франции в начале XIX века 124—125

Сокращение земель под паром с 1852 по 1882 год 58

Организация сельского пространства на юго-западе Франции (XVIII в.) 95

Аграрные системы в европейской части России в XVIII веке 126—127

Средний доход с гектара в 1818 году 67—69

Распределение земледельческих животных в XVIII веке 116

Сохи и плуги в 1852 году 117

Производство картофеля во Франции с 1800 по 1950 год (график) 53

Картофель в Европе 50

Распространение филлоксеры во Франции 107

Строительство

Гражданская архитектура в ренессансном стиле до Франциска I 199

Торговля

Торговые экспедиции из Сен-Мало в Южное море. Короткий цикл (диаграмма) 322—323

В 1841 г. карта Франции все еще испещрена ярмарками 192

Импорт сыров во Францию в конце XVII в. 139

Транспорт

Революция транспортных средств и социальные перемены 259

Рождение железной дороги 253

Урбанизация

Уровень урбанизации во Франции и соседних странах Европы в 1800—1900 гг. (график) 206—207

Неравномерность уровня урбанизации по департаментам на 1806 г. 181

Экономическое развитие Франции

Огромные размеры Франции — помеха для национального рынка 234—235

Объем общего и товарного производства в 1785—1938 гг. (график) 246—247

Разность уровней экономического развития на территории Франции в 1830 г. 299

Рост промышленности и сельскохозяйственного производства в 1781—1938 гг. (график) 218—219

Таблица суммы убытков, понесенных департаментами Франции с 1807 по 1810 и с 1814 по 1819 годы 22

Распространение шелкопрядельных промыслов в деревнях вокруг Лиона после 1820 г. 212—213

СПИСОК ЦВЕТНЫХ РЕПРОДУКЦИЙ НА ВКЛАДКЕ

1. Ленен. Крестьяне перед собственным домом. Музей Сан-Франциско. Фото Лоро-Жиродона.
2. Продавец вина. Галло-римский барельеф (II—III вв. н. э.). Фото Лоро-Жиродона.
3. Пробивание отверстия в бочке и установка крана (XV в.). Париж. Музей Ключни. Фото Лоро-Жиродона.
4. Э. Бернар. Сбивание яблок с помощью шеста. Нант. Музей изящных искусств. Фото Лоро-Жиродона.
5. Роза Бонёр. Пиренейский пастух. Шантийи. Музей Конде. Фото Лоро-Жиродона.
6. Роза Бонёр. Вспашка земли в Ниверне (1849). Фонтенбло. Фото Лоро-Жиродона.
7. Эдуэн. Косьба эспарцета в Шамбодуэне (XIX в.). Лилль. Музей изящных искусств. Фото Лоро-Жиродона.
8. Н. де л'Аббат. Пейзаж с молотильщиками хлеба (XVI в.). Фонтенбло. Фото Лоро-Жиродона.
9. Спуск на воздушном шаре в августе 1795 г. Париж. Кабинет эстампов. Фото Лоро-Жиродона.
10. Постройка особняка Сальма. Париж. Музей Карнавале. Фото Лоро-Жиродона.
11. Леконт. 1646 год: канал Дюнкерк — Фюрн. Деталь панно. Шантийи. Музей Конде. Фото Лоро-Жиродона.
12. Бозио. Деревянная галерея Пале-Руаяля (1798). Париж. Музей Мармоттан. Фото Лоро-Жиродона.
13. Делаэ. Газовый завод в Курселе (1884). Париж. Музей Пти-Пале. Фото Лоро-Жиродона.
14. Ф. Леже. Строители. Этюд (1950). Галерея Луизы Лерис. Фото Жиродона.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Алфавитный порядок рубрик в указателе — «буква за буквой», т. е. по алфавиту букв независимо от того, сколько слов в заголовках. Поэтому, например, *Ла Сиута* идет после рубрики *Ларруме* (буква «с», с которой начинается второе слово, стоит в алфавите после «р»), тогда как при порядке «слово за словом» рубрика *Ла Сиута* опережала бы рубрику *Ларруме*, поскольку последняя содержит дополнительные к слову *Ла* буквы.

Инверсия применена только в названиях, которые начинаются родовым нарицательным существительным, вроде «остров»: *Зеленого Мыса острова*, а не *острова Зеленого Мыса*. Ссылки на раздел «Примечания» и на источники карт, графиков, диаграмм и таблиц, указанных в подписях к ним, выделены курсивом.

Если название повторяется на странице несколько раз, у ссылки в индексе стоит цифра, означающая число повторов: 71₃ — на с. 71 название повторяется три раза в разных строках.

Помимо названий из основного текста, в указатель вошли названия из подписей к картам, а также из заглавий произведений печати, описания которых даны в разделе «Примечания...» (ссылки на них — с номерами примечаний в индексах — выделены курсивом).

Если название состоит из двух слов типа *Нижняя Нормандия*, то оно отражается и в рубрике названия полного объекта, т. е. в данном случае и в рубрике *Нормандия*.

На французском языке дублируются только названия французских географических объектов.

Принятые сокращения в подзаголовках рубрик и подрубрик или у ссылок на страницы:

г.	— гора или горы	о-в	— остров
деп.	— департамент	п-ов	— полуостров
ист.	— исторический	р.	— река

Абвиль / Abbeville 237, 274, 276₂, 292
 Аверон / l'Aveyron, деп. 450₁₃₅, 453₂₃₃
 Аверон / Aveyron, р. 256, 257; 428₅₈
 Авиньон / Avignon 14₃, 170 (Авиньон-
 ский округ), 190, 303, 384
 Австралия 250, 409
 Австрия 48
 Адур / l'Adour, р. 101, 236
 Ажен / Agen 233₂
 Аженз / l'Agenais 430₁₂₁, 450₁₅₉
 Азия 60, 317, 419
 Айанж / Nayange 267, 279, 280
 Аквитания / l'Aquitaine 47, 80, 94_k, 130,
 153₃, 334
 Аквитанский бассейн / le bassin
 d'Aquitaine 157
 Алансон / Alençon 144
 Албания 319
 Александрия 317, 318₃
 Алеппо 317₂
 Алжир 422₂
 Аликанте 376
 Аллюэн / Halluin 214

Альби / Albi, епархия 96
 Алье / l'Allier, р. 64, 153, 232, 236₃, 239₂;
 451₁₇₀, 178, 184
 Альпийский Прованс / la Provence
 alpestre 31
 Альпийское Дофинз 79
 Альпы / les Alpes:
 литература о них 222; 428₇₅, 435₂₇₃, 455₂₇₆,
 459₃₈₆;
 луга 76, 80; области 78; обработка земли
 33; опоясывающие города 190; пастьба
 скота 76, 77, 80; перевозка вин 104; пища
 жителей 87; скот 78, 83; спуск с гор
 25; торговля сырами 79; см. также
 Верхние, Дофинезские, Морьенские,
 Нижние, Провансальские, Савойские, Се-
 верные Альпы
 Амбрен / Embrun 79
 Америка:
 драгоценные металлы 183; картофель из
 нее 48, 51; колониальные рынки 313;
 крупные капиталисты 411; литература
 о ней 465₃₄₅, 346; маис 108; открытие 61;

путь кораблей в нее 328; саженцы винограда 106; связь с нею: Кадиса 321; Марселя 319; Севильи 321, 414; Сен-Мало 328; серебро 313, 321, 325; страны ее неевропеизировавшиеся 311; французская 331; французские суда, отправлявшиеся из нее 328, 335; эмигранты из Европы 395; см. также Испанская, Латинская, Северная, Южная Америка, Новый Свет Америка испаноязычная (испанская) см. Испанская, Латинская Америка Амстердам 111, 205, 218₂, 312, 313, 339, 363, 369, 382, 384₂, 393, 395, 397, 398, 402, 408, 460₄₀₁ Амьен / Amiens 15, 209, 236, 237, 405 (Амьенский договор); 444₅₃₈

Англия:

акции Южного моря 400; банкротства фирм середины XIX в. 346; банк Хоупа, переезд в нее 408; блокада испанских портов 325; бумажные деньги 349; война с Францией 220₂; гинея английская 355; доля крестьян в населении 178—179; завоевание Америки 61; завоевание островов 332; золотой стандарт 331; импорт серебра 324; каменный уголь 280; картофель 49₂, 50; конкуренция с Францией 335, 364; контрабандисты 327; крупные города 205; литература о ней 428₆₄, 431₁₃₇, 458₃₅₀, 358, 459₃₉₀, 463₄₈₀; лошади 83, 86; луга сеяные 55, 60; мануфактуры 276; Метуэнский договор 331; монетаризация 364; надомный труд 266; отличия от Франции 89, 205, 206, 218₂, 280, 282, 344; перевозки для испанского короля 382; перевозки серебра 406; покупательница французских вин 94, 96; правящие семейства 415; привилегии для Бордо 96; промышленная революция 263, 274, 283, 290, 292, 296; промышленный шпионаж 283; разнообразие ее 417; связь Сен-Мало с нею 330; соотношение полей и пастбищ 28, 39; ставка на Португалию 331, 336; торговля 303, 318, 321; турнепс 47; утка

золота из Франции в нее 356; чеки 375—376; экспорт машин и станков 356; экспорт хлеба 142, 144, 405 Ангулем / Angoulême 236 Ангумуа / l'Angoumois 101; 429₁₀₂, 103 Андалусия 83 (андалузские жеребцы), 86 (андалузские кони) Андорра 33 Андрезье / Andrézieux 252 Анже / Angers 21, 158, 184, 190, 200, 208₂; 427₃₇, 448₉₁₋₉₅ Анжу / Anjou 51, 125; 443₅₁₁ Анзен / Anzin 281 (Анзенская угольная компания), 281, 282, 348 (анзенский рудник), 405 (анзенские рудники) Ани / Anie, пик 81 Аннеси / Annesy 238, 254, 305 Аришмон / Henrichemont 186 Анс / Anse 15 Антверпен 218, 317, 342, 373, 378, 381, 382₂, 385, 393, 394 Антигуа, о-в 333 Антильские острова 20, 130, 308, 321, 329, 331₃, 333₃, 334₄, 335₂, 414; 462₄₆₇ Апеннинский полуостров 61 Апт / Apt 191 Арбуа / Arbois 102 Аргентина 250 (аргентинская говядина) Арденны / les Ardennes 26, 52, 56, 113₂; 429₈₈ Ардеш / l'Ardèche, деп. 78, 180 Аржанс / Argens, р. 120 Аржантан / Argentan 64 Аржантей / Argenteuil 89 Арика 328 Ариха (Иерихон) 448₉₀ Арк / Arques 152 Арль / Arles 14, 15, 183₂, 194, 250; 435₂₇₃, 445₂₃, 448₈₀ Арманьяк / Armagnac 344 Арморика / l'Armorique 126 Армориканский массив / le massif Armoricaïn 125, 126 Аррас / Arras 15, 184₂, 237

- Артонне / Arthonnay 133
 Артуа / l'Artois 56, 62, 273, 353; 430₁₃₁
 Арш / Arches 186
 Арьеж / Ariège, деп. 38, 47
 Арьеж / l'Ariège, р. 288; 430₁₃₂
 Аспр / Aspre 423₂
Атлантический океан:
 виноградарство на его побережье 101;
 восстания в XVII в. на его французском
 побережье 153; голландские купцы на
 его побережье 314, 320; доставка вин
 по нему на Британские острова и в стра-
 ны Северной Европы 93; доставка се-
 ребра по нему 320, 382; конкуренция
 со Средиземным морем в торговле 319₂;
 королевский Атлантический путь Фран-
 ции 60; острова на нем 333; пиратство
 на нем 322; португальское побережье его
 317; порты на его французском бере-
 же 310, 328, 329; торговля 338, 381,
 414; французские области, обязанные
 ему успехом в торговле винами 96; цена
 товаров из Бордо, переправляемых по
 нему 335; экспедиции жителей Бордо по
 нему 212; эскадра Женна на нем 325
 Аустерлиц 49
 Африка 86₂, 128, 222, 250, 319, 334, 336
Багамский архипелаг 331
 Базель 395, 410
 Байонна / Bayonne 61, 97, 236, 310, 314
 Балтика, Балтийское море 60, 61, 141,
 160
 Балтимор 160
 Барбантан / Barbantane 102
 Барбизон / Barbizon 415 (Барбизонский
 лес)
 Барбуда, о-в 333
 Бар-ле-Дюк / Bar-le-Duc 90₂, 158, 191,
 239, 255₂
 Барон / Baron 250
 Барруа / le Barrois 96, 108, 158; 434₂₄₆
 Барселона 383, 384
 Барселонетт / Barcelonnette 77
 Бар-сюр-Сен / Bar-sur-Seine 97; 437₃₂₂
 Басси / Bassy 426₁₄
 Беарн / Béarn 73, 74, 81
 Безансон / Besançon 49 (Безансонская
 академия), 90, 184, 202, 206, 254,
 378; 447₇₂; см. также Пьяченца
 Безье / Béziers 61
 Бельвиль / Belleville 29, 130
 Бельгийская Фландрия 62
 Бельгия 173, 269
 Бенуат-Во / Benoîte-Vaux 230
 Беоль / la Beholle, р. 450₁₄₇
 Берлин 46
 Берри / le Berry 16, 17, 44, 78 (беррий-
 ские пахари), 78₂, 124, 244, 272;
 427_{39, 40}; 452₁₉₄
 Блаве / le Blavet, р. 231
 Ближний Восток 14, 86, 316
 Блуа / Blois 98, 100
 Бове / Beauvais 15, 330; 432₁₈₈, 436₂₉₃
 Бовези / le Beauvaisis 54, 88, 98; 432₁₈₈,
 436₂₉₃
 Богемия 266
 Божоле / le Beaujolais, край 106, 107,
 194; 436₃₀₃
 Бокер / Beaucaire 14, 79, 190
 Боливия 411
 Боллен / Bollène 191
 Болонья 283
 Болье-ан-Аргонн / Beaulieu-en-Argonne
 269
 Бомон / Beaumont 78
 Бонвиль / Bonneville 305
 Боннет / Bonnette, р. 256
 Боос / Boos, плато 209
 Борделэ / le Bordelais 61, 64, 96, 104, 105
 Бордо / Bordeaux:
 векселя 374; вина 91₂, 96, 97; виногра-
 дники 95; Дордонь к северу от него 232;
 концентрация капитала 295; кризис 201,
 202; ланды 74; литература о нем 437₃₁₇,
 441₄₆₀, 446₂₇, 447_{58, 60, 66}, 463₄₇₃; пассажир-
 ские суда из Ажена 233; плавание в Сан-
 Доминго 308; покупка свиней 78; попыт-

- ки добиться свободы 185; порт 141, 190, 314, 420; привилегия, дарованные английским королем 96; приток населения 194, 197—198; развитие 190, 211—212; реконструкция 200; связь Тулузы с Парижем через него 258; сплав леса 232; судьба в XVIII в. 331—337; торговля с островами 315, 329, 337; экспорт вин в Англию 96; южные соседи 113, 153; ярмарки 79, 312
- Борнео, о-в** 319
- Бос / la Beauce**, край 62, 117, 129, 187
- Брабан-ле-Руа / Brabant-le-Roi** 269
- Бразилия** 256₂, 325, 331, 333₂, 367 (бразильское золото)
- Брандвиль / Brandeville** 269
- Бранденбург** 123
- Брант / Brantes**, коммуна 256
- Бре / Bruy**, край 68, 88
- Бренн / la Brenne** 64
- Брес / la Bresse**, край 147
- Брест / Brest** 187, 191, 229, 322
- Бретань / la Bretagne**:
богатства 345; Бретонские штаты 71, 201; восстание в мае 1675 г. 153; восстание в 1709—1710 гг. 146; гречиха в питании бретонцев 47; корабли бретонцев 60—61, 322, 329; кривая Луары между нею и Центральным Массивом 126; ланды 71; Леон, край, типичный для нее 119; литература о ней 434₂₁₁, 450₁₁₁; лошади 73; масло 188; металлургия 79, 292; миграция населения в Нант 194; побережье 122; реки 231; скот 75; трехполье 114, 125; хлеб 133; холсты 322; черная пшеница 47; экспортер зерна 141; юг ее 329; *см. также* Нижняя Бретань
- Бри / la Brie** 89
- Брив / Brive** 258
- Брив-ла-Гайярд / Brive-la-Gaillarde** 254, 259
- Бринье / Brignais** 256
- Британские острова** 93, 94, 283
- Брюгге** 214, 382, 383, 384, 389
- Брюссель** 256, 342
- Буа Шеню / Bois Chenu** 76
- Буашо / le Boisshot** 64
- Будапешт** 123
- Булониэ / le Boulonnais** 77, 113
- Бурбон / Bourbon** 157, 158
- Бурбоннэ / le Bourbonnais** 73, 78, 159, 418; 434₂₃₉, 451₁₇₀
- Бургундия / la Bourgogne**:
Бургундское графство 139; бургундское «пино» 91; виноградари 101; виноградники 95, 100, 104, 105; водка 97; голод в 1662 г. 149; горная 423; зерно 64, 143; иностранные монеты 354; кузницы 272; литература о ней 432₁₈₇, 436₃₀₇, 437₃₂₂, 452₁₉₅, 456₃₀₄; медные монеты 338; мускаты 102; разведение овец 83; скот 75; ткачество 102—103; трудовая повинность 244
- Бурж / Bourges** 16, 420; 456₃₀₄
- Бурже / le Bourget**, оз. 238
- Бурк-ан-Бресс / Bourg-en-Bresse** 147
- Бурк-Ашар / Bourg-Achard** 209
- Буртанж / Bourtagne** 118
- Буш-дю-Рон / les Bouches-du-Rhône**, деп. 67к, 68; 429₈₆, 435₂₅₆
- Бушен / Bouchain** 62, 113
- Бьевра / la Bièvre**, р. 276
- Бюже / le Bugey**, край 147
- Бюзансэ / Buzançais** 162
- Бюи-ле-Баррони / Buis-les-Barronies** 256
- Вавилония** 340
- Валанс / Valence** 222, 250
- Валансьенн / Valenciennes** 184, 237, 273; 433₂₁₁
- Вале / Valais** 24
- Валенсия** 333, 383
- Вальреас / Valréas** 191
- Ванв / Vanves** 187
- Вандея / la Vendée**, деп. 83, 178
- Ванс / Vans** 256
- Вантрей / Ventreuil** 236

- Варенн / Varennes 439³⁷⁸
 Варшава 315, 346
 Ватан / Vatan 108
 Ватерлоо / Waterloo 220₂
 Веле / le Velay 272, 418
 Вена 315, 346, 384, 407
 Венгрия 123, 128
 Венето 104
 Венеция:
     Арсенал 284; банки 343, 389; векселя 374, 384; вытеснение Марселя 319; голод 149; господство над морем 218; золотой стандарт 331; кризис 1559 г. 394; литература о ней 428₅₅; место бегства Леоу 390; монетная политика 354, 355, 363; победительница Византия 319; покупательница серебра 381; посредница в выплате денег 373₅; сбор налогов 390, 391₂; торговцы 312, 313; упадок республики в XVI в. 317₂; центр экономической зоны Европы 382; экономический спад в XVIII в. 204; ярмарки 382
 Веракрус 320
 Вервен / Vervins 215
 Верден / Verdun 161, 255 (Верденская битва), 255₂
 Веркор / Vercors 78
 Версаль / Versailles 130, 157, 186 (Версальский дворец), 220, 348, 401
 Верхнее Виварэ / le Haut-Vivarais 418
 Верхнее Дофинье / le Haut-Dauphiné 222
 Верхние Альпы / les Hautes-Alpes 269
 Верхний Лимузен / le Haut-Limousin 72
 Верхний Прованс / la Haute-Provence 303; 435²⁷²
 Верхний Рейн 279
 Верхний Фосиньи / le Haut-Faucigny 77
 Верхняя Лу / la Haute-Loire 428⁶⁶, 446⁶⁸
 Верхняя Луара / la Haute-Loire, деп. 66
 Верхняя Марна / la Haute-Marne 292
 Верхняя Нормандия / la Haute-Normandie 115
 Верхняя Савойя / la Haute-Savoie 191, 224; 426¹⁴
 Верхняя Сона / la Haute-Saône, деп. 66
 Виварэ / le Vivarais 21, 128, 151, 153₃, 180, 418; 428⁵⁷, 445¹⁰, 453²²⁶
 Византия 283, 319
 Визиль / Vizille 286
 Вилен / la Vilaine, р. 231
 Виллар / Villars 147
 Вилье-ле-Бель / Villiers-le-Bel 266
 Вильневетт-ан-Лангедок / Villeneuve-te-en-Languedoc 276, 292 (Вильневеттская мануфактура), 302; 458³⁵⁶
 Витре / Vitré 229₂
 Витри-ан-Пертуа / Vitry-en-Perthois 186
 Витри-ле-Франсуа / Vitry-le-François 186, 235
 Внутреннее море *см.* Средиземное море
 Вогезы / les Vosges, деп. 48, 76, 77, 119, 157, 239, 262, 266
 Воклюз / le Vaucluse, деп. 78, 170, 191, 256; 444⁵⁴⁵, 446⁴⁷
 Восток 140
 Восточная Европа 60, 61, 312, 384, 419; 446⁴²
 Восточная Франция (Восток Франции) / la France de l'Est (l'Est) 60, 76, 164, 339; 445²⁷⁴
 Восточное Средиземноморье / les échelles du Levant 320
 Восточные Пиренеи / les Pyrénées-Orientales 80, 120, 133, 424
 Вуарон / Voiron 209, 270
 Вье Мэзон / Vieux Maison 108
 Вьенн / Vienne 91, 229, 277; 427⁴³, 450¹⁴¹
 Вьюафан / Vuillafans 22
 Гаага 330
 Гавана 332
 Гавр / le Havre 186, 324, 407; 448⁹⁷⁻⁹⁹
 Гаити, о-в 332₂; 462⁴⁶⁶, *см. также* Сан-то-Домино
 Гайяк / Gaillac 91, 96₂
 Галлия 90, 91, 93₅, 125, 126, 203, 364; 436³¹⁰

- варварская 93; нарбоннская 105; независимая 10; римская 10₂, 92к, 93; франкская 92к
- Гамбург 266, 315, 321, 336
- Ганг, р. 332
- Гап / Gar 14, 79; 428_{7a}
- Гапансэ / Garençais, г. 14
- Гар / le Gard, деп. 269
- Гаронна / la Garonne, р. 64, 91, 101, 232₄, 334 (гаронские мельницы); 430₁₂₁
- Гасконь / la Gascogne 197
- Гатин, пуатевенский край / la Gâtine poitevine 113
- Гвадалквивир, р. 321
- Гвадахани, или Сан-Сальвадор, о-в 331
- Гваделупа, о-в 332, 333, 337
- Гвиеня 334₂
- Гент / Gand 214₂
- Генуя:
- банки 342, 343, 373₂; богачи 342; векселя 383, 384; генуэзские экю 377; генуэзский век 381, 382; золото 331, 356; перетекание капиталов из нее в Марсель 318; повелительница мира 218, 382; покупательница трески 322; пошлины 15; приток денег 381; связь с Марселем 141₂; серебро 317, 324, 325, 381, 382; стабилизация монеты 363; торговцы 312, 389; экономический центр Европы 382; ярмарки 377, 381, 384
- Геньон / Gueignon 267 (Геньонский кузнечный завод), 267, 454₂₆₀
- Германия:
- банкротство банков 346; веймарская 371; векселя 397; города-республики 185; дороги 226, 237; закупка вин во Франции 94; картофель 48, 49, 60; князя немецкие 393; крестьянская война 1525 г. 151; литература о ней 440₄₁₂, 445₂, 20; население 178; покупательница французских кружев 266; поставщица во Францию: лошадей 56, 86 крупного рогатого скота во Францию 138₂; рабочая сила из Франции 194; раз-
- нообразии 417; урбанизация 206; урожайность пшеницы 173; см. также Северная, Южная Германия
- Геттинген 417 (Геттингенский университет)
- Гибре / Guibray 79, 312
- Гиень / Guyenne, провинция 436₂₉₂
- Голландия см. Нидерланды
- Голштиния 83 (голландские жеребцы)
- Гонес / Gonesse 115, 187 (гонесские нивы)
- Гонконг 216, 273, 289
- Горн, мыс 328
- Гравель / Gravelle 229
- Гранвиль / Granville 191, 330
- Грасс / Grasse 114; 429₉₁
- Грезиводан / Grésivaudan 120
- Гренада, о-в 333
- Гренадины, о-ва 333
- Гренобль / Grenoble 153, 190, 209, 245₂, 254, 270₂, 286, 305₂; 459₃₈₅
- Греция 90 (греки)
- Гримо / Grimaud 25
- Гриньон / Grignon 172
- Грэ / Gray 157, 239
- Гурнэ / Gournay 68
- Гутт-д'Ор / la Goutte-d'Or 227
- Дальний Восток 38, 91, 108, 130, 309, 409
- Дания 56, 173, 346
- Данциг 144
- Дарем / Durham 82
- Деволуя / Dévoluy 78₂
- Деказвиль / Decazeville 258
- Дэль / la Deule, р. 189
- Ден / la Dheune, р. 89
- Дижон / Dijon 95 (дижонский парламент), 152, 344, 352; 442₄₇₈
- Дижонваль / Dijonval 276 (Дижонвальская мануфактура); 461₄₂₂
- Диуа / Diois, г. 14, 78
- Доброй Надежды мыс 317, 318
- Доль / Dole 184

- Доминика, о-в 333
 Домреми / Domrémy 76
 Донфрон / Domfront 272
 Дордонь / la Dordogne, деп. 34, 178, 232₄; 428₅₆
 Дордонь / la Dordogne, р. 450₁₅₀
 Дофинеаские Альпы / les Alpes du Dauphiné 119
 Дофинэ / la Dauphiné 48, 55, 79, 137, 158, 194, 222, 229, 270, 275; 450₁₄₁
 Древний Рим 10, 316
 Ду / le Doubs, деп. 66
 Дунай, р. 49
 Дуэ / Douai 184
 Дьепп / Dieppe 46, 60, 68, 191
 Дюнкерк / Dunkerque 144, 188, 310, 314, 324, 331, 420; 462₄₅₃
 Дюранса / la Durance, р. 14, 33

 Европа 173, 183
 Египет 136, 316, 318₃, 333

 Жари / le Jary 272
 Жеводан / le Gévaudan 104, 167, 180, 287, 288, 418, 422; 430₁₃₂, 444₅₄₁, 469₄
 Жеммап / Jemmapes 33
 Женева 24, 79, 87, 112, 227, 298, 395, 396₄, 402, 413
 Жер / Gers 128
 Жиронда / la Gironde 66, 107, 198, 335
 Жуэвиль / Joinville, край 108
 Жьер / Gier, р. 268

 Заир 425
 Закифф 318
 Западная Европа 8, 143, 312; 446₄₂, 464₅₂₆
 Западная Римская империя 92
 Западная Франция (Запад) / la France de l'Ouest (l'Ouest) 118, 153, 156, 339; 429₉₈
 Западный Прованс / Provence de l'Ouest 14
 Зеленого Мыса острова 333

 Иберийский полуостров 61 (Иберийский мир) 141, 322₂, 395
 Иер / Nyères 120
 Изер / l'Isère, деп. 51
 Изер / l'Isère, р. 46, 78, 120₂, 239
 Илл / l'Ille, р. 73
 Илль и Вилен / Ille-et-Vilaine, деп. 229
 Ильвиль-сюр-Монфор / Illeville-sur-Montfort 209
 Иль-де-Франс / l'Île-de-France 59, 62, 64, 89, 100, 270, 315, 386; 429₉₀, 433₂₀₃, 438₃₆₁, 446₃₄
 Индийский океан 316, 327, 330₂
 Индия 266, 268, 273, 319, 321, 330, 332, 379, 384, 414
 Индонезия 319
 Иран 316
 Ирландия 49, 52, 123, 138, 335
 Испания:
   банкеры 382₂, 395; блокада испанского порта Кадиса 325; векселя 397; внутренняя 420; война за Испанское наследство 396, 398; война с Францией 325; запрет ею на торговлю с ее колониями других стран 326; захват островов 331—332; импорт: зерна 141; провианта из Франции 405; французских кружев 266; корабли 381; кризис 1559 г. 394; кукуруза 60; литература о ней 462₄₄₇, 465₅₄₅
   нападение на французский военный корабль 324; наполеоновская кампания на ее территории 140, 290; перевалочный пункт 322₂; периферийная 420; подъем ее в XVIII в. 329; порты 311; рабочая сила из Франции 194, 269; разнообразие 417; связь с Северным морем 381, 382; серебро 317, 320, 321, 382; союз с Францией 326—327; торговля зерном 136; торговля в ней французских моряков 330; торговые связи с Францией 362; урбанизация 206; французские поверенные в ней 313; французские торговцы в ней 322; хранение зерна 128

- Испанская Америка 291, 302 (Испано-язычная Америка), 315, 320, 321, 461₃₃; *см. также* Латинская Америка
- Исси / Issy 187 (иссийские холмы)
- Италия:
- апельсиновые деревья 120; банкиры 377; векселя 375, 379, 383, 384, 397; виноградики 93; города-республики 185; импорт вина из Фландрии 103; импорт зерна из Франции 141; картофель 48; конкуренция с Францией в производстве тканей 210; кризис 1857 г. 346; литература о ней 445₁₂, 465₅₅₅; лошади 86; перевод денег в нее из Франции 373; поверенные французских купцов в ней 313; рабочая сила во Франции 194; разнообразие 417; торговля в городах 303; торговля во Франции 313; торговля зерном 136; торговля французских купцов в ней 309; урбанизация 206; шелковица 60
- Ифрикия 379
- Йонна / la Yonne, деп. 133
- Йонна / la Yonne, р. 64, 95—96
- Кавала 319
- Кагор / Cahors 110
- Кадийяк / Cadillac 233
- Кадис 303, 313₂, 321₂, 321 (кадисская гавань), 322₃, 324 (кадисская гавань), 324₂, 325₃, 327, 329, 330₂, 331, 414; 462₄₄₀
- Каир 318
- Кайенна 325
- Кайн / Cailly 209
- Калифорния 409
- Калифорния *см.* Нижняя Калифорния
- Кальвадос / Calvados, деп. 65₃
- Калья 328
- Камарга / la Camargue 68₂, 77, 78₃
- Камбре / Cambrai 103, 184, 204; 448₁
- Камбрези / Cambresis 266, 273
- Кампидано 122
- Кан / Caen 26, 64, 104 (Канская равнина), 201, 202, 204, 206, 235, 238, 304, 312; 429₄₄, 447₆₀
- Канада 291, 302, 331₂
- Канарские острова 61, 333
- Кандия, о-в (арабское название Крита) 319
- Канн / Cannes 85, 120
- Кантон 327; 464₅₂₆
- Канденак / Carpenac 258₂
- Капсир / Carcir 33
- Кардифф 282
- Карибский бассейн 332
- Каркассон / Carcassonne 103, 209₂, 215
- Картахена 326
- Кастельнодари / Castelnaudary 61
- Кастилия 266, 376
- Като-Камбрези / Cateau-Cambrésis 393 (Като-Камбрезийский договор)
- Кемпер / Quimper 246; 452₂₀₂
- Керас / Quercy 79
- Керси / Quercy 128, 153
- Кийбеф / Quilleboeuf 231
- Кипр, о-в 309, 319, 333, 389
- Китай 180, 268, 319, 321₂, 326 (Китайская компания), 326₂, 327₅, 332, 366, 384; 464₅₂₆
- Клерак / Clairac 46
- Клермон / Clermont 103; 430₁₃₁
- Клермон-ан-Аргонн / Clermont-en-Argonne 59
- Клермон-Ферран / Clermont-Ferrand 435₂₇₅
- Кло Вужо / les Clos Vougeot, виноградики 89
- Клошмерль / Clochemerle 60
- Клюз / Cluses 305
- Клюзорийские ланды / la lande Clusaury 229
- Клюни / Cluny 15₂, 16
- Ко / Coix, край 113, 209
- Колинья / Coligny 147
- Колондан / Colondannes 435₂₅₄

- Комминж / Comminges 81
 Кон / Cosne 348
 Конде-ан-Барруа / Condé-en-Barrois 269
 Кондрие / Condrieux 102
 Кон-ла-Гранвиль / Cons-la-Granville 292
 Консейсьон 328
 Константинополь 302, 316, 317; (Стамбул), 318, 320
 Конта-Венесен / Comtat Venaissin 41, 61, 303
 Контаминская долина / la vallée de Contamines 224; 449¹²⁴
 Копенгаген 315
 Коррез / la Corrèze, деп. 12, 88, 178
 Корсика / la Corse, о-в 41, 353
 Косс / Causses, массив 256
 Котантен / Cotentin, п-ов 71
 Кот-д'Ор / la Côte-d'Or 430¹²⁴, 436²⁹⁷, 442⁴⁶⁵
 Кот-д'Ор / la Côte-d'Or, деп. 66, 89, 292; 453²⁴³
 Кот-дю-Нор / les Côtes-du-Nord, деп. 178; 434²⁴³
 Котре / Cauterets 74
 Краков 204, 384, 394
 Красная Шапка 324, 330
 Красное море 316
 Крез / la Creuse, деп. 178
 Крит *см.* Кандия
 Кро / la Crau, равнина 68, 77
 Крым 104, 143, 164 (Крымская война)
 Куба, о-в 332; 462⁴⁶⁶
 Куломье / Coulommiers 158
 Куэнон / le Couesnon, р. 231
 Кюрасао, о-в 332
- Лаваль / Laval 29, 34, 103, 200, 209, 265, 270, 302, 344, 362; 429⁹⁸, 455²⁷⁷
 Ла Виллетт / La Villette 29
 Ла-Корунья 327
 Ла-Манш / la Manche 60, 283, 314, 320
 Ла-Манш / la Manche, деп. 65
 Ла-Мюэт / la Muette 227
- Лан / Laon 90, 101, 147
 Ла Напуль / La Napoule 25
 Лангедок / Languedoc:
 верхний 217
 вино 102; виноградники 61, 63, 89, 91, 97, 103, 105, 106, 120; восстания 153, 162; вывоз продукции 248; деньги 357; дороги для перегона скота 80, 81, 256; земля 83; кризис 320; кукуруза 47; литература о нем 432¹⁶⁵, 170, 433²⁰⁸, 209, 435²⁷¹, 437^{318—320}, 452²⁰⁴, 453²²⁶, 469⁶⁵²; негоднянты, выходы из него 336; откупщики 413; пахота 35; промышленность 287, 288, 292; смесь овса и вики 46; сукна 302, 317; суржа 46; текстильные фабрики 103; торговля баранами 78; шерсть 273; экспорт зерна в Италию 141; Южный канал 24; ярмарочная пошлина 250
 Лангр / Langres 158 (Лангрская тюрьма)
 Лангр / Langres, плато 46
 Ланда / la Lande 330
 Ланды / les Landes 113, 124, 292
 Ланнуа / Lannoy 214
 Ларзак / Larzac, плато 79 (ларзакские овцы)
 Ла Рошель / La Rochelle 55, 96, 97, 170, 325, 326, 329, 331, 374, 420
 Ларруме / Larroumet 232
 Ла Свута / La Ciutat 102
 Латинская Америка 320, 411, *см. также* Испанская Америка, Новая Испания
 Ла Ферте-Бернар / La Ferté-Bernard 362
 Ла-Фижер / La Figère 256
 Левант 103, 141, 302, 309, 311, 315, 316—320, 366, 381, 389, 414, 427⁴⁶, 461⁴³⁰
 Левонкур / Levoncourt 269
 Ле-Крез / Le Creuzot 166, 267, 283
 Ле Ман / Le Mans 31, 200, 209, 312, 313; 461⁴¹⁷

- Лейден 215
 Лексос / Lexos 258
 Леоган / Léogane 308
 Леон / Léon 119
 Лепанто 317
 Ле Пюже / Le Puget 25
 Лерг / la Lergue, р. 276, 292
 Либревиль / Libreville 52₂
 Ливония 44, 178; 445₆
 Ливорно 324, 376
 Лидс 282
 Лиль-Адан / l'Isle-Adam 266 (Лиль-Аданский лес)
 Лилль / Lille 189, 190, 202₂, 203, 204₂, 212—216, 234, 245, 288, 288 (Лилльский округ), 295, 420; 449₁₀₆
 Лима 328
 Лимань / la Limagne 35
 Лимож / Limoges 17, 49 (лиможский фискальный округ), 133, 150 (лиможский фискальный округ), 305₂, 312, 362; 441₃₃₆
 Лимузен / le Limousin 78, 83 (лимузенские жеребцы), 84₂, 85 (лимузенские быки), 133, 152, 197; 426_{11, 12}, 430₁₃₂, 434₂₃₅, 435_{252, 283}
 Линьи-ан-Барруа / Ligny-en-Barrois 90
 Лион / Lyon:
 банки 410, 411; банкиры 366₂, 395, 397, 398; векселя 373, 374, 375, 377₂; вина из окрестностей 102; вывоз нечистот 29, 202₂; денежный курс 352; деньги 369; дороги 222, 223_к, 229, 235_к, 237, 239, 245, 252; жители — выходцы из Савойи 194; захват хлеба крестьянами при голоде 149; импорт зерна 145; итальянские купцы в нем 313; конфликт виноградарей и владельцев виноградников 98; концентрация капитала 295; кризис 1559 г. 394; литература о нем 189, 447_{53, 56}, 448_{79, 80, 101—103}, 451₁₇₅; место в мировой экономике 420; обработка земли в его окрестностях 31; окрестности 256; перевозка денег из него в Париж 352; переустройство при росте 201; потребность в рабочей силе 197; промышленность 216, 270, 277, 283; развитие города 210—212, 335, 393; размещение на периферии страны 190; точительность городских властей 204; связующее звено между Антверпеном и Флоренцией 382; связь с сельской жизнью 17; товары из Марселя 318; торговля в нем 304; финансирование эльзасской текстильной промышленности 410; шелкопрядильные промыслы вокруг него 212—213_к; ярмарки 79, 312, 377, 379₂, 381₂, 393, 412
 Лионнэ / le Lyonnais 194, 197; 436₃₀₂, 464₅₁₀
 Лиссабон 313, 315, 317, 322, 331
 Лодев / Lodève 97 (епархия), 103, 103 (лодевские фабрики), 209, 276, 291, 292; 437₂₂₄, 458₃₅₂
 Лозер / Lozère, г. 13
 Лозер / la Lozère, деп. 167, 180, 422; 435₂₆₇
 Ломбардия 14 (ломбардцы), 79, 111, 123
 Лонгви / Longwy 187
 Лондон 96, 144, 205, 215, 220, 273, 280, 313, 339, 363, 369, 382, 384₂, 395, 402, 407
 Лондонский бассейн 123
 Лорьян / Lorient 186
 Лотарингия / la Lorraine:
 виноградарство 97, 104; выпас скота 57; голод 149; голод скота 56; дофранцузская история 191; колокольные мастера 269; литература о ней 434_{246, 249}, 455₂₇₄; лошади 76, 138; пейзажи 420; пошлины 251; присоединение к Франции 41; рабочая сила для Парижа 197; родина автора 424; торговля зерном 157, 158; хлебопашество 111; энергия для промышленности 279
 Лотарингское герцогство / le Duché de la Lorraine 355

- Лу / la Loue, р. 22, 46, 87₁, 191
- Луара / la Loire, р.:
 берега 64; верховья 78; вина с ее берегов 95; виноградники 106; грузовые перевоз-ки 233, 239; долина ее 104, 194, 198, 199_ж; железная дорога между нею и Роной 252; кривая ее между Центральным Массивом и Бретанью 126, 156; литература о ней 441₄₂₂, 451₁₅₄
- Луарский регион 279; места к северу от нее 300; место слияния ее с Меном 208; мост через нее в Нанте 190; Орлеан на ней 190; путь по ней 145, 158, 232; разливы 21; суда 232, 236₂; судоходство 101; укрепленная граница к югу от нее в XIII в. 125; устье 88, 104
- Луарé / Loiret, деп. 255; 453₂₂₃
- Лувье / Louviers 209, 292, 302
- Лудеак / Loudéac 262; 453₂₄₃
- Луизиана 331, 399
- Луэн / Loing 415
- Льеж / Liège 215, 282, 285
- Льоневиль / Lunéville 454₂₄₄
- Люсон / Luçon 191 (Люсонский округ)
- Лютетция / Lutèce 93
- Маас / la Meuse, р. 96, 419
- Мавритания 122
- Магелланов пролив 325₂, 326, 328
- Маглан / Magland 226
- Магриб 141
- Мадейра, о-в 322, 333
- Мадрид 246, 315
- Мазаме / Mazamet 272, 277, 288, 291, 302; 456₃₀₃
- Майени / la Mayenne, деп. 51, 119
- Майени / la Mayenne, р. 21
- Майорка, о-в 383
- Макон / Mâcon 15, 16₂, 102
- Маконнэ / Mâconnais 15₂, 16, 54; 426₁₈
- Малавей / Malaveil 424
- Маларс / Malarce 256
- Малосен / Malaucène 191
- Мальплаке / Malplaquet 147
- Манила 321
- Маржерид / la Margeride, тропа 82
- Марке 104
- Марли / Marly 387
- Марна / la Marne, деп. 66, 292
- Марна / la Marne, р. 96, 108, 164, 239
- Марсель / Marseille:
 векселя 374; волнения из-за нехватки продовольствия 160; зима 26; концентрация капитала 295, 318; корабли 302, 318, 319; корреспонденты Жака Кера в нем 389; кризис урбанизма 202; крупный город на периферии страны 190; литература о нем 429_{81, 82}, 435₂₅₆, 446₂₆, 447₆₆, 448₉₀, 459₃₇₅, 460₃₉₉, 461_{422, 424, 427, 428, 430}; перестройка 187, 201; перетекание капиталов в Сен-Мало 330; попытки завоевать свободу 185; порт 90, 141, 142, 143_к, 143, 144, 150, 163, 302, 303, 322, 420; привилегированный город 316; развитие 194, 317₂, 335, 414; серебро 324, 366; соперник Бордо 331; торговля 309, 312, 315, 316, 319, 320₄, 337; чеканка монеты 15; ярмарки 14, 79
- Мартиника, о-в 332, 333, 334, 337
- Марш / la Marche, провинция 78, 152
- Марэ Пуатевен / le Marais Poitevin 64, 74
- Медина-дель-Кампо 372₂, 376₂, 378, 385; 467₅₈₈
- Мёз / la Meuse, деп. 44, 59, 171, 172, 226, 230, 269, 286, 287
- Мексика 326, 332, 405; 462₄₄₇
- Мелан / Meulan 149
- Мелен / Melun 235
- Мельгей, ныне Могно / Melgueil (Mauguio) 15
- Мен / le Maine, обл. 26, 34₂, 46, 172, 272; 428₅₇, 429₈₂, 461₄₁₆
- Мен / le Maine, р. 208
- Мен и Луара / le Maine-et-Loire, деп. 119
- Мениль / Mesnil, усадьба 71
- Мениль-Обри / Mesnil-Aubry 266
- Мерон / Méron 16

- Мерт / Meurthe, деп. (ист.) 170
 Мерт и Мозель / Meurthe-et-Moselle, деп. 292
 Мехико 448^о
 Мец / Metz 24, 25, 55, 66, 88, 98; 428⁷¹, 446^{а3}
 Мецский край / pays messin 104
 Милан 111, 112 (миланский случай), 320 (миланский Монетный двор), 381, 384, 390, 398
 Миланское герцогство 389
 Мирпуа / Mirpeix 288
 Мо / Meaux 108²
 Модопа, о-в 319
 Мозель / la Moselle, деп. 66, 91 (мозельские вина)
 Монблан / Mont-Blanc, деп. 222; 449¹²³
 Мон-Ванту / Mont Ventoux, г. 256
 Мон-Дофен / Mont-Dauphin 187
 Монжан / Montjean 158
 Мон-Луи / Mont-Louis 187
 Монмирель / Montmirel 108
 Монморанси / Montmorency 266 (Монморансийский лес)
 Монморийоннэ / Montmorillonais 172
 Монпелье / Montpellier 15, 103, 316, 318, 384, 389; 428⁷²
 Монрон / Montrond 33
 Мон-Руаяль / Mont-Royal 187
 Монс / Mons 282
 Монсеррат, о-в 333
 Монтань-Нуар / la Montagne Noire, г. 83
 Монтаржи / Montargis 161, 162
 Монтегю-дю-Керси / Montaignut-du-Quercy 450¹⁵⁹
 Монтобан / Montauban 244, 258³, 260, 276
 Монтрей-Белле / Montreuil-Bellay 16
 Монфокон / Monfaucon 29
 Мор / les Maures, г. 120
 Морбиан / Morbihan, деп. 82 (морбианские коровы), 246
 Морван / le Morvan 54, 96, 140, 347
 Морея 319
 Мориак / Mauriac 149
 Морле / Morlaix 262, 322; 453²⁴³
 Морьенские Альпы 424
 Мулен / Moulins 159; 443⁵¹⁶, 451¹⁷⁸
 Мутье / Mouthier 22
 Нанси / Nancy 158, 200, 202
 Нант / Nantes:
 векселя 374; кризис урбанизации 202; литература о нем 446^{45, 53}, 449¹¹⁶, 462^{164—165}; Нантский эдикт 395, 396; откупщики 413; перетекание капитала из него в Сен-Мало 330; порт 144², 190, 191², 239, 330, 420; преимущества расположения 190; развитие 194; торговля 303, 310, 329, 331, 334, 345
 Нарбонн / Narbonne 91, 203², 316; 447⁷³
 Нарбоннская провинция Галлии / la Narbonnaise 90—91, 91
 Неаполь 86 (неаполитанские кони), 104, 111, 384, 407
 Невер / Nevers 455²⁷²
 Нейи / Neuilly 51
 Неф-Бризак / Neuf-Brisach 187
 Нефшато / Neufchâteau 180
 Нивернэ / le Nivernais 52, 64, 102, 169, 272²
 Нидербронн / Niederbronne 267
 Нидерланды (Голландия, Соединенные Провинции):
 банкиры 395, 397; близость к Фландрии 62; блокада испанских портов 325; голландская война 324; города-республики 185; гречиха 60; завоевание их Францией 324; займы 393; закупки вина во Франции 94, 96; захват Кюрасао 332; островов 332; северо-востока Бразилии 333; золото 331, 356; испанские войска в них 321; контрабандисты 327; крупные города 205; литература о них 428⁴⁴, 447⁷¹, 459²²; луга сеяные 60; монеты 354; обозы из Франции 237; обработка земли 113; опоздание с завоеванием Америки 61; покупка французских кружев 266; рабочая

- сила во Франции 270; расцвет 339; регенты 414; связь с Лиллем 212; связь с ними моряков из Сен-Мало 330; серебро 324, 381; суда 144, 314, 320, 382а; сыр 138, 139к; ткани 309; торговля 303, 314 (голландцы), 321, 335, 396; урбанизация 206; утрата первенства 218; экономическое развитие 205; экспорт хлеба в наполеоновскую Францию 405
- Нижнее Керси / le Bas-Quercy 430¹²⁷
- Нижнее Пуату / le Bas-Poitou 125
- Нижние Альпы / les Basses-Alpes, деп. 65, 68
- Нижний Мен / le Bas-Maine 82
- Нижний Прованс / la Basse-Provence 25
- Нижний Рейн / Bas-Rhin, деп. (ист.) 44
- Нижний Эльзас / la Basse-Alsace 73, 112
- Нижняя Бретань / la Basse-Bretagne 153
- Нижняя Калифорния 326; 462⁴⁴⁷
- Нижняя Луара / la Loire-Inférieure, деп. 83
- Нижняя Нормандия / la Basse-Normandie 28, 45, 64, 124, 272, 362
- Нижняя Овернь / la Basse-Auvergne 433²⁰¹
- Нижняя Сена / la Seine-Inférieure, деп. 68
- Ним / Nîmes 113
- Ницца / Nice 39, 41
- Новая Зеландия 250 (новозеландская баранина)
- Новая Испания 320, 321, 327, 367, 405; см. также Латинская Америка
- Новый Свет 61, 309, 322; см. также Америка
- Нонтрон / Nontron 34
- Нор / le Nord, деп. 46, 65, 173; 433²¹¹
- Нормандия / la Normandie:
вхождение в состав Франции 389; гвоздильное производство 272; кормовые травы 45, 58, 64; лошади 78, 83; область Франции, стоящая особняком 62; пастухи 88; поставщица рабочей силы 194, 197; промышленный откорм рогатого скота 84, 87; развитие промышленности 283; соседство с Парижем 66, 67; хлопкопрядение 209—210; хозяйство Губервиля 71—72; энергия для промышленности 279; см. также Верхняя Нормандия, Нижняя Нормандия
- Норусский проход / le seuil de Naurouze 91
- Ньевр / la Nièvre, деп. 167, 269, 421
- Ньюфаундленд 322, 324, 330
- Нюи / Nuits, виноградник 89
- Нюрнберг 315
- Об / Aube, деп. 26, 66, 138; 429¹⁷, 441⁴⁴⁹
- Обен / Aubin 258
- Объединенные Провинции см. Нидерланды
- Овернь / l'Auvergne 76, 78, 79, 149 (овернский интендант), 150, 197; 433²⁰¹
- Овиль / Hauville 209
- Од / l'Aude, край 435²⁷⁰
- Од / l'Aude, р. 203
- Одесса 150
- Ож / Auge, край 28, 45
- Олерон / l'Oléron, р. 236
- Он / l'Aulne, р. 231
- Онис / Anis 96, 141а; 429^{102, 103}
- Онфлер / Honfleur 60
- Оранж / Orange 85
- Оре / Auray 322, 329
- Орийяк / Aurillac 149²
- Орлеан / Orléans 21, 98, 101, 145, 158, 159, 162, 170, 190², 194, 239², 255², 277, 352; 443³¹⁷
- Орлеанский канал / le canal d'Orléans 161
- Орнан / Ornan 22, 191
- Орнеп / Ornain, р. 90, 239
- Орри / Orgy, г. 81
- Осер / Auxerre 98, 101
- Отен / Autun 352
- Ош / Auch 236; 452¹⁹²
- Павия 15, 246, 390
- Па-де-Кале / Pas-de-Calais 62

Палестина 11 (Святая земля)

Пантен / Pantin 29

Париж / Paris:

банкиры 344, 392, 397, 401, 402, 407, 409, 410, 412, 413, 414; биржа 368; булочные 13; виноградники 183; векселя 373, 347; воздействие на экономику страны 205, 218; вступление в него Генриха IV 152; вывоз нечистот 29; газовое освещение 287; денежное обращение 352, 369, 371; дороги к нему 99к, 228, 233, 234, 235, 238, 239, 241, 245, 252, 253, 254, 258, 259; конгломерат деревень 227; концентрация капитала 295; королевский двор Франциска I 198, 199; кружевная промышленность 266; литература о нем 427^а, 429^в, 444^с, 446^с, 447^с, 71, 450^с, 451^с, 160, 178; 452^с, 200, 201, 462^с, 467^с, 468^с, 469^с; лошади 78, 138; мучная война в нем в мае 1775 г. 157; надомный труд провинциалов 273; население 166, 197, 204, 265, 269; нотариусы 401; окрестности 51, 55, 56, 65, 66, 68, 89, 98, 101, 106, 115, 130, 188, 422; перетекание капиталов из него; в Марсель 318; в Сен-Мало 330; переустройство 200; плата за проезд на речных судах 236; поставки вина 106; поставки угля 281, 282; потребление вина 107; потребление дров 239; потребление хлеба 132, 133; почтовое сообщение 245, 246; пригороды 304; развитие 211, 335; расположение 187, 190, 338; связь с севером страны 156; снабжение продовольствием 16, 67, 68, 84, 141, 144, 145, 150; стена генеральных откупщиков 188; сельскохозяйственные занятия жителей 17, 51; телефонная связь 256; торговля 305, 313, 314, 315, 409; трамвай 286; уклад жизни 211; улицы 186, 226; утрата преимуществ в результате постройки Версаля 186; фиакры в 1914 г. 164; центр экономики 393, 394, 420; цены 401; ярмарки 312

Парижский бассейн / le Bassin Parisien 123; 438^з, 448^з

Пеккэ / Peccais 24

Перигё / Périgeux 34

Перигор / le Périgord 72, 78, 88, 152, 292, 362 (Перигорское историческое общество)

Пернамбуку 333

Перонна / Péronne 234

Перпиньян / Perpignan 170, 184

Персидский залив 316, 321

Персия 104

Перу 145, 310, 320, 321, 327, 329, 345 (перуанское серебро), 411; 462^с

Перш / la Perche 77, 152

Пикардия / la Picardie 22, 117, 118, 236 (Пикардийская торговая палата), 266, 273, 353, 354; 430^с

Пиньероль / Pignerol, крепость 390

Пиренеи / les Pyrénées 33, 49, 73, 80, 81, 83, 119, 120, 133, 234, 322 (Пиренейский мир); 430^с, 113, 132, 431^с, 432^с, 434^с, 435^с, 450^с

Питивье / Pithiviers 159

По / Pau 236; 450^с

По / le Pau, p. 239

Польша 128, 275, 417, 420; 463^с, 496—497

Помпадур / Pompadour, кантон 84

Пон-де-Се / Ponts-de-Cé 158

Пон-дю-Шато / Pont-du-Château 451^с

Пон-Сент-Эспри / Pont-Saint-Esprit 14

Понт Эвксинский *см.* Черное море

Пор-Луи / Port-Louis 186

Португалия 141, 206, 312, 313, 331, 336 (португальские продукты), 336, 355, 367 (португальское золото)

Прад / Prades 431^с

Прато 383

Пре-Сен-Жерве / Pré-Saint-Gervais 29

Прованс / la Provence:

баранина 85; вина 102; виноградники 89, 120; дороги 80, 229; корабли 302; крестья-

- не 12; литература о нем 426⁷, 20, 428⁷⁷, 78, 435¹⁷², 438¹⁷⁶, 444⁵²⁸
 овечий сыр 85; пошляны 250; римское владичество на его территории 90—91; сыры из Оверни 79; хлеб 120; хлебные бунты 162—163; см. также Альпийский, Верхний, Западный, Нижний Прованс
 Провансальские Альпы / les Alpes de Provence 25, 79, 82, 119
 Пруссия 211
 Пуасси / Poissy 140, 239
 Пуату / le Poitou 64, 77, 78₂, 83₂, 110, 114₂, 124, 125, 133, 144, 153, 191, 194, 354; 465₄₁
 Пуату-Шарант / Poitou-Charentes 427₄₂
 Пуатье / Poitiers 114, 133
 Пуий / Pouilly 102
 Пуэрто-Рико, о-в 332
 Пьемонт 79₂
 Пьяченца 377 (безансонская ярмарка), 381₂, 381 (безансонская ярмарка), 382, 384₂, 384 (безансонская ярмарка), 385, 385 (безансонская ярмарка), 412
 Пюжо / Pujaut 107
 Рагуза 382
 Рамбуйе / Rambouillet 83
 Ранс / la Rance, р. 231
 Рарекур / Rarécourt 269
 Ре / Ré, о-в 29
 Ревель 178
 Ревермон / Revermont 16, 113
 Реймс / Reims 115, 209, 282, 289, 308; 439₃₈₅
 Рейн, р. 49, 73, 91, 96, 187, 190, 279, 419, 420
 Ренн / Rennes 170, 201₂, 202 (реннская буржуазия), 202₂, 208, 229₂, 345₂; 447^{67—69}
 Ресифи 333₂
 Рибовилле / Ribeaupillé, виноградник 89
 Рив-де-Жьер / Rive-de-Giers 238
 Рига 178
 Рим 384
 Римская империя 125
 Рио-де-Жанейро 328
 Рисвик 325, 332 (Рисвикский мир)
 Ришелье / Richelieu 186
 Роанн / Roanne 21, 239, 252
 Ровиль / Roville 170
 Родез / Rodez 257
 Рокруа / Rocroi 26
 Романе / la Romanée, виноградник 89
 Рона / le Rhône, деп. 66
 Рона / le Rhône, р.:
 виноградарство 91, 95, 105; грузооборот 233; долина 53, 79, 119; железнодорожное сообщение между ней и Луарой 252; левый берег 229; перевозка по ней: зерна 143, 145, 150; соли 24; товаров из Марселя 318; угля 238; привязанность городов к ней 189к; путь Рона-Сона 15, 16; путь по ней и Луаре 231; рукава ее у Авиньона 190; сплав леса 15; судоходство 14
 Россия 104, 122₄, 123, 142, 178, 275, 303 (русское зерно), 310 (русские мануфактуры); 439⁴⁰⁶, 445⁷, 450¹⁴²
 Рошфор / Rochefort 186, 236; 442⁴⁶⁹
 Руан / Rouen:
 банкиры 344; векселя 374; грузооборот 239; домашние ремесла 103; дороги 234к, 235к; колокольные мастера 269; кризис урбанизма 202; литература о нем 446⁴¹, 447⁶⁶, 74, 448^{97—99}, 451¹⁶⁶; место в экономике 420; моряки из него 60; мост через Сену 190; перевозка зерна в Париж 233, 238; перетекание капиталов в Сев-Мало 330; порт 144; промышленность 210, 215; развитие 201; расположение 190; смрадный город 203; соперник Бордо 331; строительство 204; сукна 210; текстильная промышленность 209₂; торговцы 303, 336, 344, 414; хлебные волнения в 1816—1817 гг. 160; экспорт мануфактуры 334; ярмарки 312

- Рубэ / Roubaix 214₂
 Руврэ / Rouvray 172, 272
 Румуа / le Roumois 209
 Русс / les Rousses 449₁₂₂
 Руссийон / Roussillon 55, 89, 128; 453₂₂₆
 Руто / Routot 209
 Руэрг / le Rouergue, край 226, 256, 418
 Рюпт-деван-Сен-Мийель / Rupt-devant-Saint-Mihiel 269
 Рюпт-о-Нонен / Rupt-aux-Nonains 269
- Саарлуи / Sarrelouis 187
 Саблон / les Sablons, равнина 51
 Сабль д'Олон / Sables d'Olonne 144
 Савойские Альпы / les Alpes de Savoie 119
 Савойя / la Savoie 13, 24, 39, 41, 75 (савойская пословица), 75, 79, 124, 191, 194, 197, 224, 305; 426₁₄, 434_{250, 251}, 446₅₄, 449₁₂₃, 453₂₂₂
 Салвадор 325
 Салоники 319
 Сан-Доминго (западная часть о-ва Гаити, фр. колония) 308, 332
 Санлис / Senlis 266, 270 (санлиские белильни)
 Сан-Паулу 256
 Санс / Sens 98
 Сан-Сальвадор, о-в 331
 Санто-Доминго, о-в (старинное название Гаити) 332, 333, 334, 337
 Сантус 333
 Сардиния, о-в 122; 439₁₀₄
 Сарсель / Sarcelles 266
 Сарта / la Sarthe, деп. 362
 Сахель сахарский 20
 Святая Земля *см.* Палестина
 Се / Sées 64
 Савенны / les Cévennes 91, 156, 288; 426₁₅
 Северная Америка 49
 Северная Африка 85, 86 (североафриканские города), 128, 222
 Северная Бургундия / la Bourgogne du Nord 437₃₂₂
- Северная Германия 94
 Северная Европа 93, 128, 383, 384
 Северная Италия 346
 Северная Франция (Север) / le Nord de la France:
 виноградники 105; дороги 227, 228к; житница 106; использование нечистот 29; литература о ней 456₂₁₉; обмолот зерновых 128; отличия от Юга 85, 156, 228, 298, 300; паровые машины 279; пахота 164; последствия суровой зимы 27; производство тканей 273; пустоши 119; реки 189к; сельское хозяйство 67
 Северное море 60, 314, 381, 382, 384
 Северные Альпы / les Alpes du Nord 191, 222к, 269; 455₂₇₆
 Северо-Восточная Франция (Северо-Восток) / le Nord-Est de la France 58, 73, 118
 Северо-Западная Европа 460₃₉₉
 Северо-Западная Франция (Северо-Запад) / le Nord-Ouest de la France 60, 66, 118
 Севилья 141, 315, 321₄, 322₂, 414; 469₆₅₈
 Сеговия 266
 Седан / Sedan 209, 276, 292, 302
 Селеста / Sélestat 73
 Сена / la Seine, деп. 21, 65₃, 200
 Сена / la Seine, р. 145, 190, 231, 233₂, 237, 282; 451₁₆₀
 Сена и Марна / la Seine-et-Marne, деп. 65, 172
 Сена и Уаза / la Seine-et-Oise, деп. 65, 68
 Сен-Бертомье / Saint-Berthommieu 366
 Сен-Валери / Saint-Valéry 237₄; 451₁₇₂
 Сен-Гобен / Saint-Gobain 276, 348 (сен-гобенские мануфактуры); 456₂₉₅
 Сен-Жан-д'Анжели / Saint-Jean-d'Angély 96
 Сен-Жерве / Saint-Gervais 130; 449_{124, 125}
 Сен-Жермен / Saint-Germain 254
 Сен-Жиль / Saint-Gilles 14₂, 15
 Сен-Кантен / Saint-Quentin 270, 393; 455₂₇₇

- Сен-Лоран / Saint Laurent 102
 Сен-Мало / Saint-Malo 112, 227, 298, 310, 314, 315, 320—331, 337, 345₂, 366₂, 399, 414, 420; 461₁₃₂, 462₁₃₃
 Сен-Мар-су-ла-Фютэ / Saint-Mars-sous-la-Futaie 34
 Сен-Мартен-де-Ре / Saint-Martin-de Ré 144
 Сен-Поль-де-Шато / Saint-Paul-des-Châteaux 14
 Сеп-Рикье / Saint-Riquier 15
 Сент-Антонен / Saint-Antonin 26₂, 256, 257₄, 258₂, 259, 304; 429₈₅, 450₁₃₅
 Сент-Бартелеми, о-в 333
 Сент-Винсент, о-в 333
 Сент-Кристоф, о-в 333
 Сент-Ирье / Saint-Yrieix 162
 Сент-Максим / Sainte-Maxime 25
 Сент-Обен / Saint-Aubin 427₃₇ (Сент-Обенский картулярий)
 Сент-Омер / Saint-Omer 184
 Сентонж / Saintonge 47, 52, 78, 96, 147; 429_{102, 103}
 Сент-Томас, о-в 347
 Сент-Уан / Saint-Ouen 29
 Сент-Эмилион / Saint-Emilion 61
 Сент-Этьенн / Saint-Etienne 209, 252₂, 272₂; 455₂₈₀
 Сердань / Cerdagne 33
 Сера / Céret 423₂
 Сет / Sète 96, 97, 186, 251, 302
 Сибирь 61₂, 85, 419
 Силезия 266, 281
 Синайский перешеек 316
 Сингапур 216, 289
 Сирия 316₂, 318₂
 Сиуль / la Sioule, р. 236
 Сицилия 128, 136, 333
 Смирна 302, 318, 319
 Со / Sceaux 140
 Соединенные Провинции *см.* Нидерланды
 Соединенные Штаты <Америки> 142, 220, 310, 346
 Сольонь / Sologne 163, 190
 Сомма / la Somme, р. 236, 237₄, 419
 Сомюр / Saumur 16
 Сона / la Saône, р. 15₂, 16, 95, 119, 143, 157, 237, 239; 441₁₅₂
 Сона и Луара / Saône-et-Loire, деп. 245, 263; 454₂₅₀
 Сорренто 120
 Сотернэ / le Sauternais 104
 Спонтур / Spontour 232
 Средиземное море / la mer Méditerranée 14, 60 (Средиземноморский морской путь), 61, 119, 186, 313 (Внутреннее море), 317, 318, 319 (Внутреннее море), 319, 338, 379, 419 (Внутреннее море); 453₂₁₆
 Средиземноморье / la Méditerranée: античное 123; виноградарство 91; выгоды от войны середины XVI в. 381; города 203, 330; двухполье 123; добыча соли 14; знойная зона 333; испанское 383; квасцы 322; оливковые деревья 91, 104; перегон овец 80, 81; поворот экономики в его сторону 394; порты 320; растительность 120; реки 189к; saltus 122; система пара 113; *см. также* Восточное Средиземноморье
 Срединная Франция 104, 105₂, 106
 Стамбул *см.* Константинополь
 Стокгольм 315
 Страсбург / Strasbourg 96, 188, 190₂, 234, 245, 420
 Суассон / Soissons 146, 233
 Сулавеси, о-в 319
 Суль / la Soule, р. 81
 Сус, марокканская долина 333
 Суэм / Souhesmes 269
 Суэз / Suze 434₂₄₄
 Сюрен / Suresnes 105, 187 (Сюренские холмы); 437₂₄₃
 Тарантез / la Tarentaise 77, 79
 Тараскон / Tarascon 14₂, 190
 Тарканвиль / Tarcanville 231
 Тарн / le Tarn, р. 91, 96

- Тарн и Гаронна / Tarn-et-Garonne, деп. 26, 256
- Тихий океан 321, 325_з, 325 (тихоокеанское побережье), 327, 328, см. также Южное море (старинное название Тихого океана)
- Тобаго, о-в 333_з
- Тольфские рудники 322
- Тонон / Thonon 305
- Тоскана 265, 401 (тосканский посланник)
- Тревер / Tréveray 287
- Трие / le Trieux, р. 231
- Три Епископства / les Evéchés 56
- Триполи 86, 318
- Трир 88
- Труа / Troyes 22, 26_з, 44, 138, 209, 271
- Тулон / Toulon 85, 120, 150, 187, 190, 419
- Тулуа / le Toulois 104
- Тулуза / Toulouse 16, 47, 48, 114, 160, 190, 201, 202, 217, 254, 258_з, 259, 364; 430₁₂₀, 438₃₇₅, 447₆₆, 449₁₁₇
- Тунис 379
- Тур / Tours 98, 170, 186, 208, 312, 352, 374; 428₆₂
- Турень / la Touraine 89, 114, 389
- Турин 245
- Туркуэн / Tourcoing 214, 215
- Турне / Tournay 147
- Турнон / Tournon 450₁₄₂
- Турниус / Tournus 15, 16
- Турция 319_з, 320, 393 (турецкие наши и купцы); 461₄₂₅, 431
- Тьераш / la Thiérache 113, 122; 438₃₆₇
- Тэн / Tain 450₁₄₂
- Тюльль / Tulle 150, 254
- Тюрен / Thurins 256
- Уаза / l'Oise, деп. 65
- Уаза / l'Oise, р. 233
- Уазан / Oisans 33
- Украина 122, 303 (украинское зерно)
- Ульм 49
- Уст / l'Oust, р. 231
- Утрехт 469₆₅₉
- Уш / l'Ouche, р. 89
- Уэльс 123
- Фалуз / la Falouse, р. 450₁₄₇
- Фаль-ан-Брюйлуа / Fals-en-Bruilhois 431₁₅₉
- Фенш / la Fensch, р. 279, 280; 454₂₆₃
- Феррьер-ан-Бри / Ferrières-en-Brie 188
- Фертуа / le Fertois 21, 31; 428₇₆
- Филадельфия 142
- Филиппины 319, 321, 327; 462₄₅₄
- Финистер / le Finistère, деп. 262; 453₂₄₃
- Фландрия / la Flandre 48, 55, 56, 62, 64, 66, 94, 113 (фламандское сельское хозяйство), 187—188, 212, 273, 309 (фламандское сукно), 321; 428₆₄, 449₁₀₆
- Флоренция 204, 265_з, 266, 363, 376₇, 378, 381, 382, 383, 384; 467₅₈₈
- Флорида 20
- Флуарак / Floirac 107
- Фокея 90
- Фонтене-ан-Франс / Fontenay-en-France 266
- Фонтене-ле-Ком / Fontenay-le-Comte 64
- Фонтен-Сент-Ави / Fontaine-Saint-Avit 230
- Форез / le Forèz, край 95, 194, 272, 283
- Фор-Луи / Fort-Louis 187
- Фосиньи / Fausigny 87
- Франкфурт-на-Майне 48, 384, 395, 407
- Франш-Комте / la Franche-Comté 44, 48, 269, 272, 292; 436₃₀₄
- Фрежюс / Fréjus 14_з, 15, 25
- Фриули 104
- Фронтиньян / Frontignan 102, 103
- Фуа, графство / le Comté de Foix 453₂₂₆
- Фурми / Fourmies 103
- Фюто / Futeau 59

- Хагенау 53
 Ханья 319
 Хиос, о-в 318₂
 Хиросима 20
- Центральная Европа 60, 420
 Центральная Франция (Центр) / le Centre de la France 11, 17, 66, 118, 170; 426₆
 Центральные Пиренеи / les Pyrénées centrales 73
 Центральный Массив / le Massif Central 33, 47, 76, 80, 82, 103, 109, 119, 126₂, 156, 258, 418; 430₁₁₂, 434₂₄₅, 436₃₀₉
 Цюрих 407
- Черепахи о-в 332
 Черная Африка 319
 Черная гора / la Montagne Noire 292
 Черное море 160, 316
 Черный Арманьяк / l'Armagnac Noir 170
 Чивитавеккья 322
 Чили 310, 311, 320, 326 (чилийский берег), 328 (чилийское побережье), 329, 345 (чилийское серебро); 460₄₁₂
- Шабануа / Chabanois, кантон 84
 Шабли / Chablis 96
 Шалон-на-Марне / Châlons-sur-Marne 31, 158
 Шалон-на-Соне / Chalon-sur-Saône 140, 158
 Шамбери / Chambéry 238, 254, 305, 370
 Шамбертен / Chambertin, виноградник 89
 Шамони / Chamonix 79
 Шампань / la Champagne 44, 89, 97₃, 102, 104, 107, 237, 354, 379 (шампанские ярмарки); 428₆₅, 429₁₀₈
 Шампань беррийская / la Champagne berrichonne 16, 64; 427₃₈
 Шампань бесплодная / La Champagne pouilleuse 64
- Шансор / Champsaur 78
 Шантийи / Chantilly 266
 Шаню / Chanu 272
 Шаранта / la Charente, обл. 28, 55, 61
 Шаранта / la Charente, р. 36, 101, 236, 251
 Шарлевиль / Charleville 52, 186₂, 235
 Шароле / Charolais 82 (шаролезские коровы), 140
 Шартр / Chartres 15, 16, 129₂, 130; 427₂₄, 440₄₁₈
 Шательро / Châtellerault 114, 117
 Шательродэ / Châtelleraudais 117
 Шатийоннэ / le Châtillonnais 292
 Шатобур / Chateaubourg 229₂
 Шатору / Châteauroux 277
 Швейцария (Швейцарские кантоны) 48, 56, 77, 86, 138₂, 139, 140, 211, 393; 441₄₅₂, 459₃₇₅
 Шер / le Cher, р. 236
 Шербур / Cherbourg 71
 Шиподьера / la Chipaudière 330
 Шоле / Cholet 159, 270; 455₂₇₇
 Шотландия 438₃₇₃
 Шьер / la Chiers, р. 292
- Э / Eu 46
 Эвиан / Evian 305
 Эгейское море 319
 Эг-Морт / Aigues-Mortes 194, 389
 Эгуальский массив / massif d'Aigoual 13, 82
 Экартон д'Улькс / Ecarton d'Oulx 434₂₄₄
 Экс (Экс-ан-Прованс) / Aix-en-Provence 14, 91, 194; 448₈₀
 Экс-ле-Бен / Aix-les-Bains 305
 Экуан / Ecoeuen 266
 Эльба, р. 49
 Эльбеф / Elbeuf 209, 302
 Эльзас / l'Alsace 35, 48, 53, 73₄, 89, 96, 104, 112; 434₂₄₉, 436₃₁₆, 455₂₇₄
 Эна / l'Aisne, деп. 59
 Эндр / Indre, деп. 35, 162
 Эно / Hainault 273

- Эр / l'Eure, деп. 65, 68
 Эрменонвиль / Ermenonville 266 (Эрменонвильский лес)
 Эро / le Hérault, деп. 81, 262; 453₂₄₄
 Эстерель / l'Estérel, г. 120
 Эстония 178
 Этамп / Etampes 15
- Юго-Восточная Франция / le Sud-Est de la France** 119; 452₁₉₉
Юго-Западная Франция (Юго-Запад) / le Sud-Ouest de la France 35, 66, 95к, 170, 194, 197, 212; 447₅₈
 Южная Америка 325 *см. также* Латинская Америка, Новая Испания
 Южная Анатолия 122
 Южная Германия 194, 226, 381
 Южная Италия 86 (южноитальянские кони), 194
 Южная Корея 216, 273, 289
- Южная Франция (Юг) 47₂, 48, 58, 61, 63, 68, 85, 104 (средиземноморская Франция), 106, 110, (южные области), 123, 128, 156, 189, 227₂, 228, 229, 279, 298₂, 300, 327; 427₄₈, 430₁₂₂
 Южное море / la mer du Sud 310, 320, 322, 323, 325₂, 326₂, 327, 328, 329₂, 330, 331, 332, 337, 400₂; 469₆₅₂
 Южное Средиземноморье / la Méditerranée du Sud 91
 Южные Альпы / les Alpes du Sud 31; 459₂₀₆
 Южный канал / le canal des Deux Mers 24
 Юилле / Huillé 51₂
 Юенг / Huningue 187
 Юра / le Jura, г. 16, 22, 46, 87, 191; 449₁₂₄
 Юра / le Jura, деп. 65, 66, 113
- Ямайка, о-в 332₂, 333, 336

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алфавитный порядок — «буква за буквой», независимо от того, сколько слов в заголовке рубрики (фамилии лица). Пример: *Лебрен*, а за ним *Ле Буве*. При одинаковой фамилии у разных лиц порядок по алфавиту их имен. Имена королей, императоров и т. п., различающиеся номерами, расположены в порядке номеров.

Чтобы отделить фамилии от имен, все фамилии или имена, их заменяющие, выделены курсивом. Курсивом выделены также ссылки на страницы раздела «Примечания...» и на источники карт, графиков, диаграмм и таблиц, указанные в подписях к ним.

Если имя упоминается на странице основного текста несколько раз в разных строках, у ссылки на страницу ставится нижний индекс, указывающий число упоминаний; например, 150₄ означает, что имя лица упоминается на с. 150 четыре раза. У ссылок на страницы раздела «Примечания...» цифровой индекс означает номер примечания или библиографического описания. Если имя лица употреблено для обозначения времени, эпохи, то к ссылке добавляется индекс «вр», если ссылка адресует к карте или ее подписи, к ссылке добавляется буква «к».

Имена редакторов из библиографических описаний раздела «Примечания...» в указатель не вошли.

Не дублируются по-французски имена широко известных не французских деятелей культуры и литературы.

Принятые сокращения:

вр — время   к — карта
герм. — германский   фр. — французский

- Авенель* Жорж д' / Avenel Georges d' 42₃, 43₂, 281, 343; 431₁₄₀, 148-151, 154, 456₃₁₇, 320, 321, 465₅₃₆, 549, 551, 466₅₅₈, 559
- Агессо* д' / Aguesso d', индентант 24, 276; 428₇₂
- Адан* Поль / Adam Paul 64, 312, 364; 433₂₂₀, 461₄₁₅
- Акарья де Серьон Жак* / Accarias de Serionne Jacques 460₄₀₁
- Аклок Женевьева* / Aclocque Geneviève 440₄₁₈, 420-422, 424
- Альба Альварес де Толедо Фернандо*, герцог 321
- Альбен* / Albin, сапожник 158
- Альбержс* Клод / Alberge Claude 458₂₅₆
- Альбертас* Пьер / Albertas Pierre 318
- Амбруаз-Рандю* Марк / Ambroise-Rendu Marc 450₁₃₆
- Амман* Гектор / Ammann Hektor 427₂₃
- Ампер* Андре Мари / Ampère André Marie 285
- Англад Жан* / Anglade Jean 434₂₄₅
- Анджелло* Массимо ди / Angello Massimo di 263; 454₂₄₇
- Андре* Вальтер / Endrei Walter 456₃₁₀
- Анна Австрийская* / Anne d'Autriche 415
- Анцилон Жозеф* / Ancillon Joseph 428₇₁
- Антуан* / Антуан 452₁₉₅
- Апполи* Эмиль / Appolis Emile 437₃₂₄, 458₃₅₂
- Араго Франсуа* / Arago François 285
- Арбелло* Ги / Arbellot Guy 230, 234; 450₁₄₅, 452₁₉₇
- Арбо* Филипп / Arbos Philippe 428₇₅, 429₁₀₆, 107, 430₁₀₉, 112, 434₂₄₇, 248, 435₂₅₅, 258, 260, 261, 436₂₉₁
- Аржансон* Марк Луи, маркиз д' / Argenson Marc-Louis, marquis d' 149, 190, 365, 369, 402, 420; 422₄₈₄, 466₅₆₆
- Арман* Жильбер / Armand Gilbert 455₂₇₆, 278, 279, 459₃₈₆
- Армель* Клод / Harmelle Claude 258, 259, 260; 429₈₅, 450₁₃₅, 453₂₁₉, 228-238
- Арну* Амбруаз Мари / Arnould Ambroise Marie 351
- Арсен* Поль / Harsin Paul 453₂₄₀
- Ахард* / Achard, прусский химик 46
- Бавиль* / Basville, индентант 96₂, 248, 287; 452₂₀₄
- Байон* / Baillon 330
- Байяр* Франсуаза / Bayard Françoise 391; 465₅₃₃, 467₆₀₄, 468₆₁₀, 469₆₅₅
- Бальзак Оноре де* / Balzac Honoré de 309
- Барде* Жан-Пьер / Bardet Jean-Pierre 446₄₁, 447₆₆, 75
- Барнав* Антуан / Barnave Antoine 364
- Барр* Жан Батист / Barre Jean Baptiste 131
- Барраль* Пьер / Barral Pierre 433₂₀₇, 444₅₅₅, 454₂₄₆
- Башомон* Луи Пети де / Bachaumont Louis Petit de 203
- Бегон, судовладелец* / Bégon 326
- Белост* Жан-Франсуа / Belhoste Jean-François 461₄₂₃
- Белот* Мишель / Belotte Michel 437₃₂₂
- Белох* Юлиус / Beloch Julius 445₈
- Бенье* Робер / Besnier Robert 220; 449₁₁₉
- Бергасс* Луи / Bergasse Louis 461₄₂₈
- Берилл* К. / Berill K. 311
- Бернар* Самюэль / Bernard Samuel 314,

- 330, 387, 396, 397₅, 398₅, 398₆, 399₄;
468₆₁₂₋₆₁₅, 468₆₁₆
- Берош Поль** / Vairoch Paul 206, 206,
274; 448₉₀, 455₂₈₇
- Берсе Ив-Мари** / Bergé Yves-Marie 153;
442₄₇₉, 443₅₀₁, 466₅₇₂
- Берте М.** / Berthet M. 449₁₂₄
- Бертен Жак** / Bertin Jacques 383
- Бертолле Клод-Луи** / Berthollet Claude-
Louis 210
- Бертран Жорж** / Bertrand Georges
439₃₉₅
- Бертран Нозэль** / Bertrand Noëlle 435₂₅₄
- Бессемер Генри** 285
- Бехтель Генрих** 178; 445₅
- Биго Робер** / Bigo Robert 460₃₉₇, 464₅₁₁,
513, 465₅₃₁, 532, 467₅₈₇, 468₆₃₃, 634, 636, 639
- Бидерман** / Bidermann 402
- Бийу Жозеф** / Billioud Joseph 461₄₂₇
- Блан Жильбер** / Blanc Gilbert 449₁₂₅
- Бланкар Л.** / Blancard L. 460₃₉₉, 400
- Бланки Адольф** / Blanqui Adolphe 193,
254, 406; 446₅₀
- Блаш Жюль** / Blache Jules 189; 446₃₉
- Блок Гюстав** / Bloch Gustave 436₃₁₀
- Блок Марк** / Bloch Marc 10, 11, 38,
114, 119, 121; 430₁₃₄, 431₁₄₂^{PP}, 433₂₀₀,
438₃₅₆, 439₃₉₄, 402
- Блок Морис** / Block Maurice 306₃; 440₄₁₉,
451₁₆₃, 459₃₈₇, 389
- Боден Жан** / Bodin Jean 467₆₀₇
- Бозон Пьер** / Bozon Pierre 445₁₀
- Бонапарт см.** Наполеон I
- Бонафе** / les Bonaffé, семейство 336
- Бонне Пьер** / Bonnet Pierre 434₂₂₇,
453₂₁₈, 456₃₁₀, 459₃₈₈
- Борд Морис** / Bordes Mauris 449₁₁₄
- Борланди Франко** / Borlandi Franco 319
- Бофур Аври** / Beaufour Henri 440₄₃₄
- Браганская династия** 331
- Бракенхоффер Эли** / Brackenhoffer Elie
17 (наблюдательный путешествен-
ник), 304 (один путешественник);
427₄₂, 429₉₉, 459₃₇₉
- Бре Франсуа Габриэль де** / Vray
François Gabriel de 445₆
- Брев, граф де** / Brève, comte de 317
- Бреге Луи-Франсуа** / Bréguet Louis-
François 285
- Бриде** / Bridet 29
- Бризбар Анна-Мари** / Brisebarre Anne-
Marie 82; 426₁₅, 435₂₆₇, 268, 274
- Бродель Фернан** / Braudel Fernand 58к,
117к, 169к, 170к; 430₁₁₇, 432₁₇₅,
435₂₆₅, 436₃₁₅, 437₃₂₁, 338, 340, 440₄₃₅,
442₄₆₄, 485, 490, 445₁₉, 447₅₇, 448₁₀₀,
450₁₄₅, 454₂₅₄, 255, 266, 455₂₉₂, 456₃₀₆,
314, 457₃₂₆, 350, 458₃₅₈, 359, 363, 366,
459₃₉₁, 460₃₉₆, 413, 414, 461₄₂₆, 462₄₅₄,
456, 463₄₇₂, 491₄₉₃, 464₅₂₂, 465₅₃₅, 552,
466₅₆₁, 566, 573, 467₆₀₈, 469₆₅₇
- Брор М.** / Braure M. 449₁₀₆₂₁₀, 112
- Брюне Роже** / Brunet Roger 430₁₂₀
- Буа Ги** / Bois Guy 445₁₁, 17, 18
- Буа Поль** / Bois Paul 446₄₅
- Буагильбер Пьер Ле Пезан** /
Boisguillebert Pierre Le Pesant 41, 42,
144, 145, 349; 431₁₄₇, 442₄₇₃
- Буайе Мари-Тереза** / Boyer Marie-
Thérèse 465₅₃₇, 540, 467₅₈₄, 589, 594, 595
- Буалиль Артюр де** / Boislisle Arthur de
441₄₆₀, 461
- Бувье Жан** / Bouvier Jean 290, 402, 411;
458₃₅₁, 466₅₈₀, 467₅₈₃, 592₆₀₀, 602, 468₆₂₃,
631, 469₆₄₄, 649
- Бувье Жиль ле** / Bouvier Gilles le 62
- Буйе Луи** / Bouilhet Louis 203
- Булле Эжен де** / Boullay Eugène de 263
(статистик); 454₂₅₀
- Бурбоны** / les Bourbons 329
- Бурд А.** / Bourde A. 447₆₄
- Буржесн Юбер** / Bourgin Hubert 264,
268, 287
- Буржуа Эмиль** / Emile Bourgeois 469₆₅₉
- Буссак** / Boussac 266
- Бутон** / Bouton A. 428₅₇, 429₁₀₅, 430₁₁₄-
116
- Бушари Жан** / Bouchary Jean 467₅₈₆

- Бэ Никола де / Baye Nicolas de** 429⁸⁰
Бюва Жан / Buvat Jean 367; 466⁵⁷⁵
Бюфван Беатрис де / Buffevent Béatrix de 454²⁵⁸
- Вагнер Фриц / Wagner Fritz** 464⁵¹⁹
Валантен Жан / Valentin Jean 448⁹⁶
Валлерстайн Имманюэль / Wallerstein Immanuel 441⁴⁶², 460⁴¹¹, 466⁵⁶⁴, 468⁶¹¹
Вальмари Пьер / Valmary Pierre 430¹²⁷
Вальран Ж. / Valran G. 426⁷
Ван дер Мелен / Van der Meulen 350; 464⁵²⁰
Ван Робе Йесс / Van Robais Jesse 274, 276²
Васко да Гама 317, 318^{np}
Вебер Юджин / Weber Eugen 256; 453²²⁷
Великие Моголы, династия 384
Великий Султан см. Селим II
Веллингтон Артур Уэлсли 415
Вельзеры / les Welser 381, 386
Вендель Иньяс де / Wendel Ignace de 279, 280, 283, 285
Венсан Эмиль / Vincens Emile 462⁵⁰², 512
Верагвас, адмирал 324
Вергилий 81
Верлак Роже / Verlhac Roger 449¹²⁴
Верне / Vernet 402
Верньо Ф. / Vergnot F. 139^k
Верон де Форбонне Франсуа / Véron de Forbonnais François 268 (другой наблюдатель); 455²⁶⁹
Вестрик С. А. / Westrich S. A. 446²⁷
Виалат д'Эньяны, братья / Vialate d'Aignan 276
Виван, шевалье де / Vivens, chevalier de 46
Видал де ла Блаш Поль / Vidal de la Blache Paul 189; 243; 455²⁷⁴
Виллеруа Никола де Невиль, герцог де / Villeroi Nicolas de Neufville, duc de 158
Виллеры / Villers 305 (два голландских путешественника), 459³⁸²
- Вильгельм Завоеватель** 178
Вильморен / Vilmorin 49
Вимбе Гастон / Wimbée Gaston 452¹⁹⁴
Вобан Себастьян ле Претр де / Vauban Sébastien le Prestre de 41^{np}, 131, 137, 147, 186, 187, 188, 238, 240, 308, 351, 417; 441⁴⁴⁶, 451¹⁷⁷, 452¹⁸⁷, 469¹
Вобур / Vaubourg, интендант 158
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) / Voltaire (François Marie Arouet) 135, 306^{np}
Вольф Филипп / Wolff Philippe 236²⁹²
Выробиш Анджей / Wyrobisz Andrzej 204
Вюитри Адольф / Vuitry Adolphe 467⁵⁹⁸
- Галеви Даниэль / Halevi Daniel** 11, 88; 426⁶, 436²⁹⁵
Гальяни Фердинандо / Galiani Ferdinando 264, 307, 378; 467⁵⁹⁰
Гамильтон Д. / Hamilton J. 401; 468⁶²²
Гардан Морис / Garden Maurice 447⁵⁶
Гаскон Ришар / Gascon Richard 366; 451¹⁷⁵, 465⁵³³, 553, 466⁵⁷¹
Гаспарен Адриен де / Gasparin Adrien de 109, 123; 438³⁵⁴, 358, 439⁴⁰⁸
Гашон Люсьен / Gachon Lucien 126; 440⁴¹⁴
Гено Луи / Gueneau Louis 455²⁷²
Генрих II фр. / Henri II 393
Генрих III фр. / Henri III 358
Генрих IV фр. / Henri IV 42^{np}, 101^{np}, 152, 203^{np}, 267; 443⁴⁹⁸, 454^{265np}, 468⁶¹⁰
Гентш / Hentch 407
Герард Джон / Gerarde John 48
Герон Жюль / Guéron Jules 457³³¹
Гишар, сьер / Guichard, sieur 137
Го Эдмон / Got Edmond 256; 453²²⁴
Гобер / Gaubert 330
Годелье Морис / Godelier Maurice 427⁵²
Годешо Ж. / Godechot J. 447⁶⁶
Гонзага Карло / Gonzague Charles 186
Горон Андре / Gauron André 173; 445⁵⁵⁶
Градисы / les Gradis 336

- Грамм* Зеноб / Gramme Zénohe 285, 286₂
Грана О. / Granat O. 450¹⁵⁹, 451¹⁶⁴
Губер Жан-Пьер / Goubert Jean-Pierre 434²⁴³
Губер Пьер / Goubert Pierre 156, 225, 231, 346, 414; 432¹⁸⁸, 436²⁹³, 437³²⁵, 443⁵⁰⁴, 449¹³¹, 450¹³⁴, 150, 462⁴⁶⁰, 464⁵⁰¹
Губервиль / Gouberville 71₂, 72₃, 75₃
Гугетан / Huguétan 397
Гудар Анж / Goudar Ange 142, 352₂, 362, 413; 441⁴⁶³, 465⁵²⁸, 556, 469⁶⁵⁴
Гурвиль Жан Эро, сьер де / Gourville Jean Herault, sieur de 342; 463⁴⁸⁷⁻⁴⁸⁸
Гурвич Жорж / Gurvitch Georges 287
Гурне Венсан де / Gournay Vincent de 215, 347
Гуру Пьер / Gourou Pierre 108
Гэ Франсуа-П. / Gay François-P. 427³⁸
Гэфф Феликс / Gaiffe Félix 167, 392; 444⁵³⁶
Гюго Виктор / Hugo Victor 74, 131, 231; 434²⁴⁰, 450¹⁴⁹
Гуйо Ив / Guyot Yves 281; 456³¹⁸
- Дальгрен* Е.-В. / Dahlgren E.-W. 469⁶⁵⁸
Даникан Ноэль / Danucan Noël 325, 326, 327, 330
Дардель Пьер / Dardel Pierre 448⁹²⁸⁹, 463⁴⁷⁹, 489
Дарлюк М. / Darluc M. 428⁷⁷, 433²²⁵
Дассье / Dassier 408
Датини Франческо ди Марко / Datini Francesco di Marco 383, 384₂
Дебон Жорж / Desbons Georges 455²⁸⁶
Девайи Ги / Devailly Guy 16, 17; 427³⁹, 40
Девилье Кристиан / Devilliers Christian 454²⁶²
Деву Роже / Devos Roger 446⁵⁴
Дегер / Deguer 310
Де де Серокур Луи Франсуа / Dey de Séraucourt Louis François 456³⁰⁴
Делаклас Гислеп / Delaplace Ghislaine 465⁵³⁷, 540, 467⁵⁸⁴, 589, 594⁻⁵⁹⁵
- Делеаж* Андре / Deleage André 432¹⁸⁷, 436³⁰⁷
Делессер Бенжамен / Delessert Benjamin 407
Делюмо Ж. / Delumeau J. 322
Деманжон Альбер / Demangeon Albert 114
Демаре Никола / Desmarets Nicolas 352, 398, 399₂, 400₂, 415
Демаре де Вобур / Desmaret de Vaubourg 149₂; 442⁴⁸⁷, 488
Демолен Эдуар / Demolins Edouard 109 (один социолог); 436²⁹⁶, 299, 301, 438³⁵¹
Денанты, купцы / Denantes 270
Денуайе Жан / Desnoyers Jean 466⁵⁷⁹
Депла Шарль / Deplat Charles 452¹⁹²
Депре Марсель / Deprez Marcel 286
Дерминьи Луи / Dermigny Louis 464⁵²⁶
Дерозье Клодетта / Derozier Claudette 447⁷²
Дессер Даниэль / Dessert Daniel 391, 412; 467⁶⁰³⁻⁶⁰⁶, 469⁶⁵⁰⁻⁶⁵²
Дефо Даниэль 307
Деффонтен Пьер / Deffontaines Pierre 36; 430¹²¹
Дидро Дени / Diderot Denis 415
Диодор Сицилийский 91; 436³⁰⁶
Дион Роже / Dion Roger 92к, 98к, 103, 105, 114, 125; 436³⁰⁰, 311-314, 437³¹⁷, 328-331, 336, 344, 438³⁷⁷, 439³⁸⁰
Доза Альбер / Dauzat Albert 454²⁵²⁻²⁵³
Док Пьер / Dockes Pierre 455²⁷⁰, 459³⁷⁴
Дома Морис / Daumas Maurice 286; 455²⁸⁸, 290, 456²⁹⁴, 296, 297, 299, 457³³⁸, 458³⁵³⁻³⁵⁷
Домар Аделина / Daumard Adeline 444⁵³²
Домбаль Матье де / Dombasle Mathieu de 106, 110, 262
Домициан 93₂
Дорник Франсуа / Dornic François 455²⁸³, 461⁴¹⁶, 417, 463⁴⁹⁰
Дюамель дю Монсо Анри-Луи / Duhamel du Monceau Henri-Louis 111₃; 438³⁶³

- Дюби Жорж** / Duby Georges 426¹⁸, 427²⁵⁻³², 440³²²
- Дюбуа Жан** / Dubois Jean 454²⁵²⁻²⁵³
- Дюбуа Пьер** / Dubois Pierre 452¹⁹⁹
- Дюгар Робер** / Dugard Robert 344²
- Дюге-Труэн** / Duguay-Trouin 328
- Дюкэн Ф.** / Ducuing F. 468⁶³³
- Дюма-отец Александр** / Dumas Alexandre 309
- Дюмон Рене** / Dumont René 436²⁹⁴
- Дю Мулен Габриэль** / Du Moulin Gabriel 436²⁹⁴
- Дюнуайе Бартелеми Шарль Пьер Жозеф** / Dunooyer Barthélemy Charles Pierre Joseph 252
- Дюпакье Жак** / Dupâquier Jacques 448³⁷
- Дюпен Шарль** / Dupin Charles 300, 301, 303, 362, 406; 428⁶⁸, 465⁵⁵⁷, 468⁶³⁰
- Дюпон Франсуа** / Dupont François 59
- Дюпон де Немур Пьер Самюэль** / Dupont de Nemours Pierre Samuel 251; 455²⁷⁰
- Дюран Жорж** / Durand Georges 90; 436⁵⁰³
- Дюриваль Никола Лютон** / Durival Nicolas Luton 76; 434²⁴⁶
- Дюссур Анриетта** / Dussourd Henriette 451¹⁶⁶
- Дютанс Жозеф Мишель** / Dutens Joseph Michel 225; 449¹²⁶, 451¹⁷⁶
- Дюурко Бернар** / Duhourcau Bernard 435²⁶⁹
- Дюфриш де Валазе** / Dufriche de Valazé 143—144 (свидетель); 442⁴⁶⁶
- Дюфурне Поль** / Dufournet Paul 13, 20; 426¹⁴, 428⁵⁴
- Дюш Жан** / Duche Jean 463⁴⁹⁸
- Дюшен Жорж** / Duchêne Georges 254, 262, 367; 453²²⁰, 242, 466⁵⁷⁴
- Евгений I см.** Шнейдер Эжен
- Евгений Савуа-Кариньян**, принц де / Eugène de Savoie-Carignan, prince de 212
- Евгения**, императрица фр. / Eugénie 387
- Елизавета I** англ. 364^{np}
- Екатерина II** 251
- Жакс** / Jaquet 434²⁴⁴
- Жакоб Франсуа** / Jacob François 19, 20; 427⁵⁰
- Жамере-Дюваль Валентин** / Jammeret-Duval Valentin 133; 441⁴³⁷
- Жан-Брюн Деламар Мариэль** / Jean-Bruhnes Delamarre Mariel 437³²⁶
- Жанна д'Арк** / Jeanne d'Arc 76, 180, 269
- Женн** / Gennes 325; 462⁴⁴⁵
- Жентил да Силва Жозе** / Gentil da Silva José 365, 366, 367, 378; 465⁵⁵⁵, 466⁵⁶⁷, 573
- Жердо Андре** / Gerdeaux André 429¹⁰⁸
- Жермен** / Germain 404
- Жермен-Мартен Аври** / Germain-Martin Henry 467⁵⁹⁹⁻⁶⁰⁰, 602
- Жид Шарль** / Gide Charles 340; 463⁴⁸¹
- Жийяр Люсьен** / Gillard Lucien 465⁵³⁷, 540, 467⁵⁸⁹, 594-595
- Жилле Марсель** / Gillet Marcel 456⁵¹⁹
- Жилль Бертран** / Gille Bertrand 404; 468⁶²⁵⁻⁶²⁸, 632
- Жильбер Арман** / Gilbert Armand 222
- Жильбер Франсуа Илер** / Gilbert François Hilaine 121; 439⁴⁰¹
- Жирар Исаак** / Girard Isaac 466⁵⁷⁹
- Жиро Рене** / Girault René 441⁴⁵⁹
- Жорж Жан-Клод** / Georges Jean-Claude 230; 450¹⁴⁷
- Жорж Пьер** / George Pierre 454²⁵⁷
- Жоржелен Жан** / Georgelin Jean 20, 204; 428⁵⁵
- Жоффре М.** / Jauffret M. 435²⁵⁷
- Жуве-младший Луи** / Jouvét le Jeune Louis 344
- Журдан** / Jourdan 325, 326⁴, 327²
- Журню** / Journu, семейство 336
- Жюэс Сен-Мартен Жак-Жозеф** / Juge Saint-Martin Jacques-Joseph 305 (житель Лиможа); 441⁴³⁶, 459³⁸⁴

- Жюльер Этьенн* / Juillard Etienne 438³⁶⁶
Жюльен-Белер А. П. / Julienne-Belair
 А. Р. 32₂, 33
Жюльен-Лабрюйер Франсуа / Julien-
 Labruyère François 429¹⁰², 430¹²⁶,
 431¹⁵⁷, 432¹⁷¹, 194, 435²⁶⁶, 443⁵⁰⁵
- Заме Себастьян* / Zamet Sébastien 394;
 468⁶¹⁰
Зеллер Оливье / Zeller Olivier 447⁵⁵
Золя Даниэль / Zola Daniel 172; 444⁵⁴⁸
Зомбарт Вернер / Sombart Werner 183,
 237₂, 238, 275₂; 455²⁹²
- Игуне Шарль* / Higounet Charles 427⁴⁸
Иоанн Добрый / Jean le Bon 133^{np}
Ирн Гюстав Адольф / Hirne Gustave
 Adolphe 284—285
Ислон Беатрис Ф. / Hyslop Béatrice F.
 464⁵⁰⁸
- Каан Эрнест* / Kahane Ernest 432¹⁷⁴, 176-
 178
Кавиньяк Ж. / Cavignac J. 463⁴²⁴, 476, 480
Кадо Жак / Cadeau Jacques 315
Казальс Реми / Cazals Rémy 448⁹⁶,
 456³⁰³, 307, 457³⁴⁴, 345
Казей Адриенна / Cazeilles Adrienne 423
Кайез Пьер / Cayez Pierre 211, 212^к,
 261; 448¹⁰¹⁻¹⁰³, 449¹¹³, 453²³⁹
Кайо Антуан / Caillot Antoine 287;
 457³⁴⁰
Кало Жерар / Calot Gérard 445⁹
Калонн Альберик де / Calonne Alberic
 de 430¹³¹, 465⁵³⁴
Калонн Шарль-Александр де / Calonne
 Charles-Alexandre de 356, 360, 369
Камерон Рондо / Cameron Rondo 469⁶⁴³
Кантийон Ришар де / Cantillon Richard
 de 28, 278, 348; 429⁹⁵, 456³⁰⁹
Капетинги / les Capétiens 357₂, 386
Каппони / les Carponi 394
Карбас Жан-Мари / Carbasse Jean-Marie
 447⁷³
- Карл Великий* / Charlemagne 357^{2np}, 362
Карл Злой / Charles le Mauvais 151
Карл Смелый / Charles le Téméraire 188
Карл V герм. / Charles Quint 186, 214^{np}
Карл II исп. 326, 395^{np}
Карл VII фр. / Charles VII 180, 184,
 184^{np}, 389₂, 420^{np}
Карл VIII фр. / Charles VIII 199^{np}, 389
Карль Эмилия / Carles Emilie 424
Карманьяни Марчелло / Carmagnani
 Marcello 311; 460⁴¹²
Карозелли Мария Рафаэлла / Caroselli
 Maria Rafaela 264; 454²⁵¹
Каролинги / les Carolingiens 16^{np}
Карон Франсуа / Caron François 261,
 285; 457³²⁸, 332-335, 337
Карьер Шарль / Carrière Charles 366,
 414; 429⁸¹, 461⁴²²
Кассини / Cassini 272
Кастрский, епископ / Castres, évêque de
 49
Казн Леон / Cahen Léon 233; 451¹⁶⁰
Кене Франсуа / Quesnay François 144
Кер Жак / Coeur Jacques 388, 389₂, 390
Кийе Бернар / Quillet Bernard 446³⁴
Кинц Жан-Пьер / Kintz Jean-Pierre
 436³¹⁶
Клавал П. / Claval P. 95
Клаверен Якоб фон / Klaveren Jacob von
 400; 455²⁹¹
Клаври Элизабет / Claverie Elisabeth
 444⁵⁴¹, 469₄
Клавьер / Clavière 402
Клеман П. / Clément P. 437³³⁵
Клодиан Жан / Claudian Jean 438³⁵⁰,
 440⁴³⁰
Кове Жан / Covet Jean 318
Кове Мартен / Covet Martin 318
Коко Удар / Coquault Oudard 439³⁸⁵
Кокула-Вайер Анн-Мари / Cocula-
 Vaillères 450¹⁵⁰, 151, 153-158
Колло / Collot 52₃
Колумб Христофор 321, 331
Колумелла 123

- Кольбер Жан-Батист / Colbert Jean-Baptiste** 82, 97^{ар}, 102, 121^{ар}, 156^{ар}, 187, 240^{ар}, 241, 244, 267, 275, 276^{ар}, 276, 302, 314, 334, 348, 351^{ар}, 390, 391^{ар}, 415; 467^{ар}
- Коммин Филипп де / Commynes Philippe de** 188; 446^{ар}
- Конде, принц де / Condé, prince de** 400
- Кондильяк Этьенн Бонно де / Condillac Etienne Bonnot de** 374—375; 467^{ар}
- Констан / Constant** 398
- Конти, принц де / Conti, prince de** 400
- Конфино Мишель / Confino Michel** 122, 126к; 439^{ар}
- Корбен Ален / Corbin Alain** 426^{ар}, 427^{ар}, 429^{ар}
- Корнaro, венецианский род** 333
- Кортес Эрнан** 332
- Крессо Жозеф / Cressot Joseph** 432^{ар}
- Кристофль / Christofle** 286
- Кроза Антуан, маркиз дю Шатель / Crozat Antoine, marquis du Châtel** 314, 327, 330, 399
- Круа Ален / Croix Alain** 231; 446^{ар}, 450^{ар}
- Крузе Франсуа / Crouzet François** 463^{ар}
- Ксенофонт** 123
- Ксименесы / Ximenes** 307
- Куанта Мишель / Cointat Michel** 432^{ар}
- Кула Витольд / Kula Witold** 204^{ар}; 448^{ар}
- Куртей де / Courteille de** 238
- Курше Клод / Courchay Claude** 424
- Кьенер Мишель-Кристоф / Kiener Michel-Christophe** 426^{ар}
- Кюльман / Kuhlmann** 166
- Лабасс Жан / Labasse Jean** 464^{ар}
- Лаборд Жан Жозеф де / Laborde Jean Joseph de** 366—367
- Лабрусс Эрнест / Labrousse Ernest** 58к, 117к, 169к, 312; 433^{ар}, 199, 443^{ар}
- Лавернь Леонс де / Lavergne Léonce de** 41, 44, 66, 113, 119^{ар}, 120, 166, 173, 200, 225, 301; 428^{ар}, 429^{ар}, 430^{ар}
- Лависс Эрнст / Lavisser Ernest** 297; 426^{ар}, 442^{ар}, 494, 495, 443^{ар}
- Лавуазье Антуан Лоран де / Lavoisier Antoine Laurent de** 27, 134, 388; 429^{ар}, 430^{ар}
- Ламар Никола де / Lamare Nicolas de** 146; 427^{ар}, 41, 429^{ар}, 440^{ар}, 442^{ар}
- Ламезон Пьер / Lamaison Pierre** 444^{ар}, 469^{ар}
- Ламот Риёль де / Lamothe Rieulle de** 315
- Лампрехт Шарль / Lamprecht Charles** 436^{ар}
- Ламуаньон де Бавиль Никола / Lamoignon de Basville Nicolas** 437^{ар}—320, 457^{ар}
- Лаплень, кюре / Laplaigne, curé** 46; 431^{ар}
- Лавфитт Жак / Laffitte Jacques** 12^{ар}, 198, 341^{ар}, 375^{ар}, 407^{ар}; 426^{ар}, 9, 463^{ар}
- Лебо Рене / Lebeau René** 438^{ар}
- Лебон Раймон / Lebon Raymond** 89, 109, 132, 144
- Ле Бра Эрве / Le Bras Hervé** 298, 300; 456^{ар}, 458^{ар}—370
- Лебрен Франсуа / Lebrun François** 208 (новейший историк); 443^{ар}, 515, 518, 448^{ар}—95
- Ле Буве Жиль / Le Bouvier Gilles** 432^{ар}
- Леву Клод Фредерик / Lévy Claude Frédéric** 415; 469^{ар}
- Леву-Лебуаье Морис / Lévy-Leboyer Maurice** 411; 469^{ар}—642, 645—648, 656
- Легран д'Осси Пьер / Le Grand d'Aussy Pierre** 132; 440^{ар}
- Легуэ Андре / Leguai André** 434^{ар}
- Лекин Ив / Lequin Yves** 444^{ар}
- Лекульте / Lecoulteux** 404
- Ле Ланну Морис / Le Lannou Maurice** 118, 122, 125; 439^{ар}, 404

- Ле Маршан Симон* / Le Marchand Simon 26; 429₈₄
- Леон Пьер* / Léon Pierre 444₅₂₉, 533, 454₂₅₉, 455₂₈₁₋₂₈₂, 456₂₉₃, 300, 301, 305, 307, 312, 457₃₂₃₋₃₂₅, 458₃₆₂, 464₅₀₉
- Лепети Бернар* / Lepetit Bernard 227, 228к, 229₂, 249к, 299к; 449₁₂₇, 450₁₃₈, 140
- Лепренс-Ренге Луи* / Leprince-Ringuet Louis 457₃₃₆
- Леру Альфред* / Leroux Alfred 430₁₁₂, 436₃₀₉
- Ле Ру Катрин* / le Roux Catherine 131
- Ле Руа Ладюри Эмманюэль* / Le Roy Ladurie Emmanuel 432₁₇₀, 433₂₀₈, 209
- Лесаж Алан Рене* / Lesage Alain René 392
- Леспаньоль Андре* / Lespagnol André 461₄₃₂, 435, 436, 438, 439, 462₄₄₀, 453, 457-460, 463
- Летайер Эжен* / Letailleur Eugène *с.м.* Лизи
- Летаконну Ж.* / Letacopnoux J. 451₁₈₂
- Лето II*, граф Маконский / Létaud II, comte du Mâconnais 16
- Леузон Луи* / Léouzon Louis 444₅₄₄
- Лефевр Жак* / Lefebvre Jacques 222, 253к; 446₃₂, 449₁₁₅, 450₁₄₄, 452₁₈₈, 190, 191, 193, 453₂₁₃₋₂₁₇
- Левьер д'Ормессон* / Le Fèvre d'Ormesson 146—147
- Левьер из Бове* / Le Fer de Beauvais 330
- Лизи (Эжен Летайер)* / Lysis (Eugène Letailleur) 367, 416; 466₅₇₄
- Литтре Максимилиен Поль Эмиль* / Littré Maximilien Paul Emile 379; 434₂₃₃, 442₄₇₇
- Лови Жак* / Lovie Jacques 453₂₂₂
- Локе из Гааги* / Loquet de La Haye 330
- Локе из Гранвиля* / Locquet de Granville 330
- Ломбар-Журдан Анна* / Lombard-Jourdan Anne 17; 427₃₇, 46
- Ломюллер Луи-Мари* / Lomüller Louis-Marie 455₂₈₉
- Лоне Оливье* / Launay Olivier 440₄₁₃
- Лопес Роберто* / Lopez Roberto 188, 203, 204; 446₃₇, 448₇₆
- Лоран Ж.-П.* / Laurent J.-P. 458₃₅₆
- Лоран Робер* / Laurent Robert 430₁₂₄, 436₂₉₇, 444₅₃₅, 533, 554
- Лоран Фернан* / Laurent Fernand 464₅₀₆
- Лоренцо Великолепный* 204
- Лоу Джон* / Law John 262_{np}, 314, 330, 353₂—354, 367, 370₃, 388, 390, 400₅, 401₄; 466₅₈₀, 468₆₂₀, 622
- Луазель Антуан* / Loisel Antoine 436₂₉₃
- Луиза Савойская* / Louise de Savoie 389, 390
- Луи Филипп* / Louis-Philippe 301_{np}, 407, 408_{np}, 410
- Л'Экийе Жан* / L'Equillier Jean 131
- Людовик Добродушный* / Louis le Débonnaire 362
- Людовик IX Святой* / Louis IX (Saint Louis) 130, 180
- Людовик XI* / Louis XI 180₂, 184₂, 184_{np}, 185_{np}, 188; 445₂₄, 25
- Людовик XII* / Louis XII 199_{np}, 304_{np}, 389
- Людовик XIII* / Louis XIII 304, 308_{np}
- Людовик XIV* / Louis XIV 23_{np}, 26, 41_{np}, 74, 133_{np}, 138_{np}, 147_{np}, 151_{np}, 167_{np}, 186 (Король-Солнце), 191_{np}, 200_{np}, 204_{np}, 326, 327, 329, 330_{np}, 339 (Король-Солнце), 342_{np}, 347, 358_{np}, 362_{np}, 369, 370, 387, 390, 391, 394_{np}, 396₂, 396 (Король-Солнце), 398, 400_{np}, 412, 414, 415, 415_{np}; 431₁₅₉, 438₃₆₂, 454₂₆₅, 463₄₉₄, 467_{598np}
- Людовик XV* / Louis XV 225_{np}, 274_{np}, 311, 356, 402, 402_{np}; 467_{598np}
- Людовик XVI* / Louis XVI 51, 130, 134, 190, 225_{np}, 246, 274_{np}, 368_{np}
- Люллен* / Lullin 398
- Люллен де Шатовье Фредерик* / Lullin de Chateauxvieux Frédéric 11, 110 (другой специалист), 132 (один женевец); 426₄, 438₃₅₅, 357, 440₄₂₈, 441₄₅₁

- Лютге Фридрих** / Lütge Friedrich 148;
445²⁰, 460³⁹⁸
- Лютти Герберт** / Lüthy Herbert 217, 347;
449¹¹⁶, 464⁵⁰⁴, 466⁵⁷⁸, 468⁶¹²⁻⁶¹⁵, 617-619
- Мабли Габриэль Бонно де** / Mably
Gabriel Bonnot de 145; 442⁴⁷²
- Магальяйнш Годинью Виториньо** /
Magalhaes Godinho Vitorino 312;
460⁴¹⁴
- Магоны из Ланды** / Magon de la Lande
330
- Магоны из Шиподьеры** / Magon de la
Chiraudière 330, 366
- Мазарини Жюль** 313^{ap}, 322; 467⁶⁰³
- Майфер Жан** / Maillefer Jean 308, 309;
460³⁹⁵
- Макиавелли Никколо** / Machiavelli
Niccolo 185
- Маккаи Ласло** / Makkai Laszlo 123;
439⁴⁰⁷
- Мак-Кормик** / Mac Cormick 170
- Максвелл Джеймс Клерк** 285
- Малле** / Mallet, банкир 404, 405
- Малоссена Поль Луи** / Malaussena Paul
Louis 438³⁷⁶, 439³⁹⁹
- Малуэ Франсуа** / Malouet François 203;
428⁵³
- Манди Дьёрдь** 50
- Мандич Джулио** / Mandich Giulio 372,
375
- Мансар де Сагон** / Mansart de Sagon 159
- Мантейе Жорж де** / Manteyer Georges
de 436²⁹⁰
- Марий Гай** 91
- Мариотт Эдм** / Mariotte Edme 284, 414
- Мария-Терезия** 320
- Маркович Тихомир Ж.** / Markovitch
Tihomir J. 294^k, 294^z, 296^z, 297^z;
456³¹⁵, 457³⁴⁸, 458³⁶⁰, 364-366
- Маркс Карл** 20, 275^z, 278, 340, 349;
247⁵¹
- Мартен Жермен** / Martin Germain
465⁵⁴²
- Мартен Пьер** / Martin Pierre 285
- Мартине** / Martinet 329
- Марчевский Ж.** / Marczewski J. 218^k;
441⁴⁴¹
- Марьон Марсель** / Marion Marcel 452¹⁸⁹,
194, 196, 206-206, 210, 211, 465⁵⁵⁴
- Массе Пьер** / Massé Pierre 439³⁷⁸
- Матё Андре** / Mateu André 431¹⁵⁹
- Матиас Петер** / Mathias Peter 431¹³⁷,
459³⁹⁰
- Матье де Домбаль Кристоф** / Mathieu
de Dombasle Christophe 170; 438³⁶⁰,
453²⁴¹
- Меуре Жан** / Meuvret Jean 438³⁶², 439³⁸³,
466⁵⁶⁵, 568
- Медици** 386
- Мейе Жан** / Meyer Jean 200, 237, 238;
443⁵⁰⁶, 446⁴², 49, 447⁶³, 451¹⁷⁴, 462⁴⁶⁴,
465, 464⁵⁰⁵
- Мелин Жюль** / Méline Jules 262
- Мелон** / Melon, кюре 150
- Ментенон** (урожд. д'Обинье) Франсу-
аза де / Maintenon (née d'Aubigné),
Françoise de 26
- Менш** / Mensch 294
- Менюре Ж.-Ж.** / Menuret J.-J. 46, 473—
48, 51^z—52; 432¹⁶², 168, 172, 181
- Мерло Александр** / Merlot Alexandre 287
- Мерль Луи** / Merle Louis 438³⁶⁹
- Меровинги** / les Mérovingiens 18
- Мерсье Луи Себастьян** / Mercier^{pp} Louis-
Sébastien 197, 363, 416^z; 447⁵⁷, 64,
456³⁰⁸, 469⁶⁶¹
- Мессанс** / Messance 28; 429⁹⁶
- Мехмет III** 317
- Мехмет IV** 317
- Минь, династия** 384
- Миньо Франсуа** / Mignot François 315
- Мирабо Виктор Рикети, маркиз**
де / Mirabeau Victor Riqueti, marquis
de 244
- Мирес** / Mirès 408
- Мискимин Гарри А.** / Miskimin Harry
A. 448⁷⁶

- Миттеран** Анри / Mitterand Henri 83, 85₂, 114; 427₄₇, 431₁₄₃, 432₁₉₀, 433₂₁₉, 434₂₂₈, 435₂₅₃, 275, 280, 286, 439₃₈₁
- Мишле** Жюль / Michelet Jules 417
- Моиз** Робер / Moïse Robert 357₃₃₈
- Молинье** Ален / Molinier Alain 428₅₇, 430₁₁₂, 445₁₀
- Молльен** Франсуа / Mollien François 351, 355, 365, 380; 465₅₄₄, 466₅₆₉, 570, 467₅₉₃
- Мольер** (Жан-Батист Поклен) / Molière (Jean-Baptiste Poquelin) 342
- Моммзен** Теодор 340
- Монгольфье** Жозеф / Montgolfier Joseph 284
- Монгредьен** Жорж / Mongredien Georges 467₆₀₃
- Монкретьен** Антуан де / Monchrétien Antoine de 136; 441₄₄₅
- Монлюк** Блез де / Montluc Blaise de 232; 450₁₅₁
- Монтаран** Жак Мари / Montaran Jacques Marie 314₂, 315; 461₄₂₂
- Монтей** Алексис / Monteil Alexis 450₁₃₅, 453₂₃₃
- Монтель** Марсель Лаффон / Montels Marcel Laffont 340
- Мопу** Рене Никола Шарль Огюстен де / Maureou René Nicolas Charles Augustin de 402
- Мор** Томас 28; 429₉₄
- Моразе** Шарль / Morazé Charles 449₁₂₂
- Моран** / Morand, доктор 449₁₃₃
- Морван** Ив / Morvan Yves 454₂₆₀
- Морель** Анна / Morel Anne 462₄₆₂
- Мореп** Жан Фредерик Фелиппо де / Maugerac Jean Frédéric Phélyreaux de 311
- Морино** Мишель / Morineau Michel 217, 307, 335; 459₃₉₂, 460₃₉₄, 463₄₇₄
- Моро де Жоннес** Александр / Morot de Jonnès Alexandre 454₂₆₅
- Морон** Мари / Mauron Marie 82; 435₂₇₃
- Мустье** Ролан / Mousnier Roland 394; 460₄₀₆
- Мюлье** Жак / Mulliez Jacques 19, 71, 73, 83, 85₂, 114; 427₄₇, 431₁₄₃, 432₁₉₀, 433₂₁₉, 434₂₂₈, 435₂₅₃, 275, 280, 286, 439₃₈₁
- Мюссе** Рене / Musset René 115; 439₃₈₄, 387, 388, 410
- Наполеон I** / Napoléon I 55, 178, 245, 290 (наполеоновская эпоха), 305_{np}, 331, 351, 389, 403 (Бонапарт), 405 (Бонапарт), 405; 458₃₅₀, 468₆₂₉
- Наполеон III** / Napoléon III 387, 408—409, 410
- Насбаум** Фредерик Луи 456₃₀₂
- Не** / Nœux 166
- Невё** Юг / Neveux Hugues 153; 443₅₀₃, 448₈₁
- Неймарк** Альфред / Neymarck Alfred 346; 464₄₉₉
- Неккер** Жак / Nesker Jacques 348₂, 351, 365, 390, 402₃—403
- Нелли** Рене / Nelli René 435₂₇₀, 453₂₂₆
- Никола** Жан / Nicolas Jean 434₂₅₀, 251, 443₅₀₇
- Никола** Рене / Nicolas Renée 434₂₅₀, 251
- Нозль** Эжен / Noël Eugène 203; 447₇₄
- Нуантель**, маркиз де / Nointel, marquis de 317
- Нужье** Луи-Рене / Nougier Louis-René 430₁₃₃
- Ньер** Клод / Nières Claude 447₆₇₋₆₉
- Оберкампф** Кристоф Филипп / Oberkampf Christophe Philippe 273
- Обрен** Мишель / Aubrun Michel 430₁₂₅
- Ожье** Виктор / Augier Victor 435₂₈₅
- Озе** Анри / Hauser Henri 394₂; 467₆₀₇, 468₆₀₉, 611
- Оливарес** Гаспар де Гусман, граф-герцог 382
- Ори** Тошио / Orii Toschio 442₄₉₃
- Орлеанский** Луи Филипп, герцог / Orléans Louis-Philippe, duc de 348₂
- Орлеанский** Луи Филипп Жозеф («Филипп Эгальте»), герцог / Orléans Louis-Philippe-Joseph («Philippe Egalité») 348; 464₅₀₈

- Орлеанский Филипп**, герцог де («Регент») / Orléans Philippe de 401з (Регент)
- Орри** / Orry 244
- Осман Жорж Эжен**, барон / Haussmann Georges Eugène, baron 150, 200
- Откер Л.** / Hautecoeur L. 199
- Оттингер Конрад Жан** / Hottinguer Conrad Jean 402, 407
- Пайен Жак** / Payen Jacques 457³²⁹⁻³³⁰, 332
- Пакье Этьенн** / Pasquier Etienne 100, 358
- Палавичини** / Pallavicini 342з
- Пальмад Ги** / Palmade Guy 468⁶³⁵, 637, 468⁶³⁸
- Пари**, братья / Paris, frères 401
- Пари Робер** / Paris Robert 461⁴³⁰
- Пари-Дюверне Жозеф** / Paris-Duverney Joseph, один из братьев **Пари** 132, 137з
- Паризе Жорж** / Pariset Georges 468⁶²⁴
- Пармантье Антуан Огюстен** / Parmentier Antoine Augustin 48, 50з, 51з
- Пароди Морис** / Parodi Maurice 11, 426з
- Патт Пьер** / Patte Pierre 203; 447⁷²
- Пелле Жан** / Pellet Jean 463⁴⁷⁴
- Пельс Андре** / Pels André 397
- Пепин Аквитанский** / Pépin d'Aquitaine 362
- Перес** / Pairès 273
- Перну Режиана** / Pernoud Régine 461⁴²⁴
- Перонне Жан-Клод** / Peyronnet Jean-Claude 426¹²
- Перпийу Эме** / Perpillou Aimé 444⁵⁵¹
- Перрего Жан-Фредерик** / Perregaux Jean-Frédéric 375з, 402, 404, 405, 407
- Перро Жан-Клод** / Perrot Jean-Claude 206; 447⁶⁰, 66, 70, 448⁸², 451¹⁸⁰, 459³⁸⁰
- Перролаз Жан-Мари** / Perrolaz Jean-Marie 226
- Перроне** / Перроне 244
- Перруа Эдуард** / Perroy Edouard 445¹⁸
- Перрье Жан Батист** / Périer Jean-Baptiste 460¹⁰⁸
- Перье** / Périer, купцы 270, 404, 405
- Перье Казимир** / Périer Casimir 407з—408
- Пескиду Жозеф де** / Pesquidoux Joseph 63; 433²¹⁷, 444⁵⁴⁶
- Петти Уильям** 301; 458³⁷⁴
- Пешье**, консул / Peschier 303з
- Пиатье Андре** / Piatier André 294
- Пиго-Лебрен Шарль** / Pigault-Lebrun Charles 85; 235²²⁵
- Пийорже Рене** / Pillorget René 163; 444⁵²⁸
- Пилле** / Pillet 415
- Пини Жан-Пьер** / Pinies Jean-Pierre 435²⁷¹
- Пинто Исаак де** / Pinto Isaac de 38, 39з, 175, 268 (один наблюдатель), 368; 431¹³⁶, 445¹, 455²⁶⁸, 466⁵⁷⁶
- Пиоже Андре** / Pioget André 428⁷⁶, 466⁵⁶⁰
- Пиренн Анри** / Pirenne Henri 342
- Питт Жан-Робер** / Pitte Jean-Robert 122, 198, 199к; 438³⁶⁷⁻³⁷¹, 439⁴⁰⁹, 445²¹, 446³⁰, 31, 33, 447⁶¹, 62
- Питье Жан** / Pitié Jean 427⁴³, 428⁷⁰, 430¹²³
- Пиффер Канабрава Алиса** / Piffer Canabrava Alice 333; 462⁴⁶⁷
- Планоль Ксавье де** / Planhol Xavier de 122, 125; 434²³⁷, 238, 439¹⁰⁵, 440⁶¹¹
- Плантагенеты** 357—358
- Плесс Андре** / Plaisse André 433²¹⁸
- Плесси Ален** / Plessis Alain 444⁵³⁴
- Плиний Старший** 105
- Плутарх Херонейский** 91
- Поли Жан-Пьер** / Poly Jean-Pierre 426²⁰, 427²², 24
- Пони Карло** / Poni Carlo 457³²⁶
- Понс Антонио** / Ponz Antonio 450¹⁵²
- Поншартрен Луи Фелипо**, граф де / Pontchartrin Louis Phélypeaux, comte de 325, 326з, 327, 330з
- Поршнев Борис Федорович** 153з, 153к, 156; 443⁴⁹⁹, 502

- Потен Феликс** / Potin Félix 306
- Потье де ла Этруа** / Pottier de la Nestroye 132, 148, 305, 313, 315, 351; 437³⁴⁸, 440⁴³³, 442⁴⁸⁰, 459³⁸³, 461⁴¹⁹, 464⁵²⁵
- Превост д'Экзиль Антуан Франсуа**, аббат / Prevost d'Exiles Antoine François, abbé 462⁴⁴⁵
- Принц Адриен** / Printz Adrien 279; 454²⁶³, 456³¹³
- Прис Клод** / Pris Claude 456²⁹⁵
- Проб 93**
- Прудон Пьер Жозеф** / Proudhon Pierre Joseph 262
- Пти Жан** / Petit Jean 423
- Пуанкаре Раймон** / Poincaré Raymond 360, 423
- Пуэже** / Pouget 110; 438³⁵⁹
- Пуэнсо П.-Ж.** / Poinsot P.-G. 30, 31; 429¹⁰⁴
- Пуарсон Огюст** / Poirson Auguste 443⁴⁹⁸
- Пуатрино А.** / Poitrineau A. 433²⁰¹
- Пуссу Жан-Пьер** / Poussou Jean-Pierre 194к, 211; 436²⁹², 447⁵⁸, 66, 448¹⁰⁵, 463⁴⁷⁵, 477, 478
- Пэньон Жильбер** / Paignon Gilbert 315
- Рабле Франсуа** / Rabelais François 80
- Раво Поль** / Raveau Paul 465⁵⁴¹
- Радзивиллы** 463⁴⁹⁶⁻⁴⁹⁷
- Рамбо Альфред** / Rambaud Alfred 442⁴⁷¹, 443⁵²⁶
- Регациола Тома** / Regazzola Thomas 222, 253к; 446³², 449¹¹⁵, 450¹⁴⁴, 452¹⁸⁸, 190, 191, 193, 453²¹³⁻²¹⁷
- Регент с.м.** Орлеанский Филипп
- Рейнар Марсель** / Reinhar Marcel 205; 448⁸⁹
- Рекамье Жак-Роз** / Récamier Jacques-Rose 404
- Рено Ф.** / Reynaud F. 446²⁶
- Реноде Огюстен** / Renaudet Augustin 467⁶⁰⁷, 468⁶⁰⁹
- Ренуар Ив** / Renouard Yves 445¹²
- Реншон Дьедонне** / Rinchon Dieudonné 460⁴⁰³
- Ренье Эли** / Reynier Elie 453²²⁶
- Ривуар Жан** / Rivoire Jean 465⁵⁴⁸, 550, 466⁵⁸²
- Ригли Э. А.** / Wrigley E. A. 446⁵¹
- Рикардо Давид** 263, 341; 454²⁴⁸, 249
- Рике Пьер де** / Riquet Pierre de 24²
- Риктюс Жан** / Rictus Jehan 27; 429⁸⁹
- Рис де** / Ris de 441⁴⁶⁰
- Ришар Жюль-Мари** / Richard Jules-Marie 429⁹⁸
- Ришелье Арман Жан дю Плесси**, герцога де / Richelieu Armand Jean du Plessis 86, 186, 308 355, 415
- Робеспьер Максимилиен** / Robespierre Maximilien 52⁷⁷
- Робийяр** / Robillard 404
- Роденсон Максим** / Rodinson Maxime 463⁴⁸²
- Рокфеллер** 340
- Романо Руджьеро** / Romano Ruggiero 459³⁹³, 462⁴⁷⁰
- Ронкаль Асканио** / Roncalhe Ascanio 318
- Ротшильд Альфонс** / Rothschild Alphonse 409
- Ротшильд Ансельм** / Rothschild Anselm 407
- Ротшильд Джеймс** / Rothschild James 387, 407з, 408⁴, 416
- Ротшильд Карл** / Rothschild Karl 407
- Ротшильд Мейер Ансельм** / Rothschild Meyer Anselm 407
- Ротшильд Натан** / Rothschild Nathan 407
- Ротшильд Соломон** / Rothschild Salomon 407
- Ротшильды** / Rothschild 386, 393; 469⁶⁴⁴
- Рош Даниэль** / Roche Daniel 449¹³¹, 450¹³⁴
- Рошер В.** / Roscher W. 48
- Рувер Раймон де** / Roover Raymond de 372
- Рувер Анри де** / Rouvière Henry de 108; 437³⁴⁶

- Руис Мартен Фелипе** / Ruiz Martin Felipe 467^{588, 592}
- Руис Симон** / Ruiz Simon 376₅, 376—377, 378; 467⁵⁹²
- Рупнель Гастон** / Roupnel Gaston 106, 226; 437³⁴⁵
- Руссо Дени** / Rousseau Denis 315
- Руссо Жан-Жак** / Rousseau Jean-Jacques 268; 455²⁷¹
- Руби Клод де** / Rubys Claude de 379; 467⁶⁰⁷
- Рюде Жорж** / Rudé Georges 443⁵⁰⁶
- Рюинар Тьерри** / Ruinart Thierry 434²⁴⁹
- Саван Жан** / Savant Jean 468⁶²⁹
- Савари Жак** 314, 318, 378; 461^{421, 429, 467}⁵⁹¹
- Савари де Брюлон Жак** / Savary des Bruslons Jacques 71, 102, 128, 287, 333, 379; 434²³¹, 436²⁸⁷, 437^{333, 349}, 438³⁵², 440⁴¹⁷, 441^{442, 450}, 462⁴⁶⁸⁻⁴⁶⁹
- Савуа Эмиль** / Savoy Emile 463⁴⁸³
- Сажелоли Мишель** / Sageloli Michel 423
- Санблансе Жак де Бон, сеньор де** / Semblançay Jacques de Beaune, seigneur de 388, 389₂, 390₂
- Санту Жан** / Sentou Jean 449¹¹⁷⁻¹¹⁸
- Сань Ж.** / Sagnes J. 458³⁵⁶
- Сапори Армандо** / Sapori Armando 459—460³⁹³
- Саппл Барри Э.** / Supple Barry E. 465⁵³⁹
- Се Анри** / Sée Henri 458³⁶¹
- Севинье Мари, маркиза де** / Sévigné Marie, marquise de 153
- Сеген Марк** / Seguin Marc 284; 450¹⁴²
- Седийо Рене** / Sédillot René 364; 463⁴⁸⁴, 466⁵⁶²
- Сей Жан-Батист** / Say Jean-Baptiste 186, 262, 263₂, 349, 350, 351; 446²⁹, 454²⁴⁵, 249, 464^{514, 515}
- Сейу Андре-Э.** / Sayous André-E. 372
- Селим II** 317 (Великий Султан)
- Сельер Франсуа** / Selière François 315
- Сен-Жакоб Пьер де** / Saint-Jacob Pierre de 437³³²
- Сен-Жан Матياس де** / Saint-Jean Mathias de 310
- Сен-Жермен Жак де** / Saint-Germain Jacques de 468⁶¹⁶
- Сен-Марк Мишель** / Saint-Marc Michèle 465⁵²⁷
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа, граф де** / Saint-Simon Claude Henri de Rouvroy 264
- Сен-Симон Луи де Рувруа, герцог де** / Saint-Simon Louis de Rouvroi 387; 467⁵⁹⁷
- Сент-Бев Шарль Огюстен** / Sainte-Beuve Charles Augustin 415
- Сеньобос Шарль** / Seignobos Charles 297; 455^{286, 458}³⁶⁷
- Сеньюр Полетта** / Seignour Paulette 444^{545, 446}^{47, 453}²²⁵
- Сервьен Абель** / Servien Abel 390
- Серр Оливье де** / Serres Olivier de 61—62, 109
- Сессель Клод де** / Seyssel Claude de 304; 459³⁸¹
- Сетон-Уотсон Хью** / Seton-Watson Hugh 445⁷
- Сивери Жерар** / Sivery Gérard 438³⁶⁷, 460^{399, 400}
- Сигала Пьер-Андре** / Sigalas Pierre-André 429⁹¹
- Сиго Франсуа** / Sigaut François 111, 113, 114, 121, 124, 125; 432¹⁸⁵, 438^{364, 365}, 373, 439^{379, 382, 403}, 440^{415, 416, 427}
- Сикар Жермен** / Sicard Germain 438³⁷⁵
- Силлери Никола Брюлар де** / Sillery Nicolas Brulart de 342₃
- Сименс Вернер фон** / Siemens Werner von 285, 286
- Симиан Франсуа** / Simiand François 295
- Симолин Иван Матвеевич** 251₂
- Сингер Чарльз** / Singer Charles 457³²⁷
- Склафер Тереза** / Sclafert Thérèse 82; 435²⁷²
- Слихер ван Бат** Бернар Хендрик / Slicher van Bat Bernard Hendrik 441⁴⁶²

- Смит Адам** 263
- Собуль Альбер** / Soboul Albert 456³⁰⁷
- Сови Альфред** / Sauvy Alfred 141, 145; 441⁴⁵⁸, 442⁴⁷⁰
- Сорель Агнеса** / Sorel Agnès 389
- Спеклен Робер** / Speklin Robert 125₂; 440⁴¹²
- Спунер Фрэнк Ч.** / Spooner Frank C. 359_к, 359, 393; 458³⁵⁹
- Сталь** (урожд. Неккер) **Жермена де** / Staël (née Necker) Germaine de 348
- Сталь Эрик Магнус** / Staël Erik Magnus 348
- Станислав Лещинский** / Stanislas Leszkinski 200
- Стендаль** (Аври Бейль) / Stendhal (Henri Beyle) 230; 450¹⁴³
- Стефенсон Джордж** / Stephenson George 284
- Стоянович Траян** / Stoianovich Traian 364; 466⁵⁶³
- Стуфф Луи** / Stouff Louis 183; 445²³, 446⁵²
- Суарес Бальтасар** / Suarez Baltazar 376₂; 467⁵⁹²
- Суассон Жан Поль** / Soissons Jean Paul 401; 468⁶²²
- Сулэ Жан-Франсуа** / Soulet Jean-François 351; 430¹¹³, 464⁵¹⁷, 521
- Сунига Диего де** / Zuniga Diego de 452²⁰¹
- Сэ Аври** / Sée Henri 295; 445²⁴, 25
- Сюлли Максимилиен де Бетюн, герцог де** / Sully Maximilien de Béthune, duc de 42^{нр.}, 121^{нр.}, 136, 186₂, 240₂, 278^{нр.}, 354, 386; 442⁴⁴⁴, 465⁵³⁸
- Сурмон Антуан де** / Surmont Antoine de 449¹¹²
- Сюссель Филипп** / Sussel Philippe 442⁴⁹²
- Тарле де** / Tarlé de 442⁴⁶⁶
- Тарле Евгений Викторович** 455²⁸⁴
- Тарталия** (Никколо Фонтана) 284
- Телюссон** / Thélusson 402
- Терно Гийом** / Ternaux Guillaume 455²⁸⁹
- Терре Жозеф Мари, аббат** / Terray Joseph Marie, abbé 402₂
- Тессе Рене де Фруле, граф де** / Tessé René de Froulai, comte de 245
- Тилли Луиза А.** / Tilly Louise A. 151, 160; 442⁴⁹⁶
- Толлон Б.** / Tollon B. 447⁶⁶
- Тольмер Александр** / Tollemer Alexandre 434²³², 234, 242
- Томас Гилкрест** / Thomas Gilchrist 285
- Торнер Даниэль** / Thorner Daniel 7₂, 8, 10; 426₁, 3
- Траншан Жан** / Trenchant Jean 374; 467⁵⁸⁴
- Тренар Луи** / Trenard Louis 447⁷¹, 449¹¹¹, 457³⁴⁶
- Триже Робер** / Triger Robert 429⁸³
- Труден Даниэль Шарль** / Trudaine Daniel Charles 215, 244
- Туло** / Toulot 443⁵²⁰
- Тулузские, графы** / les comtes de Toulouse 357
- Турно Франсуа де** / Tournon François de 392
- Туссен-Лувертюр Франсуа Доминик** / Toussaint-Louverture François Dominique 337
- Тутен Жан-Клод** / Toutain Jean-Claude 53_к, 136, 239, 246₂, 248₂, 303; 430¹³⁰, 431¹³⁹, 433²¹⁰, 441⁴⁴⁰, 443; 449¹²⁶, 450¹⁴⁶, 451¹⁷³, 176, 183, 452¹⁸⁶, 188, 203, 205, 459³⁷⁷
- Тьер Адольф** / Thiers Adolphe 254, 400; 468⁶²⁰
- Тюго И.** / Tugault Y. 37, 179, 181
- Тюье Ги** / Thuillier Guy 169; 432¹⁸², 186, 444⁵⁴⁰, 542, 543, 464⁵⁰³, 466⁵⁷⁸, 469₃
- Тюнен фон** / Thünen von 418
- Турго Анн Робер Жак, барон де Л'Ольн** / Turgot Anne Robert Jacques, baron de L'Aulne 43, 49, 131, 145, 157, 215, 230, 235, 244, 303, 307, 347, 350, 351^{нр.}; 426¹², 459³⁷⁶

- Тюрке де Майерн* Луи / Turquet de Mayerne Louis 460¹⁰⁶
- Уайт Линн* / White Lynn 114; 439³⁷⁹
- Уерар* Габриэль / Ouvgard Gabriel 405; 468⁶²⁹
- Уилкинсон* Джон / Wilkinson John 283
- Уильямс* Тревор / Williams Trevor 457³²⁷
- Фавье* Рене / Favier René 450¹⁴¹
- Фарадей* Майкл 285
- Февр* Люсьен / Febvre Lucien 386, 415, 417
- Фелипо* / Phélipreaux 415
- Фенелон* Франсуа де Салиньяк де Ламот / Fénelon François de Salignac de La Mothe 415
- Ферри* Жюль / Ferry Jules 300
- Фести* Октав / Festy Octave 434²⁴³
- Филипп Красивый* / Philippe le Bel 353
- Филипп* Эгалите см. Орлеанский Луи Филипп Жозеф
- Филипп II* исп. 24, 375; 452²⁰¹
- Филипп IV* исп. 395
- Филипп V* исп. 326, 396
- Филипп-Август* / Philippe-Auguste 16^{np}, 386, 388^{np}
- Филлс-Браун* Э.-Г. / Phelps-Brown E.-H. 364; 466⁵⁶⁴
- Флери* Андре Эркуль де / Fleury André Hercule de 402
- Флобер* Гюстав / Flaubert Gustave 203
- Фоконне* Жан / Fauconnet Jean 413
- Фокс* Эдвард / Fox Edward 211; 448¹⁰⁴
- Фор-Суле* см. Суле
- Фоссье* Робер / Fossier Robert 426¹⁷, 427³⁶, 431¹³⁸
- Фуше* Даниэль / Faucher Daniel 121; 446⁶⁰
- Франциск I* / François I 186^{np}, 198, 199^{кnp}, 268^{np}, 317, 389, 390, 392^{np}
- Фреаль* Жан Франсуа / Freal Jean François 344
- Фридрих II* прусский 51
- Фромантен* Эжен / Fromantin Eugène 30
- Фуггеры* / les Fugger 375, 381, 386
- Фуке* Никола / Fouquet Nicolas 388, 389^а, 393
- Фульд* Бенедикт / Fould Bénédicte 407, 408
- Фурастье* Жан / Fourastié Jean 148; 442⁴⁸², 443
- Фуше* Мадлена / Fouché Madeleine 452²⁰⁰
- Фьерро-Доменек* Альфред / Fierro-Domenech Alfred 242^к, 243^к
- Фуретьер* Антуан / Furetière Antoine 188; 446³⁶
- Фюстье* Пьер / Fustier Pierre 450¹⁴², 453²²¹
- Хаммурапи* 340
- Хартвелл* Р.-М. / Hartwell R.-M. 432¹⁷³, 459³⁹⁰
- Хартлауб* / Hartlaub 394
- Хендерсон* Ж.-Дж. / Henderson H.-J. 284
- Хикс* Джон Ричард / Hicks John Richard 261
- Хоггеры* / les Hogguer, братья 397
- Холл* Руперт А. / Hall Rupert A. 457³²⁷
- Хопкинс* С.-В. / Hopkins S.-V. 364; 466⁵⁶⁴
- Хоулмайнд* Эрик Джон / Holmyatd Eric John 457³²⁷
- Хоуп* / Норе 408
- Хофман* Уолтер / Hoffmann Walter 292, 293², 294, 315; 458³⁵⁸
- Цак* Золтан 50
- Цезарь* Гай Юлий 419^{np}
- Чекки* Елена 383
- Шабер* / Chabert 329
- Шамийяр* Мишель де / Chamillart Michel de 398³; 468⁶¹²⁰⁻⁶¹⁵

- Шампьон Пьер** / Champion Pierre 452²⁰¹
Шансон Андре / Chamson André 269;
 455²⁷⁵
Шапель Клод Эмманюэль Люилье /
 Chapelle Claude Emmanuel Lhuillier
 203
Шапло Жан / Chapelot Jean 431¹³⁸
Шапп Клод / Charpe Claude 246, 255^{nr}
Шаппе Жозеф / Charpey Joseph 341;
 463⁴⁸⁶
Шаптал Жан Антуан Клод / Chaptal
 Jean Antoine Claude 55², 282; 432¹⁹¹,
 457³²³
Шапюи Рене / Charuis René 87; 428⁶⁶,
 432¹⁶³, 436²⁸⁸, 304, 446⁴⁸
Шарве, владелец суконной фабрики /
 Charvet 277
Шарден Жан, шевалье де / Chardin
 Jean, chevalier de 437³³⁹
Шарлети Себастьян / Charlety Sébastien
 297; 426⁸, 448⁷⁹, 456³²²
Шассань Серж / Chassagne Serge 290;
 454²⁵⁶, 455²⁷⁷, 285, 457³⁴⁹
Шассирон Мартен де / Chassiron Martin
 de 55
Шатель, маркиз дю / Châtel, marquis
 du 314
Шевалье Бернар / Chevalier Bernard
 183, 185; 445¹⁶, 22, 446²⁸
Шевалье Луи / Chevalier Louis 426²,
 448⁸⁵
Шевалье Мишель / Chevalier Michel 8;
 432¹⁶⁹, 453²¹⁶
Шевалье Этьенн / Chevalier Etienne 89
Шедвиль Андре / Chedeville André 427³⁴
Шеро Клод / Chéreau Claude 432¹⁸⁰
Шеррюо Пьер / Cherruau Pierre 437³⁴¹
Шик Леон / Schicke Léon 346; 464⁵⁰⁰
Шилеры / les Schyler 336
Шнейдер Жан / Schneider Jean 426¹⁹,
 445¹²⁻¹⁵
Шнейдер Эжен / Schneider Eugène 166
Шнецлер Жак / Schnetzler Jacques
 455²⁸⁰
Шницлер Жан-Анри / Schnitzler Jean-
 Henri 441⁴⁵⁷
Шокарн Жан / Chocarne Jean 131
Шоню Пьер / Chaunu Pierre 175, 204,
 301, 350, 388; 445³, 448⁸¹, 83, 84, 86,
 458³⁷³, 464⁵¹⁸
Шораны / les Chaurand, братья 460⁴⁰⁴,
 460⁴⁰⁵
Шоссинан-Ногаре Ги / Chaussinand-
 Nogaret Guy 464⁵⁰⁷, 509, 469⁶⁵³
Шпенглер Освальд 427⁴⁹
Штродс Генрих / Strods Henrich 431¹⁵³
Эгийон Эмманюэль Арман де Виньеро,
 герцог д' / Aiguillon Emmanuel
 Armand de Vignerot, duc d' 402
Эд / Eudes 362
Эзе Гюстав / Heuzé Gustave 430¹²²
Экюз Шарль де л' / Ecluse Charles de
 l' 48
Элиас Ж. / Hélias G. 259
Эмманюэль Аргири / Emmanuel Arghiri
 449¹²⁰⁻¹²¹
Эон Гийом / Eon Guillaume 330
Эон Жан / Eon Jean 350; 460⁴⁰⁷, 461⁴²¹,
 464⁵¹⁶
Эрлангсе Филипп / Erlanger Philippe
 452²⁰¹
Эсмонен Эдмон / Esmonin Edmond
 459³⁸⁵
Эштор Э. / Asthor E. 379
Юге Адриен / Huguet Adrien 451¹⁷²
Юлиан Отступник 93
Юнг Артур / Young Arthur 41, 51, 62,
 85, 101, 108, 148, 191, 211—212, 225;
 433²¹², 437³⁴⁷, 438³⁷², 442⁴⁸¹, 449¹²⁸
Юстиниан 283^{nr}
Юэ Бернар / Huet Bernard 454²⁶²

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ ЛЮДИ И ВЕЩИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА» ДО XX ВЕКА

5

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Сельские инфраструктуры

7

- I. Сколько веков длился во Франции период «крестьянской экономики»? 10.
Вплоть до нынешнего дня 10.— XI век: не столько начало традиции, сколько ее закрепление 13.
- II. Общие черты 19.
Сила природы 19.— Сезонный ритм 23.— Заступ, мотыга, кирка — или плуг 27.— Неожиданный проект 31.— Ряд примеров 33.— Соотношение культур 36.— Соотношение культур (продолжение) 41.— «Извини-подвинься»: новые культуры 45.— На пустующих полях севооборота 54.— «Извини-подвинься» (продолжение): сеяные луга 54.— Франция вечно опаздывает с нововведениями 60.
- III. Скот, виноградники, зерно, лес 63.
Не упускать из виду целое 64.— В 1817 году 64.— Старинное скотоводство. Правило первое: пусть животные сами добывают себе корм 70.— Правило второе: содержание скота в стойле или на воле в зависимости от времени года 74.— Еще одно правило: разделение труда приводит к обмену, продаже и перепродаже 77.— Перегон овец в горы на летние пастбища: скорее исключение, чем правило 80.— Трудное рождение научного животноводства 82.—

Чем можно объяснить любопытную историю французского коневодства? 85.— Скотоводство: побочный вид деятельности 86.— Расцвет виноградников 88.— Распространение виноградников 90.— Народное виноградарство 97.— Вино: промышленное производство 102.— Три зоны французского виноградарства 104.— Поговорим, наконец, о зерне, вернее, о зерновых 108.— Требовательность зерновых 109.— Севооборот 112.— По меньшей мере три Франции 118.— Назад, в глубь веков 121.— От зерна к хлебу 128.— Любовь французов к хлебу 132.— Белый хлеб 133.— Зерно и национальный доход 134.

IV. Не пора ли подводить итоги? 136.

Хватает ли французам Франции? 138.— Скудость, недород, голод, хлебный бунт, восстание 148.— Крестьянские восстания и хлебные бунты 150.— Восстания до 1680 года 152.— После 1680 года 156.

V. При всем том — серьезный прогресс 164.

Поддаются ли перемены датировке? 164.— Общий прогресс и его теневые стороны 165.— Прогресс на уровне целого: прежде всего — в технике 168.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Суперструктуры

175

I. Прежде всего — города 177.

10%: старинный и условный уровень колебания 177.— Растущее значение городов 180.— Города и королевская власть 184.— Устойчивость сети городов 186.— Местоположение городов 187.— Потребность в людях 193.— Города и экономика Франции 198.— Об уровне урбанизации 205.— Города и экономика (продолжение и окончание) 206.— Пример Лиона 210.— Пример Лилля 212.— Другие причины 216.

II. Сообщения и структура 221.

Верхний и нижний уровень сообщений 222.— Большие дороги 227.— Третий путь сообщения — водный? 231.— Что важнее — вода или суша? 237.— Структура целого: роль государства 240.— Общий объем сообщений 246.— До и после появления железных дорог 250.— Прошлое, влекущее вспять 256.

III. Промышленность и индустриализация 261.

Слово «промышленность» 261.— Элементы научного словаря 264.— Поправки и оговорки 267.— Рассредоточенные фабрики 270.— Мануфактуры, или Первичная концентрация производства 274.— Крупная промышленность и новые источники энергии 278.— Нововведения 282.— Сначала «как», затем «почему» 287.— Повторяющиеся колебания 291.— Итоги: мелкая промышленность выживает 295.

IV. Торговля: постоянный источник движения 301.

Торговые кадры 303.— Негоцианты и торговля с дальними странами 308.— В выигрыше меньшинство 313.— Крупная торговля: конкретные примеры 315.— Проблемы поставленные, но не решенные 337.

V. Верхняя ступенька иерархической лестницы: капитализм 340.

Капиталы, капиталисты и капитализмы 341.— Вес спящего капитала 343.— Металлические деньги: запасы и обращение 349.— Государева монета 354.— Внутреннее устройство монетной системы 356.— Вертикальный курс 365.— Постепенно в ход вступают бумажные деньги 367.— Роль векселя 372.— Создал ли вексель интер-Европу? 376.— Финансы и банки: зарождение системы 384.— Финансы и банки, потерянный шанс 394.— Финансы и банки (продолжение и окончание) 400.— 1789—1848 годы 403.— Большое значение малого числа 412.

ПОПЫТКА ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ

417

Разнообразие и единичность 417.— Внешний мир — затруднение, постоянно напоминающее о себе 419.— Переворот в жизни крестьянской Франции 412.— Большая временная протяженность 424.

Примечания и ссылки на источники 426

Справочный аппарат 470

Список-указатель карт, таблиц, графиков и диаграмм 470

Список цветных репродукций на вкладке 472

Указатель географических названий 472

Указатель имен 492

Бродель Ф.

Б 88   **Что такое Франция?: Книга вторая: Люди и вещи, ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. Пер. с фр. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 511 с.: ил., 8 л. цв. ил.**

ISBN 5-8242-0018-1

Заключительная часть труда известного историка, в которой он рассказывает об экономике Франции вплоть до XX века.

ББК 63.3(4фр)

Бродель Фернан

ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦИЯ?

**Книга вторая
ЛЮДИ И ВЕЩИ**

**Часть вторая
«КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА»
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА**

**Технический редактор З. Теллякова
Корректор Б. Тумян**

Лицензия № 060446 от 3.12.91.

**Сдано в набор 15.02.96. Подписано в печать 20.12.96. Формат 60 × 90/11. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Бодони. Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 37,6.
Тираж 15 000 экз. (1 завод 5100). Заказ № 1399**

**Издательство имени Сабашниковых
119146 Москва, Фрунзенская наб., 38/1**

**Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16**